

Астамур Какалиа

ГОСТЕПРИИМНОЕ МОРЕ

Исторический роман

Сухум
2018

УДК 82-311.6
ББК 84(5Абх) 6-442
К 16

Какалиа, А. В.

К 16 Гостеприимное море : исторический роман /Астамур
Какалиа. – Сухум, 2018. – 608 с.

Г/Р 978-5-111-66-08018

Исторический роман Астамура Какалиа «Гостеприимное море» посвящен событиям в Абхазии во II веке н. э. и ее взаимоотношениям с Римской империей.

УДК 82-311.6
ББК 84(5Абх)6-442

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жанр классического исторического романа, как известно, возник в начале XIX века и связан с именем Вальтера Скотта. В России фаворитами его стали Алексей и Лев Толстые. В Абхазии своеобразных национальных высот в нем достигли Баграт Шинкуба, Виталий Амаршан, Роман Петrozашвили и другие.

Захватывающий сюжет, точное описание исторических фактов, красочные фольклорные образы, обычно делают исторический роман книгой на все времена и для всех возрастов.

И вот перед нашим взорам предстал еще один такой роман – «Гостеприимное море» (Понт Эвксинский).

Само гармоничное повествование событий через призму автора без перекосов в сторону историзма или художественного вымысла требуют от него, Астамура Ка-калиа, высокой культуры и знаний. А здесь еще, в довершении ко всему, присовокупляется и иной взгляд, то есть вторая призма главного героя, римского центуриона, с его отношением к тогдашней действительности.

С самого начала меня привлекла форма изложения романа, его стиль, то есть этот особый грубоватый сленг, на котором ведется повествование устами римского легионера. В 50–60 годы XX века стиль сленга удачно использовался, например, в литературных произведениях Джерома Сэлинджера, Василия Аксенова и других. В этом я сразу увидел талант автора как художника. Вместе с тем только человек, знающий исторические реалии античного времени (как конкретного, так и пограничного в ту или иную сторону, до трехсот лет, с хорошей памятью и специали-

зирующийся по данной тематике, может уловить нюансы перехода от исторической действительности к интриге сюжета). Например, только что происходят события по античным хроникам, и совсем незаметно, а главное плавно, они перетекают в художественное повествование о судьбах главных героев произведения. Казалось бы, нить утеряна, и сюжет превращается в выдуманную историю, но также незаметно он вновь возвращается к достоверным фактам древней истории нашей страны. Подобные метаморфозы только украшают роман. Реальное и вымыщенное переплетаются настолько, что рождают здимое ощущение присутствия в казалось бы позабытом мире древнеабхазского народа, вовлеченного в орбиту римской культуры. Именно этим вызывает интерес данная книга. С одной стороны, популяризируется древняя история нашей земли, с другой – для того, чтобы понять, где здесь предположения автора, а где произошедшее в действительности, самому читателю можно обратиться к первоисточникам, апостериори тем самым наблюдать на примере великую силу норбертвинеровской обратной связи в динамике человеческого мышления.

Читатель вполне может ошибиться, приняв реальные события за вымышленные и наоборот. Например, реальный образ «воздушных захоронений», диоскурийские монеты, льняное производство, получение особой «халибской стали» и многое другое, которое вполне соответствует данным археологии и письменным источникам. Есть и курьезные моменты. Так, недалекий римский трибун (у нас и ныне бывают подобные грамотеи) вопрошаєт: правда ли, что в горах Кавказа обитает племя людей с песьюми или волчьими головами? Возможно, эти маски могли одевать во время религиозного праздника. Действительно, о подобных людях писали Геродот, Мегасфен, и позднее Плиний Старший. Они помещали «киноголовых» в разных сторонах света: то в Иудее, то в Скифии, то в Индии или в горах Кавказа. Все это напоминает современные западные СМИ, которые вещают,

что все россияне, и стар и млад, пьют водку, а по улицам их городов свободно гуляют медведи.

Главные герои данного произведения – это реально существовавшие исторические личности: царь апсилов Юлиан, царь абазгов Ресмаг, царь санигов Спадаг, римский легат Флавий Арриан, фаворит императора Адриана, красивый юноша Антиой, наконец, и сам главный герой повествования, уже полюбившийся мне центурион римской когорты. Конечно же, один из интереснейших героев романа – наместник римской провинции Каппадокии Флавий Арриан. До наших дней дошло его сочинение о расселении племен, о крепостях того времени на побережье Черного моря. Флавий Арриан побывал в древней Абхазии в 137 году нашей эры, о чем также свидетельствует эпиграфическая надпись, найденная в конце XIX века.

Автору удалась попытка создать его внешний и даже психологический портреты. Флавий Арриан был прекрасно образованным человеком и решительным, порой безжалостным политиком. Он был противником зарождавшегося христианства на абхазском побережье, делал все от него зависящее для противоборства алланам и другим воинственным народам, выступавшим против Рима и его провинций. Благодаря мудрой политике древнеабхазских правителей, балансируя на острие кинжала, мы выжили, и наш народ существует сегодня.

Автор, как очевидец, воспроизводит мельчайшие детали инспекционной поездки Флавия Арриана в Себастополис, где римский чиновник скрупулезно проверял все то, что касалось состояния римского гарнизона, как с военной, так и с бытовой стороны, чего так не хватает в нынешних условиях – подобные проверки редко происходят...

Со страниц книги мы видим древнюю Абхазию со своим народом не нашим взглядом, а взглядом римского центуриона, ровесника той эпохи. Он заслуживает симпатии и уважения, но он – не герой, а зрителем, который наблюдает за тем, как проходит его жизнь.

наши сегодняшние. Старший центурион хорошо знает своих и чужих, поэтому иногда относится к ним то с презрением, то с уважением в зависимости от самой личности. Он хорошо знает карту расселения подчиненных Риму народов, их нравы и обычаи, их соседей, горы, перевалы, реки, мосты и броды, абхазское побережье Черного моря.

Позднее он женится на местной красавице знатного происхождения и остается навсегда в нашей земле. Несмотря на его поначалу захватническую миссию, его прегрешения, жизненные ошибки и его заморское происхождение, к нему испытываешь определенную симпатию за его самокритичное и ироничное мышление.

Заслуга автора состоит также в том, он стремится вернуть скромным историческим анналам первоначальные краски; облекает позабытые тени прошлого в плоть и кровь, а руины заставляет дышать жизнью. Мы слышим чарующие звуки абхазской свирели и звонкий девичий голос, полиэтнические песни древнего народа, барабанный бой гребцов триер, лязг гладиусов и «дамасских» мечей, звук летящего метательного топора абазгов, свист бронебойных каленых стрел и т. д.

Если и есть в книге некоторые несоответствия, то они носят незначительный характер. Например, следует описание крепости Цибили в VI веке. Конечно, во II веке как таковой крепости на том месте не существовало, а было тогда простое поселение городского типа, при котором находился большой могильник. Но с учетом большого, древнего кладбища становится очевидным, что и во II веке Цибила была населена апсилами, хоть и не были еще возведены значительные фортификационные сооружения. В романе Себастополис иногда называется Диоскурией, на первых порах римского владычества так оно и было. В первоначальном варианте, представленном на рассмотрение, автор назвал пограничную с аланами крепость Бухлооном, почерпнув сведения у современных интерпретаторов, и ошибочно локализовал

ее в горах на границе современной центральной части Абхазии и нынешней КЧР. Исторический Бухлоон находился значительно восточнее. Данное несоответствие автор в окончательном издании устранил, и обозначил римский форпост на горном перевале вымышленным название – Петрам («Скалистая» с латыни). Однако все это, как видно из предисловия, абсолютно не умоляет достоинств данного произведения.

Словом, возьмите сами эту книгу в руки, сядьте поудобнее и прочитайте ее внимательно. Вот мой вам совет! Уверен – получите удовольствие. Итак, за дело...

Олег Гажба

Академик АНА, доктор исторических наук РАН

РЕЦЕНЗИЯ

Представленное на прочтение и изучение исторической действительности, лежащей в основе достаточно обширного прозаического произведения, является удачным исполнением творческой задачи в структурном, поэтическом, историческом смыслах, языке написания (передача абхазо-римской действительности с помощью русского языка). Абхазская история в части взаимоотношений с Римской империей, несмотря на научное освещение, мало показана в художественной литературе как в прозаической, так и в поэтической форме. Это обусловлено не только отсутствием самого опыта художественного освоения, но и низким качеством и составом научного воссоздания надлежащей источниковедческой базы. Дефицит первоисточников для художников слова и хорош и плох одновременно. Это то, что, какие бы завуалированные картины не написали бы художники слова, мы, ученые и подготовленные читатели, быстро узнаем, конкретно что и откуда идет. Узнавание, в данном произведении семиотически в ключе замечено, и здесь оно

имеет высокую степень распознавания (практически без остатков). Этим и достигается ясное прочтение текста.

Задача эта архисложная. А ситуация узости информации носит удручающий характер, поскольку слишком быстро происходит это освоение действительности самим читателем. Практически не остается секретов. Для литературы это гибельно, но работа Астамура Какалиа этот опасный порог – вообще не заниматься историко-художественным освоением – преодолевает достаточно убедительно и, надо сказать, мастерски. Автор достраивает большую художественную реальность на основе широкого освоения абхазо-римского мира, но и вне абхазо-римского мира реальностей он привлекает и материалы других народов, близких и дальних, данного хронологического этапа, данной исторической ситуации, весьма сходной между собой. Неизбежность стереотипизации и сохранение особенностей выполненной художественным методом осваиваемых абхазо-римских феноменов взаимоотношений здесь сыграла вспомогательную роль и в целом способствовала, как нам это очевидно, положительному созданию целостной картины. Мы видим в произведении, в итоге, индивидуальность римлянина и любого представителя древнеабхазского общества, будь он абазг, саниг, апсил и т. д. Мы с большим вероятием воспринимаем речь и поведение представителей древнеабхазской стороны в этикетном, религиозном или социальном поведении, когда они выпестованы автором из абхазской действительности, даже с соответствующими фразами и текстами ситуативного поведения. Такая высокая проникновенность в суть описываемых реальностей – это писательский опыт и, конечно же, непрестанная многолетняя работа в условиях творческого и смелого созидательного труда со знанием дела.

По моей просьбе автор сообщил нам, что здесь потрачено активного времени более шести лет. Могу сказать, что ученый-исследователь, по моим данным, может потратить больше времени, а неизвестность, неясность

могут остаться. В случае с нашим автором это связано не только с характером осваиваемых разрозненных и урывочных первоисточников, но и с типом избранной художественной экономии по реализации творческого плана. В произведении слышится речь римлянина, в какой бы ситуации она не была произнесена. Это и сам древнеримский быт, и образ мышления той эпохи, и стиль подачи этой мысли. Естественно, путем освоения длинных полотен древней классической литературы многое можно достичь, но этого недостаточно для специфических ситуаций. Это не может заменить создание нового исторического полотна. Эта сложная задача – сохранить художественную достоверность, при этом не отходя далеко от исторических реалий, в романе выполнена широко для всех ситуаций, и при этом произведение не является повторением какого-либо сочинения или фрагмента. Это уже, как нами выше отмечено, является проявлением авторской индивидуальности. Это видно во всем. Даже в именах героев, реально существовавших людей, которых мы знаем из первоисточников. Воспроизведены также малоизвестные широкой публике, но достоверные факты из их жизни и политической ситуации той эпохи, и все это увязано ситуативно с сюжетом. Присутствуют также данные с некоторым новым прочтением их значения, о чем говорит контекст и ситуация их произношения или обращения. По-настоящему произведение соответствует хронологически абхазо-римским контактам, по сути являясь широким полотном художественно освоенной определенной исторической действительности, несущее черты завершения, полноты. Это произведение ведь не рассказ, не повесть, а целая жизнь эпохи. Задача эта выполнена с лихвой – действительность здесь дана как историческая сага. Отсюда и бесповоротные суждения, утверждения, высокая уверенность в происходящем, отсутствие всякого места для домыслов и двусмысленности содеянного, поступков и дел. Не может это все быть проявлением каких-то манер или немотивирован-

ных авторских капризов восприятия и интерпретации римских, абхазских или абхазо-римских взаимоотношений.

Мерность, ритмичность, некая модульная повторяемость определяет переходы тем, различные событийные переходы, отсутствие растянутых диалогов и действий весьма улучшают структуру произведения. Стилистически абхазская речь, переданная по-русски, насыщенная афоризмами и комплиментами каким-то образом нам оставляет ауру абхазской среды, словно мы сами добываем руду, и строим загадочный диалог двух цивилизаций – пришлой и нашей. Не исключено, что не всем это произведение понравится, но, уверен, оно будет оценено по достоинству. Автор, несомненно, найдет своих читателей, требовательных, и довольных, что еще один занавес и сходящие скалы непонимания далей так далеких отношений древних абхазов расступились.

Осталось выразить самые лучшие пожелания замечательному автору замечательного произведения Астамуру Какалиа. Это, несомненно, большой и кропотливый труд. Он подарил нам историческую сагу о нас самих. Далекие, казалось бы, безвозвратно утерянные времена подступают к нам со страниц этой книги так близко, будто происходят сегодня. Книга «Гостеприимное море» может стать весьма важным произведением, проливающим свет на мало освещенные темы нашей древней истории.

Всех благ и удач, и спасибо за большую творческую смелость, непревзойденный труд ради исполнения творческих замыслов! Рим наш – он взят!

Сангалия Г. А.
Научный сотрудник Отдела археологии
АбИГИ им. Д. И. Гулиа

ГОСТЕПРИИМНОЕ МОРЁ

Исторический роман

Еще до сих пор среди абхазов бытует полууштывая поговорка о старом, проржавленном ноже: «Магъа акузхыз аума?» В переводе это означает: «Это тот самый (нож), которым истребили Магьявцев?» А кто же такие эти самые «Магъа»? Мы не знаем, кто они (именно так, во множественном числе), но, похоже, они были известны, раз вошли в народную поговорку. И это была очень давнишняя история, раз никто не помнит, кто они и за что их истребили. Об истреблении самими абазгами своей правящей династии нам повествует лишь Прокопий Кесарийский (писарь великого византийского полководца Велизария. Того самого, кто много раз громил персов, и вместе с императорским посланником Нерзесом отбил на 55 лет у германцев Рим и всю Италию в VI веке). Прокопий говорит об истреблении династии в результате народного восстания в VI веке, абхазы говорят об истреблении неких Магъаа, а Флавий Арриан во II веке нашей эры говорит о царе (Рекс по-латыни) Рес Маг. Возможно, эти три урывочных источника связаны одним именем. Династией Магов, тех самых позабытых, которых когда-то очень давно лишил жизни нож, и с тех пор притупился и изъеден червоточинами в труху. В этой книге мало вымысла, и она опирается на хроники и свидетельства очевидцев той эпохи. Эта книга подобна старой, разбитой вазе, склеенной вновь из обломков.

Понт Эвксинский – Гостеприимное море. Может, так оно и было когда-то, да только, кажется мне, какой-то весельчак напутал с названием. Я Кассий Лентулл Марсалий, а это местечко, с торчащими ввысь мачтовыми со-снами, – Питиунт. Тут конечная стоянка римлян на Понте. Я объясню свое дело, не забегая вперед, иначе не поймешь ты меня. Мой опыт подсказывает: начну говорить обо всем сразу, и меня не выслушают толком.

Мой тебе совет – не суди никого впопыхах, запасись терпением и успокой свое сердце. Если сердце часто стучит, как у перепелки, ты не сможешь составить здравое мнение. Давай, договоримся. Я поспешу, но ты меня не подгоняй. Я же не мул вьючный – я человек не последний, я старший центурион сдвоенной пограничной когорты. Уважишь меня – уважу тебя. Будь мне другом, не пожалеешь.

Обычно, люди относятся ко мне неплохо, потому как я и сам не загрызаю их волком. Ты только не тянись проломить мне голову, и мы поладим... Гадости, конечно, говорят за спиной, сам знаешь, но так, в меру. Возможно, это связано с тем, что оклеветать меня непросто. Начальство ох как далеко, не докричишься.

Да и поводов я особых не даю. Обитая в варварском kraю, у меня нет никакой возможности впутаться в заговор против императора, а воровством и мздоимством в наше время никого не удивишь.

Вопреки моим ожиданиям, я исхитрился дожить до первых седин, и, похоже, уже на пороге тугоухости. Так что я перестану заботиться о том, что обо мне скажут, и сам поведаю о своем деле, пока этого не сделали за меня недруги. Я поведаю все без прикрас.

Раньше я отмалчивался из-за слабости своего духа, а теперь выговорюсь. Есть люди и похуже меня. Они притворщики с детства и до глубокой старости. У них это вошло в привычку. У кого-то самолюбование, а кто-то дрожит за собственную дряблую шкуру, но чаще – обе при-

чины вместе. В наши дни даже смышленый ребенок не говорит то, что думает. Только слабоумные могут позволить себе такую роскошь, ну и герои, те стоят особняком. Они сначала разбивают оковы, стесняющие их разум, а уж потом крушат щиты врагов. Только в такой последовательности. Их замысел, как плод, вызревает в душе, и лишь после облекается в поступки. Исходя из моих наблюдений, герои они вынужденно. Когда им особо нечего стало терять, и когда они, наконец-то, это поняли, то стали перед выбором. Или смириться с судьбой, или умело воспользоваться собственным отчаянием, и пойти, как вол напролом к капусте сквозь плетень. Луций Юний Брут. Слыхал о таком?.. Раньше «брут» означало «тупица»... Ты не подумай, что я хвастаюсь, но я тот, кто научился пользоваться вощенной дощечкой и стилом, и много чего читал и слышал... Этот Брут так долго притворялся придурком, что сам не заметил, как им стал, и окончательно спятив, восстал против своего господина Тарквиния по прозвищу Гордый. Республику провозгласил еще некий Публий Валерий Публикола (Публикола – друг народа), но он бы не преуспел без непредсказуемого тупицы Луция Юния. Порочный Тарквиний нос задирал в небо, такой он был гордый. Царь такой гнусности от своего подпевалы не ожидал. Наверное, старик брезгливо кривил губы и мотал своей сморщенной загорелой головой из стороны в сторону, как морщинистая черепаха. Это же удар молнии по шлему! Простодушный деспот не заподозрил в своем сонном приверженце человека высокой души и гражданских добродетелей! Проглядел он его. Он судил по себе, а ему такое в голову не приходило.

После потянулись столетия величия духа, борьбы, подвигов и страданий. Воздержанность и прославленный дух прямоты возвысил крошечную, безвестную республику над невежественными, порабощенными собственными вождями соседями.

Правда, как языки пламени из раскаленной печи, часто прорывалась наружу. И не потому, что рождалось больше праведников, скорее наоборот, все тяжущиеся группировки состояли сплошь из демагогов, но они так искусно, так ловко и неутомимо изобличали друг друга, что истина вылезала на свет то тут, то там. С одним во-жаком можно легко расправиться, а вот когда свободных людей хотя бы горстка, с ними не совладать. Толпу не за-душишь тихонечко в спальне подушкой, и в темной под-воротне ей кинжал не всадишь между ребер. А еще толпа многоголовая. Но тираны тоже люди не глупые, они дали поддержку своим попрошайкам, горластым крикунам, и те переорали разумных мужей. Так Рим сначала ввергли в кровавую смуту, а потом долго замиряли казнями.

К дням, когда я облачился в тогу, гражданские войны давно отбушевали. По всей римской державе провозгла-сили мир. Но какой это был мир?! Недвижное, топкое болото. Уже никто не отваживался призвать сенат к со-блюдению им же написанных законов. Авгуры расшиба-ли своими дубовыми лбами каменные полы перед стату-ями богов-покровителей, отращивали бороды до колен, и намекали простонародью, что, дескать, внутренности у жертвенных птиц никуда не годятся, то сердца нет, то печень червивая... А на самом деле сердца нет у них. Без-душные животные с лоснящимися от жира лицами – вот кто они! Сенаторы им под стать. Во всем поддакивают Адриану, опасаясь его самоуправства. Упитанные и до-вольные жизнью тельцы избрали для себя теплое стойло и сытную кормушку. Они считают и называют сами себя людьми благоразумными. Ясно дело, они шушукаются меж собой и делают вид, что выступят попозже, покажут себя задавленному поборами народу с лучшей стороны. Молчуны дожидаются своего сумасшедшего, которым хотят воспользоваться. Он разворочит пчелиное гнездо голыми руками, его покусают, а им достанется мед. Но тщетно. Оскудело римское племя простаками. Хитрец

на хитреце, все у себя на уме, и сенаторы перемрут, как свиньи от обжорства, так и не успев предпринять ничего выдающегося. Адриан их всех сломал, одного за другим. Честь ему и хвала за это.

Правда вывернута наизнанку не только по его вине. Это выяснится попозже, после его смерти. Окружающие принцепса то ли по своей врожденной подлости, и такое есть, то ли в силу привычки, которая в них воспитана порабощением, питают к живому хозяину пламенную любовь, но стоит ему споткнуться, и они его затопчут. Они воспылают к своему владыке лютой ненавистью.

Так было в дни Цезаря Траяна, так будет и после нынешнего принцепса. Истинные виновники всех бед высмеивают неравнодушных людей в угоду императору, а после его смерти они возложат весь груз преступлений на единственного стоящего человека из их среды. Еще не остыл прах великого воителя, а настоящие сумасшедшие бросились забивать друг друга за подачку. Гораздо меньшими усилиями они могли бы избавить отцовские поля от сорняков и засеять их пшеницей, но глупцам даже помышлять об этом лень.

Мы, квириты, со времен буйной республики сильно измельчали, тихо лопаем чечевицу на похоронах и мясо по праздникам, провозглашаем здравицы на пирах и тихо проклинаем тех же самых знакомых у домашних очагов, завидуем друг другу и устраиваем мелкие пакости. Бодрая молодежь, не имея достойных наставников, ударила в скотский разврат и разгул. Честные люди в позоре; обремененные долгами прячутся от ростовщиков, погибают от жажды в знайных пустынях Африки, истекают кровью в песках Парфии, тонут в мутных водах Понта и теряются в кельтских лесах. Мои выжившие ровесники и соратники, дрожащие, искалеченные, изуродованные до неузнаваемости возвращаются обратно в Рим, чтобы, если им повезет, посвятить остаток своих сил какой-либо из партий. Те грызутся за власть над раз-

дачами, как псы. «Определись! Стань чьим-нибудь прихвостнем, или подыхай себе потихоньку в безвестности! А если не умрешь, и не примкнешь к какой-либо из наших волчьих стай, то сгинь, иначе тебя обольют помоями наши красноречивые ораторы, и ты станешь изгоем», – вот послание Рима своим сынам.

Дряхлый Адриан не самый плохой человек. Уж во всяком случае, не хуже тех, которые мечтают его подменить. Жалкие подмастерья переняли от мастера все его недостатки, но не подхватили ни единой его добродетели. Беды большей частью происходят не от него. Кто бы как ни злословил, принцепс отличается большим великолюбием, чем народ, коему он назначен в правители. Это общий упадок.

Родители умиляются, глядя на своих лощеных деток, стремящихся к общественному признанию, но я вам скажу – именно их двуличие и покончило со староримским духом доблести и скромности.

Ничто так не мешает мужу обрести свою собственную судьбу, предначертанную богами, как неумное, бабское желание понравиться окружающим.

Стяжать похвалу желали и древние, но те были обращены душой к небесам, а эти умники суетятся за таланты серебра и радостные вопли черни.

Люди, наученные грамоте разной, ученьями почему-то считают, что они всех перехитрят и переживут, а тем временем их бренные тела быстро приходят в негодность. Представляю, как им обидно умирать. Они ведь так и не успели по-настоящему, с толком для себя применить накопленные хитрости. А все оттого, что среди выдающихся умов перевелись бесхитростные люди дела, Луций Тупицы. Эти хрюкающие носатые бороды слишком разумны, расчетливы и очень ценят свои толстые шкуры. Потому им приходится больше лгать, придумывать оправдания, чтобы не действовать. Врать гораздо легче, и многим прибыльнее, чем тащиться за плугом по

ухабистому, грязному полю. Все хотят расхаживать в легких шелках, по гладким полам, важно приосанившись, и чтобы от них мух опахалом отгоняли. Оттого цены на шерсть и зерно грабительские.

Там, откуда я родом, люди чуток поглупее, чем в Риме, не такие интриганы. Да и в самом Риме не все могут врать в письменной форме, по причине повальной безграмотности, а потому многим сыновьям преисподней приходится подывать зло в устных преданиях.

Книжники выставляют своих жалких, скупых господ сплошь воителями. Старые книги, им почему-то больше доверия, написаны такими же клиентами-подхалимами, кормившимися с чужого стола. Кто-то обзовет их дармоедами, и будет неправ. Такое обычному обманщику не по плечу. Очень непросто приукрасить мелочные поступки, бесчинства, отравления ядами и взаимное облапошивание и обратить все это в подвиги. Очень непросто замухрышку и человека низкой души представить благодетелем. Тут надо быть хитрым и изворотливым, как гадюка. Тут много пота надо пролить на пергамент, много перьев притупить, чтобы тебе поверили. Ты сам должен в свою выдумку поверить, чтобы облечь ее в нужные слова, и убедительно распространять слухи. Не справишься, сам знаешь, жена станет шлюхой, а ребенок попрошайкой. Ну, можно еще горшки в печи обжигать, но оно тебе надо?!

Меня бы избирали в сенат, я бы тоже много чего наплел: как я здесь разоряю варваров, как дикие племена платят мне дань, как я, развалившись на ложе с кубком в руке, потягишаю вино, и намечаю, про себя, новый набег. Потом я потихоньку подкрадываюсь через заросли с горсткой верных соратников, и мы им там, разрушаем все до основания. Надо еще приврать, как я привожу на продажу рабов, и именитых заложников. Просто табунами гоню их перед собой.

Молодые болтуны и притворщики, ошивающиеся по харчевням, любят приправить рассказ личными подробностями. Обычно они поражают воображение захмелевших товарищей такими речами: «...Я метнул в полуголого дикаря копье, и пробил им его щит. Он кинулся проткнуть мне шею, но я нагнулся, скжал кулак и что есть силы двинул его в челюсть. Он рухнул, а я выхватил из ножен его собственный меч и отрезал ему голову, лежачему. Тем же самым мечом я изловился и заколол всех его домочадцев в шалаше из хвойных веток... » Тут еще нужен безумный блеск в глазах, и после такого с ним уже никто не хочет связываться, и он вздыхает с облегчением.

Страшно подумать, что творится в их цыплячьих головах! Им вскармливают подобную чушь о наших взаимоотношениях с варварским миром на Понте, и они охотно глотают несъедобное. Как куры глотают камешки. Это не совсем так, и даже совсем не так, как показывают доверчивым зевакам на триумфах.

Простонародье видит только то, что им показывают, остальное от них скрыто. Вожди варваров и их старейшины, степенные отцы семейств в цепях шествуют, с табличками и оборванными, униженными женами, ну как тут не поверить. Тем более, есть охота думать именно так. А спросили бы они, как эти люди оказались под ярмом. Добыча копья в кавказских дебрях большая редкость. Тут пленных захватывают больше вероломством и предательством, чем войной. А есть такие удачливые враги Рима, кто умирают с почестями в своих постелях, и окруженные заботливой родней.

Среди бревестных варваров попадаются не менее выдающиеся мужи, чем те, кому устраиваются овации в моем отечестве. Но кто о них поведает, они же не уплатили за панегирик?!

Я их повидал на своем веку. Начал я тянуть солдатскую лямку деканом, потом три года пробыл опционом, а потом наш предводитель сдуру свернул себе шею. Он

кубарем слетел с колесницы, и я продвинулся по службе. Юность не сильно меня обласкала. Я провел ее в земляных работах, походах, приступах, осадах. Не надо забывать о вынужденном безделье, когда мы кормим вшей в мирном лагере. Пьяная поножовщина, не менее опасна, чем резня в бою.

Как и всякий, кого потрепала Фортуна, я осознал всю невыносимость тяжких трудов и лишений лишь после того как они минули. Я ел, пил, пел, спал, как еж в траве, завернувшись в дорожный плащ, спорил, смеялся пьяный с любимой у костра, стараясь унять дрожь перед боем и частенько вздыхал от отчаяния, таращась в мрачные небеса. Я бормотал молитвы равнодушным богам, оставаясь один, и стискивал в ладони амулет. Много раз луна поменяла свое обличье, прежде чем я стал самим собой. Веселой, опасной, хмельной и лишенной всякого смысла была моя жизнь. Как жизнь мускулистого, воинственного и трусливого животного. Помню, я изнывал от жары на душном побережье, весь искусанный комарами, помню, как чуть не окоченел, засыпая в снегу. Меня дважды поранили стрелами и однажды проткнули бок мечом, но неглубоко, так что это не в счет. Еще на моем теле заживший шрам, сзади, на лопатке, но мне его не видно. Кто-то, я так и не узнал кто, подстерег меня в затененном переулке, и полоснул кухонным ножом по незащищенной спине. Сплюну я не разглядел его, едва увернулся, заслышиав за спиной приближающийся, торопливый шорох. Невозмутимые боги могли его разглядеть сквозь тусклые облака и помочь молодому парню, но они и пальцем для меня не пошевелили, я едва не истек кровью. Выпало мне на долю многое испробовать, а теперь пришла пора поделиться пережитым. Я постараюсь не прибегать к цветистым речам, и предпочту истину. Даже урод тянется к зеркалу, чтобы разглядеть собственный лик, так и мы силимся понять свою сущность. Истина бывает неясной до самого конца, и даже во веки веков,

но она все равно манит, как родничок в жару. Я давно заметил – ложь легко изложить, а вот правда звучит нелепо. Попробуй сам, открай истинные побуждения, двинувшие тобой в прошлом, и ты увидишь, какая нелепая картина у тебя получится. Если ты сам услышал бы собственную историю, рассказалную тебе, как слушателю, другим человеком, то не поверил бы ему. И не мудрено. В отличие от незамысловатой, приглаженной лжи, правда очень сложна, всегда противоречива, и ее гораздо труднее принять. Не каждому дано ее принять.

Итак, я начну свое повествование. Шел 834 год от основания Рима (137 год от Рождества Христова). Сенаторы, это такие жадные, бесхвостые, двуногие крысы, облаченные в тоги, собирались в далеком Риме и переизбрали наместником Каппадокии и Понта корыстнейшего мужа – Флавия Ариана. Они навязали ему в сотоварищи остолопа, из своих, Тита Туцилия Ацилиана, будто это могло что-то исправить. Этот Ацилиан приходится сыном другому Ацилиану, консулу, и оба они сноторвые ишаки, когда дело не касается почестей. Все нити перепутались. Сенаторы, сребролюбивые, как шлюхи, вместо того, чтобы наладить поступление денариев в Рим, расщедрились и повторно отдали за ничтожную подачку богатейшую провинцию. И кому отдали на откуп?! Чужаку, эллину! Я узнал об этих назначениях, и о полном слабумии принципса, раз он дал на такое согласие, поздней весной.

На Понте в ту пору потеплело, зацвели нежным цветом яблони, и в Себастополисе городской совет затеял перестройку храма. Это случилось по наущению и на средства небезызвестного Никия Аристида, богача из тамошних эллинов. Сам Себастополис лежит на восход от Питиунта, и издревле известен как город, основанный Диоскурами. Иногда его именуют Диоскурией. Там есть храм Кастора и Поллукса с их статуями древней работы.

Им в жертву посвящают коз и быков, а путники оставляют в храме приношения: чаши чеканные, перстни, блюда золотые и камни драгоценные, а также надписи – одни на латинском, другие на греческом. Их составляют в похвалу братьям...

Так вот, работа закипела: побелили стены, отмыли мраморные полы и крышу от птичьего помета, подрезали ножницами цветники, раскрасили вазы и колонны, подпирающие портик, обновили желоба, ну и под конец, не сумев вовремя остановиться, диоскурийцы разрыли двор. Этот двор еще встарь был вымощен толстыми и широкими плитами известняка. Неплохая и добротная кладка. Вместо того чтобы сидеть себе тихо и выдергивать травку между плитами, они чесали затылки: как им еще ублажить богов?

Ничего путного не придумав, они опозорились. Негуманный Аристид привел своих домашних рабов, и те расковыряли кирками и заступами плиты. Они, как свиньи, изуродовали весь двор, прорыли проточную канаву вдоль храмовой ограды, мимо статуи Кастора, прямиком к ручью. Кастор долго крепился, но потом вдруг зашатался и рухнул на них, правда, никого не придавил. После такого величественный храм нашим собственным старанием стал посмешищем для окрестных варваров. При входе в судоходный Фазис, там, где воды окрашены свинцом, тоже стоит статуя, но это статуя фасианской богини. Судя по внешнему виду, это Рея, некоторые зовут ее Кибелой. В руках она держит кимвал, у подножия ее седалища сидят львы, и сама она сидит. Но то Кибела, а тут Кастор, бог отеческий и покровитель Понта. Она стоит, а наш подкосился.

Это в соседнем Себастополисе, а то, что случилось у нас, в Питиунте, случай менее примечательный, но душераздирающий.

Поживал за стеной один неприметный видом вдовец и печник, именем Асклепий, а у него водился мохнатый

пес, с которым таскались его вечно сопливые детки. Сначала песик игриво цапнул этого Асклепия за палец, когда тот приучал его к цепи, а потом, спустя пару дней, собачка от воды стала шарахаться и слону из пасти стала пускать. То он был слишком зол, то, наоборот, излишне ласков, я имею в виду пса, а не Асклепия. Тот заглянул псу в глаза, и волосы у него дыбом встали, на этот раз я имею в виду Асклепия. Подтвердились худшие подозрения. Песик уже не безобидный, он одержим демоном. Через укусы собак, и особенно волков, насылаются мерзкие, злобные духи. Настоящий бич богов, врагу не пожелаю. У племени апсилов даже есть божество, которое покровительствует этому ужасному безумию, они его задабривают, но стараются имя его не произносить вслух. Демон вселился в Асклепия и сожрал изнутри беднягу, поел невидимо его разум. Тот стал всего бояться, но ненадолго, и погиб, вопя и корчась в муках.

Эти два события, совершенно друг с другом не связанные, но произошедшие одно за другим, заставили обитателей Питиунта призадуматься и бормотать молитвы по ночам своим домашним богам.

Еще не улеглись пересуды и шумиха со злополучным писом, а тут совсем некстати к нашему берегу пришло вестовое судно. Тихоходная либурна, будь она не ладна, выбросила булыгу, обмотанную канатом, в мое отсутствие. Это произошло за восемь дней до августовских календ (25 июля).

Криворукие корабельные плотники, вместо того, чтобы просмолить и проконопатить углую лоханку, украсили ее несуразным идолом. Раскрашенная Медуза-Горгона, с растрепанными змеевидными локонами и горящими глазами, ужасала на носу, повыше остроносого тарана. По их замыслу, носатая ведьма не пропустит воду в корабль сквозь щели.

«Макрокефаль» (большеголовая на греческом) – так моряки в шутку нарекли корыто. «Большеголовая» таска-

ла в своем чреве отсыревшие, ворсистые ковры, тусклое стекло, гвозди, тонкостенную, почти прозрачную посуду, покрытую красным самосским лаком – настоящее чудо, закупоренные амфоры с ароматическими маслами для купания, дешевые, стойкие краски, веревки, полотно для парусины, канаты и прочую мелочь для продажи и обмена. Но самое главное – судно носило с собой сплетни. Без них в нашем захолустье никак. Что касается посланий наместника императора, то они обладали непостижимой способностью наводить порчу. Это просто ворожба какая-то! Только я ломал восковую печать, и тут же происходило непоправимое. Однажды, в один и тот же день, меня покусали пчелы, а когда мои глаза припухли и я плохо видел, меня лягнул мул. Со следующей почтой пришла весть о подкосившейся статуе, а в последний раз, когда либурна с Горгоной отгружалась в нашей гавани, триера понтийского флотатонула у берегов Зихии. Мой писарь Тифон, наверное, тайком, разрезал восковую печать и выпустил дурные ветра.

Я шастал по морю в счастливом неведении, иначе бы вместо того, чтобы плыть, молил бы богов отвратить сглаз.

Морская линия воинственных керкетов и зихов, протяженностью до шести тысяч стадий, но, несмотря на огромную длину, там, мало стоянок, где можно корабли носами зарыть в песок. Берега не изрезанные, открытые и сплошь каменистые. Это опасно при причаливании. Если рано повернуться боком, то корабль подхватит волной, выбросит на берег и распорет дно о камни.

Пришлось осторожничать, чтобы пристать на ночлег и пополнить запас пресной воды. Вечерком нам попалось болотистое речное устье, вдающееся в сушу. Опасаясь наскочить на мель, мы спустили лодки, шестами промерили глубину и, найдя заводь подходящей, свернули паруса и вошли в нее на веслах. Ни единой живой души. Только птицы редкие пролетают, рыбы в мутной водице,

да брошенная, прогнившая и полу затопленная рыбачья плоскодонка. Те болотистые берега не населены. Зихи осторегаются лихорадки.

Высадившиеся с галер римляне разбрелись, как саранча, по округе, и каждый принял за свое. Одни ставили палатки на островках, другие собирали ягоды, употребляемые в пищу, и яйца из гнезд диких уток на коих мы наткнулись, иные натащили веток и разжигали костры. Вскоре яичница весело зашкворчала на сковородах, мы поджаривали на заостренных палках благоухающую жиром свинину, шутили у костров и пребывали в бодрой уверенности, ожидая разведчиков. Их послали на ближайшие холмы для обзора. Я смешал мед с водой и подогретым вином, испил напиток из рога, и продремал в шатре на походной кровати до самого их возвращения.

С восходом солнца над топью стелился утренний туман. Меня насторожили свинцовые облака над далеким морским простором, и едва различимый, приглушенный расстоянием рокот с небес, но потом меня отвлекли, и все скрыла суета. Я не придал этому особого значения.

Ведущая триера, из-за грузной осадки, стояла на якоре последней, и вышла из залива первой, задолго до остальных. Два других корабля, помельче, на ночь продвинулись подальше в болото, заросшее камышом, и неторопливо снаряжались, чтобы выйти следом.

На море тетрарх ответственен за перемещения. В своей слепой беспечности, он дружил с разными гадальщиками и подозрительными бродягами. Его увлекли мошенники, посвятившие себя предсказаниям погоды. Они сгубили тетрарха, подарив ему хитроумное приспособление, заменяющее человеку собственные глаза. Способ плавания у нас, у римлян, в отличие от финикийцев и прочих колдунов с железяками, довольно простой, мы плывем не по звездам, а держась в виду берега, и чуть что пристаем к суше. «Следи за горизонтом и не отходи да-

леко» – вроде простое правило, но Плак перемудрил и спровадил многие души к Нептуну.

Устья вода была болотистой, почти стоячей, но когда триера отплыла подальше за мыс, волны начали подбрасывать ее поплавком. Резкий ветер обрушился на судно. Он был какой-то буйный, нельзя было даже определить, откуда он дует, валы катились отовсюду и сталкивались друг с другом, будто ребенок в лоханке плещется. Плаку следовало сразу принадель на весла и вернуться, корабль еще повиновался кормилу. Шторм только набирал силу, была еще возможность противоборствовать тяжкому притяжению волн, но морские демоны нашептали упрямцу пойти под парусами. Он их сдуру распустил, но ненадолго. Буря разорвала толстую парусину в клочья, мачта заскрипела, как несмазанное колесо, а морская глубь вскипала, как вода в бурлящем котле. Старый баран засуетился и голосил на корме, когда его подбросило волной и смыло за борт. Команда сбрасывала груз в пучину, и не сразу спохватилась о нем.

Вдвойне горько оттого, что оставшиеся наблюдали за бедствием с берега. Мы мокли под проливным дождем, понуро, как куры, с растерянными лицами, не замечая ни холода, ни струящейся по нам воды. Как на похоронах. Мы им сочувствовали, но ничем не могли помочь. Головную триеру носило в свалке по пенящимся волнам, мы воздевали руки к небесам, и ахали с каждым валом. Потом галера на миг скрылась, вынырнула прямо на наших глазах, накренилась вбок, кувыркнулась и утянула с собой на дно целую рать. Худший жребий выпал гоплитам. Те не сумели переплыть через бурный поток в полном снаряжении, и потонули поголовно. Ни одного копейщика среди выживших.

Спаслись четверо: еще совсем сопляк-барабанщик, отбивавший ритм для гребцов на обтянутом кожей барабане, кормчий – синопец, и двое рабов-гребцов, кормчий успел отцепить их от скамьи. Придя в себя, они приписа-

ли свое спасение не плавучим обломкам, за которые уцепились, а вмешательству Фортуны. Хоть это и спорно, но трудно найти разумное объяснение – почему море не уволокло их подальше вглубь, как остальных, а исторгло на сушу.

Продрогшего Верка, кормчего, вышвырнуло на берег, как умирающего дельфина. Пока волна склонила, его оттащили в сторону и помогли подняться. Толпой его обступили со всех сторон, а он бледный, как мертвец, и двух слов связать не может, ошелел от пережитого. Верк мотал мокрой гривой из стороны в сторону и разбрзгивал капли, как кудлатый пес, а потом присел на корточки, закатился в кашле, упал на четвереньки и выблевал содержимое своего желудка. Наглотался он вдоволь. Ему дали отдохнуться, взяли под руки и отвели к шипящему от дождя костру. Согревшись жаром и подогретым козьим молоком, Верк вновь обрел дар речи. Он громко высыпался, утер нос краем одеяла, в которое кутался, и обвел присутствующих благодарным взглядом.

– Уф!.. Теперь полегче... – вымолвил синопец сиплым голосом, провел дрожащей пятерней по бескровному лицу и опять зашелся в кашле.

Исходящая паром кружка в его руке ходила ходуном, но он уже связно изъяснялся. Кормчий надорвал глотку криком. На палубе царила полнейшая неразбериха. Он с Плаком в уши друг другу орали, и то плохо слышали. Буря диким воем все перекрывала.

Гребцы противоборствовали стихии до последнего, налегли на весла не жалея спин, и даже чуть продвинулись к берегу, но триера отяжелела от зачерпнутой воды. Ее захлестывало поверх бортов. Они бы еще помучились, если бы не раздался треск, потом нижняя палуба вздыбилась и в надломленные доски хлынула вода.

Верка опустошила борьба за каждый вдох, но он все же молодцом держался относительно остальных выжив-

ших. Тех, как покойников, отнесли на руках под навес и уложили там, без чувств.

К следующему полудню море отбушевало и успокоилось. Накрапывал едва заметный дождик, и мы стали вылавливать утопленников сетями, как рыб. Затем погребальные костры и тризна. Только на третий день мы снялись со стоянки, но прежде весь лагерь совершил возлияния в мутное послештормовое море. Мы умоляли богов отпустить нас невредимыми в свои приделы, и тут же, не мешкая, распустили паруса.

Обратный путь мы проделали при помощи ветров, дующих с рек. Иногда, когда волнение было не боковое, а с противной стороны, мы плыли на веслах. Но, в общем, мы продвигались быстрее, чем туда. Морское течение подталкивало нас в обратную сторону.

Нашлись и такие, кто за спиной бурчали, что я бессердечный, и косились на меня. Они желали потоптаться на месте, напиваться с горя, проклинать коварные понтийские воды и лить горючие, бабские слезы, но я решил иначе. Это навряд ли поможет утопшим, и уж точно отравит жизнь уцелевшим... Но обо всем по порядку, или, вернее, так, как я смогу поведать... О чём это я говорил? Ах, да!

В мое отсутствие в Питиунте стояла безмятежная, тихая погода. Буря обошла его стороной, лишь прохладный ветерок подул, и молнии полыхнули на закате. Эх, знали бы гулявшие под соснами, что мы там под этими дальними тучами, претерпели?!

Влажный туман и мгла обволокли нас со всех сторон, просвета не было. Воины соорудили навесы на кораблях, но ураган разметал их с легкостью, будто это осенние листья. Трюмы заливало водой. Мой шатер, коляями прибитый к земле, едва выстоял, шесты натягивались изогнутыми луками, а под толстое парусиновое покрытие приходилось подставлять ведра.

Зато теперь, когда мы вернулись в надежную гавань, ветер недвижный, паруса тряпками повисли, а в зеркаль-

ную гладь ныряла и выныривала обратно пухлая птица с длинным клювом и короткой бело-черной тушкой. Поблекшая голубая краска бортов почти сливалась с едва дышащим морем. Зеркало, а не вода.

Коса, поросшая редкими и скрюченными от ветра сонами, глубоко вдается в море, и дает Питиунту защиту от волн борея, и от того ветра, который в Понте зовут фраскием. Сам берег амфитеатром потихоньку вздымается густыми хвойными холмами, а те выше переходят в заснеженные шапки гор.

Здешняя гавань вмещает небольшое число кораблей и дает им надежную защиту, укрывая от бурь.

Все шло неспешно и своим чередом: железные, клыкастые якоря плюхнулись в прозрачную воду, багры и канаты сцепили корабли с бревенчатой пристанью, она устроена поверх насыпи, торчащей из воды, а земляные рабы, встречавшие нас, загодя чистили канавы. Корабли спускают в море по вырытым желобам, и вытягивают обратно на стоянку лошадьми и мычащими волами, но прежде их облегчают от груза и людей.

Я в числе первых ступил с приставной доски на настил, потом, пыхтя и превозмогая боль в простуженной пояснице, спустился на берег по лестнице, и удалился подальше от тесноты, пота и суэты. Солнечный диск уже взошел над горами, а чистое небо обещало поджарить нас, как раков. Под сенью растущих пучком сосен рыбаки устроили пристанище от полуденного пекла. Из досок разобранного, подгнившего сарая они смастерили стол и скамью. Писарь когорты, Тифон, походил вокруг кособокой скамейки, с камнем в руке, повбивал отовсюду выпирающие ржавые гвозди, отбросил камень и двинулся мне навстречу.

Узнавший о случившемся Тифон вышагивал рядом, с разинутым ртом, а потом, спохватившись, забежал вперед и протянул мне скрепленный восковой печатью свиток.

– Что это? – спросил я рассеяно.
– От господина пропретора.
– Хех! – хмыкнул я и с досады хлопнул себя по бедру. – Ну, теперь все ясно!

Корчась от едва сдерживаемого раздражения, я сломал восковую печать и развернул свиток.

«Легат Флавий Арриан, желает здравия Кассио Марсалию. Я в Гюэнесе, на земле апсилов. Дня два погощу здесь, и навещу тебя, в Питиунте», – гласило краткое послание.

Я тихо выругался. Лучше отчитаться о потерях безликим письмом, чем отвечать за проступок с глазу на глаз.

Тифон, шмыгая носом, стелил чистую холщевую материю поверх расстresканной от соли столешницы, и вынимал из плетеной корзины припасы, а я сбрасывал с себя ненужный в море хлам. Большая дурость таскать на себе все эти тяжести. Очень неудобно, и они греются на солнце. Короткий палий с застежкой, доспехи, состоящие из перекрывающих друг друга толстых, широких ремней, шлем с конским хвостом, калиги из грубой волосьей кожи, с толстой подошвой и подбитые гвоздями, поножи, наручи, меч в выстланном деревом ножнах. Все это я сложил вповалку на песчанистую травку, у выступающих корней сосны. Прибрежные камушки и песок еще не успели накалиться, но приятно согревали босые ступни. Льняные штаны до колен и домотканая рубаха, без рукавов и навыпуск, – вот что надо, чтобы задышать. Я чувствовал легкость, как черепаха, покинувшая панцирь.

– Тифон, – окликнул я писаря, – там вода в кувшине? Да?.. Полей мне. Я соленый, как рыба.

– Ты великий человек! – похвалил я Тифона, и в предвкушении трапезы потер руки.

Он молодец, что натащил все это навынос. В последний раз я сытно поел до шторма, а обратный путь перебивался затхлой водой и черствыми сухарями. А тут хрустящие, недавно поджаренные на коровьем масле ломти

хлеба, вареные яйца, горстка соли, лук, накрошенный в оловянной плошке овечий сыр, еще теплые, запеченные яблоки, маслины.

Была даже сушеная, красная рыба, но после утопших, взбухших мертвцевов я испытал к ней приступ гадливости, будто это жаба. Я даже смотреть на нее не мог, а она на меня пустой глазницей косилась, зловещая.

«Если зараз запихаю все внутрь, то с непривычки подохну», – сдерживался я, и пробовал все по чуть-чуть.

Неповоротливые гоплиты, с большими прямоугольными щитами и длинными морскими копьями, громыхая железом, раскачивали настилы под своей тяжестью. Доски не выдержат более трех-четырех тяжеловооруженных зараз, но это их не особо волнует, как и то, что центурион Лукиан обзывает их с берега последними словами.

– Собаки! – сложив ладони рупором, взывал он к столпившимся на корме. – Уроды, вы что, совсем олухи?! – вопрошал он с вздувшимися на бычье шее венами. – ... Давайте все вместе, и поскорее грохнетесь!.. По-одному!

– Пока стой! – Лукиан взмахом руки запретил старшему лучнику меньшей из либурн сходить на пристань. – Жди моего знака, мерзавец, не раньше!

Они ворчали и плевались в воду, ожидая своей очереди, а юркие носильщики с обнаженными, загорелыми торсами тем временем облегчали галеры от грузов. Носильщики накинули с берега на пристань свои настилы, из досок подлиннее, потолще и попрочнее, выстроились цепочкой и передавали друг другу тяжести.

Как обычно в таких случаях, торопливость замедлила выгрузку. Все старались побыстрее сойти, толкались, спотыкались, мешали друг другу, и делали все от них зависящее, чтобы учинить давку. Высокий и костлявый воин заделался канатоходцем, и, балансируя длинным копьем над головой, перебирался с корабля по багру для морского боя. Он вызвал смешки товарищем, их возгласы и отборную брань центуриона. Лукиан – старый во-

яка и грубиян. Он коренастый, смуглый и хромоногий, с аккуратно подстриженной черной бородкой, на темени плешь, а по бокам головы короткие волосы растут густо, как рожки у сатира, руки и шея волосатые и жилистые. Лукиан предпочитает мечу боевой молот. Его сужающийся острый клюв легко пробивает латные доспехи и не застrevает в них, потому как дыры делает больше. Если меч бьет по всему своему лезвию, то сила молота собирается в одной точке, в хищном клюве, который находится повыше. Удар получается сокрушительный, и для него не надо обладать большой силой. Лукиан телесной силой не обделен, но любит простое оружие с ясеневым древком длиной в два локтя без ладоней.

Он распоряжается воинами, как опытный погонщик табуном. Центурион не суетясь, зычным голосом окликает знакомых по имени, когда нужно сыплет угрозами с берега, а в перерывах насищивает себе под нос какуюто песенку. А еще Лукиан умеет во время разговора отрывывать воздух из своего желудка, и получается так, будто он чревовещатель.

– Порций! Порций! Страдалец! – заорал он своему денщику. – Выбей пробки, баран, спусти воду, а потом пусть катят!.. – Не волоките корзины, на плечах тащите!.. Салюст, помесь черепахи и улитки, отчего ты замер? А?.. Что тытворишь?! Оу! Оу!.. Ты сумасшедший? Я тебе прыгну!.. Не надо по канату спускаться!.. Не держитесь за ручки, как девочки на хороводе! – язвил воинам Лукиан. – Если кто оступится, утащит за собой остальных... Шевелись, Порций! Подай знак, если ты еще жив!.. Ради Юпитера, кто-нибудьбросьте этого кривляку вниз!.. Эй, ты, который окорок ласкает!.. Да. Да. Ты, сын коровы! – накинулся наносильщика зардевшийся от ярости Лукиан. – Чтоб тыумер! Чтоб подох, муха сонная!.. Эй, пышноволосый! Фиу! – свистнул лучнику центурион. – ...Да, да, ты, с копной сена на голове... Да нет же! Не ты... Да, он! Оберни его... Дерни заухо!.. Ты меня слышишь?.. Хо-

рошо слышишь?.. Не надо орать, мотни своей ослиной башкой! – Центурион поднес ладони ко рту, сложил их трубой, набрал в себя воздуха и медленно, нараспев прогорал ему что есть мочи: – Не толкайся!.. Держи... свои... локти при себе... иначе... я поднимусь и поотрубаю их!.. Я не шучу!.. Куда деть?.. Возьми себя за задницу!.. Уяснил?.. Хорошо!..

Он с ними как со скотом обращается. Когда-нибудь ему втихую отомстят. Я утер жирные пальцы мокрым тряпьем и глянул на Тифона. Молчит, навалился локтями на стол, и тихонько кряхтит, как квочка на насесте. Странный он, сегодня, какой-то. Моргает, с приоткрытым ртом и пялится куда-то в морскую даль. Застыл, как лошадь спящая. На что он смотрит? Там, же пусто, только вода и кудряшки облаков.

Над нами вскрикнула голодная чайка и вонючий, белый помет плюхнулся на стол рядом с локтем Тифона. Он встрепенулся, почесал затылок и возвел очи к небу, а потом прищурился на меня так, будто впервые видит.

Смотрим друг на друга. Глаза его маленькие, юркие, черные, как у мышонка. Я молчу, он молчит. Наконец он спохватился, отвел взгляд, деловито наступил и притворился занятым. Тифон принес с собой на пристань залатанную, замызганную сумку, перекинутую ремнем через плечо. Он положил ее к себе на колени, пошарил в ней и извлек оттуда глиняный пузырек, запечатанный пробкой, пучок тростниковых перьев, бритву и пожелтевшие листы пергамента. Разложил все принадлежности на столе, подчистил бритвой край скатерти, на который нагадила птица, потянулся, не вставая, вытер лезвие о ствол сосны и принялся оттачивать тростниковое перо. Скверная привычка горбиться к острию. Если его сзади кто ущипнет, он от неожиданности нос себе оттяпает бритвой. Опять вскинул голову, утер тыльной стороной ладони вспотевший лоб и огляделся по сторонам, как старый орел в поисках мыши. На меня краем глаза погля-

дывает, несомненно, понял, что я нахожу его поведение странным. Тифон отложил бритву, аккуратно откупорил зубами чернильницу, сплюнул пробку, обмакнул перо в чернила, и зашуршал остирем по бумаге.

Писарь он, между нами говоря, никудышный. Писарь это не тот, кто красиво рисует, а тот, кто может кратко изложить суть. Тут главное голова, а не пальцы. Тифон выводит буквы, он и соображает также плавно, как цапля. А еще он двуличный и предпочитает отмалчиваться. Это помогает мне собраться с мыслями. Человеку время от времени надо уединяться, чтобы привести свой расшевоженный разум в порядок.

«Кто-то должен за них думать?! Думать – это самое тяжелое, – я наблюдал как взмокший от пота, краснолицый носильщик, нес на плече кадку с сырами. – Думать они, в сущности, не умеют. Кое-кто из них запросто обхитрит лисицу, но думать это не то же самое...» Он лопоухий, как мул-носильщик, в выцветшем черном хитоне, споткнулся, но устоял. А с другой стороны, это хорошо, что они не умеют думать, иначе бы извелись скорбью...

Эх, отпели мы свое, вздыхал я про себя. Весь враждебный варварский мир ощетинился на нас остриями копий. За землями горных племен, у дальнего соленого озера расстилается необъятная плоская равнина. Оттуда выдвинулась конница и скакет сквозь леса прямиком к нам. Аланы и сарматы частью хлеборобы, а частью кочевники и живут в шатрах, но все они содержат табуны коней. Недавно их племена сговорились, и теперь их низкорослые, но выносливые лошадки, закусив удила, несут своих хозяев к границам Понта. Сарматы наездники страшные. Кентавры, а не всадники. Седла у них со стременами, человек туда ступни продевает, и он с конем одно целое.

Суровые здоровяки в сырьмятных доспехах не спят, не отдыхают, жуют вяленую баранину, не сходя с коней. Двигаются степняки, в отличие от нас, стремительно,

ибо не обременены обозами, повозками и пешим строем. Крылатые стрелы трясутся в закрытых колчанах, но скоро их жала вырвутся наружу и запорхают, рассекая влажный воздух побережья.

Скоро, очень скоро, по моим подсчетам, шишкообразные шлемы заявятся под стены Питиунта или Себастополиса. Себастополис это город, названный в честь божественного Октаавиана Августа. Он бывшая колония милетийцев, и неплохо укреплен. Тамошняя крепость удобна для защиты плавающих, и в ней наберется до тысяча взрослых мужей, способных поднять меч.

Вокруг поселения широкий и глубокий ров, стены толстые и сложены из обожженного кирпича. Старая крепость построена на прочном фундаменте, и на ней поставлены метательные машины. Так что с Себастополисом им придется повозиться.

Что касается Нитики – это маленькое прибрежное торжище на земле санигов, и на закате от Питиунта. Такая мелочь этих двуногих волков не остановит. Они ее даже не заметят. Там, нет рва, а только невысокий частокол из воткнутых в землю заостренных кольев. С морской стороны так и вовсе никакой преграды нет, одни рыбакские сети на дощечках сушатся, да кое-где покосившийся плетень разграничивает грядки капусты.

Я скрыл от воинов, какая громадина на нас надвигается, для их же блага. Согласно обычаям моего племени, римлянин должен полагаться на богов и на свой собственный меч. По-настоящему только на оружие и можно рассчитывать, но оно без бодрого духа – чужой трофей. Химера – худший враг! Самый страшный враг – враг воображаемый. Предвидение не всегда на пользу. Зачастую воображаемые опасности, хуже самой опасности. Перед химерой люди цепенеют от безысходности. Не сарматы, а их собственное воображение может надломить волю воинов к сопротивлению. Химера устрашает, она может изощряться и выдумывать все новые и новые кошмары,

если о них задумываться. По себе знаю, липкий страх, если заполз ужом в сердце, до самой бури не отпустит. Лучше уж бешеный треск и рев сражения, оно длится недолго.

Противоборствовать неприятностям легче отдохнувшим и выспавшимся, но как тут выспишься, ворочаясь на ложе?! Только закрываю глаза и представляю себе, как огонь пожирает кровли. Вижу, как грабят, как убивают, как угоняют скот, слышу крики и вижу знакомых женщин, которых насилуют. Если о том же самом будут думать воины, то большинство сбежит, а оставшиеся наполнятся обреченностью. Тогда мы, наверняка, проиграем, еще не дождавшись сшибки. Тогда ужас точно свершится. Нельзя допускать робости, даже едва заметной, в воинах. Страх, как зараза, непременно перекинется на горожан. Это на руку варварам. Как только они подступят поближе, подневольный люд, чернь и рабы нам изменят. А как же иначе?! Они ободряются, укажут им тропы, откроют ворота, и, улюлюкая от радости, побегут на встречу, заискивать перед новыми хозяевами.

Из осведомленных военачальников лучше всех сохранил невозмутимость трибун Апий Курин. Потому что он дуб. Я тайком от других поделился с ним новостью, а придурок даже бровью не повел. Он выслушал меня, ничего не переспрашивая, с безмятежностью деревянного истукана. Апий облизнулся, понимающе закивал, зачерпнул деревянной ложкой мед, смешал его с жирной простоквашей, и задумался – запихать ему ложку за щеку или подождать, пока я перестану на него смотреть. Когда я рассыпал украдкой гонцов, то увидел из оконца, как он стелет себе коврик на траву. Он собирался дрыхнуть, как кот, во внутреннем саду, в тени старой раскидистой липы.

Не военный трибун, а вол беспечный! Апий не предусматривает, что его поест меч. Корова тоже храбрая, она не опасается ножа мясника, засады, отравы или подо-

сланных убийц. Она мало что о них знает. Такой пустяк, как позорное поражение, ее и вовсе не заботит, ибо худая мольва для животного, я имею ввиду Апия Юния, это такие же звуки, как далекий собачий лай или уханье совы.

Плевать ему. Он всегда выдумает про самого себя все самое лучшее, потом повторяет это всем, и, заучив наизусть, мнит о себе и событиях, как ему выгодно. Аж зависть берет! Это же какая безотказная и послушная память?! Как погреб – можно вынести что хочешь, а неудобное запрятать поглубже. Пока я терзался, Апий распутствовал и бражничал попеременно. Я лишен и помощи, и совета. Но в моем случае нельзя посыпать голову пеплом. Это гиблое дело. Первейшая обязанность старшего центуриона – притворяться, будто он создан из камня. Я должен оставаться невозмутимым, как покойник, и улыбаться, как придурак, пока мы несемся на риф. Причин не суетиться несколько, но главная – паника. Гарнизон Питиунта – на треть не слыхавшие бранного крика юнцы. Не то чтобы совсем безбородые мальчишки, но и не взрослые мужи, привыкшие сносить тревожное ожидание. Молодежью хорошо разжечь костер, но пламя быстро выгорит, пожрет сухие веточки, если не подбрасывать поленья поувесистей.

Затыкали бреши от потерь на Кавказе второпях и кем попало. Призывали кого ни попадья; отлавливали скрывающихся должников, зевак во время игр, потом поскребли по подворотням и грязным харчевням, разбавили вольноотпущенниками, и под конец, никого более не отыскав, для количества выпустили из тюрьмы полсотни висельников. Сначала их скопом загнали на корабли, и они долго бороздили соленые воды до понтийского пролива. Потом в Византии им раздали щиты и пики, и многодневным маршем погнали посуху, в беспорядке, как скотину, аж до самого Амиса. Путь неблизкий.

Никто не считался с тем, насколько они готовы к долгим переходам. Кто отстал, кто захворал, были и сбе-

жавшие. Пришлось начальствующим мужам согнать их опять, и оставить этот сброд зимовать в обнесенном частоколом лагере, и под присмотром. В Апсаре стоит пять когорт. Это mestечко в древности называлось Апсиртом. Эти легионеры для них были пасущими собаками, а сами новобранцы – овцами в загоне.

С потеплением слепили из них неполную когорту и привели ее к устью реки, чтобы выпроводить сюда. Паруса, надутые ветром, донесли две сотни с лишком отощавших, измученных, жалких новобранцев до крайних пределов известного римлянам мира. Они высадились на берег, шатаясь и робко озираясь по сторонам. Их самих надо охранять!

Того не жалко, кто сам заслужил своей участи. Они развесили уши, и охотно поверили рассказням, за это и расплатятся. Правда, краснобаям тоже надо отдать должное, они знают, как разгорячить воображение и преуменьшить опасности. Младших сладкоречивые вербовщики прельщают славой и телесными удовольствиями, которыми она вознаграждается. С теми, кто поопытнее, они заводят речь о трофеях и выплатах. И ведь редко напутают, кто на что падок. Так, для одних суетное тщеславие, а для других нажива застилают обзор. Попадаются и вовсе сумасшедшие. Те одержимы грезами о собственном предназначении. Я считаю их сумасшедшими, потому как нормальный человек не бросит отчие пенаты ради того, чтобы податься с незнакомым человеком в темном овраге. Но то я, а ловкие наниматели с толком для себя используют их неуемное желание общественной похвалы.

Однако, стоит признать – шальная глупость отчасти небесполезна. Она зачастую порождает отчаянное самомнение, и иногда выручает в ратном деле. Иной раз даже трудно отличить непонимание опасности от решительности, а сочетание этих качеств способно переломить судьбу.

Лет пять назад мы выступили проучить санигов. Это побережное племя, и довольно воинственное. Центурион Лукиан, опытный ратоборец и человек разумный, не дерзнул на восхождение, считая скалу неприступной и охраняемой варварами. Римляне разожгли костры у подножья горы, выставили охрану и стали выжидать. Зато горстка подвыпившей молодежи без приказа и под покровом ночи решила исход противостояния. Они сняли доспехи, побросали щиты и копья, и вскарабкалась вверх, цепляясь за ощупь за кустарники, щели и выступающие корни деревьев. Пока здравомыслящий муж опасался позорной неудачи, сумасшедшие, не ведающие колебаний, зашли в тыл противнику и набросились на спящих санигов с мечами. Саниги разумные люди, и они были о нас лучшего мнения. Им не пришло в голову, что римляне поступят так легкомысленно.

Мы часто обзываем безумием надежду на несбыточное, но стоит мечте воплотиться, и те же самые люди почтительно величают ее свершением. Совершенные олучи взялись за непосильное, и вместо того, чтобы попадать в пропасть, добились своего, и даже получили сверх меры. Придележе они вознаградили себя кольцами, браслетами, амулетами с янтарями, шелками, пестрыми одеждами, серебряными чашами, чеканными кувшинами. Были еще меры зерна, лошади, еще много чего. Все добытое санигами таким же разбоем стало достоянием римлян.

Боги не метят своих избранников выжженным, как у скота, клеймом, шестым пальцем или острыми ушами. Самозванцы этим пользуются и выдают себя за тех, кому покровительствуют небеса. Если какой-нибудь замухрышка упал с приставной лестницы – самозванец, если взобрался – избранник богов. И так до тех пор, пока он не расшибется. Необузданые натуры не могут вовремя остановиться, азарт их подводит, заставляет гулять по краю собственной могилы.

Скоро мы все сыграем в кости с судьбой, и на кону наши головы. Над нами уже занесен меч, и скоро пойдет ливень из стрел. Такое случается на реках. Плескаешься себе в прозрачной воде, и солнышко припекает, а далеко в предгорьях тучи сгостились, и там далеко, далеко, льет дождь. Ты думаешь, он тебя не касается. Зря ты так думаешь! Один миг, и ты уже в водовороте из песка, веток и волн. Вынырнешь глотнуть воздух, а небо над тобой чистое, чистое.

У эллинов есть поговорка: где не хватает львиной шкуры, подшей лисью. Нам же придется наоборот – испытать крепость наших щитов. Нет у меня выбора – я задержу воинов на поле подольше, разожгу их дух, до тех пор, пока удача на нас не свалится с небес или Марс не утащит нас скопом на своей огненной колеснице в вечный подземный мир...

Гнилая привычка – по ночам разгуливать среди костров в плаще с надвинутым капюшоном и подслушивать. Я говорю со своими людьми открыто, как с собратьями по оружию, и слушаю, что мне говорят в ответ. По моим случайным обмолвкам и по приказам, отданным мной, один ауксиларий, предводитель варварской союзной конницы, сразу все смекнул. Он вызвался переговорить со мной по душам, и я подтвердил ему – на этих берегах разразится такая резня, которую Понт не видел со времен Митридата Евпатора.

Сиuard из племени апсилов. Он декурион вспомогательной турмы – летучего отряда местных всадников. Этот человек мои глаза. Именно глаза, а не уши. Я ими вижу все как есть, а не так, как мне хотят представить. От осведомителей мало толку. Они люди ерундовые, говорят за похлебку то, что хочешь услышать. А этот парень честен до наглости. У него нет хозяина, да он и сам себе не хозяин, ибо в плenу у собственных убеждений. Я доверяю ему. Варвар чтит простые и старые правила, отличающие совестливых людей вне зависимости от того,

где они рождаются – во дворцах, в горах или пустынях. Обычаи взаимного покровительства для соплеменников и дружелюбия к чужеземцам во все времена отличали лучших сынов этой земли. Сиуарда ребенком выдали римлянам в качестве заложника. Он возмужал в Питиунте, среди римлян и под присмотром нянек из своих.

Ауксиларий особо ни к кому не прислушивается. Он избрал для себя какой-то собственный путь. Это не так хорошо, как может показаться с первого взгляда. Изменники тихони и тушицы, с ними легко, а этот дурашлив, но при этом умен.

Он в открытую может такое ляпнуть, что, будь он поближе к Риму, его обычные разговоры сочли бы посягательством на мятеж. Апсил не таясь, и в шутку и всерьез, на все лады дает понять, что, дескать, его земле было бы многим лучше избавиться и от нас, римлян, и от местных подлецов. Подлецами он кличет охочих до грабежа вождей. Он поносит последними словами самых что ни на есть именитых людей, и к тому же собственных сородичей. Его воспитатель, эллин из местных, сыграл с ним злую шутку. Он ему с детства льстил, и апсил твердо втемяшил себе в голову, будто рожден, чтобы «не отдать на поругание родину» ни нам, ни Ресмагу абазгу, ни даже дядьке своему Юлиану. Несмотря на его вспыльчивость и сумасбродство, а может, и из-за них, апсил стоящий союзник в случае какой напасти. Сиуард неглуп, скорее наоборот, смышен сверх всякой меры...

– Еще как смышен, – мои размышления прервал скрипучий голос писаря. – В его-то годы пробился в декурионы... Неплохо для варвара...

– Я говорил вслух? – удивился я.

– Ты уже давно, господин, бурчишь себе что-то под нос... Правда, невразумительное, но последнее я разобрал отчетливо... Он и вправду способен... Только вот, грамотой хромает.

– Хромает! – мрачно усмехнулся я, а про себя представил будущее Тифона.

«Эх-хе-эх, болван ты завистливый! Скоро нагрянут сарматы и повесят тебя вниз головой на ближайшей ольхе. Жаль, они не могут добраться до Рима и повесить вместо тебя старого ишака Адриана. Хотя, возможно, со временем они до него дотянутся... Хотя, нет, навряд ли. Не успеют. Варвары перессорятся из-за кобылиц, и император помрет от старости... И почему его никто не отравят?! – сетовал я в душе. – Неужели так трудно подкупить кухарку?! Та подсыпает отраву в кубок и... Вот он, таскается к спальне, как сонная муха, и падает... – мечты уносили меня все дальше. – Со смертью сильного многое меняется. Так уж заведено богами. Я могу отправиться в Рим и стать... квестором. И, может быть, со временем, когда стану законченным негодяем, я получу еще более ответственную должность».

Гадалка в пестрой накидке и с бусами однажды мне нашептала, что я стану консулом. Не могла же эта тощая шлюха так бес совестно меня обольщать?!. А что?! Политика занятие не хлопотное. Научусь собирать сплетни и передавать их кому надо. Тут главное помалкивать, и знать, кто с кем не разговаривает и кто кому завидует. Возьму с собой Тифона, он в этом деле знает толк. Буду льстить начальству, а заодно сговаривать своих соперников с императором и друг с другом. Скажу одному плохо за другого, тот в сердцах выругается, передам оскорбленному, и так до тех пор, пока они не начнут друг на друга бычиться. Справлюсь не хуже вольноотпущенника Антиноя. Говорят, раньше этот человек плел корзины на продажу, а теперь вот плетет заговоры. Завистники доносят, когда Антиной выходит в народ со своею обольстительной женой, перед ним шествуют трубачи, будто он триумфатор. Рабы сзади и спереди, таскают его в носилках, а над головой алая палатка, дабы он и его распутница не угорели от солнца. По бокам шагают клиенты. Попро-

шайки пытаются превзойти друг друга в умении польстить, а Антиной за это кормит их семьи. Такой у них негласный уговор. Молва о могущественном доносчике докатились и до наших берегов. А уж если она доплыла до нас... до нас вообще все поздно доходит.

– Ты слыхал об Антиное?

– О котором? – Тифон почесал за ухом, размашисто, как блохастый пес. – А! Это тот, у кого глаза разные? Один серый, как железо, другой...

– Нет.

– Разве?

– Нет.

– Я знаю многих Антиноев, – настаивал писарь.

– Не спорь, Тифон! Этот Антиной не чета твоим знакомым. Он достиг больших высот, стал советником аж самого принцепса.

– Ах, так?!

– Да, – подтвердил я. – Болтают, его жена носит толстенный золотой браслет в виде скрюченной змеи от кисти до локтя.

– Ух, ты! – ахнул Тифон. – Не мудрено, что я не слыхал о нем. Мы тут в глухи мало кого знаем.

«Да, мы мало кого знаем, – вздыхал я про себя. – Он прав... А нас вообще никто не знает! И не узнает! Мы живем на отшибе, и не ведаем о великих свершениях на благо отечества. А ведь выскочка Антиной славится коварством по всей римской державе, и только в Питиунте о нем не знают. Хитроумный Антиной, как Юпитер-Громовержец, поражает недругов на дальнем расстоянии. Интригами он свел в могилу немало именитых римлян, и те при этом считали его лучшим другом и обращались к нему за заступничеством и советом. Для него целый род истребить – что косточку от маслины сплюнуть. Такое было под силу только диктатору Сулле Счастливому, и то лишь в его лучшие годы. Этот человек прибег к хитростям, достойным блудницы: подкупу, к распространению

слухов, он возвзвал к самым низким и подлым предрас- судкам черни и был услышан. Так, деятельный Антина втерся в доверие к императору. Теперь его цепные псы – гладиаторы не столько охраняют принцепса, сколько держат его под стражей.

Сам Цезарь Адриан не злобный, скорее старый олух. В большинстве случаев злодеяния свершаются не по его приказу, а по его равнодушному, молчаливому согласию. Правда, в молодости Адриан был бодрее. У него были необузданые и изменчивые страсти, и постоянный, неоспоримый порок. Принцепс хлебал вино, пока не валился без чувств, как скот, или не впадал в безумие. Со временем он поостыл, и теперь похотью и жестокостью занимается в основном Антиной.

Этот эллин нагнал жути на другого эллина – Флавия. Я часто утешаюсь, предполагая, какие душевые терзания Антиной причиняет мнительному понтийскому наместнику. Стечение случайностей вознесло вольноотпущенника на самый Капитолий, и теперь его оттуда не выковырять. Антиной, пока жив император, за щитами преторианцев как за каменной стеной. А владыка Рима еще проковыляет. На все лады нахваливают его невозумимость. Прям утес недвижный! А я доподлинно знаю от одного врачевателя, он знаком с другим врачевателем, а тот выводит бородавки с принцепса, – Адриан сдержан вследствие болезненной рассеянности. Безголовый старикан не пресыщается, он забывает, что только что отобедал, я уж не говорю об ином. Ему повезло. А вот я несправедливо обижен судьбой.

– Где твоя справедливость?! – возроптал я как-то в храме, и Юпитер мне ответил, тем же вечером, молнией в крышу и градом величиной с куриное яйцо.

Простое совпадение? Хех! Как бы ни так! Я понял намек и стал держать язык за зубами. Хотя обидно. Десять лет страданий, уму непостижимо, кавказский Понт кишит разбойниками и комарами, и вместо перевода в

Никею, ну или хотя бы в тихий Синоп, мне отказано в прощении. Боги сговорились и избрали орудием пытки проклятого пропретора. Они хотят, чтобы я принял мучение, бесславно сгинул в этих проклятых горах вместе со своим крохотным войском.

Сатурн, это родитель Юпитера и древнейшее итальянское божество урожая. Дружелюбный, небритый огородник с серпом дал Риму многое, не зря итальянские земли величают сатурновой землей. А еще именем Сатурна наречен пятнадцатый Молниеносный легион с быком на знамени. Его набирали среди итальянских союзников. В таких случаях, дурят и хватают всех подряд: слабоумных, косоглазых, хромых, свинопасов, конокрадов, беглых рабов, был даже однорукий, двое немых и десятка два самнитов. Последние вообще не разумели команд на нашем. Однорукий все еще благополучно ковыляет по Питиунту, а вот немых и самнитов бросили поперек варварской конницы, и все они сложили головы в жестокой сече сразу же. Их прах погребли с почестями, воздвигли им стелу и высекли на ней их имена, но потом ее темной, безлунной ночью кто-то расшатал и выкорчевал.

Легион наш, изначально неполный, за годы, проведенные на Кавказе, несмотря на хилое подкрепление, скокожился в половину. По-настоящему на знамени надо замазать краской полтуши и оставить только зад.

Четыре когорты охраняют римский порядок на значительной протяженности, в трех прибрежных крепостях. В Питиунте стоит одна когорта, усиленная всадниками, в Себастополисе, еще одна, с дополнительным отрядом из местных, сотни три-четыре поселенцев, и в апсилийском Гюэносе самая разложившаяся. Тамошний отряд состоит из сотни пехотинцев и имеет только 20 постоянных всадников для услуг, и все они подлые мерзавцы. Впору отчистить провинцию от них самих. Эти ходячие калеки выкидывают друг друга из домов, и постоянно пытаются присвоить чужую собственность. Только этим и заняты.

Все хотят жить поближе к теплым баням и за оборонительными стенами из замшелого булыжника.

Между нами и основными силами Рима безбрежная морская гладь, и никакой поддержки, кроме надгробной плиты, которую пришлют в честь моей гибели. Наверное, ее тоже раздолбают, как это произошло с самнитами.

Никто нас не ценит. Я не ною, я говорю как есть. Мы стережем обширную торговлю. Мимо нас снуют по волнам несметные и дорогие грузы: вина, воск, оливковые масла, шелк, соль, мрамор, мед, металлы, ценная древесина, зерно, посуда, кожи, железо, меха, рабы, наконец. У понтийских племен, живущих от моря до снежных вершин, тоже есть свои ремесла. Апсилы в изготовлении оружия достигли превосходства. Лучшие оружейники в Цибile украшают рукояти длинных закаленных клинков серебром и драгоценными камнями. Они выстилают ножны овчиной, и украшают пояса чеканкой. Есть у них особые жирные масла, которые предохраняют железо от старения. Ущелье полноводного Коракса славится мягкими кожаными сапожками и длиннорунными овцами. Тамошние женщины изготавливают из шерсти толстое, правда, чуть грубое сукно для одежды, теплые одеяла,войлочные плащи, а еще прочные, непромокаемые накидки из дубленых шкур

В более теплой, прибрежной Абазии выделяются превосходные льняные одежды. Домашние прялки есть в каждом хозяйстве. Саниги, в чьих землях лежит Питиунт, искусны в рыбной ловле, особенно пеламид и дельфинов. Эти последние, преследуя стаи тунцов, становятся жирными. В погоне за приманкой они приближаются к берегу, и их легко ловить.

Есть даже такие, кто ловят дельфинов на приманку, разрубают их на куски и пользуются жиром для всевозможных надобностей. У варваров есть железные рудники, а прежде, говорят, были и серебряные. Рудокопы

добывают себе пропитание, роя огроменные норы, как медведи, и вытаскивают руду в мешках из толстой воловьей кожи.

Но от всего этого мало проку, здешние племена презирают торговлю. У них считается бесчестием приобретать трудом то, что можно обрести оружием.

Эти племена родственны друг другу по крови и внешности, наречия их схожи, но по взаимоотношениям они враждебны друг к другу и разрознены из-за своего непомерного самолюбия. Они нападают и на нас, и друг на друга немногочисленными и плохо вооруженными отрядами. В правильном сражении и на открытой местности легковооруженным варварам против фаланги не устоять, но зато им помогают родные чащи. А еще от болот тянет всепроникающей сыростью. От мокрого воздуха раны плохо заживают и начинают гноиться. Даже подраненный, если о нем сразу же не позаботиться, считай, наполовину мертвей. Засады хищных племен и лихорадка медленно и верно выкашивают римлян, особенно в одиноко стоящем на kraю Питиунте.

Изнурает и ходьба по гористой местности. Преследовать местных обитателей, бегая по их же домашним холмам, – пустая трата сил. Горцы растворяются в зарослях так же внезапно, как и появились оттуда. Сказывается недостаток лошадей и повозок. А самое главное, когда мы в дороге вытягиваемся цепочкой, вот тут-то они, как ястrebы, на нас налетают.

Повсюду с дикими племенами море наш союзник, варвары его страшатся, а тут иначе. Абазги, апсильы и саниги исстари моряки. Они могут перевозить все необходимое по морю, и жалят нас в незащищенные места, даже не устав на марше. Перед отплытием их жрецы призывают их отеческого морского бога Хайта. Этот бог у них общий. Жрец становится на корму перед тем, как гребцы оттолкнутся шестами, и начинает молить дух моря зычным голосом, отчетливо слышном при всеобщем мол-

чании. Пираты таскают обычно за собой жреца. Этот колдун бросает в море поднесенные Хаиту украшения и куски жертвенного мяса, потом поливает волны вином. Все следуют его примеру; усердно бормочут заклятия на своем, и выбрасывают за борт безделушки. После сразу начинают грести, а их вождь затягивает молитвенную песнь, которую подхватывают остальные.

Морские разбойники атакуют стремительно. В прошлые августовские ноны варвары осмелели до того, что забросали горящими стрелами галеру в гавани Себастополиса при всеобщем обозрении. Корабль запылал, как факел, а воины попрыгали в воду лягушками, и только так спаслись. Пираты осведомлены о нас лучше, чем мы о них. Их оповещают их родичи, живущие в крепостях. Враждебные ватаги то с моря нападают, то с вершин устремляются вниз. На наше счастье, им еще не пришло в голову говориться и сделать это всем вместе и одновременно. Сказывается их разобщенность.

Несмотря на весь этот тартар, мы неплохо держимся. Молчаливый строй, закованный в доспехи, стучаший мечами по щитам, с прикрывающими щеки шлемами и прорезями для глаз не раз шокировал варваров и обращал их в паническое бегство. Легионеры верят, кто в отеческих богов, кто в Митру, кто в нового бога из Иудеи, который так быстро обосновался на всем Понте. Когда у них руки-ноги ходуном ходят от страха, они верят в меня. Мне верить особо не в кого, я слишком хорошо себя знаю.

Многие по окончанию службы оседают в здешних краях. Удалившись на покой, воины обзаводятся хозяйством и женятся на местных девушкиах. Иногда римляне вызывают жен к себе, если до этого они им не опостылили. Те, кому некуда податься, обустраиваются поудобнее, и по местному обычанию разделяют свое жилище на две комнаты. Главная – просторная кухня для гостей, с очажной цепью, с клокочущим дымящимся котлом, полным каштановой каши, с решеткой, на которой коптится сыр и

сытная дичь, и другая комната, поменьше, для детей и жены.

Женатым полегче. Им готовят, их обстирывают, шьют для них. Наберут они себе на зиму дров и хвороста на растопку, и могут понежиться в уюте, посмеяться, поболтать с соседями, или просто подремать у огня в плетеном кресле, пока малыши резвятся на теплых шкурах.

Но все эти трескучие домашние очаги потухнут, если не найдутся те, кто будут целиться из лука в промокшем лесу.

Нам в этой глухомани помохи ждать неоткуда. Только острое железо и взаимовыручка могут нас спасти. С заката к горловине санигского берега идет пестрый племенной союз, который возглавляют вожди сарматов. Эти сарматы пришли к теплому Понту от края земли, от снежных границ, там говорят, сближаются пути дня и ночи, и вечно стоит полумрак. В набегах на Понт к сарматам, все чаще примыкают многочисленные, рассеянные по дремучим лесам, светловолосые склавины и венеды. Только недостаток судов и морского опыта уберегают от диких атак римские владения.

Раньше сарматы вели себя пристойно, а Боспор процветал. Эта гавань была колонией ахейцев. Раньше они там, выменивали у кочевников рабов и скот, дубленые и выделанные кожи, все то, чем славится их плоская земля. Торговля не утихала до той поры, пока в степняков не вселились злые духи. Теперь их охочие шайки рушат стены, жгут храмы, рынки, разоряют приморские города, убивают и уводят с собой их обитателей. Брошенные поселения стоят сожженные, а в домах прорастает ольха. Иногда они даже приносят в жертву богам тех путников, которые попадаются в их руки. Еще чаще купцы, сами недавно промышлявшие работорговлей, оказываются в положении рабов. Тому из них, кто не знает особого ремесла, придется таскать воду в бурдюках или пасти овец в засушливой безлесной пустыне.

Мало нам сарматов, а тут еще аланы, народ воинственный и непоседливый, начали подавать голос из-за горных областей за хребтом.

Я предупреждал – неполным легионом можно предотвратить высадку пиратских ватаг, но если большая сарматская армия двинется посуху, отразить ее не удастся. Живущие за хребтом аланы обязательно воспользуются сумятицей и тоже скатятся с гор. Я взываю, а меня и слышать не хотят.

Если абазги не отставят в сторону свои раздоры, а они их не отставят, я их знаю, аланские конники пройдут через их горные теснины, присоединятся к сарматам, и римские приделы накроет лавина. От римских когорт и поселенцев во внутренней Апсилии останутся только белеющие кости да черепа в лесах. Дальше варвары расширяющейся равниной прокатятся по Лазике и наконец-то дотянутся до тех, кто глух к предостережениям. И будут кочевники рубить овец направо и налево в удобных открытых загонах, где их коннице самое раздолье.

Нельзя в обнимку с кувшином бурчать здравицы, и всерьез ожидать для себя хорошего. Нет, и никогда не будет будущего у тех, кто не позаботится о настоящем. В богатом плодами краю мы отрезаны от основных сил империи несчетными лесистыми холмами, вероломными племенами и шумными морскими водами. О нашей гибели узнают не сразу.

– Эх-ех-хех! – вздыхал я, разглядывая свое заросшее щетиной отражение. – А от чего бывают такие синяки под глазами? – я корчил рожи перед зеркальцем из гладкой меди; оттягивал веки глаз, высовывал язык, скалил зубы, кривлялся, не обращая внимания на подозрительные, косые взгляды Септимия.

«Эх, несчастный я! Укутаюсь землей раньше срока», – мысленно оплакивал я себя. И с виду незддоров... Глаза мутные и кровью налиты. А отчего бывают такие серые круги под глазами?.. От недосыпа и солнца я выцвел, как пожухлая трава... Морская качка добила.

Даже взгляд из-под взъерошенных бровей какой-то затравленный. Я превращаюсь в какую-то диковинную морскую птицу, не иначе... Суставы ноют так, будто меня привязали к коню и на аркане протащили по кочкам, а боль в пояснице заставляет морщиться.

В Себастополисе есть толковый лекарь Габиний, но к нему еще добраться надо. В Питиунте тоже врачует знахарь, но он плут. Он дает больным, один и тот же на вкус, отвар, от совершенно разных хворей: от кашля, от озноба, от вывиха запястья, от зоба, от простуды, и даже от открытой гноящейся раны он потчует одним и тем же варевом. Я сделал это открытие случайно, перепутал снадобья с разными надписями.

И лихорадит все чаще, а наместник провинции вместо подкреплений присыпает советы. Их привозят откормленные ослы. Они тоже дают массу полезных советов. Каждый ишак мнит себя Цезарем! Если бы я им следовал, меня бы сейчас продавали бы на невольничьем рынке в какой-нибудь пиратской гавани. «Не отринь моего совета, ты меня многим моложе», – поучают они глубокомысленно.

Хорошо бы просто объелись от пузга и уплыли, нет же, уму разуму учат. А ведь без знамен и значков не сумеют отличить нашу галеру от пиратской.

– Человеком нельзя стать, им надо родиться. Запомни, Кассий, – поучал меня как-то лысый дуралей в волосающейся тоге и остроносых сандалиях. Флавий прислал этого мима для осмотра пехоты и крепости. – Нет, я не спорю, образование и опыт могут помочь вырасти, но человеком сперва надо родиться, а потом еще им стать, – рассуждал мим. – Ты понимаешь, куда я клоню, Кассий?.. И только когда человек им станет, становится понятно, что он им родился...

Что такому ответишь?! Я спросил его, понял ли он сам, что он мне здесь только что наговорил, или просто так разминает голос.

Я отогнал от плошки с сыром назойливую муху, плеснул из кувшина вина, сделал глоток, и сразу сплюнул, поморщившись, и выплеснул содержимое оловянной кружки на песок. Мелкий «крысиный» виноград как сорняк тут растет повсюду. Он годен для густой краски, а еще из него делают дешевое, ядовитое вино. Обмакнуть в него ячменную лепешку еще можно, но порознь – отвратительное пойло, невозможно влить в себя, особенно когда оно скисло от жары. Вино, которое не выпьешь, продай, иначе уксус. Торговать им, я имею в виду вино, а не уксус, чаще всего выгодно. Северные народы, например, сарматы, с которыми мы скоро поубиваемся, вообще не имеют вина. Они употребляют мерзкий настой из зерна, или, того хуже, подогретое молоко кобылиц. Зато у них много разных жарких, меховых шкур. Если бы в их междуусобицах верх взяли нормальные люди, а не демоны в человеческом обличье, мы бы наладили обмен, но вместо торговли, облегчающей нужду, мы должны свихнуться и выпустить друг другу кишки. И все во славу нескольких самовлюбленных болванов. Такова их воля! Нам бытие на море, и отправлять корабли, груженные отборным вином, в их гавани, но теперь это невозможно. Каждый, кто выйдет в открытое море, запросто станет легкой дичью. И товар потеряет, и в рабство попадет.

Мой предшественник, престарелый Лициний Каларий, был везунчик и горький пьяница. Каждую осень, когда зарывали в землю большие глиняные кувшины, он слезился, будто его мать хоронят. В мартовские ноны их распечатывали и, говорят, он радовался и пританцовывал вокруг них, как пухлый ребенок. Лоза была единственным предметом его забот: он измучился, обходя предгорья в поисках подходящей почвы. Вместо того чтобы следить за санигами и абазгами, он пристально следил за тем, как растет лоза в окрестностях Питиунта, сам подрезал, сам собирал гроздья и давил их ногами. Ка-

ларий нашел себе большое утешение, и много от этого утешения уставал. Поселившись поближе к виноградникам, легат посещал их за тем, чтобы убедиться в сохранности запечатанных бочек и распробовать новые блюда. Повара изучили его вкусы. Он любил подслащать пищу медом. Использовал также сушеные сливы, ну и, конечно же, виноградное сусло, предварительно отжав из него весь виноградный сок. Стольники свидетельствуют, из мяса Каларий отдавал предпочтение бараным ребрышкам, а говяжью печеньку почему-то недолюбливал. Все блюда для старого обжоры варились на медленном огне, с добавлением толченого перца, ягод и молотого тмина. После попоек Каларий баловал себя рыбным соусом, приготовленным из хамсы и на морской воде. Хамсу потрошili, отваривали и складывали в сосуд, наполненный рассолом, оставляя ее там, на месяц или около того. В холодную пору он употреблял сладкую смесь меда, яблок и подогретого вина. Ставя все эти опыты на себе, Каларий неплохо послужил поварской науке. Он будто нарочно лишил себя жизни, предпочитая невоздержанность в еде насильственной смерти. Благодаря ему повара достигли совершенства. Они изучили, как отбить естественный вкус у любого мяса с помощью трав, специй, орехов, меда и вина. Каларий испустил дух, вкушая загустевший соус, для которого использовалась мелкая мука из очень тонко молотой пшеницы. Вроде безобидная пища, но даже желудок свиньи может треснуть.

«Враг отечества – вот кто он по сути! – мысли мои вновь и вновь возвращались к Флавию. – Нас надо либо вывести отсюда и срыть укрепления, либо наводнить приграничье войсками». А наместник тянет время, не делая ни того ни другого. Из-за его половинчатости, мы как безрогая дойная корова, которая мычит в дремучем ущелье. Он нами дразнит варваров. На самом краю Понта ровно столько сил, чтобы притянуть молнию, и недостаточно для успешного противоборства.

Пропретор богаче ослоухого Мидаса, иначе бы я решил, что он подкуплен. Флавий утопает в пуховых перинах в своем загородном дворце размером с эфесский храм Артемиды. На широкой мраморной лестнице, устланной восточными коврами, легко разминутся два слона. Ходили слухи, в его охотничих угодьях несколько лет пряталась целая деревня беглых рабов, и их никак не могли отыскать из-за обширности его владений. Говорят, на них потом случайно наткнулись охотничьи псы, преследовавшие лань. Император, и тот скромнее. На вилле у Ариана золотые орлы на фасаде ворот, в садах фонтаны подбрасывают водные струи, а его возничие объезжают породистых скакунов, а потом запрягают их в колесницы и устраивают меж собой ристалища. Вдобавок у старого вдовца подрастает целый выводок надменных отпрысков от разных красивейших гетер.

Одну блудницу, уроженку Диоскурии, пропретор повсюду представляет своей «племянницей». До того, как она стала его «племянницей», в родной Диоскурии я ее знал как Антею. Ее многие знали. Нраву она веселого, хлещет тяжелое черное вино неразбавленным, на варварский манер, а когда хмелеет, лихо отплывается под барабаны. На мистерии Диоскуров вся окрестная детвора сбегалась поглязеть на нее. Антея танцевала в пестрых, прозрачных шелках, и вся искрилась в свете факелов.

А как похожа на смуглого дядю?! Будто он ее вычихал из ноздри. Волосы цвета огненной меди, глаза как у рыси, зелено-желтые, тончайшая туника цвета морской волны и пронизанная серебренными нитями, в ушах серповидные серьги, шея, лицо, ноги, руки – все как из точеного белого гипса. Ее одаривали подарками за утехи, и она находила им применение. На спор со мной она разрезала чашу из толстенного стекла перстнем с ледяным, сверкающим камнем. Мужа арканом не оттащишь от такой женщины. Им нечем его прельстить. Бросить изящество и удобство ради того, чтобы пасти кобылиц в их диких

степях, глупо, а Флавий не глупее меня. Иначе я был бы наместником, а не он.

«Что дальше? – я строил догадки, наблюдая за морскими воронами. Они кружили поверх дальних деревьев. Видать, там, что-то подошло. – Ресмаг разузнал о планах степняков и предупредил нас. Это говорит в его пользу, но встанет ли глава абазгов биться насмерть за далекий и чуждый ему Рим? Сомневаюсь. Я бы на его месте не стал. Ему проще заключить мир с аланами, абазги с ними соединены узами старинного родства и гостеприимства. В таком случае мы преданы закланию. Как овцы, терпеливо стоим и блеем, дожидаясь мясника, а ведь нужен-то всего один полновесный легион, чтобы предотвратить бойню. Хватит даже двух-трех тысяч копий, чтобы склонить чашу весов на нашу сторону. Я даже знаю, откуда их перебросить. Из Апсара, там целый легион изнывает от безделья, и никакой опасности. Если так, то никто не решится бросить империи вызов. Колеблющиеся племена санигов и брухов переметнутся на сторону сильного, а враждебные нам зихи заколеблются в нерешительности. В союзе со многими удастся и с аланами, обитателями здешних гор, договориться, а там, глядишь, мы сами находимся в их скалистые гавани. Пожжем все лоханки, которыми их щедро снабжают боспорские эллины. Тогда степняки останутся в своих кочевьях, на радость понтийцам, на ужас друг другу и вероломным боспорцам. Посуху, сквозь воинственные и недружественные земли им до провинции не дотянутся. Можно пойти еще дальше. За золото и посулы уговорить аланов ударить в самое сердце их кочевий...»

– Готово, – Тифон протянул мне ворох исписанных листов.

Можно тосковать в дожди, как осел в стойле, но я придумал, как скротить время. Это вышло случайно. Я хотел попросить тетку выслать мне отеческие пенаты, это такие деревянные, резные фигурки наших родовых

домашних богов. Расписавшись, я не сумел вовремя остановиться, и разразился обширным посланием. С мартовских нон я вновь и вновь его перечитываю, правлю и переписываю, будто от этого что-то зависит. Облечь отчет перед военным советом, по сути, в личное послание по образу – задача нелегкая.

Старушку я избрал не за тем, чтобы разжалобить в ожидании наследства. Скорее, ей достанутся мои пожитки, чем ее мне, если их вообще не разворуют. Сестра моей матери не имеет никакого влияния за пределами своего дома, и даже в нем с ней не особо считаются, тем более, что она подслеповатая. Зачем я пишу письмо слепой? В этом мой умысел. Раз плохо видит, так мое послание ей зачитают вслух, и будут пересказывать друг другу. Так многие узнают и обо мне, и о моей нелегкой доле. К тому же, так можно в последний раз выразить свои мысли.

Я часто гляжу на суетящихся людей, и думаю: «Это же сколькие сойдут в царство теней, так и не оставив по себе никакой памяти?! Ни хорошей, ни плохой, никакой! Они не удосужились даже составить завещания, видать, собираются жить вечно. Меня хоть какое-то время будут помнить».

Просматривая бумаги, я давал наставления.

– Тифон, вставь там, через раз «дорогая тетя», или там...

– «Милая сердцу Домника», – с непроницаемым лицом подхватил писарь.

– Да... Ну, ты знаешь, как надо.

– Почаще надо.

Ему наплевать, раз надо, он добавит соли в похлебку. У меня почерк куриный. Иногда не могу прочесть, что сам написал. То ли тороплюсь, то ли рука дрожит, но всегда буквы у меня корявые. Другое дело Тифон, у него буквы стройные, ладные. Наверняка, и доносы на меня выводит так же разборчиво, с завитушками. Не зря же Флавий приставил этого проныру ко мне. Те, кто христиане, ве-

личают Аида дьяволом. Они его представляют рогатым, в черной бычьей шкуре и с кольцом в ноздрях, пыщущих огнем, а меж тем по-элински «дьявол» всего-навсего клеветник. Это обычный человек, возводящий напраслину. Тот, кто словесами уловляет и силки расставляет для ближнего.

А может, двуличный Тифон и есть тот рогатый и злозыкий клеветник? «Может это он? – допустил я, поглядывая на писаря. – А что, если он является истинной причиной моих неприязненных отношений с пропретором? А?.. Интересно, они с трибуном составляют доносы совместно или порознь? Поговорить с ним начистоту?.. Нет, с кошкой не договоришься. Да хоть бы и так, что это изменит?! Этого я уже остерегаюсь, а с новым соглядатаем новые хлопоты. Хотя, о чём это я?! Какие там, хлопоты?! Ручаюсь, у наместника есть и еще наушники в моем окружении. Пропретор никому не доверяет, поэтому вечно сравнивает, сопоставляет. Ему надо найти противоречия и укрепиться в своих подозрениях. Такая у него душа».

Я заново перечитывал письмо. А вдруг в него вкрадлось что-то, могущее вызвать эти самые подозрения?.. Ну да. В нем только они и есть. Я ведь пишу, как обстоят дела. А дела плохи: постоянный гарнизон – четыре сотни пеших, две большие кавалерийские турмы, одна римская, другая варварская, и еще обитатели Питиунта, способные поднять щит. Всех вместе около семисот пятидесяти копий, правда, смотр общий никогда не проводился. Сам Питиунт лежит в земле санигов, и отделен от них двойным рвом и земляной насыпью. Полукругом к горам деревянные башни и частокол из заостренных кверху бревен в три человеческих роста высотой. С морской стороны стена из нетесаного песчаника, и высоченная каменная цитадель. Зимой обмен в крепости стихает, а в теплое время усиливается. На маленьком пятничке процветает бойкая меновая и монетная торговля. На торжи-

ще найдешь для себя любую мелочь, начиная от зернотерок, мотыг, грузил для ловли рыбы и заканчивая иглами для шитья. Еще здесь сбывают пленников. Именно пленников, а не рабов. Это не одно и то же. Рабами пленники становятся по ту сторону моря. У здешних племен рабство не в чести. Окрестные варвары не заставляют врагов работать до изнеможения и старости, они стремятся поскорее избавиться от них. Оттого с тяговой силой в Питиунте худо. Бывает, встретишь плотника или садовника, который согласен горбатиться за малую плату и думаешь: «Вот удача!» А тот получит с тебя задаток и тут уж оказывается, это ты дурак, а он за гроши не собирается пыхтеть. Так, поцарапает землю тяпкой, отряхнет одежды от грязи и заявит нагло: «Все! Уговор выполнен!» Даже уплатив как следует, надо быть еще хитрым, как змей, чтобы заставить работников сдержать обещание.

Продажами занимаются все кому ни лень, кроме местных. Попадаются и здешние купцы, но их мало, и они презираемы соплеменниками. Торгом в разнос, в ущельях, отваживаются заниматься самые отчаянные и разорившиеся, или те, кто в родстве с именитыми варварами. Через горные перевалы волы, запряженные в повозки, не пройдут, и даже навьюченных ослов вести трудно. Летом реки разливаются от тающих ледников и заливают тропы, а зимой снежные завалы скрывают дороги к высокогорным долинам. там в этих обособленных местах, можно выторговать теленка в обмен на ножницы, пряжку или шелковый платок. Несмотря на такую дорогоизну товаров для себя, горцы не поддерживают пути сообщения с побережьем в порядке, и даже сверх того, умышленно их портят. Этим они как бы заграживают от посторонних. На чужаков смотрят косо. Они своими устоявшимися порядками и верованиями дорожат. Часто роды собираются в военные союзы и, облюбовав какой-нибудь неприступный и укрытый от ветров котлован, отдельно селятся в чаше. К ним нелегко подступить-

ся. Обитатели этих мест предпочитают от младенчества до старости прожить в холодных, малоплодоносных, но зато скрытых лощинах. Там, стоят их хижины, крытые деревом и соломой.

«Будь приветливым!» – напутствовал меня Флавий, я переплыл море, вступил в приделы Питиунта, и первым делом отменил поборы за предоставление отпусков. По негласной традиции плату взимают центурионы. Жаль, я не мог отменить самих центурионов, особенно Аскания Флора. Он человек бессовестный. Чтобы другие исправились, его надо сбросить со скалы. Асканий превратил отпуска для безлошадных, малоимущих гоплитов в ежемесячную дань.

Он отпускал целые манипулы за заранее оговоренную плату. Некоторые уходили с его разрешения даже в долг, и слонялись по округе.

– Дети мои, у вас есть мечи. За всеми не углядишь, – по-отечески ласково наставлял их центурион. – Так что, откуда кто достает монеты я не знаю... Да и как я узнаю?! – разводил он руками. – Я же не гадалка! В чужие дела я не вмешиваюсь. Гм... Стало быть... Гм... Почему вы не уходите?

Центурион их благословлял, а легионеры оплачивали право на безделье ночным разбоем или выполняя уничижительные работы, обычно поручаемые рабам. Центурия, а вернее шайка Аскания была городским караулом, и в обычные дни они изнывали от безделья.

Не только его центурия, но и вся когорта предстала мне неряшливой и расслабленной. Стража на торжище состояла сплошь из охотников за чужим добром. Они окидывали нахальными взорами женщин и сплетничали, попивая разбавленное вино в тени. Впервые их увидев, я понял всю их суть по лицам. Прохвосты громко хохотали, непотребно ругались, играя в кости, плевались, оскорбляли прохожих, тех, кого могли, а двое из них, прищурившись, шушукались в сторонке. Они оценивали

двоих дикарей в завшивленных лохмотьях. Один держал кур связанными и вниз головой, и отгонял окриками хромоногого рыночного пса, а другой пытался удержать веревкой перепуганную, хрюкающую свиноматку. Оглушительный лай, свинячий визг, мычание стоящего в упряжке, на жаре быка, чья-то коза заблеяла, еще какой-то голопузый мальчуган со свистулькой меж рядов бегает, торговка рыбой зазывает, старушка с клюкой ворчит, от всего этого гвалта, от всех их лиц, и от духоты можно было запросто спятить.

Я подошел к горстке воинов, они недоуменно переглянулись.

– Я Кассий Лентулл Марсалий, – представился я.

– А?

– Я примишил.

– Кто?

– Я ваш старший центурион! – отчеканил я.

– А-а! – они нехотя поднялись.

– Отгоните собаку! – скомандовал я. – Отлично! Кто тут старший?

– Я! – выдвинулся мордастый и красноглазый мужчина, и стукнул себя кулаком в грудь: – Центурион Асканий Флор.

Мое заступничество пошло на пользу дикарям. Легионеры не просто так шатались по рынку. Асканий и его подручные обложили всех, кого смогли, поборами. Особым способом их шайка обчищала кошельки неискушенных молодых путешественников. Для их заманивания Флор нанял раскрашенную блудницу, она зазывала странников к себе, а там, он к ней заявлялся в самое неподходящее время и назывался ее мужем. С ним, ясное дело, приходили его оскорбленные братья, все при оружии. Простаки без лишнего шума лишались кошельков, перстней, сумок и лошадей.

С дикарями у Аскания с самого начала не срослось. Отнять свинью силой большой шум, а обмануть нет никак-

кой надежды. Они не говорили по-нашему, да и ни одно из местных наречий не разумели. Одним богам ведомо, из какой дыры они выползли на торжище.

Я обругал их, но остерегся действовать решительно. Преступников в гарнизоне было больше, чем соблюдающих дисциплину. Однако и оставлять без внимания такие проступки было нельзя. Пришлось придумать им наказание, не телесное, а то, которое они смогли бы стерпеть, иначе бы мне устроили «несчастье на охоте». Я выделил провинившихся в отдельный конный караул, и поручил им в течение трех ночей беспрерывно обходить в темное время окрестности крепости. Как нарочно, ни один волос не упал с их голов, ни одна варварская ватага на них не покусилась.

Сброд возвращался без единой царапины, на них некому было напастъ.

Асканий и его воины закипали от сдерживаемого гнева, но я тоже был неумолим и велел их перевести на скучную пищу из прелых сухарей, чеснока и воды. Ни один не отравился, им даже это пошло на пользу. Но я не унывал. В дневное время я нашел им занятие – они кололи дрова для кухонь и купален, тренировались в метании пик. За время разврата, попоек и праздности, состоящие в центурии Аскания разучилось даже самым обыкновенным военным навыкам. Припухшие от невоздержанности лица, трясущиеся по утрам руки, они промахивались при метании пик в стог сена с дюжины шагов. Первые учения открыли – никакой когорты, как таковой, нет. Есть разношерстная толпа болезненных, спившихся мужей с отвислыми животами и проржавленным железом. От силы сотня из всех, и поселенцев и легионеров, годятся для короткого боя, и то лишь за стенами.

Летом рынок многолюден. Народу, как хамсы в сектах. Покупатели, продавцы и просто зеваки стекаются на торжище из ближних и дальних селений. Племена вступают в Питиунт не только приобрести себе нужное.

Каждый уважающий себя варвар хоть раз в жизни должен потолкаться, побродить и поглазеть на иноземцев, обосновавшихся у кромки моря. Потом будет ему о чем рассказать дома.

Гуляя один, без провожатого, в простой военной тунике и неприметном сером плаще с капюшоном, я наблюдал невообразимое смешение непохожих лиц, нравов, одеяний и наречий. Вижу, купец смуглый и курчавый с гладко-обритым подбородком, в хитоне и сандалиях сидит на табурете у порога своей лавки. В руках счеты – пластина с прорезями, в них вставлены прутики, а в них проходят деревянные шарики, по двенадцать в каждом. Эти шарики называются калкули, он на них считает, отпуская меры зерна.

Вот он отвлекся, взмахом руки отстранил от себя прошайку, и, заметив кого-то, переменился в лице. Его знакомый целенаправленно ступает к нему важной походкой. Видать, почетный муж, опирается на резной, заостренный посох с бронзовым, позеленевшим набалдашником. Лицо купца разгладилось в угодливой улыбке, и он заторопился навстречу неспешному старейшине. Тот насупленный и горбоносый, как ворон, в своем длиннополом черном плаще. Его сопровождает быстроногий юноша. Они схожи чертами. Сын или внук? Молодой вертит головой среди пестрой толчеи, резко, как сорока, не желает ничего упустить. Наверное, впервые тут. Его старший и владелец лавки едва понимают друг друга, но, похоже, давнишние приятели. Вот, пожали руки, хотнули о чем-то своем, похлопали друг друга по плечу, пошли вместе, присели под навесом, виляющая бедрами рабыня им вынесла резаный кусками хлеб, сыр и вино. Опять смеются. Налили вина в чаши, разделят трапезу и обсудят дела. Фасад лавки по пояс сложен из камней, а выше открыт дубовыми створками на рыночную сторону. Купца зовут Лисимах. Он владеет несколькими такими в ряд, есть и рыбная, и овощная. Полки в его кла-

довых ломяются от дичи, меда, свежих овощей и фруктов. За прилавком его пасынок, а на широком дощатом прилавке разложены круглые, копченые сыры, скатанные в обычные шары, зелень пучками, лук, капуста кочанами, тую набитые, открытые мешки с пшеном, а рядом на подносах хлебцы душистые. Над головой продавца во всю ширину проема, на натянутых веревках развесаны пряности в мешочеках, запечатанные кувшинчики с белыми надписями, и кадки с маслами. Аккуратность и подсчет во всем. Пасынок Лисимаха отгоняет мух опахалом из павлиньих перьев, и успевает грозить попрошайке пальцем. Эти сопливые малолетние воришки, как коршуны, кружат в толпе. Выискивают, что стянуть. Пока один отвлекает жалостью, другой крадет.

Ух-ты, толмача подозвали! Он присел с ними, ему вынесли скамью, налили вина, он пыхтит, надувает щеки, как запряженный вол. Вот он переговорил со старейшиной, и затылок чешет, припоминает нужные слова и жесты. Берегись! Одной рукой покажешь раскрытую ладонь – это десять тысяч, другой – всего пять, большая разница. Ошибешься – поплатишься. Договариваться трудно, особенно когда люди придумаются. Если договор можно трактовать двояко, то его обязательно извратят, и это приведет к скандалу. Сильно парень рискует, люди разные, всем не угодишь. Вот спесивый гордец проехал верхом, ни на кого не смотрит, а этот пеший и дружелюбный, но что-то он подозрительно раскланивается. Заинсектирует? Должник? От нечистой совести? А может, просто трусит? Кто его знает?!

Этот человек опален солнцем, и взгляд открытый, а вон тот, в тени, вздыхает, и бледен как утопленник. Видать, недоедает или заразный. Кто приветлив, кто нелюдим, кто голоден, а кто пресытился до отрыжки. Кого надо понять, а вот человек, раскрасневшийся, со злым взглядом шагает, с женой тихо грызется. Его лучше обойти стороной, как кусачую собаку. Ему, похоже, нечего те-

рять. А какая пригожая девица околачивается у лавки с бусами и тряпьем!

– Кто такая?

– Лютеция, – зашептал Асканий. – Воровка.

– Воровка?

– С ней лучше дела не иметь. Обманет.

– Да?

– По мелочам, – предупредил он. – Скажет, будто что-либо стоит пять сестерциев, а на самом деле три.

– Блудница?

– Нет, – отрицательно замотал он головой.

– Жаль.

Он кивнул подбородком в сторону матроны в траурных одеяниях.

– Которая? С высокой прической, прикрытой платком? Вон та блудница, с лицом побеленным, как стена?

– Мне не верилось, но Асканий молча кивал. – Ты уверен? Она какая-то огорченная.

– Она, – криво усмехнулся центурион.

– А та смешливая?

– Которая?

– вон та озорная, с воровкой щебечет. Тоже блудница?

– Нет.

– Воровка?

– Нет.

– Что с ней не так?

– Броде все так, – в смущении пробормотал он.

– Как ее зовут?

– Юлия.

– Ты не можешь за нее ничего сказать?

– У нее брат бесноватый, – нашелся Асканий. – А еще я ее пьяной однажды видел... Но она хорошая...

Зеленая и влажная равнина вдоль берега способна прокормить стада быков и табуны коней. Она обильно, скорее даже непрерывно, растит просо, ибо хорошее орошение преодолевает всякую засуху. В лесах множе-

ство самородных дикорастущих плодов – слив, груши, яблок, орехов. Войди в чащу в любое время года и набери себе вдоволь плодов; они висят на ветках, лежат на толстом слое опавшей листвы или под ней. Благодаря обилию корма полудикие свиньи во множестве водятся в лесах, а еще охота богата косулями, оленями, тетеревами, фазанами и прочей живностью. Голод эту землю никогда не постигнет.

Край, и характером и природой несхожий с другими, лопается от изобилия, как перезрелый плод, и вместе с тем претерпевает ужасающие бедствия. Распри племен, их взаимное недоверие, здесь все соперничают со всеми, и римские порядки, насаждаемые мечом, озлобили здешних обитателей. Беды сделали кровопролитие их привычным занятием. Постоянные буйные набеги стали для них образом жизни. Процветает пленапродавство, постыдное ремесло, возведенное нами в закон. По мере того, как торговля невольниками обоего пола опустошает, обезлюживает дотоле многолюдные побережные земли, римляне обновляют крепости у моря. Сам Питиунт возвели для устрашения плавающих. Для этого свезли сюда рабов-каменщиков, плотников и зодчих из Азии. Среди них затесалась кучка высланных иудеев и эллинов, последователей нового и непонятного бога. Они даже под страхом смерти не курили фимиам в честь римских правителей, и много за это претерпели. У них бескровные жертвоприношения хлебом и вином. Они распространяли тут свое вероучение, согласно которому в Иудее родился пророк, в котором обитал дух божий. Этот человек, опять же по их словам, был сыном божиим и людей к истине обращал, но его распяли на кресте. Тут они разнятся и до хрипоты препираются по этому поводу. Большая часть считают, Христос окончил свои земные дни безвозвратно, и чтут его как духовного наставника, но некоторые полагают, что он возродился к жизни. И те и другие были ревностны к Христу, и многих

к нему обратили, пока не перемерли. Кого не надорвала тяжесть камней, скрутила болотистая лихорадка. В Питиунте вообще редко кто доживает до старости. Римляне обустраивались второпях, не считаясь с местностью, а вот варвары занимают высоты и меньше хворают. Порывистый ветер сносит комаров, или они вовсе до них не долетают, а ливни смывают со склонов отбросы и загрязненную воду. Жилища римлян, пришедших морем, теснятся в низинах, у самой кромки берега. Тут теплее, к кораблям ближе, высияющие холмы защищают от холодных ветров, но из-за этого мошкара тучами летает, а от почвы исходит тошнотворный запах сырости, проникающий внутрь домов. У бедняков жилища не с каменными, и даже не с дощатыми полами, а с умятыми земляными. Мало окон и солнечного света, стены заплесневелье. Надо строить дома на каменных или деревянных подпорках, или поднимать их ввысь этажами, но такое не каждый может себе позволить.

В старой Диоскурии бани с подогретыми чанами, и парильни, а в Питиунте даже именитые купаются в копытах с холодной водой, и заболевают кашлем. Детей стараются реже купать. Есть те, кто бережется воды, они пахнут козлами, и становятся безобразными от кожных нарываов. Камней тут полно, а мощеных площадок и дорог мало. То не хватает рук, то серебра. Только пойдет дождь, и глину месим. Людские следы, отпечатки копыт скота и тяглового, и вьючного, и коней – это еще полбеды. Настоящая гниль – это ручей, пересекающий край торжища. Он течет под уклон, за лавками, домами. Туда стекается грязная вода, и сбрасываются нечистоты. Заводить лодырей убираться за их собственными амбарами было делом не хлопотным, и я, дурак, похвастался затеей пропретору. Флавий быстро смекнул и отрядил двоих своих доверенных родичей, чтобы они присматривали за торжищем, ну и себя поставили на прокорм. Наместник тонко чувствовал, где можно поживиться. У

него на это нюх. Я только укротил поборы воинов, а посланцы пропретора поставили у горных ворот, на самом торжище, и у пристани особые столы – считают вывозимый товар и въезжающие повозки, с каждого мешка шерсти, с каждой корзины сшибают плату. Они собирают понемногу, но со многих, монеты стопками слаживают, собирают в кубышки и делятся с наместником. Торгаши, поняли, кто из нас тут настоящая власть и за пару лишних мер серебра откупились от уборки. Сборщики заработали и на этом. Так, я нечаянно выдумал им новый вид побора. Когда я возроптал, Флавий прислал мне строгий и недвусмысленный приказ: «Кассий Марсалий, не вмешивайся в дела державные. Они выше твоего разуменья. Ты не мытарь, и это не твое дело» Узаконенная шайка с вощеными дощечками и печатями имела длиннющие корни на одном берегу, а плоды собирал Флавий на той стороне моря.

У нас всегда так. Если хорошее начинание не могут запретить, то подберут нерадивых, кто это дело загубит. Так что мздоимство превратило поселение в гнойную, но зато прибыльную помойку.

Болотная лихорадка отравляет природу цветущего края. Местные варвары, и те, кто имеет примесь их крови, ее легче переносят. Если честно, здешние царьки и их домочадцы не такие уж и варвары. Они полуварвары, и это делает их вдвойне опасными. Они непредсказуемы для нас как чужаки, а мы для них, наоборот, открытая книга. Их патриции, сблизившись с нами, перенимают римские и эллинские одежды: шляпы, плащи, башмаки, хитоны, туники с длинными рукавами, тоги, они также легко изъясняются на латыни, как и на своем шипящем, свистящем наречии. Они подражают нам не только в манерах, но и в повседневном быту: украшают свои дома колоннами, портиками, ваннами, мозаичными полами и черепицей, но, иногда, эта сельская идиллия оглашается гиканьем всадников. Если воздух стал горелым, значит,

варвары пустили в ход свои длинные кинжалы. Как и водится между народами, мы переняли друг от друга самое худшее. Римляне расслабились и отбросили дисциплину, а варвары научились пленоподавству и коварному соперничеству за обладание властью.

Племена сотрясают междуусобицы, и эта страна сытых людей потихоньку превращается в пристанище диких зверей и сорняков. Есть такие местечки, где хозяев перебили и продали в рабство, а их сады продолжают плодоносить, охваченные наползающей чащей. Там где кончаются возделанные пашни равнинной знати, подвластной Риму, начинаются заброшенные земли. За ними дремучие, ничейные леса, и дальше вольные враждебные общинны. Особо с ними ратоборствуют царь Ресмаг – подданный императора. Уже целое поколение горных людей родились и состарились, отрезанные от внешних сношений. Они предоставлены своей вольнице – свободе умирать от огня, меча и болезней. Гордецы не помышляют о сдаче. К сопротивлению их подстрекает нанесенное им возмутительное оскорбление: Ресмаг воспользовался римским правом, поделил страну вместе с жителями на вотчины и раздал их в удел своим людям. Он поступил так, будто живущие на этих землях люди – плодовые деревья, прилагающиеся к участкам, и не обязательно спрашивать их мнение. Царь устроил ряд лицемерных собраний, где несколько подхалимов проорали, что положено. Ресмаг соблюл церемонии, но они никого не могли обмануть: он не уважил ни старейшин родов, ни воинов, ни бедняков, ни пахарей. Абазги, не привыкшие к такому обращению, воспламенились гневом, их поддержали саниги, которые тоже натерпелись от своего правителя Спадага, и задымилась изнуряющая вражда против Рима и его ставленников. Стычки идут и на море.

Эти племена с давних пор морские воители. Раньше их за это прозвали возничими – гениохами по-эллински. Без их спроса никто не решался сновать вдоль берегов,

только взяв с собой их проводника, можно было безопасно плавать.

Даже и сейчас, на закате, есть укромные местечки, недоступные повелениям императора. Это настоящие логова. Там пираты, укрывшись, спокойно распоряжаются добычей, смолят остроносые ладьи, и не спеша, на досуге, намечают новый разбой. Не желают они терять свой старый источник доходов, и упорствуют в сохранении независимости. Быстролетные галеры приносят прибыль не только своим владельцам.

Хитроумные перекупщики извлекают выгоду из сношений с морскими разбойниками. Они перекупают крашеный товар вполовьены, а иногда даже выменивают на обычную соль или железо. Раньше сбыт награбленного процветал, и даже слыл почетным занятием. Пока римляне, в крепостях, драли глотки и буйствовали в харчевнях, скопцы теряли все, а те, кто умел делиться, преуспевали за счет тех, кто не уплатил мзды. Бывали и смехотворные случаи – тюки шелка, украшенные слоновой костью ложа, пахучие благовония и даже свитки книг возвращались из пиратских гаваней в те же римские, откуда они вышли, на повторную продажу.

«Даю месяц, – рассыпал приказы деятельный Флавий. – Проконопатьте, просмолите и приведите в порядок корабли...» В назначенный день римляне разом вышли из гаваней Питиунта, Себастополиса, Гюэнеса, Фазиса, Акампсиса. У многих римский флот отбил охоту скитаться по водам, немало чернобоких галер было потоплено, но уворачивать болезнь полностью не удалось. Есть еще отчаянные и на редкость увертливые главари, они знают, как провести юркие суда сквозь все наши предосторожности.

Южнее Гюэнеса стоит на прибрежном холме деревянная смотровая башня, такими усеяно побережье. Каравульным приказано – заметите неприятеля в море, зажигайте предупредительный костер. Дозорные стали

жертвой собственной расхлябанности. Пираты напали темной, безлунной ночью, но прежде подкрались, не заметно нанесли хвороста, потом полили его горючим маслом и подожгли. Захмелевшие римляне спросонья попрыгали вниз и попали в плен с переломанными конечностями, а разбойники, пристав лодкой к берегу, увелокли их с собой, как обгорелых кур.

Пришлось флоту опять выйти в море. Мы особо не разбирали, кто стоит за нападением. Римляне высадились на берег санигов, к полуночи прорвались сквозь дебри, и испортили им какое-то их гулянье с плясками вокруг костров. Мы похватали всех, без разбору, около двухсот заложников и погнали их, покалывая пиками, к берегу. Царю санигов передали через остальных, что мы разменяем поселян на своих людей. Спадаг возроптал, на такое, дескать, он на римлян не покушался, а ему ответ заранее заготовлен – ждем до третьего заката или продадим их, как свиней. Спадаг осерчал, но сбросить со щита превосходство римлян в оружии не отважился. Не знаю, откуда он их достал, но нам вернули наших баранов. Они плакали, и размазывали сопли по щекам от счастья. Грязь, а не мужи.

Морских разбойников подпитывают не только саниги, но и недовольные Ресмагом наместники из абазгов. Здесь несколько крупных варварских племен, но особые хлопоты с санигами и абазгами. Апсилы поспокойнее, а обитатели ущелья Коракса заперты в горах, и от них мало вреда. Еще недавно, царь Ресмаг числил наместников своими людьми, а теперь они лишь на словах признают его верховенство. Чем больше предводитель абазгов дряхлеет, тем глубже раздоры подтачивают его власть. Когда это старое, дуплистое дерево рухнет, а оно рано или поздно рухнет, дела пойдут еще хуже. Царские родичи, еще при живом Ресмаге, оспаривают друг у друга первенство, и прикрывают все это наигранным негодованием и речами о справедливости. Вся их справедли-

вость в том, чтобы самим усесться на шатающийся трон и раздать своим сторонникам богатства Абазгии. Так что разногласие лишь в том, кто будет доить коров. Вожди, движимые завистью и ненавистью друг к другу, не так опасны для римлян, как народное движение. Ему, хвала богам, еще не нашлось единого предводителя.

У абазгов стрелы острые, как бритвы, и далеко бьют. Они легко воспламеняются, если им что-то не понравится. Больше всего, даже больше римлян, их злит их собственный царь, это уж у них так заведено. Слыши, как мы меж собой зовем их царя Рексом (по латыни «царь»), они исказили латынь и начали называть его Ресом. Тот недолго думая нарек своего наследника Ресом. Так и повелось у абазгов, зовут царя Рес, а вообще их родовое имя Маг, и происхождением они из жрецов. Но обо всем по порядку, сразу всего не расскажешь...

Загораю я себе на берегу и вдруг слышу далекий, едва различимый, звук боевого рога. Странно. Три большие трубы я таскаю с собой, правда, одна утонула, это на случай тумана в море или чтобы люди в крепости меня услышали в случае чего, а тут кто-то издали дудит.

У варваров в ходу охотничьи рожки, с тоненьким, писклявым звуком, и их не спутаешь с хриплым, бычьим ревом буцины. Это ее протяжный отголосок.

В полете стрелы от меня заросли низкорослого кустарника, а еще левее пологий к берегу холм. По нему тропа восходит к покосившейся хижине на макушке холма. Безлюдно, хижина облеплена, как паутина, ветхими сетями, только корова, с выпирающими из облезлых боков ребрами, бренчит колокольчиком рядом с ней. Пока я кашал, она пила соленую воду из небольшой лужицы, оставленной морскими волнами на берегу, а потом вкарабкалась пощипывать травку поближе к хибаре. Приморские жители часто выгоняют свой скот на водопой к морю. И коровы, и быки, и козы пьют морскую воду с очевидным удовольствием. Говорят, это питье для них

полезнее пресного. Но только не для этой рухляди. Я узнал это страшилище, такое ни с чем не спутаешь. Хозяйка коровы миловидная Юлия. Юлия сирота и выросла под присмотром няньки. Я знаком и с ее постаревшей нянькой, и с ней самой, и с их костлявой скотиной. Их бродячая корова каким-то чудом умудряется совершать длительные переходы, и возвращаясь выдает им кружку молока за раз. Обычно прибрежные, полуболотные коровы худеют к исходу холодов, но скотина Юлии скинется по округе тощая, как смерть, и в тучные и в скучные времена. Корова жевала, но не толстела, как и сама Юлия. Правда, сама Юлия многим краше. Только ее болезненная худоба, которую она считает изяществом, ее слегка портит. Откормить ее надо как следует. Я имею в виду хозяйку, а не корову. Той уже ничем не поможешь. Мясник отказался взять ее на забой. Говорит, такую слизь не то что есть, трогать нельзя.

— Ты не слышал?

— О чем? — встрепенулся Тифон.

— Ни о чем, — отмахнулся я.

Надо быть чутким. Этот дремотный покой — призрачный. Когда окончится выгрузка, мы выставим охранение к кораблям, пойдем и снова запремся за воротами. Не только земли, расположенные за пределами известного нам мира, но и сами окрестности Питиунта таят угрозы. Как-то римляне их недооценили.

Задолго до того, как я здесь очутился, римляне построили в приграничной с брухами горной Ачишхе, это на их наречии «Лошадиная гора», башню, нависающую над деревянным мостом, и еще одну над выходом в долину. Обе башни укрепили лучшими воинами из местных племен, пешими и конными, а надзирателем поставили некоего Скепарну, родича абазгского царя. Именитый варвар происходил из союзного нам дома Магов. Он их, и мертвых, и живых, опозорил своим предательством. Ресмаг его приблизил, уговорил санигов, римлян, и по-

ставил его общим предводителем, а Скепарна ему ответил черной неблагодарностью, но не сразу. Поначалу этот Скепарна притворился верным человеком. Начав с малого, он во многом преуспел. Заготовил для войны щиты и копья, железные шлемы, наручи, поножи и латы из пластин, а еще луки и пращные шары из свинца на-делал. Римляне снабдили Скепарну искусно придуманными камнеметами, чтобы они находились на башнях и на возвышенностях, удобных для метания булыжников и зажженной пакли. Варвар, сведущий в воинском ремесле, набрал себе ополчение из санигов и абазгов и разделил их по римскому образцу, на малые отряды по родам оружия и каждому отряду – велитам (легковооруженным), лучникам, щитоносцам, всадникам – приказал действовать самостоятельно. Обычно их племенное войско перемешано в беспорядке.

На общую беду это понравилось Люцинию, и Скепарна был выслан вместе с цветом варварской молодежи морем в Фазис. Когда я говорю «понравилось», я не имею в виду, что Люциний что-либо понимал в устройстве крепостей. Он бражничал с абазгом, а тот умел много выпить и не захмелеть, а еще лихо отплясывал и бился на палках. Ослу Люцинию этого хватило, и он, как я уже говорил, отоспал его в Фазис.

Там, легат Брут Атилий, не последний человек из римлян, собирая союзные племена для похода против нечестивого парфянина.

Все народы Кавказа по эту сторону горной гряды, все зависимые племена выделили отборных ратников для участия в предстоящей кампании. Атилий вступил в парфянские приделы во всеоружии: с четырьмя легионами, вспомогательными войсками армян и с конницей горцев. Он выступил в помощь иберам и армянам, и как встарь, во времена Помпея Великого, римляне и союзные варвары каленым железом вторглись в глубь враже-

ской Парфии и прокладывали путь по трупам парфян к сердцу их страны.

В одной малозначимой стычке неосторожного Скепарну сцепали аланы, союзники парфян, и утащили его с собой. Абазга Скепарну, ввиду многочисленности варваров его племени, надо было выкупить, но Атилий не пошел на сделку. То ли посчитал это бесчестием, то ли пожадничал, то ли его раздражало своеволие абазга. Возможно, он думал, стоящего врага поймают, но не поспел. А тем временем аланы выдали знатного абазга парфянскому царю. Что с ним потом сделалось, одним богам известно, молва разное носила. Лет пять тому назад, уже при мне, один диоскурийский купец всюду трезвонил, что повстречал бородатого и поседевшего Скепарну, или похожего на него абазга, в каком-то персидском захолустье. Тот, дескать, мотыжил сухой песок, который они там, землей считают, и был счастливо женат на узкоглазой женщине. Эти слухи посчитали выдумками, которыми часто грешат словоохотливые торгаши, но их сразу припомнили, как только Скепарна объявился в горах.

Рачительное отношение Атилия к казне, наверное, он так объяснял свою жадность, не пошло ему впрок. На пороге немеркнущей славы боги от него отвернулись за его спесь. Посреди одного из переходов светлый день стустился ночью. От тьмы заржали кони, запряженные в повозки быки замычали, и даже куры в плетеных клетушках ударились в панику. Воины исполнились робостью. Особенно возроптали варвары, недовольные тем, как далеко они зашли от отчих пределов. На военном совете мнения разделились, пошел разлад, и абазгская часть, оставшаяся без твердой руки их вождя, рассыпалась в прах. За ними и лазы, и апсылы, и прочие племена возмутились, отказываясь подчиняться человеку, бросающему их предводителей на съедение врагам. Атилий подозревал варваров в измене, а те его – в желании купить победу ценой их крови. Дескать, он для убедительности чуток разбавит

атакующих своими людьми, а их потом за это возвеличит, и присвоит им и себе победу. Может, так Атилий все и задумал, этого уже никто не узнает доподлинно.

Тут, на общую беду, парфяне появились и разорвали римский строй быстрыногими колесницами. Немалые потери, а еще более – повсеместное брожение в воинстве вынудили Атилия отступить. На ночь римляне развели в лагере побольше костров, привязали к изувеченным коням и ослам факелы, пустили их пастьись на волю, чтобы те передвигались и создавали видимость присутствия войск. А сами они еще до рассвета отошли подальше, и двинулись вспять к армянским горам.

На крутых каменистых насыпях равнинная конница парфян от них отстала. Атилий спасся от преследования и полного разгрома, но все же итог компании был плачевым. Римляне хотели избавить Армению и Иберию от парфян, а на деле Атилий избавил многие племена от их собственной молодежи. Это не добавило Риму симпатий. Ко всему прочему, этот поход, а вернее стеченье его многих случайностей, породили этого злополучного Скепарну. На парфянское золото он возобладал в стане наших противников. Его имя пронеслось далеко, и вернувшийся перебежчик возмущал то санигов, то брухов, то абазгов, то по перевалам перебегал к обитателям ущелья Коракса. Раньше можно было себе позволить раскинуть шатер в лесу, побродить с луком и стрелами в поисках кабанчика или фазана, расслабившись повалиться в тени скалы, на берегу прохладного горного озера, а теперь римляне опасливо озирались по сторонам, и проводили лето за стенами, на удушливом от зноя побережье.

Постоянное ожидание беды изматывает человека, можно от этого запросто свихнуться. Чтобы выдерживать каждодневное напряжение, надо быть или философом, или толстокожим двуногим бараном, как трибун Апий Юний Курина. Апий спятил задолго до высылки в крайнюю оконечность империи. Говорят, в Риме он что-

то постыдное перед соседями сотворил, и его выпроводили подальше. Так что наследный патриций ступил на дальний кавказский берег уже будучи приуроком. Мы тут ни при чем. Я с самого начала заподозрил неладное, но думаю: «Нет, не назначат трибуна человека неопытного, и вдобавок тихопомешанного. Такого быть не может!»

Еще как может! Флавий, по необъяснимой причине, покровительствовал слабоумным, метившим на высокие должности. Я долго отказывался в это поверить, но это так. А выходки моего сотоварища терпеть все труднее.

– Как он? – спросил я Тифона.

Он без имени понял, о ком я, промолчал и брезгливо поморщился.

– Что? Совсем плох?

– Сдурул от скуки, – выдохнул Тифон. – Не стрижется, не бреется, на медведя похож. И пахнет также... А еще в кости проиграл перстень.

– Да?

– Что творит, а?! – запричитал писарь, раскачивая туловищем из стороны в сторону, как змея. – Подружился с этим... Как его?.. Финикиец...

– Гамкаар, – подсказал я.

– Ага. К ним еще какой-то бродяга примкнул большеносый и худой, как жердь, – ябедничал Тифон. – Когда тебя не было, Апий с собой приволок мартышку.

– Мартышку?

– Мелкая такая обезьяна.

– А! Я ее видел, – припомнил я.

– Они до того допились, что Апий облачил обезьяну в тряпку, для рук дыры прорезал и для шеи.

– Зачем?

– Она им на задних лапах танцевала. Апий заставлял нас хлопать в ладоши, и песни непотребные ему подпевать. Потом он, вдруг, ни с того ни с сего, я так и не понял, за что, схватил бродягу за бороду и давай орать ему

в лицо: «Изdevаешься?! Ты кто такой?» Я, говорит, Апий Юний Курин! – передразнивая его, писарь ударил себя ладонью в грудь. – «А ты кто такой?!» «Ты кто такой? Я кто такой? Ты кто такой?»... Какой позор?! – ужаснулся Тифон, прикрыв глаза пальцами. – Стряпуха на крики прибежала, а он на нас взревел, как тур горный. Слюной брызжет: «Знаете, кто я?», грудь колесом выпятил, и колотит кулаком по столу, аж тарелки подпрыгивают. Я его успокаиваю: «Ты господин наш, военный трибун Флавиева легиона, милый нашему сердцу патриций из славного рода Куринов».

– Хорошо выкрутился!

– Куда там! – отмахнулся Тифон. – Он хватать факел со стены, дверь ногой толкает и кричит большеносому: «Выходи. Раз ты надо мной изdevаешься, на ножах драться будем!» Финикиец у него на локте повис, не пускает. Я не хотел с ним связываться, раз он факелом размахивает. Апий все-таки дотянулся до большеносого, хитон ему порвал, и они втроем по полу стали кататься.

– Кошмар!

– Не то слово! – подхватил Тифон. – Сцепились на мертвое, у него тога вспыхнула...

– У Апия?

– Да, чуть пожар не устроил. Старуха стала на себе волосы рвать, и воет, как плакальщица, а потом их водой из ведра окатила. Они, как кошки, в разные углы бросились. У мартышки шерсть дыбом всталла, она такое не ожидала. Трясется, на четвереньках хочет уползти, но Апий давай ее душить, а мы ему мешали.

– Задушил?

– Вырвалась. Она ему все руки исцарапала. – Прежде чем снова заговорить Тифон перевел дух. – Поутру тихий был. Как мертвец, в потолок смотрел, лежал, не разговаривал, только воду часто просил... Пошел я с ним в полдень на рыбалку, думаю, вода успокоит.

– Куда?

– На междуречье, не там где водопад, а другой рукав.
Так он, когда рукав... то есть обезьяну... Тыфу, ты! – сплюнул Тифон – Он рыбу словить не смог, опять потихоньку напился, и снова обзываются: «Обезьяны вы!..», говорит...вы...

– Обезьяны? Кто?

– Я и... этот, как его... – Тифон прищелкнул пальцами.

– Кто?

– Асканий Флор!

– Ну, Асканий... Он... Гм...

– Я Аскания уговорил со мной пойти, одному боязно.
Но правды я ему не сказал, боялся, откажется... А трибун руга-ется! – произнеся это нараспев, Тифон снова стал раскачиваться. – Оба вы, говорит, обезьяны бесхвостые, а сам я, говорит, третья, горестная...

– Горестная?

– Так и сказал. А еще он сказал, люди... – прежде чем это вымолвить, Тифон опасливо огляделся по сторонам и понизил голос: – ...люди те же самые мартышки, только бритые и говорящие... Поминаешь, Кассий, куда он клонит? А?

– Э... Не совсем.

– Все люди! Все! – пояснил Тифон заговорщицким шепотом. – Даже император.

– Ушам не верю!

– А что император не человек?!

– И ты не возразил?

– Кассий, ты меня знаешь! – всплеснул он руками. – Этот Асканий как мышь сидел, а я говорю: «Наша предводитель достойный муж!», – твердо заявил писарь и стукнул кулачком по столу. – Не может, говорю, наш Кассий происходить от глупой кривляющейся твари.

– Ты молодец, Тифон! – откликнулся я. – Это делает тебе честь. А он что?

– Тоже говорит, наш родич. Обезьяна, говорит, нам всем мать.

– Мать? Так и сказал?

– Если не веришь, я поклянусь...

– Не надо! – остановил я его.

– Он предупредил тебя об этом не расспрашивать. Все равно, говорит, будешь наотрез отпираться... Будешь?

– Хех! – хмыкнул я. – Конечно буду! Об этом не стоит говорить вслух.

– Ясное дело, что я дурак!

– Гибкий человек, – подытожил я.

– Чем дальше, тем хуже, – подтвердил Тифон. – Когда расслабляющий отвар из корешков пил, еще ничего, а теперь такое несет... – махнул он рукой, – аж оторопь берет.

– Это ты с непривычки, – вздохнул я. – Есть вещи, которые нам лучше не знать...

– А как к такому привыкнуть?! – Тифон беспомощно развел руками, а потом вдруг призадумался и уставился на меня округлившимися от изумления глазами. – Постой, Кассий, ты хочешь сказать... по-твоему...

– Боги нас сотворили, боги, – успокаивал я его. – Да, боги, кто же еще, Тифон?! Но, пойми, они откуда-то должны были... Ну, нас же из чего-то надо было вылепить. Они и взяли то, что было под рукой.

– И что, ничего получше для нас не нашлось?!

– Что? Бараны?! Тифон, не смотри на меня так, будто я скот говорящий! – осадил я его. – Ты, давай, поменьше думай об ерунде, а то сам расхвораешься..

От жалоб Тифона у меня голова пухла. Лучше бы Апий непротрезвел вовсе. Трибун проявил такое рвение к законности, от которого у меня аж глаз задергался. Видать, он хотел укрепить свой пошатнувшийся авторитет. В глазах окружающих трибун хотел казаться добродетельным и нетерпимым к чужим порокам. Противоборствовал он злу в грязной харчевне, где пил со всеми подряд, выбор был невелик. Есть такие мерзавцы, они только и делают, что обличают других за чаркой. Там трибун уличил на словах какого-то пьянчужку, что тот умеет оглушать ко-

ров молотом и владеет арканом. «Ага!» – вскрикнул Апий и запрыгнул на бочку, чтобы его все видели. И оттуда, с бочки, Апий прилюдно обвинил болтуна в угоне скота, воины смеялись, пока он не скомандовал им: «Ловите его!» Трибун повелел бить несчастного плетьми, пока тот не сознается.

Жаль, скотокрад не проявил твердость! Это стало бы примером самоуправства дознавателя. По римскому праву, вершащий скорый, неправедный суд повинен более чем обыкновенный воришка. Но словоохотливый олух раскололся как орех-пустышка, трибуна вызволил, а себя обрек позорной участи. За совершенное им преступление закон карает ужасающей расправой. В назидание другим и на потеху черни, осужденного запрягают под ярмо и гонят, как вола, по уложкам в бычьей шкуре и с рогами на голове, подбадривая хлыстом или палкой. Изуверов оказалось достаточно, беднягу избили до неизнаваемости. Потом его тут же, на невольничьем рынке сбыли рабом на купеческую галеру. Покупатель обменял его на пушистого и оскопленного персидского кота, так что трибун не в убытке.

Я знал, что у этого пустышки Апия болезненное самолюбие, но все же я не ожидал, что подобная расправа доставит ему удовольствие. Я думал, он свинья, а он, оказывается, душой шакал. Не то чтобы я поощряю кражу, подобное не заслуживает награды, но я бы никогда не позволил такой жестокости взять верх. Эта старая, пастушья традиция, хвала богам, отжила свой век. Уверен, содеянное очернило нас во мнении окрестных племен. Подобная забава часто обрастет подробностями, и тех, кто такое поощряет, ждет наихудшее. Так, разнужданное отребье подменило законность своим скотским понятием о справедливости. Вдоволь они потешились.

В мое отсутствие произошло и другое, серьезное происшествие, повлекшее за собой далеко идущие последствия. На полпути от Питиунта к Диоскурии, у пересе-

чения двух дорог, побережной и горной, у реки стоит речная мельница. А чуть выше нее по течению – удобный пеший брод. Там, стремительный поток вытесал на дне неглубокие каменные ложа, и женщины в них стирают. Эти ванночки для них удобные. После полудня нависающие над обрывистым берегом дубы укрывают их тенью, а из речного ущелья вечно дует прохладный ветерок. Туда, под сень шумящей листвы селянки приносят корзины с бельем, а на противоположном берегу вьется тропка, уводящая дальше вглубь леса.

Девки пришли, как обычно, чирикают, как пташки, и вдруг одна споткнулась о спящего человека, завернутого в испачканный и мокрый плащ. Ясное дело, она от неожиданности вскрикнула, но так или иначе, ей бы все равно пришлось заголосить. Хладный труп. Его плащ, одежды и даже спутанная борода – все было пропитано кровью. Так обнаружилось тело именитого абазга. Его пронзили заостренным и обожженным, для крепости, посохом, и наверное, подбросили к тому месту. Его конь пасся на поляне неподалеку. Он не мог спустить хозяина с обрыва и вернуться обратно на возвышение. Кони обычно не спускаются по деревянной лестнице.

– А кто он? Его опознали?

– Он известный в их племени. Прозвище у него странное... Аф.. Нет, мне этого не выговорить...

– А ты все-таки попытайся! – подначивал я, ковыряя тростинкой в зубах.

– Аф... Х, какое-то гортанное... Афхар. Да, точно Афахар

– Афахар. Афахар – повторял я, припоминая. – Афахар! – вскрикнул я и подскочил, как ошпаренный. – Почему раньше молчал? – Вместо ответа Тифон захлопал глазами и растерялся – Он погиб?

– Что?

– Он умер?.. Тифон, очнись!

– Да.

- Уверен?
 - Сказали...
 - Что значит, сказали? Не мямли!
 - Да, мертв он!
 - Точно?
 - Точно, – подтвердил Тифон.
 - Фиу! Фиу! – присвистнул я – Не удивляйся, Тифон.
Его раза три объявляли убитым.
 - Почему?
 - Все мечтали, что его кто-нибудь подстережет и убьет, но никто на это не отваживался.
 - Почему? – осторожно осведомился он.
 - Потому что он живучий, как кошка.
 - Почему?
 - Что ты заладил «почему, почему»?! потому что Он не человек, он демон.
 - Демон?
 - Он неуязвим.
 - Еще как уязвим! – заспорил Тифон. – Острие пронзило его нас kvозь, и вышло наружу.
 - Даже так? Наверное, это результат какой-то ссоры между варварами...
 - Ужасный случай.
 - А это для кого как, – буркнул я.
- «Их братьев целая орава, и все они известны своей мстительностью. Кто дерзнул? – думал я, поигрывая в пальцах отлупившейся от стола щепкой. – Да еще таким ненадежным, доморощенным оружием. Убийца или храбрец или глупец. Может и то и другое. Неужели он не предвидел последствий? А может, он попросту не знал, кого заколол как кабана?»

Многие втайне желали Афахару погибели, и мало кто опечален известием о его смерти, но все же никто не решался тягаться с ним в открытую. Есть такие демоны, которые принимают человечье обличье. Они схожи со смертными, они из плоти и крови, нуждаются в пище и

питье, им холодно и жарко, они женятся и заводят детей, но от них веет холодком смерти. Афахар редко улыбался и почти никогда не смеялся, сохраняя одну и ту же застывшую маску на лице. Медлительный и молчаливый в разговоре, он был беспощаден во вражде. Дерзкий разбойник был настоящим бичом для всех, кто не мог выставить против него превосходящий по силе отряд.

Взгляд у него безжизненный и редко мигающий, а сами очи его желтые, как ястребиные. Немногие выдерживали его взгляд, сердца у них начинали колотиться, как у пойманных пташек. Теперь его мертвые враги отомщены, а живые души избавлены от гнета.

Крал он еще сызмальства, с горсткой таких же оборванцев, как и он сам. Позже удачные набеги позволили ему обзавестись постоянной, преданной ему ватагой конников. Он набирал всадников и безлошадных из разных племен и вооружал их дальнобойными луками, длинными, для конного боя, двуручными мечами, и круглыми щитами, обшитыми слоями толстой бычьей кожи. Принимал он под свое крыло любого отверженного племенем, лишь бы тот был не трус. Они все, как один, дружные воины, но право, этому краю было бы лучше, не родясь Афахар вовсе, и не собери он их воедино.

Афахар действовал с размахом и осторожностью одновременно. Будто на точных весах, он взвешивал мощь своего оружия, и никогда не ошибался. Он не задирал ни римское воинство, ни сильных из своего народа, зато тех, кто послабее, он обращал в прах, обирал до нитки, дочиста. «Ах, какой он был щедрый!» – наверное, так похвалят его в поминальной речи, и нимало не погрешат против истины – Афахар охотно делился чужим добром. Это позволило ему сколотить вокруг себя жадную волчью стаю, состоящую из худших людей. Он был ловчим, а они соколами. Он осматривался, а потом напускал их на наименее защищенную область. Пока Афахар не вошел в силу, он орудовал в темени, и внезапно. Надолго не за-

держивался. Рассвет, плачущие неприкаянные старушки и прочие немощные встречали уже на догорающем пепелище. Для прокорма у них оставались наполовину вытоптанные огороды. Нивы он поджигал только в крайнем случае.

Надо отдать ему должное, этот воитель не склонялся к бессмысленной бойне. Он охотно щадил тех, кто не сопротивлялся ему открыто и силой оружия. Афахар брал в плен пригожих девиц и юношей и продавал их невольниками. Он вынуждено прибегал к пагубному насилию над их домочадцами, опасаясь мести, и всегда окружал себя воинственной толпой. Без провожатых, как правило, он не забредал далеко от своего дома. А жилище свое он устроил на высоченной горе и окружил палисадом из бревен. Афахар был карой для тех, на кого уже напал, для тех, на кого собирался напасть, а для своих приспешников он и вовсе стал проклятьем. Дружелюбным обхождением, лестью и подарками, вместе с устрашающей мольбой, он принудил многих, в том числе и доселе достойнейших, участвовать в своих темных делах. Они нажили себе дурную славу и кровных врагов, ибо Афахар их сделал соучастниками своих беззаконий. Он повязал их общностью со своею судьбой. Однажды пролив кровь, они уже нигде не чувствовали себя в безопасности и старались не ходить затемно. Соратники Афахара не высывали носа пешими и в одиночку, ибо были все одинаково ненавистны и абазам и санигам. Только хитрость, изворотливость, удачно заключенные брачные союзы и невероятное везение их вождя позволяли его людям благоденствовать до поры. Варвар правил по бурной реке ловко, играл на противоречиях между римлянами и племенами, между санигами и абазами, между отдельными родами и царями. Он заставил всех с собой считаться, кого обманул, кого запугал, кого стравил, и с недругами, казалось, со всеми рассчитался, а оно вот как все для него обернулось. Наскочил его плот на камень!

Задумка его бессердечна, но не лишена здравого смысла: раз нет высшего судьи, какой прок засевать свое поле?! возьми силой чужое, и уже готовое, из амбара. Почвы ему в наследственный удел достались худые, водянистые, что не посадишь, то плохо уродится, сплошной ольшаник. Афахар не стал мучиться на земле, в которую его закопают. Он разделил свои холмы на башни-крепости, отгородил каждое жилище ячейками рвов, превратил все вместе в настоящие осинные гнезда, и натащил себе добра от соседей. Это удалось ему не сразу. Для начала Афахар терзал санигов, родичей абазгов. Те начали мстить абазгам, и тут Афахар стал заступником своего племени. А на самом деле он был зачинщиком распри. Жрецы их не единожды мирили, и кое-как уняли пожар. Афахару пришлось обратить взор на своих. Он довел тлеющие внутренние склоки до открытой междуусобицы и вверг, уже абазгов, в нудную, братоубийственную вражду, где каждый соперник каждому. Перестарался он с этим делом, вот что его подвело. Потихоньку, волей-неволей он восстановил против себя, хоть и поодиночке, но всех.

Тифон бурчал о предстоящем сватовстве старшего из наследников Ресмага к дочери санигского вождя Спадага. Еще, оказывается, конное ристалище в Себастополисе закончилось плачевно: колесница соскочила с круга, сшибла колонну и врезалась в толпу, и от этого пострадал какой-то винодел. Небезызвестный лекарь Габиний по такому случаю проторезвел, вытащил пинцетом из бедра раненого осколки, а потом зашил рану нитками.

Я слушал его вполуха и думал о своем. Перемены нешуточные, и за короткий срок: утонул корабль, погиб известный разбойник, вдобавок к этому ко мне плывет наместник Понта, но все это меркнет перед сарматским нашествием. Их конница покончит со всеми нами, скопом. Сцилла и Харибда двигаются навстречу друг другу, а посередине мы, несчастные, суетимся. В нашей глухомани надо очень постараться, чтобы просто выжить. Даже

Афахару, на что был горазд, это оказалось не по плечу.

– Тифон, – оборвал я трескотню писаря. – А этот посох... он в теле застрял?

– Нет. Его нашли в стороне, убийца обронил его по рассеянности, – допустил писарь. – Но убили точно им, он весь обагрен кровью... А еще, к телу подбросили сумку с неоципированной уткой.

– С уткой? – удивился я. – Это еще зачем?

– Затем, что... – Тифон набрал в себя все больше воздуха. – Наверное, это... Гм... Это их такое...

– Их такое что?

– Э-э... Не знаю... – сдулся Тифон. – Кто-то еще труп плащиком прикрыл.

– Убийца. Кто же еще?!... Не сам же покойник укрылся?! – рассуждал я вслух. – Это чтоб звери не тронули... Да, это точно местные, – заключил я. – Без сомнений. Пожалуй на них... Уважение к поверженному врагу, Тифон... У них есть чему поучиться... Но, утка тут ни при чем... Видать, он ее забыл.

– Наверное, когда переносил тело, чтобы его быстрее нашли, – предположил писарь.

– А! – легкомысленно отмахнулся я. – Главное, мы ни при чем.

– Совсем ни при чем! – обрадовал Тифон. – Убийца изображен.

– Ах, вот как?! – оживился я. – И кто он?

– Кузнец.

– Кузнец? – насторожился я.

– Он зарешетил бойницы для лучников над рыночными воротами.

– Прости, я не расслышал, – промолвил я, все еще на что-то надеясь.

– Решетки сделал над воротами, – твердил Тифон. – Кузнец... тоже абаагз... тихоня такой...

Тифон о чем-то урчал, но я его уже не слышал. Его зовут Нар. Зовут то кобылу подковать, то калитку почин-

нить, то очажную цепь изготовить, то топор заточить. От мастера по железкам всем что-то нужно. Вот и мне понадобилось. Мы переплавили мешочек монет в мелкие золотые и серебряные самородки. Чтобы украсить и не попасться, надо замести следы, а для этого нужен толковый сообщник. Нар мне показался подходящим. Конечно, я мог узнать его получше, но, в конце концов, сколько ни думай, а все решает случай. Нужен был именно кузнец. Абазг зарабатывал себе на жизнь собственным трудом, ему хватало и своего скучного тряпья, и еды, и он был не прочь этим прихвастинуть. «Хвала Шашу, мне нет нужды подпевать кому-либо за краюху хлеба», – приговаривал он, раздувая мехи из толстой воловьей кожи.

– Мой старик, пока ноги носили, в поле пахал с быками, стога сушил на зиму, и загон для скота отдельный имел. Я ему еще сарай просторный из досок смастерили, – делился кузнец, разжигая огонь в горне. – Но, скажу тебе честно, римлянин, отказался я это мучение принимать...

Все его предки почву царапали сохой, да ворон пугали, а он в кузнецы подался.

– Надоело мне копошится в этой глине, как курица, – изливал душу абазг. – Весь в грязи, волосы в колючках, руки в занозах, и в небо таращаешься, молишься – лишь бы с погодой пронесло. То засуха, то колосья уродятся червивые от луны, под конец от дождей все сгниет... А главное, все норовят облапошить! Я, однажды, лущеный орех в мешки насыпал и на арбе до пристани доволок. Так, в купеческом корыте для меня места не нашлось. Скряги-перекупщики в кольцо взяли, кругами, как шакалы, ходят, и твердят свое «отдай задарма, отдай задарма».

– Я страже побор уплатил, на ночлег потратился, за стол, за место на торжище, – перечислял Нар, загибая пальцы. – Там, еще двое ночевали, один одноглазый, они посуху из Себастоса на ослах пришли. Хитрющие такие... Я подозреваю, это они моего вола отравой опоили. Издох! Зато вот пригодился! – хохотнул Нар, демонстрируя

мехи. – Который год служат... Эх, вспоминать противно! – махнул он рукой. – Одни убытки да обиды. Лентяи, как коты обжираются, а ты света белого не видишь... Повсюду лиходеи шатаются и все расхищают, толком не поспишишь... А здесь город обнесен стеной, и хоть и странные ваши нравы, но моя семья не вздрагивает от стука копыт. А я не ною, – Нар имел обыкновение кривить губы луком, пожимать плечами и показывать свои мозолистые ладони, испачканые сажей. – А! Работы не боюсь...

У него еще привычка сутулиться и под ноги глядеть, будто что-то потерял. Обычно, выходцев из ущелий заботит уход за плодами и выпас стад, они к ремеслам особо не тянутся, а этот все до последней козы распродал, заколотил досками дверь, погрузил семью и скарб на повозку, и подался к чужакам. Тут он, поначалу, подрабатывал, починяя повозки. Варвар научил питиунтских колесничих, как делать прочные, цельные обода для колес, сгибая нагретые деревянные брусья. Потом он усиливал эти колеса, набивая на них железные полосы. На этом он чуток разжился, и обзавелся крохотной, но собственной мастерской. В черной копоти и едком дыму кузнец чувствовал себя, как рыба в воде, и в обмен на железо получил все для себя необходимое.

Недра окрестные не то чтобы много руды содержат, но всегда найдется какая-нибудь нора откуда ее можно достать. А есть еще проржавелое старье, которое можно починить. Говорят, медные копи рядом с их святилищем были еще не до конца исчерпаны, когда их закрыли. Старейшины радеют о том, чтобы шум и грязь не отврашали от них богов. Священную рощу посещают больные из многих племен. Там, они отдыхают и молятся об излечении.

«Отовсюду враги покушаются, – пыхтел я про себя. – Не зря мои сны предрекали недоброе». Людям можно приврать, можно найти подходящую отговорку, но себя не обманешь. Я виновен. Деньги выслали нам, но не для

нас. Но в свое оправдание скажу – голодному трудно раздавать хлеба. Я расскажу все по порядку.

Аж с прошлых августовых non нам придержали выплаты. В казне провинции образовалась зияющая дыра от недоимок. Наместник Рима тут ни при чем, он изворачивался как мог. В первую очередь, наместник позаботился о самом необходимом: построил новый стадиум с трибунами для ристалищ, и просторную, богато убранную колоннаду из обожженного красного кирпича и с черепицей такой же красной. Пришлось ему еще потратиться и заказать для коней удобные и дорогие черпаки. Тут, само собой разумеется, колесницы должны быть им под стать. Ясное дело, нужно еще украсить купленный в Эфесе дворец статуями богов, коврами, изваяниями разными, мозаиками, фонтанами, отбить старый мрамор и выложить новый, старый, видать, выцвел. Подарки выслать в Рим надо. Слона, к примеру, подарить Антиною, чтобы его задобрить. Это прежде всего... А то, что крайний легион ходит рваный, это мелочи. Да, что я говорю, ходит?! Скоро и ходить не сможем. Босыми ногами много не нагуляешь, можно проткнуть ступни об острые камни или выступающие корни деревьев. Если пропретор и дальше так будет жмотиться, мы тут передохнем как куры.

Тут надо быть толстокожим, как кабан. С Сатурналий и до поздней весны непрерывно дуют холодные ветра, иногда, для разнообразия, вперемежку с дождем.

Ах, каким бы отзывчивым стал Флавий, если бы постоял при мокром снеге в ночном карауле! Выжал бы он намокший плащ, похаркал бы кровью, погрел бы озябшие пальцы на тухнущей жаровне, и до него бы дошло: разум человека быстро приходит в негодность, если не позаботиться о его тулowiще. Но сделать такие очевидные выводы легату не дано. Он занят. Он занят всем, чем угодно, но только не тем, чем надо. В сенате у него курульное кресло, на нем он восседает, важно наступившиесь, и разглагольствует о добре и зле. Заключая союзы

от имени римского народа, Флавий основывается на сочинениях своих доносчиков. Те, как собачки, только хвостиков нет, угадывают, что желает услышать хозяин. Попрошайки подтверждают все что угодно, лишь бы их погладили по головке и косточку кинули.

Повсюду есть логика, даже в поступках диких зверей. Все имеет свои разумные объяснения, все, кроме поведения пропретора! Как он принимает решения? С кем советуется? С сатирами? Может, с колдуньей какой сумасшедшей? Иначе как это объяснить?! Рим не уплатил собственному гарнизону, но подкупает аланского вождя, а тот, к тому же, на смертном одре. Когда сундук достиг Питиунта, весть о том, что Фарназ смертельно болен, разнеслась уже далеко, и, выйдя из врат Питиунта, устремилась к новым весям. Молва предрекала вождю аланов скорую смерть, Рим посыпал деньги покойнику. Да и до того, как Аид призвал аланского владыку, толку от этого подкупа не было никакого, только вред. В первый раз я в точности исполнил наказ пропретора, и мне этогохватило, чтобы поумнеть. Поначалу все шло неплохо. Я со второй центурией, конной турмой, вспомогательным отрядом абазгов и проводниками выдвинулся в крепость которая лежит на стыке Абазгии, Санигии и аланских владений. Ее местные называют по своему, а мы нарекли Петрам (скальная). Потому как эта твердыня устроена, как гнездо коршуна, на обледенелом и продуваемом ветрами выступе горной гряды. Путь к ней выложен страданиями и ругательствами.

Мы ползали, как муравьи, по круче, увязая в снегу и тыкая пиками перед собой, чтобы не провалиться в яму. Всю дорогу дул колючий ветер, от которого не спасали ни меховые плащи, ни сшитые из шерсти штаны, ни одеяла, в которые мы кутались поверх всего. На побережье уже давно потеплело, бабочки порхали над ароматными травами, цветы распустились, а нам мело снежной кру-

пой в лица. Мы перешагивали посуху по руслам замерзших ручьев и карабкались дальше, как туры.

В виду дымов Петрам нам повстречался проклятый богами человек – центурион Вителий Квинтилиан. Квинтилиан, краснолицый, как вареный рак, тер свои отмороженные уши и нос, и потому они казались приштымыми от другого человека, с еще более багровой кожей.

Он мелко дрожал в своей крашеной, медвежьей нацидке. Подозреваю, он осаживал поседевшую падаль. Зверь подох от невыносимой тоски Петрам.

Глядя издали на обступивших его гоплитов, я поначалу решил, что они ополоумели и танцуют вокруг начальника в звериных шкурах, но подойдя поближе и приглядевшись, я понял – они притоптывают, чтобы хоть как-то согреться. Еще они дышали паром на озябшие руки, показывая нам способ, как можно отцепить застывшие пальцы от древка. Часовые с заинdevевшими бородами расхаживали вдоль частокола медленно, как призраки. Жуткое зрелище. Один дозорный, его лица не видно из-за нащечников шлема, оперся на копье и вовсе не шелохнулся. Лишь облачка пара, вырывавшиеся из его рта, выдавали в нем дыхание. Либо он окоченел стоя, либо это такой стоячий обморок. Я поскорее прошел под стражкой над воротами, пока он не рухнул мне на голову. Вся центурия, трясущаяся и в разных одеяниях, грелась у чадящих костров.

Несмотря на эти истязания, оставить Петрам воспрещалось. Та крепость ключ к дорогам, ведущим на побережье. Только орлы и римляне зимовали на горном перевале, даже хищники вслед за травоядными спускались вниз, а ближайшее аланское поселение лежало в дне конного пути за хребтом.

Само укрепление – резкий земляной вал, вздымающийся на десять локтей ввысь, он, в свою очередь, увенчан палисадом, кривым, как зубы старухи. Между заостренными кверху дубовыми бревнами просторные

щели, их вбили в каменистую землю вкривь и вкось, с зазорами. В щель запросто протиснется шакал или худой ребенок. Детей, даже худых, в Петраме не было, зато шакалы тут водились в избытке.

Вителий Квинтилиан спровадил меня в цитадель. Там, у них единственная башня, сложенная из отбитой молотками рыхлой горной породы. Я погрел лицо над углеми жаровни, и снова обрел дар речи. Одеревенелые растрескавшиеся губы стали чуть послушнее, центурион тоже перестал мычать, как глухонемой, и его чревовещание обрело смысл. Выяснилось: он рад меня видеть, он давно заперт морозами, и только сегодня снарядился в дозор. Еще он предупредил, что не стоит разгуливать в шлеме, он может примерзнуть к голове, но и без защиты не стоит высываться наружу, иначе сосулька с крыши может воткнуться в череп.

Далее он с самым глубокомысленным видом сообщил, что остальная часть укреплений, не только частокол, но и сторожевые башни по углам и хозяйские постройки либо бревенчатые, либо дощатые, и все крыты соломой.

– Сухая солома, отлично горит, – подытожил он отчет.

– Да, что ты говоришь?! Ты открыл нам глаза!.. Ты представляешь, Асканий, – воззвал я к центуриону, – оказывается, солома может воспламеняться? А?

– Кошмар! – ахнул Асканий.

Страшась пожара, воины, в полном составе зимовали в отапливаемой башне. Сама башня – большой, каменный, трехъярусный козлятник. Ютились они там как рабы, человек по двадцать, в каждой из крошечных комнат, и вся башня изнутри, а может даже и снаружи, пропоняла от страшной тесноты. Там, же воины готовили на огне пищу, там, же и спали вповалку на матрацах, набитых сухим сеном и клопами. Вителий от безысходности уверовал в Митру. Не знаю, от кого он этого нахватался, но чудаковатому центуриону было полегче переносить отвратительный быт. Он и для других скрасил существование

вание, поджигал благовония. Одна вонь маскировала другую. Вдобавок к Митре, Вителий Квинтилиан обзавелся резными фигурками с раскрашенной доской и ручным соколом. Вечерами Вителий возлежал на ложе, покрытом ворсистым покрывалом, в компании горбоносой птицы и значконосца. Он подкармливал себя поджаренными на сковороде орехами, птицу потчевал вареными яйцами, и в свете тусклой лучины молча пялился на едва различимые квадратики. Потом, после долгих размышлений, будто от этого зависела его жизнь, он медленно, как расслабленный, выбирал одну фигурку и передвигал ее на доске. Как бы это ни было по-дурацки, но это помогало ему противоборствовать унынию, иначе бы он пошел потихоньку и сбросился в пропасть.

Легионеры не имели ни ловчей птицы, ни Митры, ни раскрашенной доски, и потихоньку превращались в скотов. Хороший хозяин метит рога бодливых быков красной краской. Так он предупреждает прохожих. У тамошних воинов рога не росли, а потому не знающие их могли подойти к ним слишком близко.

Бывает, в походах в одну палатку сводятся люди несocomместимые, но в обычное время воинов из разных отрядов стараются держать раздельно. Там, же, если кто поссорится, их невозможно развести по разным жилищам. Обозленные неудачами люди могут сказать и сделать друг другу много подлостей. За две ночи нетерпимость друг к другу наросла до такой степени, что был уже виден гребень волны.

Дружелюбный Вителий рассудил по себе. Он думал бочкой сладковатого медового вина их примирить. Они как раз играли в кости. Воины были вялые, и самомнение у них было вялое. А тут вино! Только они достаточно взбодрились, и сразу затеяли ссору. Они бы без вина утихли, но тут они бодрые, и пошла драка

В полночь меня разбудил грохот бьющейся посуды и чьи-то истощенные вопли. У меня, спроснья, чуть сердце

не лопнуло, я подумал, нас аланы режут. Они пустили в ход все, начиная с табуреток и заканчивая оловянными плошками. Судя по доносившимся крикам, я ожидал что там, в живых никого не останется, но обошлось. К счастью, повздорили римляне между собой, а не римляне с варварами. Да и сама поножовщина выдалась какая-то робкая. В основном выбитые челюсти, сломанные пальцы и только одно рассеченное кинжалом ухо. Так, царпина, будто овцу пометили.

Я воспользовался их нерешительностью, они выдохлись, и по такому случаю провозгласил одну из лучших своих речей, посвященную такому старому понятию, как воинское братство. Я выдумал много светлых образов, совершенно не существовавших соратников, погибших в страшных, ужасающих муках, еще более страшных, чем их каждодневная жизнь в Петрам .

Пока я говорил, забияки опустили головы, один даже всплакнул. Вителий отдал приказ поколотить палками двоих зачинщиков, а после устроил общее собрание. Воины сами единогласно проголосовали выгнать из отапливаемого жилища на холод любого, от кого услышат хоть одно оскорбительное слово.

– Одичали мы здесь, взаперти, – пытался выгородить своих людей Вителий.

Центурион умница, хоть выбор был и невелик, он изыскал возможность и поселил проводников и всадников-ауксилариев отдельно от римлян. Нельзя их смешивать, даже в мирное время. Варвары, особенно горные, для охранной службы малопригодны, их стихия война. Равнинный житель, если над ним посмеяться, тоже ответит насмешкой. Саниг или абазг, тот, кто с побережья, еще может сдержаться, а вот горец ни за что не стерпит. Ты только глянь на него презрительно и ухмыльнись, и он уже непредсказуем. Никакой страх перед расправой или почтение перед предводителем не удержит горца от мести обидчику. Как это ни странно, но драка и последу-

иющее наказание привели гарнизон в чувство. Спорщики, сами того не ведая, выпустили пар из котла.

Кстати о паре. Очаг в моей комнате едва согревал ноги. Сырые дрова срубили и накололи незадолго до нашего приезда.

– У нас два пути, – беседовал я с Асканием. – Либо потушим огонь и попросим Вителя принести свой ладан, и тихонечко окоченеем. Либо... Чего ты стоишь как дерево, твердолобый?! – заорал я на него. – Раззыва, порубай к Аиду все их полки!

Асканий согревался топором, я прикрылся от щепок подносом, решетка над жаровней докрасна нагрелась, а повар, желая испечь лепешек, поставил на нее сковороду. Как по команде, из огня повалил зеленый, колдовской дым. Мы задыхались от едких испарений окрашенных полок. Утираю я слезящиеся глаза, и замечаю, какая-то мерзость наверху растаяла и с грязной крыши закапала тухлая вода. Я все проклял, харкнул в их очаг и хлопнул дверью. На полути к конюшне меня перехватил взъерошенный Сиурд.

– Там, нет никакой надежды, – он нервно почесывался. – Там, вши по стенам ползают... Я к тебе, Кассий. Приютишь?

– Изdevаешься?! Там от дыма уснешь и не проснешься! Пол каменный, хоть бы тростника сухого накидали!

– Там, хуже, – предупредил он, кивнув через плечо. – Лучше в снегу переночевать.

– Фиу! Фиу! – присвистнул я. – Да, но... спать же где-то нам надо?! – развел я руками. – Мы же не можем, как лошади, стоя дрыхнуть в проходах?!

Хвала Фарназу, он вызволил нас из вонючего плена. На рассвете объявились аланы, завернутые в удобные сыромятные доспехи и толстые накидки из выделанных шкур. Они согревались в движении, а пегая кобыла их предводителя, шедшая впереди, вспахивала широкой грудью снег. Фарназ приветственно махал нам волчьей

шапкой с хвостом издали. Мы с ним неплохо скоротали короткий зимний день. Общались через санига-переводчика, и заедали слабенькую медовуху мясом косули. Вителий вдел на заостренные, очищенные ножом палочки копченые кусочки, и подогревал их на трескающимся костре. Жир капал на огненные угли, шипел и наполнял комнату уютным ароматом жареного мяса. Сытная дичь улучшила мое настроение. Бедняга Вителий устал нас слушать, зарылся в жаркие шкуры, коими нас одарил Фарназ, и захрапел, как пес у очага.

– Жизнь на вершине гор имеет свои прелести. – Слушая бурчание санига, я силился не смежить веки. – В летний зной тут можно найти спасительную прохладу...

Солнечный диск, холодный и сверкающий, как начищенное медное блюдо, озарил голые, отвесные скалы. Хлопья перестали валить с неба, и Фарназ, прихватив выплату, удалился со своими всадниками на ту сторону хребта. Я тоже потихоньку скатился с горы, считая дело улаженным надолго, но не прошло и одной полной луны, как аланы осадили Петрам. Если бы не таяние снегов и повсеместные наводнения, Вителий встретился бы с Аидом или с Митрой, или с кем там еще, у него назначена встреча.

Поначалу их вероломство меня ошарашило, а потом понял – не вероломство это вовсе. Их общество устроено совершенно иначе. Они не находятся под властью одного владыки, но подразделяются на роды и союзы, вечно соперничающие.

Выслав подарок одному из них, римляне оскорбили остальных. Обойденные вниманием вожди, их оказалось немало, не вняли уговорам того, кто с ними не поделился, и устремились с вершин. Фарназ, кему было upплачено за дружбу, и пальцем для нас не пошевелил. Но боги любят пошутить – они ему еще послали денег, а мне озноб.

Я закипал от жара и бессильной ярости, как суп на костре, и в одну из кошмарных ночей в мое сновидение за-

мешался Цезарь. Да, да, сам Цезарь, ни больше ни меньше! Покойный дух мне не представился, но его ни с кем не спутать. Гай Юлий Цезарь был в точно такой же синей тоге, и также коротко подстрижен, как и на раскрашенной храмовой стеле в Себастосе. На ней он благословляет коленопреклоненного Октавиана, своего племянника и преемника.

– Бесстыдник ты, Кассий! – бросил он мне сходу, и на долго умолк.

Призрак держался запросто, без особого высокомерия. Он упрекал, но упрекал так, будто мы давнишние приятели.

– Вот смотрю я на тебя и думаю – вроде неглупый парень... – заметил божественный Цезарь, и, не договорив, опять замолчал.

Всем известно, этот муж и при жизни умело разжигал честолюбие. Сокрушаясь моему неразумию, Гай Юлий смотрел на меня пронзительным, обличающим взором, видать, я его чем-то подвел.

Потом он сморщился, так, будто попробовал на вкус кислую сливу, протянул ко мне дрожащую руку и молвит: «Что творится в твоей жалкой душонке, сын мой?»

Он меня напугал до смерти, я боялся пошевелиться.

– А я скажу тебе, что... – закивал призрак и как рявкнет: – Ничего!

Ну, думаю, он и дальше издеваться будет, но Гай Юлий решил с этим повременить. Он прокашлялся, поправил фибулу, скрепляющую складки тоги на плече, и снова протянул ко мне руку.

– Твоя душа – потухший костер, Кассий, – скорбел Цезарь. – А если дух твой мертв, то ты и сам мертв... Ты хоть понимаешь, о чем я, Кассий?

Я оробел до невозможности, еле задергал затекшей шеей в знак понимания.

– Да – прокряхтел о чем-то своем родоначальник

Юлиев, презрительно поджал губы и закивал собственным мыслям.

Я точно не помню, что я на это выдавил из себя, но думаю, я ему возразил. Это можно было истолковать как присутствие отваги, и даже некоторой толики ума. При желании, конечно же. Помню, призрак знаком ладони оборвал мой лепет.

– Тогда скажи, цыплячья твоя душа, какого рожна ты не присвоишь себе то, что и так в твоих руках?! – накинулся он на меня. – Ты думаешь, мне кто-то что-то дарил?!

Только он это промолвил, как из-за его спины выскочили мои покойные знакомые. Честно говоря, одна из них, старуха, еще при жизни склонная, вела себя откровенно по-хамски. Я стыжусь повторять во всеуслышание те ругательные слова и неприличные жесты, которые она мне показывала. Мой седобородый дед, старший жрец нашего рода, оттер нахалку в сторону, и тычет в меня тростью. Он грозит мне проклятьем, если я не исполню предначертанного. Это был верный знак свыше. Я не стал с ним спорить. Меня озадачило только то, что дед бранился как-то неестественно, пискляво, как собака, скулил: «Твоя жизнь минула! Очнись! Очнись!»

Я очнулся, подскочил в постели, и облегченно вздохнул. Утренний свет проникал внутрь побеленной комнаты и струился через прорези в ставнях. На горящей медью трехноге деревянная столешница, на ней отлитый из бронзы подсвечник с толстой заплывшей свечой и поднос. На подносе ваза мясистых слив и косточки от них рассыпаны. Чуть в стороне, на полке, прибитой к стене, пузатый кувшин из обожженной красной глины, и чуть треснутая чашка, а дальше вдоль стены прибиты полки для вещей и оружия. Дощатый пол покрыт циновками и вымыт, сырья тряпка у порога, на ней истоптаные башмаки и легкие сандалии с ремнями. Нельзя превращать свое жилище в хлев. Почему набитая гусиным пухом подушка валяется на полу, у изголовья ложа? Наверное, я ее

отшвырнул в бреду, когда отбивался от покойников. Другого объяснения быть не могло. Я засыпал на ней. Это помогло мне удержать сон в памяти.

Снаружи слышались петушиные крики, птичий щебет и... да, так оно и есть, женская ругань!

В холода я ежусь, но летом нетрудно подняться. Зевая, я дотопал босым до воды, пил ее много, пока не проснулся, потом распахнул багровые, цвета перезрелого винограда ставни, и крики усилились. Откашлявшись хорошенько от сырости, я прислушался.

Ух, ты, надрывается на всю округу! Это Оливия, самая громогласная из жен. Ее ни с кем не спутать. Она изрыгала проклятья откуда-то из трапезной, видать, туда ворвалась. Эта женщина называла себя вдовой при живом муже, говорила знакомым, что он для нее умер.

Супруг ее купец Никий Аристид раньше жил с ней в Питиунте, но из-за нее перебрался подальше, и большую часть времени теперь проводил в Себастосе. Он расстался с ней, не вынеся ее сварливого нрава, и оставил ей дом, в котором Оливия проклинала их общую дочь. Иные прохожие, заслышав ее вопли, думали, что кого-то загрызает собака. Никий жаловался, правда, я этому не верю, что ругаясь с ним, супруга взбиралась на старую яблоню, чтобы ее было слышно как можно дальше. У матроны целая башня на голове. Она делает из своих крашеных волос косички, сворачивает их в кольца, и надо лбом у нее башня возвышается. Она от этого кажется выше. При ней всегда смазливая рабыня-германка, та приходит к ней по утрам, открывает ларь, а в нем расчески из слоновой кости, от частых и больших, до маленьких и редких, а еще у нее ножницы, шпильки, ленты, гребешки, обода, брошки. Каждое раз она делает Оливии сызнова прическу. Злюзякие говорят, это не ее волосы, а парик из белокурых волос рабыни, которая за ней ухаживает. Сама Оливия темноволосая, но в не том дело...

«Или Оливия мечет горшки в Аскания, или он ее душит, – предполагал я, прислушиваясь к грохоту разбивающейся посуды. – Нет, навряд ли, в таком случае она бы не смогла издавать звуки, а она кричит».

Так ему и надо! Наконец-то она его подкараулила и застала со своей дочерью. А я его предупреждал, не болтай лишнего! Ему бы не разглашать их связь, а он спьяну словоохотлив.

Теперь их связь перестала быть тайной и для ее матери. Оливия причитала, а я кивал за ней и соглашался. Ох, кое в чем она права...

Но вернемся к злосчастному резному сундуку. Трудно выбросить из головы то, что видишь. За крепкой, сшитой железными скобами дверью, стражник, за ним в переходах караульные, но между мной и сырой жизнью ни единой преграды. Удача сама ко мне пришла и виляла передо мной хвостом, и я ее поймал за хвост!

Наученный горьким опытом, я решил обокрасть, а вернее, дать обокрасть алансскую казну, предварительно ее обчистив. Проверил засов на двери, еще раз глянул из окна. А как колотить по увесистому замку, не привлекая внимания? Неуместный шум мог вызвать подозрения на мой счет.

У аbazгов есть поговорка: к козе, которой не суждено погибнуть от голода, ветка сама нагибается. Вот и мне боги послали на выручку предвестников надежды. Аж целое стадо! Просто бальзам на рану! Занимавшееся утро выдалось на редкость бойким. Пастухи погнали быков, коров и телят из сараев на выпас, а навстречу им возвращался конный дозор. Их пути пересеклись, и они не могли разъехаться. Коровы не могли свернуть, потому что они коровы, а всадники потому, что они ослы. Узенькая улочка зажата между казармами, башней и тыльной стороной лавок. Вдобавок разъезд хотел переупрямить погонщиков вместе с их скотиной.

Действовать! Сейчас или никогда! Не мешкая, я прикрыл ставни, достал топорик, обернул его полотенцем и стал внимать тому, что творится под окнами. Цоканье копыт по мощеной булыжником улочке стало сигналом, а щелкающие бичи, звон колокольчиков и окрики пастухов довершали шумное укрытие.

Я набрал в себя воздуха, как перед прыжком в воду, и приступил.

Перекривания Оливии, ее дочери и Аскания потонули в многоголосом мычании, всадники стали покалывать коров пиками. Все было на моей стороне, и этот гвалт заглушал скрежет ударов железа о железо. Я чуток попотел и зазубрил топорик, но все же сбил замок и отомкнул железный штырь, скованный в круг, кольцо мешало поднять крышку.

Питиунт пробуждался для рыночного дня. Торговцы умывались, ели и одевались. Они распахивали двери лавок-домов и здоровались с соседями. Асканий бежал от Оливии, ее дочь, плача, сбегала в то утро из дома, а я прикрыл сундук скатертью, посидел еще немного перед ним, отдохнул, утер пот с лица, обулся, облачился в тогу, отпер дверь и подозвал часового.

— Сходи, я тебя прошу, за кузнецом-абазгом, — буркнул я ему рассеянно.

Когда абазг понял, к чему я клоню, он тихонько присвистнул, а его мохнатые брови поползли на лоб. Я сидел против него, с дрожащими от волнения пальцами.

— Если ты сейчас заорешь, — угрожал я зазубренным топориком, — то я на тебя наброшуся с вот этим вот огрызком, и всем скажу, что это ты сбил замок.

— Не дури. — усмехнулся абазг. — В том нет никакой нужды.

Нар не утерял душевное равновесие. Он подошел к сундуку, откинул скатерть и присел перед ним на корточки, задумчиво потирая щетинистый подбородок. Кузнец

деловито надувал щеки, исследовал искореженное железо с разных сторон, но при этом его не касался.

— Давай починим! — наконец предложил он.

Внутри сундука подстилка из сена, а посредине увесистый ларь, обернутый парчой и скрепленный сургучной печатью. Мы обменяли его содержимое на камешки и железки, положили все обратно и обвязали сундук цепью с замком. До обеда я подметал, рассовывал все по своим местам, проверял и перепроверял, не осталось ли соринки, и лишь вечером поделился опасениями за сохранность денег с трибуном. Апий меня сильно разочаровал — весть не вышла наружу. Пришлось устроить военный совет, где я во всеуслышание рассуждал, какая меня снедает тревога, и вообще как все это меня гнетет. Центурионы не подвели. Несмотря на все трудности с перевodom, окрестности наполнил первый, пока еще смутный и ненадежный слух — в Петрам пойдет выплата. На всех углах шептались о несметных сокровищах. Как и обычно в таких случаях, нашлись люди, утверждавшие, что они своими собственными глазами видели груды золота, погруженные на повозку. Ее, дескать, не может сдвинуть с места и упряжка быков. Я выждал еще немного, пока молва не перевалила через заснеженные горы, а потом отправил дар умирающему.

Человек я не черствый, в душе я даже сочувствовал тем, кто собирался совершить беззаконие. Представляю, как они настроились, а там, жалкие крохи... Я собственоручно вручал казну брату аланского повелителя, и обязал его страшными клятвами. Он поклялся духами умерших предков, что доставит выплаты по назначению и не притронется к ним в пути.

Томление — худшее испытание для нечистой совести. Я терзался неведением и, пребывая в сильнейшем волнении, уже не мог сидеть, и расхаживал по комнате, как лев в клетке. Был даже какой-то миг, после бессонной ночи, когда я чуть было не сломался, хотел отправить гонца с

посланием. Дескать, с моей стороны это всего лишь уловка против злоумышленников, а не наше римское коварство, вошедшее у них в поговорку. Но зря я дергался- мой страх оказался пустой химерой.

Ходили слухи, правда, я им не верю, будто сундук украли дважды. Представляю, как обиделись родичи Фарназа. Дело тут не только в монете, задели их самолюбие. Они не те, кто такое прощает. Они долго добирались, по заваленной камнями тропе к своим обидчикам, а когда добрались, то вышли на переговоры. Похитители нагло расхохотались им в лицо, и заявили, что ничего стоящего они не брали. Люди Фарназа схватились за мечи, за свистели стрелы, и последовало побоище.

Стравливать людей не самое похвальное занятие, хоть у меня и есть оправдание, что они варвары, но они тоже хороши. Им бы прежде, чем красть, надо было разузнать, а много ли там вообще, есть чего грабить...

Тогда, я приплясывал от радости и потирал руки, а теперь, если кузнец выболтала тайну, меня бросят в кипящее масло, или четвертуют, или еще хуже... Хотя куда хуже. – Я искал перемены во взгляде Тифона. – Нет. Ничего подозрительного. Он не изменился и ведет себя, как и обычно. Может, бедняга погиб, так и не успев меня выдать?»

– Тифон, а его допрашивали перед казнью? – как бы между прочим, расспрашиваю я.

– Какой еще казнью?! – удивился писарь. – Он жив, здоров, и скоро все откроет.

Мне показалось, что земля сотряслась до самых своих глубин, ушла из-под ног, а потом я понял, твердь на месте, это у меня голова закружилась. Сердце мое застучало часто, во рту пересохло. И себя погубил, и меня, теперь, непременно, утащит за собою в могилу. Ведь наверняка попытается откупиться.

– Гм... Я что-то не понял...

– Он искал убежища... Въехал на коне в ворота...

– Кто, куда въехал, Тифон? О чем ты?

– Наши ворота... Он въехал...

Это случилось средь бела дня. Преследователи погнали кузнеца, как оленя, через пустошь к горным вратам, Питиунта. Сиуард с башни, совершенно случайно, их заметил. Они вылетели из дубравы и пустились наперегонки. Декурион сразу крик поднял, и велел страже запереться за убегающим. Пока они задвигали засовы, он созвал лучников и расставил их на постах. Догоняющие стали колотить рукоятями мечей по воротам, а он им со стены пригрозил, что убьет каждого из них, кто попытается вломиться, неважно с добрыми намерениями он это делает или с войной. Стражники тем временем схватили сдавшегося на милость римлян в охапку и поволокли в темницу.

– И абазги на этом разошлись? – выдавил я из себя.

– Не сразу. Они гарцевали у ворот и до хрипоты перекрикивались с Сиуардом. Он их увещевал, а они его поносili по-своему. Сошлись на том, что ты вернешься и разрешишь их спор, а до той поры беглец никуда не денется. Апсил от твоего имени пообещал, что ты выдашь пленника Ресмагу. Но пока, дескать, он не может это сделать, не навлекая на себя гнев начальства. Ибо, говорит, разбирать дело виновного должен судья, а не толпа его недругов.

– Могло быть и хуже, – процедил я сквозь зубы.

– Хуже худшего всегда может быть! – изрек Тифон, и указал мне перстом в небо.

Переводчиком апсил мало преуспел. На латыни он изъясняется бойко, как на своем, но для переговоров нужен медоточивый шептун-тихоня, а Сиуард отпускает колкости и своенравный, как необъезженный конь. Эти его порывистые качества, негодные для приятной беседы, пришлись как нельзя кстати для безвестной, кровавой стычки. Апсилийский патриции проявил не только твердость духа, но и свою опрометчивую неосмотритель-

ность, что в случае успеха неотличимо. «Назад, позорники! За мной!» – пристыдил он перепуганных всадников, повернул морду коня, и сам, в одиночку, набросился на погоню. В суматохе резни, он сам себя назначил старшим, вместо рассеченного декуриона. Ободренные воины ринулись за ним, а противник дрогнул. Так заведено Марсом-воителем, если ты ястреб, враг это чувствует, и сам куропатка. Мне оставалось только узаконить его предводителем легкой конницы. Тем более что она наполовину состоит из его друзей и родичей.

С отцовской стороны Сиуард племянник апсилийского владыки, а с материнской состоит в дальнем родстве с царем абазгов. Любой другой на его месте стал бы их ярым сторонником, но его личные симпатии уводят его прочь от именитых родичей. Ауксиларий дерзает проводить свою собственную, пока еще мелкую, но осмыщенную политику. Он поступает так, будто он вскоре возглавит целое племя или даже их союз. Я догадываюсь, что у него на уме – использовать римлян противовесом своим соперникам. Его цель – воспользовавшись силой Рима, сломить жестоковыхых вождей, объединить племена и дать им свободное будущее.

Для этой цели он собирает к себе потихоньку, без знамен и боевых кличей, независимых и недовольных из окрестных варваров. Еще он сочувствует мятежным варварам, но к ним он не переметнулся из-за неодолимой преграды. Виной их фанатичная преданность Скепарне. Они его возвеличивают, а Сиуард считает его пустышкой и человеком зловредным.

– Завидуешь? – допытывался я как-то. – Ну, признайся, завидуешь ведь?

– Кому?! Перебежчику?! – брезгливо кривился апсил. – Он куплен с потрохами!

Сиуард каким-то непостижимым образом знаком со всеми варварами, населяющими окрестные горы. Со многими домами его связывают узы гостеприимства, и

он многих окликает по имени. В здешних краях, будь ты хоть трижды меткий стрелок и удачливый наездник, это лучшее подспорье. Парню как своему поверили на слово, он этим воспользоваться и уберег и меня и себя от позора. Он отсрочил его, на время, но что дальше? Ресмаг, несомненно, затребует узника. Выдать Нара значит не только предать его, но и изобличить через него себя. Устроить ему побег тоже не выход. Это возбудит худшие опасения на мой счет. Такой оборот укажет – убийца подослан мной, и тогда я вляпаюсь в чужую кровную месть. Ресмаг с Афахаром не особо ладил, но это не дает мне право подменять его суд своим. Абазг, вынужденно, пойдет на все, и даже на открытый разрыв с нами. Он привык настаивать на своем и чтит старое правило: кто раз отступил, теряет уважение, а без него утрачивает верховенство в своем народе. Ресмаг клиент Рим, нельзя допустить падение его дома... Умертвить абазга, и тем купить себе спокойствие – это выход, но плохой. Он замарает мою совесть злодейством. Нельзя так мыслить, небо свидетель.... Сарматы, ну где же вы?! Я ожидаю вас всем сердцем! С ума сойти! Единственная надежда на благополучный исход – их кровавое нашествие. Вот бы они удивились, если бы знали. Час назад я и помыслить не мог о таком, а теперь... Почему вы медлите?! Неужели нельзя подогнать лошадей?! Ну, почему вы плететесь как черпахи?! Меня же из-за вас повесят!.. Кровищи будет поболее, но я в ней не буду повинен. Да, и что я могу с этим поделать?! Они итак-итак заявятся.

Тогда мысль пустить чеканную монету на разных весов камушки показалась мне здравой. А как еще скрыть, что застывшие стуки золота и серебра еще недавно были монетами с лицом Цезаря Адриана? Ремесленник искусно обезобразил их, прям до неузнаваемости. Он отвел подозрения, и даже направил искателей по ложному следу. Отлитые подделки сочли происками парфян. Мы тут рядышком, а они подозревают, будто это азиаты посред-

ством доверенного им Скепарны наводняют Понт порченой монетой. Превращая один подлинный динарий в три неуклюжие, якобы истершиеся подделки, кузнец еще и серебро сберег. Лишь тончайший верхний слой, едва прикрывавший медную начинку. Впервые, и совершенно неожиданно для всех, даже для меня, «коварство парфян» всплыло в Гюэнесе, на рыбном рынке.

Там, из-за этого случился неприятный скандал. За мошенника говорили, он был очень странный и самого начала многим не понравился. Человек, по описанию, бледный как холст, пеший, бородатый, в засаленном хитоне, препоясанном веревкой, и в истоптанных башмаках вел себя подозрительно: расхаживал в знойный полдень среди торговок, с полупустой котомкой на плече. Он перенюхал и перещупал каждую рыбину, но не купил ни единой. Потом он же угощал всех, кого не попадя, вином, а с рыночными кошками поделился запеченной щукой. Он кормил пушистых тварей с рук, отчищал рыбу от косточек и отрывал кусочками для них.

Покидая харчевню, он омыл руки, со всеми вежливо распрощался, достал кошель, спрятанный под вспотевшей одеждой на шее, и расплатился фальшивкой. Хозяйка его укусила, я имею в виду динарий, а не старика. Того изобличили на месте, хотели скрутить, но он вырвался, не дал себя поймать. Старичок, попался жилистый, он им там, все столы опрокинул, кадки переломал палкой, и тем спасся. Они не ожидали от него такой прыти, а он, наверное, тоже не ожидал, что они на него набросятся. Он им орал: «Остановитесь! За что, собаки?! За что?!», а сам размахивал палкой и никого к себе не подпускал. Может, думал, они его хотят похитить за выкуп.

Не знаю, как к нему попала наша монета. Лучше я скажу, что воспоследовало за этим. То тут, то там как прыщи на лице подростка, наши подделки прорывались наружу.

По такому случаю в Диоскурии созвали военный совет, и отрядили вестников к самому пропретору. Меня

вызвали в Диоскурию префект Вит и старейшина совета Инивикт.

Я и кузнец-абазг, вдвоем, переполошили все побережье. Повсюду взросло недоверие к полновесной римской монете. Это обездвижило монетную торговлю и превратило ее в меновую. Люди терпели неудобства и убытки. Первыми и единственными на подозрении были парфяне. Меня мои собратья, как мелкую букашку, в упор не замечали. Ах, если бы они знали, что это я?!

Сама идея посредством многочисленных подделок обесценить динарии была простой и здравой. Наверное, поэтому она и не приходила парфянам в голову.

Слишком просто. Люди как ослы, им привычнее лишения и страдания, чем разумный, легкий выход. Они не верят в легкую долю для себя, считая себя неудачливыми изначально. Крах хозяйств на Понте, несомненно, вызвал бы смуту, но хитроумный замысел некому было воплотить. Тут нужен был размах. А ему неоткуда было взяться, мы наделали сотню монет, не больше. Но и этого хватило для повсеместного брожения.

Что касается парфян, то мне на самом деле не понятно, почему они на это не идут. Кровью платить за свою жадность согласны, а деньгами стыдятся!.. Мы, римляне, привыкли сражаться за свои неуемные желания. Они тоже любят прихватить чужое. Мы, рано или поздно, на этом столкнемся. Это я знал, но то что я, маленький человек, дам неоспоримый повод для новый войны между Парфией и Римом, да еще нечаянно – этого я не предвидел.

– ...Запрещаю вам своевольничать! Нельзя притеснять их купцов, во всяком случае, безвинных, в наших пределах! – вынес свой вердикт префект, и я, соглашаясь с ним, закивал во все стороны.

Здравомыслящие, их было трое, смотрели на меня, но никто не поддержал, притихли как мыши.

– Кассий, ты со мной согласен? – спросил префект.

– Нет сомнений! – отчеканил я с места в ответ. – Иначе они, в отместку, начнут притеснять римских клиентов в своих пределах. Да что там, притеснять, – махнул я рукой, – им головы оттяпают, как курицам.

– Тогда мы усилим облавы на их людей! – зашипел на меня Инвикт.

Он такой. Глава диоскурийской хоры, хочет представить других бабами, а сам он, дескать, Ахиллес, разве что пугается от вида крови. Он, не смущаясь, первым подстрекает во всеуслышание. Сыновей у него нет. Сам он в преклонных летах, и не будет воевать, а потому решительный. Что ему? Во-первых, он эллин, во-вторых, разграбят чужаков, и он с этого наживется, а потом римлянам за это войну объявит. Со всех сторон выгода. Желчный старикашка бровки седые нахмурит, зубками поскрипит, искупается и пойдет обедать со своей толстозадой женой. Семья в безопасности, он, как телец откормленный, лоснится... Так, понервничает немного. Зато он твердый муж, вроде Сципиона Африканского, сможет даже мечом по такому случаю препоясаться.

Но я особо никого не выгораживал, и понадеялся на выдержку префекта, ну и, конечно же, на медлительность пропретора Арриана. По мне так этих гадюк стоит давить. Пускай сами падальщики станут дичью. Поймут, каково это людей, как птиц отловленных, перекупать.

«Великолепный, хороший, большой обман, – думал я во время совещания. – Хвала Меркурию, мы смастерили для него широкие стопы, и он не шатается... Эх, тугодумы, – смотрел я по сторонам, и прятал улыбку. – Это я вас всех здесь собрал. Была бы у вас вместо репы голова на плечах, вы бы сами подкинули дохлого кота парфянам. Но кто вам это подскажет?! Разве вы, кроме Инвикта, кого послушаете?!»

Замысел такой труден по трем причинам. Во-первых, из-за жадности и недоверия начальствующих мужей, во-вторых, из-за того, что держать такие приготовления

втайне сложно, ну и в-третьих – жаль странников, расплачивающихся подделками. Кому повезет, а кому нет. Пострадают ведь не только работорговцы.

Как я и ожидал, мы ни к чему не пришли. Префект предлагал одно, Инвикт другое, и дело оставили на рассмотрение Флавия. Зачем тогда нас собирали?!

Теперь я поведаю, как появилась на свет эта пригоршня монет. Раздор между империями мы посеяли в крошечной мастерской. Ночь стояла жаркая, короткая и на редкость суетная.

Мы двое поделили меж собой обязанности, кто на что горазд, и каждый принялся за свое. Я черпал ладонями кучу черного горючего камня, торопился с топливом к горну, обливаясь потом, раздувал пламя мехами и мешал кочергой в пылающих углях. Нар орудовал попеременно то длиннющими щипцами, то рогатиной с чашечкой на конце, то молотом, то в кадку с грязной дождевой водой окунал шипящий металл. Мы разливали, перемешивали, охлаждали, снова нагревали и плющили вязкие жидкости на наковальне в нестерпимой духоте. Никогда я так исступленно не трудился. Поначалу мы даже не разговаривали, и работали без роздыха.

От липкой стоячей жары нас спасал освежающий ночной ветерок, сквозивший в щелях мастерской, сплетенной из прутьев. Еще отдушина – дыра в кровле, покрытой тростником, прямо над горном. Гарь беспрепятственно возносилась к мерцающим на темном небосклоне звездам, и не задымляла кузню. Снаружи нас выдавал столб дыма, неуместный в летнюю жару, а изнутри сарай светился пламенем горна и восковых свечей. Свечи в глиняных горшочках с песком, на подставках, прибитых к стенам, уберегали нас отувечий. А покалечится там можно было запросто. Кузнец, как сорока, насобирал отовсюду миски, цепи, пилы, заступы, мотыги, косы, кривые выдранные гвозди – чего он только не натащил в свою берлогу. Эту гнутую, притупившуюся, проломленную, изъ-

еденную червоточинами в труху ржавчину он собирался отбить, выровнять, наточить, и сизнова пустить в ход. Ну а до той поры хлам валялся на неровно умятом полу, и мешал ходить.

Только свежевыкрашенные, широкие железные полосы, обручи для бочек, Нар аккуратно отставил в дальний угол, и там, же стоймя он сложил две лопаты, начищенные песком до блеска, и вдетье на обструганные каштановые черенки.

Кузнец как юркий рулевой носился меж мусора, который сам же повсюду и разбросал. Он уворачивался на ходу от выступающих острых краев, перешагивал через большой точильный камень, и дальше перепрыгивал груду старья.

С непривычки я тащился за ним крадучись и высоко ступая, как свинья с треугольным ярмом. Я старался не поднимать пыль и не споткнуться, все время глядел под ноги, и прозевал пузатый медный кувшин, подвешенный веревкой за поперечную балку крыши. Я боднул воздушный капкан со всего маху, и кувшин стал раскачиваться с гулким эхом. Я ухватился за голову, присел на корточки и крепко выругался. Нар вздрогнул, сделал страшные глаза и приложил палец к губам, призывая меня к молчанию. Он долго вслушивался вочные звуки. Только треск дров и далекий плач шакалов.

– Я летом работаю по ночам. Это не вызовет подозрений. А вот ругательства римлянина в моей кузне...

– Ты бы лучше, прибрался, – огрызнулся я, вытянувшись в полный рост и поглаживая ушибленный лоб.

– Как-то все недосуг... – виновато пожал он плечами.

Я обнажил клинок, взмахнул им, срезал натянутую веревку, и сделал себя хромым! Увесистый груз рухнул мне на пальцы, я был обут в открытые сандалии. На этот раз я заскулил, как побитая собака.

– Стой, где стоишь! – сказал абазг, подходя ко мне со щипцами в одной руке. – Я сам.

Он ловко поддел ногой кувшин за ручку, поймал его свободной рукой за узкое горлышко, продел ручку кувшина на дротик, воткнутый в щель плетеной стены. Ногти на моей ноге набухли кровью, я захромал, но все равно подкладывал впрок натащенные дрова и ворошил угли. Так, в тесной, закопченной кузне вершилась наша судьба. Третьим был Сиурд. Никому более я не доверился. У местных варваров считается величайшим бесчестием выдать своего товарища по грабежу. Я на это понадеялся.

Снаружи, но не на виду, в зарослях кустарника притаился декурион с мечом, а мы внутри колдовали с огнем и металлом. Для самородков у нас были мокрые выбоинки в дубовых чурках. Все чаще к рассвету подуставший абазг присаживался передохнуть. Резкое шипящее произношение сразу изобличало в нем чужака. Но меня раздражал не его говор, а его легкомыслie.

– Имей ввиду, если кто узнает, нас обоих казнят самым зверским образом, – предупредил я его. – Никто не поможет

– Ерунда, – отмахнулся кузнец.

– Знай, если дело раскроется, нас обоих убьют, – повторил я.

– Не убьют.

– Не просто убьют, руки-ноги поотрывают.

– Не поотрывают.

– Еще как поотрывают, – настаивал я.

Чтобы развеять сон, мы болтали о том о сем, пересказывая с одного на другое, и ни с того не с сего речь зашла о Скепарне.

– Да дурень он! – обозвал его Нар, постукивая молоточком по чеканке. – Я бы на его месте с вами враждовал иначе.

– Это как?

– Без пролития крови.

– Колодцы отравишь? – зевал я.

– К чему такие крайности?!. Изготовлю цезарскую печатку.

– зачем?

– Поставлю ее на обманные, по своему содержанию заготовки... – вымолвил он и вдруг с разинутым ртом уставился на меня. – Ах, какие мы дураки?! – ахнул он, отложил молот в сторонку и схватился за голову – Мы же сами...

– Что сами?

– Ну, ты же понял!

– Не понял.

– И никто не поймет, – увлеченно бурчал он. – Никто ничего не поймет... Никто... Да, кто подумает... Кому мы нужны...

Абазг прошаркал до табурета, уселся против меня, утер вспотевший, изборожденный морщинами лоб краем широкой рубахи и устало запарусил щеками. Прежде чем снова заговорить, мастер что-то обдумывал, и гри- масничал, рассматривая свои изъеденные ожогами руки. Потом он поднял на меня перепачканный, но уже веселый взор.

– Кассий, там, где торг ведется за деньги, хозяйства от них уязвимы?

– Уязвимы, – подтвердил я. – И что с того?

– А недоверие к деньгам может подпортить торг?

– Может... Ах, вот оно что! – спохватился я. – Ты собираешься просветить Скепарну на этот счет?

– О, будь спокоен, римлянин! Легче дупло в дереве просветить, чем его разум. Скепарна любимец толпы. Он дубовая голова. Или он спит с открытыми глазами, или бахвалится. – Абазг потер пальцами покрасневшие от недосыпа глаза, и, поморгав, прищурился. – Но, парфяне... Скажи, Они ведь люди умные... Они могли использовать такую возможность.

– Парфяне?

– Ну да. Они устроили неразбериху... Кассий, давай,

подбросим на рынки подделки!.. А? Что скажешь? Дело прибыльное.

– Может оно и прибыльное, – отвечал я уклончиво. Еще не до конца уяснив, что у него на уме, я опасался, что он меня свяжет каким-либо обещанием. – Но зачем так рисковать?

– А чем мы рискуем?! – всплеснул он руками. – При чем тут мы?! Это парфяне! – указал он мне в сторону, будто там парфяне стоят. – Кто же еще?

– Это разорит...

– Кого?

– Римлян.

– Чушь! – отрицал абазг. – Какое там разорение?! Так... баловство, мелкая пакость.

– Ты не знаешь, что за такое бывает, а я знаю. Нас разрубят на части как тупых коз.

– Если поймают, нас итак-итак раздавят как клопов. Разве нет? А если нет, так чего трястись?!

Хороший довод! Мы стали разливать дымящуюся, неподатливую, полувязкую жидкость в глиняные трубы, а потом разбивали формы и пилили заготовки для монет. Потом кузнец нагревал еще раз монету иставил на ней нужный оттиск.

– Ох- хох-ох! – вздыхал я. – Отнесись к этому посерезней.

– Куда серьезней?! – Нар передал мне еще горячую от огня монету. – Сам оцени.

– Она какая-то... – Я поднес ее поближе к пылающей свече. – Слишком сверкающая, слишком...

– Новенькая, – досказал он за меня. – Так и есть, Касcий... Но ты успокой свое сердце, я ее состарю.

– Как быстро?

– За ночь. Слегка отобью по краям, потом подпилю едва заметно точилом, и вообще сделаю неровной, поцарапанной, будто ее часто пробовали на зуб и роняли. Поверь, она будет затасканной. Особенно когда мы ее опу-

стим на ночь в миску с морской водой и вывалием в золе.

– Этого хватит?

– Вполне, – зевающий кузнец прикрыл рот ладонью. – Таким сплавом можно гордиться.

– Не вздумай! Помни об этом!

– А так хочется! – дразнился Нар. – А может, все-таки... Кассий, а ты уверен, что...

– Я уже ни в чем не уверен! Давай, прекращай расспросы, и поторопимся, светает уже...

Я его прекрасно понимал. Абазг был не прочь, чтобы римляне и парфяне столкнулись пораньше и подальше от его племени. Я его, напрямик, спросил, и он мне, не стыдясь, признался.

– Честно говоря, да... Мы уже вдоволь потолкались. Теперь ваш черед, – злорадствовал он. – Наши простаки, от боязни прослыть трусами, много зла друг другу пона-делали. Много душ невинных окончили свои земные дни в грязных ямах...

– А Рим тут причем?

– Как?! – ахнул Нар – Совсем ни при чем?! Ты уверен, Кассий?! – он хитро зажмурил один глаз. – А это не вы через своих людей разжигаете распри? Нет, я признаю, делаете вы все очень тонко, – предупредил он мои возражения. – Даже ниток на стыках не видно. Но это ведь так. Не сердись, что я осмеливаюсь такое говорить, но...

– Ах, это, оказывается, мы вас стравили?! Здорово!... А теперь послушай меня. Ваши вожди грызутся не столько оттого, кто будет нашим ставленником, сколько оттого, что не могут ужиться. Вы бы и без нас перессорились, даже будь у вас всего вдоволь.

– С этим я не спорю, – нехотя соглашался Нар. – Со-перничество есть всегда, но...

– Нет, никаких но! Не выдумывай!

Тут возразить ему особо нечего. Ресмаг отрезал нам кусок, который и так наш по праву сильного. Он не мог нам его не дать, иначе бы мы отняли у него все и отдали

другому. Спадагу-санигу, Юлиану-апсилу или кому другому из самих абазгов. Но Рим не пожадничал, потому как Ресмаг не самый худший из правителей. Напротив, он хоть какие-то правила соблюдает. С ним можно договориться, и он держит слово

– И еще одно, – наставлял я сообщника. – Раз уж мы друзья, хочу тебя предостеречь. Не ввязывайся ни во что. Кто бы тебя не науськивал – сам Ресмаг, Скепарна или кто там еще... Не перебивай, прошу! Начальствующие варвары повсюду одинаковы, поверь, я их больше твоего повидал. Ему в колеснице отказали или на пиру не уважили, и он вспоминает вас, своих родичей. А до той поры он вас и знать не желает. А знаешь, зачем вспоминает? Чтобы нам противовес поставить... Да, конечно... Есть искусные ораторы, но что бы они тебе не наплели, не доверяй им, Нар. Они сердца воспламеняют не для общего блага, а чтобы набить себе цену и подороже продаться. Теперь уяснил?

– Бесчестно это, – урчал упрямец.

Он, хмурясь, почесывал заросший щетиной подбородок. Неприятно ему слышать правду, насупился.

– Вы, римляне, играете судьбами племен, будто они камешки. Конечно, не ваши дома горят...

– Ты уже взрослый, и должен сам понимать. Если перестанем играть, загорятся наши.

Он по-своему прав, и затея у него здравая – стравить захватчиков между собой и тем ослабить их хватку. Это гораздо действеннее, чем уверещания тех, во имя кого он старается. Нар повидал жизнь и знает – простолюдин своего собрата ремесленника в обуви, изодранной до дыр, слушать не станет. Они внимают только тем, кто разряжен, доволен собой и правит колесницей, а это наши люди. Общаться, не взирая на лица, непредвзято, на равных с любым смертным могут лишь мудрейшие. Мудрецы это не просто дряхлые старцы, а люди, прошедшие через тяжелейшие испытания, но не озлобившиеся. Те, кто не

притворяется. Это не так легко, как кажется. Нар из таких. Тяжкий труд не превратил его, как это со многими случается, в хитренъкий тягловый скот, а напротив, научил ясно мыслить. Резкость и прямота абазга связаны скорее с привычкой усилием преодолевать обстоятельства. Он тем выковывал себе еще большую твердость убеждений. Зачем ему это? Да не зачем. Это болезнь – заразная, неизлечимая хворь, подкосившая лучших – желание восстановить справедливость. На самом деле справедливость не восстанавливают, а творят сызнова, ибо ее никогда не было. Она разве что в воображении людей, да и то немногих.

Нар размечтался выкупить, со своей доли, присвоенные и огороженные Афахаром общинные пастбища. Это в их родном селении. Они земляки и соседи. Ему бы залатать на зиму крышу, сменить рубище на новые одежды, а он вместо мечты о сытом, уютном гнездышке, дерзает бросить вызов сильным. Мой собеседник, усталый, с темными кругами под глазами, и уже седеющими висками, в пылу своей коморки грезил о милосердии для слабых. Это не простая болтовня, какую заводят с чаркой вина для самолюбования, и никогда не переходят от слов к делу. Абазг не красовался благородством. Он плел соседям веревку. Хотел бросить ее им в колодец, чтобы они вырывались из цепких объятий нищеты, болезней, застарелых обид и невежества. Прометей доморощенный, ни дать, ни взять! Он одержим мечтой, я его зауважал за это. Такие люди редко встречаются. Иногда, вопреки всем силам тьмы, им удается сделать существование других людей более сносным и менее диким. Родись абазг в Риме, то перед тем, как погибнуть, а удушили бы его несомненно, он бы выступил пару раз в сенате. Так и вижу его, облаченного в выцветшую от солнца тогу, перед разъянеными толпами. Человек не сломленный, но закаленный невзгодами, не умеет, не может не думать, а значит, он поневоле становится поперек людям с прогнившими на-

сквозь нравами. Даже если он и рта не раскроет, он и для знати, а еще более для рабов, живой укор. Совесть есть у всех. Она не редкость даже в праздной и развращенной среде патрициев. Этот человек вместо того, чтобы, как и все степенные, порядочные люди, верить в какого-нибудь идола или потихоньку грызться за кусок пашни с соседом, всерьез рассчитывает на свои скучные силы и разум, а значит, тем опасен. Он может заразить остальных этой верой в собственный разум. А дальше они будут как маленькие желуди. Если их не скушают свиньи, если сорняки не заглушат их в самом начале, если правители прозеваю и дадут им взрасти, то из них произрастут исполинские дубы, и тут уж сорнякам самим не расти.

— Твоя работа? — заинтересовался я короткой пикой с широким, сплюснутым наконечником. Нар молча кивнул. Я повертел в руках ладное орудие и спросил: — А почему такая короткая? Для карлика?

— Это не для боя. Для охоты на крупного зверя. В кабана им удобно метать.

— А еще на кого с ним можно пойти?

— Все зависит от охотника. Можно и на медведяходить.

— Брось!

— Можно, — убеждал кузнец. — Для медведя роют глубокую яму с обрывистыми и глинистыми краями, на дне втыкают острые колышки, и все это прикрывают хрупкими веточками, поверх набрасывают траву и мох. А такое копье бросают сверху вниз. Промахнется разве что слепой.

— А если медведь выберется из ямы? Бежать?

— Какое там?! — отмахнулся Нар. — Далеко не убежишь. — Он взял у меня копье. — Для медведя нужно древко подлиннее. Тут еще надо приделать к древку, вот здесь, серповидную поперечину. Зверь сам сдуру за нее ухватиться. Тут уж не зевай, иначе... Но это мелочь! — ожидался он. — Лучше я тебе другое покажу...

Нар отставил копье к стене и стал, как ребенок, хвастать своими достижениями. Оказалось, он добрался до какого-то нового сплава. Кузнец добавил еще какое-то варево к своему обычному, и несказанно этому возрадовался.

– Перемешав медь с акалей...

– Акалей? Какой еще акалей?

– Акалей это... это... это... – запнулся абазг. Он прикусил губу, застукал кулаком по другой ладони и заладил: – Это... Это...

– Что?

– Это по-вашему олово! – прищелкнул он пальцами. – Так вот, перемешав медь с оловом можно вывести бронзу, это ты знаешь...

– Нет, не знаю...

– А знаешь ли ты, что выйдет, если к ним подмешать...

– Не знаю, и знать не хочу! – отрезал я – Поторопись, иначе ты уже никогда ничего ни к чему не подмешаешь.... Не смейся! И я с тобой на пару... Я серьезно...

Ветер его паруса надул, а он свое везение пустил прахом. Зачем ему понадобилось продырявить разбойника?! Повременил бы, и это бы сделал кто-то другой за него. Несомненно, это будет стоить Нару жизни. И чего ему не хватало?! Этот же вопрос можно задать и другому моему сообщнику- Сиуарду, но по другой причине. Обычная жизнь здешнего воина либо праздность, либо набег. Но Сиуард не был обычным всадником. Если бы не его открытость, я бы никогда не заподозрил в горделивом насмешнике последователя повсюду гонимого братства людей. Это их братство проповедует прощение и милосердие. Это очень странно звучит для людей, которым нож к горлу приставили. Они подкрепляются надеждой на какое-то там триумфальное возвращение их учителя из царства теней. Ну, а до той поры для них там якобы подготовлен такой Олимп для смертных. Покойники все там поют и беседуют меж собой, развалившись в удоб-

ных креслах. Их новая вера переворачивает все с ног на голову, правда, они считают наоборот, но каждый волен думать на этот счет, как ему хочется.

Сюда их учение занес очень могущественный человек, но он, наверное, и сам об этом не догадывался. Особо разрушительные идеи часто носят люди кроткие и дружелюбные. Сейчас уже можно сказать наверняка – иудей Симон, по прозвищу Зилот, так его звали, расшатал здешний, устоявшийся веками порядок, не прибегая к насилию. Он им разум растряс, но только не дубиной, а доводами. Не сделать этого он тоже не мог. Он, как и все смертные, был игрушкой в руках небес. Его разум не давал покоя его стопам, а те в свою очередь вынесли его из душного оазиса в пустыне и донесли его до прохладных ущелий. Тут за ним увязалась жалкая горстка оборванных изгоев, и они прервали покой сонных роц. Они вместе разбудили неведомых дотоле и до поры таившихся в своих общинах единомышленников. Люди с пол слова понимали, чему странник их учит, поднимались и шли за ним.

Наверное, эти мысли были и до прихода проповедника. Они обитали в каждом, кто рассуждает о смысле, но когда ученик Христа облек их в ясные и простые слова, древняя, безголосая идея, которая древнее рода человеческого, которая старше наших раскрашенных кумиров, заговорила сначала шепотом, опасливо, а потом все громче и громче.

Сошелся я с христианами случайно. Оказывается, так оно случается со всеми. Сиурд в ту пору сопровождал меня в Цибулу, к своему дядьке Юлиану. Сам старый Юлиан возводит себя родней по матери аж Аэту – древнему хозяину Понта. По поводу же его прославленного предка я выяснил следующее. Дом Аэта возвысился в стародавние времена благодаря некоему жрецу. Он уберег их народ от страшного заклятия, насланного им в результате порчи – заклинаний, наведенных мертвыми врагами. Священная роща, задолго до прихода ахейцев, избавила эту землю от

великого мора. То дела давно минувшие, хвала богам. Ди-
кая смесь непоправимых бедствий, насилий, блуда, враж-
ды и зависти, и как итог проказа, непостижимая разуму.
Гноящиеся язвы наносились невидимою десницей само-
го Аида. Тот был ниспослан богами в наказание кавказ-
ских племен. Быстрая и мучительная смерть. Рассказы-
вают, эту заразу принесли в Трою восточные купцы, они
пришли в град Приама посуху на ослах. Там она повсюду
распространилась и перенеслась через мутные воды на
ахейские и кавказские берега. На самом Понте умные
люди пожелали умилостивить богов. Собрался совет
прибрежных племен, и на нем было много споров. Име-
нитые и мудрейшие собрались в одном месте, но демоны
оказались тоже не дураки, воспользовались этим. Желая
опустошить эти края, они поразили всех собравшихся,
и даже могущественных колдунов, в течение недолгого
времени. Устрашающая весть разнеслась далеко, и всех,
от мала до велика, обуял ужас.

«Смерть переходит от одних к другим, когда они тро-
гают друг друга!» – вопили люди. Они валили деревья на
дороги, запирали ворота. Те, кто проявлял любопытство
или кого нужда заставляла выйти, немедля по возвраще-
нии приносили дыхание преисподней в родные стены.
Смерть гуляла как ветер, она забралась даже в глухие гор-
ные уроцища. Там издревле стоят каменные усыпальни-
цы из глыб с круглыми отверстиями для входа. В ту пору
врачевал соседей некий полулекарь-полуколдун. Говорят,
жил он в безвестности у тихого устья прибрежной ре-
чушки, сейчас в тех местах болота Гюэнеса. Так же, как
и другие этот знахарь, покрылся волдырями, и справед-
ливо посчитав дни свои земные оконченными, ушел по-
дальше от всех в лес, развел костер и устроил шалаш из
веток. Питался он дикими лесными ягодами, и ожидал
избавления от ужаса еще более ужасной смертью. Уже
обессилев для охоты, он ел опавшие и спрятанные под
листвой плоды. Но потом они ему опротивели. Думает,

лучше помру, чем буду есть эту гниль. Не имея ничего более под рукой, лекарь стал отваривать кору растущей в лесу старой липы, она не так уж и противна на вкус. Ловить рыбу, перебирать плоды и ходить за водой он уже не осиливал от жара. К тому же от ознона он не мог далеко отходить от костра. Ему пришлось бросать в пустой котел остатки плодов и утолять жажду стоялой, но кипяченой водой. Он обгладал и ободрал дерево как медведь, и этот настой чудодейственным образом помог ему охладить пылающее тело. На этот раз демоны промахнулись. Жрец очнулся от забытья под ворохом опавших листьев. Углядев собственное отражение в луже, знахарь решил, что лесные звери его не тронули, поскольку погнувшись им. Вид его вызывал отвращение, но чувствовал он себя гораздо лучше. Вскоре он заприметил, что роща не только безлюдна, но и вовсе не населена. Вокруг ни звука – ни шороха от грызунов, ни даже щебета. Тушки пташек валялись то тут, то там. Вымерло все живое. Тишина его окружала повсюду, и никто не мешал ему, опытному во врачевании, размышлять, уже будучи в здравом уме. Искупавшись в холодном ручье, ибо стояли холода, а его костер потух, жрец прикопал в яме свои верхние одежды и вернулся в отчее селение почти нагим. Происходя хоть из бывшестной, но все же добропорядочной семьи, жрец пошел к одному из местных царьков. Тот жил неподалеку в их общей местности под названием Колика. Мор не пощадил ни вождя, ни его жену, но обошел их единственного сына, лет десяти от роду. Будущего сироту, родители сберегли в дощатой башенке, к ней никто и близко не подходил. Ребенку доставляли еду и питье в корзине на веревке, а он там сидел один, как белка в дупле.

Заявившись к людям, жрец нагнал на них страху своим видом, и сразу затребовал для себя чистых одежд. Потом он велел всем собраться, и повел их звать ребенка-царя. Приставил он к башне лесенку, и зовет: «Спускайся дитя,

время твоего плена минуло. Для богов все возможно. С их помощью мы пересилим смерть».

Мальчишку трясет, страх гложет, а любопытство, знать, сильнее, спустился.

Немногие к жрецу сбежавшиеся обступили его со всех сторон, а он стал их расспрашивать, как мор к ним подобрался. Они давай стенать, дескать, с выброшенной на отмель остроносой, черной лады, беда пришла. Там, мол, и команда, и даже мышки рядом передохли.

А жрец им в ответ молвит, что смерть пришла к ним через тлен покойников, через их заговоренные предметы, покрытые смертоносными семенами, невидимыми глазу.

– Вы зародыши погибели своей принесли к себе в дома, – говорит он им

– Есть кто и одежд чужих не коснулся, и людей, но скажется изнутри. Как такое возможно? – испытывают они его, а он им: «Остерегайтесь дыхания больных, их кашля и чиха»..

Темные стояли времена, Рим был еще селением, или вовсе не был, а ахейцы тоже от этих блуждающих моров натерпелись. Они то уходили, то возвращались, то в холодную пору, то в жаркую. Те, что приходили в жару, были кратковременны, и нам теперь доподлинно известно, что они от стоячей воды или засиженной мухами пищи. А вот зимний мор, если наведывался, выкашивал племена под корень вместе с домашней живностью. Урожай колосился, двери хижин нараспашку и пусты, и вокруг тишина. Ни смеха, ни песни, ни оклика. Свирепствовали демоны по берегам одного моря. Тот же мор, те же беды, те же грехи, но здесь мельничный жернов ужаса наткнулся на каменное ядрышко. Никто доподлинно не знает, как его звали и как выглядел тот человек, где его прах и какова его дальнейшая судьба, но зато передают из поколения в поколение то предание, где он учит, что враг губительного холода – пламя. Оно изгоняет демонов.

Пришлось им послушаться кроткого человека, потому как жестоковы́йные мужи и горластые бабы уже не могли переорать того из своих могил. Да и слушать особо было некого, настолько племена присмирили от лютых бед. Все были сбиты с толку и делали, что им повелят. Повсеместно начали сжигать старье. Ходя из поселения в поселение, один без провожатых, знахарь обучал других делать древесные отвары, прилаживал мед к открытым ранам, это сильное обеззараживающее средство. Жрец призывал сжигать покойников со всей их домашней утварью, со скарбом и самими хижинами. Он шел опираясь на посох, и пламя костров опаляло края его одежд... Те, кто попрал обычай и последовал его совету по отношению к покойникам, быстрее высвободились из объятий Аида. Запылали пожары, было запрещено всем передвигаться под страхом немедленной казни, горячая вода и теплая весна довершили победу разума. Все золото, найденное в оставленных поселениях, очистили огнем, переплавили, завернули в бараньи шкуры и преподнесли спасительным богам. Смертные отдали дань небесам в той самой роще близ Гюэнеса, там, где спасся их врачеватель, а через него и весь край. Ахейцы прослышили об этом очистительном обряде, и двинулись за золотым руном, во всяком случае они в это веруют. По смерти жреца прошло еще немного времени, свежо было предание, и возмужавший царь, предок Аэта, полагаясь на священный амулет, объединил вокруг своего семейного святилища окрестные племена, настроил святилищ и крепостей. Так по камешкам собрался союз разношерстных племен, который встарь звался Колхидой.

Последний из колхов лишился власти из-за злокозненной смуты. Ахейцы, как наемники, предложили ему помочь против горных племен савроматских, он ее отверг, и домочадцы воткнули ему нож в спину. Они сговорились с греками против него. Так и возникли неурядицы, хотя их приписывают исключительно его дочери.

Что касается золотого руна, то древние писания и устные напевы местных сказителей, сходятся – это скорее амулет, чем сокровище. Такой же знак царской власти, как каменный трон, на коем Аэт восседал. Дом его, по стариинному пророчеству, верховодил над разноязычными племенами лишь до той поры, пока руно у него хранилось. Выкрали оберег, умертвили наследника, и союз племен разлетелся вдребезги, как уроненная на каменный пол ваза.

Распри есть всегда, но если их еще и умело разжечь, так земля станет непригодной для обитания. Это проклятье случилось с кавказским Понтом. Еще с эллинской поры здешние племена подозрительно относятся друг к другу, да и в пределах своего племени никто вполне не доверяет соседу. Самолюбие и замкнутость на своих интересах разделили роды и общины пропастью. Это помогло римлянам завоевать и удерживать воинственных обитателей побережья малой силой.

Но оставим в покое тени прошлого и вернемся к христианам. Апсилы рассеяны на побережье восточнее Диоскурии, а стольный их град лежит в недоступном высотном массиве. Апсилы предваряют племя высокогорных людей. Те обитают в верховьях бурчащего, полноводного Коракса, и живут на таких кручах, что слабогрудым там даже дышать трудно.

Я покинул их горную твердыню – Цибилу. Отряд в полсотни верховых спустился на приморскую дорогу, и не особо подгоняя коней, ковыляя через опаленную солнцем равнину. На восход от Себастополиса лежит у моря Гюэнос. От основного пути к Гюэносу отходят тропы. Они уводят то в крошечные рыбакские поселки, то, пересекая отвоеванные у дубов и граба пашни, восходят в апсилийские предгорья. Эти подозрительно узенькие дорожки вытоптаны в высоких некошеных травах и колючках. Судя по тому, что на них не растет трава, они ве-

дут к многолюдным варварским селениям, спрятанным в лесных чащах. В случае нападений апсилы прячут проходы, прикрывая их нанесенной с землей травой. А в темень к ним и вовсе не подобраться.

Мы сделали привал у горячих терм, их видно издали по клубам восходящего пара. Целебный ключ бьет из-под земли среди старых орешников и обветшальных руин каменного дворца. В том местечке исстари на целую стадию сернистый источник исходит парами и пузырьками булькает в траве. Есть там и выложенные камнями ванны. На той стоянке любой путник может распарить усталое тело. Платы никто не взимает. Пустынное там место – по причине лихорадки и морских разбойников.

Небо чистое, времени до заката достаточно, и факелы, и масла припасены. Так чего тужить? Мы освежились теплой водой. Воины привязали коней кто к коновязи, а кто к поваленному ветром и наполовину очищенному топором от веток ясеню и выставили дозорных. Один влез на верхушку высоченного дуба, а трое бродили неподалеку верхом, и должны были предупредить нас свистом. Воины разбрелись, омылись в горячей воде, почистили коней скребками и насобирали орехов в сумки.

Пока я колол камнем орехи и вынимал ядрышки, апсил мне уши прожужжал, чтобы я уклонился от большого черного камня. Тот указывает путь в Гюэнос. Я изменил первоначальный план, свернул в его родовую вотчину, и уже при свете факелов и полной луны мы вступили в его отчее селение. Местные псы, их там как вшей у бродяги, по такому случаю подняли всеобщий лай.

Ночевка после долгого пути была потеряна. Обильные возлияния и отсутствие сна не способствуют бодрости. Оказалось, мы прибыли в канун народного гулянья. Совсем неподалеку утром должны были пройти соревнования наездников. С теми, кто еще мог усидеть в седле, я двинулся на это сборище. А уже следующим днем я был среди христиан и посетил их тайную встречу. Она про-

ходила в труднодоступном урочище, но тоже неподалеку от ристалища.

Но обо все по порядку, сразу всего не расскажешь.

В сторону от приморского Гюэноса почва начинает потихоньку вздыматься к подножью седых гор. Не сразу заметно, как это происходит. Тропа петляет, и скрыта кустами, пригорками и исполинскими деревьями. Только если путник вскарабкается на какой-либо холм и оглянется назад, то поймет, что он все время шел вверх. Легко даже различить дымки низинного Гюэноса. Его пересекает сонная речушка, широкая и по колено глубины у устья, но эта же тихая река вверх по течению урчит все быстрее и быстрее. Она становится глубже, уже и стремительней, и отовсюду в нее вливаются журчащие ручьи. Эти водяные преграды у апсилов, как межевые камни, разделяют их редконаселенные пригорки. Двигаясь вдоль берега реки, мы достигли места ее слияния с другой и более холодной рекой. Над слиянием этих двух, относительно полноводных речушек, нависает почти лишенное растительности плоскогорье. На нем еще одна покатая и крошечная возвышенность, с ветвистыми деревьями посредине. Все это похоже на широкополую шляпу великана с чуть сдвинутой тенистой макушкой с перьями и голыми краями. Высший холмик окаймляет овал неровно умятой дороги. Дорогой я ее называю лишь постельку, поскольку на ней не произрастает трава. Это широченная тропа утоптана до такой степени, что всякий скачущий по ней поднимает облако пыли. В Апсиили пыль вообще большая редкость, вся страна орошена, так как находится по берегам водоемов.

Устроители подсуетились по случаю праздника. Старые, подгнившие скамьи вбили поглубже в глинистую землю, подкрепили подпорками, а еще наспех сколотили новые ложа из прочных каштановых досок, пахнущих струганным деревом. Пониже, по внешнему краю широкой аллеи и ближе к обрыву ряды раскидистых дубов

выпирают корнями по оврагу. Всадники объезжают эти места, опасаясь споткнуться, и этим пользуется безлопадный люд. Селяне нанесли булыжников, подходящих с берега, уложили на них доски и удобно устроились под листвой вместе с женами, малышами и даже грудными детьми. Нескольких мальчишек подсадили на ветки, и они там сучили ножками в предвкушении зрелища.

С утренней зари все приготовились к приходу именных гостей. Почетные старцы, в пору после жатвы, открывают сбор лучших наездников. Праздник собирает разноплеменное скопище дальних и ближних племен. В назначенный срок варвары туда стекаются отовсюду. Желающие прославиться победой в бешеной скачке есть в каждом роду.

Помимо дружественных нам, тут бывают и враждебные варвары. Угрюмые обитатели ущелья Коракса, вездесущие аланы, дерзкие зихи и еще многие нам не известные племена, перешедшие через пока открытые горные врата.

Есть тамошние стариинные племена, тоже местные обитатели, которые стали малолюдными. Они живут все друг с другом по соседству, но все еще обособленно. Из-за своей дикости и самолюбия они не сообщаются с чужаками. Раньше эллины их знали под именем колы, обитатели ущелья Коракс, колхи и другие, но постепенно апсылы из них стали преобладать. Так и саниги раньше господствовали над Диоскурией своим числом и воинственностью, а теперь больше абазги известны, хотя они и раньше у Диоскурии обитали. У всех этих племен схожие наречия и нравы. Они как жернова мельничные – медленно притираются. Границы стираются, преодолевая их замкнутость. Но я сейчас не о них, а об ристалище поведаю.

Среди состязающихся бывают и эллины. Они кучками затесались в этих местечках повсюду. Рождаются они здесь, роднятся с варварами, и только по названию

считаются эллинами. Не пропускают эти празднества и макроны, живущие за судоходной рекой Гиппос. Гиппос это по-гречески «конь». Дальше тех лазские патриции, извечные соперники апсилийских, они тоже присылают своих лучших людей и коней.

Даже во времена вражды, она случается тут нередко, никому не возбраняется участвовать в состязаниях. В эти дни, по нерушимому обычаю, даже кровники, знающие друг друга в лицо, умеряют свой гнев и обходят друг друга стороной, будто они незнакомы. Конечно же, мало кто из таких посещает людные сборища, но в любом случае гости на этом сборище неприкословенны...

Поздняя осень тут часто сухая. Холмы листьямирыжевуют, а кое-где оголяются от ветра. Затянувшаяся сушь, позволила серпам собрать жатву, но уже подходила к исходу. Над предгорьем нависли серые тучи, а дальние, за-снеженные вершины и вовсе скрылись под свинцовым покрывалом. Временами в густых горных облаках полыхали молнии, но треска их издали не было слышно. Пока погода не переменилась, и еще не похолодало. Народу сошлось немерено. Вся небольшая равнина заполнилась, хотя обычно в тех местах малолюдно. Можно проехать несколько стадий по общей дороге, и не встретить никого.

Юлиан, обязанный посещать такие празднества, не ожидал меня встретить, и нескованно мне обрадовался. Он благообразный старец, с редеющими седыми волосами, сухопарый, с резкими чертами бледного лица и кустистыми бровями. Он щедр на похвалу и превознес своего юного родича, Сиуарда, за то, что тот уговорил гостей.

Будучи в прекрасных отношениях с апсилийским патрицием, я был усажен по правую руку от него. Я помог Юлиану взобраться на самую макушку холма, демонстративно поддерживая дряхлеющего правителя за локоть. Несмотря на телесную немощь, царь апсилов не расте-

рял остатки своего разума и прославленного благородства. Обладая прекрасной памятью и зоркостью, он проледил с высоты за тем, чтобы никто из почетных старииков не остался под накрапывающим дождем.

Домочадцы Юлиана выстроились сплошной цепочкой вокруг собрания избранных. Среди них молодые люди, одетые, как чешуйчатые змеи, в кольчужные, парфянского образца доспехи, в полном вооружении с тяжелыми мечами, и маленькими щитами, тоже местной работы. Эти щиты в поперечине примерно локоть с оттопыренными пальцами. Делают их из буковых дощечек, скрепляют края ободом, а поверхность покрывают бычьей кожей. Они пригодны для отражения камней и стрел. Любой меч, и уж с таким широким лезвием и такого веса, какой апсилы имеют обыкновение таскать, разнесет скрепленные деревяшки вдребезги после второго удара, в лучшем случае. Но не это главное. Всем своим видом и величавостью юноши призваны внушать населению почтение, если не страх, перед верховной властью их старейшины. Я говорю так, ибо среди праздно шатающихся мог затесаться стрелок со стрелами в рукаве и луком, спрятанным под плащом. Для такого достать недвижную мишень с тридцати-сорока шагов не составит особого труда.

Царь апсилов поумнее своих родичей. Он знает, что полагаться на одно оружие большая глупость. В такие дни надо нравиться простонародью. Юлиан жестами и окриками отогнал от себя охрану. Его люди, похоже, уже привыкли к такому обращению. Они ничуть не обиделись и, посмеиваясь, разбрелись по полю.

Только я уселся рядом с Юлианом, и крупные капли забарабанили по крытому тканью навесу. Те, кому не хватило места, как курицы, переминались с ноги на ногу под начавшимся дождем. С высоты открывался неплохой обзор на капюшоны плащей и шапки. У подошвы возвышенности, затылками к нам, толпились самые разные

головные уборы: шапки из ягнячьей шкуры, из рыжей лисьей, соломенные, круглые войлочные, с отворотами, матерчатые, обтягивающие голову и укрывающие шею. Особняком поблескивали лысые медные шлемы. Римляне перешли на другую сторону, и решили переждать дождь поближе к листву. Воины чувствовали себя неуютно в окружении хоть и дружелюбной, но все же достаточно вооруженной варварской толпы. Они держались вместе.

Все ровное пространство отвели для конного бега. Разгоряченные наездники с гиканьем неслись галопом по кругу. Их различали, кого по лошади, кого по одеянию, а некоторые скимали в кулаке ленту своего цвета.

Особо ретивые из зрителей, укрыв голову накидкой, или вовсе не обращая на дождь никакого внимания, забегали поближе к краю и подбадривали всадников выкриками. Один такой не успел вовремя отбежать, поскользнулся на намешанной грязи, и едва не угодил под взмыленного гнедого. Толпа ахнула, но все обошлось. Вместо него кубарем слетел наездник, которому он преградил путь, а скакун помчался дальше, разбрзгивая из-под копыт грязь.

– Молодец! – воскликнул Юлиан, чуть подскочил со своего ложа, и в сердцах хватил ребром ладони по ручке кресла, да так сильно, что побагровел.

Юлин потер ушибленный сустав, и скрючился от боли. К нему подбежал какой-то пухлый толстячок из распорядителей. Для его почтенного возраста и веса он передвигался стремительно. Юлиан легким взмахом левой руки отстранил его от себя.

– Вы посмотрите, какой славный парень! – восторгался апсил, ерзая в кресле. Он указал неповрежденной рукой своему человеку на свалившегося, а другую руку прижал к сердцу. – Не дал испортить праздник! Позабиться о нем, кем бы он ни был. Будь он хоть конокрад, он достоин награды.

— Лишь бы никто себе шею не свернул, — обронил мне Юlian, после того как распорядитель кинулся исполнять приказ.

Внизу, в толпе зрителей, я разглядел моего провожатого. Сиурд, вместо того, чтобы наблюдать за скачками, о чем-то шептался с бросающимся в глаза темнолицым, как ночь, незнакомцем. Тот человек стоял с непокрытой, курчавой головой. Коротко подстрижен, нос сплюснутый, борода лопатой, заляпанные грязью одежды, увязшие в месиве сапоги, но больше всего мне запомнился его строгий, вдумчивый взгляд.

Этот человек почему-то неодобрительно мотал головой Сиурду, и временами исподволь поглядывал туда, где восседал Юlian. Я думал, они шушукались об апсилийском правителе, а оказалось, предметом пересудов был я.

Это выяснилось позже. Сиурд уговорил первосвященника не остерегаться меня как римского военачальника, и позволить мне его выслушать. Я сдуру пошел с ним, движимый любопытством.

Христиане облюбовали пещеру, расположенную в еще более дремучих дебрях, в самом сердце апсилийских лесов. По пути к ней мост над речным ущельем. Внизу перекладины выложены из толстых, еще не подгнивших досок. Они прочно сплетены веревками и ивняком, а поручни моста из высохших толстых лоз перекинуты попереck берегов. Настил немного прыгает, но по нему пешим можно пройти, не замочившись. Конники же переходят реку вброд, благо она не глубока. После речушки мы миновали тенистый лесок, еще один быстрый ручей с водопадом, и вышли к их скрытому местечку. Что касается самой пещеры, то замыкающие ее со всех сторон, поросшие пышным кустарником скалы, оставляют узкий проход — едва заметную расщелину, ведущую внутрь. Всякого входящего туда поражает необычайная высота свода. В ширину пещера расходится в виде просторных, сообща-

иющихся между собой гротов. В дальнем из них со стен и потолка свисают очень странные, молочного цвета подземные сосульки, а другие, как рога твердые, произрастают из скользкого гранита. Христиане облюбовали больший из подвалов и устроили там свое тайное сорище. Мой проводник поверх шерстяной рубахи еще и овечьей накидкой прикрылся. Я же отказался от теплых одежд ввиду прояснившегося неба, и зря. Несмотря на яркое полуденное солнце, снаружи, я едва не закоченел от холода, ибо воздух внутри пещеры мокрый и холодный. Христиане каким-то чудом исхитрились в высоченном своде пещеры продолбить снаружи тоненькую щелку, и из нее струился солнечный луч, падавший на крест. Чуть поодаль от их символа, на небольшое возвышение вскарабкался тот самый темнолицый, что шептался с Сиурдом. Человек отряхнул рукой и поправил мешковатые одежды и заговорил, еще не успев толком отдохнуться. Я узнал его, как только служка озарил его факелом. Дабы подсветить оратора получше, юноша подносил огонь все ближе и ближе к выступающему, пока у кого-то из слушателей не лопнуло терпение.

– Да поосторожней ты с факелом! Бороду ему запалиши!

Только раздалось сиплое предупреждение, и благоговейную таинственность как ветром сдуло, гулкое эхо подхватило общий хохот, а над отверстием в потолке запорхали потревоженные летучие мыши. Проповедник тоже усмехнулся, мотая головой, но это не только не обескуражило его, а напротив, вселило в его слушателей еще большее чувство единения людей, сочувствующих друг другу и вместе обращенных к добру. Книжник этот – выходец аж из самого Египта.

Христиане роду-племени не придают никакого значения, и вообще не признают никаких общепризнанных делений людей. Для них что чужак, что свой же единоутробный брат, что царь, что раб – все братья.

Египтянин тоже чужак. Он поселился в Апсии на правах гостя, и уловил в свою сеть многих. Одним богам ведомо, как он преуспел, обладая заметным недостатком речи: он ужасающе коверкал слова и даже путал их значения.

Зато он обладал поистине бесценным даром, и его он не выпячивал. Священник внимательно слушал и старался понять. Привычка эта редчайшая. Обычные люди не слушают, да и не желают слышать собеседника.

Каждый делает вид, что слушает, а желает сам заговорить поскорее. Египтянин был не из таких. К нему приблизился и воззвал тщедушный человечек в холщовой, перевязанной бечевкой обуви и изодранной накидке без рукавов. Он вопрошал дребезжащим голосом, правильно ли учат вставать на колени во время молитвы, и сколько раз надо во время нее осенять себя крестом.

— Дело не в этом, брат, — опечаленный проповедник замотал головой в знак отрицания и, собравшись с мыслями, отвечал: — Не это главное... Становись хоть на колени, хоть на одну ногу, хоть на четвереньки, это как тебе удобнее... Суть не в ритуале. Ритуал без сердца, твоего сердца, — египтянин жестами сначала как бы вынул свое сердце, а потом указал пальцем в спрашивающего, — ритуал без твоей души, в которой живет бог твой, это крашеный гроб. Мумия разукрашенная. Мумия это... это... это мертвое тело, из которого извлекли сердце. Так и человек, соблюдающий все эти повороты и поклоны, но не разжигающий внутреннего света своего, подобен угасшему светильнику. Это пустоцвет. Ты понимаешь?.. Хоть в золото разоденься, хоть в лохмотья.... Ты.... Ты... — проповедник запнулся, прежде чем нашел нужное сравнение. — Вот светлячок, к примеру, манит, но не греет. А ты стань огнем, свечой, факелом во тьме! — повышал он голос. — Не в храме рукотворном живет бог наш, но в сердце твоем. Да, да! — настаивал он, тыча в слушателя пальцем. — В твоем сердце!..

Рядом со мной какие-то тени зашептались на греческом, но я его плохо разумею. Знаю лишь несколько выражений, и то по большей части ругательных. Хоть в пещере и царил полумрак, но я опасался быть узнанным, держался подальше от алтаря, и поплотнее надвинул на глаза капюшон. Честно говоря, меня подмывало задать пару вопросов, но я на это не решился, боясь себя раскрыть.

То было и прошло, а вот и сам христианин! Сиуард обменялся рукопожатием с Лукианом, толкнул, проходя, лучника в плечо, отпустил удачную шутку ему мимоходом, от которой тот не обиделся и прыснул смехом, и пошел к нам, ловко перескакивая по прибрежным булыжникам. Судя по его легкой походке, у него приподнятое настроение. А если наигранная беззаботность? Жаль, я не могу расспросить его при свидете. Так. Так... А с чего это он вырядился в доспехи? Обычно Сиуард их презирает, считая, что они стесняют движения, и расхаживает по-римски, в тоге, но только с мечом. А тут поверх мышиного цвета туники тяжелая рубаха из переливающихся на солнце металлических колец, нацепил калиги, явно неношенные, с твердой, толстой подошвой, и выделанные из тончайшей кожи, плащ из добротной алоей материи со сверкающей серебром застежкой. Шлем под мышкой держит, с цветистым гребнем, начищенный до ослепительного сияния, меднолитый, с выступами, прикрывающими щеки, а другой рукой поддерживает рукоять длинного конного меча. Меч болтается на широкой кожаной перевязи, перекинутой через его плечо, и мешает ему при ходьбе. Сиуард, тоже, угорел на солнце, как оливка, но взор открытый, ясный, а голубые глаза искрятся весельем.

Я и Тифон понимающие переглянулись. Апсил уловил наши перемигивания, и тоже заулыбался.

— А что, сегодня у христиан праздник? — Тифон, опасаясь быть услышанным, злословил вполголоса.

— Аид их знает, какой у них там праздник, — рассеяно обронил я, но вдруг насторожился. — А почему ты у меня спрашиваешь?

— Да ведь разоделся как на триумф, — Тифон еще более понизил голос, и кивнул на подходившего: — Ножны чеканные, серебряные. Это же сколько он потратился?!

— И не говори! — хмыкнул я. — Его облапошили, а он зубами сверкает.

Двуличный писарь умолк, напустил на себя любезный вид и подскочил с места. Чем больше он поносит человека за спиной, тем он восторженнее здоровается при встрече. Со мной он тоже радушие источает, значит...

— Приветствую, Кассий! — декурион на ходу вскинул руку в приветствии и шагнул ко мне.

— И тебе привет! — привстал я, пожимая его ладонь. — А что это тебя веселит? Может, поделисься.

— Как что?! — отвечал он полукротким-полуязвительным тоном. — Ты не утонул. Это большой праздник!

— Хех! Ты лучше скажи, где Флавий. Может, он утонул?

— Не может быть.

— Еще как может! Он же не деревянный!

Апсил положил на стол громоздкий шлем, без спроса взял из корзинки яблоко, и протер плод о рукав.

— Пиратам он не по зубам, — заявил он мне и с треском откусил кусок от яблока — Я слышал, наместник идолопоклонник и гонитель христиан, — говорил он с набитым ртом. — Это правда?

— Полегче на поворотах, юноша, опрокинешь повозку! Это тебе не какой-то там крючкотвор из захолустья!

Тифон, точивший тростниковые перья, лежавшие в его мешочке про запас, зыркнул на меня исподлобья. Похоже, я уязвил его самолюбие.

— Наместник, да продлятся его годы, приятель божественного императора! — провозгласил я — Одно его слово — и тебя достанут даже в нашей дыре. Тут тебе никакие родичи не помогут... А насчет христиан, то он в юности,

по настоящию родителя своего, был авгуром. Это в родной Никомедии. Тоже захолустье, он там, родился.

– Так он жрец?

– Нет.

– Нет?

– Он хуже, чем жрец!

– Хуже?! – закашлял апсил, поперхнувшись яблоком. – Куда хуже?! Кто он?

– Философ.

– А?

– Ага, философ, – подтвердил я, и взмахом руки предупредил его мысль. – Но он не кормит вшей и не ходит в ру比ще.

– А разве я такое говорил?! – развел он руками.

– Он семейные кубки старьевщикам не закладывает. Он сам ростовщик. А еще у него припрятаны хитрости на все случаи жизни. – Я украдкой подмигнул Сиуарду, а когда он меня не понял, показал ему глазами на писаря.

– Тифон сказал, у него были хорошие учителя-кознодеи.

– Я не так говорил, – запротестовал Тифон, – я говорил...

– Говорил, говорил, не отпирайся, – настаивал я. – И правильно делал. О начальстве надо знать все.

– Так вот, друг мой, – продолжил я, потянувшись за башмаками. Я кое-как протиснул распухшие, мозолистые ступни в грубую, изношенную обувь и закряхтел, мучаясь с пряжкой. – Наставником Флавия был некий Эпиктет.

– Справившись с обувью, я распрямился и облегченно вздохнул. – Он вольноотпущенник и основатель философской школы в Риме. К нему примкнул наш будущий пропретор. Он сам, кстати, тоже эллин...

Поднявшись со скамьи, и по ходу разговора я стал разминать затекшую шею. Тифон раскаялся, что сболтнул лишнее, сопел и грыз ногти. Именно этого я и добивался.

– Эпиктет был большой лодырь, хоть и звался стоиком. Писанину он не любил, проповедовал свои взгляды

в устных спорах. Ругался часто. И только благодаря трудам Флавия, его прилежного ученика, люди узнали, что жил такой злоязыкий пьяница, – заключил я, и возвзвал к писарю: – Правильно я говорю?

Тифон открыл рот, чтобы ответить, но не нашелся и запарусил щеками.

– Он бы и дальше там ошивался, если бы покойный император Домициан, будь он проклят за это, не изгнал бы этих болтунов из Рима, на нашу голову.

«Кассий, не будь дураком! – наставлял я себя мысленно. – Мало ты им был?! Страви доносчиков меж собой, они ведь на тебя стольких натравили. Отплати им тем же. Подначь Тифона писать доносы на трибуна».

– Кстати, там Флавий познакомился с Антиоем, – обронил я как бы между прочим.

– С кем? С кем? – переспросил прищурившийся Сиурард. – С каким еще Антиоем?

– Нет, ты это слышал?! – призвал я писаря в свидетели. – Он не знает Антиоя!

– А я должен его знать, Кассий? У него есть до нас дело?

– Ну, какое ему до нас дело?! – сокрушался я. – Кто мы такие?! Вот кто мы! – сдул я соринки со стола. – Сошки мелкие. Эх-хе-хех! – вздыхал я. – Антиоей советник владыки римлян.

– Советник принцепса?

– Принцепса. А Апий...

– Наш Апий?

– А какой же еще?! – подтвердил я. – Апий клиент Антиоя. А раньше Антиоей был клиентом их семьи.

Декурион на это согласился, дескать, Фортуна она достойных избирает, но его смиренный тон и насмешливый огонек в глазах совершенно не вязались друг с другом.

– Антиоей это главный...

– Ах, главный!

– Самый главный? Главнейший! – возгласил я. – Он очень достойный муж.

– Еще бы!

– Антиной бдит о порядке.

– Да?

– Я не шучу. Истинный законник, правда, в прошлом...

– Что у него не так с прошлым?

– Он вольноотпущенник семьи Апия.

– Ух, ты!

– Это еще полбеды, – отмахнулся я – Потом он стал прихвостнем главаря известной шайки. Те орудовали по краям топкого вонючего болота. Крали на дороге и перевозили лодкой. Антиной перекупал угнанный и забитый скот. Для этого он обустроил коптильню. В ней он проводил опыты по совмещению разных видов преступлений, – перечислял я на пальцах, – вымогательств, грабежа, продажи краденного, ну и собственно кражи. Дела шли в гору, но кто-то его слазил. Поставщик попался с краденой козлятиной.

– Кошмар!

– Не то слово! Его повесили вниз головой.

– Дикие нравы!

– Толковые работники разбежались, торговля захирела...

– Он, наверное, запил от отчаяния, – предположил Сиурд.

– Напротив, – возразил я. – Когда личные дела пришли в упадок, Антиной занялся общественными.

– Даже так?

– А почему нет?! – развел я руками. – При таких способностях! Кто сможет скормить краденую свинью, в виде колбасы, ее же владельцу, а он еще заплатит и «спасибо» скажет? А? Я тебя спрашиваю. Кто так сможет?! Это же маг! Чародей! Для такого облапошить толпу – детская игра. Неужели непонятно?

– Опытный обманщик.

– Опытный, да, но обманщик – это... ты? – грозил я ему указательным пальцем. – Это ты! Не так надо говорить... просто – опытный. Кто-то работает удавкой и кинжалом, кто-то камнем по затылку стукает, но это все шалости.

– Разве?

– Конечно! Лучший душегуб лжесвидетель.

– Бессовестный!

– Вот именно! – подхватил я. – Он обучен выдвигать открытые обвинения!

– Бесстыжий!

– Такой человек на вес золота! – восхищался я. – А как он лихо проводит судебные тяжбы и разоряет соперников!! А как обличает их громогласно в страшнейших грехах?!

– А они его не обвиняют?

– У Антиоха есть ребята с камнями, – напомнил я вскользь. – Он уже всех растолкал и попал в милость к Цезарю Адриану. Он стал его доверенным другом. Сам понимаешь, обвинить его – значит бросить тень на императора.

– Я не хочу в это верить, – заворчал апсил.

– А ты думаешь, я хочу?!

– Ужас!

– Но это так.

– Человек с таким прошлым...

– Оу-оу! – знаком ладони оборвал я его.

– Кощунственно в нем усомниться?

– Кощунство это ерунда! Это может дойти до него, – предостерег я Сиурда и подмигнул ему. – Не говори этого вслух.

– А кто ему расскажет?

– Не спрашивай кто. Этого я не могу открыть, – за протестовал я, и допустил, что на месте Антиоха мог бы оказаться муж, имеющий большие заслуги перед отечеством.

– Например?

– Милый каждому честному сердцу Флавий.

– Флавий? – нарочито громко откликнулся апсил.

– Ты не ослышался: Флавий. Злые люди его очерняют, но я им не верю, и тебе не советую. Молва приписывает Флавию дружбу с неким Марком Аврелием...

Тифон дышал всем телом, как запыхавшаяся собака, и ломал себе тихонечко пальцы.

– Это какой-то известный преступник? – гримасничал декурион, отгоняя мух от еды. – Я должен его знать?

– Нет. Преступники это те, кто порочащие слухи распространяют.

– Я запомню.

– А еще запомни, – поучал я ауксилиария. – Марк Аврелий племянник принцепса и, возможно, его преемник. Флавий с ним на короткой ноге... Я знаю, о чем ты подумал.

– Разве?

– Не притворяйся! От меня это не укрылось.

– Да?

– Флавий не виноват.

– В чем?

– Говорят, заметь, говорят, но я этому не верю, чтоб у них языки отсохли! Говорят, Флавий назначен наместником благодаря Марку Аврелию, и они вместе злоумышляют против императора.

– Заговор?

– Неправильно.

– Тогда зависть.

– Правильно! – указывал я на него пальцем. – Дружба Флавия с претендентом на трон и назначение его наместником.... Надо быть полудурком, чтобы увидеть тут связь. А? Я одобряю ход твоих мыслей, тяготы выпали на долю пропретора.

– Тяжкое бремя! – поддакивал Сиуард.

– И не говори! Человек денно и нощно печется о пользе отечества.

- Польза отечества... – вторил он мне.
- Легат сочиняет книжки про псовую охоту и отсыпает их императору. Он бы мог про другое рассказать, – добавил я, – но...
- Наверное, не хочет расстраивать.
- Это тебе не шутки!
- А я не шучу!
- Люди и за меньше головы лишились.
- Гм... – многозначительно кашлянул мой собеседник, и на мгновение тень набежала на его лицо.

Наверное, вспомнил о нашем общем деле. Смышленный малый через силу усмехнулся и швырнул недоеденное яблоко в сторону моря. Огрызок так и не долетел до воды.

- И долго ты будешь как курица ягоды клевать?
- Это называется постом.
- Фиу! – тихонько присвистнул я. – Карапулом?
- Я лишь мяса не ем, – заявил он.
- Ваша вера заключается в разборчивой еде? Только и всего?! Тогда я тоже часто бывая христианином... когда голоден.

В риторике новоиспеченные христиане, с их несгибаемыми догмами и закостенелыми правилами, сущие дети.

- Знаешь Габиния?
- Лекаря?
- Прославленного лекаря.
- Нет, как человек он неплохой....
- А как ишак он никуда не годится?! Ты хоть себя понимаешь?!

Я ловил его на словах, как ребенка. Габиний гордость pontийского лимеса! Жуткий пропойца стяжал немеркнущую славу. Он еще не умер, а о нем легенды слагают. Этот человек утоляет жажду вином, а еще он шивает раны нитками. Может из тела вытащить тоненьким за jakiлом гоняющийся осколок стрелы, да так, что ты икнуть

не успеешь. Может обеззаразить рану, не прибегая к каленому железу.

– Он и как захарь неплох, – пошел Сиуард на попятную.

– Еще как неплох!

– Но он скверносолов, развратник и склочник. Не чтит он никого – ни богов, ни...

– Вот! – резко оборвал я его. – Наконец-то ты добрался до корня. Теперь ответь, но только правду, – предупредил я. – Кто, по-твоему, более угоден твоему богу – Габиний, губящий свою жизнь и спасающий чужие, или ты, как лошадь питающийся травой? Только отвечай прямо, не увиливай.

Сиуард призадумался и потянулся к лепешке.

– Не касайся! – воспретил я – Не будь лицемером! Или вообще не ешь, или ешь, как все. Ваш бог Христос, в пустыне, искушенный Аидом, вообще ничего не ел. И правильно делал. Во-первых, он был в пустыне, там нечего есть. А мы, хвала небесам, живем в плодородном kraю, – развел я руками. – Но вы утверждаете, что он ничего не ел. Во всяком случае, вас так учат.

– О-о! Это Христос, а мы обыкновенные смертные. – Сиуард давился ячменной лепешкой, но ему все же удавалось извлекать из себя слова.

– Он излечил Апия.

– Христос?

– Нет, Габиний. Его отвар обладает целебными свойствами.

– О каком выздоровлении идет речи? – брезгливо скривился Сиуард.

Вдруг рев боевой трубы, и совсем рядом. Мы недогуменно переглянулись и как охотничьи псы, навострили уши. Звук доносился из-за поросшего папоротником холма. Оттуда же послышалось конское ржание, потом гиканье всадников и отчетливое цоканье копыт по каменистой тропе. Спустя мгновение над гребнем холма

появился позолоченный высоченный шест с багряным квадратным полотнищем. На нем Сатурн золотом тканый, с серпом – покровитель императора. Следом, словно из-под земли, выросли начищенные до блеска остряя копий. Менее чем в двух полетах стрелы от нас

Отряд тяжелой конницы бряцал оружием, с овальными щитами, болтающимися на боках лошадей, и в алых парусящихся плацах. Их грозная поступь испугала полу-дохлую корову, и она шарахнулись от них в сторону, позвякивая колокольчиком.

Чтобы не повредить копыта коней о прибрежные камни, скачущие впереди приостановили бег коней и перешли на шаг. За значконосцем ехал рослый всадник в богато украшенных пластинчатых доспехах и в гребенчатом шлеме, за ними шествовал верхом седеющий, но все еще крепкий муж, в распахнутом дорожном плаще, одетом поверх пурпурной по краям тоги.

Он, единственный безоружный из конников, восседал на белом артачливом жеребце, с расчесанной гривой. Великолепный скакун обтянутом багровым, узорчатым покрывалом, и всадник успокаивая коня, ласково похлопывал его по загривку.

– А это еще кто?

– Ходячая кара твоих единоверцев, – буркнул я ауксилиарию.

– Какого рожна он бродит посуху?

– Может, нас проверяет, а может, составляет карту расселения племен. Наместник Понта это дело любит... Сиуард, живо к кораблям! Вели строиться. Чтоб грудь колесом и животы втянули!

Вместо ответа он мне на Тифона кивает. С тем происходит явно неладное. Писарь, как куренок в сетях, трепыхался, спотыкаясь то о табурет, то о пенек, потом отшатнулся от них и едва не опрокинулся, запутавшись ногами в ремне упавшей сумки. Тифон очень странно на нас вытаращился и при этом пыхтел, будто плавает.

– Что ты выпучился как рыба, которую вытащили из воды? Ошалел ты что ли?! Отвечай, Тифон. Что с тобой?

– Ему плохо?

– Тебе трудно дышать?

– Тифон!

– Кассий... – выдавил он из себя, насилино слглотнув слюну. – Кассий, если ты меня выдашь, я пропал.

– Ах, вот ты о чём! Ты бы и так пропал! – утешал я. – Это уже не имеет никакого значения. Мы все пропадем.

– Мужайся, Тифон! – поддержал его декурион. – Где нет надежды, там нет и причин для страха.

Сиуард вздохнул полной грудью, закивал и печально поджал губы. Он будто оплакивал злую долю писаря.

– Я ведь... Проклятье! Я же... я ведь не хотел ничего худого, Кассий... Имей совесть! – умолял Тифон. – Поклянись, что не выдашь меня!

– Ты хочешь взять с меня слово, что я не расскажу наместнику то, что ты про него разболтал?

– Да, – воздел он ко мне руки.

– Я не могу обещать наверняка... – замялся я. – Трудно сказать, как все сложится. Ты и меня пойми! Не выдам я, выдаст другой, а потом выдаст меня. Я не могу тебя обнадежить, это было бы нечестно.

– Что мне делать? – обезумевший писарь взъерошивал остатки волос на голове.

– Бежать! – предложил апсил.

Тифон посерел как пепел. Наверняка, перед его мысленным взором пронеслась картина, где его, вопя и улюлюкая, словно кабана в темном лесу, преследуют полуоглы дикари. Хотя я могу ошибаться, может, он испускал дух на берегу какого-то горного озера.

– Бежать? – отозвался он надтреснутым голосом, и, озираясь: – Куда?

– За хребет, к аланам.

– Они могут выдать, – заспорил со мной Сиуард.

– А больше некуда! – развел я руками, и тут же напут-

ствовал Тифона упавшим голосом: – Лучше беги, не дожидаешься расследования этих кривотолков.

– Я бы у-уб-ежал, но ноги не слуша-ются, – схватился за грудь Тифон.

– У него сердце не выдержит! – встревожился апсил.

– Выдержит!

– Лопнет! Он умрет!

– Нечем дышать...

– А ты не дыши! – подсказал я Тифону, трясущемуся, как лист на ветру. – Ладно! Клянусь Юпитером, я уложу это дело...

Давившийся от смеха Сиуард уронил свой шлем.

Писарь наконец-то понял, что это шутка и присоединился к общему смеху своим надтреснутым хихиканьем. Тифон утикал слезы, выступившие от волнения, и со стороны мы выглядели как люди, насмехающиеся над только что прибывшим военачальником.

– Чего вы ржете, как кони?! – спохватился я. – Он подумает, мы пьяные... Не стойте как деревья! Сиуард, живо к воинам! Пусть строятся. Я должен повторять тебе дважды?! Тифон, спрячь в сумку наши каракули и никому их не показывай. Давай, давай! Дыши! Расправь свои тощие крылья! И ради Юпитера, перестань ртом мух ловить.

Когда улеглась всеобщая неразбериха, пропретор подружески, похлопал меня по плечу, взял за локоть и отвел в сторону от остальных.

– Ну, рассказывай. Как ты тут? Есть чем похвастать?

По мере того, как я рассказывал, взор Флавия преобразился из дружелюбного в недоуменный, а вскоре и во все стал испытующим. Флавий подозревал к себе верзилу с вьющимися волосами и острым, сужающимися, как топорище, лицом. Тот мрачный как туча.

– Амадиус, это Кассий. Кассий, это Амадиус, – представил он нас друг другу. – Амадиус – префект конницы первого понтийского легиона и моя правая рука.

Когда мы обменивались рукопожатием, я неосторож-

но глянул поверх его головы, на его шлем с высоченным алым гребнем, как у петуха.

Одного беглого взгляда хватило, чтобы он меня возненавидел. «Правая рука» обладал вспыльчивым нравом. Его немигающие, большие коровьи глаза налились кровью, и он засопел раздувающимися ноздрями, как Минотавр. Спохватившись, я ему угодливо заулыбался и закивал, но тоже зря. Он сделал вывод, что я трус, и скрипился в брезгливой ухмылке. «Не дам ему возможность обругать меня за трирему, иначе он со мной жестоко поквитается», – смекнул я, а вслух сказал, что сарматы выдвинулись и идут на Питиунт.

– Мне известно от наших соглядатаев...

– Постой-ка! – недоумевал наместник. – Какие еще сарматы? Откуда?

– Степные. Они прошли сквозь побережную Зихию, там след их стоянки.

– Ты их видел? – расспрашивал Флавий с недоверчивым прищуром.

– Нет, но судя по взрытой земле и отпечаткам копыт, довольно внушительная конная рать.

– Ты исходишь из следов?

– Да. Они вытоптали траву на обширнейших полянах, и даже по краям дороги.

– Где они?

– У брухов их тоже нет.

– Кассий, я спрашиваю, не где их нет, а где они, – медленно, по слогам, пояснил свой вопрос пропретор. Он страдал отдышикой, но не терял терпения. – Они поднялись в горы к аланам? – выпытывал Флавий, и видя, как я замотал головой в знак отрицания, изменился в лице.

– Ты хочешь сказать...

– Больше им быть негде, – расстроил я его – Они здесь.

– Здесь, – вымолвил он, о чем-то призадумался, и огляделся по сторонам. – Где? Почему мы не видим их огней по ночам?

– В жару им нет особой нужды разжигать костры.
– Тогда чем они питаются? – допытывался он.
– Они потерпят, – решил я за сарматов. – Будут есть впрок заготовленное мясо и сухари. Они могут спрятаться в складках гор. Мы даже не заметим дымка, будь они хоть в двух стадиях от нас.

Флавий кривил лицо. Одна из его мохнатых бровей недовольно вздернулась, и он обменялся строгим, недовольным взглядом с бычьей мордой, а потом они оба взрелись на меня, будто это я призвал варваров. Этим они и ограничились.

Обе неприятности Флавий воспринял сдержанно. Возможно, сказалась и усталость, притупляющая бдительность.

Его загорелое, тронутое желтизной лицо выглядело нездоровым и одутловатым. В последний раз Флавий отдохнул на твердой сушке в Фазисе, потом подпрыгивал на волнах три тысячи стадий, а еще растряс желчь, учудив скачку. Его галера убрала паруса и снасти при причаливании, потом слишком рано повернулась боком, была подхвачена волной и выброшена на берег. Удар за ударом, волна за волной, и корабль наместника слегка подпортил себе днище и протек.

Диоскурийцы закатали пир в его честь. Там Инвикт, глава хоры, разнюхал, что Флавий потомственный лошадник, и подольстился к нему иноходцем белоснежной масти, с дергаными ногами и длинной шеей. Для своего почтенного возраста и веса, пропретор обладал необычайной подвижностью. Флавий пожелал испытать жеребца, и поскакал верхом от Диоскурии до Питиунта.

У Инвикта конюх в услужении дока в лошадином деле и укротитель диких коней. Породистого жеребца, по заказу Инвикта, он заставил ходить иноходью. И конь красивый, и ступает, будто танцует, но по сути – напрасная затея.

Иноходцы подходят для долгих переходов, и не сильно утомляют, но они годятся только для открытой местности, а тут не столько необъятная земля, сколько холмистая, сплошь изрезанная пропастями и бурными потоками. Эти препятствия Флавию пришлось обходить вместе со своим взмыленным и бесполезным в оврагах иноходцем.

Пропретор, потирая подуставшие от недосыпа глаза, отмахнулся от осмотра выстроенной пехоты. Я провел его в крепость через морские ворота, распахнутые нам навстречу. Они, тяжелые, бревенчатые, обитые толстой медью, гордость и сильная сторона Питиунта, как и высокая морская стена, сложенная из песчаника. Для удобства лучников, на всей протяженности стен устроены дощатые навесы. Под ними воины укрыты от вражеских камней, ливней и солнечного пекла. Дозорные сплошь велиты (легковооруженные). Караульных нет смысла отягощать лишним железом, тут главное зоркие глаза. В дневную стражу наблюдателям позволено сидеть, разговаривать и даже обедать. Возбраняется лишь вино и сон. С этим у нас строго. Чтобы враги не подобрались к нам незаметно, пустошь, окаймляющая внешние стены совершенно лишена растительности. Эти участки косят и выгоняют на них скот, чтобы траву пощипал.

Водворив Флавия в отведенные ему для отдыха комнаты, я вернулся в атриум. Атриум – это просторный внутренний двор. Он вымощен щербатыми плитами желтого известняка и зажат постройками со всех сторон. По углам с крыш нисходят желоба, и сток идет дальше по наклонным желобам в бассейн под открытым небом. Дно емкости для воды выложено мраморными плитами, а внешние края огромной ванны покрыты разноцветной мозаикой. Дождевую воду мы используем для купанья и хозяйственных нужд, но для питья – только родниковую.

Кроме одного воротного проема, все веранды и почти все окна выходят вовнутрь двора. В зной это дает тень, в стужу укрывает от ветра, и всегда ограждает от шума. Для общих трапез устроен невысокий навес с толстой, глиняной черепицей, для прочности хорошо обожженной. Бревенчатые подпорки заострены книзу и вбиты глубоко в землю, а для прочности они связаны меж собой прибитыми досками. И опоры, и поперечные доски увиты лозами, листьями и недоспелыми гроздями винограда. Под навесом на дощатых столах уже расставлены блюда: плоские, душистые хлеба, начиненные тертым плавленым сыром, разбавленное вино, медовые соты, нарезанные дольками и отчищенные от кожуры вареные дыни.

— Привет, Лютация!

— Здравствуй, Кассий! — отозвалась она с манящей, белозубой улыбкой.

Пышногрудая дочь ключницы расхаживала вдоль столов и отгоняла мух веточками лавра. На ней тонкая туника, доходящая до колен, с мягкими складками из-под слабо затянутого пояса, и ступает она мягко, как кошка.

«Стоит или нет?» — этот вопрос меня давно мучает. Ее немытые, светлые, волнистые волосы зачесаны назад и повязаны лентой, а глазки как темный янтарь поблескивают огоньком. Телом Лютация недурна, и она это знает, но с ней опасно — мать ее фурия. Она меня отправит, улыбаясь, если я ее дочь брошу. Так, стоит или нет?..

Кухня чадила в темных, закопченных коморках, расположившихся за преддверием с колоннами. Там повара обливались потом, топили печи, пекли хлеба, бросали куски капусты в бурлящий чан и тушили ягнятину в железных котлах. В жару настоящая пытка. Рабы выходили оттуда взмокшие, слезливые от дыма, и несли готовые яства на столы.

Стража пропретора столпилась в затененных проходах, и мешала рабам разносить блюда. Кому из пришлых

не хватило мест под тенистым укрытием, галдели во дворе или отошли подальше, под сводчатые арки, от них двор на лето отделен покачивающимися на легком ветру синими холщевыми занавесами.

С Флавием прибыл именитый римлянин и бывший стратег восточной провинции. Флавий взял его в путешествие другом и советчиком. Домициан, я служил под его началом, человек не только влиятельный, но и справедливый – большая редкость. А еще он храбр, чужд корыстолюбия и непрятязателен в привычках. Такое встречается еще реже.

Облеченный властью Домициан не завидовал, и ни чьей крови не проливал, соперничая. Он возвышал достойных, не испытывая к ним зависти или страха, что они займут его должность. Так редко кто сможет.

Говорят, Отец Отечества Траян настолько ему доверял, что, вручая символ власти над вверенными легионами, сказал ему: «Ливий Домициан, даю тебе этот кинжал для охраны меня, если я буду действовать по закону, если же нет, то против меня».

Менее всего я ожидал повстречать его в Питиунте. Думаю, что за калека с чеканным профилем развалился в открытой колеснице, с двумя лошадьми в упряжке и перилами для закрепления возжей. Колесница с высокими колесами, в каждом по восемь спиц, выкрашенных под золото, и задняя часть колесницы закрыта сиденьем. Только один вход оставлен, чтобы в нее заскочить, сбоку. Вижу, веснушчатый возничий почтительно, как сиделка, поддерживает какого-то человека в белой тоге.

Домициан лысел нечестно, он зачесывал редкие волосы вбок, хотел скрыть заметные проплешины, а раньше, до того, как у него прибавилось седых волос и морщин, он пачкал голову сажей, чтобы уменьшить залысины. У Домициана оттопыренные уши, он сутулый, и вообще с виду немощный больной, но пусть никто не обманывает-

ся кротким видом. Он лев. Это тот самый Ливий Домициан, который в мою бытность вскормил армию катафрактов-парфян падальщикам. В самом начале кампании Ливий подхватил желудочную хворь. От нее он так ослаб, что упал в обморок, и изувечил ногу, свалившись с лошади.

Уже будучи хромым калекой, он не мог передвигаться без носилок и посторонней помощи, Ливий продолжил марш с легионами. Телесный недуг не помешал ему вселить в души варваров ужас перед своим именем. Раз за разом он опрокидывал планы сильных врагов и выходил из сложнейших положений. Стратег умел организовать противоборство ясными, недвусмысленными приказами, слежкой за их беспрекословным исполнением, и десятком расторопных, беспощадных соратников.

Домициан обыграл парфян, как плут в кости. Он прогнал их из Великой Армении, и водворил там беглого римского ставленника, которого нашел дрожащим в горах и привез с собой в своей колеснице. Для Домициана такие понятия, как верность, правдивость, стойкость,держанность, справедливость, скромность в быту имели большую осозаемость, чем холод или жара. Однажды он кушал подогретую похлебку у моей палатки, а потом спал, завернувшись в плащ у костра. Я ему вынес матрац, а он его в костер кинул и назвал излишеством. Мы его ценили за щедрость и за бережное отношение к нашим жизням. Помимо всего, стратег приходился тестем тогдашнему консулу, но никогда этого не выпячивал, и вообще старался быть незаметным без крайней необходимости.

Домициан провожал взглядом дочь ключницы, виляющую задом, когда я напомнил ему о себе кашлем. Может, он притворился, что вспомнил меня, таких знакомых у него много, но он радушно меня принял. Мы успели перемолвиться парой слов, как кто-то сзади выкрикнул: «Кассий!», и потрепал меня по голове. Мне улыбался вы-

соченный и худой человек, с тонким зажившим шрамом, белеющим на открытом скелетном лице.

– Ампелай! – узнал я давнишнего друга.

– Кассий! – затряс он меня за плечи.

– Как же я рад?!

– А как я рад?! Я слышал о тебе...

– А почему не известил?! – упрекнул я его.

– Подлая моя душа! – отшучивался Ампелай. – Я тебе об этом не говорил? Наверное, забыл.

– А что с пальцем? – я обратил внимание на отсутствие мизинца на его левой руке.

– А ну его! – хохотнул Ампелай. – Убрал все лишнее! На колбасу пустил... тетиву мешает натягивать.

Шрам на его щеке – след от пореза. Армянин безымянный полоснул Ампелая на рынке ножом. Он хотел добраться в гуще толпы до Домициана, но Ампелай ему путь преградил, и тот его пометил на всю жизнь. Другой бы после такого робким, опасливым стал, но только не Ампелай. Ему это даже пошло на пользу. Задорный и словоохотливый Ампелай своей веселой смелостью внушал другим бодрость. Сам Ампелай тоже из армян и усыновлен Домицианом. Он его тенью сопровождает повсюду.

Со стороны Ампелай чужаком выглядит, с негнущейся копной густых кучеряшек, в подпоясанном длинном черном хитоне, мягких сандалиях и с кривым, парфянским мечом на поясе.

Остальное его оружие покоилось в их общей колеснице: ясеневый лук с колчаном длинных стрел, шлем, латные доспехи, несколько метательных пик и прямоугольный щит в человеческий рост. На сердцевине щите искусно выкована фигурка остроносого ежа, служащая не только украшением, но и колющим орудием. Сопровождавшие стратега принялись разгружать колесницу, а мы отошли подальше от всех.

Нам было о чем вспомнить. Длиннорукий Ампелай никогда не ходил выпятив грудь, но воитель он страш-

ный. Он левша и поединщик ловкий как барс. Он лучший ратоборец из мне известных. А еще он добродушный, хотя навидался такого, отчего бы у других кровь застыла в жилах.

Сказывается, что с юности Домициан был ему примером. Он научил Ампелая скромности и дружелюбию, а потом его закалила череда невзгод и побед. Я не хотел его отпускать, но он настоял, чтобы я занялся своими делами.

— Я никуда не убегу, — пообещал Ампелай, похлопывая меня по плечу. — Успокой свое сердце... мы еще поговорим...

— Но...

— Ступай, займись своими хлопотами, — выпроваживал он меня.

Домициан и Ампелай в ожидании трапезы уселись в сторонке от остальных на деревянной скамье, покрытой для удобства тоненькими подушками. Я подозвал к ним Лютецию с кувшином вина и центуриона Лукиана. От вина Домициан отказался и предпочел воду, а вот центуриона выслушал охотно.

Отвечая на расспросы стратега, Лукиан стоял перед ним навытяжку, видать, наслышан о нем. Ливий предложил ему присесть рядышком, но Лукиан отказался и отчеканивал свое.

Стратег, задав вопрос, имел привычку, молча кивать собеседнику. Он не перебивал, не переспрашивал и всматривался в центуриона благожелательным, но цепким взглядом, снизу вверх.

Другой мой знакомый — Делен. «Делен!» — он так представлялся, протягивая пухлые, холеные пальцы, унизанные перстнями. Хотя я думаю, у него много имен, но личина у него одна. Ее ни с кем не спутать. Он рыхлый и бесформенный как медуза в своем просторном хитоне цвета обожженной глины. Лицо его с тройным подбородком и густыми черными волосами, зачесанными на-

зад. Думаю, из-за густоты его волос кожа его головы не намокала, как у утки. Все знали правду о Делене, конечно же, кроме Флавия. А еще он воровитый, как сорока, и коварный, как скорпион. Это знали все, конечно же, кроме Флавия. А еще он волшебник. Делен обладает удивительным даром, почти магией. Он убедил легата в необходимости устройства морской насыпи и каменной пристани, для судов в Трапезунде, и вытащил из казны все для этого необходимое, обобразил всех до нитки, а насыпь эта не тронута, и даже камней тяжелых туда не нанесено.

Его соперники хихикали, думали, не сносить ему головы. Но нет! Домоправитель Флавия, посредством доверенных людей, распространил слух, убеждающий, что камни нарочно растаскали завистники, чтобы опорочить его добре имя. Наместник неизменно и охотно ему верил. Он ему часто поручал самые прибыльные и ответственные дела, для которых Делен всегда подбирал кого-нибудь из своих домочадцев. Уже и назначать на откорм ему было некого, у Делена кончились родственники, но казначей, светлая голова, придумал объединять ремесла и торговые местечки, подлежащие сбору.

За мзду Флавий отдал Делену право на поборы, решив не пачкаться самому. Это возымело действие. К Делену все питали стойкую неприязнь, зато наместник, бывало, прощал и даже одаривал должностников. Флавий миловал, а Делен отнимал. Наместник избрал казначея, чтобы тот вместо него получал проклятья. Многие отрастили со щедрот наместника брюшки, но разница между обычными добытчиками и Деленом в том, что он человек тонкого ума, а они просто довольны жизнью, и глупы как откормленные тельцы. Если они поведут себя плохо, Делен воспретит им подходить к Флавию, а значит, они потеряют место у сытного корыта. В обход этой медузы к наместнику не протолкнуться

В прошлом Делен – разорившийся скотный барышник. Раньше, когда его дела шли плохо, он был худым, за-

саленным, пыльным и заросшим щетиной. Говорили, он задолжал менялам более двадцати пяти тысяч денариев, и, скрываясь от них, Делен уплыл тайком из Диоскурии в Амис. Потом пошел слух, что он там умер, но, видать, не совсем, раз он объявился в Вифинии. Там Делен за взятку поступил счетоводом на службу к пропретору, и теперь сам вызывал должников для немедленной уплаты в пользу ростовщиков.

Ленивые телеса скрывали, как в чехле, острый, как бритва, ум. Делен особо его не выпячивал, но умело пользовался им при необходимости.

За годы странствий, Делен пошатался по миру, он приобрел невероятную гибкость как в выводах, так и в совести. Он, как перелетная утка, нигде подолгу не задерживался. По его словам, если ему вообще можно верить, он родился либо на Крите, либо на Лемносе, либо на берегах Евфрата. Я исхожу из того, что разным людям он говорил о себе разное.

Но где-то он все-таки должен был родиться. Он не мог сразу стать таким бессовестным. Там, где он не родился, Делен какое-то время пожил, а потом перебрался в Антиохию, где продавал лечебную грязь. Смекнув, что на грязи много не заработкаешь, тем более если она обычная и от нее трудно отмыться, он одолжил у многих понемногу и сбежал от них подальше, на Понт. В Фазисе он подженился на вдове, и придумал, как обвещивать скушников шерсти посредством полых гирь. Его кто-то выдал, он опозорился, ему вырвали клок из бороды, и шар на коротеньких ножках покатился в соседнюю Апсилию. Никто не знает достоверно, что он натворил, но Делен на целый год, для него довольно длительный срок, притих в Циблиуме. Оттуда он пробрался в Питиунт на осле, с целью еще кого-то облапошить, но его планы спутала гадюка.

Детвора сбежалась со всего рынка поглазеть на его распухшую ступню. Там мы и познакомились. Островитя-

нин или кто он там, не имея под рукой никакого противоядия, ничуть не растерялся. Он спокойно перевязал матерчатым поясом ногу повыше укуса, пустил себе кровь из вены, тихонечко прилег на поднесенное ему ложе, попросил всех расступиться и не беспокоить его. Он пропалаился, не шелохнувшись, до полуночи. Я постоял у его изголовья до тех пор, пока мне самому не стало дурно. Его сердце выпрыгивало из груди, Делен дышал так порывисто, будто он бегун-марафонец, но то, что он не двигался, не причитал и не тратил понапрасну сил, помогло его крови справиться с отравой. Заплывшее жиром сердце выдержало. Благодаря собственному самообладанию, Делен стал первым человеком, пережившим укус кавказской гадюки. Он стал популярен. С ним стали здороваться, узнавать и зазывать домой.

Теперь он важный человек, ему прислуживают рабы, молчаливые как мулы, они даже не шепчутся друг с другом. С ним еще сын. Прыщеватый подросток, в просторной тоге, носится по двору за павлином, как щенок. Ему все внове. Он приманивал цветистую курицу зерном, наверное, желает перо выдернуть. Недоверчивая птица поклевала опасливо, и тут же отскочила боком от парнишки. Не дает себя схватить.

— Печень говяжью искроши ломтиками, — его отец тем временем ласково наставлял ключницу, мать Лютеции. Она женщина лицом румяная, как только испеченный хлеб, но для гостей побелилась, как стена. Она на что-то понадеялась и омолодилась, как смогла: подкрасила чем-то губы, собрала волосы в пучок и скрепила на макушке деревянным гребешком. Еще удлинила брови угольной палочкой. На что только не пошла, чтобы понравиться. Похоже, это действовало на Делена. Он с блуждающей похотливой улыбкой одной рукой поглаживал свое брюшко, а другой медленно водил рукой перед ее носом. Ключница, как кошка, взгляда не отрывала от его перстня с большущим рубином на толстом безымянном

пальце. – Потом, милая, мелкими дольками огурцы и лук нарежь. А когда печенка наполовину сварится, подбей к ней яичных желтков.

– Только желтков?

– Да, только желтков, – вкрадчивым, медоточивым голосом советовал Делен. – И опять поставь сковороду на огонь...

– Да, чуть было не забыл! – окликнул он ее, прищелкнув пальцами и тыча в ее сторону указательным перстом. – Смажь, дорогая, заранее противень коровьим маслом. Смотри, хорошо смажь, а то пригорит.

Среди пришлых особо выделялся светлыми кудрями, гордой осанкой и бескровным бледным лицом молодой сенатор Тарис Бальп. Он носил толстую золотую бляшку на поясе в виде скорпиона. Тарис и сам из скорпионьевого выводка. Он потомок злодеев. Его дед, Луций Бальп, прославился не самым лучшим образом. За очередную подлость, им учиненную, это у них в семье обычное дело, как воду по утрам пить, он подвергся публичному порицанию. Позже, когда он стал все переиначивать, будто не так было, один человек повздорил с ним за это и вызвал на поединок. Луций Бальп, тогда еще начинающий прохвост, подошел поближе к поединщику, с которым обязался биться, и поступил с ним бесчестно и против договора. Спрашивает он: «А почему ты, против меня одного выходя, еще одного вывел?» Тот, недоумевая, кто же его сопровождает, оглянулся. Он успел повернуться обратно, но Бальп ему уколом кадык проткнул. В Риме еще долгое время только об этом гнилом поступке судачили. Одни в своих куриях восхищались, другие осуждали, но никто ничего не предпринял. Бальп поначалу притих как мышь в норке, а потом смекнул – такую устрашающую молву можно с толком для себя использовать, раз ему никто не мстит.

Он быстро вошел во вкус, стал не только в комициях, но еще больше на тяжбах, и даже на Форуме появляться

в окружении воинственной, подвыпившей молодежи и гладиаторов. Бальп легко продавливал нужное решение, наводя дрожь на судей, затевал криклиевые перепалки и драки, если выборы или споры решались по логике, и не в пользу тех, кому он покровительствовал.

Бальп Старший извлек из этого много выгод, но, как и всякий опьяненный успехом, переоценил постоянство Фортуны, и его тело, зашитое в мешок, унес Тибр. Во всяком случае, больше его никто не видел.

Бальп Младший унаследовал баснословное состояние, и теперь ему осталось только пойти по семейным стопам – стяжать славу. Любую похвалу, даже товарищу, алчный честолюбец воспринимал как личное оскорбление, каждую монету, пущенную мимо него, как вопиющую несправедливость, и все, к чему он имел хоть какое-то отношение, он воспринимал как свою наследственную и законную добычу.

Мы не ладили, но и враждовал Тарис со мной как-то по-девичьи, не силой оружия, без открытых обвинений и грубости. По его замыслу если он будет смотреть сквозь меня невидимым, затуманенным взором, представлять меня повсюду в плохом свете, будет меня не замечать при встрече, поворачиваться ко мне спиной, криво ухмыляться, закатывать стеклянные глазки и притворяться, что не слышит, когда я разговариваю, то расквитается со мной за обиду. Ручаюсь, он успел наклеветать пропетору, будто я злоумышляю против него. Его клевета – это не простой оговор. Он потихоньку, в ненавязчивой форме и без опасности для себя впрыскивает яд в отношения между людьми.

Сенатор брал уроки ораторского мастерства, а по сути лицемерия. Его обучили, как представить любое преступление целебным средством и наоборот. Тарис обладает даром выдавать жестокость за доблесть, бережливость обзывать склонностью, муки и оскорблении безвинных обращать в остроты. Его научили трактовать любое,

и находить для всего объяснения. Когда его припирали к стене, то он трепыхался, как бойцовый петух, и выдавал свой страх за гнев.

Только его малодушие ограничивало его злопамятность. Я неосторожно возразил ему о новых пошлинах, которые Флавий ввел на воск и зерно. Это было не моего ума дело, но я высказался. Молодой демагог взвился, он не давал мне вставить ни слова. Неожиданно для меня он закатился в ярости и все намекал на то, что сотворит со мной какое-то насилие. Он брызгал слюной, я терпел, но он не унимался, и я его кратко предупредил: «Скажи честно, хочешь запугать меня? Если да, то знай, я буду обороняться». Погремушка забился в агонии. Он был в окружении своих прихвостней, и думаю, хотел вызвать меня на драку, избить сообща, и тем нанести удар по моему авторитету перед Флавием.

Мы ненавидели друг друга, и хорошо, что между нами море. Так мы оба целее. Если молодой человек расталкивает своих соратников локтями, то с посторонним он не погнушается ничем.

Я, наверное, по его мнению, движим завистью, и не желаю смириться с очевидным – с его денежным, а значит, умственным и добродетельным превосходством.

Тарис нескончаемо совершенствуется в искусстве сочетать жесты с речью. Где бы он ни появлялся, он стремится поражать окружающих длинной, вытянутой, как у цапли, шеей и горделивой, как ему кажется, врожденной осанкой. Он продолжил подлые традиции своих предков, хоть и не нуждался, как они, в средствах. Любит он жестокое ремесло. Любит выколачивать за мзду чужие долги, любит изводить должников разными способами, рыскает за ними повсюду, как охотничий пес, еще он любит расправляться, пытать и мучить беглых рабов, ему нравится налетать на незащищенные сельские виллы, он отравил нескольких своих недоброжелателей ядами, вымогает где может, и он просто обожает гладиаторские

поединки, конечно же, в качестве зрителя. Он опасен для своих знакомых, особенно когда окружен своими приспешниками, но когда он один и в открытом поле, молодой сенатор миролюбивее и безопаснее огородного пугала.

Тарис и в тот раз при встрече со мной толком не поздравился, лишь рассеянно кивнул, а когда я зашел в атриум, сделал вид, будто меня не замечает. Он позаимствовал у стольника ножик для разделки рыб, и презрительно кривил свои тонкие губы: притворялся, дескать, рассматривает пухлую деревянную рукоять, не дающую коротенькому лезвию утонуть в воде.

Свое свободное время, у бездельников его вдосталь, Тарис тратит на собственное тело. Или в гимназии пропадает, где упражняется в поднятиях тяжести и подбрасывании железных ядрышек, это для ловкости, или, обвязав кисти и пальцы рук полосами ткани, колотят ими по кожаному мешку с песком. Наследник Бальпов – тонкий ценитель панкратия, это греческий рукопашный бой без правил, но сам он в единоборствах не участвует, бережет сверкающую улыбку.

Так он разрывался между гетерами, банями и опытными костоправами. Они, я имею в виду банщиков, растирают кожу, мнут тело и мажут его скользкими маслами. Тарис и в Питиунт с собой притащил своего банщика, а еще ларчик с благовонными маслами, и чашу для курений. Ухоженные руки Тариса никогда не знали настоящей работы, только отдых, упражнения и немного охоты с шатром, походной постелью и рабами загонщиками.

Я же свою несчастную юность, после разорения деда, провел в рубке и расщеплении сучковатых поленьев, с руками, растрескавшимися от холода, и с кровоточащими мозолями на ногах, обутых в деревянные башмаки. Бывало, выйду на мороз и бью кувалдой по звенящему клину. Тут запылаешь и без растираний. Мне нравилось колоть дрова, там я уединялся от назойливых домашних

женщин, от их нескончаемых причитаний и придирок. Вроде как при деле, а можешь на досуге помечтать, размыслить, до тех пор, пока не взмокнешь и не выбьешься из сил.

Нахальством Тариса превосходил только Амадиус. Как я и говорил, префект необузданный и неотесанный человек с туловищем Минотавра, и такой же коровьей мордой, только безрогий. Может, он их спилил, или прятал под высоким шлемом. А что?! И такие, говорят, люди рождались.

— Проклятье! — Верзила понукал кухонных рабов такими резкими окриками, будто гнал стадо в загон. Он ходил как у себя дома. — Ради Юпитера, пошевеливайтесь, мертвецы!

— Эй, куда ты прешься со своей плоской рыбиной? — взревел Амадиус, перехватив пузатого стольника со сковородой на дощечке.

Тот от внезапного окрика вздрогнул и едва не уронил блюдо. Мне стало жаль Филоника. Раньше раб-киликиец заикался, ходил сгорбившись и опустив руки, таскал ведра и вообще бегом исполнял приказы, боясь наказания. Видать, в прошлом измordовали его. Еще не ведая о его талантах, я определил его на кухню, где он потихоньку набрал вес и пришел в себя.

Теперь под грозными очами префекта несчастный вновь почувствовал себя затравленным. Филоник будто вернулся в то бесправное, бессловесное животное состояние, от которого он так долго отвыкал. Паника у Филоника: затрясся двойной подбородок, колени подгибаются, он вновь стал запинаться, хотя уже давно говорил без заметного изъяна в речи. Гремящий медью голос Амадиуса поставлен как надо. Ему бы Марса в театре играть.

— Это у-у-един-н-нившемуся... г-господину проп-про...

— Чем ты ее приправил? — Амадиус принюхался к ис-точающей аромат круглой и плоской рыбине. — Я... Я...

— Что?

– Я...

– Я... я... Дубина! – дразнил его префект. – Я спрашиваю те-те-тебя, ч-чем ты ее п-п-пп... Ну, ты понял, да?

Преторианцы, стоявшие в тени раскидистой сливы, загоготали как гуси.

– Л-л-луком и с-соусом, господин. – Филоник заметив меня чуток приободрился.– Я приготовил ее... на.. на оливковом масле. Она с к-крупными ка-ка-как у курицы кос...костя...ми...

– Волшебник! – представил я его Амадиусу, и взмахом руки отпустил раба. – Ступай, Филоник. Не заставляй себя ждать.

– Узрите! – гаркнул Амадиус преторианцам, и указал им обеими руками, толстыми, как ноги, на удаляющегося раба. – Расступитесь! Это ослоухий Мидас! – воззвал он ним во всеуслышание. – Знайте, этот пузырь превращает в золото любую жабу, к которой прикоснется.

И эта его издевка была встречена дружным смехом.

– Филоник – раб, но раб редкий по дарованию.

– А сможет этот твой...

– Филоник.

– Да, Филоник. Сможет он готовить, к примеру, вот это вот пернатое чучело? – показал он мне на павлина, расхаживавшего по двору.

– Э... Гм...

– Они тут все заики! – бросил Амадиус преторианцам с бесстыдной усмешкой, и те пришли в неописуемый восторг.

– Он-то приготовит, а вот сможешь ли ты покушать?.. Перья у них, разноцветные, и вообще... – растопырил я пальцы, подражая павлинью хвосту.– Но мясо никакое, жесткое, как подошва. Ты скоро в этом убедишься. Дай Филонику немного времени, и он его тебе готовит.

– Уговор? – развеселый Минотавр протянул мне свою лапню и растянул свои мясистые губы в подобие улыбки.. Рукопожатие здоровьяка едва не стоило мне сломанных

пальцев. – Ловлю на слове! Иначе заберу кашевара себе! – Амадиус бесцеремонно ткнул указательным, твердым, как железо, пальцем свободной руки мне в грудь.

Развязное поведение, небрежное отношение, все это было посланием: твоя песнь спета, Кассий. Я превосхожу тебя в разы. И буду над тобой потешаться, когда пожелаю, и как захочу.

Мне это не понравилось, зато понравилось Тарису. Он с ехидной ухмылкой наблюдал за происходящим.

– Оставайся тут, префект, – как можно язвительней предложил я ему. – Скоро тебе, да и всем вам, – обернулся я к преторианцам, – представится случай блеснуть доблестью и... крепостью хватки, – шепнул я Амадиусу, высвобождая ладонь из его руки.

Я похлопал собеседника по плечу. Коровья морда тоже стукнула меня, будто в шутку, но гораздо сильнее. Я не остался в долгу, и также глупо улыбаясь, хватил Амадиуса по ключице как следует. С нахалом надо прикинуться буйнопомешанным, иначе, если он поймет, что имеет дело с человеком незлобным и благоразумным, его не унять. Это как собака, если ты дрогнул, она непременно попытается отхватить от тебя кусок плоти.

Префект конницы вспыхнул, как стог сущеного сена. Его широкую грудь распирало от частого сопящего дыхания, а я задумчиво поглаживал рукоять своего меча, огляделся по сторонам. Амадиус не решился продолжить свою шутку, хоть и был окружён своими людьми. Неловкое молчание и прерванный смех привлекли внимание Ливия и Ампелая. Ампелай вытянул шею и многозначительно прокашлялся, а вместе с ними мой центурион Лукиан зло осклабился, демонстративно поправил пряжку на ремне и положил ладонь на рукоять меча. Мои устальные воины неподалеку в казармах доедали подогретую чечевицу, и им бы пришлось объясняться, за что пришлые прирезали их предводителя как свинью.

– Амадиус! – позвал префекта Ливий.

Минотавр поиграл желваками на лице, но повернулся от меня и зашагал к стратегу. Преторианцы больше не ухмылялись, зато я нажил себе кучу недоброжелателей, и к тому же решительных.

Теперь надо глядеть в оба, оступлюсь – затопчут. Но я ни о чем не сожалею. Ни о том, что украл деньги на независимость от жестоких людей, ни о том, что не позволил им тираничить подневольных. Лучше погибнуть, чем жить с глазами, перекошенными от постоянного угодничества перед шакалами.

Блуждая по их лицам, я встретился с хищным взглядом еще одного зверька, вольноотпущенника Тариса. Толки о нем ходили самые мрачные. На какой-то миг у меня сложилось впечатление, что боги нарочно обложили меня врагами и решили ими затравить.

Одного вида бритоголового гладиатора было достаточно, чтобы понять, за какие такие выдающиеся качества его души он удостоен свободы, если служение Тарису можно назвать свободой.

Все его резкие черты: низкий покатый лоб, раздувающиеся ноздри, холодный, тяжелый взор исподлобья, все изобличало припрятанную жестокость. Боги помечают такой дикой внешностью злодеев, они предостерегают от хищников обычных смертных.

Вольноотпущенник сразу отвел взор, но я вмиг распознал в нем того, о котором меня предупредил Ампелай. Тот мне в двух словах описал этого изверга, привыкшего убивать именитых граждан за недорого и исподтишка.

Шагая к коновязи, я краем уха уловил, как один пришлый с покатыми плечами и крючковатым носом, потирая руки, возглашал товарищам: «Говорят, мы пропустили занимательное зрелище...»

Наверняка, он имел в виду омерзительную выходку Апия. Я взмолился в сердце своем, чтобы покинуть этих дикарей, как только представится случай, и зажить по-

далше от этих рож, или чтобы они меня покинули поскорее.

Пока гости, толкаясь локтями, расправлялись с едой, я действовал. Я похлопал своего Ачи по загривку, уселся на него верхом, и направил его прочь от них. Ачи конь великолепный, веселый и дружелюбный. Он мне сразу приглянулся своей ревностью. Я предпочитаю коней местной породы. Скаакуны что надо. Чуть мелкие и не столь красивые, но зато выносливые и резвые как белки. Они неприхотливы, как волки лесные. Лишь изредка, в особо морозные дни, им перепадает овес, подгнившие фрукты или еще какое лакомство. Большей частью и даже в холода здешние кони питаются подножной травой. Эти полудикие лошадки подобны кентаврам, могут лягнуть шакала, могут перепрыгнуть с седоком через канаву или изгородь, и карабкаются по оврагам как козы. Тонконогие греческие и персидские породы так не смогут, и болеют они часто, а эти живучие и прыткие, как кошки.

Я брел верхом вдоль узкой улочки, ведущей в темницу. Надо упредить грозящую мне оттуда опасность. От молчания кузнеца зависит, выстою ли я против всей этой пьяной своры или же мне придется искать новую родину в глухих, недоступных Риму землях. Плен я даже не рассматривал, а смерть избавляла от беспокойства за будущее.

Возможно, нападки Амадиуса связаны с тем, что наместник обмолвился о своих подозрениях на мой счет. А что, если у меня от нечистой совести попросту расшилось воображение? Я задавал себе все новые вопросы, на которые не мог получить внятных ответов.

— Сам себя разоблачил, потратился не по средствам, — вздохнул я дорогой. — Обычно, части налогов с лавок и жалованья едва хватало на пропитание целой оравы ртов. Зерно мололи посредством ручных жерновов, из круглых и плоских камней с дырой посередине, за

стол садились в изношенных одеждах, истоптанной обуви, и ели скучную пищу с деревянных дощечек, как псы, а тут целое хозяйство по оливковому маслу – предмет моей гордости, с прессами для отжима и гончарной мастерской для черно-лаковых амфор. Кто я после этого?! Осел вислоухий! Хорошо хоть от почтовой голубятни отговорили! Уж чего-чего, а недостатка в птичьем помете Питиунт не испытывал. Необъяснимое благополучие кричало всем: и ворсистыми коврами, и дорогущей стеклянной посудой. Я придурок, и себя побаловал. Надо припрятать это все, хотя... нет, не надо. Они это заметят, и это наведет их на мой след. Тогда любой догадается, что я в чем-то замешан. Флавий только и делает, что сопоставляет, сравнивает, ищет противоречия, допытывается до сути. Он матери родной не доверяет, такой он человек. Наверняка, выпытывал у нее, чей он сын. С виду он кроткий, но это все маска. Он хитрющий, как змей. Он знает, как приветливой вкрадчивостью изобличить собеседника. Связать одно с другим он может даже подремывая на ложе. Ему не обязательно было заявляться сюда самолично. Я слишком много чего предпринял, и каждое мое движение – это трепыхание ночного купальщика, все более запутывающегося в сетях. Каждый шаг оборачивается новым обвинением. Вот и сейчас я сам иду в капкан... Да пропади все пропадом! Раз за мной следят, так надо наоборот идти напролом, как ни в чем не бывало.

Когда все против тебя, надо о себе возомнить, будто ты можешь обуздать свою тревогу, и быть недвижным утесом в шторм. Я этой выдумкой часто подпityваю себя, чтобы унять дрожь. Пустынные улочки – люди попрятались от жары. Случайный встречный нес на плече корзинку с яблоками, мальченка, несущий в кувшине воду из колодца, проводил меня взглядом, сгорбленная, горбоносая старуха, опирается на клюку, ни на кого не смотрит, и тащится куда-то по своим делам. Она в длинном черном покрывале, скрывающем ее силуэт и седые

волосы, и только восковое лицо открыто. На ведьму похожа. Лишь бы не посмотрела! Ух, ты! Как она на меня зыркнула! Лишь бы не прокляла в душе, и так удачи нет. За нею увязался дранный, покрытый шрамами пес, и пересек передо мной дорогу. А эта уже хорошая примета!

А вот Акта с выпирающим животом – она беременная, я ее знаю – развешивает на веревке мокре белье. Двоих ее сопливых деток давятся сливыми, а третья, девочка, чуть постарше, подметает перед порогом метлой. Старшая дочь Акты, вылитая мать. Всегда серьезная и собранная. Она поругивает младших за то, что те плюют косточками. Малыш с испачканным лицом ее дразнит, язык показывает, не выдержала, потянула его за ухо и похлопала больно по заду. Мальчионка разревелся, и побежал орущей матери навстречу, в дырявой, заляпанной пятнами рубахе до колен.

А вот деятельный Никий. Он вместо того, чтобы предаваться послеобеденному дрему, наведался на могилу своего прадеда. Их маленький семейный склеп чуть в стороне от дороги, в тени высаженных кругом кипарисов. Никий обновляет борозды на памятном камне. Вернее, это делает раб-каменотес с зубилом и молотком, а Никий поглаживает бороду и присматривает за ним. Так судьба распределила обязанности. Один дятлом выступивает по буквам, сидя на корточках, утирает тыльной стороной ладони вспотевший лоб, а другой ему советует, сидя на табурете.

Никий известен богатством. У него приуют для странников, просторные зерновые склады, а еще на него работают рабы-сукновалы. Они удаляют сотканные из шерсти одежды от сала и жира особой едкой глиной. Потом вымачивают их в больших чанах. Необработанную шерстяную ткань Никий сбывает беднякам. Естественный жир, конечно, пованивает овцой, зато ткань дешевле и почти непроницаема для дождя. Лучшую шерсть, спряденную из тонких ниток, сукновалы отбеливают для богачей.

Есть для этого белая глина, но есть и более действенный способ. Рабы натягивают полотнища на обручи и подвешивают на рогатинах над небольшим горшком с курящейся серой. Сами отходят подальше, чтобы не вдыхать вредные пары. Потом сукновалы топчут намоченную ткань деревянными башмаками для валяния и уплотнения. Несмотря на эту предосторожность, у них на ногах пропадают волдыри и гнойные нарыва. После отбеливания и промывания ткань чешут скребками и состригают ножницами ворс. Мягкий ворс старательно собирают и набивают им подушки и матрацы.

Никий он прижимистый, вечно хнычет: «Никто ничего не покупает», а у самого легче зуб выдернуть, чем лишнюю монету. Кстати, зубы у него редкие и гнилые, поэтому он улыбается, не размыкая рта, и размельчает мясо ножом, по крошкам, чтобы отведать. Никий любого облапошит, даже сборщиков. Он вынуждает их пересчитывать оброк своим товаром, и по назначенней им за вышенной цене. Так что, по сути, он от налогов сам себя освободил.

А еще этот человек, несмотря на свою величавость, громогласный, как пустая бочка. Такая защита. Его собратья-купцы стараются не иметь с ним общих дел. Никий в любой миг, не колеблясь, сорвется на крик за несколько медяков, не стесняясь даже в гуще толпы. Чем больше слушателей, тем громче он орет. Его не особо заботит, что о нем подумают. При всем при этом этот торгаш честен, держит данное слово, и великодушен в раздача милостыни. Никий охотно подает детям и калекам, но прочих, с руками и ногами, он прогоняет от себя. Даже племянника своего плетью огrel.

Я не стал его окликать, срезал путь, сошел с нагревшихся камней, и двинулся намощенным, затененным проулком мимо покосившегося деревянного балкона, обвитого плющом. Это дом Юлии.

Я чуть придержал коня, и привстал на стременах. В островерхом узеньком проеме мелькнуло бледное лицо. Нет, не она. Это ее братишко тугодум. Ему лет пятнадцать, а он все еще лепит домики из глины и играет обручем. Он выточил себе меч из деревяшки, и скакет на палке как на лошади. Сам себя подгоняет. Хочет вступить в когорту. Он очень хочет убивать. Но пока он мучает в основном кошек – связывает им лапы и бросает в соседние колодцы, его из-за этого часто лупят. Бедная Юлия!

Парнишка подрабатывает у финикийца Гамкаара. Он разгружает товар, расставляет корзины фиников, орехов, слив, инжира. Из этого инжира еще делают пласты, как пергамент, и сушат на солнце. Такое лакомство легче хранить и оно сладкое круглый год. Малец, когда у него не болит затылок, закрывает и открывает ставни лавки, продевает прутья сквозь кольца, убирает тяжелые ставни в подсобку, и за все это щедро вознаграждается финикийцем.

При встрече с Юлией нам обоим, ручаюсь, обоим, почему-то становится приятно. Это юных влюбленных обдает жаром, а я смотрю на нее и сердце, наоборот, смягчается.

Я выбрался расширяющимся, скощенным пустырем к одиноко стоящей на краю постройке. Впереди босоногий ходок в штанах до колен, дырявой накидке, едва прикрывающей незагорелое, белесое тело, и с залатанной переметной сумой. Поступь коня заглушала мягкая трава, тени ложились в мою сторону, и я почти нагнал его, незримый ему со спины.

Нищий бодро ступал, скимая в руке увесистую палку, но совершенно на нее не опирался. Ну, думаю, скороход приберег палку для собак, чтобы отгонять их от себя.

Вдруг ни с того ни с сего, Ачи беспокойно застращался и заржал незнакомцу в спину. Тот сначала обернулся на меня, потом отшатнулся и только после вскрикнул от неожиданности. Именно так! Сначала посмотрел, а потом

шарахнулся в сторону. Да так прытко, будто ожидал, что я его затопчу конем. Я шел за ним, а не он за мной, у меня не было причин считать его шпионом. Однако мне запал в душу ошарашенный взгляд этого человека. Это не взор наплевавшего на все пьянички, а глаза рассудительного человека, который насмерть перепуган за содеянное. Кровь отхлынула от его лица, как только он встретился со мной лицом к лицу. Что-то необычайно плохое должен затевать человек, чтобы так заметаться от ничего не значащей встречи.

И самое странное – это уже не казалось подозрительным, это было таковым. Бродяга, стиснул обеими руками посох. Как я понял, он сжался, чтобы от меня отбиваться.

– Иди своей дорогой, он тебя не укусит, – бросил я незнакомцу, а сам ласково погладил коня по шее, чтобы успокоить.

Бродяга задергал головой и осклабился, дескать, улыбнулся. Плохое притворство. Он глядит как кот, ставивший мясо со стола.

«Слишком много совпадений. Все какие-то странные, и они косятся на меня, тоже очень странно», – успел я подумать.

Сопротивляться химере воображения легче, если на самокопание не остается времени. Постройка, сложенная из обожженного, побеленного кирпича, ветшала, сырела, и грозила обрушиться под собственной тяжестью. Возвели ее в давние времена как склад для сушки корабельных досок, а после переделали в темницу. Лишние окна заделали, а широкий вход сузили кладкой до узенькой скрипучей двери, сшитой железными скобами. Я вытащил меч и постучался в дверь рукоятью. Кто-то внутри заворчал и захаркал. Я назвался. На миг возня затихла, потом прогремел отпираемый засов, ржавые петли со скрежетом отворились, и предо мной представал страж, щурившийся от нахлынувшего света. Плотин, худой и сутулый как серп, со впалыми, как у скелета щеками, брен-

чал связкой ключей и почесывал сквозь рубаху впалую грудь.

Обладая мелкокостным сложением, почти куриным скелетом, надзиратель не нуждался ни в просторе, ни в свежем воздухе. Ленивый дух привел ключника к убеждению, что высшая мудрость в преодолении невзгод – это переспать переживания. «Оставьте меня в покое», – вот его девиз.

«Скоротаю жизнь во сне и вдали от свершений», – вот его тактика. Плотин чувствовал себя в тюрьме совсем по-домашнему.

В жаркий день болезненный Плотин кутался в драный гиматий поверх замызганных нижних одежд. Вспомнив о своем воинском призвании, он вытянулся настолько, насколько ему позволял его искривленный позвоночник, вскинул руку, как паралитик, и выдавил из себя хриплое «Приветствую!» Я поздоровался и перешагнул порог. Он пропустил меня, попятился внутрь, постукивая по грязным, скользким плитам деревянными башмаками. Я затворил дверь.

Круглое слуховое оконце, щель над порогом, и тусклая лучина – вот и все освещение. Мои глаза понемногу привыкли к полутьме. Стены облупились, на них пятна плесени, след жирной ладони, и крупными буквами, красной краской выведено: «Атика – старая, задастая шлюха. Недорого. Спросите моего сына Аскания Флора».

На дощатом столе: крошки, ложки, пустая миска, заухшая, оплавившая свеча. Упавший табурет со сломанной ножкой, длинная скамья, бадья с мусором, и за всем этим свинарником ржавая решетка, кверху затянутая паутиной.

Вопрос о том, жив ли абазг, озадачил смотрителя. Он чесал затылок и кривился.

– Жив! – засуетившийся Плотин вновь обрел дар речи. – Жив и здоров, как бык! Правда, есть отказывается. Только пьет.

– А что же он такое вонючее пьет? А, Плотин? – морщась от перегара, я отмахивался от Плотина рукой. – От тебя разит как от бочки со жмыхом.

– Ко мне приставили двоих молокососов, – оправдывался надзиратель. – Они кувшин с уксусом разбили...

– Подонки! Ты их придушил за это? Где они? – осмотрелся я. – Ты их уже закопал тихонечко под деревом?

– За едой отправил.

– В твоем случае надо говорить – за закуской, – поправил я его. – А ты сам не желаешь проветриться? А, Плотин?.. А то комаров здесь собрал. Я допрошу пленника наедине. Послоняйся снаружи, подыши, это полезно... Да, и еще: когда парни вернутся, отправь их обратно.

– Зачем?

– Не за чем, а куда, Плотин. На кухню. Ты же сказал, они там... Разве нет? Пусть разыщут Никета, а он пусть, пришлет через них еду для пленника. Я говорю, слишком быстро, Плотин? Ты не понял?

– Он может быть опасен, центурион, – предостерег надзиратель.

– Ух, ты!

– Ему терять нечего.

– Кто бы мог подумать?!

– Я много их брата повидал.

– И каково твое мнение об этом?

– Этот? – шмыгнул носом Плотин. – Этот будет брыкаться до самого предсмертного хрипа.

– Да?

– Он также грязен изнутри, как и снаружи, – предупредил Плотин. – Такой на все способен.

– И как часто они тебе вредят из-за решетки? А?.. Это всего-навсего сельский кузнец.

Плотин хохотнул. Он легко переходил из крайности в крайность. Мгновение назад он боялся абазга, зато теперь стал заносчивым. Ему, сторожу рабов, хотелось

думать о себе, что он благородный воин, посветивший себя на досуге размышлений.

Такой бред не каждый день услышишь, но он, видно привык, на такие темы упражняться. Чья вина, как так случилось, что вверенная мне когорта настолько далеко зашла по части разложения дисциплины? Ему отдан приказ, а он как мим кривляется. Эх, прав Лукиан, зря я ему мешаю колотить их палками.

– ...Здесь как-то двое до него состарились, – делился Плотин. – Кровью харкают, бороды аж до земли отрастили, ногти как у коршунов, подкоп можно делать, а они хнычат: пахоту пропустили...

– Вот что я тебе скажу, дорогой друг... – начал я вкрадчиво, склонившись к Плотину, а потом как заорал ему в ухо: – Убирайся вон! Теперь понял?! И без еды неозвращайся! Еще раз увижу тебя выпившим, распну! Колесую! – кричал я уже вдогонку. – Сошли в Петрам! Сгниешь в яме!

Наоравшись, я почувствовал слабость и головокружение. Кое-как я вернулся внутрь, затворил на засов дверь, уселся на лавку, прислоненную к холодной каменной стене, и позвал: «Нар!» У дальней стены я различил дощатое ложе, устланное охапками сухого, пожелтевшего папоротника. Чья-то тень потянулась, зашуршила, присела на ложе, и только потом поднялась. Куда подевался размашистый и уверенный в себе человек? Ко мне шаркающей походкой хромал почерневший от грязи старик, с понурой головой, спутанные волосы торчат в разные стороны, в изорванных, перепачканных одеждах. Нар ухватил прутья решетки так крепко, что я различил в лучике солнечного света его побелевшие костяшки пальцев. С горькой улыбкой, удрученный и подавленный, он стал меня благодарить за то, что я пришел с ним проститься.

– Обожди! – поднял я ладонь. – Лучше присядь, и обдумаем, что нам делать.

Кузнец плюхнулся мешком на пол, скрестил согнутые в коленях ноги, подпер ими локти и поднял на меня взор. Заточение и побои обезобразят кого угодно. Сначала вам разобьют в кровь лицо, а после не дадут умыться. Даже краткое пребывание в зловонной неволе без воды, отхожего места и сменной одежды невыносимо. Так живут запертые в сарае овцы, с той лишь разницей, что не ведают, что их пустят под нож. Темнеющий под глазом синяк, распухший нос, грязная, спутанная борода, исцарапанный лоб, но при всем этом взгляд абазга осмысленный, а не затравленный. Да, не допустят такого со мной боги, но я невольно позавидовал его самообладанию. Нар держался со спокойной выдержанкой, с каким-то печальным достоинством, так, будто находился на чьих-то похоронах, а не на своих собственных. В его открытом взгляде читалась решимость не уступать насилию. Его добродетели его и сгубили. Жестокосердные скоты скоры на расправу, и к людям, отличающимся нравственной силой, они часто применяют силу обычную, грубую. И сколь бы ни была низменна дубина, она запросто подавит разум. Если тело непрерывно бить, не давая ему роздыха, то оно скоро придет в негодность, а вместе с ним угаснет пропасть знаний и доброты.

– Ты его убил? – Узник, отрешенно, словно во сне, кивнул мне. – Тебя пытали?

– Пытали? – встрепенулся Нар. – Пока нет. А должны?

– У тебя такой вид...

– Ах, это! – проворчал кузнец, прикоснувшись к темнеющему на лбу кровоподтеку. – Это арканщик от безысходности озверел. Я только порог переступил, думал, дух переведу, а эта кабанья голова вместо «здравствуй» с обломком плиты на меня набросился.

– Ты отмщен. Он теперь раб.

– Несчастный! – кряхтел Нар, поглаживая ушибленное ребро.

– Этот несчастный тебя неплохо отдал.

– Это мелочь! – хмыкнул абазг. – Мне ведь уже недолго терпеть... Разве нет?

– Ты не вправе роптать. Вместо быстрой расправы тебя ждет тяжба в суде. Обещаю, она будет тягучей и нудной.

– Будет честное разбирательство? – глаза узника на миг загорелись надеждой.

– Этого нельзя допустить. – Заметив его недоумение, я объяснил смысл моих слов: – Честное разбирательство тебя погубит. А вот если на суде начнешь умело лгать и изворачиваться, то спасешься.

– Кто-то на меня донес? Да?

– А ты думал, они кинулись за тобой наугад? – ответил я вопросом на вопрос. – Я тебя и с этим обрадую: никто не знаком с этим человеком.

– Как так?

– Исчез свидетель.

– Ты уверен? – насторожился абазг.

– Да, исчез, – подтвердил я, – люди Афахара сразу выбежали за ограду, но его и след простыл. Никто его не знает.

– Я его знаю, – промолвил Нар, – и он меня.

– Кто он? Как его найти?

– Я назову его имя, но ты должен...

– Не бурчи. Что я должен?

– Дай договорить, Кассий... Если все пойдет плохо...

– А сейчас, по-твоему, все идет как нельзя лучше?!. Что тебе мешает назвать его?

– Мы стоим в родстве, – нехотя признался Нар.

– Ужас!

– Это не ужас, – возразил Нар, пряча глаза. – Это позор.

– Ага, вот почему он не выступил против тебя открыто, – размышлял я вслух. – Что ж, это все объясняет. Раз свидетеля нет, их обвинение – навет.

– Навет?

— Ну, да. Они не смогут свести тебя лицом к лицу с ним.

— А зачем?

— Как зачем?! — опешил я. — Ты задаешь странные вопросы. Чтобы доказать!

— Эх, Кассий! — Нар устало улыбнулся, будто намаялся со мной. — Ты еще не понял, с кем я имею дело? Плевать им на доказательства. Они не хотят никого ни с кем сводить. Им нужно заполучить мою голову, и все, — развел он руками. — Так что мое дело решенное.

— Не совсем, если за него умело взяться. Давай подумаем, — предложил я ему, воссоздать картину прошедшего. — Кто-то приперся к соседней с домом изгороди, где лежал покойник, еще до рассвета. Собаки его учудили, залаяли, хозяева, те, кто ночевали дома, пробудились, зажгли факелы. «Кто ты?» «Кто ты?» окликали они его издали, а он им не назывался, из темени, проорал, что хотел, и пустился бегом, как заяц. Так что никому не ведомо, кто он. Более никто не свидетельствовал, значит, доносчик — единственный, кто все знает наверняка.

— Ничего он не знает, — отрицал абазг.

— То есть как не знает?.. У нас мало времени, не говори загадками... Только не скажи, что...

— Он угадал, — закивал собеседник. — Мы свиделись после. Я ему навстречу попался... Я возвращался не тропой, а кружным путем, сквозь чашу прорвался. Потом вышел через чужие огороды и виноградники, к ручью. Пить хотел... Этот гад сразу распознал, что со мной неладное стряслось. Видит, я весь потный, исцарапанный, допытывался, куда я так тороплюсь, как мои домашние, проводить навязывался, светильню свою предлагал, дескать, темень скоро... Я ему отвечаю впопыхах: «Корову ищу». А он мне: «Так ведь нет у тебя коровы». Я ему: «Не свою, а брата»... Не умею я врать. У меня и брата родного нет, — виновато пожал он плечами. — Я, дурак, весь издергался, будто ему откуда-то ведомо сокрытое, и руки дрожали...

Но это еще полбеды, смеркалось, он мог и не заметить...
Голос меня предал... дребезжал голос...

Итак. Рассвет, бездыханное тело отыскали, принесли на носилках домой, окрестности огласились плачем женщин, сразу сбежались соседи, тут так водится. Среди них и наш догадливый доносчик. Но тогда он и бровью не повел, что ему что-то известно, со всеми рас прощался и вышел со двора убитого. Потом он пошел к себе или куда там еще, дождался ночи, вернулся и навел преследователей на потерянный ими след. Только вот зачем? К чему подобное рвение? Что им двигало? Все оказалось проще. Тот человек не заискивал перед братьями Афахара. Он просто желал прибрать надел Нара со старыми маслинами.

— ... И урожай соберет мой! Чужими руками от меня избавился! — Нар в бессильной ярости хватил ладонью по каменному полу, потер ушибленную руки и вымолвил: — Дурак я! Надо было прибить его, как муху, там же!

— Надо обратить это дело против него самого. Вот что надо. Обвинишь его публично.

— Что?!

— Ты не ослышался. Он шатался рядышком. Если его кто-либо там увидел, скажем: «это он сам умертвил Афахара. — Нар замотал головой в знак отказа, но я настаивал: — Подумай хорошенько. Его голос узнают. Он желает заполучить твой участок. Налицо корыстный умысел. Обвини его открыто. Назови его.

— Это бесстыдство.

— Чушь! Это защита.

— Это подло!

— Ничего подобного! Он заинтересован в твоей гибели. Но не это главное. Главное, ты избегнешь кары, — уговаривал я — Боги тебе покровительствуют, не дразни их.

— Ах, боги?! Ха-ха! — Заметив мой неодобрительный взгляд, узник посерезнел. — Не сердись, Кассий. Я не ополоумел. Я здоров. Во всяком случае пока.

– Вот и ладно.

– Дело мое дрянь, как ни крути. Такое не исправить, иначе бы ты не утешал меня богами. Они, прям, бросят все и унесут меня в безопасное место! Прям, больше делать им нечего... Я уже и так и этак им молился, и обеты им бормотал, – кузнец указал на меня рукой, и снова усмехнулся. – И вот они прислали тебя.

– Это все очень хорошо, Нар. Ты очень складно рассуждаешь, но... Гм... Ты смотри, слишком уж смехом не увлекайся. Иначе сам не заметишь, как дурачком становишься. Такое сейчас сплошь и рядом, времена тяжелые.

– Лучше так, чем зверем бесноваться, – заметил на это Нар.

– А где надзиратель был, когда вы друг друга молотили?

– А тут рядышком. На твоем месте сидел. Он парень веселый, забавлялся от души. Еще товарищей позвал. Они на нас ставили, кто кого отмутузит. Криками подбадривали. Но ты его за это не ругай, он такой же скот, как и большинство в вашей когорте. Ничем не порочнее остальных. Поутру, так вообще, извинялся, суп теплый предложил...

Прежде чем поделиться тем, что занимало его ум, аbazг ненадолго умолк.

– Скажи, друг... Я могу тебя так называть? Хорошо?... Ты вот, скажи, как можно радоваться чужому несчастью?

– А чему им больше радоваться?! – воскликнул я и недоуменно развел руками. – Что тут непонятного?! Оглянись! Что еще подонкам нужно для веселья?! Обожрались как боровы, захмелели, а тут голодные, обреченные в зловонной яме дерутся. Они счастливы, и чувствуют себя вершителями судеб, а у других и опасность, и страдание, и униженность. Тут уж подонок сам собой доволен, не нарадуется своей доле. Все очень просто!

– Хех! – хмыкнул Нар и закивал. – Истинно так. Какая душа, такой и праздник.

Абазга поразила черствость стражников. Ему не с кем их сравнить. Распорядители гладиаторских боев – вот кто на самом деле опытные постановщики. Те многое могут выжать для смеха. Особенно, когда христиане от зверей бегают. Все восхищаются. Знатоки своего дела. При мне один чудак из зрителей спрыгнул на арену и стал взвывать к милосердию толпы, потом обзывают их всех начал разными непотребными ругательствами, так зрители его за мима приняли, свистели и кидали в него едой. У них животы чуть не полопались от смеха...

– Ты не подумай, что я желаю перевести разговор, Нар. Я не против побеседовать по душам, но...

– Нет, нет, – запротестовал Нар, не дав мне договорить. – Я на такую мерзость не пойду.

– А разве в твоем случае нельзя тебе, как абазгу с честным именем, обратиться к старейшинам?

– Можно, – сказал Нар, – но без толку. Нет такого судьи, который меня оправдает.

– А вдруг?

– Легче хряка неподкупного найти, – махнул он рукой. – Все они бездушные! Откормлены на мзде. И кто больше брюшко отъел, у того и очи грознее. Это они только вид делают, что разбирают споры и распоряжаются, а сами от всех берут подарки, и в зависимости от того, какой дороже, убеждают так или иначе. Но зато как выступают убедительно! – гримасничал Нар, качая головой. – Лица благообразные, честные, наигранным негодованием полыхнут, коль усомнишься... Сам рассуди, Кассий, можно уповать на такой суд?

– Нужен именно такой – продажный. Как его устроить? – бурчал я себе под нос, а сам вполуха слушал, как он, оказывается, «разуверился в справедливости».

Чего ему не хватало?! Я зарекся, не выказать ему раздражения, хотел побеседовать с ним помягче, поддержать его духом, но это трудно – сидеть и смотреть, как он рассуждает о человеческих пороках на краю собствен-

ной могилы. Сам не знаю как, но я не выдержал и стал осыпать его упреками.

– Я не кликал эту беду! – возражал он. – Я отбивался.

– От кого?! От царского наместника, что поставлен над вами?

– Надо защищать свою землю...

– Его землю.

– Нашу.

– Хорошо, вашу, – поднял я обе руки. – Я не стану препираться. Тебя переупрямить невозможно! Одно скажу: над Абазгией нависла настоящая опасность. Знай, даже обороняя ее всем скопом, мы и то не можем быть уверены в благополучном исходе.

– Страну надо защищать не только снаружи, но и изнутри.

– Оставь! – знаком руки остановил я его. – Представить Афахара предателем тебе не удастся. Ресмаг ему доверял, хоть и ...

– А я и не пытаюсь его изменником представить, – перебил меня узник. – Он хуже. Он враг нашей земли. Она его взрастила, а он ей враг. Многие семьи состоят с ним в родстве. Он гораздо опасней предводителей сарматов...

– Ха-ха! Ты это всерьез?! По сравнению с ними, твой Афахар озорник. Так, шалунишка... Когда они устроят потеху, ты еще скучать по нему будешь.

– Шалунишка?! – мрачно осклабился Нар. – Враги, как волна, набегут и отхлынут. Такое случалось, и не раз. А как перенести его заносчивость? Он ниоткуда не пришел. Он здесь укоренился. Натерпелись мы от него страданий, от детства до старости. Сколько зла принес он людям?! Если я стану перечислять обиды и притеснения, бывшие с нами, то не замолкну до рассвета... А! Какой с этого прок! – отмахнулся он. – Он расхищал все коварным образом... Да, что я говорю, коварным! Бывало, и открыто, без спроса присваивал. Сколько пастбищ он огородил, сколько полей выкорчеванных! Потом эту

землю продавал, или сдавал внаем сыновьям тех, у кого ее отнял. Те уже на его участках горбатились.

– На то есть Ресмаг.

– Это который? – узник состроил брезгливую гримасу и заговорил язвительно. – Это тот, кто грозит им пальчиком, хмурит бровки, делает злые глазки?.. Он не хочет сыну своему кровников наживать, хочет, чтоб был и он, и семья в сохранности! Вдруг они его самого на голову укрумят или дворец сожгут, – добавил он строго. – Вот и не замечает он злодеяний. Не с руки ему их замечать. И вы, римляне потворствуете злу!

– Ага, теперь ты и до нас добрался!

– Не лукавь, Кассий! Вам лишь бы иметь под рукой вспомогательные отряды и проводников, знающих тропы. И оружием, и монетой их снабжаете.

– И оружие, и деньги...

– Деньги! Деньги! Ваши деньги! – повторял Нар, и тыкал со злобой в мою сторону пальцем. – Без них такое никак! Вы одаряете Ресмага, и тем укрепляете.

– Укрепляем?

– Да. Наши богатеи на ваше серебро раздачи делают. Они чернь, бездельников, поят вином. Никогда у них в дурмане нет недостатка, даже не трезвеют. А те за хозяев горой, любому голову разобьют, кто против их порядков встанет, – говорил он с жаром. – Люди запуганы до дрожи, сюсюкаются у домашних очагов. Во всеуслышание никто не повторит то, что по углам шепчет. На людях все надуваются, правдолюбы, да только правда эта осколенная. Лихоедеем быть стало выгоднее. Зачем трудиться? Найди в чем кого обвинить, что украсть, что отобрать. Люди, эапомни, Кассий, люди не захотят умирать для сохранения таких подлых порядков.

– Римские выплаты нужны Ресмагу для войска против аланов и сарматов.

– Да какой прок содержать его нахлебников, нанимать ему стражей, если весь остальной люд их проклина-

ет! – горячился Нар. – Помяни мое слово – когда ударит внешний враг, даже малыми силами истребит он вас, и пожмет ваши укрепления. Не сомневайся! – пообещал кузнец. – Абазги, саниги, апсылы объединятся с сарматами и аланами и вместе сбросят вас в море с вашим Ресмагом.

– Вашим, – поправил я его.

– Раньше нашим! – зашипел Нар. – Теперь вашим!

Трудно глядеть человеку в глаза, если ему ведомы твои истинные намерения, а не то, что ты ему говоришь.

– А куда они девают награбленное? – перевел я разговор.

– А кто куда! – откликнулся узник. – Афахар, тот на коней и колесницы любил тратиться. Он как-то ко мне заявился, хотел наковать для себя серебряные кувшины. Начертай, говорит, на них имена моих родителей, будто это его наследственное достояние. А у самого и дед и прадед замухрышки. Курокрады они. Всем известно, жили они впроголодь, никто с ними знататься не желал, но надо же ему как-то людям голову задурить... А царский распорядитель Амал, тот всех подле. Все себе присвоил. Семена для посева велел из царских селений изъять, и у себя хранить. Слуги его по нерадивости их уже иссущили, но об этом мало кто знает. Так что колосья уродятся хилые. Запасайся зерном, римлянин. Мне хлеб уже не есть, а вот тебе...

Подобное случилось и в моей семейной истории. Мои предки поселились под новым небом, пережив страшное. В ветхие времена, в правление диктатора Суллы, наша семья обитала в предместьях Рима. Там мой прапрадед был знаменит роскошной виллой, и окружен почестом. Многие хващаются происхождением, но иногда это бывает на самом деле правдой. Одно неоспоримо, раз он имел завистников, значит, кое-чего он все-таки добился. Так вот, в те буйные годы в окрестностях Рима случился обширный пожар. Он охватил не только леса, но и на нивы перекинулся, отчего в самом Риме горожане зады-

хались от гари. Христиан тогда еще и в помине не было, и один из местных прихвостней Суллы решил свести счеты с вдовой моего предка. Его имение с наперсток, а рядом большое, зажиточное. Он как мог, так и выбивался в люди. Тем более что сам мой предок к тому времени уже умер и дом остался без мужской защиты.

Улучив благоприятное стеченье обстоятельств для своего преступления, кознодей, он был неплохой говорун, убедил скудоумную чернь, будто эта вдова, сторонница Мария, под предлогом корчевки леса огнем пожелала навредить суланцам. Дескать, она спалила окрестности, и будто ее дети поджигали пожухлую траву вместе с ней. По наущению этого хищника народ, собравшись, с криками захватил в приделе вдову. Детей хоть и пощадили, но согнали с земли. Над самой вдовой учинили насилие, от которого она померла. Рабов продали на невольничью рынку. Остальное имущество – участки возделанные, сады, и скот поделили между соседями. Как и обычно, те, чьими руками это зло было сотворено, получили крохи: одежды, домашнюю утварь и винный погреб для веселья.

Когда зола от нашего дома наросла землей и покрылась сорняком, на небосклоне занялась звезда божественного, во всяком случае для нас, Октавиана Августа. С его легкой руки имение совершенно неожиданно вернули нашей семье. Мой прадед, движимый мщением, пытался разыскать потомков людей, живших в той местности, но никто доподлинно не мог указать, чьи предки участвовали в позабытом бесчинстве. Слишком много воды утекло с тех пор. К тому времени уже несколько поколений нашей семьи родились и умерли в Понтийской провинции. Прадед продал виллу, а вернее, большой запущенный пустырь, который от нее остался, и вернулся к семье.

– ...И я не удивляюсь, что семена высохли, – увлеченно повествовал абазг. Он даже не заметил, что я его не слушаю. – Небеса прогневались за грехи...

– Послушай... – попытался я его прервать. – Как тебе объяснить...

– Я тебе сам все объясню, – не унимался он, – если ты меня слушаешь...

– Слушаю.

– Тогда скажи: те, кто волят о справедливости, ищут ее на самом деле?

– Раз волят, думаю, да, – собравшись с мыслями, ответил я.

– Нет! – дернулся головой. – Ни сколечко! Они алчут собственного блага. Вот чего они ищут. Понимаешь, Кассий, – объяснял он мне, – они недовольны не потому, что мир несправедливо устроен, а потому, что их обогнали, недодали, недоуважили, предпочли им кого-то другого. Всего-то.

– Всего-то? – усмехнулся я.

– Они живут в нищете и бесправии, – Абазг не замечал иронии, – а хотели бы, чтобы их соседи так жили, а они бахвалились перед ними богатством.

– А вот тут ты неправ! – возразил я уже серьезно. – Нищие как раз всем довольны. Я, римлянин, и кое-что в этом деле смыслю. Уж точно побольше твоего. Нищий, Нар, чтобы ты знал, за краюху хлеба поклонится любому демону в человеческом обличии. И детям своим такую же судьбу под ярмом уготовит, зато сытую. А если кто из их среды против жестокостей голос возвысит, ну допустим, такой, как ты, – указал я на него, – то тебе не дадут голову поднять, сразу грязью закидают.

– Не закидают.

– Еще как закидают! Им надо хозяевам понравиться!

– Что это им даст?

– Подачку! – отрезал я. Нар при таком обороте призадумался и стих. – Я тебе больше скажу. Когда урожая не станет, и жратва совсем уж будет нечего, они затеют войну. Этим они либо добудут чужое, либо сократят количества ртов.

– Ну а если и это не поможет?

– Ну, тогда они начнут размышлять об устройстве их жизни, их законов... Но ты особо не обольщайся! – предупредил я его - тебя никто не послушает! То, о чем грешишь ты, им не нужно. Они так думают, раз ты об этом печешься, это нужно тебе. Они ведь заботятся только о себе, и никогда не поверят в то, что есть такие люди, кто заботится не только о себе... мне другое непонятно: какое тебе дело до всего этого? Тебя-то нужда не довела до такого. А? Я же... Ты же получил все сполна.

– Брось, Кассий, я и без тебя не голодал. Вот эти вот руки, – Нар просунул между прутьев, свои ладони изъеденные шрамами и изувеченные ожогами, – вот они давали мне независимость.

– Знаю. Знаю. Это я уже слышал, – закивал я, потирая усталые глаза. – Тебе не приходилось льстить или, еще хуже, состязаться с кем-то в лести, чтобы получить кость с чужого стола. Так тем более...

– Нельзя, Кассий! – упрямо гнул он свое, отрицательно мотая головой. Он просунул руки обратно и, сопя, постукивал кулаком по колену, делая ударение на слове «нельзя»: – Нельзя мириться со злом! Нельзя уступать угрозам и насилию! Нельзя дремать, пока волки на двух ногах рыщут повсюду и зло сеют! Нельзя отворачиваться, когда они овец на части рвут!

– И чего ты добился?! – накинулся я на него. – Я тебя спрашиваю: чего?! Убил матерого волка? Очень зря! Ты дал окрепнуть шакалам помельче. Они тебя отблагодарят за это. О, будь уверен!.. Чего молчишь? Ответь, я не прав?

– Не мог я его коварство дольше сносить. Как увидел я камень передвинутый...

– Камень? – перебил я его. – Какой еще камень?

– Межевой камень. Неподъемный. Им пашни разделяют. Афахар землю общую, ту, что себе присвоил, мне продал.

– Это я знаю.

– Я ему уплатил прилюдно и с клятвами, а он тайком пошел и камень передвинул в мою сторону. Сам бы он не справился, видать, подсобили. Я как это заметил, сразу понял, чьих рук это дело. Камень на краю лежал, а тут он посреди поля.

– Ты мог это оспорить. Вы при свидетелях руки друг другу пожали?

– Нет, не мог, – замотал головой Нар – В случае тяжбы его люди на его сторону встали бы и твердили бы, что глыба всегда там, лежала. А мои бы больными оказались или не пришли – кому охота с ним ссориться.

Да, похоже, так все и случилось. Вот, Афахар заключил выгодную сделку со слабым соперником и, посвистывая, едет верхом домой. Он наперед знает, что облапопишт кузнеца. Вот, распространился слух о сделке. Весть, как пожар, перекидывалась от одного к другому, и Афахара стали донимать его же приближенные. Его заклевали свои же попрошайки, требуя доли. На этом они бы пересорились, и если бы Нар предоставил все на милость богов, те оставили бы Афахара сироткой, один на один со всеми им обездоленными.

– Прошлое не воротишь. На то оно и прошлое, – заключил я, вздохнув. – Оставим пустое. Давай договоримся. Умертвить тебя без ясных и недвусмысленных доказательств они не смогут. Так что пока можешь тут передохнуть... Что ты на меня так смотришь? Сомневаешься?.. Не сомневайся! Это большая глупость с их стороны. Иначе Афахар не будет считаться отомщенным... Одно дело подозревать, а другое покарать не того...

– Я сознаюсь, – буркнул кузнец.

– Что?

– сознаюсь, – повторил Нар уже разборчиво. – Пусть знают, я избавил нашу землю от злодея.

– Ты сотворил это ради суетной славы?! Я тебя правильно понимаю?

– Да нет же! – расстроился Нар. – Я же не душегуб какой... Я не желал никому смерти... Он был пьян и верхом. Я был пешим. Он хотел меня крупом коня столкнуть в обрыв, в том месте тропа узкая, но мы могли разойтись...

– Надо было уступить.

– Надоело пятиться! – парировал абазг. – Привык он, что ему все уступают. Уверен, что никто не решится ему вызов бросить. Потому как после его братья и особо сыновья, еще более жестокие, чем он, сворой расправятся с семьей обидчика.

– Что было дальше?

– Дальше он меня сучьим сыном обозвал и замахнулся на меня плетью.

– А ты?

– Он меня плетью по спине огrel, я залез на пригород и оттуда ему: «Спешивайся, давай на кулаках биться».

– А он?

– Он с коня спрыгнул, но, видать, перепил, ноги не держали, на колени бухнулся, – пряча глаза припоминал абазг. – Я на него не напал, дал ему время подняться, а он украдкой вытащил из ножен кинжал и метнул в меня. Промахнулся. Тогда он обнажил меч и зарычал как зверь. Тут, сам понимаешь, либо он, либо я.

– Хватит! – оборвал я его. – Понимаю! Гм... Аид с ним, с этим Афахаром! Так даже лучше!.. Теперь-то зачем признаваться?

– Чтобы все знали: я отомстил в единоборстве. Пойми, Кассий, тебе легко, а меня посчитают подлым убийцей, это недостойное деяние.

– Какая разница.

– Есть разница! – твердил он. – Не дам я себя опозорить!

– Ты много о себе возомнил.

– Я не о себе думаю.

– Еще хуже! Твоим знакомые скоро позабудут о твоей участии, – убеждал я его, – им нет до тебя дела. Им лишь

бы дождь в жатву не пошел, и корова разродилась. Ты думаешь, они о тебе песню сложат? Как бы ни так!

– Зато мой сын...

– Вот именно, сын! О нем подумай! Не губи дитя!

– Лучше мертвый, но достойный родитель, чем живой негодяй.

Неисправимый, как его железо! Абазг по-прежнему урчал свое, и я почти смирился. Он с какой-то невообразимой горечью бубнил о своем единственном сыне. Я не прерывал, понимая – абазг желает не только излить душу, но и заручиться моей будущей опекой для его семьи. Молча выслушивая его жалобы, я лишь подтверждаю, что меж нами об этом все уговорено.

– ...Я всегда его учил: думай, куда ступаешь! Десять раз подумай прежде. Ты честный парень, а не сорвиголова. Ты врать не умеешь. У тебя сразу все вылезет. У тебя не выйдет что-нибудь натворить и не попасться. У них выйдет, а у тебя не выйдет. Не водись с головорезами, держись от них подальше. Пропадешь из-за них, и на нас с матерью горе накликаешь. А он смеется. Вот тебя он послушает, Кассий. Ты человек строгий. Дети, они посторонних внимательней слушают. Ты предводительствуешь воинами: кони, трубы, доспехи, копья острые... Юноши на это падки, тебя он зауважает. Но главное, чтобы он с лихими людьми не дружил. Тебе ведомо, Кассий, они людей губят, а сами сухими из воды выходят, – еще раз повторил он свой наказ. – Сколько я потел, чтоб выбиться в люди! Сколько я всего перенес! Страшно вспоминать. – Нар говорил о себе в прошедшем, так, словно его уже не стало. – А все-таки неплохо я пожил! Меня любили, уважали, а не обходили опасливо, как кусачего пса. Я всю жизнь не разгибался, – жаловался Нар. – А для кого?!.. Знаешь, ему зазорно мое ремесло. Да, да. Он вслух не признает, но я же не слепой. Нос он воротит от кузни, и вздыхает каждый раз, когда я его подсобить прошу... Ох!.. Испортил я его заботой! Сыромятную обувь из толстой, крепкой

кожи и еще башмаки на деревянной подошве, самый раз для зимы, ему купил. А он, нет, говорит... Я съязмальства, до женитьбы, за отцом донашивал, а он желает в какие-то тряпичные сандалии обуваться. Вот, признай Кассий: ведь в них ходить трудно, ступни можно изранить, да и не греют они. Я с женой за каждый общий день нарадоваться не мог, а ему все неймется! То это пожелает, то другое ему подавай! Эх!..

Я шумно вздохнул. Это было не нарочно, но он истолковал это по-своему.

— Ты успокой сердце, друг! — заговорил он со мной на удивление мягко. — Клянусь, о нашем общем деле не узнает ни одна душа.

— О, об этом не беспокойся! Проскрипция все прояснила.

— Прос... Что?

— Проскрипция. Это наше понятие. Римляне его выдумали, чтобы не называть вещи своими именами... Понимаешь, дружище, у вас варваров грабеж не упорядочен, а нам так нельзя. Мы народ большой, нам нужно надежное и звучное прикрытие... Мы же не дикая шайка.

— Э... Прошу тебя, Кассий, говори яснее.

— Ну раз уж ты просишь... Уф!.. твоя хижина...

— Ее сожгли?

— Ты угадал. Она подвергнута обряду наказания. Мы называем его... прос... этим словом, чтобы не пугаться собственной дикости. Подручные Афахара, прежде чем спалить твой дом, по здравом размышлении решили вынести все ценное. Пока они там шарили, один из них, чтоб он сгорел за это, наткнулся на золотой камушек, и сразу заголосил во все горло. Сам понимаешь, они потушили дом и разобрали полы...

— Плохо.

— Хуже некуда, — согласился я. — Теперь они в тебя клещами вцепятся.

— Нашли? Нет, я не верю...

— А мне как не хочется! — развел я руками. — Но знаешь, умные люди тратят деньги, а не закапывают их под подпорками, — только я подтвердил его худшие опасения, абазг зажмурился и глухо выругался. — Их было не остановить, — продолжал я. — Говорят, они как свиньи весь двор разрыли. Теперь твой масленичный сад корчуют, будь он не ладен.

Я замолчал, а Нар беспокойно чесал волосы у виска, и при этом кривился, как от боли. Потом он принял решение. Узник взял себя в руки, глянул на меня проясненным взором, подскочил с пола, и просунул руку меж прутьев.

— Там нож, — показал он мне пальцем на стол. — Будь другом, дай мне его.

— Зачем? — насторожился я.

— Я положу конец нашим страхам, и твоим, и моим.

— Это не выход.

— Дай! — требовал Нар.

— Это никуда не годится, — отнекивался я. — Это плохо.

— Для меня.

— И для меня тоже. Ты меня подведешь.

— Подведу? Что это ты придумал?

— Ничего я не придумал. Убери руку, — дотронулся я до него. — Недавно ты дрался за жизнь, а теперь, после того как я тебя навестил, у тебя появился нож, и ты свел счеты с жизнью. Такое велиководие с моей стороны будет выглядеть подозрительным, — судя по его виду, он признался. — Я не о тебе, я о себе думаю, — отговаривал я его. — Сам посуди. Все знают о наших приятельских отношениях, следующим узником стану я. Ты дашь им нить, а она выведет их прямиком ко мне.

— Неудачливый я, — изрек абазг, уставившись на меня невидящим взглядом. Он говорил сам с собой, пожимая плечами. — За что меня боги так наказали?! А?.. Я даже отмучиться не могу... Я ведь не совершал кощунств, святотатств, кровосмесительств, людям только доброго

желал, а все равно моя доля хуже худшей! Да что моя... Я всех вокруг делаю несчастными... Мне и тебя жалко! – хмыкнул он. – Извелся ты со мной...

– Ты хороший человек, Нар, – утешал я его. – Не мучь себя понапрасну.

– Я не человек, я ишак. И Сиуард ишак, что за меня поручился... И ты, римлянин, еще какой ишак, что с нами связался! А может, на мне заклятье? Может, потому всем беду приношу?

– Ты лучше скажи, как разыскать твою семью.

– Семью?

– Мне надо выпроводить их тайно морем, и тем обезопасить.

– Ладно, Кассий! – абазг воспрял духом и хлопнул в ладоши. – Ты сможешь мне помочь?

– И помогу, не сомневайся, – обнадежил я его. – Как только мои гости уплывут, я тебе устрою побег. Я даже дам тебе кинжал и лошадь.

– Дай сейчас! – протянул он снова руку.

– Не сейчас, всему свое время...

– Одна беда... – насупился абазг.

– Какая?

– Ты же римлянин.

– Пока да. Так в чем беда?

– Как они тебе доверятся? Разве они выйдут к тебе?

– Они не знают, как все было?

– Нет... Ты разыскиваешь ваше же утерянное, – рассуждал он вслух. – Они к тебе не выйдут... Однако стоит попытаться, – он вновь обратился ко мне. – За это я возьму все на себя, и скажу, что...

– Что?

– Что меня подговорил посланец Скепарны... Это же ясно как день. Мятежники хотели парфянским золотом подкупить людей и возмутить Абазгию против Рима...

– Да?

– А как иначе?

– Ты встречался с кем-либо из них прилюдно? Кто-нибудь может подтвердить, что видел тебя с аланом, или со Скепарной, или с каким-нибудь подозрительным человеком, похожим на него?

– Да, конечно, – неожиданно повеселел абазг.

– Кто?

– Ты, Кассий! Это сделаешь ты... И свидетельствуй об этом раньше меня, а я уж потом сознаюсь, когда они начнут пугать меня, что кости сломают.

В его отчаянном положении, кузнец сохранял редкое хладнокровие и ясность ума.

– Где твои?

– В святилище, – сказал Нар. – У Ардона нашли убежище. Во всяком случае, я так с ними договорился. Ардону можно довериться.

– А мне он их выдаст?

– Убеди его, – произнес он с мольбой во взгляде. – Слушай и запоминай: признайся ему, что послан от меня. Хотя постой... напомни ему, как он тащил на арбе резную деревянную колыбель его сына, и у него колесо слетело. Я еще мальцом был и помогал его обратно вдеть... Запоминай, Кассий, это тебе понадобится... Об этом помним только мы двое – он и я.

– У него есть сын? Никогда о нем не слышал.

– Нет у него сына. Помер он. И жена умерла, осталась лишь дочь, но ее я не знаю. Она чистюля с такими, как мы, не водится... Центурион, ты возьми их под опеку. Не пожалеешь. Сын мой каменщик неплохой. Я с ним вместе камни тесал и кладку делал. Сам научил. Жена, если найдешь прялку для льна, такие рубахи соткет... Они у меня хорошие...

– Я тоже не подлец! – заявил я. – Думаешь, только тебе ведома благодарность? Я отыщу их. Клянусь тебе душой своей, ни один волосок не упадет с их головы!

– Верю! – кивал абазг. – Спасибо, брат!

– Пусть за ними придет хоть армия, до тех пор, пока

я жив, они будут живы! Вот тебе мое слово! – я протянул ему руку через решетку.

– Теперь я спокоен, – пробормотал Нар, стиснув мою ладонь.

Я ответил ему крепким рукопожатием. Он облегченно вздохнул, так, будто с его груди свалился камень, даже морщины на перепачканном лбу разгладились.

– Я знаю, ты сделаешь что сможешь, – кузнец отстранил мою руку. – Ты блюдешь данное тобой слово, даже когда тебе не выгодно. Это большая редкость... для римлянина, – мрачно усмехнувшись, прибавил он.

– Я могу поклясться самыми страшными клятвами...

– В том нет нужды, – отмахнулся абазг. – Я тебе верю, и ты мне поверь. Успокой душу... Уходи, брат, ты был мне лучшим братом, чем мои собственные...

Я не знал, как его ободрить, ком подступил к горлу.

– Тебя не в чем себя упрекнуть, – вымолвил я.

– Ты говоришь правду? – спросил узник, все еще не отходя от решетки. – Ты на самом деле так думаешь?

– Да, – повторил я. – Тебя не в чем себя упрекнуть. Ты не мог поступить иначе.

– Спасибо тебе, – сказал он с жаром.

– Я тебя вытащу! – пообещал я, еще раз просунул руку меж прутьев и потряс его за плечо. – Держись! Я что-нибудь придумаю...

– Спасибо за все, – бормотал Нар-спасибо

– Вот увидишь... Ты только продержись подольше... И вот, возьми... – я передал ему свой кинжал. – Спрячь. Если все пойдет не так, приставь его к стражу. Подзови и приставь к горлу, он сам тебе ключ даст, и выведет наружу. Плотин, он как курица, ты его припугни, и этого хватит. Но пока повремени, – предупредил я взмахом руки. – Жди!

– Буду ждать.

– Жди! Я все устрою!

После унылой, затхлой темницы, свежий воздух пьянил, и даже выкошенный пустырь казался раем. Шагах в сорока от преддверия тюрьмы стояла горстка людей. Пятеро преторианцев, из числа охранников префекта, Плотин и тот странный бродяга, которого я встретил на пути сюда, беседовали о чем-то меж собой. Очень странный человек этот нищий, и, похоже, он совсем не нищий. Он поджал руки к груди, угодливо улыбался, внимая Плотину, а сам при этом выбрал удобную позицию для обозрения, стоя лицом к собеседнику, и не сводил с меня взгляда.

– Плотин! – подозвал я увлекшегося разговором надзирателя. Когда он подошел, я спросил: – Кто они?

– Вон те?

– Не показывай на них пальцем, – сказал я ему тихо, чтобы они этого не слышали. – Кто распорядился усилить охрану?

– Усилить охрану?

– Ты ослеп? Их пятеро, они присланы в помощь в полном снаряжении, как на бой, если ты не заметил. Тебе не интересно, почему? Ну, они же не поболтать притопали... Не подпускай их к пленнику! – бросил я ему напоследок. – Учти, Плотин, это твой узник и ты головой за него в ответе!

Я объехал незваных гостей, напустив на себя беспечный вид, придержал дыхание, чтобы не выдавать своего волнения, и даже заставил себя рассеянно им кивнуть. Они в ответ вытянули руки в приветствии. Из трясины надо осторожно выбираться, иначе глубже увязнешь.

Хвала богам, оставшийся день выдался хлопотным. Находясь в гуще людей, осматривая оружие и укрепление, проверяя посты, подсчитывая хлебные запасы и общаясь со многими, я отвлекся. Отвлечься и забыться – это не одно и то же. Отвлечься – это занять свой ум полезным, а забыться – это напиться. Когда я устал, меня вновь стали одолевать мрачные мысли. Я избегну кары лишь в том

случае, если сарматы не оттяпают мне топором голову как курице, если меня не разоблачат абазги или римляне, если мне под лопатку не воткнут предательское копье от Тариса или Амадиуса, если каменное ядрышко от собственных пращей не раздробит мне голову в суматохе боя, если мое сердце выдержит – врать и притворяться вредно. В лабиринте ужасов кругом чудища, а просвета нет.

Я буду улыбаться и Сцилле, и Харибде - бодрится я про себя- Ничего, что отовсюду волчии оскалы, зато я на воле, а не в душном плену. Не каждому так посчастливилось. К примеру, Нар своим спокойным мужеством и стойкостью заслуживает большего снисхождения, а ему так не посчастливилось. Чтобы перетерпеть то, что ему выпало по жребию, нужна истинная храбрость. Не юношеская, проистекающая от пустых надежд или незнания опасностей, а неподдельная, выстраданная, рожденная от упорства взрослого мужа, отвага превозмогающая отчаяние.

«Невелик подвиг противоборствовать какому-то варвару из захолустья» - скажет кто-то. Это легче вообразить, чем сделать. Варварский вождь, по сути, давно овладел властью и запугал многих. Не то чтобы этот человек был ахти какой воитель. Многие при дворе абазгского царя превосходили его происхождением, личной доблестью и блеском оружия. Но храбрейшие из абазгов гнушились его приемами, а именно эта его неразборчивость в средствах и возвысила Афахара над ними.

Он вошел в силу не столько победами, сколько используя чужое корыстолюбие. Осмотрительная и незатратная тактика. Хитрец раздавал имущество врагов, считая, но не называя его своей добычей. Афахар стремился сделать соучастниками своих разбойничих набегов возможно большее число лиц, и притом самых влиятельных. Он их приглашал присоединиться к себе по таким случаям. Многое проясняет его семейное положение.

Он воспитывался в большом доме вместе с пятью своими младшими братьями. Все женились еще при жизни родителей, и не разъехавшись, поселились неподалеку друг от друга, и часто сходились под отчим кровом. Такая обстановка способствовала сохранению их родственных взаимоотношений. Костяк из воинственных братьев оброс чужеродным мясом и расширил их владения. Произошедшее для них как дурной сон, кузнец их как косой подкосил под корень. Они еще не ведают, но скоро у них пойдет все вкривь и вкось, так уж заведено богами. Каждый возомнит себя главным, и их враги воспрянут духом.

Шаркаю я по щербатым плитам на вечернюю трапезу, в пол гляжу, и вдруг краем глаза замечаю быстроходные, остроносые, как рыбачьи лодки, башмаки, те срезают мне путь. Я придержал его, иначе бы мы столкнулись носами. Трибун тоже не смотрел вперед и летел со всех ног на общую трапезу. Это значимая пирушка, там будет наместник, трибун подготовился так, будто это его свадьба. Брадобрей по такому случаю изувечил Апия самым жестоким образом. Я чуть не ахнул. Он побрил его то ли тупым лезвием, то ли неудачно, но трибун превратился в багрового, пятнистого поросенка, зажаренного с кожей. Его изрезанное в кровь лицо было покрыто жирными пятнами от мази, которую он в нее втер. Умащенная маслом свинья облачилась в белоснежную тогу, поверх туники. Предполагаю, он догадывался, что я не одобрю его мерзкую выходку со скотокрадом, втянул в себя шею и неуверенно кривился в фальшивой улыбке.

– Всех благ тебе, Кассий!

– Апий, брат мой! – ласково поприветствовал я его. – Как ты?

Наше обоюдное притворство порадовало нас обоих. Я не стал ему пенять за своеволие с казнью, и трибун на это расплылся в улыбке. Не буду с ним ругаться. Мне нужна передышка. В преддверии общей осады и будучи уже

в осаде в собственном лагере, я нуждаюсь в союзниках. Пусть даже они – самодовольные троянские кони, главное, чтобы из них не повылезали войны сейчас, когда я так уязвим. Я замирюсь с ними пока, а потом они сложат оружие поодиночке.

– Я связал одно с другим, изобличил, и тут открылось такое! – зашептал он нараспев, округлив свои поросячье глазки. – Оказывается, этот замухрышка... я тебе скажу, но ты никому не говори... речь идет о несметных богатствах... ты никому не говори... не говори никому...

Он хвастал осведомленностью, а я пробовал заронить в его душу семена неуверенности. Хотел незаметно подтолкнуть его к таким мыслям.

– А этот подозреваемый кузнец, – как бы мимоходом обронил я.

– Ты хотел сказать – виновный, – перебил он меня.

– Не каждый подозреваемый виновен.

– Но... Гм... Гм... – Апий прочистил горло как следует, снисходительно улыбнулся, набрал в себя побольше воздуха и вознамерился разразиться речью.

– Не надо, Апий! – повис я на его руке. – Не вздумай! Я этого не выдержу. Хорошо, скажем так: подозреваемого в том, что он виновен... Ты меня запутал... О чём я?

– Мы сошлись, что он виновен, – подсказал твердолобый.

– Я такого не утверждал, – отрицал я. – Наоборот, Апий. Я тут поспрашивал, и склоняюсь к тому, что он оклеветан.

– Оклеветан?

– Возможно, его оболгали, – допустил я, – У каждого есть завистники.

– Хех! – хмыкнул Апий, и самодовольно скривился. – Он же простолюдин.

– И простолюдинам тоже завидуют, – заметил я. – Всегда есть, кто хуже... У этого чернорабочего неплохой заработок, а еще, – перечислял я, загибая пальцы, – дом,

участок, много другого имущества, припрятанного на черный день.

– Вот именно – припрятанного! – уцепился Апий. Это я зря сказал. Он был не настолько умен, как ему казалось, но и не настолько туп, как казалось мне. – Почему золото не нашли у меня или, скажем, у тебя? – указал он на меня. – А, Кассий? А потому, что ты, Кассий Лентулл Марсалий, достойнейший человек, таким не будешь мараться! – подбоченясь одной рукой, он приложил другую к своей груди. – И я тоже не буду. Мы в этом деле не замешаны! А он вор! – указал он пальцем в сторону. – Но, сам понимаешь, Кассий... Уф... – он озабоченно запарусил щеками и прищурился. – Такое дело одиночке не по плечу.

– Да?

– Их целая шайка. они где-то скрываются.

– Скрываются, – вторил я ему, как слабое эхо.

– Скоро мы узнаем, где их логово! – заявил Апий, и хитро подмигнул.

– Да?

– Запросто! – рявкнул он, и продолжил увлеченно: – Порежем его на ремни! Он нам все разболтает! Во всем признается: где был, где не был, что было, что не было – все скажет! Все, что он натворил со дня своего рождения!

– То есть ты не допускаешь и мысли...

– Что его оболгали?

– Да.

– Нет, – изогнулся он толстые губы.

Он не ведал сомнений. Больше одной мысли в его пустом чане зараз не варилось.

Как назло, на примете не было никого стоящего, чтобы пустить его по ложному следу. Пришлось сдержаться. Мое излишнее участие в судьбе абазга повредило бы нам обоим, и я сменил тему, повел расспросы о недавней расправе над скотокрадом. Я порядком извел трибуна придирками, а ему пришлось оправдываться.

– Нет, я не спорю... – пыхтел он с виноватым видом, разглядывая свои остроносые башмаки. – По неопытности поторопился, но... э... гм.... мной двигало...

– Поспешность?

– Рвение! – нашелся Апий.

Он поднял на меня взор, и снова надулся. Ноздри его затрепетали как у гончей. Трибун осмелел при мысли о собственной верности закону. Думаю, он себе все так на самом деле и представляет, иначе бы это не вышло так убедительно. Есть люди, которые могут убедить самих себя в чем угодно, а пытливость ума подскажет им оправдание. Однако же Апий еще не до конца додавил свою совесть, замешанную в основном на страхе перед возможным.

– Правда, я тоже... – бубнил он, – впредь...

– Такое не должно повториться.

– И не повторится! – заверил трибун.

Он поклялся «удвоить» свои усилия в деле Нара, найти его сообщников, и тем исправить учиненную им прежде дикость. Не понравилась мне его пылкость.

– Во, что я думаю, дорогой трибун, – сказал я, отряхивая пылинки с его плеча. – Пора тебе перейти на серьезные дела. Ты человек непростой, – участливо продолжил я. Надо было сказать «блестящий», он бы и этому поверил, но я не смог из себя такое выдавить. – Ты посвятил себя делу справедливости, тебе не пристало разбирать такие жалкие склоки. – Апий опечаленно вздохнул и понимающе закивал. – Пусть кто-то другой разберется в их дикой тяжбе. Придет положенный срок, Апий, и мы выдадим абазга, – пообещал я. – Это их соплеменник, пусть поступят с ним как захотят.

– Хорошая мысль! – живо откликнулся переменчивый как погода трибун. – Уберем его с глаз долой.

– Верно!

– У нас есть дела поважнее! – воскликнул Апий. – Наконец-то они оставят меня в покое.

– Они? – Случайно оброненное им слово, заставило меня насторожиться. – Они – это кто? Кого ты имеешь в виду?

– Оказывается, в Питиунт давно послан один человек пропретора, – сообщил трибун, понизив голос.

– Кто он?

– Очень подозрительный человек. Он почему-то в тряпье, неужели им так плохо платят?

– Что он тут делает?

– Шатается с утра до вечера по подворотням.

– Как выглядит? – выпытывал я.

– Как бродяга. Он подкупает воинов даровой выпивкой, и сплетни собирает. Еще ходил он с тюремщиками вокруг да около, а сегодня порывался переговорить с узником наедине.

– Как ты узнал о нем?

– Один из надзирателей, Плотин, очень толковый малый, приволок его ко мне.

– Когда? – опешил я.

– Да только что! Ну, думаю, подослан он абазгами, чтобы выведать у плениника, где остальная часть сундука, а оказалось, он слуга нашего господина.

– Флавия?

– Сам понимаешь, Кассий, пришлось его отпустить, – скривив губы, Апий беспомощно развел руками. – Не могу я наказать человека наместника за то, что он принял обличие нищего! Хотя это... это неприлично... он подводит не только...

– Где он сейчас?

– В темнице, где же ему еще быть, – пожал он плечами.

– Ты и меня пойми. Я не могу ему воспретить... сам пропретор повелел.

– Он вернулся с Плотином?

– Даже не переоделся...

Услышанное заставило меня по-новому взглянуть на обстоятельства. Флавий не обратился ко мне, а повел

свое расследование в обход меня – следовательно, он мне не доверяет. Это плохо. Однако же он не доверился и трибуну, значит, он не доверяет никому. Уже лучше. Значит, мы все на подозрении, а это полегче.

Уже на закате отоспавшийся пропретор позвал меня к себе, а вернее, ко мне – он занял комнаты, принадлежащие мне на правах начальника гарнизона. Флавий поклевал, как курица, из еды, всего понемногу, омыл пальцы в поднесенном тазике, утер полотенцем и легким взмахом руки велел рабу прибраться.

Его домашний раб, Нарбон, имеет какое-то тягучее строение туловища и сходство с ожившей глиняной статуей. Он долговязый поверх пояса, а внизу короткие, как у собаки, ноги, и ноготь на мизинце руки длинный и крепкий как у коршуна. Он его, видать, долго не стриг, чтобы выковыривать из ушей грязь. Нарбон слушал и отвечал своему господину с застывшей маской вместо лица, только губы шевелились. Поверх хитона, на груди веревочка, на ней большой ключ, он сплавлен с кольцом, чтобы продевать в веревку. Когда Нарбон прибирался, на массивной столешнице из белого мрамора остался нетронутый кувшинчик вина, и плетеная корзинка с горкой чищенных, поджаренных орехов. Флавий ими питался, как белка.

По случаю визита высокого гостя мое жилище наспех прибрали и украсили. По трем углам расставили бронзовые, позеленевшие от старости, вазы, с яркими цветами, а в дальнем углу, на высокой подставке, поставили гипсовый бюст принцепса с лавровым венком на лысине. Еще утром Адриан пылился в чулане, но его пришлось оттуда извлечь, смахнуть с него паутину, протереть влажной тряпкой, увенчать венком и поставить рядом с вымпелом когорты. Сырые каменные стены скрыли от потолка до пола белоснежными тканями. При свете дня они не совсем белоснежные, но при тусклом освещении пятна

не так различимы. Криворукие прикурки занавешивали стены второпях и попачкали их жирными отпечатками пальцев. Вдобавок к этому они их толком не натянули, может, это нарочно, и расставили лапмады на бронзовых треногах в опасной близости к занавесам. По временам дул сквозняк, и они парусили теперь рядом с пламенем.

— Переставить? Если забуду их переставить, не миновать пожара. Уф, — вздохал я, — как же надоело обо все беспокоиться! Сгорит он во сне... А может, оно и к лучшему...

Я, как скромный гость в собственном жилище, сижу себе тихо на обитом кожей табурете, поближе к прохладе, дующей из окна с распахнутыми деревянными ставнями. Вечер на исходе душного дня ветреный, молнии полыхают вдали. Мелкие, прыгучие лягушки оглушительно квакают на деревьях, зазывая ливень, цикады не умолкают, мошкара тучами порхает над огнями и там же заживо зажаривается. Внизу под окном казарма. Оттуда должен долетать лишь храп и оклик часовых, но какой-то скучающий мерзавец из свиты наместника затренькал на кифаре так заунывно, что и сатирам на душе станет мерзко.

Окрестные собаки от тоскливого пиликанья взбесились и завыли, хозяева покрикивают на них, а у меня руки чешутся запустить с высоты какой-нибудь предмет. Короткий позолоченный жезл Флавия — символ его пропреторской власти мало подходит, а вот что-нибудь потяжелее... Мой блуждающий взгляд застыл на статуе принцепса. Адриан! Он увесистый и, несомненно, проломит крышу под нами...

Вот тебе! Я хлопнул в ладоши, чтобы прибить назойливого комара, и рассмотрел в полутьме свои ладони. Попался! Чья это кровь? Моя или пропретора? Флавий предпочитает псовую охоту, он с собой притащил остросюю, похожую на худую крысу собаку. Днем ее выгуливали рабы, а теперь она, наверное, тоже скунит с питиунскими псами.

Легат молчит, согнулся над толстой книгой в тяжелом деревянном переплете. Он сидит лицом к окну и спиной к нерастопленному очагу, погружен в раздумья до такой степени, что забыл о моем присутствии. Один локоть на столешнице из белого мрамора, подпер кулаком щеку, а правой рукой Флавий окунает гусиное перо в чернильницу и ведет записи. Наместник Понта перечеркнул написанное размашисто, с исказившимся лицом, видать, чем-то раздражен. И снова скрипит пером торопливо, опять призадумался, губами двигает неслышно. Все движения его ума отображаются на его лице, ему наплевать, как это выглядит со стороны.

За два года, что мы не виделись, Флавий зачем-то отрастил бороду, которая его старит. Но он бы и без нее состарился, Флавий стал тучнее и рассеяннее. Если бы не его строгий взор, цветные полосы по краям тоги и массивный перстень с печаткой, знаки его власти и принадлежности к всадническому сословию, то он ничем особым не примечателен. Грива редеющих волос, борода как тронутый инеем куст, растрепанные лохматые брови над усталыми глазами и едва заметно дрожащие пальцы. Его внешность мало вяжется с именем человека влиятельного, а между тем он ведает вопросами войны и мира в обширнейшей и многолюдной провинции.

По-моему, он склонен более к размышлениям, чем к действиям. Если бы не император Адриан, этот соня корпел бы себе в тиши над своими свитками. Но нет! Ему приходится быть свирепым, это само собой разумеется. Скучать ему нельзя. Если наместник проворонит варварские приготовления, то пограничные племена хлынут в вверенные ему пределы.

Наконец именитый римлянин отложил перо в чернильницу, потер покрасневшие глаза пальцами и поднял на меня взор.

– Расскажи еще о расселении племен.

Флавий, то ли от природы, то ли от возраста, слегка

тогоухий. Слушая, он каждый раз склоняет набок свою загорелую, цвета высохшего пергамента голову.

– У санигов царь Спадаг. На закат от них, по побережью, идут... – начал я громко.

– А что за земли расположены в горах от санигов? – перебил он меня.

– В горах от них брухи, а еще выше аланы. Они отделены друг от друга горными перевалами. Вершины труднопроходимы, особенно в холода. Там частые снежные бури, туманы, тропы покрываются коркой скользкого льда, – рассказывал я. – По весне тоже не сладко, заряжают колючие дожди, и всю эту гадость смывает потоком в ущелья. Там нелегко найти кров и еду, но это только полгода. Остальные полгода общение между этими племенами ничем ни затруднено. В ясную погоду хороший вестовой доскачет с побережья до аланов за день, может, полтора. На восход от Питиунта абазги со своей крепостью Трахеи, за ней Себастополис и его окрестности, – перечислял я. – За ним обитающие от горного хребта и до его подошвы, вплоть до моря, апсилы. Они подразделяются на отдельные роды, абазги в свою очередь делятся на дальних и близких. Дальние горные, а ближние приморские. Приморские дружественны римлянам. Ими верховодит Ресмаг. Западнее Питунта племена, роды и общины нам сплошь враждебные...

– Не ори, Кассий! Я хорошо тебя слышу.

– Прости, почтенный, – понизил я голос. – Здешние племена сплошь воинственные и склонные к разбойничеству...

Обычные люди думают, что наперед все знают. Они задают вопрос, и с ходу, не дав собеседнику рта раскрыть, закатываются в монологе. Начальствующие в этом смысле еще хуже. Они призывают поговорить по душам, а сами начинают нести заранее заготовленную для каждого случая околесицу. Бойко они продвигают свои мысли, слова не вставишь. Но пропретор не из таких. Он слуша-

ет внимательно, не отрывая от меня своих больших черных глаз, и внимает каждому слову, это довольно редкий дар.

Я не спеша и обстоятельно докладывал о том, как пираты снаряжают целые стаи и нападают то на корабли, то совершают набеги на какую-нибудь страну или город.

– Остров на закате? Они его так называют? – Флавий оживился, заслыпав о Босфоре. – В чем заключается их помощь пиратам?

– Там удобные пристани. И рынок большой для продажи краденого.

– Обожди! Раз они морские разбойники, у них должны быть стоянки для кораблей, так? Разве трудно найти и выжечь их гнезда на побережье?

– В том то и загвоздка. Нет у них пристаней.

– Быть такого не может! – не поверил Флавий. – Куда-то же они пристают?!

На самом деле это непостижимо, хоть ответ и лежит на поверхности. Когда пираты возвращаются, то на плечах переносят ладьи в родные дебри. Там и живут, обрабатывая скучную сырую почву. А потом вновь наступает время плавания, и они снова волокут остроносые лодки к воде. Точно так же они поступают и в чужих землях, где им хорошо известны лесистые места. Они там прячут ладьи, закидывают ветками, а сами пешком бродят днем и ночью, похищая людей. При всем при этом пираты не кровожадны без особой нужды. Они охотно отпускают пленников за выкуп, извещая об этом после выхода в море их родных. С заложниками они обращаются неплохо: не унижают, кормят, и очень часто отпускают на волю и вовсе без выкупа, если убедятся, что не могут за них ничего выручить.

– А большие у них ладьи?

– Есть и большие и маленькие. В больших умещаются до полусотни лучников, с учетом дальновидности их горючих стрел – это жалящая сила.

– А что местные властители? – допытывался пропретор. – Почему смотрят на это сквозь пальцы? Я имею ввиду тех, что подчинены принцепсу. Они не оказывают помощь жертвам насилия?

– Оказывают, – подтвердил я, – они нередко, в свою очередь, отбивают их ладьи, и приводят пленников обратно вместе с плененными пиратами. Правда...

– Правда, что?

– Области, подчиненные нам напрямую, более уязвимы.

– Ты полагаешь?

– Добра много, воинов мало... мало кораблей...

– А еще они небрежные олухи, – поды托жил Флавий.

– Не принимай это на свой счет. Я не о тебе... Извини, я перебил тебя.

– Зимой тут спокойнее, – отчитывался я. – С Сатурналий и до поздней весны в здешних водах очень ветрено. Поэтому морские разбойники, греки их генохами прозвали, поселения свои располагают вдали от моря, на холмах между заливами, и по берегам рек. В холодную пору от них мало вреда, они охотятся, собирают плоды, коптят сыр, свадьбы устраивают, застолья, поминки.

– Хоть какое-то разнообразие.

– Зимой они без особой нужды не выходят в море.

– А мне докладывали, что мы и в зимнее время теряем корабли, – усомнился Флавий.

– Это они на суше разбойничают....

– А можно с суши захватить галеру? – удивился Флавий

– Можно.

– как?

– Они устраивают ложные маяки, в ненастье. Бывало, купеческий корабль не считает расстояния в море или не ведает, что они уже завладели той местностью. Но то раньше. Теперь нет. Мы от них многое переняли... Они сейчас сами часто принимают наши костры за знаки своих людей, и пристают.

– Ну, а дальше вы их... – Флавий просиял и провел большим пальцем по горлу.

Я не ожидал от умного человека такого ребячества.

– Да?

Я закивал в ответ. Пропретор, подал мне знак обождать и потянулся к перу.

– Прекрасно... Отлично..., – одобрительно бубнил он себе под нос, пока не заметил моего взгляда. – Вернее, ужасно. Кошмар... – спохватился наместник. – Это я отчет пишу нашему императору. Ему интересно... А, скажи, центурион, эти иниохи...

– Гениохи, – поправил я его. – Правильно говорить «гениохи». Эллины их назвали «возничими». Без их согласия раньше по морю не ходили.

– А есть у них меж собой согласие?

– Какое там согласие! Распри тут постоянные, и не только с нами. Соседние племена подозрительно относятся друг к другу, да и в пределах своего племени никто вполне не доверяет соседу. В абазгском племени, к примеру, совершенно все расстроилось. Чтобы свои дела уладить, Ремсагу нужна звонкая монета, а достать ее несложно.

– Особенно теперь, – скупец принял озабоченный вид и заерзал на подушках, постеленных поверх плетеного кресла. – Сейчас всем нелегко... Гм... Торговля совсем захирела...

– Вожди в общинах приняли за правило помимо царской дани брать и себе. Вроде ерунда, да не совсем, – сообщил я наместнику. – Они гребут себе четверть всего, что приносит земля, будь то четвертая овца или четвертая корзина каштанов. Из-за таких вот притеснений царь ослаб.

– В каком смысле? Ему незддоровится?

– Он растерял поддержку в народе.

– Ах, поддержку! Ха-ха! – рассмеялся пропретор. Он искренне забавлялся моей наивности и зажмурил один

глаз. – Ты им сочувствуешь! Ну, признайся! – упрашивал Флавий. – Знай, Кассий, те, кто разжигает ненависть народа к правителю, сами охотно подменят его гнет своим, – постановил Флавий уже серьезно. – У варваров всегда так. Для них рост, стать, физическая сила предводителя главное. У них влиятелен тот, кто настаивает на войне. И когда поднимается народное движение, тот, в ком больше дерзости, тот и популяррен, всегда одолевает осторожных... Благоразумные у варваров трусами считаются, их презирают...

– С этим я не спорю, но и Ресмаг во многом повинен, – осмелился я возразить. – Его старейшины предостерегали, а он их не послушал. Он одного очень опасного человека пригрел к своему дому и словами лестными, и подарками. В земельных тяжбах поддерживал, и даже прощал ему бесчинства. А тот не дурак, пока получал подарки, поддакивал, а потом возжелал большего, и стал склоняться к мятежникам. Как после такого народ может довериться Ресмагу?! Царь заискивает перед разбойниками, а потом удивляется, что бедный люд тоже заискивает перед ними. А те потом против него сообща народ ополчают и еще более его устрашают.

– Их аланы подстрекают! – изрек на это Флавий, потрясая перстом. Ему везде мерещились аланы, но видя, как я отрицательно замотал головой, он недоверчиво поморщился. – Тогда зачем? Чтобы что?

– Они хотят перераспределить доходные должности и земли – только и всего.

– И для этого им нужен новый царь?

– Да. Старый стольник раздает куски одним и тем же людям. Им нужен новый. Они хотят скинуть Ресмага. Со старой династией все останется, как было

– Да, похоже на то... – признал кряхтящий наместник.
– А нельзя их помирить? Ну, хотя бы на время.

– Напрасный труд. Они примирятся только для виду.

– Что, Ни малейшей надежды?

— Все слишком далеко зашло. Уже выдвинулись новые люди, и они не для того кровь пролили, чтобы вновь царю подчиниться.

Флавий скрестил руки на груди, опустил голову на грудь и призадумался, глядя на меня, как бык, исподлобья. Слишком многое и сразу навалилось на него. Вверенную ему провинцию, доселе благополучную, лет пять назад разорил массовый падеж скота. Вдобавок к этому во многих виллах перемерли рабы, отведавшие падаль, и теперь пашни некому обрабатывать. Они застают ольхой, ее некому корчевать. На кавказские земли надежд и до этого было мало, а теперь они и вовсе обуза. Понтийские варвары самые ненадежные из подданных. Они посмеиваются в свои бороды над повелениями императора, и оказывают ему почтение, лишь провозглашая здравицы с вином. Да и то, когда им подарки делают. Сами они не желают платить податей, и заявляют, что им нечего отдавать. Все кивают друг на друга, а в закромах императора мышь от голода подохнет. Местные же владельцы получают все сполна: и шерсть, и зерно, и молоко, и мясо. Но и этого им уже мало. Они нападают на наши владения за длинной стеной. По реке Коракс, во внутренней Апсии, и в когда-то роскошной Диоскурии пришли в упадок ремесла и торговля. Известен совершенно нелепый случай.

В Трапезунте застигли врасплох главаря пиратов, когда он со своими людьми воровал подношения из храма: кубки, перстни, золотые запястья. Вся соль в том, что пиратом оказался обычный диоскурский купец, Он просто забросил свое мирное занятие, собрал вокруг себя беглых рабов и разное отребье за плату и стал вместе с ними разбойничать. Зная много выражений и ругательств на многих варварских языках, он долгое время водил всех за нос. Предводитель шайки выдавал себя в разных местечках то за абазга, то за лаза, то обращался к пленникам как эллин и вождь боспорцев. Все думали, это

разные люди. Даже в кандалах с ободранными ногами он продолжал ломать комедию, пока не был изобличен во лжи в присутствии некоего диоскурийца.

Он предстал перед наместником, и тот, тщательно исследовав его дело, приговорил его к повешению.

— Глупец! — обозвал его напоследок Флавий.

— Не скажи! — осклабился обернувшийся диоскуриец. — Так многим выгоднее! Зачем платить, если можно взять даром.

Понтийский лимес разваливался, как детская песочная башенка в воде, на все побережье надвигался мрак, и в такую пору Флавию нельзя терять союзников

— Дружи с Ресмагом! — наставлял он меня. — Не забывай, он клиент императора! Мы обязаны поддержать его против посланца парфян.

Флавий смотрит вдаль, а тут неожиданное может случиться под боком. Каждую ночь после полной луны, мы так сговорились, я принимаю соглядатая, живущего в племени санигов. Мне надо знать обо всем, что творится у варваров. Его рассказы все более удручают. В окрестных горах уже давно вызревает нарыв. Раньше уроцища были малолюдны, а берег избыточен людьми. С приходом Рима племена потянулись под горы. Теперь тамошние общинны переполняются воинственной молодежью, и при их бодрости и тесноте это не сулит римским поселениям ничего хорошего. Вопрос времени, когда найдется честолюбец, который использует их как надо и оторвет себе кусок пожирнее. Скепарна уже давно разжигает дух мести в своем роду, и собирает вокруг себя ватаги. Горцы уже не страшатся блеска римского оружия, они перестали роптать, они вопят громогласно: «Доколе нам терпеть?! Это наша земля, сбросим их в море!.. Да здравствует Скепарна!.. Веди нас, Асири?..» Обо всем этом поведал я Флавию.

— О Скепарне я наслышан, а тот другой... как ты сказал?

– Асир, – повторил я, и махнул рукой. – Эти еще ничего! Обычные грабители, с ними всегда можно договориться, перекупить при случае, если они усядутся на трон... По-настоящему меня тревожит другой. Он... он совершенно иной...

– Какой?

– Не такой, как они, – повысил я голос. – Он не замыкается в своем роду или племени. Он говорит со всеми и верит в то, что говорит...

– По-твоему, это необычно?

– Очень! – признался я. – Его прозвали Тинхад. На их языке это означает «не имеющий родни». То ли он сиротой вырос, то ли он от них ушел, то ли его подбросили...

– Да, плевать, что это означает! – оборвал меня Флавий. – Кто за ним стоит? Кто он?

– Никто, – пожал я плечами.

– Никто, – повторил Флавий, и, изменившись в лице, прощедил сквозь зубы: – Так звали человека, который выколол глаз циклопу... Ты прав, очень странное имя. Он обычный пахарь?

– Не совсем.

Есть тоненький проход между протяженными скалами, а за ним нагорье, настоящий медвежий угол. Там издавна преобладают противники Рима, и у них подобие республики. Они избирают себе старейшин в мирное время и вождей в военное. Среди них выдвинулся не старый и далеко не глупый землепашец. Зря Флавий полагает, что это легко – вести домашнее хозяйство. Пересчитывать собранные подати легче. А вот обустроится на новом месте, предугадать погоду, распахать ухабистую землю, ухаживать за ульями, соорудить прочную ограду из кольев, вырастить урожай, не дать все это затоптать скоту, и чтобы соседи тебе не завидовали – это труднее, чем кажется. Такой человек сам себе хозяин и привык решать за себя сам. Когда человек свободный, он и спиной, и внутренне распрямляется. Конечно, крестьяне уступа-

ют нам и в выучке и дисциплине, но их крепкие дубины немногим хуже мечей, а наездники они даже получше. С детских лет они обучены: охоте с копьем, на скаку стреляют из лука, и камни метают далеко. А еще эти всадники ухватятся за гриву и переправляются через полноводные реки без бродов. По воле богов, эта община восстала сначала против Ресмага, а потом против римлян. Крестьяне с серпами и вилами истребили целую когорту, и даже обложили Питиунт с суши, правда, ненадолго. Как зовут Тинхада по-настоящему не знаю. Сокрыто его имя. Хотя среди своих он известен, никто из варваров о нем не свидетельствует, настолько его пытаются обезопасить. Абазги и саниги знают и его и всех своих собратьев, посягнувших на нас, но не выдают нам их имен.

– Чудеса! – фыркнул Флавий, выслушав отчет. – Две полные когорты римлян плачутся за укрепленными стенами, а какой-то сброд их осаждает.

– Такое случается, – оправдывался я, дергая плечами.
– Меч поедает то одного, то другого.

– А ты молодец! – язвил Флавий. – Тебе не стыдно! Когорту разгромили, а ты так спокойно к этому относишься. Что послужило поводом для их возмущения?

– Повод самый ничтожный: раздел земли.
– Они что, новые жители?
– Вернее, ее передел, – исправился я. – Ресмаг, по праву их царя ...

– Опять этот Ресмаг!
– Он направил своих посланцев в их землю...
– Постой... Я не совсем понимаю. Земля-то чья? Его земля?
– Они считают иначе.
– Ага! они считают! – повторил он и понимающее закивал.
– Он отвел участки тем из своих, с которыми не мог расплатиться иначе, – уточнил я. – Хотел малость поберечь казну.

– И за это они на него напали?

– Нет, напали они не сразу. Да и потом, скорее, он на них напал. Поначалу обитатели местечка устроили общее собрание, у абазгов так водится. Один оратор встает одно говорит, другой другое, распалились они там гневом друг от друга как головешки. И возопили, дескать, мы ему не плодовые деревья на участках, чтобы он нас отдал, вместе с землями на прокорм своим людям. Они постановили не выплачивать Ресмагу никакой дани – ни серебром, ни шкурами, ни конями, ни плодами, ни чем бы то ни было еще...

– Смех, да и только! – недоумевал Флавий. – А как ему извлечь хоть какой-то доход для собственного содержания? Только о себе и думают! Что, мы его должны всем обеспечить? А? Ну, что за ребячество! – возмущался он.

– Они что, все там с ума посходили?! Над ними меч занесен, а они меж собой толкаются! Они сумасшедшие?! Они вообще соображают, что творят?!

За всем не углядишь, особенно издали. С портика его дворца в Каппадокии не разглядеть, что у абазгов довольно вольные обычаи. Раньше и в Апсилии тоже каждый делал, что ему вздумается, но старый лис Юлиан, используя попеременно то римское золото, то оружие, то тайные переговоры, то подкупы и даже свадьбы родичей, потихоньку усмирил грозную стихию. От Сиуарда я наслышан в подробностях о трудах его дядьки. «Дохляк», – так называли его апсилы за глаза, а иногда и в открытую по восшествии на царство. Никто не ожидал от Юлиана, что он укротит древнюю вольницу. Предкам апсилийского патриция старейшины немало крови попортили, а потом и за самого Юлиана принялись. Говорят, он еще совсем юным и хилым торжественно, большинством голосов народа был избран царем в горном Циблиуме. На словах для защиты мира и честного суда, а на деле для того, чтобы быть игрушкой в руках вождей. Они думали им вертеть, как захотят, но жернов оказался без ручки.

Царь апсилов утвердился в своей вотчине прочно и на долго. Он за годы за своею стеной пережил многих. Сами боги дружелюбно склонили слух к его мольбам. К услугам Юлиана было все: и богатеющая торговля, и урожайные годы, и набеги иберов на соседних макроманов и Лазику, и раздоры обитателей ущелья Коракса с аланами. Но главное – Юлиан заручился покровительством могущественного Цезаря Траяна, мир праху его. Он был в посольстве своего дядьки Анхиала. Тот явился со всеми их разбойническим гениохским войском в Малую Армению, где вел бои Траян, и представил ему тогда еще скептуха (вождя племени апсилов). Тишайший Юлиан своей спокойной верностью, твердостью в союзе и остроумием снискал расположение могущественнейших сынов Рима. Траян щедро и с большими почестями одарил Анхиала и отпустил его от себя восвояси. Вскоре Анхиал заболел и умер, объединение гениохов распалось, и тут рог изобилия просыпался на Юлина. Он сохранил верность в дружбе и получил за это сверх меры. Грозное имя Траяна оградило Апсилию, словно щит, и с гор и с моря. Будучи приветливым и осторожным, он примирил Апсилию с самой собой. Юлиан покорил щедротами воинов, раздачами зерна и скота толпу, и всех вместе благами мира. Взрослея и набираясь мало-помалу силами, он подменил собой совет старейшин, этих вечно ноющих ворчунов. Не встречая в том, противодействия он наложил запрет на народные сходы. И на время апсилы успокоились и занялись домашними делами. А то бывало, какой-то дурень забросит мотыгу и едет вырядившись на сбороище, где такие же, как и он, бездельники мудрят о том, что выше их понимания. Народ с этим согласился. Правда, не весь и не сразу. Некоторых, особо несговорчивых, Юлиану пришлось осыпать серебром, и апсилы предпочли безопасное настоящее тревожному прошлому.

Его соседу, правителю Абазгии Ресмагу повезло меньше. У него нет тугонабитого кошеля, он верховенствует

лишь над восточной Абазгией, западная его не признает, по соседству вечно неспокойные саниги, а за хребтом открыто враждебные аланы. Но самую главную ошибку Ресмаг совершил сам. Он понадеялся на нас. Рим пообещал ему помочь, он решился и влип, как муха в мед, а Рим отстранился от вражды. Однажды оступившись, то есть первым применив оружие открыто и против многих из своего народа, Ресмаг дальше, уже в силу кровной мести не мог отступить. На какое-то время показалось, что он потушил пожар, но Абазгия начала тлеть изнутри. Измена змеилась повсюду и даже в его собственном доме. Даже его чернь, что кормилась с его стола, за спиной обзывала его пузатым боровом. Вот и доверяй после этого нахлебникам. Пожар разжегся не сразу. Желая устрашить сборище недовольных, царь предусмотрительно попросил помохи у римлян. Военный совет в Себастосе по дурости согласился, хоть я их и отговаривал, и отрядил пешую когорту вдобавок к коннице Ресмага. К тому времени горных абазгов охватило крайнее возбуждение, и волнение грозило распространиться на санигов. Еще до прибытия войска, собравшаяся толпа провозгласила своим вождем Скепарну, правда, его на собрании не было. Центурион Валерий Мазон слыл толковым малым, но не в меру горячим. Он слишком уж рьяно поддержал абазгского предводителя, и прямо с ходу, заявившись на их сборище, казнил нескольких, наиболее горластых зачинщиков. Среди тех, кто попались под его горячую руку, оказался еще совсем безусый мальчишка. Тогда этому значения никто не придал, тем более что и рассуждать особо времени не было. Отовсюду было метание: полетели стрелы, свинец из пращи, камни, абазги пустили в ход все, что кидалось. Римляне сомкнули щиты, прикрывая друг друга. Первый ряд встал на колени, второй над ними поднял щиты, а третий тыл прикрыл. Заостренные колья, выдернутые из оград, и булыжники загрохотали по стене щитов, но особого вреда римлянам не причинили.

Римляне переждали, оттянули плечи для броска, и в обратную сторону засвистели пики. Горцы десятками попадали, пронзенные остриями. Прикрываясь щитами, римляне побежали на врагов, и поддержаные конниками Ресмага, легко разогнали разношерстное сбоще недовольных. Мятежники заранее не готовились к сопротивлению. Вооружены они были чем попало, на скорую руку, лишь немногие имели при себе мечи, а так в основном косы, топоры, серпы, все, чем им удалось разжиться на месте. Многие встретили свою смерть и вовсе безоружные. Избиение было полным, их колотили со всех сторон. Мазон вошел в раж, затянул расправы и грабежи, а под конец подпалил их ущелье. Оностоял там лагерем три дня. Мятежники жестоко поплатились за отпадение. Союзники выжигали селение за селением дотла, чтобы им негде было преклонить голову. Захватчики еще пошастали по округе, поостыли, и прия в себя двинулись всвои с пленниками и награбленным скотом.

Мазон недооценил отвагу и жажду мщения побежденных. Он торопливо, без передового дозора отправился в обратный путь, шагая тем же проходом, откуда появился. Ему бы удалиться кружным путем, через открытые, возделанные поля, а он избрал короткий путь отхода, сужающийся, как горловина амфоры, в почти отвесные скалы. Варвары устроили обвал. В лесу, перед шагающими римлянами, у выхода из опасных скал они подрубили деревья таким образом, чтобы те едва держались, до ближайшего толчка. Горстка абазгов скрылась внизу, в зарослях у края, а другие забрались на высоты над тропой. Римляне и люди Ресмага, ничего не подозревая, вступили вереницей на узкую, низкую тропу, а варвары, опрокинув ближайшие валуны, толкнули тем самым и дальние, чем вызвали повсеместное падение и панику. Кто побежал назад, кто ринулся вперед, кто угодил под деревья, кто под копыта, кого лягнула лошадь, кого добил камне-

пад. Тех, кто прорвались через завал, пешие абазги встретили роем длинных стрел, пробивающих доспехи. Особо увертливых и быстроногих они рубили уже вдогонку. Мы потеряли когорту, а Ресмаг – брата, не менее трехсот отборных всадников и свое царское знамя в придачу. Всего до тысячи убитых.

– Неужто всю когорту под нож пустили?

– С десяток наших спаслись, сплошь из центурии некоего Аскания Флора. Они сразу побросали оружие, на колени бухнулись, где стояли, и лапки подняли.

– Ты их обменял или выкупил?

– Их отпустили задаром.

– Что?!

– У абазгов довольно своеобразный военный обычай. Они прощают из побежденного войска горевестников.

– Это еще зачем?

– Чтобы те рассказали о случившемся, и умножили славу победителя, – объяснял я. – Помимо этого они получили наказ не вмешиваться более в их внутренние дела... Они прислали мне через ... – Я почесал затылок, не зная, как их назвать.

– Если их послали, так это послы, – пришел он мне на выручку. – Что было дальше?

– Дальше хуже... послов они прислали, и послание...

– Не мямли, Кассий. Чего они требуют?

– «Уберите Ресмага или убирайтесь вместе с ним», – выдохнул я.

– Какая наглость! – ахнул пропретор, и тихонечко присвистнул: – Фиу!.. Они смеют угрожать Риму?! Они что, взбесились? А этот твой варвар, много он о себе возомнил! Но ничего, ничего!..., – зашипел Флавий. – Возгордилось его сердце на его же погибель. Он еще жив?

– Он убежал к брухам, и теперь возмущает то их, то санигов против нас. А сразу после того случая он заявился в их святилище, и при свидетелях поклялся: «Либо изгню римлян вместе с Ресмагом, либо сырой землей укута-

юсь». Но сейчас, почтенный Флавий, – поспешил я его успокоить, – все наладилось.

– Наладилось – повторил он за мной и криво усмехнулся.

– Наиболее заселенные поселки усмирены, а люди Ресмага гонят его по горам, как собаки затравленного олена...

– Люди Ресмага?! А ты, Кассий, сложа руки все это наблюдаешь!

– Но мы...

– Что мы? Вы бы хоть слух распространили.

– Слух?

– Ну, да. Дескать, он кровосмеситель, скотокрад, мужеложец и вообще конченый человек... Для варваров непорочность вожака главное дела.

– Нет, мы его опорочили дальше некуда, – оправдывался я. – Но признаюсь, это мало помогло. Простой люд к нему липнет, как пчелы на сладкое. После того, как мы его разбили в стычках, он где-то прятался, а потом снова сколотил отряд, и теперь бродяжничает вместе с ними по предгорьям. Вооружены они, правда, чем попало. Большинство с заостренными кольями и крашеными дощечками вместо щитов, но все же желающие повоевать с римлянами бегут к нему с побережья, из-за гор переваливают. Они, как ручьи в озеро, отовсюду к нему стекаются.

– Кто их там кормит?

– Пастухи, обособленные общинны. Эта земля им мать родная. Матери провожают сыновей, собирают им сумки в дорогу, бывает, и жены их навещают. Они приносят им пищу в их логова, подшивают одежду, невесты обещают ждать своих женихов. Тинхад принимает ласковым словом каждого, кто согласен биться с Римом. Обо всех племенах только хвалебное говорит, никого не ругает, и даже мирит роды между собой.

– Очень опасно...

– Вот и говорю, с таким наплывом нелегко справиться. Весь их край вздыбился на борьбу...

– Да что ты говоришь! На борьбу! – передразнил он меня. – Кассий, ты вообще в своем уме? Ты мне тут разбой нахваливаешь?!

Я спохватился, но было уже поздно.

– Чего запнулся? – Опытный в уличении сановник колп дальше. – Говори, не стесняйся. Борьбу против...

– Гм... За свободу... Они это так называют.

– Не будь дураком! – обронил наместник, и недовольно закряхтел как квочка на насесте – Я на своем веку наслышался об этой их, – поморщившись, словно ему это слово претило, раздраженный Флавий наконец-то выдавил из себя: – Свободе...

– Как такие песни затянут, Кассий, беги, не оглядывайся! Значит, твою душу уловляют. Услыхишь такие речи, знай: тобою хотят пожертвовать... Платить хитрецы не желают. Простаков прельщают лучшей долей, и те добровольно обрекают себя наихудшему. Это же колдовство, не иначе! За такое распинать надо! – досадовал Флавий, теребя свою серебристую бороду – На деле люди сложат головы, чтобы упрочить положение нескольких хитрецов. Те используют их гнев, и тем поправят свои дела. Ну, и завоюют для себя недосягаемое положение над ними же. Я знаю все эти напевы, – вымолвил он, презрительно морщась. – И от восставшего плебса, и от христиан, и от прочих возмутителей. Это как вино, сначала оно должно побродить, чтоб окрепнуть. Потом они толкаются до поры до времени, пока кому-то безвинному из-за них не распорют брюхо. Дальше... – Флавий тяжело дышал, и облизнул пересохшие губы. – Дальше из мелкого мщения войны выйдет на открытый простор. Тут уж тысячи потеряют приют и кров над головой, и уйдут скитаться в леса, как звери. Потом бедняги должны как следует одичать, дойти до полного отчаяния. И вот тут-то, Кассий, вот тут- суп сварился: начинается их свобода! Они сами

становятся на путь разбоя, и еще более усиливают беспорядки и жестокости. Потом их даже подстрекать не понадобится, они сами попросятся. Такая жизнь не жизнь...

— Я их не оправдываю...

— Еще чего не хватало! — обронил Флавий. — Ты лучше скажи... Ты замешан в их варварских раздорах? — совинный взгляд пропретора не так легко выдержать. Он, казалось, мысленным взором проникает в мысли. — Ты покровительствуешь преступнику из аbazгов. Ты навестил его в заключении. Не вздумай, отпираться! — настрого предупредил он меня. — Я знаю это наверняка.

Раз ему столько известно, лучше высказать почти всю правду, и тем себя оградить от подозрений. Я признался, что навестил знакомого узника. Признал я и то, что сожалею о его участии. И сразу же, не останавливаясь, яшел дальше в своих признаниях, известил Флавия о моей тайной встрече с вождем восстания Тинхадом, и тем отвлек его от Нара.

Темень, дождливые мартовские ноны, высоченные скалы, до которых и орел не долетит. Мы встретились у заброшенных низеньких оград, куда меня привел проводник из санигов. Абазги и саниги приписывают строительство этих низкорослых каменных оград карликовой породе людей, и называют их «ацанами». Но это к делу не относится... Предварительно мы обменялись заложниками.

Пропретор, слушая меня, и бровью не повел, и даже потеплел взглядом. Значит, знает откуда-то все. Не зря говорят, у леса есть уши. Я почти уверен, что это уши Тифона. Его лопоухость сослужила ему хорошую службу. Тихоня-писарь всегда помалкивает, тщательно чистит и на востряет свои уши, это залог его сытости. Но я обещаю, в один прекрасный день он лишится этих своих хваленых ушей.

— Говори все как есть, не таясь! — подбадривал меня наместник.

Ему захотелось побольше узнать о главаре восставших. В сущности, Флавий, как и всякий освещенный знаниями, чуждался творить жестокости без особой надобности. Старик намекнул, что ему кое-что известно, и изворачиваясь я могу попасться в ловушку собственной лжи.

— Только прошу, не оскверняй свою молодость ложью, — по-отечески предостерег он меня.

— Ты праведный судья, почтенный Флавий. Ты рассудишь все сам по справедливости. Моя совесть чиста. Я скажу как есть. Недобрая, а скорее необдуманная, воля царя толкнула его в леса.

— Ресмаг заставил его напасть на римлян?

— нет. Хотя... Тинхад напал на наших в отместку. Мы ведь в союзе с Ресмагом разворонили их осиное гнездо.

— Возможно, — допустил Флавий. — По-твоему, ты раскусил, что ими движет? Что он за человек, этот твой... как ты его называл?

— Он мирный человек. Нет, я серьезно...

— Ты еще скажи, он раньше пугал ворон, а потом ему в одночасье все надоело, он забросил тяпку подальше, и пошел войной на Рим.

Ну почему правда всегда нелепая?! Это почти так, разве что Тинхад, наверное, и за плугом об этом размышлял. Прежде чем ответить, я немного помолчал, собираясь с мыслями, и это не укрылось от вездесущего сановника.

— Я надеюсь, ты не подбираешь слова, чтобы за ними скрыть смысл? А, Кассий? Помни, я враг ненавистной лжи. Так что давай без...

— Он обладает даром убеждения.

— Кто? Пастух?

Я кивнул. Собеседник, вперивший до этого в меня взгляд, обмяк в кресле и запарусил щеками. Он мне поверил. Во всяком случае, я так это воспринял.

— А что он тебе такого наболтал?

– Ничего такого, чего я сам не знаю. Он... Он говорит то, что известно всем.

– Не понял.

– Другие боятся вымолвить это во всеуслышание. А он называет и людей, и вещи своими именами.

– Заморочил он людей.

– Скорее наоборот, – возразил я. – Открыл им глаза. Он пробудил племена от кошмарного сна, в котором они пребывают.

– Ах, пробудил! – подхватил Флавий. – Мало тебе своих забот, так ты еще и о варварах печешься... Ты знаешь, Кассий, поначалу я удивился, как этот нечестивец смог осадить Питиунт, а теперь я просто диву даюсь, как ты еще на их сторону не переметнулся! И еще одно! – тыкал он в мою сторону пальцем. – Я знаю Ресмага, и мне что-то с трудом верится, что он такой уж деспот, каким ты его представляешь.

– А я не говорю что он деспот. Совсем наоборот. Он слаб. А слаб царь потому, как призрел их обычай. Тут власть на обычаях держится. Кое-кто даже поговаривает, что это Ресмаг исподволь, натравливает на несогласных чернь.

– Продолжай, Кассий.

Несмотря на его издевки и брюзжание, я заметил, что сказанное о Тинхаде его заинтересовало. Флавий снова подобрался в кресле, и опять склонил набок голову, это означало, он весь внимание.

– У абазгов исстари принято решать общие вопросы собранием, а не несколькими именитыми людьми, – поведал я. – Любая вдова, любой сирота на общем совете находили симпатию и покровительство многих. Еще есть старожилы, кто помнит, как все это соблюдалось. Ресмаг умудрился принизить их собрание, и лишил старейшин тем самым власти. А сам он не смог их власть подменить своею. Теперь у абазгов, если разобраться, безвластье, – подвел я итог, – оно превратило их в варваров.

– Превратило в варваров? – переспросил Флавий, и развел ладонями по сторонам. – А разве они не варвары?

– Нет, – отрицал я. – Они не дикари, не варвары.

– А что же их так отличает от остальных...гм...варваров?

– У них, в противоположность диким племенам, силой споры не разрешаются, – сообщил я. – Неписаный обычай в лице их выборного царя охраняет не только жизнь, но и честь пусть даже самого никчемного их со-племенника.

– Похвальный обычай! – без тени иронии заметил Флавий. – Но тогда у них не должно быть несправедливостей.

– Их много, пропретор, – признал я. – И они множатся. Простые люди спасаются от неурядиц кто как может. Одни в глухие места семьями уходят и там обособляются, другие у нас пристанища ищут... Вот, к примеру, тот кузнец, о котором тебе доложили, он попросил убежища у нас. Его целая рать преследовала для расправы. Обычно-го ремесленника...

– А ну-ка не торопись!.. Ремесленника? Или убийцу?

– Я объясню.

– Да, уж, постараитесь.

– Бедняга разжился, украв золотую чашу. Он ее переплавил в самородки и скончался в сарае.

– Ах, вот оно как?! – рассмеялся Флавий. – Сама добродетель!

– ...Его почему-то заподозрили в убийстве и обыскали дом. Так все обнаружилось.

– Почему-то, – многозначительно повторил он за мной, прищурившись. – Вот так вот взяли и заподозрили, а он горлица небесная, чист и неповинен...Что совсем ни при чем?

– Он робкий.

– Причем тут это?

– Я его знаю.

– Это тоже не оправдание.

– Он ни на что такое он не способен.

– Но он вор, ты согласен?

– Согласен.

– Значит, поделом, – сказал Флавий равнодушно и легко, а потом забарабанил пальцами по столу. – Посягнул на чужое, и этого достаточно. Выдай его побыстрее, – отмахнулся он – Нам нельзя ссориться с Ресмагом... по крайней мере пока...

– Это будет расправа.

– Ясно дело, расправа! А ты чего ожидал?! – округлил он глаза. – Выдавай его, и с глаз долой! – постановил Флавий. – Что-то ты приуныл, Кассий. Есть причины, по которым ты против?

– Нет.

– А чего тогда вздыхаешь?

– Как повелишь, так и поступим... э...хм...

– Э-хм? Это ты сейчас на абазгском со мной?

– Было бы неплохо, чтобы страсти малость поутихи, – упрашивал я. – Тогда он на самом деле будет осужден, а не казнен безвинно.

– Не переживай! Будет ему и суд, и возможность последнего слова... Ему родичи убитого все предоставят. Ты принимаешь участие в его судьбе и отправил ему еду... Нет! Нет! – вялым взмахом руки, предупредил он мои оправдания. – Я тебя за это не осуждаю, Кассий... В твоем милосердии нет ничего предосудительного. Это я еще могу понять, но... Но знай, Кассий, твое мягкое сердце может всем нам дорого обойтись, и тебе в первую очередь! – Флавий потихоньку разошелся в наставлениях и, потрясая уставленным в мою сторону указующим перстом, предупредил: – Берегись! Не забывай, ты поставлен не кормить отступников, а чтобы никто не покусился на наш союз с клиентом Рима! Ни ему ни нам сарматы здесь не нужны... А все оттого, что обычай у них жуткие, – поведал насупившийся Флавий. – Скверные у них тра-

диции... Эти дикари своих вождей хоронят с великими почестями – с блудницами, верными людьми и с наворованным добром – все вместе предают огню, а потом холм поверх насыпают. Согласись, от такого будущего у любого волосы станут дыбом.

– Ресмаг человек именитый, он не заслуживает такой чести, – оговорился я. – То есть... он несомненно удостоится... то есть... Я хотел сказать, он... он не заслуживает такой участии.

– Прекрати кривляния, Кассий! – оборвал он меня.

Его интересовало, чего добиваются наши противники, а я отвечал, что восстановления старых порядков. У них раньше каждая община, каждый род, каждое селение избирало своего представителя в общем собрании. А те в свою очередь сходились вместе в их святилище и избирали царя. Он им клялся в верности, а они были при нем советом.

– И что они ему советовали?

– Без одобрения старейшин царь не мог, – перечислял я, загибая пальцы, – собирать подати, строить по собственному разумению ненужные постройки, чтобы утатить для себя на этом всякого добра, тратиться под разными предлогами на себя и свои забавы, объявлять войну...

– Достаточно, – взмахом руки остановил меня Флавий. – Ему ничего нельзя! Так нельзя... А скажи, Кассий, этих старейшин выбирают все, а они избирают царя? Так? Я правильно понимаю?

– Так было раньше.

– И хорошо, что раньше, – отозвался Флавий. – Нельзя давать право выбора всем без разбору... Ты не знаешь, почему? Дураков больше! – учил Флавий. – А дурак кого выберет?! А? Умного? Они изберут какого-нибудь остолопа из своей среды. Чтоб потом помыкать им. Толпой повелевать государством невозможно, – брезгливо кривился Флавий. – Толпа слишком глупа и неотесанна для этого.

– Абазги полагают, что могут избрать из своей среды разумных и энергичных людей.

– Чушь! – фыркал Флавий. – Разумные редко бывают энергичными.

– Бывают! – указал я на него рукой.

Мой собеседник сотрясся каким-то утробным смехом, как хрюкнул, и в притворной благодарности приложил ладонь к сердцу. Потом он опять озабоченно нахмурился, и по своему обыкновению подул щеками. Одному Юпитеру известно о чем он там думает, про себя.

Кое в чем его рассуждения соответствуют истинному положению вещей. Простонародье обычно не тратит время на мудрствования и поиски. Им приходится давать слово второпях, в короткий перерыв между попойками, прополкой и выпасом скота. Они как старая дева, изберут первого же приглянувшегося, а бойкий жених пообещает им много чего. Потом притворщик будет долго водить их кругами, пока не окрепнет, и тут уж он не таясь возвестит им: «Ничего я вам не дам!» А если у обманщика есть голова на плечах, то он, на ими же собранные налоги, подкупит из их же среды нужных людей, и запылают их хижины, как сухие опилки. Тут-то в их головах все прояснится, но изменить они уже ничего не смогут, и вернутся к своим облезлым коровам. Такая у них судьба – навоз подбирать. Потом опять, через годы, забрезжит просвет в облаках, но в этот миг они опять заторопятся, закроют на все глаза и получат то, чего заслуживают.

– Кассий, – обратился ко мне пропретор, и с явным удовольствием продолжил поучать. – Мирные люди, они повсюду одинаковы. Что римлянин, что абазг, что эллин – не суть важно, – отмахнулся он. – Они склонны к малодушию. Потому они и мирные. Разжечь их решимость, подвигнуть их к организованным, осмысленным изменениям почти невозможно. Их могут пробудить только ужасающие бесчинства. Да и то только в том случае, если найдется такой, кто откроет им глаза, а они... Ты понима-

ешь, среди них должен уродиться человек высокой души и красноречия. Потом, желательно, чтобы их было хотя бы несколько, их трудно расшевелить. Они, ох как, не хотят просыпаться! Это очень трудно – убедить духом надломленных, что дескать им покровительствуют боги, и они вправе на лучшее рассчитывать. Большинство хотят незатейливой, сытой жизни. Они как скот домашний, а тут им премудрости и терзания душевые; лучшая доля, самопожертвование во имя чужой свободы, самоограничение, честная состязательность, милосердие, поиск собственных недостатков, сопротивление собственным порокам и страстям... – Флавий кривил губы, и, словно сомневаясь, качал головой из стороны в сторону. – Это слишком сложно для их голов... Им милее простые вещи. Вот наш вождь! – показал он мне в сторону. – Мы за него горой! Он нас накормит! И ничего, что это не сбудется, зато понимается легче. Так что, Кассий, неполноценных разумом нельзя оставлять без твердой руки просвещенного господина, – провозгласил Флавий, показывая пальцем в потолок. – Ими овладеют хищники и будут ими помыкать. Что и происходит сплошь и рядом... Такое им привычнее, роднее...

Прежде чем снова заговорить, Флавий немного помолчал и отрешенно глядел в огонек светильни

– Нет, я согласен, – встрепенулся он так, будто сам себя в чем-то разубеждал, и вновь задергал руками – Если исполнять их волю, на словах, в таинствах там разных, расточать бессмысленные потоки лести, то да... Но если на самом деле исполнять волю большинства, то это... Это нелепо, Кассий! Какой вообще тогда смысл пролезать во власть?!

– Абазги еще не привыкли, чтобы царь правил ими так, как ему вздумается.

– Ты же сказал, он советуется с именитыми людьми.

– Так оно и есть. Этим он оскорбляет других, считая их людьми незначительными.

– Ага! – воскликнул Флавий и понимающе закивал. – И за это они хотят низложить его. Он им не подчинился, они – ему.

– И все друг друга обозвали изменниками, – дополнил я. – Пока на стороне Ресмага перевес в копьях, ему ничего не грозит, но как только он пошатнется, мятежники подожгут его дворец, а его самого сбросят с башни или утопят в его пруду. Это как у них получится ловчее. Их все больше и больше.

– Хорошие люди так не поступают, Кассий.

– Их совсем вывели из себя, – оправдывал я абазгов.

Флавий поднялся с кресла, раскашлялся и заходил по комнате взад-вперед, подметая подолом длинной тоги вымытые, скрипучие половицы.

В риторике все складно. Сенат упорядочивает законы, принцепс их одобряет, потом их отсылают на красивых свитках с красными печатями в провинции, дескать, суд и всякую справедливость надлежит вести согласно им. Иногда законы высекают резчики, иногда обжигают на глиняных дощечках, иногда с завитушками пишут на книгах в кожаных переплетах, но какой от всего этого прок? Буквы не обладают магической силой. Тут нужно волшебство, чтобы исправить натуру людей порочных, обуздать стремящихся ко злу. Но сенаторам такая очевидность невдомек. Они пыхтят и препираются по поводу того, что никто и не собирается исполнять. Законы по всей римской державе каждый судья понимает как ему хочется. Я имею ввиду тех, кто понял, в чем их суть. Тех, кто знает как от них отбиться, на что сослаться, чтобы не исполнять. Флавий заладил: «Законы должны быть ясными и недвусмысленными, такими, чтобы ни один судья...», а меж тем правит не принцепс, и ни закон, а обычный смертный, оказавшийся в результате многих случайностей и недоразумений на судейском кресле или с кинжалом против безоружного. Вершил суд, как правило, или дружелюбный человек, или замухрышка со сво-

ими предрассудками, предубеждениями и убогими представлениями о справедливости и морали.

— Горе той стране, где правят судьи, а не законы! — возглашал Флавий, потрясая в потолок перстом.

«Интересно, а сам ты подчинишься караулям? — размышлял я, наблюдая за его передвижениями. — Испробуй, к примеру, разобрать дело, где у тебя наследство оспаривают, и сам в этом убедишься. Ты даже не заметишь, как ты сам начнешь изворачиваться ужом, как станешь толковать эти свои законы. Ты будешь мыслить предвзято. Настолько, что даже не заметишь миг, с которого ты начал удаляться от истины. Это как в открытом море плавать, где нет ориентиров. Ты думаешь, что болтаешься на месте, а на самом деле удаляешься по течению как бревно. Волны плещутся так, что не сразу поймешь, куда тебя подмывает. Только твердь тебе подскажет, куда ты плывешь. Так и суть суда в споре. Не в том, чтобы обелить кого или наоборот низвергнуть с пьедестала, вся суть в сдержанной ругани. Противоборствующие стороны срывают друг с друга маски и правда оголяется. Вот это и есть честный суд. Тот суд, где тяжущиеся, раз они не могут договориться как люди, получают каждый по заслугам. С защитником для виновного, с обвинителем, с посторонним судьей, с завязанными глазами, как это и задумывалось, пока римский дух правдолюбия не погребли под ворохом крикливой показухи.

— Боги направляют суд! Любой суд в их власти! — произнёс Флавий, — Они судят племена по правде их, и по непорочности их, которая через них в людях.! И это суд истинный, что бы кто ни говорил!

А это вообще непонятная скороговорка! Флавий, видать, ее наизусть заучил, чтобы ею людей запутать. Я с ним не спорил. Я вспоминал свою встречу с главарем восставших. Он умел выражаться ясно, потому как и мыслил ясно.

Мы стояли лицом к лицу, в большом кругу факелов, у

каменной ограды. Над безлесным горным краем взошла луна, но она скрылась под облаками, накропывал дождик.

– Медведь без надобности, и то не задерет. А вы что делаете?! – укорял меня абазг

– Вы истребили нашу когорту.

– Сидели бы вы в своем mestечке, и волос бы с вашей головы не упал.

– Царь Ресмаг...

– Он получил по заслугам, – перебил Тинхад. – И это только начало...

Наш Ресмаг только с виду прямодушный. Он думал отвадить от себя Афахара, и столкнул нас лбами. Царь ему отвел именно наши земли, умышленно. Он все неплохо придумал, но вместо Афахара пал его храбрейший брат. Я скорблю о нем, видит небо, он поплатился за брата. Что касается самого Ресмага, то он прочно связал свое имя с убийцей. Теперь он нам не царь, и ему не отмыться от нашей крови. А вы еще раз сунетесь в горы, еще раз кровь прольется ваша! – угрожал варвар. – Мы к вам не пойдем, и вы к нам не ходите. У нас и разорять-то особо уже нечего...

Абазг приводил неоспоримые доводы. Ресмаг растерял уважение в народе с тех пор, как стал заигрывать с такими, как Афахар. Так он и царем быть перестал. Чтобы понравиться скорому на расправу разбойнику и тем себя обезопасить, многие начали служить не своему государю, потомку древней династии воинов, а кознодею. Пред Афахаром устипался почти весь царский двор, и даже царский казначей заискивал пред ним, но так чтобы царь не заметил. Лишь несколько именитых воинов из приближенных Ресмага сохраняли верность царю, и смотрели на грабителя волком. Что потом его власть?!

– Да, Ресмаг произносит неплохие и чинные речи при свете дня на пирах, на свадьбах, на похоронах, на молебнах, но мы-то знаем, что в темноте полей и лесов хозяин не он. – Враг римлян не пугал меня и говорил со мной

без тени злости. – Повсюду лихие люди вершат судьбы, а Ресмаг мнит себя единственным судьей...

Он был прав. Афахар, надо отдать ему должное, был поумнее остальных разбойников и потворствовал этой комедии. Он притворился, что чтит Ресмага единственным владыкой, и оказывал тому знаки внимания. Он никогда не оспаривал его первенство и через это он получил преимущество, которого ему хватило. А еще через благословение царя он заполучил многих воинов в заклание, вместо себя. Он и нас, римлян, через Ресмага втянул, по сути, в свою, ненужную нам, вражду.

«Бесчестный убийца... полувар-полукузнец... жестокий дикарь...» – Флавий величал моего несчастного сообщника по-разному. А ведь он его и в глаза не видел. Он даже не с чужих слов исходит, а из того, что сам о нем выдумал. Вот так рассуждает, толком не разобравшись, а потом о справедливости талдычит.

– ...Ты представляешь, что будет, если этого душегуба, еще более озлобленного, чем раньше, выпустить на волю?! – ужасался пропретор будущим бедствиям.

Что будет? Солнце рухнет на землю? Но как ему разить вслух? Я вынужденно молчал, а наместник прикидывал: «А сколько крови этот убийца еще прольет, прежде чем его опять схватят?!»

Если бы он захотел вникнуть в суть дела, я бы ему объяснил. Но Флавий не хотел. Афахар воспринимал все, до чего доставали его длинные руки, как свое, и относился к родине как к добыче своего копья. Он ничем не отличался от чуждого захватчика, разве что говорил на абазгском. Это запутывало людей, они его считали своим. Именно таким поведением он возмутил дальних горных абазгов.

Теперь за убийцу требуют мщения, а ведь он сам занимался беззакониями. Поначалу они были мелкие. Афахар, еще юношей, увел чужого коня, а потом еще чего-то там натворил, вроде бы огрел кого-то дубиной, и тот от

этого заболел и поглупел. Долгое время за эти мелочные проступки юный Афахар пребывал в смертельной опасности. Но Фортуна оказалась к нему благосклонна, за него вступился царский казначей, который таких молодцев хотел использовать для себя. Да только Афахар оказался ушлый и сам использовал и царского распорядителя, и самого царя, и даже силу Рима. Немного времени спустя он уже бесчинствовал по-крупному. Афахар угонял табуны коней, и пленных продавал за выкуп, но будучи под крылом Ресмага, оставался безнаказанным, ибо сам Ресмаг под сенью Рима. Абазгам ничего не осталось, как открыто восстать против нас всех вместе взятых. Они отчаялись в жалобах и решили переломить насилием насилие.

После того, как разбойник разжег костер, который грозил испепелить и обезлюdzić Абазгию, Ресмаг уже не мог его за это публично осудить. Ему уже было не обойтись без врага своих новых врагов. Не то чтобы он был в особой милости, но Ресмаг пригласил разбойника со всеми к царскому столу. Абазги такого не простят царю.

Наконец-то Флавий выдохся, вновь уселся в кресло и положил ногу на ногу. Воспользовавшись заминкой, я решился. Постараюсь в последний раз. Я знаю ответ, но я должен.

– Господин, – подчеркнуто смиренно обратился я к легату. – Могу я тебя попросить кое о чем?

– Конечно! О чём речь?! – приветливо отозвался Флавий. – Я всегда рад помочь... Что тебя терзает, Кассий? Поделись со мной. Я тебе не враг.

– Нельзя ли... можно ли не выдавать этого кузнеца?

– Опять ты за свое! – воскликнул недовольный наместник. – Как ты себе это представляешь?

– Сошлемся на то, что он гражданин Рима. В конце концов он наш пленник, – наместник ничего на это не возразил, и я пошел дальше: – Во власти правителя явить милость и беспристрастие...

– Правители так не поступают. – Флавий наставлял медленно и с расстановкой. Для пущей убедительности, он оттопырил в мою сторону указательный перст, и кивал в такт своим словам. – Царь абазгов не исключение. Он не допустит, чтобы кто-либо без его спроса карал кого бы то ни было! Уяснил, Кассий? Мы еще тут не так глубоко укоренились, чтобы вмешиваться в их внутренние дела. Мы еще не можем здесь хозяйничать... До поры. Так что не капризничай, как дите малое, и стерпи. Придется стерпеть, – взмахом ладони предупредил он меня. – Не вздумай уязвить самолюбие Ресмага и сделать так, чтобы его подняли на смех. Пока он хозяин своих подданных и своих владений.

– Это мелочное самолюбие.

– Совсем нет. Самолюбие не мелочь. Для царя это главное.

– Почтенный Флавий, это все... так оно и есть, но бедняга запутался в долгах, а его подозревают невесть в чем. Разве ему под силу было справиться с целым отрядом, охранявшим казну?

– А ты не допускаешь мысли, что у него есть сообщники?

– Не допускаю. – Я постарался, чтобы мой голос звучал непринужденно. – Если они есть, то где же они? – развел я руками. – Он никому он нужен.

– А может, кому из наших нужен? – прищурился Флавий и наклонился в кресле ко мне.

– Тогда он был бы уже мертв, – сказал я, не отводя взгляда. – Никто не стал бы рисковать открытием такой тайны.

– В любом случае, мой дорогой, Кассий, – Лицо Флавия озадаченно вытянулось, а тон смягчился, – как ты справедливо заметил, из-за какого-то бедняги я не могу... Гм... Так что... Попроси о чем либо другом.

– Но...

– Нет, я допускаю, – наместник жестом руки предупре-

дил мои возражения. – Возможно, он ни в чем серьезном не повинен.

– Я...

– Я знаю, что ты хочешь сказать. Ты хочешь сказать, Ресмагу сначала стоило взяться за того преступника, кто к нему был поближе? Ведь так? Так?.. Нет! Не стоило! – Флавий, когда слышал иное мнение, имел противную привычку мотать головой и кривиться. – Я хорошо понимаю Ресмага. Он делает, что может. Если он станет всем потворствовать, потому что не в силах справиться со своим окружением, его дела быстро придут в упадок. – Утверждая это, он с мгновение задумался, а потом спросил без всякой связи: – Как, по-твоему, почему ахейцы, начиная с аргонавтов, вновь и вновь стремились к этим берегам?

– Ну, им надо было куда-то плыть...

– И все?

– Тут есть чем поживиться.

– Истинно так, – одобрил Флавий. – Колхида, единая и с единственным законом, была край, полный богатств. Иначе какой смысл сюда тащиться, подвергая себя опасности? Плодородие полей, торговля, мореплавание, ремесла, – загибая пальцы, перечислял наместник, – вот что дало в древности здешним жителям изобилие. Но всего этого бы не было и в помине, если бы предки Аэта не насадили здесь страх. Страх! – отчеканил Флавий, буравя меня глазами под кустистыми бровями. – Страх перед властью. Кассий, где нет закона, там люди всегда ютятся в лачугах! И будут ютиться! Ресмаг и даже Юlian, что рядится в нашу тогу, они оба лишь бледная тень и частицы, их предка Аэта. Они никогда не идут дальше начинаний, вот в чем их беда. Эти племена уже никогда не смогут объединиться из-за их раздутого тщеславия, взаимного недоверия и корысти, и теперь, – заявил Флавий, скав пальцы в увесистый кулак, – когда они окончательно измотали друг друга, только твердая власть Рима вернет изобилие

и мир этим цветущим землям... Пойми, Кассий, ты клянчишь за какого-то там оступившегося дурня, но дай ему волю, и увидишь, что он натворит. Свобода – это не отсутствие кары за содеянное, а как раз наоборот, Кассий! знаешь, что творится за дальней нашей границей, там, где власть не поддержана Римом?! Там часто творится невообразимое, – устрашал Флавий. – Если ты там в силе, то можешь творить любые зверства. Противовесом тебе только такой же мясник, как и ты!... А Рим сильнее всех, и потому мы под крыло свое соберем все племена. У нас они находят спасение не только от внешних врагов, но и от самих себя. Понимаешь?.. Я знаю, они тут нас проклинают на чем свет стоит, но еще худшая участь постигнет простых людей, когда наши легионы уйдут. Поверь, Кассий, я сострадателен по природе, я чту богов, но каравающий суд и отличает нас от варваров! У них нет суда. А где нет суда, там дикость и запустение. Это наихудшее из проклятий, – убеждал Флавий. – Беда той земле, где прав сильный. В этом случае кровожадные негодяи вырежут миролюбивых людей или сами эти добрые люди отбросят домашние занятия и возьмутся за оружие. А похватав мечи, они поневоле делаются убийцами, хоть и защищая свои очаги.

Флавий, сам того не ведая, обрисовал все превращения, произошедшие с Наром. Он остался доволен тем, как разложил все по своим полкам, откинулся в кресле и скрестил вытянутые под столом ноги, обутые в сандалии.

– Нет, я не спорю, кое в чем ты конечно же прав, – уже благодушествовал наместник. – Терпеть притворства и беззакония не так-то и легко.

– А я и дальше могу потерпеть! – обнадежил я его. – Я отделен стеной, и сам себе хозяин, но вот абазги, они, рано или поздно, поднимут на копья своего правителя. Их собратья саниги тоже ненадежны.

– Зато в Апсилии спокойно.

– Они тоже возмутятся, – пообещал я наместнику, –

как только старый Юлиан померет. А он померет. Он весь серый, как пепел, и круги под глазами черные.

– Это твой помощник апсил тебе такое нашептывает?

– Никто не вечен.

– Спору нет, мы все помрем! – согласился Флавий. – Вопрос в другом. Насколько я наслышан, этот ауксилярий и абазгу Ресмагу, и Юлиану приходится родичем. Им обоим. Да?

– Это плохо?

– Не знаю, Кассий, – развел он руками. – Ты скажи! Плохо прибегать к уловкам, чтобы с нашей помощью за получить скипетр своего дряхлеющего дядьки? А? Всего делов-то!

– У Юлиана есть поближе наследники.

– Тоже христиане? – язвил наместник. – Кассий, апсилейский патриций не перестанет быть апсилом оттого, что ему римская нянька сыр резала. Кровь есть кровь. Ее не обманешь. Этот апсил может объединить родственные племена, и тем устроит нам хлопот. Великий Рим, а я говорю с тобой от его имени, не желает, чтобы вместо нескольких лоскутных царств появилось одно и с крепкими корнями. И еще одно, Кассий. Ты знаешь, я ревностный гонитель христиан, и не скрываю к ним своей неприязни...

– Знаю.

....Люди их веры отличаются особым вероломством. Они верны не человеку, а богу единому. Правда, у них все запутано. Этот их бог раньше тоже был смертным, его умертвили, а он возьми да и восстань из мертвых.

– Такое случается.

– Ну, да! – хмыкнул Флавий и развел руками. – Сплошь и рядом!.. Ты не представляешь, каких трудов мне стоило выполнить этот сорняк в Каппадокии!

– Представляю, – закивал я.

– Нет, не представляешь! – возразил он, замотав головой. – Иначе бы он у тебя под носом не расцвел буйным

цветом... А впрочем, какой во всем этом смысл? – отмахнулся Флавий. – Воевать с их верой все равно, что вывести против заразной хвори легион. Больше выведешь, больше заболеют. Заклятье какое-то. Сорная трава... От них невозможно избавиться... Просто руки опускаются. Они воюют идеями...

– А сарматы мечом, – упомянул о кочевниках.

Мрачная тень набежала на его лицо. Флавий подобрался в кресле и недовольно наморщил высокий лоб. Ручаюсь, он уже не думал о христианах. Невозможно тревожиться о двух опасностях одновременно. Сильнейшая вытесняет.

– Они ненадолго растворились в горах, – предрек я, – скоро объявятся... Я ничего не придумал. Их потухшие костры и стоянки в Зихии весьма внушительны. Навряд ли они для веселой охоты такое войско снарядили. Вполне возможно, сарматы уже сейчас огибают вершины. Когда они устремятся с гор, против нас поднимутся саниги, вся нагорная Абазгия, и наконец к ним присоединяться недовольные из побережных абазгов, что еще под властью Ресмага.

– Хватит! – рявкнул Флавий. Его вялость как рукой сняло. – Одно и тоже талдычишь! Вот чего я от тебя не услышал, Кассий, так это то, что ты собираешься предпринять.

– Я?

– Какой у тебя план?

– У меня?

– Но не у меня же, – дернул он плечами. – Кассий, ты не припомнишь, кто из нас военачальник здешних войск – ты или я? А? Что делать намерен?

– Ничего, – подумав, ответил я.

– Совсем ничего?

– Недостаточно сил для противоборства, надо их бережливо расходовать...

– То есть ты напрочь отказываешься биться? Затаишь-

ся как мышь в норке? – допытывался Флавий. – Я так понимаю? Это все, на что ты готов для спасения Рима?

– Рима? – на этот раз оторопел я. – Как я, ничтожнейший из смертных, могу спасти Рим, да еще сидя в Питиунте?!

– Сам говоришь! – Флавий указал на меня рукой. – Запервшись в собственной берлоге, делу не поможешь. Тебе надо выдвинуться им навстречу.

– Зачем?! – недоумевал я. – Они сами к нам скоро спустятся. Я же говорю, они на полпути...

– Вот пока они не спустились, и надо действовать, – требовал легат, – задержи их... Ты слыхал о проклятом Митридате? Наслышен, да? Сейчас он, наверное, горит за это в Тартаре, но при жизни он сумел пару раз выставить против нас единую армию здешних племен и эллинов. Оба раза, Кассий, дважды, римляне едва не захлебнулись собственной кровью! – говорил он с жаром. Семьдесят тысяч убитых только в последней резне в Капподокии! Вдумайся, только зараз семьдесят тысяч душ! Ты хочешь, чтобы эта кровавая баня повторилось?! А?.. Все твои возражения, Кассий, – скрчил он гримасу, – дескать, нет возможностей противоборствовать, – передразнил он меня, и сразу продолжил серьезно: – Кассий, у тебя есть разум и честь. Этого вполне достаточно для сопротивления. Я что, многоного требую?! – протянул он мне руки. – Не дай соединиться понтийцам и степнякам. Ты обязан расколоть их союз.

– Чем?

– Задержкой сарматов. Задержи их подольше.

– Почтенный пропретор, я не совсем понял...

– Это так сложно? – развел он руками и на миг зажмурил оба глаза. Пропретор с видимым усилием преодолел собственное раздражение и запыхтел дальше: – Единственная наша надежда, что они в случае заминки перегружаются. Устрой эту заминку. Не понятно?.. Я объясню. Это произойдет постепенно, если ты, конечно, не дрог-

нешь. Земли, захваченные ими, будут отданы их войску на разграбление. Это тебе понятно?

— Я и более сложные вещи понимаю.

— Надо надеяться! — воскликнул наместник. Когда он напрягал свой ум, его глаза начинали бегать. — Вынуди их остановиться на постой не в наших поселениях, а в землях горцев. Где-то же они должны разбить лагерь, Кассий. Они сами все устроят, ты не беспокойся, лишь бы варвары остались без трофеев и в краю тех, с кем дружат. Хмель, отсутствие дисциплины, припасов, страха перед начальниками, безделье и вседозволенность сделают свое черное дело. Сам подумай, жрать им особо нечего. Так?

По мысли Флавия, когда аbazги, саниги, апсылы, аланы, сарматы, все друг с другом перегрызутся, им придется разойтись вовсю, забыв о дальнейших осмысленных, совместных действиях. За время своего постоя сарматы наживут тут множество врагов, и почтут за благо покинуть негостеприимные пределы. Что касается местных племен, они возблагодарят за это Рим. После такого они уж никогда не выступят вместе с сарматами.

— ...Они будут преследовать их для отмщения! — вдохновлял меня Флавий. — Все зависит от тебя, Кассий! Знай, страх или самоуверенность у врага порождает успешность или неудача первых действий. Если отбросим их сначала, дальше их армия начнет разваливаться.

— А аланы?

— Вот именно, Кассий, аланы! — подхватил он. — Если аланы не перессорятся с сарматами, то могут прийти им на подмогу, и тем перевесят чашу весов. Сразу же их усилив, они сомнут и Питиунт, и Себастополис, и откроются ворота в римские пределы. С этим надо что-то делать.

— Что?

— Не будь бараном, Кассий! — обругал меня раскрасневшийся Флавий, и стукнул ладонью по столу, аж чернильница подскочила. Он выдержал паузу, посопел дыханием,

и понизил голос до вкрадчивого шепота: – У нас не хватает сил. Возбудим меж ними старые ссоры, – учил он, потирая руки и блуждая взором. – Используй своих людей, пользующихся у них доверием, устрой им разлад... Эх, сейчас бы Фарназ пригодился!.. Но я думаю, и без него найдутся жаждущие власти. Неужто они всем довольны?! – глянул он на меня с прищуром. – Надо вынудить аланов сражаться у себя дома, за хребтом. Ресмаг с нами укроется, каждый в своих крепостях, его мятежники останутся хозяйничать с сарматами на прибрежной кромке, и будут ее оспаривать друг у друга, нас это вполне устроит. Ди-кари лишатся доверия друг друга, перегрызутся, и враждебные нам племена сами станут заклятыми врагами меж собой.

– А не проще перебросить морем хотя бы еще один полновесный легион? – предложил я. – Мы сможем пресечь вторжение в самом зародыше. Оно и вовсе может не состояться.

– Это ты брось! – знаком раскрытой ладони предупредил Флавий. – Рисковать легионами и кораблями в такое неспокойное время я никому не позволю! Флот отведем в безопасные стоянки. Он понадобится после, для наведения порядка, когда сарматов прогоним.

– Пиратам будет большое раздолье, – предположил я.

– А купцам урок! – парировал Флавий. – Пусть не жмутся на собственной шкуре! Пусть убедятся – они никто без нас!.. А кто нуждается в покровительстве, так пусть подаст прошение... как полагается... сам понимаешь... – он мне моргнул, явно намекал на мзду, – ...и плавай себе на здоровье, под охраной.

Флавий умный, он не лжет. Он говорит часть правды, умалчивает, приукрашивает, недоговаривает, преуменышает одно, преувеличивает другое, не может же он открыто признаться: «Оставляю я вас, баранов, на съедение!» Я хотел наброситься на него, настолько он мне опротивел. Флавий, сидя в кресле, затянул безобраз-

ную старческую гимнастику. Наместник потихоньку, но неуклонно, выживал из ума. Он то наклонялся вперед, то откидывался назад, крутил головой, разминая шею. Потом он простонал как роженица, поднялся с кресла и, вытянувшись во весь свой немалый рост, зашаркал к распахнутому настежь окну. Флавий уставился с высоты башни на сонный, ночной Питиунт, о чем-то размышляя.

Цитадель стоит на единственном холме. Днем с нее открывался великолепный вид на улочки, виноградники и черепичные крыши, но теперь они окутаны мраком. Каменные и деревянные постройки, рассыпанные под башней, едва различались во тьме. Лишь вдоль казармы каменная кладка подсвечивалась настенными факелами, да в нескольких оконцах горел слабый от свет глиняных светилен. Огни у казармы то тушились, то вспыхивали светлячками от надвигающейся грозы. Ненастье подошло уже совсем близко к Питиунту, и порывы ветра раздували пламя свечей в комнате. Тени раскачивались, а за окном, где-то вдали, полыхнула и тут же погасла длинная молния, ударившая в море. Пропретор почувствовал на себе первые капли начинающегося дождя, но не отошел от окна и с хрипотцой вдыхал прохладный ночной воздух.

— А как этот... как его... — прервал он затянувшееся молчание.

— Кто?

— Из головы вылетело... — Флавий прищелкнул пальцами. — Как его? Ну, напомни... Он трибун...

— Апий Курин Младший.

— Да, Апий Курин.

— Он назначен на эту должность по твоему представлению, — напомнил я ему.

— Разве всего упомнишь... Что ты кривишься, Кассий? Ты им обижен?

— Намучился я с ним, — признался я.

— Не сходитесь во мнениях?

– А кто его знает?! – дернул я плечами. – Он просто спит с открытыми глазами.

– Он отпрыск почтеннейшей патрицианской семьи.

– Это большое утешение, но он обладает непостижимой способность сказать и сделать непоправимое

– Так плох?

– Трибун всегда принимает наихудшее, наиглупейшее решение из всех возможных, – жаловался я. – Он часто ставит меня в тупик. Его нельзя оставлять за старшего. Мне приходится всюду таскать его за собой, оберегая от него гарнизон.

– Ясное указание на высокую должность! – издевательски заключил Флавий. Он потешался над моими жалобами. Его не трогало, что я делю командование с двуногим ослом. Помахивая указательным перстом над головой, наместник предрек: – Вот увидишь, Кассий, этот парень далеко пойдет! Однажды он вернется в Рим и усядется в курульное кресло своего отца!

«Поторопись, покровитель придурков, – злорадствовал я в душе. – Если не вывезешь его с собой, он усядется на копье. Вот на что его посадят. Твоего клиента, может, и поджидают почести, но они далеко, а враги уже рядом».

Но я не сомневался в намерениях Флавия. Раз у него есть такие планы насчет трибуна, то тот не то, что сенатором, и консулом может стать. А что?! Ни дня не командовал манипулой, и сразу боевой трибун. Вот что значит дружба его покойного отца с Флавием. Пропретор в свою очередь дружит, аж с самим императором. Вот так они по кругу крепко дружат.

Флавий уговорил Адриана отправить Апия в почетную ссылку, подальше от всевидящего Антиноя, на большее их дружбы не хватило. Вроде бы Апию ничего в Риме не угрожало, но пропретор неплохо знал повадки императорского наушника. Тот, являясь вольноотпущенником

семьи Куринов, может их отблагодарить очень неожиданно. Антиой может запросто стереть с лица земли наследника своего покойного господина – Апия Курина Старшего.

Порывы ветра стали задувать крупные брызги дождя внутрь, и я отодвинулся с табуретом от окна. Пропретор тоже вздрогнул, отошел вглубь комнаты и, покрутившись вокруг своего кресла, сел и накинул на плечи накидку. Он немного поерзал, как лохматый упитанный кот, выискивая удобную позу, а когда устроился, спросил:

– А скажи, мне надо это знать наверняка, жрецы еще пользуются властью в здешних краях?

– Их власть неоспорима.

– Даже так? И в ближайшее время их никто не сможет потеснить?

– Нет, не сможет.

Мой ответ пришелся ему по душе. Еще бы! По его приказу, и от имени принцепса Цезаря Адриана, я заключил с царем Ресмагом договор. Я торжественно вручил абазгу свиток с имперской печатью, и получил от него взамен гарантии в виде клятв. Ресмаг принял присягу верности не в Себастополисе, и не в своем домашнем святилище, а при свидетелях из своего народа, в их общей священной роще. Хитроумный эллин изначально так настаивал.

– Послезавтра наведаемся к Ресмагу в гости, и преподнесем ему дары, – сказал Флавий. – Пусть знает – римляне платят добром за добро... И захвати своего помощника апсила, пусть будет нам переводчиком.

Я ему сказал, что в том нет нужды. И Ресмаг, и все его домашние, неплохо говорят по-нашему, правда, с жутким, резким акцентом, но вполне различимо. Да я и сам немного разумею их наречие.

– Все равно пусть поприсутствует, – настаивал Флавий. – Пусть патриций апсилов узнает о наших братских отношениях с абазгом не от нас, а от заслуживающего доверия...

Он бы еще поумничал, если бы оглушительный гром не растрескался над нашими головами. Настолько гулкий, будто молния пробила крышу. Я пригнулся, где сидел, Флавий перепугался и едва не опрокинулся с креслом. Мощный порыв ветра поднял в воздух пергамент со стола, но пропретор, не растерявшись, успел поймать его перед лицом. Другой рукой он придержал чернильницу и завопил что есть мочи:

– Кассий, чего ты расселся?! Задвинь ставни! Светильни задует!

Я промок, вешая громоздкие деревянные ставни на окна, потом от свечи заново поджог утихшие огни, а Флавий хвалил меня, сидя в сухом кресле:

– Молодец, Кассий! – пропретор довольно потирал руки, убедившись, что ветер его больше не тревожит.

Флавий, обычно добродушный и не прочь просто поболтать, если с делами покончено.

– Расскажи мне об их деревенских колдунах. Какие они? Какие у них дела?

– Жрецы благословляют и предают проклятию. В зависимости от того, кто что заслужил. А еще они разрешают споры, как между отдельными людьми, так и между общинами, и даже между племенами.

Флавий, прикрывая ладонью зевающий рот, интересовался как это происходит. Я ему признался, что нас туда без особой надобности не пускают. Я лишь раз там присутствовал.

– А вот мне, Кассий, кое-что известно, – прихвастнул своею осведомленностью Флавий.

В Коринфской библиотеке он откопал в ворохе свитков описание казни в древней Колхиде. По его словам, пергамент был переписан книжником с труда еще более ветхого, рассыпавшегося в труху. Судя по их пыльным текстам, древние эллины после пятого кубка могли увидеть Афродиту, и не только увидеть, но и запросто с ней поболтать, прикоснуться к ней. Я не удивлюсь, если они

заявят, что делили с ней ложе. Я не стал разубеждать претора. Тем более, раз он впал в поучения, то не обратит на это внимание.

—...Один раз в год одного, самого отъявленного преступника, за день перед казнью делали царем, — увлеченно повествовал Флавий. — Главой государства! Понимаешь, Кассий, преступника назначали царем!

— Это похоже на правду, — польстил я ему. — Еще и сегодня такое случается.

— Осужденный закатывал пиры, рядился в шелка, и даже прелюбодействовал с царскими женами.

— Повезло парню, — поддакивал я.

— Да не допустят боги, чтобы тебе так повезло! В полночь с него срывали одежды и казнили.

— Ох-хо-хо! — притворился я потрясенным.

У меня глаза захлопывались, и я их тер, комары меня съели, я чесался, а отдохнувший и помешанный на древней истории наместник нес околосицу с большим подъемом

— Это еще что, а соседние скифы?! — не унимался он. — Я тебе больше скажу. Геродот повествует, они сваливали высушенную коноплю в кучи, делали навесы, потом поджигали стога, становились с подветренной стороны и вдыхали дым. И стар и млад от этого становились пьяными без вина... Кто смеялся, а некоторые ходили без остановки как призраки...

— А он был стоящий человек?

— Не понял?

— Ему можно верить?

— Кому, Кассий?

— Ну, этому...

— Геродоту? Ты намекаешь, что он лжец?

Его благодушие вмиг с него слетело. Он надулся и уставился на меня строгим немигающим взглядом, как нахохлившаяся сова. Наместник доверял мертвому грешку больше чем мне, живому. Я потупил взор и вообще на-

пустил на себя удрученный вид, а на самом деле я хотел смежить веки, так совпало.

Общение с императорскими лицемерами многому учит.

Удовольствовавшись моим притворным покаянием, Флавий продолжил нести чушь, благодаря которой про слыл ученым мужем.

– Честно говоря, кое к каким местам я и сам отношусь с недоверием, – признался пропретор. – К примеру, по Геродоту колхи – это сбежавшие от Сезаротиса Египет ского ратники.

– Он так сказал?

– Он так писал. Он умер, Кассий, – терпеливо разъяснял Флавий. – Он утверждал, что колхи суть египтяне.

– Да?

– Они курчавы и умеют прядь лен.

– Под это описание подпадают многие из моих... – поддержал я ученую беседу. – Разве что лен не прядут. Хотя, возможно, когда они сбегут, то научатся быть египтянами.

– Это навряд ли, Кассий. Местные не более египтяне, чем ты и я. Сызмальства, так и у меня волосы кучерявились.

– Почтенный Флавий, так ты же и в армии служил, – подхватил я.

– Да. Но у меня нет прялки, – хохотнул Флавий. – У меня работа посложнее.

Он о чем-то призадумался, мечтательно закатил глаза кверху, и после недолгой паузы удивил.

– Ты не представляешь, Кассий, как тебе повезло!

У меня челюсть отвисла от удивления. Вот это да! Он что, издевается?!

– Здесь... В этих прославленных молвой местах... – восторгался Флавий, обращаясь к закопченным брусьям на потолке. – Ты только представь, здесь, в этих водах

бросили свой якорь первые из героев, пришедшие на восток... Якоря тогда каменные были...

«Да хоть деревянные! Тихопомешанный, вот ты кто! – вдруг осенило меня. – Вот почему ты не высылаешь подкрепления! Это единственное разумное объяснение. Ты спятил! Надо выяснить, насколько, если совершенно, то это лучше. Тогда есть надежда отстранить тебя от командования. Но кто... Кто это сделает?! Императорский совет в Вифинии состоит из трясущихся за свои кошельки дряхлых скupцов. Твой друг император еще худшая рухлядь... Одна надежда на поддонка Антиноя. Ах, если ему кто на тебя наядничает! Неужели у него нет в целом Понте своего проныры? Эх, кругом соглядатаи, и все даровой хлеб едят!»

Пока я думал, Флавий восхвалял аргонавтов, будто покойники могли нам чем-то помочь. Судя по всему, он меня готовил к ужасающим мучениям. Ненавязчиво так пустился в нудные рассуждения о героизме. Послушать его, так высшее благо – это погибнуть молодым. Какая разница – все равно сдыхать! Желательно быть убитым самым зверским способом, во славу отцов своего города. Приветствуется соревнование в том, кто больше подвергнет свою жизнь опасности. Желательно также переплыть море в дырявой ореховой скорлупе. Флавий представлял аргонавтов именно так, как их рисуют на глиняной посуде. Они держат друг друга за ручки и водят хороводы вокруг костра, а какой-то пастушок в сторонке играет им на двухтрубной свирели. В театральных постановках аргонавты и боги – закадычные друзья.

Аргонавты люди недалекие, их ничуть не удивляет, что их вождя воспитал кентавр – получеловек-полуконь. Это полуживотное имело жену – Харикло. Страшно представить их сожительство. Кентавр хлестал вино, ржал, не укрывался одеялом и скакал пьяным в дождливую погоду. В ясные дни он пасся на лугу, волоча вшивую бороду по траве, и учил Ясона, как правильно натягивать

вать тетиву. А что больше малышу надо! Не молоком же его кормить?

Но самое нелепое – это стихи, которыми они разговаривают. Нормальные люди так не выражаются. Это помесь спутанного сознания и постоянной жажды свершений. От таких декламаций можно запросто и надолго утратить способность здраво мыслить. Пресытившись однообразной холостяцкой жизнью с овцами, аргонавты женились, то есть похищали чужих жен и насиливали их в оврагах. Из всего этого вывод – команда Арго были опасные сумасшедшие. Но посторонние люди не делали им замечаний, и вообще старались не смотреть в их сторону. С такими лучше не связываться.

—...А знаешь, почему братьев-диоскуров часто изображают в круглых шапочках? – спрашивает он.

«Рано облысели», – думаю я, но молчу, и сдерживаю зевоту.

– Кассий, я не против поговорить по душам, – дал он мне отмашку. – Чего молчишь? Не таи, о чем призадумался.

– Ну если честно, – соврал я, – то... Вдумайся, Флавий: они приплывают на своей лоханке, чтобы украсть баранью шкуру...

– Не простую, а позолоченную, – оживился гость. – В их kraю горные потоки приносят золотой песок. Они издревле ловили его решетами и косматыми шкурами.

– Может, отсюда и возник слух о золотом руне, – допустил я.

– То не слух, – запротестовал Флавий. – Я в пути посетил усыпальницу Апсирта. Ее в честь него так и называют – Апсиртос. А самого Апсирта иногда величают Фаэтоном.

– Апсирта – и на абазгском, и на апсилийском, и на...

– Означает место смерти, – подсказал легат. – Похвально, Кассий. Молодец! Э-э... Так вот. Гробница и сегодня почитаема и элинами, и римлянами, и местными варва-

рами. В том месте Апсирт испустил дух. Что касается его прославленного отца, то Аэт, верно служивший богам...

Теперь он рассказывал то, что известно каждому. Боги поставили его предводителем многих племен. Будучи благочестивым мужем, Аэт принес в дар старшему из богов, громовержцу, шкуру, полную золотого песка. Аэт принял священные обеты в присутствии судей, жрецов и остальных гадальщиков. С того дня и до кражи амулета его страна находилась под покровительством бога грозы. Будучи не только царем, но и потомственным верховным жрецом, Аэт объединял вокруг своего домашнего святилища разрозненные роды и племена. Но из-за предательства дочери пошло у него все вкривь, да вкось. По всей видимости, Колхиду прокляли боги. И вот теперь ее мало кто помнит. А вскоре и вовсе никто не вспомнит...

«Мне жаль бедного старика, а он убийцам симпатизирует. Вот в чем между нами разница, – размышлял я, слушая его вполуха. – Ахецы воспели то, как они сумели облапошить доверчивого и гостеприимного хозяина. Под предлогом того, что он оказывается «коварный», обокрали его, приютившего их, убили его сына, лишили дочери, тем самым «восстановили попранную справедливость». Что и говорить – достойные деяния! Настоящий герой и не на такое пойдет ради суетной славы.

– ...Медея была не против... – обмолвился Флавий.

Хех! Не против! Она была за! Ей надо было замуж. А какая тут жизнь – в зеркальце смотреться и прыщи давить! Вся извелась, а тут иноземец-жених, можно бросить опостылевший дом и уплыть... Так и нашли они друг друга. Скорее всего, она тоже была толстая и страшная, только без бороды, но сами понимаете, аргонавты потные, липкие от грязи и соли плывут, как дубовая пробка в море, месяцами, гребут, гребут, конца края не видно. Тут первая встречная покажется красавицей. А тут у нее волосы мытые, в косу заплетенные, и царская дочь к тому же.

– ...С тех пор братья Диоскуры, Кастор и Поллукс, причислены к богам, – наконец-то мой гость окончил восхвалять шайку неуравновешенных дикарей, и опять закатил глаз кверху.

Я подбросил зерна в старую мельницу, и она снова замолола, правда, не сразу.

– Это поэтическая версия.

– Самая древняя.

– Самая подходящая.

– Вот именно, самая подходящая! – прихлопнул он себя по колену. – Кстати, насчет Медеи...

«Насчет Медеи» я не зарекался, но пришлось и это стерпеть. Та, после, была владычицей в Коринфе, и там, в Элладе, погибла вместе с детьми во время восстания. Дерзкая понтийка была бельмом на глазу эллинской черни, и они расправились со своим равной чужачкой. Столетиями позже некий рифмоплет Еврипид облил ее грязью, изобразил Медею фурией, брошенной мужем, и детоубийцей. Афиняне раскусили этого проходимца, и за это он был освистан толпой и лишен награды.

– ...Есть мозаика на посвященном ей храме в Коринфе. Уверяю тебя, Медея была просто... – тут пропретор многозначительно присвистнул, вновь обращаясь к кому-то на потолке.

Пока он еще чего-нибудь не вспомнил из прочитанного, я воспользовался заминкой.

– Почтенный Флавии, – обратился я к пропретору совершенно расслабленно. – Я почти спал – буду с тобой прям. Меня всерьез беспокоит здоровье вверенных мне людей.

– Что так?

– Болотистые испарения.

– Что с ними?

– вредят.

– Вредят? – Флавий опять недоверчиво прищурился. Видать, ждал подвоха. – Кому?

– Многим, – постукал я пальцем по виску, – их мысли-
тельным способностям.

– Да?

– Есть один купец Гамкаар. Он Финикийского рода
племени, – уточнил я. – Этот проныра привез из жарких
пустынь обезьянку...

– Финикиец? – переспросил Флавий.

– Да, финикиец, – повторил я. – Гамкаар. Он продавал
обезьянку... Финикия – это откуда стекло завозят. Они из-
за этого стекла там часто оспой болеют, – пояснил я. По
мере того как его лицо удивленно вытягивалось, я начал
понимать, что с ученым мужем надо изъясняться попро-
ще. – Им же надо чем-то торговаться, вот и таскают с собой
всякую дрянь... Гамкаар, как кормилица, на груди зверька
пригрел, повсюду с ним таскался, всем предлагал, но ду-
раков сейчас в Питиунте мало, с монетами туго... Ни в
обмен ни за серебро, никак не сбыл. Пошел он и оставил
этую хвостатую тварь в лесу... как котенка, и тут ее Апий
подобрал...

– Какой еще Апий? – насторожился Флавий. – Ах, да!
И?

– Смотрю, идет он под руку с сыном, шатается...

– Кто? Трибун?

– Да, трибун.

– С сыном, Кассий? Я не ослышался?

– С обезьянкой.

– Апий усыновил обезьянку? – Флавий побледнел и из-
менился в лице. Видать, сильно он мне не доверял, все
переспрашивал.

– Сначала мне так показалось, – поправился я. – Ребе-
нок голый ходит, только шлем на головке болтается. Ну,
думаю, хоть бы набедренную повязку ему нацепил! Это
же стыдно. А он меня подзывает, подхожу, думаю, хочет
познакомить меня с ним. Подхожу поближе. А они так
похожи, держатся за руки, и обе их руки волосатые, ры-

жие. Правда, мальчик почему-то глаза опустил со стыда, колени подогнувшие и сутулится...

– Уму непостижимо, – пробурчал Флавий, проведя ладонью по лицу. – Какое разложение...

– Еще какое! – подлил я масла в огонь. – Трибун заладил, дескать, известно ему от книжников, что люди произошли от обезьян. Вот, говорит, подобрал дикого детеныша. Он пообещал, что со временем, но только при хорошем уходе, и если отрезать хвост, зверек превратится, пусть и в неказистого, но все же честного, а может, даже и работящего римского гражданина. Тогда и усыновить можно...

– Какая чушь! – ахнул Флавий.

– Я тоже так думаю, – согласился я. – А он говорит, и в сенат избирать можно....

– Бред!

– Конечно!

– Кассий, не забивай себе голову всяким хламом. У тебя, похоже, и так... Еще слово, Кассий, и я разжалую тебя в декана! – он пригрозил мне перстом. – Клянусь Юпитером, ты испытываешь мое терпение!

Наместник вскинул бровь и пристально взгляделся в меня, видать, сомневался в моем здравом уме. Обычно у помешанных явные признаки: пена со рта, скрежет зубовный, блуждающий взор или, наоборот, немигающий – вот как сейчас у него. У меня ничего такого не наблюдалось, дышал я ровно, а потому пропретор успокоился. Мой собеседник смахнул крошки со стола, вытер пальцами уголки губ, передвинул чернильницу на край, и тихонько забарабанил пальцами по столу. Потом он снова глянул на меня, убедился, что ему не померещилось, и вздохнул.

– Все это неспроста, – возвестил опечаленный наместник. – За этим стоят республиканцы.

– Республиканцы?

– Наихудшие из породы предателей, – выдавил из себя Флавий. – Это заговор. Они надели личину христиан, и осели, как тараканы, по углам земель римских. Они выдумывают и исподтишка распространяют оскверняющие слухи...

– Зачем?

– Расшатывают устои.

– А зачем?

– Что зачем? – встрепенулся наместник. – Что это им дает?

– Да.

– А тебе невдомек?! Хотят империю обрушить, как гнилое дерево! Что тебе неясно, Кассий? Вот ты, к примеру, подчинишься мартышке? А?

– Ну... – заколебался я.

– Кто признает бритую обезьяну в тоге высшим существом? А? А ставить ей статуи, это как? – показал он рукой на Адриана. – А платить ей подати? А заключать с ней договора? Это вообще бессмыслица!.. А, Кассий? Согласись... Это все Гней Корнелий Цельс! – прощедил сквозь зубы обозленный наместник. – Будь он проклят, большеголовый карлик! Это его рук дело! Это он запустил эту гнилую проказу!

Я дважды встречал Гнея Корнелия, и оба раза он был хмурый и низкорослый. Свирепый взгляд, лысый, обтянутый кожей череп, тонкие поджатые губы, лопоухий, как мул, и такой же бесхитростный. Однажды в Риме, на мартовские иды, стариакашка учудил скандал в храме Минервы. Гарусники, это толкователи по внутренностям, то ли с нарушениями принесли очистительные жертвы, то ли неправильно их истолковали, и на этой почве перегукались. Это случилось по их вине, но как только Цельс умер, то стал единственным зачинщиком скандала. Так уж у нас, римлян, заведено – чтобы с живыми не спорить, все спихиваем на покойников.

Думаю, в глубине души и сам пропретор пришел к тому же выводу, что и Цельс, но он в этом ни за что не признается. Опытный болтун всегда обойдет опасную тему молчанием.

Авгуры взбесились не за то, что Цельс кощунствовал в храме, а за то, что выдал. Больше всех вопил сенатор Цинна. И очень зря. Предполагаю, это он своим поведением натолкнул Цельса на открытие. Цинна ненасытный до еды, как зверь. Он потом страдает от желудочных болей и так громко отрыгивает, словно изнутри него оракул вещает. Кое в чем обезьяна даже уступает Цинне. Хватка у сенатора покрепче. Обезьяну еще можно уговорить, а сенатор, если уцепится за побрякушку, не отпустит... Но, честно говоря, Цельс тоже малость сглутил. Цинне не стоило говорить, что он обезьяна. Другие не говорят сенатору такое не потому, что не замечают, а потому что они люди изнеженные, а у Цинны железные кулаки и он может их поколотить. Он ведь посчитает, что его обзывают. Цельсу бы тоже помалкивать, но старикашка не отличался большим умом, стал рубить правду-матку. Его отвели в сторону, хотели успокоить, отговорить, но вышло еще хуже, он им устроил криклившую свалку прямо у алтаря. Их еле разняли, Цинна его едва не придушил.

– Знаешь, Кассий, у тебя очень редкая форма сумасшествия, – неожиданно сказал Флавий. – Я подумывал о твоем отзыве и повышении, но... Гм... Ты и меня пойми, я не один решаю, – заявил он, приложил руки к сердцу. – Трудно уговорить военный совет назначить на высокую должность человека, который дружит с врагами, да и вообще ведет себя как полуумный... И я никак не могу понять, Кассий, – показал он на меня ладонью. – Почему ты сознательно прикидываешься придурком, не являясь таковым по сути.

Ах ты, Янус двуликий! Как ты все хорошо придумал! Столько лет ты мне плел, что тебе тут нужны разумные командиры, а теперь, не стыдясь, бросаешь мне в лицо,

что я окончательно спятил, и тебе такие без надобности!

Я даже не прятал усмешки, мне стало наплевать, что он поймет.

«Лютеция или Юлия? – вот что занимало мой ум. – Надо решиться! Мне нужна спутница. На конопатой Юлии или на пышногрудой Лютеции? Лютеция краше телом, а Юлия – душой. Хотя у Юлии лицо тоже... Жаль, у нее нет тела Лютеции, или наоборот. Вот если бы Лютеция поменялась телом с Юлией, или душой... Нет. Юлия. Я решил, женюсь, и не передумаю! Сделаю нам обоим приятное. Она горюет за брата, она добрая. Ей всех жалко, слезливая. Она потом отблагодарит меня верностью и погребальными слезами. Упрошу ее, чтобы сильно не скорбела, жалко мне ее. Пусть улыбается. Ей так подходит, будто после дождя солнышко светит. Она аккуратная, и цветы, и воду на кладбище принесет. Если, конечно, будет куда... А если откажется? Тогда Лютеция. Теперь уже все равно на ком, и так ненадолго. Жаль, в Питиунте выбор невелик... Моя будущая теща, мать Лютеции, меня не успеет отравить, меня раньше убьют. К тому же сама Лютеция ушлая как волчица, ребенка нашего без меня вырастит. Но Юлия меня больше устраивает. Она милая, да и возни меньше. Она сирота, родни не имеет, с кем дело придется решать сватовством...»

– Вот я указываю тебе на твои недостатки, а ты меня даже не слушаешь! Я же вижу, – прервал он мои размышления. – Кассий, я не хочу тебя уязвить, ты не подумай. Но мало того, что ты носишься с дурацкими мыслями, так ты еще и сердце имеешь каменное, раз оно такие мысли допускает.

– Стараюсь, – буркнул я рассеянно.

– Ты этим гордишься?

– Да, – признал я со вздохом. Это же очевидно! Мне, как старшему центуриону, полагается зачерстветь душой. А как еще я исполню приказ?! Если бы у меня была хоть какая-то совесть, я не оставил бы своих соратников на

верную гибель и уплыл бы с ними в Себастополис или Гюэнес, или еще подальше. Они же, лично мне, ничего плохого не сделали, а я должен пренебречь их жизнью. Это мой долг как старшего в войске.

Мой гость от меня такого вызова не ожидал. Он стал похож на Тифона, когда тот как рыба, попавшая в сеть, пучит глаза и хватает ртом воздух.

– Раньше, пока я был сердобольным, мне не было покоя, – объяснился я. – Это очень трудно – думать за других. Не о них, а вместо них, – пояснил я. – Не о себе, а о них. Сначала даже сердце саднило, – признался я, – но потом меня выручил один мой знакомый. Он суровый старик с большим опытом. Он свинопас. Он спал, подстелив под голову листья в мешке. А еще он камни белые, округлой формы, как куриные яйца, собирал и в переметной суме таскал.

– Для тренировки тела?

– Нет, чтобы волков отгонять. Еще он этими камнями быков кастрировал...

– Живодер?

– Скотоврач... философ... Правда, он об этом не подозревал.

– Философ с камнем за пазухой? – оживился Флавий. – Это что-то новенькое.

– У него свое учение.

– Даже так? – хохотнул наместник. – И какое?

– Или ты гадость сделаешь или тебе. Чтобы тебе не сделали, говорит, ты сделай! И еще тебе не должны завидовать. Ну, и камень под рукой всегда пригодится.

– Своеобразно, – заключил гость.

– А еще он учил ругаться. Говорить, побольше надо, вслух, не сдерживаться. Его, бывало, укоряют: «Ах, ты, опять напился, старый козел! Как ты себя ведешь?!», а он им орет: «Плюю я на вас всех, на себя посмотрите, уроды! Все одно – могила, чего терзаться?!»

– О, это учение не ново! – отозвался просветлевший лицом наместник. – Пожалуй, оно даже старейшее. Мой наставник Эпиктет, мир праху его, частенько склонялся к той же мысли. Правда, он не плевался, но все же... гм... все же...

– Я же говорю, стариk – золотая голова! Он бы далеко пошел, не спейся он в самом начале...

– Он еще жив?

– Какое там! – отмахнулся я. – Свалился в колодец, он еще подрабатывал, колодцы рыл. Сам разрыл, сам выложил плитами, обтесал изнутри, снаружи, и внутрь упал, оступившись.

Флавий отвел взгляд, вытянул губы, как утка, и задумавшись, завертел на столешнице снятый с пальца перстень.

«За этим что-то кроется. Это же мим какой-то. Ему бы в цирке выступать», – делился он уже следующим утром с Ампелаем. Он ему больше доверял как человеку своего круга. Не знал, что мы с ним старые друзья.

Раз на мой счет такие небезосновательные подозрения, то я повел себя как непроходимый тупица, не способный на хитроумное. Похоже, я умело придурился. У меня сложилась впечатление, что пропретор расценивает меня как неуравновешенного и обидчивого, но все-таки полудурка. Это конечно не лестно, когда тебя придурком считают, но это лучше, чем быть распятym за кражу. Вдобавок ко всем моим прегрешениям, соглядатаи донесли пропретору, будто я открыто посещаю сборища христиан. Я преуспел убедить Флавия в обратном. Христиане так, как я, не разговаривают. Для них это сплошное кощунство – возводить род человеческий к обезьяньему. Для них я закоренелый многобожник или даже хуже безбожника. В любом случае, я осужден за такие речи на вечное проклятие. Я надеялся этим провести хитроумного эллина и скрыть свою уже наполовину христианскую сущность.

Что касается военных дел, то безразличие наместника, многое объясняло – он не против, чтобы варвары спустились посуху или на ладьях, вошли в эти земли, это как им сподручнее, и выпустили нам кишки. Одним христианином меньше, одним больше! Кого это волнует! Хотя почему одним, раз уж мы «рассадник заразы». Потихоньку каждая мысль, как корова, нашла свое стойло. В сущности, ответ всегда лежал на поверхности, но я не хотел в это верить. А теперь пришлось, когда он скинул маску. Пропретор сделал все, чтобы удар молнии приняли дальняя Санигия, Абазгия и Апсилия вместо близких областей. Уже который год кряду Питиунт и Себастополис оставлены им без всякой опеки, но сарматы, честь им и хвала за это, вместо того, чтобы захватить легкую добычу, которую им подсовывают, обходят нас стороной и расшибают своими дубовыми лбами дальние римские крепости с их высокими валами и катапультами. Они голыми руками срывают розы. С их стороны это же открытое надругательство над здравым смыслом!

Флавий так все хорошо подстроил: хотел, чтобы аланы, абазги, саниги, апсылы, обитатели ущелья Коракса измотали друг друга и вместе сарматов, а вместо этого последние изматывают римлян на всем протяжении Понта и Армении. Это же Кавказ, вот в чем он просчитался, тут все нити перепутаны. Дернешь за одну, а окажется, что эта нить ни с этим связана или вовсе из другого клубка. Флавий представил себе самый естественный путь, по которому должны были развиваться события, а теперь злился – все пошло не так, как положено, а с точностью до наоборот. Не мудрено. Я вообще удивляюсь, как на Кавказе реки не текут вспять к истокам. Флавия подвела логика. Чтобы понять побуждения горцев, она не нужна. Она в их случае наоборот мешает. Чтобы понять здешних обитателей, нужно мыслить буйными понятиями о славе и заранее предначертанной судьбе. Для того, чтобы их понять, лучше не обладать логикой вовсе,

а у Флавия ее с избытком. Он злился на меня оттого, что я загорю себе здесь как ни в чем не бывало, вместо того чтобы послужить империи искупительной жертвой.

Каждый из нас думал о важном: я о спасении себя, Нара, и вверенных мне людей, а Флавий все никак не мог избавиться от неприятного осадка, оставшегося у него на душе после обезьянки.

– Все-таки я не могу с этим согласиться, – прервал он первым затянувшееся молчание. – Ты хорошенько поразмысли, Кассий. Если богов нет, то все мы, и ты, кстати, тоже, – направил он в мою сторону указующий перст, – улучшенный вид обезьян.

– Не все улучшенные, – замотал я головой. Притворяясь полоумным, надо идти до конца, иначе не поверят. – Есть совсем неулучшенные. Все гораздо сложнее. Наше преображение еще не завершено. Оно длится.

– Длится? – лохматые брови Флавия вздернулись домиком.

– Да. Преображение длится медленно, постепенно, незаметно тянется, день ото дня. Если бы оно было быстрым и явным, у нас бы волосы встали дыбом от брезгливого страха.

– Значит, по-твоему мы звери неразумные?

– Наоборот, разумные, – утешил я наместника, – и даже очень. А еще изобретательные. Мы скопом говорились и придумали себе утешение.

– А как же ваша христианская идея о сотворении человека по образу и подобью вашего бога? – допытывался Флавий. Он постарался придать своему тону безразличие, но не смог. Только речь зашла о христианах, и он заговорил тонким, язвительным голосом: – Ты в это не веришь?

– А они всерьез так полагают? – ахнул я. – Вот дураки! – Меня так просто не возьмешь. Я продолжал болтать, якобы не замечая расставленных силков. – Я понимаю, все

это выглядит на редкость уродливо, но если это принять, то все встает на свои места.

– Очень прискорбно.

Флавий опечалился, то ли мной, то ли тем, что я не попался на крючок. Он снова забарабанил пальцами по столу. Меня это больше раздражало, чем его унылый бубнеж – «гнилостные испарения», «во цвете лет» «размягчили разум».

Хорошо, раз такое дело! Предо мной вновь замаячила, хоть и призрачная, но все же надежда. Я чувствовал себя как утопающий, перед которым всплыла пузатая бочка, но он ее никак не может обхватить.

Я как мог подводил пропретора к мысли, что меня надо отсюда срочно выпроводить, пока мой разум окончательно не раскис. Я ненавязчиво подтолкнул Флавия к логичному выводу – это может нанести непоправимый ущерб величию Рима среди местных племен.

Думал, эта мысль станет для него неотвязной, и он меня точно сменит, но он и это пропустил мимо ушей. Когда он не понял намеков, я ему прямо заявил, что я здесь всем доволен, и о себе ничуть не беспокоюсь. Тем самым я давал ему понять, что окончательно утратил способность видеть ситуацию в истинном свете. Но наместник без всякой связи с тем, что я ему сказал, заговорил о своем.

– Нет, нет, – возгласил старый лис. – Истина не в крайностях, а посередине. Возможно, сами боги начали наше преображение из животного мира...

Мне захотелось сунуть пальцы в рот и засвистеть. Я едва сдерживался от ругательств. Флавий снова поднялся из-за стола, и снова стал расхаживать от двери до дальней стены шаркающей походкой. Он едва поднимал с пола подошвы, и потирая затекшую шею, задумчиво глядел себе под ноги. Вдруг он вскинул голову и набрал в себя воздуха.

– Гм... Гм... – резко прокашлялся он, и заговорил сержанту – А теперь послушай меня, Кассий. Будь я все еще авгуром, я бы с позором лишил тебя почетного звания старшего центуриона. За твоё содействие христианам, за твою неумелую попытку прикрыть все это каким-то там размягчением... Думаю, еще много за что, – произнес он многозначительно, и выдержал паузу. – Но я этого делать не буду. Мне нравится, как ты мыслишь. Нет, не в том смысле, что я одобряю ход твоих мыслей, – поспешил исправиться Флавий. – Нет. Ты ошибаешься... почти во всем, но ошибаешься размахисто, смело. Самая большая смелость, Кассий, это не мечом махать, а мыслить иначе, чем остальные. Люди рождаются разными. Они и мыслят по-разному, и некоторые мыслят остро, но только поначалу. Потом большинство не то, чтобы совсем не мыслят, но мыслить иначе, чем их окружающие они уже не смеют. Все друг за другом повторяют... Знаешь, недавно в Эфесе уродился двухголовый мул, – неожиданно продолжил Флавий. – Что ты об этом думаешь?

– Я?

– Нет, честно.... Я не шучу. Что ты об этом думаешь?

– Ну, во-первых, это... – призадумался я, – это большая радость для остальных ослов. Они, наверняка, на уродца косятся и считают себя красавцами.

– А во-вторых? – Флавию мой ответ пришелся по душе, он спрятал улыбку.

– А во-вторых... Э... Родился ли?

– Ты сомневаешься?

– Кто его видел? Может, и не мул это вовсе?

– Хех! – хмыкнул о чем-то своем Флавий, и одобрительно закивал. – Все поголовно посчитали это дурным знанием.

– Почему именно дурным?

– Хороший вопрос! – воскликнул Флавий и тыкнул в мою сторону пальцем. – Ручаюсь тебе, Кассий, не найдется и десятка людей, кто станет допытываться об истин-

ной причине. Отчего животное таким стало? Это не легковерие, это слабоумие. Сказано им – дурное знамение, и все! Они более не усомнятся. Не станут они самостоятельно размышлять, искать причину. Любопытствовать – да! Подглядывать за соседской женой – да! Ругаться и брызгать слюной – да! Но спокойно мыслить, взвешивать за и против, не принимая в расчет общее мнение – не могут. Удивительно, но не даже не смеют.

– Ну да, – вздохнул я. – У нас так не принято.

– Это у всех не принято, – обронил Флавий. – Но ты, Кассий, тоже хорош, бросаешься в другую крайность. Ты играючи, это свойственно еще не пуганому уму, рассуждаешь о страшных вопросах мироздания... я бы на твоем месте предпочел бы верить, что мы сотворены совсем иным образом... Мне, знаешь, не хочется верить.... Вот не хочется, и все!

– А мне как не хочется! – подхватил я.

То, что Цельс считал вершиною своей мысли, я подозревал съязвальства. Скорее всего, одна из нахальных древних обезьян, по кличке Прометей, на самом деле, украда у богов и принесла огонь нам, тупоголовым первобытным людям. А что?! Такое вполне могло случиться. Потом дикари стали варить супы из костей, макать в него зерна, рядиться в теплые шкуры, какие-то выродки придумали лепить глину, стричь ногти, причесывать волосы, еще много чего напридумывали: поклоняться молниям, камням, кустам, зверям... Дальше хуже, они, блудливые, начали красть друг у друга женщин. Те, чтобы их почаще крали, стали душиться и красить охрой волосы. Ну и под конец, окончательно развратившись, люди изобрели самый худший и всеобъемлющий порок - политику, эту помесь блуда, ростовщичества и войны. Венец этого развития сенат – Узаконенная шайка кривожадных преступников, передающая власть по наследству. Случается, правда, что и их головами украшают частокол из кольев.

По закрытым ставням забарабанил косой дождь, а где-то вверху раздались глухие раскаты грома.

— Слышишь? Громовержец гневается, — возвестил шутливо Флавий, указывая мне на крышу. Он подошел к ставням, чуть приоткрыл их, высунул голову в окно, и тут же, поморщившись, прикрыл ставни — Наконец-то полил... Хоть ветер поутихнет...

— Боги балуют тебя, Кассий! — обратился он ко мне. — Не серди их! Любого другого, за такие дразнилки, я бы отправил гребцом на галеры, — незлобно пожурил меня наместник, и размышая вслух вымолвил: — Но сейчас полночь, мы ведем неторопливую дружескую беседу в глухом kraю, на самом что ни на есть отшибе державы... Со знанием местности... Да и не на кого менять, — забурчал Флавий, не отрывая взгляда от своих сандалий. Обращаясь к ним, он гримасничал и подергивал бровями.

— Иногда такое происходит, что может создаться впечатление, что кругом звери, и богов нет. Но это лишь впечатление, — заключил Флавий, — Главное, Кассий не позволяй этой заразе укоренится в душе. Иначе без веры в богов, ты и в самом деле начнешь превращаться в зверька. Не в том смысле, что ты обрастешь шерстью и клыки прорежутся, или встанешь на четвереньки и начнешь мычать... нет, Кассий все гораздо сложнее... Человека делает человеком не кусок пульсирующего мяса, из которого он создан, а божественная искра! Ее боги разожгли! — восторгался Флавий, потрясая перед собой сжатым кулаком. — Она внутри эта искра, и не должна угаснуть! Только божественный дух делает человеческую жизнь по-настоящему осмыслинной, иначе мы на самом деле самолюбивые скоты.

Я предложил Флавию подкрепить его оду вином, и он отмашкой выразил согласие. Мы стукали чашами, я поглядывал на свое отражение в гладкой меди кувшина, до блеска, начищенного песком и рассказывал л Флавию,

что в здешних краях особые застольные обряды. Тут не пьют ради хмеля, они просят у богов благословения.

— Наслышен об этом, Кассий, — изрек гость, вертя в руке сверкающую бликами чашу. — В этом деле, как и в любом другом, главное не злоупотребляй. В смысле не проявляй фанатизм, — добавил Флавий, смакуя вино. — А то некоторые, знаешь ли... — заерзал он в кресле, — некоторые перегибают палку...

— Я не охоч до вина.

— Невоздержанность варварский порок, — заметил наместник. — Пьянство многих сгубило.

— И еще многих сгубит, — предрек я, обновляя булькающим вином чаши.

Мы выпили, и я снова долил вина. Заметив, как легко осушилась моя чаша, он изогнул губы и понимающе закивал, а потом вдруг изменился в лице и насторожился, прислушиваясь. В ночной тиши, и уже давно, отчетливо слышался волчий вой, но туюухий только сейчас его уловил.

— Во всем есть поэзия, — поведал Флавий. В его тоне чувствовалась совершенно неожиданная для него мечтательность. Он пил мелкими глотками, но ему и этого хватило. Флавий наставлял меня уже заплетающимся языком. — Я часто думаю о незабвенном Овидий.

— Да? — удивился я.

— Ты знаешь, Кассий, он завершил свои земные дни в ссылке, на берегах Понта. Только здесь и осталось истинное простодушие и открытость эпикурейцев. Гостеприимство и вот это вот, — щелкнул он ногтем по кувшину, — обеспечили господство Диониса на всем Понте... А? Почему ты опять кривишься? Не согласен?

Мне понравилось возвращать пропретора к реальности. Я ему сказал, что тут никогда и ничего не господствовало. Даже мы, римляне. Для господства нужна диктатура, ну или хотя бы дисциплина, ни того, ни другого в этих сырых, зеленых горах отродясь не водилось. Бро-

сишь острый осколок стекла в это мутное море, и он быстро притупится от волн. Так и любое крайнее воззрение тут теряет свой стержень, и спустя время, даже узрев его, трудно понять, что оно собой представляло в изначальном виде. В терпимой к чуждым верованиям Абазгии и вовсе все нити спутались. Они и духам леса молитвы возносят, и наших богов почитают, и за Митру худого не скажут, а после гибели в их лесах некоего Симона, иудея-проповедника, все одержимы новым учением про богачеловека. Они сами хотят быть богами.

— Как и ты, да? — поддел меня наместник, и зачерпнул горсть жареных орехов из вазы. — Говорят, ты ревностный приверженец Христа. Ну, признайся! — перегнувшись через стол, хитроумный эллин толкнул меня легонько пальцами в плечо. — Это ведь так, Кассий? Что здесь плохого?!

Обстановка располагала, и меня подмывало признаться, но сжав губы, я сделал над собой усилие и отрицательно замотал головой.

— Я и мои люди крепки в отеческой вере, — врал я со спокойствием в голосе, ибо захмелел. Разжевывавший орехи пропретор как-то насмешливо на меня глядел, и я не выдержал: — Пожалуй, только третья из них христиане.

— И эта третья — внутри каждого! — сказал Флавий, с набитым ртом и усмехаясь.

— Многие из варварских старейшин его приняли...

— Причем тут они?! Не заговаривай мне зубы! — перевил меня Флавий, но, поперхнувшись, зашелся в кашле. — Кстати, хорошо, что ты напомнил, — произнес он, наконец-то прочистив горло. — Поскорее подготовь нашу встречу с Ресмагом. У меня для него подарки, да и он, надеюсь, не с пустыми руками явится. Еще передай царю, пусть забирает своего пленника, — как бы между прочим приказал наместник, — он нам без надобности... И еще, Кассий, чуть не забыл. Позаботься о моем жеребце, вели

положить ему овса, и побольше. Надеюсь, ты не забудешь все это исполнить? Это ведь не так хлопотно.

Уже собираясь уйти, я напоследок осведомился:

– Может еще что?

– Ну раз уж ты спрашиваешь, дорогой Кассий, тогда попроси волков, чтобы они немного помолчали, – дурачился захмелевший старик. – У меня голова раскалывается на части... Во, слышишь? Это же совсем рядом.... Они что, у ворот хохочут?

– Нет, они далеко, на болоте. Просто горластые.

– Надрываются изо всех сил... Невыносимо радостные волки в предрассветной мгле... – заурчал Флавий, и вскинув голову спросил – Уж не по нам ли они воют, Кассий? А?.. Ладно, поздний час, ты я вижу, тоже притомился.

– Спокойной ночи! – пожелал я гостю и двинулся к двери.

Флавий засопел, отодвинул в сторонку недопитую чашу, притянул к себе изрисованную карту, и, приблизив ее к глазам.

Уже в шаге от порога я обернулся на его широкую спину, сгорбившуюся над столом.

– Ты еще здесь, центурион? – спросил он, не оборачиваясь, и махнув рукой – Иди, отдыхай... Хотя, постой. Есть еще кое-что, – не вставая, грузный наместник попытался обернуться, и едва не опрокинулся с легкого ложа. – Ты знаешь... – начал было он, но запнулся и передумав, снова махнул рукой, – хотя, нет... Давай на завтра. Завтра напомни, всему свое время. Ступай, отдохни, Кассий... И скажи, чтобы поутру меня никто не тревожил!

Его покой попеременно охраняла тяжеловооруженная манипула. Все в длинных, до колен, кольчужных, чешуйчатых, почти змеиных доспехах. Они заняли полутемную гостиную, выделенную отдельно для них. Вместительная комната преграждала проход в покой наместника, а его окна располагались высоко от земли. Выйдя

от их господина, мне пришлось перешагивать через их щиты, уложенные на полу, и обходить самих стражей, дремавших в ряд и вповалку на матрацах. Я наткнулся на сонного часового. Он смотрел на меня невидящими от усталости стеклянными глазами, и так же тихо, бесшумно, будто во сне, прикрыл за мной смазанную маслом двустворчатую дверь.

Я тоже валился с ног от недосыпа. Взял с треноги подсвечник с толстой зажженной свечей и с тусклым, неровно пляшущим светом, поплелся по скрипучим половицам в свое новое пристанище.

И для собственного успокоения, и для безопасности, я велел плотнику приделать к прочно сколоченной высокой и узкой двери дополнительный засов с крючком. С первого толчка дверь не вышибить, а там и я проснусь.

Я заперся изнутри и осмотрелся. Свой ночлег я предусмотрительно осветил зажженной светильней, еще до того, как пошел к Флавию. Плавающая в чаше с маслом тряпка жутко чадила, но вместе со свечей позволяла обозреть: чисто побеленные стены, нерастопленный каменный очаг с боковым выходом наружу и постеленные на пол циновки. Неплохо. Главное, покой.

— Покой... — выдохнул я, улегшись на жесткое дощатое ложе, подостланное для удобства толстым одеялом.

Уставившись на крашенные потолочные балки, я перебирал в уме все, что наворотил, что следовало доделать и то, чего следовало ожидать.

Несмотря на усталость и несколько чаш вина, сон не шел. Я и так и этак старался провалиться в забытье, зная, что мне надо выспаться, иначе к завтрашнему полудню буду разбитым.

Я смежил веки, стараясь не думать ни о чем, но излишнее внутреннее напряжение не давало расслабиться мышцам шеи. Меня раздражали посторонние звуки: оклики часовых в переходах, их тихое звяканье оружием, а еще вдобавок ко всему приглушенный стенами хо-

хот Амадиуса. Разрази его гром, он смеялся, как шакал в ночи. Выносливые бездельники, из свиты наместника, и не думали расходиться. Тишина водворилась лишь позднею ночью, а может, они и не умолкли вовсе, да только их стало неслышно из-за ливня, барабанившего по кровле. На Питиунт обрушился порывистый ветер, ветви деревьев за окном трещали и ломались, а мне за толстой стеной не спалось.

Бессонница - изощренная, ночная пытка бессонницы. Ты до отупения ходишь по кругу, вновь и вновь возвращаясь к тому, что уже обдумал.

«Наверняка, смерть Афахара вызовет у простолюдинов только радость, – размышлял я, смежив веки – Конечно же, не в том смысле, что они будут разжигать праздничные костры и водить хороводы. Нет, конечно же. Они будут сочувствовать и облачаться в траурные одеяния, опасаясь его братьев, но с их души свалился валун. Впервые я повстречал его во время усмирения мятежников, после того, как они расправились с когортой и были отброшены от Питиунта.

Отряд римлян, числом свыше двухсот копий, во главе со мной соединился ночью, в условленном месте, с всадниками Ресмага. Еще до рассвета проводники перевели нас вброд через реку, и мы ударили по мятежникам совместно. Мы разорили и предали огню большое селение. Стены их укрепления были не из камня, а из сплетенных и высохших на солнце прутьев, с насыпанной посередине землей. Восставшие изначально не могли противостоять серьезному натиску, а тут еще внезапность. Нападавшие легко привели осажденных в смятение, бросая на тростниковые крыши пылающие факелы. Они бросились тушить пожар, а римляне с другой стороны проломили ворота и хлынули внутрь через дыру.

Удары щитов о длинные мечи, молчаливый строй и прорези в шлемах вместо глаз отпугнули варваров, и они быстро отхлынули. Так, пару стрел чиркнули по щитам,

и все. Они упорхнули как пташки. Мы быстро с ними управились.

Добычу, еще до полудня, наскоро поделили прямо на месте, без особой суматохи и споров. Каждый взял то за что ухватился. Кому досталась золотая и серебряная утварь, разные ценные побрякушки, добытые кровавым разбоем, кому-то припасы, оливковое масло в бочонках, нашлись и два неплохих пятнистых скакуна с дорогой сбруей. Афахар, которого я еще толком не знал, ограничился дюжиной упитанных, косматых тельцов и прекрасной пленицей из стана своих кровников.

Наиболее рачительные рассовывали амфоры и корзины по захваченным телегам, те, кто действовал с меньшим размахом, делали узелки и привязывали мешочки к древку пик. Вот так деловито и второпях мы ввязались в еще одну нудную, изнурительную междуусобицу. Ее продолжат даже после того, как позабудут, с чего она началась.

Сотворенное можно называть местью, военной необходимостью, еще как убаюкать совесть, и облечь все это в подходящие слова, но как только пьяная бравада умолкнет, и ты останешься наедине со своей совестью, сразу же прояснится истинная, уродливая рожа обычного, воровитого зла.

Не то, чтобы я наслушался их христианских проповедей и переменил ум, как учат они. «Метанойя», это по-эллински «перемени ум», а латиняне переводят как «покайся», хотя это не одно и то же. Каяться – это сожалеть, посыпая голову пеплом, а переменить ум – это изменить себя.

Я попытался поменять себя, и чуть позже мне выпал случай исправить произошедшее. Честно говоря, это случилось мимоходом, поначалу я вообще не намеревался ничего исправлять, и отправился по общим делам к Ресмагу. Я, трибун и полтурмы конников выдвинулись из Питиунта в канун Сатурналий. Стояла сушь, делавшая

поездку сквозь дышащие свежестью прозрачные леса сплошным удовольствием.

Наши кони, не обремененные поклажей, несли нас по багряному, хрустящему ковру из опавших листьев. Ласковое зимнее солнце и утренний морозец подсушили вытоптанную тропу, и только у журчащих ручейков, пересекавших дорогу в нескольких местах, мы приостанавливали бег, чтобы копыта лошадей не разбрызгивали грязь на неудобные и свисающие на круп лошадей плащи. Теплые шерстяные одеяния с непривычки щиплют кожу. Иногда у меня от этой шерсти начинается зуд, и мне приходится одевать по две пары одежд – нательные льняные и поверх шерстяные. Зимой я вдвое толще обычного из-за этой слоистой кожуры. Под доспехами теплые одеяния, поверх них длинная меховая накидка, а под шлемом войлочный колпак, предохраняющий от холодной стали. Мерзли лишь пальцы, опухшие и растрескавшиеся от холода. Остальное тело я надежно прикрыл. Только пар, вырывавшийся из пасти моего коня, да розовые щеки моих спутников напоминали мне о морозе.

Асканий, как лиса, которая знает каждый курятник, знает толк в харчевнях. Он расхваливал на все лады постоянный двор, лежавший на полпути в вотчину абазгского царя. Чтоб знать, о ком я веду, который раз, речь, его надо хоть раз увидеть. Центурион имеет жесткие, как щетина кабана, коротко обстриженные волосы, кривую шею и глаза, вечно кровавые, как у зайца. Я взял его с собой нарочно. Во-первых, чтобы он и его воины помучились в дороге от похмелья, а во-вторых, я был в них уверен. Абазги их уже предупреждали: если они их еще раз поймают, то на этот раз точно обезглавят как кур. Так что в случае чего всадники турмы будут драться как львы.

Завидев дымок из-за деревьев, мы свернули с пути, проскакали промеж двух заскирдованных стогов, потом, подбрасывая комья грязи, проследовали вдоль аллеи ста-

рых, покрытых мхом груш и вышли к скрытой в ложбине харчевне. Треск веток под копытами коней утих у коно-вязи, покоившейся на вбитых в сырую землю бревнах.

Асканий Флор на ходу окликнул хозяев, спрыгнул с коня, бросил узду, и, не привязав лошадь, ринулся внутрь плетеной постройки.

Я двинулся ему вслед. Над гостеприимно распахнутой дверью красовался выскобленный бычий череп с рогами, а у порога лежало грязное тряпье, о которое всякий входящий мог утереть обувь.

В полутемной хижине нет дымохода. В таких домах не только зимой от холода, но и летом для приготовления пищи разводят огонь посреди большой комнаты, а потому они всегда задымлены. В летнее время плетеные стены не занавешивают шкурами, и жилище наполнено солнечными лучами, струящимися между прутьев, а в пору дождей оно темное, так как свет проникает только через приоткрытую дверь.

По обе стороны от костра – деревянные столы со столешницами из цельного массива, с обточенными, закругленными краями, и такие же, но только узкие лавки. В котле, на очажной цепи, булькает ароматный куриный суп, над ним на крючке висят две неощипанные фазаны тушки, а в углу, на умятом земляном полу, трепыхается связанная курица.

– Ты лучше разыщи хозяев, – предупредил я, заметив, как икоса, по-кошачьи он прищенивался к фазанам. – И поскорее, день короткий.

– Хозяйка! – взревел Асканий, выбегая на свет.

– Ты ее знаешь? – не отставал я.

– Как зовут, не помню, – бросил он мне, и опять истошно завопил, будто ему оттяпали топором палец: – Хозяйка!

Асканий вложил пальцы в рот и засвистел так пронзительно, что вороны со старых груш с карканьем взмыли в воздух, а курица в темном углу забилась в агонии.

– Теперь она точно спрячется, – предрек я. – Уйдем отсюда!

– Где эта ведьма шатается?! – причитал Асканий.

– Ведьма?

– Она дочь тьмы, – пояснил озирающийся декурион. – Настоящая фурия... Эй, Авл! – окликнул он спешившегося горниста, и подал тому знак рукой.

Я успел заткнуть уши пальцами, прежде чем трубач набрал в себя воздуха и разразился леденящим душу ревом. Он оглушил не только заржавших лошадей, но и всадников, это было видно по их скривленным физиономиям. И у меня в ушах звенело, когда горн умолк, но слышу, где-то совсем рядом визжит поросенок.

Долго визжит, значит, не со страху, а его кто-то схватил. Мерзкий звук доносился из находившегося побоку от хижины дощатого, с широкими прорезями сарая. Внутри мелькнула крадущаяся тень, и послышалась подозрительная возня. Я вскинул руку и переглянулся со стоявшим ближе всех к сараю Сиуардом. Тот подал воинам знак рукой. Все замерли, кто где стоял, кроме Ания. Трибун с лязгом обнажил меч и тем продемонстрировал свою решимость. Остальные стояли как вкопанные. Со скрипом отварилась низенькая дверь, и из темноты медленно, как черепаха, выползла растрепанная женщина в окровавленных лохмотьях и в дранной накидке без рукавов из овчины. В одной ее руке вымытый нож, с которого стекали капли воды, а в другой пустая кадка с бечевкой. Видать, она свинью прирезала и омыла руки. Я бы не удивился, если бы она сама встала на четвереньки и захрюкала. Морщинистое мясистое лицо обрамляли взлохмаченные, в колючках, как у овцы, волосы. С виду будто она только пережила бурелом или кубарем скатилась с пригорка.

Асканий прав, настоящая отравительница, с тяжелым взглядом исподлобья. Жирное бельмо на одном глазу, аж

оторопь хватает, а тут еще зазубренный нож в ладони сжимает.

Асканий тихонько присвистнул, а еще кто-то за моей спиной выругался картавым голосом.

Апий попятился от нее, но меч в ножны не убрал. Горнист, быстроногий и бесшумный как тень, встал за моей спиной, сгорбился, как к поединку, изготовил пику и прикрылся щитом. Переглянувшись со мной, шутник состроил испуганную гримасу и ошарашенным взором обвел присутствующих. Его выходка развеселила воинов. Значконосец от хохота уронил штандарт наземь, но поймав на себе мой неодобрительный взгляд, подобрал значок и поджал губы. Все это произошло быстрее, чем я рассказываю.

– Бежим или атакуем? Приказывай, трибун! – Авл взвывал к Апию вполголоса, но так, чтобы его слышали остальные. – Если мы набросимся на нее скопом, то сопладаем с ней, – подбодрил он Апия.

Авл острослов и в общем неплохой парень. Больше-головый и пучеглазый трубач, сам созданный богами в шутку, торопился позубоскалить над другими, пока те не надсмеялись над ним. И он щутил, и над ним потешались.

– Эх, Авл, Авл, – вздохнул я и осуждающе замотал головой на его ребячество.

Я заметил его перемигивания с Асканием, а еще я заметил, как сердитая женщина поставила наземь кадку, уперла кулаки в бока, и все еще не выпуская из рук ножа, обвела нас колючим взглядом. Асканий побелел как мел, как только ее немигающий взгляд застыл на нем. Он сросся с шеей лошади, которую взял под уздцы.

– Здравствуй, дорогая хозяйка! – кротко поприветствовал я женщину.

Ответом был едва заметный кивок, она продолжала тиранически взглядом Аскания. Ни на кого более она внимания не обращала, зато центуриона сверлила глазами.

Такая тишина водворилась, что слышу, как дятел долбит дерево.

– Да покровительствует тебе крылатый Меркурий! – обратился к ней трибун, и вложил меч в ножны.

Хозяйка странноприимного дома обернулась на него в изумлении. Она поморгала и брезгливо наморщилась, чтобы рассмотреть Апия как следует, будто это пес говорящий.

– Чего ты кривляешься?! – буркнула она трибуну осипшим, простуженным голосом. – Если хотите отдохнуть и подкрепиться, так и скажите, – кинула она нож в пустую кадку.

– Больше подкрепиться, милая, – ответил я за всех.

Морщины на ее лице чуток разгладились. Нелюдимая женщина приняла почти дружелюбное обличье, но прятавшийся за моей спиной Авл, удостоился ее внимания.

– Ты притащился в такую даль посмеяться?! – взъярилась раскрасневшаяся хозяйка.

– Чтоб тебя распнули! – зашипел я на Авла, и поспешил представиться хозяйке: – Я Кассий Марсалий.

– А кто такой Кассий Марсалий?

– Я предводитель отряда, а это мои люди, – кивнул я на воинов. – Даю слово, уважаемая, – приложил я ладонь к груди, – никто из нас не замышляет худого.

– Да? – криво усмехнулась она.

– Они шутят.

– Ах, шутят! – повторила она язвительно, и указала мне пальцем на Аскания. – А вон тот шутник тоже с тобой? Да? Это ведь ты? – спросила она Аскания. – Это ты? Да? Чего молчишь? Язык проглотил? Это же ты поросенка на вертеле слопал, и еще много чего унес с собой в придачу.

– Он что-то натворил? – осведомился я вместо Аскания.

– Задолжал, – бросила она мне, и нараспев заключила для Аскания: – А у меня память на лица хорошая!

– При первой возможности... – мямлил удрученный центурион.

– Это твой конь?

– Это не конь, а кобыла, – не выдержав, задергался должник. – Он не мой, женщина...

– А чего ты тогда его ласкаешь?

– Не позорь меня... Я же сказал прилюдно... Я уплачу сполна.

– Тогда он прахом отца клялся, – возвестила она всем, сплюнула и осуждающе зацокала языком

– А кто тебе помогает? – отвлекал я ее. – Ты живешь одна?

Ее муж, трудолюбивый как муравей, работал на пологом холмике побоку от дома, и уже скатывался к нам через изуродованный, пожженный огнем участок. За подожженным, выкорчеванным участком, видать, было еще поле. Крестьянин набил охапку сухих колосьев в прогнившую плетеную корзину, поставил ее себе на плечо, на другое плечо положил вилы, и теперь, спотыкаясь, тащился, при этом он умудрялся придерживать дно корзины вилами. Подойдя поближе, селянин присел на корточки, бережно сбросил с плеч поклажу вместе с ржавыми вилами, встал и отряхнулся от прилипших травинок.

Человек, измученный придираками, беспросветным трудом, натерпелся и от зимней сырости. Он шмыгнул носом, утер сопли грязным рукавом, снял с головы замызганную островерхую шапочку, поклонился в пояс, и расплылся в морщинистой редкозубой улыбке.

Острые плечи поддерживали рубаху до колен, без пояса, грубые мешковатые штаны завершались деревянными башмаками, привязанными к ступням ремнями. Легкое одеяние в холодную пору.

– Мир твоему дому!

– И вам добра, слафные гости! – задергал головой селянин.

— Тащи все что имеешь — масло, сыр, вино... — оборвал наши церемонии трибун. — Мы спешим.

— О, у меня есть к вину свесая птица, — зашепелявил угодливый хозяин. — Жена ее быстро осипает, я вам ее рас сделаю и подсарю кусочками на велтеле...

Он приуныл как только встретился взглядом с супругой, и тихо запричитал, как опытная плакальщица, дескать, принял он мучение с этой харчевней. Разорили его, объели, пустили по миру.

Я обнадежил его, пообещал уплатить как полагается. У него и глаз перестал дергаться. Все, думаю, договорились, а старая ведьма вновь встряла:

— Вон тот! — пожаловалась она, указав супругу пальцем на Авла. — Потешался надо мной. А этот, — выдала она меня, — Он у них главарь. Он соврал, что тот, — она для ясности опять показала на Авла, — не надо мной надсмеяется.

Селянин затрясся как камыш в бурю. Он ожидал худшего, и правильно. Сейчас он, как уважающий себя глава семьи, должен нам нагрубить, а мы в ответ всадим по пике в туши хозяев и сожжем их сарай. Она уродливая, жадная и отважная как волчица, он безвольный, и она им не дорожит — самое неудачное сочетание. Сущее проклятье для совместной жизни.

— Она желает овдоветь, раз подначивает тебя на скору с целым отрядом кавалерии, — подсказал ему Асканий. Подойдя к незнакомцу, он сочувственно похлопал его по плечу, потом развернулся и, тыкая в сторону Авла пальцем, возгласил: — Глупо отрицать, этот человек опозорил нас!

— Никогда себе этого не прощу! — отчеканил Авл.

— Всади в него вилами! — рявкнул Асканий и резко обернулся к хозяину. Он указал ему обеими руками на Авла. Крестьянин замотал головой в знак отказа. — Я, признаю, он заслуживает смерти. Я легко уладжу это дело, — уговаривал его Асканий. — Вот и старший не против. Ведь так?

— Я только за! — подтвердил я. — Он нам всем, как кость в горле!

— Посторонись, Асканий! Я сейчас метну в него копьем! — вызвался один из бойких товарищей Авла. — Наконец-то! — потирал он руки.

— Только не ты! — протестовал Сиуард. — Ты криворукий. Не попадешь как следует, он потом мучиться будет.

— Ну тогда я его обезглавлю, раз некому, — развел руками центурион и подмигнул хозяйке. — Тащи топор, милая. Я расплачусь.

— Прежде накормите досыта! — настаивал на своих условиях Авл.

— Справедливо! — подхватил Сиуард.

— За мной, дети мои! — Асканий первым двинулся к столам и позвал воинов за собой.

В вытоптанном цветнике копошились куры, Тифон, как коза, тянулся к остаткам зимней яблони, а я расхаживал на заднем дворе, подальше от дыма и пустой болтовни. Воины ждали, что им вынесут, а хозяева тихо поругивались за плетеной перегородкой. Я нарочно громко покашлял, предупредив их о том, что их приглушенную грязню хорошо слышно со двора, и пока думал о них затоптал ненароком цыпленка. Я огляделся, убедился, что никто за мною не наблюдает, подобрал желтого птенчика и забросил его подальше от глаз хозяйки, в заросли кустарника. Ничего другого не оставалось. Надо по возможности избегать проклятий.

Перекусили мы наскоро, по большей части стоя — на всех сидячих мест не хватило. В тесноте, обливаясь потом от теплых одежд и костра, воины расправились с обжигающими жилистыми курами и ломтями черствого хлеба. Я поберег зубы, накидал сухарей в миску горячего супа и выуживал их ложкой. По сути, эти сухари были тот же черственный хлеб, но только съедобный, обжаренный для меня в коровьем масле. Апий — человек отчаянной храбости, приналег на залежалую сущеную рыбу и за-

пивал ее парным молоком. Надо отдать должное его самообладанию, он не беспокоился тем, как поведет себя рыба в желудке. Апий, он как курица, может есть камешки без вреда для здоровья.

Хозяева обладали невероятной отвагой, вскармливая такую скучную пищу и по такой цене постояльцам. Чужаки в чужой земле, они ночевали в одиноко стоящем доме, расположенному на большой дороге. Меркурий явно покровительствовал их постоялому двору с бычьим черепом над входом. С их удачливостью им надо кости швырять. Шастающие по дороге разъезды, нравами не особо отличались от разбойников, не говоря уже о самих разбойниках. Любимцы Фортуны благополучно оципывали кур в кипятке уже шесть лет кряду, и их ни разу по-настоящему не обокрали. Хозяин сообщил, его нелюдимая жена с нами более не заговорила, лишь однажды у них стащили копченую говядину. Это их мясо твердое, как железо, и соленое, как сама соль. Его можно закапывать в землю, а потом откопать и опять повесить коптиться. Оно не испортится, столько в нем соли. Соль не протухнет. Для того чтобы разгрызть это мясо, надо обладать медвежьими клыками.

Однажды кто-то увел со двора их клячу, которая уже и повозку не могла тянуть. Полуслепая стряпуха на рассвете спохватилась и быстремо прокляла похитителей, по всем правилам, как полагается... Это хорошо, что я цыпленка спрятал... Спустя несколько дней ее муж обнаружил закоченевшее животное, а рядом – бездыханного оборванца, изъеденного червями и со сломанной от падения шеей. Кубарем в овраг скатились – и конь, и коно-крад.

– Хотят задурить нам голову страшилками, – склонившись к моему уху, зашептал трибун. – Думают, мы передадим их рассказни другим

– А ты в проклятия не веришь? – также тихо осведомился я.

– Да ну их! – махнул он жирными пальцами.

– Тогда почему шепчешься?.

Массивная челюсть Апия перемалывала пищу, и вдруг на мгновение замерла. Услышанное им не сразу, но все же подействовало. Отъезжая со двора, трибун опасливо косился на хозяйку. Та вышла вслед за нами во двор, дошла до коновязи, и там стояла, скрестив руки на груди, как вкопанная. Она провожала нас каменной неподвижностью и мрачным взглядом, пока ее дом не скрылся за старыми ветвистыми грушами.

И мы, и золотая колесница солнца шли наперегонки, зимний день быстро клонился к закату. Мы обогнули топь по краю, потом оставили побоку убранные наделы для выращивания проса, и вышли к речушке с неслышным течением. Берег ее на всем обозрении усеивали мелкие камни, а посреди мелкого собачьего брода из воды торчал огромный черный валун. Кто-то, может, это дети, высек на глыбе длиннорогого то ли козла, то ли тура, и маленьких человечков с палками. Художник, – одним богам ведомо, зачем корпел над этим, – исписал и закрасил белым камушком рисунки на черном камне, и почему-то стер зубилом какие-то другие знаки. Кто его знает, что у него было на уме. Может, они ему мешали, или это плохая примета для путников.

Всадники легко преодолевали преграду, даже не замочив подошв, и пока их кони бултыхали копытами по воде, я задержался, рассматривая камень.

Апий обошел меня, сопя, а центурион Асканий, проходя мимо, отрыгнул так громко, будто он чревовещатель.

– Ты чуть не вырвал! – обрадовался трибун.

– Плохо мне, – буркнул Асканий и харкнул в реку.

– Они хлебосольные, – нахваливал абаэзов трибун. Он возлагал на них большие надежды.– Там будет обильное застолье. Подкрепимся про запас.

– Смеркается.

Они всегда так беседуют – каждый говорит о своем. Я бы сильно удивился, если бы один из них ответил на вопрос другого, а не на какой-то свой.

Подуставшие кони одолели еще один затяжной пригорок, и перед римлянами предстала подошва огромной горы, более покатой к морю.

Главу этой широченной горы, серая крепость с высокими стенами диадемой венчает. Над ней курятся сизые дымки, а вдоль толстых стен, изнутри крепости, земляная насыпь. Там произрастают исполинские дубы и грабы, чьи ветви нависают местами над стенами. Цитадель, квадратная башня, высится зубцами надо всем, и вырисовывается четкими контурами на холодном, ясном небе.

Эллины прозвали эту твердыню Тракеей из-за неприступности и узости проходов к ее вратам.

Абазги издревле устроили эту крепость на горе с плоской вершиной. При нападениях абазги обычно свозят туда свои семьи и запираются там от врагов. Сами боги облегчили им устройство обороны. Опекая это место от ветров и от врагов, кругом от большой горы, в небо вздымались гряды еще более высоких, отвесных и поросших кустарниками скал, разделенных широкими пропастями.

Взойти к населенному плоскогорью по прямой возможно только петляя вокруг горы, такая она крутая. Дорога восходит на подъем то со стороны моря, то заходит с тыла горы. Круговой и единственный путь в Тракею подобен змее, скрючившейся вокруг бугорка в восходящие кольца.

У подножья горы лежит чахлый рыбацкий поселок, сплошь увешанный сушащимися на воздухе снастями. В бурную зимнюю пору здешние обитатели ловлей рыбы и охотой на дельфинов с гарпунами не промышляют. Мы проходили мимо по большей части оставленных хижин.

Побережные и дальние абазги, хоть и одной крови, но сильно разнятся. У горцев быт попроще, однако особых нужды они не ведают. У них есть пасеки, хоть и не

огороженные, но старые, возделанные сады, а еще пастбища, обширные угодья для охоты, пристройки для скота и амбары на ножках, чтоб звери не подкопались. Наделы свои они обрабатывают деревянной сохой. Плуг никакой, только царапает землю, но и этого хватает. Что уродится от простого разбрасывания зерен по крутизне холмов, тем они и довольны. В каждом хозяйстве есть дичь, масло, сыр и зерно, а домашние прялки и кожевенные мастерские дают удобную обувь и прочные одежды.

Содержат себя горные роды не только трудом и охотой, но и военными трофеями, набегами на римские поселения, разорением купцов и соседних племен. Брухи, саниги, аbazги почти сплошь доблестные народы. Они исстари воюют – и меж собой, и с чужаками. Сражаются они большей частью не из-за недостатка средств, а из желания стяжать ратную славу. Вокруг их военных вождей вются отборные смелые юноши, а сами вожди подчинены выборным старейшинам. Живут горцы обособленно, и только в случае крайней нужды сходятся на общие собрания. Нравы у варваров, не смешавшихся с прибрежными торговыми поселениями, постро же. Блуд осуждаем, старших чтут, в своей общине не крадут и не врут, особы гостя для них священна. Без изящных излишеств, но зато просторно и с удобством, они устроились на малозаселенных холмах. Каждая семья занимает отдельный дом, окруженный плетнем. Дворы выбирают поровнее, насколько это возможно. Женщины подметают окрест дома колючим, когтистым веником, который цепляет опавшие листья. Еще они перед домом любят высаживать аллеи из деревьев. В их тени гость и подъезжает к порогу. В горах живут уединенно, на расстояния десяти-двадцати стадий, а то и больше. До соседа зачастую и не докричаться.

Другое дело попадающиеся на нашем пути жилища. Беднота, подвластная Ресмагу, живет скученно, ютятся в

плетенных, и в холодную пору обмазанных глиной хижинах. Иногда они белят стены изнутри.

Прибрежные земли плотнее заселены. Здешние варвары разграничивают свои куцые огороды изгородью из высокой и частой колючки. Живут они тихо, не бряцают оружием, и прозябают, в отличие от неуемых горных общин. Они не сразу, но постепенно стали, по большей части, чернью, подвластной Ресмагу и его домочадцам. Их хибары лепятся поближе к крепостным стенам, которые то оказывают им покровительство, то обирают.

О каждой несправедливости царя меня извещал Сиуард. Он открыто сочувствовал абазгским заговорщикам, и очень огорчался, когда они терпели поражения. Я тоже им сочувствовал, но втайне, нельзя мне выказывать своих симпатий открыто. Ресмаг верный союзник, а я как-никак римлянин, и должен держать сторону римского клиента.

Но и Сиуард во многом прав. Племя, славящееся своим чадолюбием, опрятностью и взаимным уважением среди всех окрестных варваров, здесь, вблизи царской вотчины, прозябало, как нигде более. И чем ближе к Трахее, тем хуже становились жилища, и тем ближе они лепились к друг другу. Тамошние жители бедные, в отличие от воинственных и свободолюбивых общин. С последними, на их счастье, ни Ресмаг, ни мы до сих пор не смогли совладать.

Неторопливо бредущих верхом римлян окидывали любопытными взглядами, и патриций, ищущий популярности, неправильно все истолковал. Трибун воспринял свой въезд как триумф, и на ходу привставая с коня, отвещивал всем встречным полупоклоны. Те, по абазгскому обычаю, кивали ему в ответ, будто с ним знакомы. Он наклонял голову и улыбался всем подряд, пока не наткнулся на пешего горца в распахнутом, мохнатом плаще, без дырок для рукавов. Тот ответил ему брезгливой ухмылкой и деланно поправил кривой меч, висевший у него на поясе

в ножнах. Кому понравится, если его беременной жене нахально подмигивают! Трибун, хоть и дурак, но все смекнул, отвернулся, напустил на себя рассеянный вид, и, позвав кого-то из наших, ускорил ход своего коня.

Горстка рыбаков починяли сети у обочины, и, завидев нас, сбились в кучу. Они вытягивали шеи, вставая на кочки, чтоб как следует рассмотреть инородцев, и шушукались на своем. Любопытствующие могли обсуждать нас во всеуслышание, и никто бы их не понял, кроме меня и Сиуарда.

Римляне так бы и прошли мимо величавым, размеренным шагом, если бы Сиуард не уловил, что он «римский прихвостень».

Он сразу же вспыхнул, его обожгло позором. Он плавно осадил коня, потом хлестанул его плетью, и одновременно развернул мордой в сторону селян. Когда его конь заржал и зацокал обратно к ним, их улыбки слетели мгновенно. Рыбаки притихли за плетнем и растеряно переглянулись. Самые умные, их было двое, один втянул голову и занозу из пальца стал выковыривать, а другой присел на пенек, прикусил губу и сеть теребил. Судя по его растерянному виду, нелестное слово обронил мужчина в сером суконном капюшоне. В здешних краях такие носят отдельно от плащей. В ясную погоду их завязывают на голове, а в дождь концы материи перекрещивают на шее и на плечах, прикрывая затылок и щеки. Человек, облокотившийся на плетень, оценил Сиуарда взглядом чуть раскосых глаз, и кровь отхлынула от его лица, он побледнел как покойник. Сиуард направил своего тонкonoного, фыркающего коня прямиком к нему. Такого оброта никто не ждал. Ауксиларий, блистающий оружием, остановился, не спешиваясь. Рыбаки замерли и насторожились. Люди неглупые. Они с одного взгляда смекнули, что оскорбили того, кто или их перебьет, как зайцев, либо сам сложит голову. Даже если они пустятся бежать, он разгонит коня и перемахнет через плетень. Нере-

шительность – это не его, но на этот раз Сиуард потер пальцами у виска, и прежде чем заговорить, собирался мыслям. Он поздоровался с зеваками на удивление мягким, ровным голосом, отчего они облегченно задышали и задвигались.

– Скажи мне, брат, – апсил безошибочно определил обидчика, – отчего я предатель? Я не корю тебя, ты просто ответь... Мне самому интересно узнать.

Смиренно вопрошающий, но воинственный всадник окончательно сбил его с толку. Мужчина в серой головной накидке пыхтел, переминался с ноги на ногу, и прятал взор

– Уйми дрожь, успокойся, и ответь, – печальным голосом предложил ему Сиуард, – не опасайся меня... Не молчи... Если ты так решил из-за моего плаща или шлема, так я могу их сбросить... Я не враг тебе. Может, ты считаешь меня недругом, но это не так.

Дружелюбие Сиуарда еще более пристыдило онемевшего рыбака. Они все готовы были провалиться сквозь землю.

Прежде чем снова и медленно заговорить, Сиуард немного помолчал.

– Я признаюсь... Я предаю не вас, а их, – он указал им на проходящих римлян. – Я сделаю все, чтобы, воспользовавшись их силой, избавить вас, нас всех от притеснений. А потом, – пообещал Сиуард, снова взяв паузу, – если боги позволят, мы избавимся и от них. Или заживем с ними. Кто знает?! – развел он руками. – Я не исключаю... Чем они хуже нас? А?.. А пред тобой я вот, как оправдаюсь, – сказал он обидчику. – Предатель не тот, кто открыто с инородцами дружит, а тот, кто втайне. Предатель тот, кто тайное вершит, а потом для отвода глаз себя в грудь бьет, полыхает гневом, клянется в верности, а сам помышляет, как ему на этом подкормиться... Я не думаю, как мне подороже продать тебя и себя, – уверял он селя-

нина. – Я ищу способ, как нас обоих вызволить из плена. И тебя, и меня, нас всех...

– ...Все мы не чужие друг другу, а меж тем ничего друг другу не прощаем. – Апсил то упрекал их, то сочувствовал им. – Угрызаем друг друга, как псы, соперничаем, завидуем. Вам это не надоело? А еще, я изумляюсь вашему долготерпению. Нет, вправду... Если вам на ногу наступишь или коня плетью огреешь, ты пропал, но тяжкие несправедливости вы сносите легко и даже не ропщете. Разве нет? Привыкли зажмуриваться, чтоб никто не узнал, что вы правду видите. Корову палкой ударишь, она во всю глотку мычит, а вы?! Вы только за спиной горазды бурчать, да и то чтобы не слышно было... Вы же прекрасные люди! – ободрял он их. – Вы заслуживаете лучшей доли!..

Растерянные слушатели не знали, что ответить. Не каждый день их подталкивают к открытому неповиновению, да еще так спокойно и по-домашнему. Они бы и дальше чесали затылки, если бы среди них не выдвинулся, опершийся на клюку и седовласый хромец. Он, ковыляя, выступил вперед и, потрясая клюкой, стал настрого отчитывать Сиуарда дребезжащим от старости голосом. «Свой» посмел стыдить своих, «при чужаках».

– Да не в них дело, отец! – с невообразимой горечью возразил ему Сиуард, и тут же поправился: – Не только в них...

Он, хоть и их родич, но все же римский всадник, обратился к жителям предместий с речью, способной похоронить и нас самих, и то, зачем мы притащились в такую даль.

– Сыны славной Абазгии! – возгласил Сиуард. – Мне больно видеть вас такими, – вздыхал он, глядя поверх их голов. – Неужто вы настолько упали духом?! – спрашивал он слушателей таким упавшим, усталым голосом, будто намучился с их неразумием.

Собственная совесть пригнула их головы. Только об-

ругавший апсила старец брюжал себе что-то под нос, но и то выглядело скорее как неуклюжее оправдание.

– Он их ругает? – догадался Асканий.

– Гораздо хуже.

– Тогда его надо унять.

– Давно пора, – буркнул я, и окликнул апсила на не-понятной для его собеседников латыни. – Хватит! Они оценили твое красноречие!

Не хватало еще, чтоб наш приезд послужил падению царского дома. Любое враждебное действие, пусть даже самое ничтожное, стало бы гибельным не только для Ресмага, но и для римлян, и для самих заговорщиков. Все последствия восстания наперед трудно предвидеть, но в данном случае, в преддверии вторжения степняков, оно не имеет смысла.

Сиуард нехотя подчинился, и уже отъезжал от рыбаков, когда за ним увязался пухленький малец в холщовой рубахе, доходящей ему до пят. Он сначала робко тянулся руками к Сиуарду, знаками ему показывал, дескать, «Покатай! Возьми!», а потом, не спрашивая разрешения, ухватился за стремя коня.

– Дорогой, ходи по обочине, – лицо декуриона озарила улыбка. Он одинаково легко загорался и гневом, и радостью. Свесившись с коня, он ласково потрепал ребенка по каштановым локонам. – Не путайся под копытами.

Маленький оборванец, пузатый и щекастый, лет пятидесяти, с хлопающими длинными ресничками мог растрогать кого угодно. Не получив отпора он напрашивался в попутчики гораздо увереннее – бежал вместе с конем, шлепая сандалиями и не отпуская стремя. Сердобольный декурион растаял сердцем, схватил мальца в охапку и усадил его на загривок коня. Просиявший сопляк сразу вцепился пухлыми пальчиками в гриву, довольно наморщил носик, и стал двигать головкой в такт шее коня.

– А тебе не боязно? – стараясь не умиляться, я напустил на себя строгий вид. Малец вместо ответа замотал

головой. – Тебе известно, что мы, римляне, похищаем малышей?

– Ха-ха-ха! – залился он звонким смехом, и завертелся, стараясь поймать взгляд Сиуарда.

Сиуард, одной рукой придержал ребенка, натянул узду, а другой порылся в седельной сумке, и выудил оттуда глиняную свистульку. Прежде чем откупиться, он шепнул мальчику что-то на ушко, а уж потом вложил в его ладошку подарок и ссадил его наземь. Мальчуган не нашелся, как выразить благодарность, и лишь восторгался: «Ох-хо-хо!» Когда я обернулся, он уже отошел в сторону от тропы, уселся на камень и рассматривал сокровище, кривя губки и даже не глядя нам вслед.

Неторопливый, резкий подъем дал мне возможность переговорить с Сиуардом на абазгском, таясь от любопытных ушей сопровождающих.

– Что с тобой? – спросил я его вполголоса, когда он пустил своего коня рядом с моим.

– Ничего.

– Ничего? Тогда чего кряхтишь, будто у тебя стрела из ребра торчит?!

– Я просто диву даюсь! – зашептал декурион, отклонившись в седле в мою сторону. – Я бы на их месте, не дожидаясь нашествия, сам бы разграбил царскую вотчину.

– Потише! – предостерег я его. – Твои слова могут счесть изменой.

– Может, оно и так, но... они ведь и сами об этом подумывают.

– Думать можно что угодно, но никто из них не говорит этого вслух. И тебе, лучше помалкивать... хотя бы здесь... Ты тоже внутри себя думай...

Тифон ковылял на низкорослой лошадке, та ниже наших коней на целую лошадиную голову. К тому же писарю приходилось говорить с нами снизу вверх, он шел, чуть поотстав. Все это мешало ему вызывать декуриона на откровенность. Зато он сразу же вмешался, как только

получил возможность поравняться с нами благодаря расширяющейся тропе.

– Воистину, люди делятся на овец и волков, – глубоко-мысленно изрек Тифон, и умолк, надеясь получить подтверждение своих догадок.

– Помимо зверьков, есть еще и люди, – ответил на это Сиурд.

– Хорошо сказано, – подхватил писарь, и одобрительно закивал.

Уже есть о чем известить пропретора, а то тот его совсем подзабыл. Молодой апсил в тот день прогуливался по краю пропасти, сам того не ведая. Он завел еще более крамольные речи, чем обычно. Мол, у царских людей, оказывается, нет ни совести, ни жалости. Мерно кивающий Тифон поддерживал его самым решительным образом.

– Как так можно?! – раззадоривал он декуриона, когда тот замолкал.

Апсил горячился, и открывал свои потаенные мысли наушнику. Он договорился до того, что пожелал дворцу Ресмага поскорее сгореть дотла вместе с хозяином. Я исподволь наблюдал, как дышащий праведным негодованием Тифон переспрашивал наиболее ругательные слова, чтоб лучше запечатлеть их в памяти. В тот миг писарь вызвал у меня настолько сильное чувство омерзения, что я едва сдержался, чтобы не пнуть его ногой, как собаку, и не сбросить с косматой лошадки. Я попытался предотвратить Сиурда деланным кашлем, но тот был ослеплен несчастьем своего народа.

– Хотя, причем тут Ресмаг? – бросал он реплики. – Их хибары заслуживают больше огня, чем его дворец. Не был бы он, был бы другой. Они сознательно сохраняют такое устройство, когда от них ничего не зависит. Они охотно смирились, и позволяют себя одурачить, лишь бы их за это похвалили. Ты представляешь себе, Касций?! Знают ведь, что...

– Советом царь обделен, – нарочно чеканя каждое слово, подтолкнул я его в нужном направлении. – Он же не может всюду поспевать.

– Не скажи! – возразил непонятливый. – Причем тут...

– Они нам машут! – оборвал нас возглас трибуна.

Я увлекся и не заметил, как Апий перегородил нам путь крупом своего коня. Он поставил его поперек тропы и спрашивал о двоих, спускавшихся верхом с пригорка.

– Кто это, Кассий?

– Э... Гм... Тот, кто впереди, мой дед Апулий Максим, а позади моя мать скачет, – указывал я ему поочередно на приближающихся всадников – Апий, брат мой, ты совсем ополоумел?! По-твоему, я тут с каждым знаком?!

Скачущий впереди был подобен кентавру. Его плащ, штаны, рубаха, сапожки, попона его лошади, и даже его волосы и бородка, почти такого же бурового оттенка, как и сама его лошадь. Издали оба существа представляли бы собой цельное, поближе это существо стало двуглавым, и уже в полете стрелы стало ясно, что они существуют порознь. Всадник подгонял плетью поджарую, крепкую кобылу. Осмотрительная лошадь упрямилась, она не ускоряла шаг, опасаясь скатиться по намешанной грязи вниз. Второй всадник поостал. Это бритоголовый копейщик, настолько долговязый, что конь под ним казался жеребенком. Всадник поджимал свои длинные ноги, чтобы не задевать бугорки.

Вблизи кентавр оказался веселым молодым человеком с кудрями, выбивавшимися из круглой шапочки с меховой опушкой.

Судя по его открытому, дружелюбному лицу, он не отягощен заботами, а по оружию и одеждам он человек праздный. Широкий и треугольный кинжал с маленькой рукоятью и в узорчатых ножнах на поясе, медный охотничий рожок на плечевой перевязи, сапоги из тончайшей кожи, узкая рубаха, сшитая по телу, с длинным закрывающим шею воротом, поверх нее распахнутый,

длинный плащ, ниспадающий складками, с капюшоном и костяными застежками на шее и груди. Незнакомец чист и опрятен, зато его сопровождающий наплевал на все это юношеское самолюбование. Смуглый, со всклоченной бородой, неряшлив: короткая, меховая накидка, прожженная местами, ступни обвязаны кусками холста и втиснуты в деревянные башмаки, непокрытая лысая голова сохранила на себе царапины от недавнего бритья тупым лезвием. Сжимая в неуклюжей лапе толстенное, плохо обработанное древко копья, он сопел и морщился, пока его более удачливый товарищ обменивался с нами приветствиями.

Юноша представился Уром, лесничим Ресмага, а его товарищ постарше – царский садовник. Их отрядили встретить нас и побыстрее провести к царю. Оказывается, нас заметили караульные, расхаживавшие вдоль стены. Мы двинулись дальше вместе, беседуя по пути. Словоохотливый Ур, минуя высокий, украшенный резьбой бревенчатый дом, показал мне на него пальцем и поведал его историю. Красивое, но заброшенное жилище принадлежит богатею из абазгов. Тот ведет свои дела с эллинскими купцами, и через них со многими. Сейчас он впал в немилость, и вынужден скрываться. Он то ли нарочно, то ли по незнанию, поручился за какого-то проходимца. Тот был из брухов, гостил у него, и попытался подстрелить Ресмага из лука. Стрелок он оказался никудышный, но сбежать ему от погони удалось. Дом не раскатали по бревнам, потому как трахейский богач заранее обзавелся нужными связями среди родичей царя. Доверенные люди заступились, и скорее всего, когда гнев Ресмага поутихнет, царь абазгов отходчив, он позволит ему вернуться с молодой женой и ребенком.

Уже начали сгущаться вечерние тени, и я был рад, что мы поспели вовремя.

В зимнюю пору на Понте темнеет резко, даже при чи-

стом небе. По этой причине загодя, еще до заката, абазги освещают каменную ограду и мост у ворот факелами.

Абазгские лучники, с учетом их меткости, дальности стрел, высоты, на которой они устроились, а также узости прохода могут отразить любой приступ. Таран просто некому будет докатить до обитых медью ворот, ибо стрелки соберут богатую жатву на подступах.

В праздники абазги устраивают стрельбища по плетеным корзинам. Особо меткие мужи удостаиваются чести делать оперение стрел из орлиных перьев. Никому более такого не дозволено обычаем. Это является предметом гордости победителей.

С высокой башни у ворот нам замахали, и мы ответили на приветствие взмахами рук. Последнее препятствие на пути к гостеприимно распахнутым воротам – неглубокий ров, а вернее, рукотворный ручей, наполненный проточной водой. Лишь в одном месте через него переброшен горбатый каменный мост. Мы осадили коней, а наши провожатые первыми вступили на опасный участок. За ними и мы, растянувшись в цепочку, медленно и по двое зацокали по камням им вслед. Внизу под нами бурлили воды, отведенные от источника внутри крепости. Это источник наполнял ров, протекал под уклоном и только после терялся в земной расщелине. У подножья горы есть водопад. Видать, он там со скалы прорывается водопадом в свою равную горную реку. Та змеилась внизу по ущелью, в той стороне, где Диоскурия.

Мост устроен лучшими зодчими. Он просто великолепен. Несмотря на кажущуюся хрупкость, камни скреплены добротным, прочным раствором. Горбатый настил выдерживает не только пеших и конных, но и тяжелогруженые арбы – настолько камни стесаны и подогнаны друг к другу. В тоже время стража ворот в любой миг с башни может обрушить мост, запасенными для этого глыбами. Тем самым абазги лишат наступающих единственной возможности проникнуть внутрь укрепления.

Нам помогали спешиваться, брали коней под уздцы, и я в суполоке не сразу приметил царя.

– Кассий! – позвал меня знакомый, раскатистый, как дальний гром, голос. – Куда ты убегаешь?

– Да покровительствуют боги твоему славному дому!
– провозгласил я, и ринулся навстречу, седовласому, грузному мужчине в простом домотканом хитоне – Полагаясь на твое гостеприимство, я явился без приглашения.

– Хвала тебе за это! – откликнулся владыка абазгов.

– Приютишь?

– Мой шалаш всегда для тебя открыт! – возгласил Ресмаг, наклонился вперед, крепко стиснул мою ладонь и похлопал меня по локтю.

Открытый взор, редеющие волосы зачесаны назад, глядит он прямо и дружелюбен.

Согласно своему обычанию, абазги не спрашивают путника о том, какого рожна тот притащился, и что ему вдруг понадобилось. Они ждут, пока гость сам поведает о том, что его привело.

– А ну живо! Колите дрова, режьте коз, бросайте в котлы! – отдавал он распоряжения суетящимся слугам. – Несите старое вино из погребов!.. Есть у тебя совесть?! – пожурил меня усмехающийся абазг. – У меня тут вино киснет, а ты где-то шатаешься!.. Ур, мой мальчик! – окликнул Ресмаг нашего спутника. – Бегом на башню! Пускай разожгут условленный костер. У нас почетные гости. Созывай всех! Все мои люди должны немедленно явиться.

Изнутри Трахея – идиллия. Виноградники и плодовые сады, яблони, груши, сливы, на зиму уbraneы и обрезаны, каждый клочок почвы тщательно взрыхлен и очищен от опавшей листвы. Повсюду перед высокими домами с черепичными островерхими кровлями разбиты цветники, а между жилищами – мощеные булыжником дорожки. Сами дома с изящными балконами и резными деревянными поручнями, а с внешней стороны к ним прилегают прочные лестницы. На нижнем каменном полу абазги

обычно устраивают трапезную и кухню, а лестницы ведут в верхние покои, где домочадцы спят и оставляют на постой путников.

«Шалаш» Ресмага – это высоченный, просторный дворец, сложенный из тесаного речного песчаника. Вход в него устроен с портиком. Ряды крашеных лазурью колонн завершаются кверху триглифами из бронзы, они поддерживают крышу просторного преддверия. Позади дворца амбары для хранения припасов, свезенных из царских селений, а еще чуть поодаль царские конюшни идут вряд, с дубовыми, скрепленными железными скобами, воротами, с коновязями и кормушками с навесами.

Все у него устроено с размахом. Ресмаг подражал римским патрициям, но не понял, что правит не римлянами. Я бы на его месте был бы поохотительнее. Ему не повезло от рождения, он предводительствует теми, кто еще не смылся терпеть, и для кого гордость весомее, чем щедрая раздача. Будь это какие другие варвары, Ресмага бы еще больше зауважали за роскошь, но аbazги из тех, кто сожгут всю эту красоту, если почувствуют своих детей обойденными, существами стоящими ниже. С этим племенем хлопот не оберешься, я это давно приметил. Их трудно отвлечь пустой риторикой о народном благе или кровавыми зрелищами с раздачей хлеба. Абазги, да и остальные здешние племена, считают наши игры демоническими, коими, конечно же, они и являются по сути.

Внутренние покои дворца отделаны с удобством и изяществом. Есть там и раздельные купальни с горячими котлами и текущей из них по желобам водой. Зависть еще никого до добра не доводила, но все же трудно не завидовать. В Питиунте мне приходится купаться во вместительном корыте едва разбавленной теплом водой. Думая о крепости и высоте стен Питиунта, никто не позабылся о людях, их обороняющих. Холодная вода хороша только в зной. Ветераны твердят, мол, она избавляет от любой хвори, творит чудеса, но для меня она творит

жар тела и сопливый озноб. Остывшая вода часто вместе с грязью избавляет воинов от бремени тревог, а императорскую казну – от лишних расходов.

Не только в Тракее, но и в древней Диоскурии быт получше, чем в Питиунте. Эллины – давнишние обитатели здешних мест, и за многие поколения приспособились. Они больше тратились на свое обустройство и подкуп местных старейшин, а мы, римляне, набираем когорты, потом платим им, потом платим варварским вождям, потом воюем с ними и сгоняем с земель, потом опять что-то построим, держим оборону и в итоге получаем то же, что и эллины, но только потратившись и пролив кровь. Если в воинской казне остаются лишние медяки, то трибун сразу упрекает меня в скучности и нежелании бросить остаток на устройство никому не нужных таинств. Трибун – ослиная голова, вечно ищет популярности, а ему поддакивает сигнифер (казначей). Они в тридорога закупают вина, и побольше. Это позволяет воинам скоротать так медленно тянувшуюся зиму. На Апия я не в обиде, с ним все ясно, но второй вор каждый раз, когда я начинаю негодовать на счета, подсовывает одного и того же поставщика. Я его видел уже и с обычной бородой, и с крашеной, и без, и сына его, и жену свою он подсыпал. Будто только одна семья делает вино во всей округе. С перекошенными от вранья глазами, они загибают цену и за товар, и за покровительство сообщника. Сигниферу покровительствует трибун, от которого я не могу избавиться. Как я уже упоминал, тот на откорм поставлен самим наместником.

Немного времени спустя мы умылись, почистили и привели в порядок заляпанные грязью одежды. Наши кони заняли в конюшнях теплые стойла, а мы сами готовились занять места за щедрым пиршественным столом.

Ресмаг умел поразить даже самых придирчивых гостей. Для этих целей он частенько закатывал пиры в вы-

мощенной мрамором и ярко освещенной огнями трапезной.

Очаг посреди трапезной трескает поленьями в дыру высоченной крыши, а на поперечных балках подвешены цепями широченные деревянные колеса. Их густо утыкали чадящими факелами, с чашечками книзу, чтобы на гостей не капала сверху жидкая смола.

Расставленные по углам на треногах маслянистые светильни и раскрасневшиеся докрасна жаровни согревали сырой воздух и отбрасывали красноватый от свет на закопченные стены. Кое-где на них проглядывали облупленные и выцветшие фрески. В одном фрагменте Дионис с виноградными гроздями, и еще кто-то из богов в сцене охоты на косулю. В неровном, пляшущем свете я различил поблеклых клыкастых псов, гонявших пузатую лань с тоненькой длинной головкой. Устаревшее изящество соседствовало с дерзким размахом. Через арку с гладко оттесанными колоннами виднелась мерцающая в свете полной луны далекая морская гладь.

Вдоль стен, шагах в пяти-семи от них, стоят столы из распиленных пополам и стесанных до глади дубовых стволов. К ним приставлены с обоих сторон такие же длинные и тяжеленные лавки со спинками. Пиршественная у Ресмага устроена так, чтобы уместить за столами как можно больше званых гостей, а не возлегать на просторных ложах горстке избранных.

Чьи-то ловкие руки приколотили в нескольких местах на стенах олени рога, служившие ветвистыми вешалками, и на них приглашенные развесили плащи, накидки, мечи в ножнах, шапки и даже круглые, обшитые кожей щиты.

Праздничное убранство стола украшали зажаренные тушки козлят с зеленью во рту. Они размещались на продолговатых и остроносых, как лодки, деревянных блюдах. Рядом с каждым подносом выстраивались начищенные до блеска узкогорлые и вместительные бронзовые

сосуды, наполненные старым вином из погребов. Абазги зарывают в землю огромные глиняные кувшины, наполняют их молодым, еще бродящим вином, и запечатывают на годы. Сырость и отсутствия света придают вину особую крепость, приятный вкус и искрящийся огненный цвет. Царские стольники, бесшумные, и быстрые как тени, носились из кухни в пиршественную и обратно. В суете они ни разу не наткнулись друг на друга, и на гостей, ни разу не уронили подносы, расставляя дымящиеся яства на толстых, глиняных тарелках.

Начальствовала над ними уже не молодая женщина, но опрятная и с открытым взором. Стареющая матрона с виду строгая, статная, в длинной столе, с рукавами до локтей, а поверх нее шаль, спускающаяся до колен и образующая изящные складки. Размеры ее накидки столь велики, что она прикрыла ею свои тронутые сединой волосы как капюшоном. Стол блюдами уставлен тесно, но она исхитряется переставлять их своими тонкими пальцами, и выкраивает свободные места для новых угощений.

Созванные на пир абазги запаслись терпением, и, стараясь не мешать слугам, разошлись по свободным углам. Стоящих гостей у них не принято обносить кубками с вином. Для питья у абазгов много витиеватых ритуалов. Они сами в них часто путаются, и много по этому поводу спорят. Одно бесспорно – у них большим почетом пользуется тот, кто пьет много, но не хмелеет. А тот, кто не разделяет вино с другом, пьет в одиночку, не произнеся перед этим здравицы или похвалы, считается у них пьяницей и конченым человеком. Пьянчужка-абазг большая редкость.

Царь сразу не заметил меня в общей толчеи. Его высокое резное кресло стоит на великолепном золототканом ковре, а сам он, развалившись на нем, слушает тощего человека. У того узкое лицо испещрено маленькими зажившими шрамами от кожной болезни. Вокруг их обоих,

не выступая за пределы большого золототканого ковра, кружил рыжий как лисица распорядитель царской казны. Амал не изменился с тех пор как мы последний раз виделись. Чуть похудел, но в остальном такой же румяный, высоколобый и велеречивый богач. Он о чем-то призадумался, поглаживая свою огнененную бороду.

Амал ласков с теми, кого он считает полезным себе, и с теми, из кого, по его мнению, может выйти толк впоследствии, с остальными он рассеян.

Только один ближе него к царю по доверию. Вот он, за спиной и чуть побоку от Ресмага, скучает. Атей высок и атлетически сложен, смуглолиц, с жесткими волнистыми волосами и глубоко посаженными глазами. Атей и с виду Геркулес, и духом сильный. А еще он усмиритель коней и единственный из абазгов, кому дозволено приближаться к Ресмагу при оружии. Величавый Атей никогда не расстается со своим длинным мечом в простых деревянных ножнах. Он локтем слегка оперся на спинку крайней лавки, а левая рука – на рукояти меча. Атей недвижен и невесел, и плятится на музыкантов грозными очами. Те разложили по скамьям барабаны, флейты, цимбалы, рожки и прочие приспособления, которыми они обычно пользуются, чтобы помешать людям переговорить с друг другом... Ах, вот оно что! Я неправильно истолковал его взгляд. Она стоила того, но почему он ею недоволен? Стройный стан, волосы ровные и черные, как смоль, заплетены в десяток длинных косичек, откинуты назад, и своею чернотой еще более выделяют белоснежное, нежное лицо. Лицо ее открытое, чуть курносое, с высокими скулами, а шея длинная, точеная, как у лебедя. Она чуть повыше двух других девиц, да и на вид она от них отличается ослепительной красотой, даже в блеклой и узкой столе, перехваченной обыкновенным широким кушаком. Те тоже хороши, но только не рядом с ней. Девица греет свои изящные пальчики у жаровни, и отрешенно глядит в огонь, будто вокруг нее пусто. Ее дыша-

щее свежестью лицо подсвечено неровным, пляшущим светом огня, и выделяется нескрываемой печалью. Вот, едва заметно прикусила губку и зажмурилась, видать, беседует с собственной душой. Это не та девица, что подходит для развлечения гостей веселой песней или игрой на лире. Ее что-то гложет. У нее такой вид, будто ее с похорон приволокли на пир.

«Что это с тобой? – размышлял я, одновременно любуясь ею. – Что ты с собой натворила, чтобы так себя казнить? Какое непоправимое, безвозвратное горе постигло тебя, что ты так притихла, и даже украдкой не смотришь по сторонам?».

С ее менее стеснительной подругой разговорился трибун. У той ожерелье из монет на шее и одета она пестро: туника из легкой ткани, расшита алыми нитями, с двумя широкими поясами, один на талии, а другой повыше, грудь поддерживает. Ее лоб открыт, волнистые русые волосы расчесаны назад и туда повязаны просвечивающей широкой шелковой лентой на затылке. Видать, поладили. Апий вертит в руках ее деревяшку со струнами, а она, смешливая, прикрыла рот ладошкой. Уловив мой взгляд, собеседница Апия заскромничала, но ненадолго, и снова прыснула от смеха. Похоже, трибун пробовал с ней изъясняться на абазгском. Эти его гортанные, шипящие и свистящие звуки, которые он считает местным наречием, имеют значение лишь в сочетании, а не по отдельности. В его случае они вообще никакого смысла не имеют. Ни о каком, даже отдаленном, сходстве с абазгским языком не могло быть и речи.

Асканий Флор и Тифон даже не пытались отвлечься от голодных мыслей. Они, вытягивая шеи, принюхивались, как гончие псы, к каждому блюду, что проплывало мимо них. Бражник Асканий расширял свои веселые глаза, провожая восхищенным взглядом блюда, а трезвенник писарь недовольно морщился. Всегда удивлялся, как им удается вводить людей в заблуждение с такой внешностью.

стью. Они ведь и с виду плуты, а им верят. Мне не верят, а им верят. Юлия говорит, у меня глаза бегают, когда я разговариваю, может, из-за этого.

— Кто этот живой скелет? — судачил я с Сиуардом о гостях.

— Скелет?

— Вон тот, — кивнул я на собеседника царя, у которого череп был кожей обтянут.

— О! Это же его домашний лекарь...

Слушая его вполуха, я встретился глазами с осанистым, широкоплечим мужчиной. Его чуть поредевшие кучеряшки соединяются с завитой бородкой, а над бровью тонкий заживший шрам. Я бы не предал этому значения, если бы не его пристальный взгляд, холодный и оценивающий. У кавказцев долго заглядывать в глаза считается признаком враждебности. Я притворился, что отвел взгляд, он нет. Значит, его не особо заботит, что я о нем плохо подумаю.

Судя по его широким, трепещущим ноздрям и брезгливо сжатым губам — человек вспыльчивый и властный. Не купец. Купец бы улыбнулся угодливо, а этот даже в лице не изменился. Тверд как скала, и умеет владеть собой. Боги снабдили его мускулистой шеей, и я подозреваю, крепкими мышцами под мягкой меховой накидкой, доходящей ему до колен. Простые застежки из кабаньих клыков на накидке, на правой руке блеснуло массивное, золотое запястье. Ладонью лоб от пота утирает... Ага! По твоему замыслу, золотое запястье должно поведать непосвященным о твоем недосягаемом положении. Ладно, я понял намек... А почему ты не скинул накидку? Тут натоплено. Почему не снял? Простужен? Нет, навряд ли. Готов поспорить, он на боку, за поясом, меч короткий прятал под накидкой».

— А эта нахохлившаяся сова кто? — отвернувшись в сторону, спросил я у Сиуарда

— Который? — осмотрелся апсил.

– Вон тот, надутый, слева от меня, в сапогах с ремнями.

– Тише! – шикнул Сиуард. – Он может услышать... Не смотри на него, – забурчал он себе под нос, опасаясь быть услышанным. – Это Афахар. Его за спиной кличут боровом пузатым, но никто не отважится бросить это ему в лицо. Все боятся. Он никому ничего не прощает и ни с кем не спорит в открытую. Да и с ним особо не поспоришь.

– Такого стоит обходить.

– Ага, – кивнул Сиуард – Он тут всех опутал кознями, как паук мух. Лицемерно, якобы во благо царя, он натворил страшные жестокости. Рядышком его младший брат.

– Брат такой же?

– Оба шакалы двуногие, – подтвердил вполголоса Сиуард. – Их вотчина – равнинные болота, там, они проводят все свое время, охотясь и грабя попеременно.

– А тот коренастый, что сейчас к ним подошел? Приземистый, со старым, зарубцевавшимся шрамом через все лицо, – шептал я, исподволь посматривая на окружающих. – Я его где-то видел...

– Хех! – хмыкнул Сиуард. – Разве такую свинью забудешь! Глянь-ка, пояс ослабляет! Готовиться набить свое брюхо.

Мы переждали, пока мимо нас пронесут тушки жареных перепелов, нанизанных на жердочки, дальше проследовала разрезанная на куски баранина, и под конец поспешили дощечки с дымящейся каптановой кашей.

– А лицо у коротышки свирепое.

– И туловище, и сердце такие же, – дополнил Сиуард. – Это цепной пес Афахара – Гагшыг. Тот, что дальше всех от нас, старейшина Сарит. Он человек мирный, не чета этим коршунам. – Я заметил, как подергивается щека этого человека. Он их боится. – Остальных я не знаю.

– Не пьялься на них, – улыбнулся я Сиуарду. – Они могут

расценить это как вызов. Лучше полюбуйся, какая красота, — кивнул я ему на фрески.

— И не говори.

Апсил даже не глянул на стену, но приумолк, силясь разобрать, о чем те говорят.

— ...на заре подкрались... спят... петух прокукаrekал... переловили в силки, как перепелок... Вон та...

Я расслышал как Гагшиг хвастал перед казначеем, указывая ему пальцем на живой трофей.

— Та, что греет руки у жаровни? — спросил я тихо у Сиурда.

Сиурд ничего мне не ответил, он напряженно прислушивался к гостям.

— Кх... Кх... — Афахар оборвал Гагшига многозначительным покашливанием, и презрительно скривился.

Этого хватило не только Гагшигу, но и остальным. Афахар не одобрил завистливые взгляды, которыми окидывали его пленницу.

— Сами виноваты! — проявил твердость духа царский счетовод, задергал головой в подтверждение своих слов, похлопал Гагшига по плечу, и покинул их круг.

Что касается самой пленницы, то она по-прежнему не участвовала ни в каких разговорах. Проходящий мимо нее виночерпий подозвал ее знаком и указал на табурет у дальней стены. Она ему едва заметно кивнула, пошла и присела. Думаю, она устала стоять, и хотела быть незаметной. Только когда она села, я заметил ее обувь — высокие деревянные колотушки, сверху обтянутые коженной лентой.

Несмотря на ее отчаянное положение, я не заметил в ней признаков страха, во всяком случае, явных. Ее лицо выражало полнейшее равнодушие ко всему с ней происходящему.

— Не хмурься, — предупредил я Сиурда, и снова деланно ему улыбнулся: — За нами наблюдают.

— И перед лицом смерти не подумаю перед ними заис-

кивать, – процедил он сквозь зубы – Иногда я сомневаюсь...

– В чем?

– Кассий, а может, небеса пустые? А? Как они такое допускают? Она такая хрупкая, отдана на растерзание этим кабанам...

– Сжался, Юпитер! – пробормотал я, потирая подбородок.

– Только о них и разговору, а они безнаказанно разгуливают, галдят и смеются, – Сиуард заметно повысил голос. – Это насмешка над справедливостью, Кассий.

– Тише, я тебя прошу! – запаниковал я, и встал умысленно между ним и гостями – Ты же сам...

–...Убийцы пируют на виду у царя, а тот притворяется, что не знает о них. Это изобличает его... Сиротызывают об отмщении, некому за них заступиться...

«Вот заладил! Кривить душой он не желает, а правда звучит непоправимо... Как переговорить с Ресмагом без тебя? – думал я, и молча потирал разболевшийся затылок. – Как часто сердце бьется! Ты же все испортишь. Моя бы воля, я бы держался от тебя подальше, но тогда ты натворишь еще больших глупостей».

– Научись лицемерить, – советовал я Сиуарду, – хотя бы слегка... Это тоже оружие.

Иногда только притворство помогает предотвратить неотвратимую резню. Излишняя искренность вредит, если она в неподходящее время, а Сиуард вольнодумец, и говорит что думает. Я попытался растолковать простодушному варвару, что слышать правду, особенно прилюдно, бывает очень неприятно. А для наследных царей, привыкших к похвалам, это и вовсе равносильно оскорблению.

– Значит, лгать и притворяться?!

– Да, – заключил я, со вздохом. – Нам всем придется. И тебе, и мне, и Ресмагу. Он же твой родич! – упрашивал

я его полушепотом. – Прояви к нему уважение. Это не-пременное условие. Иначе мы не договоримся.

Сиурд замолчал. Он обладал непостижимой способностью укорять. Если не прибегал к хлестким обличениям, то молчал, но тоже красноречиво. Тем самым он дал мне время осознать себя, не просто оступившимся, но за-конченным негодяем.

«Я исправлюсь, когда стану сильнее. На все воля бо-гов», – утешал я себя, когда к нам подошел трибун. Он дал мне возможность отвлечься от мрачных раздумий.

– Что за пиликалку ты там щупал?

– Это кифара. А еще у них есть барабаны для танцев, – обнадежил трибун. – Представляете, что здесь начнется, когда они пустят все это в ход!

В отличие от нас, Апий находился в приподнятом рас-положении духа. Он спрашивал и тут же, по своему обыкновению, не дожидаясь ответа, задавал новые вопросы, и сам же на них отвечал.

– А эту седовласую знаете? – кивнул он подбородком на жестикулирующую распорядительницу. – Она вам никого не напоминает? Нет? Она Цира, сестра Ресмага.

Я сравнил женщину с братом, ему уже казначей шеп-тал что-то на ухо. Сходство бесспорное – она родственница, и причем близкая. Уловив мой взгляд, Ресмаг привет-ливо кивнул, и я, почтительно склонившись, приложил ладонь к груди.

– ...А я сам догадался, – трещал беззаботный трибун. – Во-первых, она всеми тут помыкает. Во-вторых... Ну они же похожи. Глаза, как костры в ночи, брови, как кусты лох-матые, лоб высокий... Какой высокий лоб! – восторгался трибун. – Правда, у нее подбородок не обвис, – признал он попозже – но это пока, надо дать ей времени, она его наест... она ведь помоложе и похудее. – Помолчав чуток, пред-упредил: – Не вздумайте при ней говорить о брате плохо, иначе она услышит и пожалуется, или подсыплет нам яду.

– А тот худощавый, рядом с ней? – поддержал его игру Сиуард. – Он тебе никого не напоминает?

– Не знаю. Здесь похожих на него нет, – трибун озадачено озирался по сторонам. Потом неожиданно хихикнул, и хлопнул себя по бедру: – Гадес его забери, это же отец Тифона! – указал он нам на писаря. – Во всяком случае, если бы у него был родитель, он должен быть именно таким.

– Ошибаешься... хотя, кто его знает. Он знахарь.

– Что-то не похож, – засомневался Апий

– Нет, нет. Он знахарь, – настаивал Сиуард. – И причем известный.

– Известный? Этот коновал? – недоверчиво морщился трибун. – И чем он известен?

– Кровопусканием.

– Он вены отворяет? – ахнул Апий. – Какой ужас!

– Не то слово!

– А с виду тихоня.

– Ты не смотри на вид. Захворавшие к нему в очередь строятся, – рассказывал Сиуард. – Я знал одного больного, он собирал в плетенку виноград, и слетел с приставленной лестницы, сломал позвоночник. Его домочадцы послали за лекарем...

– Все мы смертные, – поначалу отмахнулся Апий, но любопытство все же взыграло. – Он умер? – увидев, как Сиуард отрицательно замотал головой, Апий расширил глаза. – Не умер?!.. Он все равно умрет рано или поздно, – рассуждал трибун. – Гори он пламенем, твой лекарь!

– Надо не попасться в его лапы... Я подкреплюсь... – В предвкушении лакомой еды Апий потер руки и слюннул слюну. – Неизвестно, когда нас еще так накормят... Сиуард, я не знаю ваших обычаев, – вдруг озабочился он, – как мне вести себя? Что говорить?

– С каких это пор тебя это волнует?! – взъелся я на него. – И кто тебя вообще просит что-то говорить?!

– Ух, ты! Юпитер Капитолийский! – снова ахнул трибун. Его блуждающий взор застыл. – Почему его голова так шатается? Он это нарочно делает? Это же неприлично.

– Старейшина родич царя – Лабарна. Он брат его бабки, – сказал нам апсил. – А юноша с перевязанной рукой – сын Ресмага Гозар.

Двое калек волочились как улитки вдоль зала.

Обмотанная рука юноши покоилась на плечевой перевязи, а на его здоровую руку опирался старикан, шаркающий теплыми, высокими сапогами из выделанной воловьей кожи. Лысая голова, изборожденная морщинами, напоминала черепашью, и непрестанно покачивалась, а слезливые, выцветшие глаза просили объяснений у порывистого сопровождающего – куда тот его мимо стола тащит.

Лицо Гозара, наверное, только недавно тронуло лезвие бритвы, но держится он как взрослый. Молодой человек задрал подбородок и шествует от одного гостя к другому. Все они, включая разбойников, о которых мы судачили при его приближении, стараются произвести на царевича благоприятное впечатление, и принимают приветливые лица. Неожиданным радушием повеяло от Афахара. Он, казалось, искренне улыбнулся. Поведение Афахара, и самого Гозара, не оставляли сомнений – его прочат в наследники, и Афахару это ведомо. У Ресмага, помимо Гозара, есть еще двое законных сыновей, и брат младший был. О царском брате носили разное. Ходил даже слух, что он исподтишка поддерживает Скепарну – злейшего из соперников Ресмага, но брат в итоге погиб в стычке с крестьянами, и его похоронили с почестями.

– Всеблагие боги! А этот как сюда пробрался?

– Кто? – отвлекся я от раздумий.

– Гамкаар с большим носом.

– Апий, не хочу тебя расстраивать, но нос у него не больше твоего.

– Большой нос рядом, – уточнил трибун.

– Рядом?

– Ну вон же, – трибун подтолкнул меня локтем и кивнул на человека, крадущего со стола маслину. – А теперь вон, горб о колонну чешет.

Уроженец меднобогатого Тира явно скучал, обделенный вниманием. Чтобы хоть чем-то себя занять, Гамкаар то пряжку на поясе поправлял, то гримасничал, осматривая перстни на холеной руке. Рядом ошивался его товарищ – согбенный человечек, более половины лица которого занимал сизый, мясистый нос, словно перевставленный с чужого, более крупного лица. Под цвет его носа была и отливающая синевой рубаха. Он выпустил ее из мешковатых штанов, чтобы показать всем ее отделку, вытканную вокруг шеи и по краям мехом.

– Рад вас видеть в нашем доме, дорогие гости! – восхликал доковылявший до нас Гозар.

– Долгие лета, славный царевич! – отозвался я с легким поклоном.

Трибун и Сиuard стукнули себя кулаками в грудь, и вскинули руки в приветствии, но юному абазгу это не сильно польстило. Он встретил нас такой же непринужденной, покровительственной улыбкой, как и своих подданных.

Меня это задело, но я не подал виду и улыбался.

«Э, юноша! – думал я о нем. – Ты переоцениваешь влияние своей семьи. Из-за вашей внутренней вражды, оно сильно упало. Ты, наверное, редко выбираешься из тесного круга своих домочадцев, иначе бы ты был поскромнее с посланцами великого Рима».

Гозар кивал, а я ему представлял тех, кто со мной. Вдруг хриплый рожок возвестил о полной готовности стола. Резкий звук заставил меня вздрогнуть, а дряхлый Лабарна схватился за сердце и обмяк на племяннике. Он едва не лишился чувств. Мы его сообща подхватили, ина-

че бы старик грохнулся теменем об каменный пол, и обратил пир в тризну.

Подоспевший Ресмаг снова познакомил нас со старейшиной. Я тому, в третий раз, церемонно поклонился и пожал его холодную, как рыба, руку. Кто-то тихонько, со спины, дернул меня за рукав. Гамкаар сохранил ряд белоснежных зубов, и при случае мог ими блеснуть, а за его спиной вымученно кривился его товарищ с непомерно большим носом. Купцы пробрались вслед за нами без приглашения, миновали стражников, и теперь у ниххватило нахальства требовать, чтобы я поручился за них царю. Нет смысла упираться, если уже попал в глупое положение, и я представил их царю. Ресмаг посчитав, что они пользуется моим доверием, встретил их приветливо.

– Мудрейший, о добром правлении твоем весть разнеслась далеко! Движимые желанием познакомиться с тобой, с прославленным царем, мы пришли сюда. – Гамкаар зашелся в витиеватой лести, мало внушившей доверие, но он этого не замечал. – Я и мой друг, с которым я сдружился в Трапезунте, – представил он кланяющегося сизеносого, – пришли разузнать пути в твой град, заручится твоим покровительством для будущих обширных связей. Ну, и привезли с собой кое-что на пробу.

– Гм... Э... – не зная, как ему ответить, Ресмаг шамкал ртом и смотрел то на меня, то на торговцев. – ...Гм... Что ж, похвально... Хвалю вас! – наконец нашелся абазг и, выделив Гамкаара, обратился к нему: – Вы печетесь о развитии торговли, я тоже. Она облегчает нужду... Наверное, вам пришлось проделать долгий путь... Финикийцы – славное и доблестное племя, – хвалил их абазг, – они и раньше навещали наших праотцев. Многие так даже селились у нас, но то дела минувшие, – отмахнулся Ресмаг. – Вы лучше расскажите, как доплыли.

– Мы пришли посуху, на ослах, – выдал большеноый.

– Это он, – вставил Гамкаар, и, косясь на товарища, отвечал царю: – А я до этого прошел сквозь земли многих

диких племен, владыка. Всех удач и чудес, что я повидал, не перечислить...

– Повсюду слава о справедливости твоей! – опять встрял большеносый, – а потому, владыка, хотим мы испросить у тебя прощения.

– Прощения? – переспросил абазг. – За что?

– Мы задержались в окрестностях твоей вотчины, – гундосил Большой Нос, – вынужденно. Лил дождь, мы повременили пойти через болото... – Гамкаар занервничал, заподозрив неладное, но его товарищ продолжал говорить, не замечая страшные глаза, которые тот ему показывал, и даже отвечал другу – Всегда лучше сознаться самому, чем ждать, пока дело откроется...

– Ну, это смотря в каких случаях, – буркнул отчаявшийся Гамкаар.

Большой Нос своим простодушием поставил всех в тупик. Томимые жестоким голодом, купцы нарушили негласный в этих землях запрет. Они убили и освежевали на ближайшем дереве первую попавшуюся им корову. Животное мокло под дождем от них неподалеку.

Более сметливый Гамкаар был близок к обмороку. Дядя царя, правда, по другой причине, тоже, казалось, вот-вот рухнет. Он устал стоять.

Ресмаг, наконец-то поняв, о чем идет речь, расхохотался во все горло.

– Ни слова больше! – запротестовал царь, указывая купцам на богато накрытый стол. – У меня еще осталась кое-какая снедь! Примите мое гостеприимство!

– Большая честь! – воспрял Гамкаар, и незаметно для других отдавил другу ступню.

– Прошу вас, путники дорогие! – направившись к столу, приглашал Ресмаг. – Садитесь вот тут, прямо против меня. И по правую, и по левую руку садитесь...как вам удобно...

По знаку Амала, он прищелкнул пальцами, девушка с

ожерельем из монет пустила в ход деревянную трещотку, а сидевший на табурете

веснушчатый крепыш стал наигрывать веселую мелодию, начиная праздничное застолье. Я уже однажды его видел, в священной роще абазгов. Он и тогда раскраснелся от дутья в длинную тростниковую свирель. Я плелся вслед за Ресмагом, и старался загородить от него спиной торговцев. Остальные гости занимали места так же, не суетясь, и по абазгскому обычаю пропускали друг друга вперед. Я и Сиуард заняли места по другую сторону, напротив хозяина дома. Замешкавшемуся трибуну царь предложил место подле себя, тот недолго думая плюхнулся на скамью рядом с Ресмагом, Асканий уселся рядом с трибуном, но, встретившись глазами с сестрой царя, они уступили свое место сначала ей, потом еще каким-то двум абазгам почтенного возраста, и под конец отступили за поднос с рогатым козленком. Ресмаг нашел взглядом купцов и успокоился, убедившись, что их усадили неподалеку.

На столе, на равных промежутках, стояли глиняные масляные светильники, а рядом горели медью чаши и кувшины с вином. Все было устроено для удобства гостей.

– Парфяне отрезали нас от теплых земель. Пираты свирепствуют на закате. Аланы грозят из-за гор. Что за времена настали, Кассий! – сетовал Ресмаг, поигрывая в руке ножом лежавшим на его тарелке. – Даже эти, – показал он острием ножа на Гамкаара, – на что горазды, и те без крайней нужды к нам не идут... зажили как в медвежьей берлоге...

– Сейчас повсюду так, – вздохал я. – Кругом разбой.

– А может, наши гости расскажут нам вести с противного берега! – возвзвал Ресмаг к купцам. – Как вы добрались к нам?

– С большими трудностями! – отозвался подскочивший Гамкаар. – Владыка, достойные тебя дары...

– И слушать не желаю! – воспротивился Ресмаг. – По-

дарки оставь себе! Ты лучше, дорогой гость, позабавь нас рассказом. Я давно не выбирался из своих пределов.

Торговцы переглянулись, перебирая в уме, о чем им рассказать. У финикийца ума было побольше, и чтобы им пораскинуть, ему потребовалось время. Зато тот, у кого его было с зернышко, быстрее нашелся. Его лицо озарила счастливая улыбка.

– На конской реке нас чуть не побили камнями! – радовался Большой Нос.

– Где? – оживился Ресмаг.

– Есть река Гиппиус. Эллины и местные ее лошадиной считают. Там коней купать легко. Она с гор низвергается водопадом, а дальше течет по плоскому нагорью широким и низким потоком.

– Самую малость привирает, – подмигнул мне царь. – Водопада нет. Я бывал у истока. А вот река и вправду мелкая. Я переезжал ее вброд на колеснице. Есть места, где дно у реки каменное.

– ...За рекой лес, а в нем обитает дикое племя, враждебное разуму, – заметил во всеуслышание Большой Нос. – Они выстроились на другом берегу, и, по-видимому, у них какое-то там торжество или погребение было... Плотная толпа, больше мужчины, но среди них и женщины в черном, настоящие фурии, с распущенными волосами. Светло было, но они зажгли факелы и в руках держали. А их жрец кругами вокруг них ходит, а потом тыкает в нас пальцем, и показывает всем на нас. Мы ему ничего дурного не сделали, а он стал изрыгать проклятья, и руки к небу тянет. Они его послушались и рассердились на нас... Почтенный Гамкаар, – Большой Нос указал собравшимся на товарища, и тот закивал, – посредством знаков, разумной речи они не понимают, дал им понять - мы пришли с миром. Мы им показываем, что с собой привезли: хитоны тканые, украшения, шелка, ковры для обмена, руками зазываем, смеемся, улыбаемся, а они давай кидаться в нас камнями через реку...

– Кидаться камнями? – переспросил Ресмаг.

– Мелкими, – уточнил Большой Нос. – Крупные не долетали, в воду бултыхались. Мы стоим, как завороженные. Я и сам не шелохнулся, мы такого не ожидали, – всплеснул руками Большой Нос, – и тут в запряженного вола угодил камень.

– Кошмар! – подал кто-то голос.

– Ужас! – согласился с ним Большой Нос, возвысил голос и сжал перед собой кулак. – Рев животного пробудил нас! Скотина ободрила нас, побуждая не теряться перед толпой плохо вооруженных женщин и сумасшедших.

– Вы ринулись на них? – подал голос Амал.

– Зачем?! – удивился Большой Нос. – Мы ринулись от них...

То тут, то там послышались смешки.

– А что нам оставалось? – задергал он плечами. – Не можем же мы подставлять себя под их камни? Мы побрасали товар на повозки, и побежали, подгоняя выночный скот.

– А дикари? – допытывался Ресмаг.

– Сумасшедшие? Они за нами увязались, все вместе, с женщинами, факелами и жрецом бросились в реку. Она неглубокая... Тут уж мы в них камнями метали, оборачиваясь...

– Это настолько нелепо, что скорее всего правда, – обронил мне Ресмаг, и снова возвзвал к купцу: – Правдивых боги полюбят! – подбадривал он его. – И долго они вас преследовали?

– Долго, – возгласил Большой Нос. – В беге они проворнее атлетов. Насилу оторвались... Одно хорошо – когда мы от реки отошли, у них камни кончились...

Словоохотливый купец своим незамысловатым рассказом заставил воинов улыбнуться и тем завоевал всеобщее расположение. Те, кто мечом добывает себе хлеб, с легкостью могут отличить настоящую битву от кукольного театра, но в последнем их души более нуждаются.

— А расскажи, достойный, о соседних с вами парфянах, — попросил я купца. — Ты бывал в их городах?

— И где я только не бывал! — отозвался бойкий купец. — Народы в Парфии живут на огромном протяжении. Очень их много, и все они разные. Но одно их роднит, — вспомнил Большой Нос, — они не воздвигают статуи и храмы. Это у них не принято. Также они не считают богов человекоподобными существами, как это делают племена на Понте.

— Их обычай схожи с нашими, — заметил ему Ресмаг. — Мы тоже богу грозы приносим жертвы на вершинах гор, и весь небесный свод называем именем громовержца.

— У них не так, — объяснял Большой Нос. — Они, в отличие от вас, совершают жертвоприношения также солнцу, луне, огню, и даже воде и ветрам. Их нравы сильно отличаются от того, что здесь.

— Умный муж, — кивнул мне на говорившего Ресмаг. — А отчего у него нос почернел?

Не зная как ответить, я пожал плечами, а Ресмаг срезал ножом тонкий ломоть дымящейся козлиной лопатки и опустил его в мое и так переполненное блюдо. Я хотел было привстать, но Ресмаг знаком руки удержал меня.

— Ты почти ничего не ешь, хотя наверняка голоден. Отведай козлятину, — позабочился он, — она хороша с алычовой подливой.

Отрезав еще кусок, он нанизал его на длинный нож и протянул его трибуну. Тот привстал в знак признательности, прежде чем сдернуть с острия дарованный кусок.

— Разговоры разговорами, а есть надо, — наставлял его Ресмаг.

Царь утер пальцы белоснежной тряпицей, подал знак абазгам, сидящим рядом с купцами, настойчиво их потчевать, а сам обратил внимание на других. Все это делалось умышленно, чтобы мы могли, не смущаясь, поесть.

Я ел, краем уха слушая Ресмага, стараясь не упустить ни слова, и изредка поглядывал на моих спутников.

Трибун жевал и вертелся как юла, пытаясь ухватить, о чём гадят окружающие. Он заулыбался пожилой, но все еще видной сестре царя. Та едва прикоснулась к еде, так мало она ела. Она, со скрываемой брезгливостью, наблюдала, как трибун расправляется с дарованным куском козлятины.

Апий пытался разорвать мясо руками, и по свойственной ему рассеянности, не догадался вытереть жирные пальцы. Кусок, как назло, попался жилистый, и долго не поддавался. Внезапно его пальцы соскользнули с жилы, и кусок козлятины, подобно выпущенному из пращи камню, пролетел мимо гостей. Ресмаг быстрым взглядом проводил метательный снаряд, который как падающая звезда пронесся и плюхнулся в тарелку его дядьки, забрызгав тому лицо подливой.

Ресмаг огляделся по сторонам и даже наверх глянул, недоумевая, откуда прилетел кусок, но Апий успел принять беспечный вид, и притворился поглощенным беседой. Он понимающе кивал сестре царя, хотя она молчала. Цира, если я правильно назвал ее имя, воззрилась на трибуна с уже нескрываемым омерзением, будто он жаба, а старый Лабарна, шамкая ртом, утер лицо и лысину, приподнял кончиками пальцев кусок мяса и осматривал его. Потом и он стал озираться своим мутным взором. Лабарна силился взять в толк, кто из нас метнул в него мясом. Чтобы он на меня не подумал, я, чуть привстав, приветливо кивнул ему, но старик от этого ожесточился, и сделал мне страшные глаза. Я ему улыбнулся, а он подозрительно прищурился. Зря я так, он на меня подумал.

Истинный виновник притворился занятым. Он схватился за кувшинчик, и стал подливать из него вина сидевшим рядом. Когда черед дошел до Циры, та слегка склонилась над столом и тихо спросила меня:

– Он это нарочно сделал?

– Это? – приурялся я. – Что это?

Вместо ответа она смерила меня взглядом своих со-старившихся, но все еще ясных глаз, и убедившись, что я ее понял, сжала губы в строгую линию и осуждающе за-качала головой.

Трибун по нашим лицам силился отгадать, о чем мы. Неряха увлекся и перелил вино за края ее чаши. Цира, вздрогнув, отстранилась, но было уже поздно. Душистое вино растеклось и впиталось в ее одеяния, оставив на нем большое, темное пятно. Хвала богам, царя отвлекли, и он этого не заметил.

— ...на... не... нар., — запинался трибун.

— Что? — удивилась она.

— я... с... соль... — выдавил он из себя, — вы... вывести пятно... можно посыпать...

Пока я миротворствовал между ними, девушки и юноши-виночерпии уносили полупустые кувшины и тарелки с обедками, приносили новые кушанья. Тут были и цельные, жареные поросыта на подносах, и корзинки с фруктами, душистые хлеба, резанные на толстые куски, тертый овечий сыр, и конечно же, дымящаяся каша из плодов каштана, которую абазги разносили на свежевыструганных деревянных дощечках. Стол ломился, но гости привередничали, особенно те, кто постарше. Они все время просили чего-нибудь принести, и девушки сбивались с ног, стараясь угодить каждому.

Одна из них, приветливая и опрятная, с чуть раскосыми глазами, склонилась над Цирой, придерживая глиняный горшок ветошью и дощечкой под ним. От блюда исходил ароматный пар. Само блюдо из говядины — рубленные на мелкие кусочки печень, почки, желудок, приправлены луком. Сначала все это варят, а потом поджаривают на оливковом масле. Очень жирная и сытная пища. Ее едят подогретой, иначе жир застывает, и уже не так вкусно.

Царица изволила отведать, и тем вынесла себе приговор. Ее палач, то есть трибун, попытался выслужиться.

Он вскочил, в надежде новой услугой загладить предыдущую вину, вспыхах выхватил из дымящегося блюда черпак и вознес его над Цирой. Глаза женщины испугано расширились, она юркая, успела уклониться. Содержимое черпака плюхнулось ей на широкий у кисти рукав, а сам черпак упал ей на колени. Трибун обжегся, и от неожиданности разжал пальцы, а обожженная Цира подскочила как ошпаренная. Надо отдать ей должное, она прекрасно владела собой. Сдержанная аばзгка покраснела от боли, но не вскрикнула. Все произошло быстро и плохо, но настоящая трагедия последовала, когда Апий отчитал девушку, и та обиделась на него. Он вроде нашел виноватую, но Цира еще больше ожесточилась. Ее колючий взгляд, и до этого не очень-то дружелюбный, теперь выражал открытую ненависть к Апию. Она отстранила его руку с такой гадливостью, будто боялась испачкаться, и, не прощаясь, покинула нас.

– Проклятье! – процедил сквозь зубы трибун.

– Сядь! – зашипел я на него, через стол – Ты это нарочно?

– Нет, клянусь Геркулесом!

– Поешь что-нибудь, и держи свои руки при себе... Расслабься, и выпей...

– Это поможет?

– Не поможет, но ты сядь и выпей. Сядь!.. Отлично! Теперь пей!

Апий осушил стоявшую перед ним чашу, тут же трясущейся рукой он обновил ее, и вновь опустошил. Тихонько икнув, он осушил и Цирину чашу. Еще немного, и он почувствовал себя гораздо спокойнее и уверенней. Это было заметно по его расслабившимся мышцам лица.

– Причем тут я? – обиженно заурчал трибун. – Виновата та косоглазая. – Апий, подражая той, о ком говорил, косил глазами для пущей убедительности и указывал на нее пальцем. – Вот та!.. да... неловкая из рабынь... с оттопыренными ушами.

Оттопыривать уши ему не было нужды, но он все равно это сделал.

По тому, как Сиуард зажмурился, я понял, что произошло нечто непоправимое. Но это уже не имело значения, окончательно тронувшийся умом трибун корчил рожи, изображая «страшненькую», и доказывал, что не он, а она черпак уронила.

Сиуард тихо выругался, а сидевший рядом с трибуном абазг поперхнулся едой. Он уже давно смеялся тоненьким, тайным смехом, похожим на скрип ссохшихся, ржавых петель. Он еле откашлялся и утер навернувшиеся на глаза слезы.

– Та с черпаком ее дочь, – известил нас Сиуард.

– Чья?

– Ее, – Сиуард кивнул вслед Цире.

– Чтоб я умер...

– Чтоб ты умер!

– Чтоб тебя убили! – согласился я с Сиуардом. – Ты свинья, Апий!

– Отчего так? – робко осведомился трибун.

– Не знаю, – пожал я плечами. – Наверное, оттого, что ты пьяница.

– Я? Пьяница? Нет!

– Нет?

– Я мало выпил.

– Ах, тебе мало!

– Но ты же сам сказал...

Я очень хотел его ударить через стол, но понимал, что заметят.

– Ты чтотворишь?! А? – зашипел я на него. – Ты хоть знаешь, что нанес ей смертельную обиду?!. Ешь! Так будет лучше для всех.

– С набитым ртом ему будет сложнее издавать звуки, – одобрил мою стратегию апсил и выразил надежду: – Она женщина мудрая, может, и не пожалуется.

Сиуард с каменным лицом пододвинул поближе к трибуну блюдо с цельной жареной рыбиной. Уже пресытившийся Апий под нашим наблюдением выуживал кости из рыбьего туловища и окунал сочные куски в алычовую подливу. Пока он давился рыбой, виночерпий поднес Ресмагу турий рог редкой красы, отделанный пластинацией чеканного серебра и вставками из янтаря.

– Достойный Кассий! – возгласил Ресмаг, поднявшись с ложа.

Я тут же вскочил, как и положено в таких случаях, и немного ссуптился из скромности.

– Я называю нашего гостя достойным, потому что он может гордиться своими деяниями! – Ресмаг возвзвал ко всему собранию, и присутствующие обернулись ко мне. – Денно и нощно этот человек приносит пользу и войску, и общине, во главе которой поставлен! – он указал на меня свободной рукой. – Наш друг Кассий представляет народ многочисленный, как морской песок, и столь же доблестный. Он предводительствует людьми, дерзнувшими проплыть сюда, к нам, от крайних пределов земли. Через земли враждебных и дружественных племен пришли наши заморские гости. Наши друзья пришли, чтобы установить морской и сухопутный путь для связи многих народов к общей взаимной выгоде. Сегодня, под сенью римских щитов процветает торговля, наполняющая наши дома достатком, а чаши весельем. Честь тебе и хвала за это, мой друг! Я желаю тебе удачи, в нашем общем деле! И пусть боги дружелюбно склонят свой слух к моим мольбам, и будут к тебе благосклонны!

Испив из рога, Ресмаг опрокинул его горловиной вниз, тем он доказывал, что честно осушил его до дна. Растропный виночерпий тут же плеснул в рог булькающее, густое вино, и я принял от него наполненный сосуд. Желая выразить Ресмагу благодарность за дружбу и покровительство, я завел хвалебную речь.

– Нет слов, чтобы оценить твое гостеприимство, владыка...

– Э, нет! Постой! – замахал мне рукой Ресмаг. – Ты должен поднять этот рог не в мою честь. У нас, абазгов, есть свой застольный обряд. Чтобы люди могли познакомиться, каждый, кто принял здравицу, в свою очередь призывает благословление на голову незнакомца. Так мы заводим дружбу.

– Радушный обычай! – признал я, и все еще с рогом в руках, осмотрелся в поисках подходящего незнакомца. – За тебя, юный Гозар! – остановил я свой выбор на царском наследнике

Абазгское пиршество, это не обжорство или выпивка, но сложный, полный истинного величия ритуал. На пиру у абазгов принято вести себя не как хочешь, а как должно. Это не менее красит мужа, чем поведение в бою. Например, не принято смущать отрока пожеланиями красивой жены, плотских утех или голов недоброжелателей. Предпочтительно хвалить его происхождение, поучать примером старших и желать ему славных свершений.

....Передаю тебе этот благоухающий рог, славный юноша! – чеканил я на абазгском, стараясь быть услышанным всеми. – Будь отрадой для отчего дома! Будь крепок и душой и телом, и преисполнен бодрости. Да ни спошлют тебе боги такого же долголетия и счастливой старости, как и твоему седоглавому родичу, чью старость ты украшаешь своею молодостью...

Цветущий, пышущий здоровьем, румяный юноша, и высуненный как изюм Лабарна, неровно дышащий, со впальми щеками и выпирающими надбровными дугами словно изображали друг друга. Две стороны одной монеты, жизнь и смерть.

– Никто не знает, сколько ему лет. Да он и сам не знает, – поведал о дядьке Ресмаг. – В царстве теней его отвергли, вычеркнули из списка смертных. Ему от ста

десяти до ста двадцати-тридцати лет, где-то так... Вижу, ты не веришь, – усмехнулся мне Ресмаг. – Мне и самому с трудом верится, я состарился, а он все тот же... Это у них семейное. Их род отличается долголетием, – рассказывал царь. – Не то что мой несчастный дом...

Выяснилось, что и отец Лабарны прожил больше ста, и зачал его незадолго до того, как стал плохо видеть. Он почти ослеп, когда погиб на конной прогулке.

– На конной прогулке? – не удержался я от недоверчивого возгласа. – Слепец?

– Не совсем слепец. Говорят, кое-что он все-таки различал, – Ресмаг на миг задумался, и развел руками. – Хотя, кто уже знает. Так или иначе, – махнул он рукой, – старик доверился коню, и грохнулся в яму с кольями, прикрытую травой. Охотники устроили западню для кабана, но злополучный конь сошел с тропы пощипать травку и, видать, по рассеянности угодил в нее копытом. Страшная смерть, что и говорить. Хотя, его могли убить и раньше. Он собирал под свое знамя всех окрестных молодцев и вел их через море жечь эллинские города, присягнувши Риму, – пояснил Ресмаг. – Боспорский царь его за это щедро одаривал и приблизил к трону.

Абазги не скрывали давнишней вражды с латинянами, и даже наоборот, кичились долгим и стойким сопротивлением, которое они на протяжении многих поколений оказывали тогда еще республике, сначала на чужой земле, а потом на собственной.

Предок Ресмага по материнской линии, отец Лабарны, принимал Митридата Эвпатора под этим кровом, в этой же пиршественной. И так совпало, кстати, тоже на Сатурналии.

События те восходят к седой древности, к другой эпохе, когда латинян приводили в Диоскурию в цепях, а на всем Понте безраздельно властвовал заклятый враг Рима. Он был настоящим понтийцем, человеком непонятного рода племени. Он и перс, и наполовину эллин,

и зять армянский, и побратим всех прибрежных вождей. Митридат дружил со всем пестрым варварским миром, знал десятки местных наречий, и почти к каждому из своего разношерстного войска мог обратиться на его родном языке. Горцы полюбили Митридата за его дерзость, и сражались под его знаменем до самой его бесславной гибели.

Давным-давно, еще до начала наших времен, понтийский царь с огромным двухсоттысячным войском осел на одну из своих последних зим в Диоскурии. То была битва исполинов, эпоха многолюдных воинств и бешеної отваги. Единственное напоминание о той поре – монеты с изображением быков и двух фригийских шапочек. Они здесь до сих пор в ходу. Митридат, или как его именовали иначе Евпатор (завоеватель), за верность антиримскому делу позволил диоскурийцам чеканить собственную монету. Известный воитель не раз сходился в жесточайших схватках и с диктатором Суллой, и с триумфатором Луккулом, и с самим блистательным Гнеем Помпеем. Десятки городов и десятки тысяч римлян поел его меч.

Фрески старые и облупившиеся, не всегда такими выцветшими были. В те времена они еще пахли сверкающими красками. Это древнейшая часть дворца. Тут стены и потолок повсюду покрыты изображениями, и в одном месте можно разглядеть небожителя, близкого к людям, обитающего на берегу неведомого горного озера. Дух охоты стоит бок о бок с ощерившимся волком и двумя запутавшими охотниками. Я по зверю определил, где бессмертный, а где смертные. А еще у духа странный, но осмысленный взор, а самое главное, поза, в которой он изображен.

Охотники стоят перед ним гордо, с распрямленными спинами и закинутыми в замахе копьями, а для него гордость щетка. Он к земле клонится и, наверное, забавляется их неведением относительно того, кто он. Эти фрески не подражание. Они не похожи ни на что виденное

мною ранее. Они, как и сама Абазгия, ни с кем не схожи. Их страна настоящая смесь, вобравшая в себя многие частицы, так и не смешавшиеся воедино.

О чём тужил неустранный Митридат, разглядывая эту фреску? Он ведь тоже тут сидел, смеялся и потягивал вино. Тоже, наверное, вздыхал о своем. У каждого свои горести. Каждому свой жребий. Долгие лета Марс ему улыбался. Имя его держало в оковах страха не только окраины, но и сам Рим. Суеверный люд величал понтийца восставшим из мрака Ганнибалом. Даже по прошествии времени моя нянька, уроженка берегов Тибра, меня в детстве пугала его именем, знать ее тоже пугали Митридатом. И чего она только о нем не напридумывала: что он кровь детей пьет и всякое, и что людоед, а вот теперь, оказалось, понтиец не такой уж и зверь, каким его представили впоследствии. Во всяком случае, трудно вообразить, чтобы кровавый демон в человеческом обличии сохранил бы по себе такую светлую память. Он освобождал захваченные им города от какой-либо платы за покровительство, сжигал списки должников и вешал менял. Еще он даровал свободу всем рабам, присягнувшим ему. Митридат выпускал с галер на свободу рабов, давал им римское оружие, а самих гребцов заменял плененными легионерами. Блистательный был царь. Он одарил тогдашнего правителя Абазгии плоскодонной, удобной для высадки либурнной, с квадратными алыми парусами. Изящный подарок сожгли моряки Помпея, а отлитый из бронзы таран, имевший форму остроносой рыбы, Помпей выудил со дна и утащил с собой.

Легионы Помпея прошли по землям санигов, абазгов и апсилов, и испепелили их как саранчу. Они захватывали в рабство всех подряд – и детей, и женщин, и мужчин, без разбору. Людей и добро грузили на корабли, хижинны жгли, чтобы поесть виноград, рубили лозу под корень и стаскивали наземь. Квириты бы еще долго бесчинствовали, если бы Помпей не вызвали в Рим. А еще

помогла гористая местность, приютившая беглецов, и отец Лабарны. Он поднял втоптанное в грязь знамя сопротивления Риму. Он дал приют всем разношерстным, разноплеменным бродячим отрядам разбитых понтийцев. Он не склонил головы перед жестокостью, и по прошествии времени даже исхитрился выторговать себе мир на почетных условиях. Абазги себе избрали нового царя, и конечно же, по случайному стечению обстоятельств им оказался его родич и прадед Ресмага. От того власть потихоньку перекочевала, минуя его сына Лабарну, сначала к деду Ресмага, а потом к отцу.

Услышанное заставило меня по-новому взглянуть не только на врагов Рима, но и на безобидного старца, задумчиво изучающего щербинки на дубовой столешнице. Вместе с бездетным Лабарной угасала надежда древней семьи, попавшей под жернова Рима. Его род прерывался на нем. Стариk претерпел все тяготы, несчастья и разочарования, выпавшие на его долю, и теперь тихо засыпал, окруженный заботой и попечением родных. Все, кого он знал с юности, уже истлели, их могилы заброшены, поросли папоротником и мхом, а старый Лабарна, как морщинистая черепаха, все еще передвигается на шатких ногах.

– ...В тот год лютая была зима, – рассказывал Ресмаг. – Ни до, ни после такой не было. Говорят, замерзли реки, и даже соленая вода у края моря. Соседняя Диоскурия светила от костров несметного многоязыкого воинства, как пожарище, и была видна отовсюду. Хотя, постой, он и сам тебе поведает.

– Лабарна! О, Лабарна! – окликнул он родича, и тот вскинул голову, пытаясь определить, откуда его зовут. – О, Лабарна! – помахал ему царь. – Расскажи нам о Митридате.

– О ком? – пропищал старец тоненьким голоском.

– Царь Понтийский, с которым твой отец водил дружбу! – проорал ему Ресмаг. – Митридат!

При последнем слове лицо Лабарны разгладилось, и он надолго закивал.

– Отец... много горевал о нем... – в воцарившейся тишине страдающий отышкой старейшина, шамкая ртом, с большим трудом выдавливал из себя слова. – Хор... Хороший человек... Но, Ресмаг... мой мальчик... он ничем... ничем не может тебе помочь... говорят, он уже умер... Ходят слухи... эти шакалы его отравили...

Ресмаг украдкой подмигнул мне, а сам проорал дядьке:

– Лабарна! О, Лабарна! Он тоже римлянин! – указал он на меня пальцем.

Лабарна поминутно качал головой, и я засомневался, осуждает ли он меня или просто не понял, кем я являюсь.

– Ресмаг! Скажи своему гостю...

– Твоему, Лабарна!

– Уже... Уже своему, Ресмаг, – запротестовал старейшина дрожащей рукой. – Вы молодые... пока... На пиру надо веселиться, а не по... по... покойников поминать... успеете скорбеть... – выдал Лабарна, и сделав над собой еще усилие, благословил: – Камень между вами!

– Почтенный Лабарна, – воззвал я к старейшине с поклоном. – Да отмерят тебе небеса еще многие лета! Если они захотят, все возможно!

Пока я втягивал в себя густое черное вино, Ресмаг тихонько затянул застольную песнь из нарастающих возгласов, и ее сразу подхватили остальные. Мерно восходящее пение «О-о-о-о!» временами прерывалось резкими криками: «Хайт!», «Хайт!» Так уж у аbazгов принято. Наверное, это связано с именем легендарного Аэта.

Следуя правилам, я опрокинул осущенный рог горловиной вниз. Из него пролилось несколько капель, но зато мерно качающий головой Лабарна смотрел на меня уже почти по-дружески, во всяком случае, мне так показалось. С сознанием выполненного долга, я вернул виночерпию пустой сосуд, и уселся на скамью.

– Хорошо, он нам напомнил... – взбодрился Ресмаг и плеснул в мою чашу вина.

По их обычая, за покойников пьют, не поднимая особого шума и сидя. Абазги верят, что их предки продолжают жить незримыми тенями, и принимают участие в их судьбе. Вспоминают они только достойных, и особо выделяют павших на поле брани.

– За славную смерть! – провозгласил Ресмаг, он расплескал глоток на каменный пол, а потом воздел серебристую чашу над головой. – За мужей, и старых, и молодых! За тех, кто отжил свое как подобает! Пусть не обделены будут их души в стране мертвых!

– За тех, кто пел, умирая! – вымолвил могучий Атей.

Я немногословил, последовав их примеру, также поступали остальные. Некоторые бурчали еле слышно, или даже пили без слов.

– За тех, кто не запятнал имени своего трусостью и изменой! – чуть поодаль от нас раздался звонкий юношеский голос.

Ресмаг зыркнул на сына и пробухтел что-то про себя. На миг мне показалось, что его глаза увлажнились, так жалостливо он уставился на своего отпрыска.

Как и каждый родитель, он вздыхал о судьбе, которую боги уготовили продолжателю его рода. Отрок отличался бесхитростной и возвышенной душой, но в нем не было и тени изворотливости, отличающей отца. От добродетелей Гозара мало толку, если за ними не блестит лес копий и толстый кошель.

– А вы отчего умолкли? – очнувшись от раздумий, Ресмаг прищелкнул над головой пальцами и приказал музыкантам: – Мы еще живы, и в нашем доме праздник! Играйте плясовую! А у кого свободные руки обновите себе чаши!

Снова задудел веселый рожок, забили барабаны, и прерванный гвалт возобновился. Гости веселились, и всего было вдоволь. Уже изрядно расслабленный от вина, я,

тем не менее, не упускал из виду Апия. Его уже можно было выносить, как покойника, язык у него заплетался, но хвала богам, из-за всеобщего оживления никто не мог разобрать, о чем он там себе бубнит. Его ближайший сосед – абазг с косматыми черными волосами и бородкой, окаймлявшей узкое лицо, выковыривал тонким ножиком внутренность костяшки, и искося поглядывал на пыхтящего над бараньими ребрышками трибуна. Абазг сжалился, протянул трибуну нож, аккуратно держа его за лезвие, так чтобы не пораниться.

– Ты гость, тебе не пристало рвать мясо руками.

– Ух ты, сарматский! – ухватился Апий за нож. – Костяная! – похвастал он мне, показывая рукоять в форме резной бараньей головки. Восхищаясь ножом, и в знак благодарности, Апий обляпал жирной ладонью складки тоги на своей груди, а после измазал плечо абазга. – Ну, не знаю, что и сказать! Это роскошь, друг!

– Я не дарю, – заподозрил неладное абазг.

– Что он сказал?

– Это подарок, – вступил за него Сиурд.

– Спасибо, – умилялся Апий.

– Нет. Нет. Это подарок ему, – разъяснял Сиурд, и для ясности указал на абазга. – Если ему подарили, он не может подарить тебе. Так не принято.

– Ха-ха! – хохотнул Апий. – Ты это нарочно придумал, завидуешь.

Абазг, не ожидавший такого подвоха, тревожно переглянулся с Сиурдом.

– Апий, уверяю тебя, он не может подарить, – уговаривал его апсил. – Это правда.

– Да скряга он – вот правда. А мне что, рвать еду ногтями? – заныл трибун. – У меня зубы и так крошатся.

– Апий, – вмешался я, – отдай! Юпитером тебя заклинаю! Отдай!

– Не позорься! – упрашивал его Сиурд.

Абазг был сбит с толку, а трибун после того, как вернулся владельцу нож, еще какое-то время на него обиженно дулся, но за отсутствием других собеседников придвинулся к тому поближе и понес совсем неуместную ахинею. Дескать, расстроен он из-за Прометея, прикованного цепью в кавказских горах. Римский патриций настолько тепло отзывался о несчастном, что у абазга сложилось впечатление, что подвыпивший трибун, оплакивает кого-то из своих.

– Я и он... Й!.. Нет... Й!.. Мы не родичи.. – кое-как Апий превозмог икоту, и отрекся от Прометея. – Дальние?.. Й!.. Нет...

– Тогда зачем ты спрашиваешь о нем? – устав подбирать знакомые слова, абазг заговорил на своем. – У тебя есть до него дело?

Их мучения заставили Сиуарда снова вмешаться. Он переводил слова одного другому, и окончательно их запутал.

– Я здесь недавно... – разъяснял абазгу трибун.

– Он здесь недавно, – вторил ему Сиуард.

....Не буду кривить душой, я давно его ищу...

– Он тут давно ищет.

– Я осматриваю пещеры, скалы...

– Он где-то тут водится... ...

– Быть может, его кто-то видел? – расспрашивал трибун. – А может, кто-то видел того, кто его видел?

– Ты о нем не слышал?

– Нет?.. Разве?.. А давай вместе поищем! – предложил он абазгу, и так запросто. – Вот, оставим все свои дела и поищем!

Мы с Сиуардом понимающие переглянулись

– А может, обманулись? – выпытывал у абазга Апий. – Может думаете, это не он, а это он... а в случае успеха всяческие блага, – прельщал он собеседника, – общественная похвала... Разве плохо?.. Ты знаешь, что такое обществен-

ная похвала?.. Может, и триумф в нашу честь... обоим... разве плохо?..

Описывая скалу, к которой прикован Прометей, трибун не обделил вниманием и местность, к ней прилегающую. Ему откуда-то известно, как выглядит то место и что рядом водопад.

– Шагах в ста от него...

– От водопада? – ухватил нить абазг. – А где водопад?

– Недалеко, – урчал Апий с самым серьезным видом.

– Водопад? – не отставал абазг.

– Ах, какой ты настырный! – кривился трибун. – В том-то и дело! Искатели должны искать...

– Правильно, Апий! – подначивал его Сиуард.

– Нигде не сказано, что рядом нет водопада, – слушая его, мы разинули рты, – значит, отрицать этого мы не можем...

– А ведь верно! – закивал мне Сиуард.

– Неужели это так трудно понять?! – накинулся он на нас.

Понять такое непросто. Абазг морщил лоб, кряхтел, и какое-то время не задавал новых вопросов. Его запутала раздражительность Апия, а еще более его уверенность в собственной правоте. Именно эти качества делает наших патрициев обожаемыми в народной среде. Поверхностные люди обычно пренебрегают подробностями, а меж тем они могут все прояснить. Подробности помогают отличить болтовню от стоящего плана, но точность обманщики отметают и подменяют ее блеском в глазах и негодованием. Такое вот шумовое и зрительное убеждение. Или ты мне веришь, или ты подлец, и я негодую. Ну, как тут возражать?!

Когда посредством Сиуарда абазг повел расспросы о том, за что же Прометей подвергся такому ужасающему наказанию, то получил очень странный, во всяком случае, для трезвого человека, ответ.

– Он крал огонь.

Абазг легким постукиванием указательного пальца по своему виску, дал понять, что сомневается в здравом уме то ли Апия, то ли того, кто промышляет подобными кражами.

Это не смущило трибуна. Апий доказывал, раз Прометея видели аргонавты, значит, так оно и было. И опять-таки, он предусмотрительно упустил из виду, что они перемерли за тысячу лет до нашего рождения, и теперь уже некому это подтвердить или опровергнуть.

– На закате они увидели огромного осла...

– Осла? – переспросил Сиурд.

– Оsla... Тьфу! То есть осла... Хотя... Тьфу! Оrlа!

– Оrlа, – повторил мне Сиурд.

....С вот такими широченными крыльями, – трибун развел по сторонам руками, – аж парус заколыхался...

Апий посчитал, что птица повела себя довольно необычно. Орел облетел ладью и взлетел ввысь к облакам, а затем он скрылся из виду, подлетая к лесистым скалам. Затем начались стенания, благо они понятны на всех языках.

«Его стоны». Воистину зловещий знак. Если ражий детина сидит напротив и издает такие звуки, вперемежку с клекотом орла, надо его осторегаться. Нельзя ему возражать. Я знал одного такого, он начал с невинного подражания петушиному крику, а потом он приобрел еще более скверную привычку бегать за соседями и насиливо обстригать им волосы иступившимся жатвенным серпом.

Абазг еще не до конца одурел от выпитого, а потому верно истолковал источник страдания трибуна.

– Ему плохо от выпитого, – поделился он своими наблюдениями, – ему надо подкрепиться.

Сказав это, он воткнул дольку копченого сыра в еще теплую каштановую кашу, стоявшую перед Апием. Тот и не думал прикасаться к яству, его самочувствие оказалось гораздо хуже, чем я предполагал. Разгоряченное вооб-

ражение сильно его донимало, Апию частенько мерешились разные кошмары, и даже вопли несчастного. Тому печень раздирал орел.

– Вот, Кассий подтвердит! – призывал он меня в свидетели. – Наш слух не мог нас обмануть... А, Кассий? Ведь тяжело стонал, а? Аж воздух содрогался.

– Я вам помогу под руки вывести его из-за стола, – предложил нам свою помощь абазг. – А то он бледный, вырвет здесь, опозорится...

– Что? Он с ним повстречался? – засуетился Апий. – Да? Я угадал? Вы что-то недоговариваете.

Неразбавленное, тяжелое вино еще и не такое вытворяет с неокрепшими головами. Дионис вдоволь по глумился над трибуном. Апий вновь и вновь исступленно ходил по кругу, пока его унылый бубнеж не привлек Ресмага.

– Его родича казнят и мучают, и он не может с этим смириться, – оправдал его перед царем абазг.

Я подмигнул хозяину дома. Ресмаг все смекнул, и спрятал улыбку.

– Плачь, не плачь, неминуема наша смерть, – соболезновал он Апию с самым печальным видом. – Тебе, сильно-му мужу, без жалоб следует принимать все, о чем сокрушаются слабые сердцем.

Такое участие взбодрило трибуна, и даже перебило икоту. Он сбивчиво объяснил общему собранию причину основных разногласий Прометея с олимпийцами: «Перегулся с богами.... Не сошлись характерами... Такое бывает... Братья, бывает, дерутся... Повздорили».

Его речь, бессвязная и похожая на туманную речь оракула, заинтересовала гостей. Такое не каждый день услышишь. Один из приглашенных, довольно благообразного вида, но тоже очень пьяный, осуждающе мотал клинообразной бородой. Видать, он не одобрял подобной опрометчивости по отношению к богам.

Апий был не прочь порыдать, но в умелых руках хо-

зяина дома и винные принадлежности превращались в орудия принуждения.

Однажды Ресмаг дал мне дельный совет, который меня часто выручал впоследствии. Если кто на пиру вносит разлад, не слушает никого и говорит без умолку, то надо перейти к нему чашей, и вольно или невольно тому придется вести себя так, как принято в чинном застолье. Поначалу Апий, разинув рот, пялился на виночерпия, а потом вдруг резко вскочил и схватился за наполненный рог, будто за ветку уцепился. Он постоял с рогом в руках, заглянул внутрь и раскаялся в своей горячности. Вся хитрость с питьем из рога состоит в том, что, раз приняв его, вы обязаны испить его до дна. Невозможно поставить его, даже облокотив к чему-либо. Рог обязательно опрокинется и разольется, а это равносильно оскорблению человека, который вас им почтил. Вдобавок ко всему, никто и никогда, из приличных людей, не возьмет у вас наполненный рог, предназначенный вам. Трибун со вздохом, принял неизбежное. «Придется!»

– А он не против, – хохотнул Сиуард.

– Пей, Апий, – советовал я, а про себя злорадствовал: «Ничего, к завтрашнему утру твоя голова за нас отомстит. Она будет пухнуть, пока не треснет, как перезрелая тыква, а ближе к полудню ты взмолишься о благой, избавляющей от страданий смерти».

Апий, в поисках подходящего для здравицы человека, остановил свой выбор на Атее. Но предводитель стражи отрицательно замахал рукой и указал ему пальцем на круг, душой которого, несомненно, являлся царский казначей. Трибун его не сразу, но понял.

– Вот ты! – внезапно прокричал Апий, и взоры гостей обратились на шатающегося трибуна. – Да... Амал! – он выкрикнул это имя, и все обернулись на недоумевающего казначея. – Я верно назвал твое имя, уважаемый? Да? Этот мудрый человек, – провозгласил Апий, указывая на царского казначея, – он известен всем... всем он из-

вестен... и все знают его... – замямлил Апий. Он морщил нос и фыркал, как конь, собираясь с мыслями. Он покраснел, слготнул слону, и снова изрек торжественно: – Он знаменит своею...

– Бережливостью, – прикрыл рот рукой, подсказал я Апию. – Он распоряжается собранными податями...

– Да! – вскрикнул трибун, указывал пальцем вдаль и произнес нараспев: – Бере-жливо-стью! А это... Гм... Гм... Нелегко это... Это не так легко... Это...

– Трудно, Апий.

– Это трудно! – заявил он гостям.

Такое несуразное лицемерие больше смахивало на издевку. Оно было в новинку даже разбойникам, окружающим казначея. Если тишайший царедворец чем-то и славился, так это непомерным корыстолюбием.

Даже на пиру Амал не забывал об обороне, и обложил-ся друзьями.

Получая из казны лишь скромное воздаяние, Амал, всюду хвалящийся своей неподкупностью, одарял сторонников. Он ими карал провинившихся. Его надсмотрщики присматривали за искусными зодчими, а те за каштановую похлебку тесали тяжелые камни для украшения его удобной виллы. Доверенный абазгского царя устроил свой дворец по римскому образцу. Амал был любящим отцом и дедом, словно квочки, присматривающая за цыплятами, он тщательно оберегал и лелеял своих домашних. Одного своего отпрыска он с радостью выдал почетным заложником в Вифинию, другого, чуть постарше, уже исключительно по своей прихоти Амал отправил в Рим. Дальнозоркий Амал выпроводил их подальше от местечковых дрязг, и высыпал им меры серебра. Со временем либо он к ним уплывет, либо они вернутся, уже на готовое, и без нажитых недоброжелателей.

Пока Амал устраивал свои домашние дела, по сути, он только этим и был занят, поданные царя зарабатывали и себе, и ему на пропитание. Гнуть спины на его содер-

жание простолюдинам не очень нравилось, и для того, чтобы себя обезопасить, казначей обложился несколькими, но зато лихими людьми. Еще неизвестно, кто более в силе – стареющий царь или Амал со своей прикомленной братией. Он быстро учился, взяв пример с нас, римлян, придумал способы отнимать деньги у тех, у кого их было мало, чтобы усилить тех, у которых и без того было всего с избытком. Умение разжигать и тушить раздоры, благообразная внешность, степенная речь, открытый взгляд и морщины, приятное и кроткое обращение – все это способствовало убедительности.

Все всё знали, а потому неуклюжая лесть трибуна звучала для абазгов горькой издевкой.

Я это давно подметил – их легче обескуражить, пристыдив, чем припугнув. Вершитель судеб при дворе сумтился. Он побелел как мел, его лицо еще больше вытянулось, когда Атей совершенно неожиданно его поддел.

– Отчего ты опечалился, любимец богов? – с нескрываемой, язвительной любезностью ввернул ему Атей.

Колкость Атея вызвала усмешки присутствующих старших и хохот молодежи. Смешки изобличали тех абазгов, чьи симпатии, в душе, были не на стороне всесильного царедворца. Его успехам не радовались, большинство из присутствующих горюет, ведая о его происках. Сам Амал заставил себя широко улыбнуться, и тем подтвердил свою находчивость. Совладав с собой, он отшутился тем, что его мучает жажда, и, веселясь вместе со всеми, с легким поклоном поблагодарил трибуна за заботу.

– Его надо выпить! – обратился он к Апию, не знавшему, куда девать содержимое сосуда.

– Апий, прошу тебя, похвали его еще! – подстрекал его вполголоса Сиуард.

– Не подначивай! – шикнул я на апсила, и посоветовал трибуну: – Пей! Не заставляй человека ждать!

– Но... – Апий оробел, кивая мне на огромной вместимости рог.

– Пей до дна! – подзадоривал его на абазгском Атей.

– До забвения! – поддержал я его на латыни. – Для всех так лучше, Апий. Пей!..

Апий долго давился вином, проливал его за края губ и под одежду, а абазги затянули нараспив свою пиршественную песнь, и она звучала целую вечность. Когда она смолкла, Апий утер рукавом мокрый подбородок и сделался совсем бледным, как утопленник. Вино придало его рукам излишнюю цепкость, и он мертвой хваткой вцепился в пустой рог. Виночерпию стоило немалых трудов разжать его негнущиеся пальцы и изъять сосуд.

С трудом сохраняя равновесие и дыша, как бегун, Апий подмигнул девчушке с ожерельем из монет на шее. Колыхающийся трибун ей глупо усмехнулся, а стеснительная абазгка отвела взор, прикрыла рот ладошкой, и прыснула от смеха. Абазг, сидевший рядом с трибуном, поднялся и помог. Он кое-как усадил негнущегося трибуна, придерживая его за плечи. Я облегченно вздохнул. Наконец-то с ним покончено, он мертвец, и больше ничего не натворит.

По левую руку от меня торговцы обложили царского наследника. Гул голосов не позволял разобрать, о чем шла речь, но все имели смешливые лица. Гости разговаривали и передавали по кругу вместительный турий рог, еще гуляли меж ними неукрашенные бычьи рога и кубки поменьше. Веселье в разгаре и до меня нет никому дела.

Самый подходящий момент изложить Ресмагу, чья недобрая воля толкнула меня в путь. Я вздохнул и подобрался. Ресмаг тоже навалился локтями на стол. Похоже, он давно этого ждал, и посерезнел. От выпитого, чувствовал я себя раскованнее, чем поначалу, а потому не колеблясь приступил к уговорам. Дескать, делом войны мы оба можем послужить и самим себе, и империи.

– Я буду прям, мой старший брат, – обещал я ему. – Рим

готов отплатить тебе и золотом, и ратной услугой, в случае надобности... Рим обещает помочь от них.

– От кого? – перебил меня царь. – От аланов?

– Да, – подтвердил я. – Пора покончить с ними.

– У меня, Кассий, два вопроса, – показал он мне поочередно два пальца. – Первый – зачем? И кто решил, что пора?

– Решил пропретор.

– Вот как?

– С одобрения принцепса.

– Даже так?

– Император велит прибрать перевалы к рукам, и сжечь их поселения на той стороне гор.

– Ах, велит! – усмехнулся Ресмаг. – Гм... Это в корне меняет дело... Чья это идея? Флавия? Это не так разумно, как ему кажется. Давай, вдумаемся, Кассий. Аланы конники. Так?

– Так.

– У них сигнальные башни, подобраться к ним незаметно не удастся. Так? – я промолчал, а он продолжил:

– Они откочуют в степи, и скроются там. Даже если мы нанесем им ущерб, это не имеет смысла, – утверждал Ресмаг. – Пешие когорты не смогут устроить облаву на их конницу, а моих всадников не хватит, чтобы их преследовать. Так что, даже если мы застигнем их врасплох, то ненадолго, – заключил Абазг.

– Да, мы обречены противоборствовать им сообща, – после недолгой паузы согласился он, но с оговоркой: – Но, опять-таки, Кассий, только на своей земле. Да и к чему мне это?! – задергал он плечами. – Аланских земель я не желаю. Бесплодная пустошь, что с нее взять?!

Я напомнил абазгу, что на аланов опираются те, кто норовят спихнуть его с трона.

– Это да, – запыхтел царь. – Но это еще не повод...

– Сам Цезарь повелел, – не отставал я.

– Что повелел?! – ожесточился Ресмаг. – Использовать

племена друг против друга?! Душить горцев руками друг друга?!

– А лучше использовать абазгов против абазгов?! –
оспорил я, и продолжил примиряюще: – Ты старший и
почетный человек, – уверщевал я его. – Я вижу, не по душе
тебе мои слова, но аланы подпитывают твоих внутрен-
них недругов.

– Знаю, – нехотя признал Ресмаг.

– Они опора Скепарне.

– Он наказан.

– Ну это как сказать, – усомнился я. – Многие плене-
ны, многие убиты но где он сам? Где предводитель? Он
опять ушел, и не впервые, – заметил я. – Скепарну ты уже
однажды помиловал. Он был в твоих руках, ты мог оста-
вить его в заложниках, и пресечь мятеж. Наконец, ты
мог выдать его нам.

– Не смеши меня, Кассий! – скривился царь. – Чтобы
Рим потом спустил его с цепи, когда я вам не понрав-
люсь?! Вы хотите, чтобы я сам вам дал против себя ры-
чаг? Римлянин, ты не худший из своего племени, скажи
мне по совести, ты сам бы мне посоветовал такое? А? Как
друг, а не как римлянин, посоветовал бы? – Я замешкался
с ответом, и Ресмаг продолжил: – Тогда о чём речь?! Ты
сказал, что должен, я тебе ответил, что должен.

– Изменник не оценит твое великолодие.

– Конечно, не оценит. Он же свинья, – обронил Рес-
маг. – Ты хорошо осведомлен, Кассий. А сообщили тебе
сплетники, враги всякой правды, что он мне не чужой по
крови? Не то чтобы плоть от плоти моей, но все же не
чужой. И знаешь, Кассий, лучше я остаток дней проведу
в страхе, чем обагрю свой меч кровью детей и безоруж-
ных.

– Я только за! В смысле, я за то, чтобы и он, и его се-
мья жили, но....

– Но?

— Он мог бы пожить за морем. Это бы обезопасило нас всех, и его в том числе. Почетное содержание.

— Да, я в союзе с Римом, — Ресмаг распластал ладонь на столе и в такт словам тихонечко постукивал пальцами по плоскости. — Я не отказываюсь. Слово есть слово. Но мои кровники — это мои кровники, Кассий. Не ваши. Я не позволю чужеземцам ни держать их в плену, ни напускать их против меня. Я сам решу... Мы понимаем друг друга, Кассий? — спрашивал Ресмаг, не отрывая от меня своих больших черных глаз. — Понимаем?

— Я лишь хотел предложить исполнить наш союз против общих врагов, — кротко ответил я.

— Я еще твердо стою на своих собственных ногах.

Он говорил со мной тихо, но его крутой нрав давно вошел в поговорку. Абазг не из тех, на кого можно надавить, однако мне стоило открыть ему глаза. Он отбрыкивается от очевидного. Многие злоумышляют и против него, и против нас, и это вопрос времени, когда они удвоят свои усилия, объединившись. Недавний успех мятежников, простых крестьян, развеял страх перед римским оружием. Мы сидим на сухом стогу сена и можем вспыхнуть вместе с ним от самой незначительной искры.

— Знаю, — вынужденно соглашался с моими доводами Ресмаг.

Я огляделся, ничьи любопытные уши нас не подслушивали. Все вблизи нас заняты: кто выпивкой, кто разговорами, а кто созерцанием пляшущей пары. Разудалый и быстрый как молния юноша пустился в пляс с девицей с ожерельем из монет на шее. Музыканты били в барабаны, и несколько разгоряченных гостей обступили танцующих, и подбадривали пару, хлопая в такт.

— Прояви мудрость, мой друг и патрон, — уверщевал я его как можно почтительнее. — У тебя стада тучные, склады полные... Это замечательно. А вот саниги, брухи, аланы, и даже горные абазги, те, кто не с тобой, отрезаны от торговли, и живут в нужде, дико. Разве это их устроит?

– То, что ты предлагаешь, не выход, – отнекивался Ресмаг

– Другого не дано! Они нас не простят. Как тут быть? Единственный выход – усилим войну, и так добудем мир. Если ты ударишь их впосылы, что ты и делаешь, они еще больше против тебя ополчатся, и большее количество людей пострадает... Ресмаг, ты наш славный союзник. Так поддержи нас против аланов и сармат. Мы же, пришедшие издалека, и не связанные узами родства ни с кем тут, будем тебе опорой в твоей собственной вотчине. Я обещаю, и при твоей жизни, и после... мне неприятно это говорить, но...

– Говори, раз уж начал.

– Даже в доме твоем пошла трещина.

– Известили? – криво усмехнулся царь.

– Я наслышан, ты не в ладах с родичами, – понизил я голос до шепота. – Доносят, некие сочувствующие из числа твоих приближенных предупредили Скепарну и позволили ему бежать...

– Довольно о плохом! – взмахом руки остановил меня Ресмаг. – Давай, не будем отравляться думой о врагах. Они не заслуживают...

Тут к царю, со спины, подбежал Амал. Я не видел, как он выходил, но вернулся казначей встревоженный, склонился к Ресмагу и зашептал ему что-то на ухо. Царь послушал, изменился в лице, обернулся на Амала и одна его бровь удивленно вскинулась вверх.

– Гм... Гм... – прокашлялся Ресмаг и твердо сказал: – Зови его сюда!

– Э... – замялся казначей, косясь на меня.

– Пусть заходит, – повторил царь, уже не глядя на Амала. Он, насупившись, переставлял с места на место столовые принадлежности: нож, тонкий захват для мяса с раздвоенным острием и чашу. – Амал, у меня не было и нет таких дел, которые я таю от людских ушей. Веди его сюда. Сейчас же!

— У нас гость, — известил меня Ресмаг, с ухмылкой, и подозвал стольника. — Проследи, чтобы умолкла музыка. Пусть все займут свои места. И еще — прибери со стола объедки и подготовь какое-либо место поближе к нам.

По мере того как шум стихал, беседы, смех и здравицы перешли в недоуменные перешептывания. Немного погодя раздались торопливые приближающиеся шаги, и любопытным взорам предстал незваный гость, прервавший пляску. Порог пиршественной, вместе с Амалом и двумя копейщиками абаузами, переступил незнакомец. Круглоголовый, коротко обстрижен, в длинной доходящей до пят меховой, волчьей накидке, и сам он похоже волк с посеребренной бородкой. Накидка распахнута, под ней украшенная бахромой шерстяная рубаха и штаны, на ногах до колен доходят тупоносые меховые сапоги. Алан, не иначе. Так мог завернуться только обитатель сухих и снежных краев, не привыкший к мокрому побережью.

Длинный, двуручный меч на кожаной плечевой перевязи, на одном боку, на другом, на чеканном поясе, утыканном горящими красными камнями, — кривой кинжал. Его внешность, его уверенные движения и ясный взгляд не оставляли сомнений — это не вестовой, это вожак и воитель. И он свои действия заранее обдумал. Судя по его резким движениям и посадке головы, он не привык заискивать, и быстро принимает решения, и даже более, он отдает приказы, а не исполняет их. Амал хотел было принять его шубу, но алан мягко отстранился от услуги, утер ладонью вспотевший лоб, вытер ее о рубаху на груди, шепотом осведомился о чем-то у казначея. Тот ему едва заметно кивнул на Ресмага, и алан, подойдя поближе к царю, едва заметно поклонился тому.

— Мир этому дому и всем его гостям! — В повисшей тишине отчетливо слышался чуть хриплый говор посла. — Славный хозяин Абазгии, пусть правление твое продлится на радость твоим соседям и подданным!

– Здравствуй, дорогой гость! – отозвался Ресмаг. Он поднялся с ложа, но навстречу не вышел. – Как ты понял, я царь абазгов Ресмаг, а это мой друг Кассий Марсалий, – он указал послу на меня, и я тоже привстал. – Я от души рад, что ты присоединился к нашей трапезе.

Посол ответил легким поклоном, но не шагнул к столу.

– Ты хорошо говоришь на нашем, – похвалил его Ресмаг. – Кто ты?

– Я Табриз, – представился алан. – Я удостоен чести говорить от имени племен, живущих за великим хребтом и в бескрайних степях. Посредством меня недостойного многие достойные посылают тебе, Ресмаг, братский привет!

– Еще раз приветствую тебя, посол мира и наших славных братьев! – в знак уважения перед гостем Ресмаг склонил голову, приложил ладонь к груди, и указал послу рукою на пустующее место. – Присядь с нами, достойный... Гм...

– Табриз, почтенный царь, – представился посол, но снова не сдвинулся с места.

Повторный отказ алана от гостеприимства вызвал ропот по всему залу. То тут, то там послышались неодобрительные возгласы, но верховный абазг знаком ладони их утихомирил. Горделивый Табриз на все это и бровью не повел. И царь, и посол – оба молчали, рассматривая друг друга, пока Ресмаг не заговорил первым.

– Имя твое не аланское. Сарматское?

– Как и у них наши. Сам я алан и воспитатель сарматского наследника.

– От души рад тебе! – заверил гостя Ресмаг и представил ему сына: – А это мой сын Гозар. Гозар, подойди и познакомься с уважаемым Табризом. Он посланец многолюдного и сильного народа.

– Не знал, что наследник твой ранен в бою, – сожалел Табриз, глянув на обмотанную руку царевича. – Есть це-

лебное снадобья. Но, жаль, я не знал... Эта трава растет лишь по нашу сторону гор...

– А кто сказал, что это ратная рана? – Гозар обратился к послу с каким-то раздражением в голосе – Я пошел на кабана. Никогда ведь нельзя сказать наперед, кто на кого поохотится. Ведь так, дорогой гость? А? Никогда ведь не угадаешь, что за чертой?

– Верно, – Табриз улыбнулся и закивал, но в его миролюбии проглядывала насмешка. – Прости, если обидел, славный Гозар.

Меня удивило и двусмысленное поведение посла, и задиристый тон отрока. Ресмаг сверкнул на сына гневным взглядом, и тот потупил взор. Но кажущееся сыновнее раскаяние выглядело неубедительным. Губы Гозара сжались в упрямую тонкую линию, а грудь мерно вздыхала. Парень замолчал, но видно, он за что-то осерчал на посла, раз так дерзко пренебрег их обычаями, запрещающими молодому человеку грубить старшим, да еще и в присутствии отца.

– У них, у молодежи, свои развлечения, у нас, старииков свои, – примирительно обратился к алану Ресмаг, и видя, что посол не собирается присесть, сел сам. – Я слушаю тебя.

– Удивительно, мудрейший, что твой благородный сын заговорил о черте. Именно о ней я и пришел напомнить.

– О черте?

– Да, – закивал гость. – О зыбкой черте между миром и войной.

– Что ж, дорогой гость, оставим церемонии и приступим к обсуждению твоего дела, раз ты так торопишься, что не разломишь с нами хлеба.

Прозорливый посол еще раз сознательно пропустил мимо ушей приглашение. Этим он давал понять: «Мы настроены решительно и враждебно. Лучше соглашайтесь

на наши условия». Это неслыханное дело, он намеренно пренебрег гостеприимством.

— Был недавно неприятный случай, — начал издали Табриз. — Наш малый отряд конников был атакован ночью.

— Малый? — вновь не совладал с волнением Гозар.

— Для нас, — обронил ему Табриз, и снова обратился к Ресмагу: — Это несоблюдение перемирия между нами.

— А может, наш высокий гость лучше осведомлен и подскажет, что этот малый отряд потерял в наших землях? — возвзвал Гозар к отцу.

— Те люди были приглашенными гостями, — парировал обвинение посол.

— Заблудились? — вмешался Атей.

Посол оглянулся на Атэя, но стерпел, ничего ему не ответил. Он выждал, пока еще кто-то встрянет, но этого не произошло, и он продолжил.

— Сами жители призвали их для защиты от разбойников.

— Табриз, ты говорил о зыбкой черте между миром и войной. А по мне, она не зыбкая, — говорит Ресмаг, и растопыривает пальцы. — Это огромный, цельный хребет, назначенный богами границей между нами. Чтобы его перейти, надо много потрудиться. Что и сделали ваши всадники. Покой их праху!

— По перемирию ваш повелитель...

Я только вмешался, но Ресмаг наклонился над столом и мягко дотронулсь до моей руки.

— Кассий, у них нет повелителя. Есть лишь старшие из народа, они выбирают общего вождя только в период войны.

— Я к вам отношусь с уважением, — заверил я гостя, и в знак почтения приложил ладонь к груди. Посол ответил мне тем же жестом и кивком. — Так вот, всем известно, что вы сами назначили границы, и мы, и наши союзники абазги согласились. Правильно я говорю? — спросил я Ресмага. Тот едва заметно кивнул, и я вновь обратил-

ся к послу: – Вы заперли нас хребтом, не дозволяя переходить перевалы, а сами первые переступаете вами же положенные границы. «Не переходите хребет!» – «Хорошо, не будем!», – воздел я перед собой обе руки. – «Не трогайте мятежников, посягнувших на законного царя абазгов и проливающих кровь римлян!» – «Да разве они за хребтом?» – «Не важно!». – «Так ведь они нам глотки режут!» – «Не смейте двигаться с места!» – Алан меня не прерывал, но скривил рот в усмешке, давая тем самым понять, как мало он со мной согласен. – Значит, мало вам, что отняли у нас наши крепости за хребтом и на побережье?! Вы хотите отнять у друга Рима, – указал я на Ресмага, – нагорную часть его собственной земли, а если он уступит, то грозите перейти и в Апсилию?

– О чём ты, Кассий?! – накинулся на меня Ресмаг. – Грозите перейти! Уже перешли!.. Да, мой сын скрестил с вами копья, – заявил он послу, – и я не собираюсь это скрывать!

– А тут и нечего стыдиться! – воскликнул Табриз, – наоборот! Я бы тоже гордился таким сыном! Наш народ как никакой другой ценит доблесть. Он покромсал их, как сокол куропаток! – Табриз указал собранию на Гозара и снова обратился к его отцу: – Те, кто прогнули перед твоим наследником, мною уже сурово наказаны. Но не о них сейчас речь.

– Спасибо, за похвалу, достойный Табриз, – смягчился отходчивый абазг. – Я ценю твоё великодушие и прошу тебя простить моего мальчишку. Он излишне горяч, но, несомненно, чтит тебя. Думаю, теперь он раскаивается в своей поспешности.

– Я пришел не для того, чтобы ссориться, говорить обидные вещи или слушать их от хозяев. – поднял обе руки посол.

– Я сожалею, что посмел перебить тебя, – извинился Гозар.

– Я ничуть не обижен! – улыбнулся ему Табриз уже с

большой теплотой. – Это свойственно юности. Я ничуть не сержусь.

– Честно говоря, дорогой Табриз, и вы, и мы то тут, то там нарушаем мир мелкими стычками, – признавался Ресмаг. – Ясно, как день, скоро вновь начнется открытая вражда. Научи, если знаешь, как нам сохранить древнее перемирие.

– Царь, – набрав в грудь побольше воздуха, алан заговорил просительным голосом и не торопясь, – тебе ведомо, что мы все, рассеянные по холмам, старинные родичи и друзья друг другу. Семьи наши переплетены общностью судеб, приятельством, кровным родством, мы скреплены свадьбами, похоронами, узами гостеприимства, и как родичи, и как соседи. И мы не можем равнодушно взирать, как в братской семье старший брат притесняет младшего. Если ты поспрашиваешь, мудрый Ресмаг, старцы тебе подтвердят, то славное перемирие было заключено между вождями и царями по принуждению народов, а не по их собственному разумению. Старейшины и жрецы, как и положено добрым мудрецам, заставили предводителей унять свою гордость, и прервали пагубное для всех насилие. Я говорю для всех, имея в виду людей, а не падальщиков, наживающихся на чужой беде. Это не люди, а худшие из шакалов. Была бы их воля, так кровь из раны хлестала бы рекой. Но, хвала небесам, тогда возобладали разумные... Я не говорю ничего такого, о чем бы тебе не было известно.

– Доподлинно так, Табриз, – подтвердил Ресмаг.

– Вмешиваясь в дела твоего царства, мы не вмешиваемся в чужие дела. Ибо Мы не чужие, – воздел он руки к царю. – Мы хотим помочь братьям примириться.

– Что ж, похвально, Табриз. А теперь выслушай меня. Прошу тебя, присаживайся и послушай. Ты легко поймешь мое дело. Я расскажу тебе о нем, – царь подождал, пока Табризу поднесли табурет и тот на него уселся, а потом продолжил: – Те, с кем я ныне во вражде, и мне не

чужие. Ни Скепарна, кстати, он моего роду, ни даже этот свинопас... как его... – прищелкнул пальцами царь и повернулся к Амалу.

– Тинхад, – тихо произнес Амал.

– Да, Тинхад. Кстати, ты знаешь, почему его так прозвали? Нет?.. Я тебе расскажу. Он совершил неслыханное – отрекся от родичей.

– Может, он не хотел накликать на них твой гнев? – допустил Табриз.

– Плевать он на них хотел! – бросил ему Ресмаг. – Я говорю как есть, Табриз. Он отрекся от них по другой причине. Не хотел он поддаться увещеваниям. Они его умалили: «Уймись, страну в пропасть толкаешь». А он... он, безвестный крестьянин, полагает, что Абазгия не менее его страны, чем моя. Нет, он на самом деле так думает, – уверял посла Ресмаг. – И учит других бродяг, и им так нравится думать... Как они отнеслись к своим хозяйствам, ты уже видел. Вот так они отнесутся и к стране, – постучал Ресмаг указующим перстом по столу. – Когда-то, Табриз, еще в позабытые времена, мы все были единый народ. Я сам... Трудно сказать, чья кровь во мне не бродит, – развел руками Ресмаг. – Мать моя из апсилийского дома, бабку дед сосватал из лазов, отец мой абазг, а молочный брат из санигов, воспитывался эллином-наставником, покойная моя жена – ваша сестра, – указал он на посла. – А сами мы, по семейному преданию, выходцы из мокрых, водянистых лесов, с забытой, восточной равниной. Нас кто-то проклял, и оттуда нас изжили ахейцы и лазы. О чем мы спорим с соплеменниками? Да ни о чем! Пустой спор! Кто может говорить от имени Абазгии, малой части разбитой вазы? Я могу! – свидетельствовал Ресмаг, дотронувшись пальцами до своей груди. – Я могу говорить от имени всех! У меня есть право! А они этим правом не обладают, и мне его не хотят уступить. Из зависти не хотят уступить, Табриз. Из зависти... И что обидно, наиболее мне родные люди, – изливал душу Ресмаг. – Они лучше,

чем остальные мои подданные? Нет. Люди пастушат за кружку молока, чужую землю пашут в поте лица, и всем довольны, а они ничем не обделены и всем недовольны. Не хотят мне покориться! А почему? Потому что я их брат! Чужому бы покорились! А кто от этого страдает? Я? Нет! – сморщился Ресмаг. – Они сами! Некому унять кровную вражду, нет торговли, даже меновой, сады не возделываются. Они дерутся друг с другом из-за старинных обид, которых уже сами толком не помнят. Там, куда не дотягиваются мои руки, начинается их «свобода». Свобода умирать от голода и болезней! Их земля – пристанище диких зверей и сорняков. Это единственное, что они умеют растить. А это их народное собрание, это противоестественное зрелище. Вообрази, они являются всем поселением на него, обвешанные оружием. Сначала притворяются, что слушают старцев, а потом галдят до ночи, когда последние, утомившись, удаляются в свои постели.

Это, по их мнению, справедливость. И, заметь, Табriz, они редко приходят к единому решению. Ну разве что при объявлении войны.

– О! В этом мы всегда едины! – горько усмехнулся посол, и закивал: – Боимся трусами прослыть.

– Это наша кара! – подхватил Ресмаг. – Раньше и тут дикий ор стоял, но теперь, хвала богам, у нас тихо. Мой отец...

– Скорблю о нем.

– Он обуздал чернь, Табriz. Он заключил первый союз с Римом, земля успокоилась. А они... Они скорпионы, вот кто они. Вместо того чтобы помочь мне, их родичу, возжелали большего... Вот что я тебе скажу, Табriz. Ты передай им: кто желает подчиниться не моим, а общим правилам, это не моя прихоть, пусть приходит с повинной. И очаг жарко растопим, и кубки поднимем, и помиримся. Земли на всех хватает, пахать на ней некому. А если кому нравится ночевать по скалам, так это его вы-

бор, – усталым жестом отмахнулся Ресмаг. – Я найду тех, с кем есть и пить. Я без них останусь царем, а вот они без меня... пусть как хотят, так и живут. – Посол хотел что-то возразить, но Ресмаг знаком руки остановил его. – Ты дай им подумать. Пусть подумают. Не нужен мне скорый ответ. Речь не о покорности идет, а о здравом смысле, – убеждал он посла. – Только их ослиное упрямство и ваши обещания не позволяют этой ране зарубцеваться. Но ничего, я потерплю немного! Пусть и они остынут – снег, дождь, ветер, солнце. Это ведь не жизнь – вечно прятаться, вечно озираться. Не сомневайся, Табриз. Поймут они все... уже все поняли.

– Государь, быть может, наш гость посредством, пусть даже долгого общения, сможет сделать так, чтобы все стороны примирились? – предложил со своего места Атей.

– А разве я против, Атей?! – поддержал его Ресмаг. – Я тоже к этому веду. Если он сможет что-то с этим поделать, все задышат спокойно... Знай, Табриз, – обратился он снова к послу, – никто из нас не желает крови. Убеди их отказаться от противоборства, я тоже сменю свой гнев на милость и братскую дружбу.

– Почту за честь, быть посланцем мира, – отозвался поднявшийся с места Табриз.

– Ты торопишься, почтенный? – спросил я его. – Может, я виной тому?

– Нет, нет, римлянин! – запротестовал Табриз. – Твое нахождение здесь как нельзя кстати. Пока наш разговор закончился, хоть и не решением, но мудрыми и правильными пожеланиями, мне лучше удалиться. Я узнал, что хотел, теперь выслушаю ответ Скепарны и примусь за увершения.

– Ты можешь всегда положиться на мое слово, – пообещал ему царь, вставая с ложа. – не сомневайся, дорогой Табриз, ты желанный гость в моем доме. Тебе будут отведены лучшие покои.

– Добрейший хозяин, ты должен меня простить...

– Знаю, знаю, – перебил его Ресмаг. – Ты муж, торопящийся исполнить благое... Не буду настаивать.

– Нам надо поторопиться, и тебе, и мне. Мы должны оставить сыновьям мир вместо войны.

– Да, стоит поторопиться, – прокряхтел задумавшийся абазг, но вдруг просветлев лицом, пристально взгляделся в посла. – Но то, что доброе, все живучее, дорогой Табриз! Может, ты послан духами наших предков, чтобы водворить мир? Кто знает?

– А кто его знает?! – рассмеялся Табриз, дернув плечами. – Если дружно возьмемся за дело, может, и уврачаем рану.

– Удачной дороги! – пожелал я послу и тоже поднялся со скамьи.

– Да будет так! – взяв в руку облокоченный на ложе посох, Ресмаг стукнул медным острием по каменному полу. – Смертные ни над чем не властны! Боги решат!

– Да. Кто он такой? Какой противный голос... – Апий брюзжал в полудреме. Он, и так обычно краснощекий, теперь от вина пылал, как вареный рак. – Кассий, они что, поругались?.. Курятину с козлятиной нельзя мешать... – урчал трибун все тише. – У меня от вина ноги холодные... А у тебя, Кассий?.. Нахал! – хмыкнул трибун, щурясь на посла со слипающимися веками. Он закинул под стол кость и сплюнул в тарелку. – Смотри, как смотрит!.. Что он себе позволяет!.. Поговори у меня... Я тя колесую... Уходит?.. Так быстро?.. Не пообедал?.. Нечего важничать... – буркнул он вслед послу и сник.

Апий тихонько захрапел, сползая вбок всей тушей. Абазг, сидевший побоку от него, бережно облокотил утомившегося трибуна на спинку скамьи. Наконец-то Апий блаженно затих, и лишь сопящее дыхание напоминало о его присутствии.

Многие опьянели, но крепились. Абазги держались чинно, любой римский патриций позавидовал бы их са-

мообладанию и аккуратности. Они не утирали рукавом жирные губы, не окунали пятерню в подливу, и не наваливали перед собой горы кусков, которые не могли съесть. Среди большинства вежливых и опрятных лиц затесались и несколько злодейских. Люди зла легко сходятся. Они по каким-то тайным знакам умеют распознать общее, подлое видение жизни. Роднит их неприязнь к тем, кто лучше них. Они это знают. Но тот, кто не имеет совести, никогда не признает ее за ближним. Они тем себя утешают, что все для них подлецы. Они на самом деле так считают. Они своим изуродованным разумом не могут представить себе, что кто-то ест свой хлеб без мук нечистой совести. Кстати, бессонные ночи терзают только тех, кто этой душой обладает. Скоту душевная боль неведома. Скот заест переваривания и зальет душу вином.

Пройдохи из римлян и абазгов быстро сдружились. Они сидели рядышком и болтали, как старые добрые знакомые. Разные негодяи, опьянев, ведут себя по-разному. Есть туры длиннорогие, с массивным торсом. Те бросаются на собеседников, но не сразу. Сперва каждый такой берет слово и кричит до тех пор, пока его не переорет другой. А как заспорят, то уцепятся за слово, некстати оброненное, и сцепятся рогами. Они невыносимы, но не самые худшие. Такие ведут себя естественно – развязано и неряшливо. Есть и другие типы. Эти жестокие сердцем, но всегда собраны и внимательны. Притворяются незлобивыми и простодушными, охотно слушают рассказчика. Кознодеи держат ухо востро. Чуткие они. Ждут, когда кто-либо по рассеянности сболтнет лишнее, а для этого льстят похваляющемуся простаку и спаивают его.

—...А я ему – кто ты, осмеливающийся смеяться в моем присутствии, и проткнул его брюхо копьем...

Тот, кого Сиуард назвал Гагшигом, сдружился с Асканием.

– Я бы тоже не стерпел, – соврал ему центурион, подливая вина.

Они беседовали довольно громко, и коротышка довольно сносно изъяснялся на латыни. Что ни говори, а торговля краденым многому учит.

– За тебя!

– Нет! – воспротивился Асканий. – За тебя!

Прошлое Аскания покрыто мраком. О нем известно немногое. Приплывал в Питиунт как-то корабельщик один, он тоже родом из Остии, они земляки. Я с ним разговорился, и он по секрету поделился со мной. Асканий дружил там с самыми темными личностями, и при краже утопил кого-то. Но, видать, не до конца, тот выжил, все открылось, и Аскания сначала взяли под стражу, а потом сослали на Понт. Здесь он неизвестным способом отделался от галерного весла, стал щитоносцем Люциния, а потом втерся ему в доверие. Он преуспел, и продвинулся под руководством Люциния, потому как сам Люциний подлец, и подлецов любил приближать. Порядочных людей он на дух не переносил. Среди дюжины опытных и честных ратников, он остановил свой выбор на Асканий и назначил его центурионом. Он не имел на это право, но начальство далеко и он наплевал на право. Асканий не умел пользоваться вошеной дощечкой и стилом, а для центуриона это обязательное условие – уметь читать и писать.

Пока Асканий, в обнимку с чашей и новоиспеченным другом, притворялся благородным потомком Марса, посвятившим себя оружию, трибун очнулся. Чтобы не уснуть, он тер глаза, и, прислушавшись к бахвальству Аскания, позавидовал его популярности. Просто сердце у Ания саднило. Он почувствовал себя покинутым и обделенным почестями.

«Давай, затараторь о своей свирепости! – предрек я в душе. – Тебе же хочется, прям зудит. Почекнись... Ага!.. Пошел!.. Ух, ты!..»

Мои худшие опасения подтверждались. Единственное его упущение, он спросонья позабыл, что собеседник его

не понимает. Я слышал трибуна урывками, но из того, что слышал, понял – это тот самый случай, где он крушит строй каких-то незнакомых ему людей. Апий каждый раз рассказывает это смертоубийство по-разному, часто путается, потому как все это ложь. Он, дескать, строем, в фаланге, наседал на неприятеля. Потом какие-то метатели закидали щиты камнями, и откуда-то из-под земли появилась колесница. Здесь его рассказ обычно разветвляется, иногда Апий убивает коня, иногда лучника, а на этот раз... Возничий? Ух, ты! Кто бы мог подумать?! Это что-то новенькое. Что с ним случилось? Нет, не разобрал. Но что-то нехорошее с ним случилось. Проклятия гибнущих? Как интересно! Да, этот парень поэт. Хотя нет, дальше без изменений... А может, он сон выдает за случай из жизни? А как клянется, как божится! Назавтра попрошу его повторить этот случай, и он расскажет его иначе. Может, подсказать ему, как это сражение прошло в прошлый раз? Не обидится? Ах, Апий, Апий! Голова твоя из граба!

Повзросел, но не возмужал. Плечи широкие, размах крыльев как у коршуна, а смекалки что у барана. В бою уроки преподают лишь раз, второго не будет. А в опасности трибун никчемный. Он быстро утомляется, и выдыхается не то что в пешем марше, но и в скачке. И еще негодная черта характера – раз споткнется и тут же падает духом. А упав духом, как он ободрит других не теряться перед ужасом резни, по сути, перед неминуемой смертью?! Тут люди крепкие крошатся, а такой, как он, и подавно. Организовать земляные работы, это вообще целое ремесло! Тут и навыки, и знания нужны. Вдобавок ко всему, Апий теряется при виде даже капельки собственной крови. Пальчик проколет, и жалеет себя, считает себя раненым. Это непозволительно. Римский трибун должен твердостью брать. Нет, им он может рассказывать все, что ему заблагорассудится, но я-то знаю, это все наигранное. Думаю, и они догадываются. Апию не хватает мрач-

ной и отчаянной решимости. Не может он стиснуть зубы и достойно принять предначертанное. Такое возможно только, когда в человеке храбрость с сердечной добродой сочетается. Даже порознь это не действует.

Нет, он не худший. Есть многие превосходящие его и в невежестве, и в самолюбовании, но они не являются примером для воинства, а он римский трибун.

Многие знатные абазги говорят на нашем, некоторые хорошо, другие с трудом, но в большинстве понимают. Они, абазги, народ прямодушный, но, на удачу трибуна, они и церемонии соблюдают. У них не принято уличать гостей во лжи, однако человек хоть раз в ней изобличенный, считается у никудышным. Апий говорил, а Афахар и его разбойники понимающие кивали. Они слушали его вранье, обменивались взглядами и притворялись, что верят. Они распознали пустое бахвальство, но никто из них не подал виду. Они не задавали поясняющих вопросов, иначе бы трибун раскололся как орех-пустышка. Он им заявил, что собственоручно, в одиночку, истребил тридцать воинов. Именно тридцать. Хорошо, не сотню. Такое возможно только в том случае, если они обездвижены каким-то чудодейственным снаряжением. Да и то с натяжкой. Терпение у разбойников как у рыбаков. Он получал тех, кто не раз захватывал наши суда в прохладных водах Понта.

— Это легко сделать, — раздавал он пиратам дельные советы. — Я вас научу. Надо занять мелководье, сесть на корточки, выставить из воды только головы, эти гады подумают, там — глубокое место, их ладья садиться на мель, и тут...

Апий сопровождал свое повествование поясняющими телодвижениями. Абазг, сидевший рядом, скучал, но когда трибун схватил со стола его блюдо с объедками, и стал изображать их плавное скольжение по воображаемым волнам, он не стерпел, отнял у Апия тарелку и поставил ее перед собой.

– Я тебе больше скажу... – воскликнул Гагшиг.

Коротышка долго ждал своей очереди. Он просто обязан еще раз напомнить всем о том, как он застал врасплох селение. Время уходит, гости уже зевают, а он лишь единожды похвастал. Они могут не запомнить. Его можно понять.

Лишь один Тифон верно оценил свои возможности. Он отчаялся возвыситься каким-нибудь страшным разрушением, и тихо спивался, ни с кем не спорил, и сам никого не слушал. Смотрел он отрешенно на груду косточек перед собой, смаковал вино, и не обращал внимания на оживление, царившее вокруг. Наконец, слишком уж грубое ругательство Гагшига привлекло внимание хозяина дома.

– Гм! Гм! – демонстративно кашлянул царь. Гагшиг запнулся и вжал голову в плечи, а Ресмаг мне заметил: – Попасть к ним, так кроме них никто мечом не препоясан.

– Тот, кто не повстречался с армией, сильный воитель!
– ответил Сиуард поговоркой.

– И не говори! – усмехнулся Ресмаг.

Похоже, в доме Ресмага Афахара не жаловали. Но он был приглашен к царскому столу и на почетном месте, а это означает – в нем нуждаются. Те, о ком шла речь, притворились, что ничего не слышали. Лишь Афахар зашептал что-то Тифону. Наверняка расспрашивает о Сиуарде. Брат Афахара тем временем решил задеть Сиуарда надменной косой ухмылкой. Смотрел он бесцеремонно и долго. Это считается в здешних краях проявлением открытой неприязни. Я глазами предупредил Сиуарда, чтобы тот воздержался от дерзких речей. Они захмелели, и могли вспыхнуть в любой миг. Присутствие царя для них не сильная помеха, если задета их честь. Они и за меньшее за кинжалы хватаются.

– Долго он будет на меня пялиться? – Сиуард старался говорить потише, и не смотреть на того, о ком спрашивал. – Он это нарочно?

— Ага, — закивал я, как ни в чем не бывало. — Плутон с ним, пускай таращится.

Брат Афахара человек непростой. Об этом я узнал позже. Он закадычный друг Гозара, и приобрел его дружбу постепенно. Сначала подарил ему сокола, потом охотился вместе с ним, и шутил. В смысле, с Гозаром, с соколом особо не посмеешься. Наивный и восторженный наследник стал расписывать отцу о брате Афахара: какой он душевный, и как он тепло отзыается о Ресмаге. А еще позже Амал и Гозар сообща упросили Ресмага назначить общего товарища наместником земель за Лошадиной рекой. Это назначение равносильно проклятию для тамошних крестьян. Им и так нелегко, земли глинистые, овражистые, а тут еще ватага разбойников поставлена на прокорм.

Самому казначею было неуютно в компании тех, кем он себя окружил. Чинному Амалу не по нраву те средства, которыми они добывают себе необходимое. Он человек размеренный, ведает кладовыми, шушукается с царем, ну и медяки слаживает стопками, а тут ему приходится делить хлеб с теми, кто привык играть жизнью без крайней на то необходимости. У него лицо холеное, благообразное, а у них и лица, и движения резкие. Думаю, он их побаивается. Они для него дики, но дики, которыми все сложнее помыкать.

— Вот бы размозжить ему голову! — размечтался Сиурд.

— Кому?

— Негодяю, — сказал он задумчиво. Его взор застыл на пленнице. — Вот прямо сейчас...

— Что?

— Я говорю, Афахару голову надо оттяпать. Кому же еще?!

— Спятил? За что?

— Он негодяй.

— Это еще не повод.

– Разве?...Он запугал бедняжку, а та и послушна ему из страха. Он совершаet неслыханное, и пренебрегает обычаем войны.

– Нет у войны правил. Такие правила. Кто проиграл, тот виноват.

– Хех! – с досады хмыкнул Сиуард. – А она в чем виновата? – кивнул он в сторону пленницы.

– В том, что раньше ей муж добычу приносил, а теперь ее перед быть трофеем.

– О чём это вы, дорогие гости? – вмешался в наш разговор Ресмаг.

– Мы обсуждали, как несправедливо и против обычая поступают те, кто терпит издевательства над беззащитными, – выдал ему Сиуард.

Я вроде в тот миг ничего не ел, но поперхнулся, Ресмаг тоже растерялся.

– Он ей сочувствует, – вымученно улыбаясь, указал я Ресмагу на девушку, и попытался обратить все в шутку. – Здесь ползала ей сочувствует... Честно говоря, я и сам...

– Ах, вот оно что! – усмехнулся Ресмаг, и пообещал Сиуарду, уже с одобрением во взоре: – Не печалься, ничего плохого я с ней не допущу. Ресмаг недолго благодушествовал, и вскоре уже отчитывал молодого родича: – Вот ты поучаешь об обычаях, а первый обычай какой? А? Не напомнишь? Я освежу твою память. Гостеприимство прежде всего, Сиуард. У нас не принято оскорблять соратников, тем более под отчим кровом, это кощунство. Сперва накорми гостя, уважь, выслушай, не суди, не торопись. Потом, Сиуард, ты уже не мальчик, пора тебе, определись, кто ты. Или ты наш, и живешь вместе со своими, или ты рядишься в доспехи Рима. Но имей ввиду, – предупредил он его указующим перстом, – избрать одно из двух придется. А прежде чем выберешь, я тебе вот что скажу. Та армия, в коей ты сейчас состоишь, да простит меня мой друг Кассий, эта самая армия обеспечивает непрерывный поток пленников через море, – обезоружил

он нас прямотой, и предупредил мое вмешательство: – Кассий, я ничуть не сержусь. Но раз уж мы общаемся без утайки, то я тоже скажу... Вот, нахваливают римское право, а по сути что оно? В тех местах, где Рим главенствует, что, пленников не покупают и не продают? Да как козлят гонят их перед собой! Это так?

– Так, – ответил я за нас обоих.

– Пленницы наложницами становятся? – выпытывал у меня Ресмаг.

– Шлюхами становятся, – подтверждал я Сиуарду. – И евнухами делают, оскопляют мальчиков. И мужчин в каменоломнях заступами колотят, – вспомнил я. – Повсюду каторга.

– Каторга, это еще полбеды, – отмахнулся Ресмаг. – Я не хочу никого уязвить, но римляне заставляют рабов убивать друг друга. Да, да, Сиуард, – закивал Ресмаг. – Тамошние пленники на потеху черни друг другу глотки режут. Ладно, чернь скудоумная, но и степенные мужи с женами посещают эти мерзкие игрища. И деток приводят. К крови приучают. Такие вот нравы... Поправьте меня, если я говорю неправду. Кассий, подтверди ему. Ты ведь лучшие моего все знаешь.

– Позор есть позор, – признал я.

– Ну, скажи, Кассий, разве это не так?

– Видят боги, так, – свидетельствовал я. – Нет сострадания у большинства.

– Нет, может, я, старик, чушь несу?

– Нет, – отрицал я, подняв ладони.

– Я не жесток, – сказал Ресмаг. – Обо мне разное болтают, но это так. Отец и мать мои так меня учили: «Не твори зла, не туши ничей очаг». Я могу остановиться на полпути, и я хочу остановиться, но... Но, одно дело, как мы хотим, а другое – необходимость. Она вынуждает. Я не склонен к пагубному насилию, но в бою – кто кого. Иного не дано. Слово даю! Я оплакиваю участь моих врагов, могу поклясться в этом. Но я не буду кривить душой,

– заявил нам царь, – я не поменяюсь с ними местами. Во всяком случае, не по доброй воле. Вы не подумайте, я не оправдываюсь перед вами, хоть и ценю вашу дружбу, – предупредил он ход наших мыслей. – Пойми, Сиурд, оступись я или прояви малодушие, и произойдет не просто плохое, а наихудшее. Вместо пиров веселых тут будут обугленные стены, холодное небо будет вместо кровли, – показал он пальцем на свод, – плач, сопли, всхлипывания женщин, скорбь людская... Тут, дело не во мне, я свое пожил, – изрек Ресмаг, и о чем-то задумался. Он замолчал, потирая пальцами морщинистый лоб, а потом направил указующий перст на Сиурда. – Знаешь, что ждет тебя? Да, да, тебя! Ты не обольщайся. Ты для них тоже из моих. Ты думаешь иначе, как я понял, но они тебя братом не считают. Ты мой родич и брат. Знаешь, что с тобой произойдет, если ты попадешь в их позорный плen? А? Догадываешься?.. Это хорошо! – закивал Ресмаг. – А мои родственницы, да и твои тоже, милые девушки, дочери, жены, матери? Как быть с ними? Намекнуть тебе, как с ними поступят? А? Ты хочешь, чтобы мятежники стали хозяевами наших домов и земель? Они этого добиваются. Ох, и устроят нам всем потеху! Я посмотрю, как ты ее братьям будешь сочувствовать, когда они тебя скопцом сделают?! – он показал Сиурду на пленницу. – Когда они домой трофеи приносили, и мои табуны отбирали, я думаю, она не сильно горевала. Не мы их покарали, они сами себя обрекли на такое! Их собственная нечестивая злоба привела их дочь к нам. – Сиурд набрал в себя воздуха, но царь пальцем предупредил его: – Нет, я вполне допускаю, может, она и неплохая девушка, и сама этого не одобряла, но это ничего не меняет. Никто тебя не послушает и никто твоего великодушия не вспомнит, Сиурд. Не с руки им такое вспоминать, вот и не вспомнят. Но, пока я жив, успокой сердце. Будет у тебя свадьба, будет у нас пир, а их бешеной пляски не бывать. Я пожег их лачуги. Да, это не милосердно! Согласен! – воскликнул

он и добавил потише: – Но теперь им придется уняться и просить пощады. А ты имеешь прекрасную возможность проявлять благородство за хорошим столом. Видишь, как все хорошо... для тебя, – указал на него Ресмаг обеими руками. – Ты не подумай, я тебя не ругаю, – смягчился царь. – Наоборот, ты мне нравишься. Я горд тобой. Вот, и при Кассий признаю это. Ты юн, правдив, в тебе есть сердце. Хвалю! Не терпишь притворства и беззаконий. Здорово! И я не терплю! – дотронулся он до груди. – Ты не поверишь, я сам когда-то был таким, как ты. Всем подряд верил, а теперь смотрю, нет ли у кого камня за пазухой. Если тебя хотят убить, Сиуард, либо умрешь, либо поумнеешь. Другого не дано. Все сызнова обдумаешь, серьезно. Другим человеком станешь. Я тоже многое обдумал, хорошо обдумал, после похорон отца... Эх, вспоминать тошно, – запарусил щеками Ресмаг. – Мать и сестры мои еще в траур не успели облечься, а земля уже вздыбилась под нашими ногами. Сотряслась Абазгия до самых своих глубин. Мы тризну справляли, и кусок в горле застревал, низины вокруг пылали. Потом на меня открыли охоту. В отчих владениях, хотели меня подстрелить из лука как гуся. То я их гнал, то они меня гнали, как собаки по следам. Мать от волнений умерла, сестер спрятал, а сам отдельно прятался на собственной земле. На открытых местах не задерживался, коней и одежды менял, днями не мылся, вонял, как мокрый пес, в лесу мок, ночевал в пещере, огонь не разводил, чтобы не учゅяли, от каждого шороха вздрагивал... Думаешь, чужие моей души искали?! Нет. Аланы, греки, римляне, персы – с ними можно договориться, милые люди! Они мне столько зла не причинили. С ними меня ничего не связывало в прошлом. Мы не выросли вместе. Сшиблись конями и разъехались!.. Эх! – глубоко вздохнув, Ресмаг махнул рукой. – Я верю, Сиуард, в одно, и тебе советую поверить, – постукивал он ребром ладони по столу. – Меч наточен – будешь жить. Нет – вороны глаза склюют. И кого-то воронам вскормить при-

дется – либо тебя, либо твоих врагов. Уж ты мне поверь, птицы голодными не останутся.

Его взаимоотношения с кровниками – узел старый, запутанный и туго связанный. Будучи одного с ними родства, Ресмаг их заклятый враг. То, что абазги прощали римлянам, обезличенным, и по их мысли безродным, они никогда не прощали друг другу. Вражда передавалась от отца к сыну.

Бессемейному, да еще и несвязанному никакими клятвами Сиуарду легко рассуждать обо всем, что ему взбредет в голову. Другое дело хозяин царства. Его не поймут и осудят его же подданные, если он замирится с мятежниками. Всем опостылела затянувшаяся междуусобица, но как ее прервать, когда все ее заложники?! Нет тут выхода из лабиринта. Вот и девица-соплеменница, захваченная в набеге, куда ее девать? А других пленников? Дома и пашни сожжены, жить негде. Обезоруженные на своих землях, они как беззубые, легко станут жертвой какой-нибудь бродячей шайки. А если Ресмаг оставит их подле себя? Тоже не выход. Мальчики имеют обыкновение вырастать в мужчин. И как они подрастут, то обязательно отомстят за погубленных родителей. Заколют, как старого быка, первым делом Ресмага. Зачем им размениваться на бывших слуг. Царь всему голова, прославятся заодно. Пленников продают за море, чтобы те не смогли отомстить. Ужасной жизнь делают, сообразуясь с ужасными обстоятельствами. Чем больше пленников покидают родные берега, тем легче дышится их оставшимся соплеменникам. Ресмаг удаляет врагов подальше, чтобы себя обезопасить и предотвратить будущие кровопролития.

Потихоньку завязался спор и, похоже, не шуточный, раз в него вмешался обычно немногословный Атей. Он грозный ратник, с ним шутки плохи. Он с другого крыла стола советовал Афахару отпустить девушку. Тот изворачивался и весьма умело.

– Куда? В лес к волкам?! – Владетель болот деланно из-

умлялся, пожимая плечами. – Атей, их поселение сожжено дотла и обезлюдело.

– Его просто нет, славный Атей! – миротворствовал между ними Амал.

Голос Амала заметно дрожал, а лицо побелело как мел. Однако его объяснения пришлись как нельзя кстати. Дескать, ей, не имеющей семьи, которая может о ней позаботиться, так будет лучше.

–...А то ведь ей пришлось бы просить подаяние или скитаться в лесной чаще, ночуя в ямах, – увещевал сердобольный. – Останься она одна без опеки, ей грозила бы нешуточная опасность.

– Я тоже собирался в важный набег, но пришлось отложить, чтобы почтить вас... – совсем некстати высказался захмелевший купец с каштановой бородкой.

– Ты в своем уме?! – отвечал ему Атей с презрительной гримасой. – Ты собираешься обчистить лавки соседей?! Амал, толкни его, чтобы он проснулся! Чем вы его опопили?!

– Атей прав! – поддержал стражу пылкий наследник.
– По мне так лучше получить стрелу в спину, чем таскать безоружных на веревке, как скот.

На этот раз все взгляды устремились на Афахара, а сидевший напротив меня абазг неслышно присвистнул. Сам разбойник, несомненно слышавший громкое замечание царевича, сидел в воцарившейся тишине, как ни в чем ни бывало. Он со спокойным, скучающим видом поигрывал деревянной, обструганной палочкой, с которой срезано мясо.

– Мне говорили, она поет и играет, – спохватился Амал.

– Так в чем же дело?! – подхватил царь. – Врагам нашим ссоры! Пускай споет!

Все наперебой потребовали того же. Амал обрадовался такой связке, у него аж лицо разгладилось и, отвечая на чей-то вопрос, он выкрикнул:

– Венала!

– Венала! О, Венала!

Венала, опустошенная и подавленная, заслышав свое имя, не сразу поняла, отчего к ней взывают со всех сторон, а когда поняла, нехотя поднялась с табурета, как призрак, и взяла протянутую ей лиру. Звуки настраиваемых струн заставили гостей поутихнуть. Она щипала струны, даже не изменившись в лице, а Гозар, прогуливаясь по залу, подошел к нам со спины и положил руку на плечо своего родича апсила. Тот порывался вскочить со скамьи, но царевич удержал его всем весом, и, склонившись над Сиаурдом, прошептал ему что-то на ухо. Сиаурд, соглашаясь, задергал головой, царевич еще раз хлопнул его по плечу, кивнул мне, улыбнувшись, и направился к распахнутым дверям.

– Я ненадолго, – шепнул мне декурион.

Я проследил за удаляющимся Сиаурдом, ни один из его возможных недругов не встал из-за стола. Простуженные гости изредка покашливали и переговаривались, но только зазвучали струны, и сразу воцарилась тишина.

Побежденным на Кавказе оставляли жизнь, могли и отнять, но как бы кто ни старался обелить пленопроправство, это подлое занятие, и занимаются им люди без чести и совести. В тот вечер невинные души возопили к небесам чистым голосом Веналы.

Ее красота – ее проклятье. Будь она хромой уродихой, ее бы не тронули. Она бы нашла себе занятие, стирала бы и шила для других, собирала хворост, и тем бы выжила. Но завистливые боги пожелали красавице-гордячке иной, отравленной горем, судьбы. Никогда они не дают всего сполна, и часто лучший плод поедается тленом.

Скорбная песнь ее, по сути причитания, но только обычно плакальщицы-старухи неряшлиевые с дребезжащим голосом, а у нее голос чарующий, и сама она редкой красоты. Песня печальная, мелодичная, звонкая врезалась в рассудок прочно, как каленым железом.

Раз услышав песню, трудно запомнить. Я могу кое-что напутать, но только очередность стиха, рифму, а не сам ее смысл.

Завороженные гости внимали Венале, а пленница наигрывала по струнам и напевала.

Мать простонала,
Рассвет свой последний встречая,
В душном песчаном kraю дух испуская:
«Не хнычь обо мне,
Я скоро очнусь под родителским кровом.
Там юность привольна.
Там ветер морской шелестит по зеленым дубравам,
И дождик прохладный, он всех мне милее, барабанит
по листьям,
И спится душе под отчею кровлею сладко.
В старухе горбатой, от горя седой,
Никто не признает горянки веселой, румянай.
А я ведь была в рукodelьях искусствой, и шила для дома,
И в танце мне не было равных.
Теперь же костяшки лишь дрожь пронимает,
И тело пылает, и нитку в
Иголку уже не продеть.
То давнее бедствие мне нагадала подруга,
Да я посмеялась надней.
А поутру прибыли хищные гости морей,
Эллинские люди на корабле чернобоком, с носом
дельфинным,
Шлемами блещут и доспехами ладными,
А слух распустили, что хлеба желают и воду меняют.
Я же, дуреха, мыла не вдали корабля их белье.
Тут лис один хотел обольстить меня зеркалами и бу-
сами,
И тайно в любви со мной сочетаться.
Я к дому бежала с криком, на помощь взывая,

Но силой схватили меня, шедшую с поля, и парус подняли,

Отплыв, увели на продажу.

Тут мужу, от него дорогую потребовав цену, отдали.

То был отец твой, добрейший и славный из жителей града.

Он утешенье мое в скорби великой,

Грамоте разной, ученьям наученный,

Светом лучился, богами просветленный,

В дом мой родимый меня отпускал он.

Но я возроптала, тебя и его покидать не хотела, осталася с вами.

Он же коварно мне изменил и с хладной смертью сочтася.

В землю ушел мой любимый.

Теперь я пойду вслед за ним,

Моим единственным родным.

Ты не ложи мне на грудь

Камень тяжелый надгробный,

Прах мой пойди и развей ты над морем, дочурка.

Настанет пора, и черные волны морские

Меня донесут до берега в стране забытой.

Там успокоится моя душа,

И снова возродится счастливой и юной.

Она нараспев тянет, а я краем глаза слежу за Ресмагом. В нем идет какая-то ожесточенная, скрытая внутренняя борьба. Головой поник, борозда над переносицей углубилась, вена на виске набухла, и грудь часто вздымается. Сознание терзает его, как хищная птица. Когда Ресмаг вскинулся голову и глянул на Афахара, тому стало худо, судя по нервным подергиваниям, пробегающим по его дотоле непроницаемому лицу.

Лира умолкла, и водворилась звенящая тишина. Никто не захлопал. Пиরующие на миг замерли, никто не шелохнулся. Слепец бы решил, что зал пуст. Лишь Ресмаг

кряхтел едва слышно, да Апий сопел. Трибун ничего не понял, но поддался общему настроению, и призадумался. Такое ему не свойственно.

Венала, глядя себе под ноги, вернулась на свое место. Никто с ней не попытался заговорить. Гости и друг с другом не разговаривали. Пленница пробудила к себе сострадание и неприязнь к своим похитителям. Такие, как Афахар и его брат, умеют читать по лицам. Они заметили хмурые взгляды, которыми их окидывали. Однако на сей раз решительному воителю пришлось сдержать нахлынувшее раздражение. Афахар посчитал за благо удалиться, и правильно сделал, иначе бы он приблизил свое падение. Уходя, он согнулся и деловито вычищал от соринок рукав рубахи. Его брат последовал за ним, чуть пошатываясь от выпитого.

– Повсюду зло расплодилось, – печалился Ресмаг. Он наблюдал, как слуга подбрал новое полено в очаг посреди залы, и сноп искр взметнулся вверх. – Одно меня утешает, Касий. Боги нас всех осудят за наши деяния. И меня, и тебя, и врагов наших, всех осудят. Хвала им за это, – каялся Ресмаг, потирая пальцами раскрасневшиеся глаза. – Они милосердны, земли нам отмерят и оставят в покое.

– Но...

– Нет, нет! – устало запротестовал он. – Тщетно, друг мой. Не пытайся меня приободрить, богизвестили о несчастливом будущем.

– Я не совсем понимаю...

– Это потому, что я тебе не рассказал. – Ресмаг навалился локтями на стол, посмотрел по бокам и тихо мне сказал: – Бык не отведал соли перед закланием.

– Бык?

– Ты такое слышал?! Животное погнужалось солью с моей руки.

– Что это означает? – я тоже понизил голос до шепота.

– Проклятье, вот что, – сказал помрачневший Ресмаг.
– Гнев предков на мне, римлянин. Не веришь? Поживи с мое поверишь. Это верный знак. Вернее не бывает. Духи отреклись от моего дома.

– Еще не поздно...
– Опять ты о своем.
– Можно...

– Не можно! – отрезал Ресмаг. – Не можно, Кассий! Смирись! Поздно. Мы уже все совершили, хотя при чем тут ты? – отмахнулся он от меня. – Тебе как чужаку все простительно, а вот я... я оступился. Я хотел злом зло побороть. Нет, – произнес он с жаром. – Ошибка вышла. Большая ошибка... А теперь мне боязно. Да, да, я не шучу! Мы уязвимы из-за собственной нечистой совести. Никогда я ничего не страшился, а теперь вот...

Недоговорив, он запарусил щеками и взмахом руки подозвал Амала.

– Видишь тех двоих? – распоряжался Ресмаг. – Они сидели рядом с тобой. Один справа, а другой за Саритом. – Амал кивнул. – Проследи, чтобы им приготовили ночлег подальше от комнат Атея. Что-то мне подсказывает, им сегодня не стоит встречаться. Да, еще! – вспомнив, приселкнул он пальцами. – Для Апсита устрой особый прием. Уговори его остаться.

– Поверь, государь, он предан тебе, и подтвердил мне это.

– Пусть делом подтвердит, тогда поверю, – недовольно буркнул Ресмаг. – Но ты все же позабочься о нем. Он человек... с кем бы он ни был...

Раз абазг при мне заговорил о ночлеге, пора и мне отправляться на покой, решил я. Я расстроился, и это не укрылось от Ресмага.

– Пойдем, проветримся, – предложил он мне – тут наш разговор неуместен. Подышим свежим воздухом, – добавил он, потирая затылок. – А то от дыма у меня голова разболелась.

Ур, недавний мой знакомый, я и Ресмаг покинули пиршественную, стараясь не привлекать к себе внимания. Только мы переступили порог, и высокие резные двери за нами затворились. Гостям давали понять – пир окончен.

Наш спутник снял со стены факел, и запорхал впереди по темному переходу, зажигая подвешенные на цепочках светильни. Легконогий Ур рассеивал тьму, а мы, переговариваясь, шаркали за ним по щербатому каменному полу. Улей, гудевший позади, утих, и только наши голоса отдавались эхом по сводчатому, холодному проходу. Мы медлили, наш сопровождающий торопился, но мы все же нагнали его, и пошли бровень по полутемному, переходу. Я приучил себя быть настороже всегда, и краем глаза ухватил выступающее из мрака изваяние. Оно стояло в глубокой нише, в стене, и я, остановившись, в него всмотрелся. Какая-то странная причудливая скульптура.

– Ур! – окликнул забежавшего вперед слугу Ресмаг. – Подсвети гостю.

Только свет озарил бронзового идола, и я отшатнулся от дикого, свирепого взора. Почти живое существо с раскрашенным соколиным лицом, загорелым, человеческим туловищем, в набедренной повязке, прикрывающей срам, пугало меня яркими вставками из зеленых камней и боевым серпом в занесенной для удара руке. Каждый мускул изваяния был тщательно проработан, а то, что идол притаился в сумраке, придавало ему еще более зловещий вид.

– Мальцом он мне в кошмарах снился, – вымолвил Ресмаг. – Это финикийский бог. Этот трофея достался мне от отца, а тому от деда, а тот не сказал, от кого. Он всегда тут пылился. Мне очень уж хотелось посмотреть, как ты на него среагируешь, – грузный Ресмаг тихонько посмеивался и кряхтел, взбирайсь по ступенькам лестницы. – Всегда кто-то приплывает, море рядом...

Пока твердою рукою Рим кроит границы и укрощает воинственных. Но римляне не первые, чей след простили на этих берегах. До нас другие – и ахейцы, и финикийцы, и киммерийцы, а может, и еще кто, высаживались с лодок. Чужаки плели из ивняка берлоги, обмазывали их глиной, потом возводили каменные дома, носились со своими кумирами, а спустя несколько поколений пришельцы незаметно растворялись, и никто их больше не помнил. Заплесневевшие, брошенные стены крошились и мхом обрастили от сырости, а в развалинах обитали скорпионы и летучие мыши. Их приблудные дети, непонятного рода племени, скоро забывали, кто они и откуда, их поглощал Кавказ. Так стало с другими, а что станет с нами, боги решат.

На смотровой площадке тишь, свежий, морозный воздух, дыхание вырывается паром, а над нами сияет огромная луна, и россыпи мерцающих звезд. Небесное светило, полное, как блюдо, и совсем рядышком. Луна не тусклая, как обычно, а лучится ярким светом, и сама башня озарена пламенем факелов. Почти как днем, светло. Легкий ветерок раздувает наши тени, они пляшут, то удлиняются, как великаны, то становятся коротышками, а то и вовсе пропадают. Чуть ниже нас, на стене, вокруг разведенного в жаровне костра грелись трое дозорных. Длинные луки и пухлые колчаны они сложили на выступе крепостной стены, подальше от огня, а сами бодрились вином, грея у огня пальцы. Боги, воздвигшие эту твердыню, поработали на славу. С высоты открывался великолепный вид для обозрения, даже в ночное время. Залитое лунным светом безлесье, и дорога, лежавшая к подножью крепости, просматривалась отлично. Враги могли обстреливаться лучниками и пращниками на дальнее расстояние, с учетом высоты башни. В дальнем лесу, погруженном во мрак, мелькали удаляющиеся огоньки. Гости Ресмага разъезжались верхом и группами по петляющей вниз тропе.

Лишь чей-то одинокий факел, как спятивший светлячок, блуждал среди низкорослых зарослей, в стороне от дороги. Похоже, перепивший и пеший гуляка спотыкался между кустами, отыскивая путь домой.

Сокольничий поднес Ресмагу длинную накидку из волчьего меха, чтобы царь не мерз, соприкасаясь с холодным камнем, и он уселся на выступ стены, спиной к пропасти и лицом ко мне.

Ресмаг, привстав, поблагодарил молодого Ура, и взмахом руки повелел ему оставить нас наедине.

Веселый хохот выезжавших всадников, грохот ворот, запираемых на засов, окрики прощающихся, цокот копыт по мосту и приглушенные расстоянием шутки друзей потихоньку стихали. Прибрежные холмы погружались в сон. Лишь издали, со стороны лежавшего у подошвы горы поселка долетал собачий лай, путники все еще шатались по округе.

– Он неспроста заявился, – прервал затянувшееся молчание царь.

– Алан?

– Перебежчики объявились. Их шестеро, хотя нет, пятеро. Это между нами, Кассий, – предупредил он меня, – никому не говори. Двое аланы, а трое... трое...

– Кто?

– Какой-то неведомый нам народ, – сказал он, пристально на меня взглянув. – Их надо видеть, Кассий! Глаза, как щелки, узкие и раскосые, лица, как лепешки обожженные и широкие, бородки редкие, и лопочут по-своему.

– Что им тут понадобилось? – удивился я.

– С аланами пришли. Ох, намучаемся мы с ними! – прокряхтел Ресмаг. – Они резкие и легкие на подъем, в шкурах с головы до пят, шапки островерхие, и поджарые, как степные волки.

– А сами что говорят? Как тут очутились?

– Их выслали конным дозором, впереди основной конницы. Если им можно доверять, у них сообща до пятисот копий. Лазутчиков послали для разведки путей. Они неплохо управились, – поведал царь. – Когда их обшарили и при них нашли составленные рисунки, довольно точные. А еще они сделали зарубки на деревьях, на открытых участках нанесли горки камней. Потом... Вот это меня смущает, Кассий. На обратном пути, опять-таки с их слов, они повздорили меж собой.

– По какой причине?

– Просто разругались.

– Слово за слово?

– Они так говорят, – развел он руками. – Они сбросили в обрыв какого-то именитого у них вождя. Двое из аланов, опасаясь расправы, остались с чужаками, а вот проводник-абазг с криками ускакал прочь от них. Они за ним погнались, да только лошадей загнали. Упустили.

При живом свидетеле их возвращение было равноценно гибели. Пришельцам ничего не оставалось, как сбежать от своих. Степняки до смерти перепугали пастухов, и много с ними намучились без переводчика, но наконец те их поняли и провели к шатру Гозара. Там есть mestечко, где туры к водопою подходят, и Гозар там охотился. Дальше произошло следующее. Царевич выслал гонца к отцу, а сам, присоединив к себе всех, кого смог созвать, выдвинулся и преградил кочевникам путь в теснинах. Гозар, зная те места, двигался скрытно, по ложбинам, производя как можно меньше шума. Он застал беспечных неприятелей врасплох, обнаружил их в кромешной тьме по разведенным кострам. Во тьме абазги забросали их неукрепленный лагерь горящими стрелами. Кони степняков взбесились от страха, лягались и брыкались, и еще более усилили панику. Гозар рассеял по горам их прикрывающий конный разъезд, и порубал варваров, спросонья догонявших своих коней. Абазги вихрем пронеслись по их стоянке, коля их по пути копьями и мечами. Лихой и

необдуманной атакой Гозар посеял неуверенность в стане врагов. Я бы тоже на их месте не поверил, что имею дело лишь с горсткой всадников, не умеющих рассчитать собственные силы. Отважиться на такое – верх самонадеянности. Поутру невыспавшиеся, издерганные волнениями враги с лагеря снялись не скоро. Осторожничали, выслали передовых воинов, подождали, пока те вернутся, и только после полудня выступили. Гозар сделал главное, он заставил захватчиков двигаться опасливо, и когда они достигли предгорий, весть уже распространилась, и их ожидало превосходящее воинство абазгов. Кочевники не вступили в бой с абазгами, развернули морды своих косматых лошадок обратно к хребту. Лишь по пути сожгли крошечное селение, там было дымов двадцать, не больше. Если бы аланы и сарматы накрыли деревни неподготовленными и не собранными в кулак, да еще и железной конной волной на равнине, то абазгам оставалось бы только бежать к спасительным стенам своей твердыни.

Это произошло два дня назад. Сам того не ведая, я сильно рисковал, отправившись из Питиунта. Я мог столкнуться нос к носу с отколившейся и равносильной нам шайкой.

– Пойду в Питиунт, соберу всех и подготовлюсь к осаде, – пообещал я царю. – А там пусть приходят, милости просим! Дай мне дней пять, я разошлю вестовых.

– Зачем?

– Мы получим в подмогу и корабли, и пешее войско.

– А толку, Кассий? Если их мало, они поостерегутся спускаться на равнину, если много, они нахлынут и сметут ваш строй. Конными массами они непревзойденные бойцы. Сметут они ваш порядок! Ты лучше запричь и не высовывайся, – посоветовал царь – А если уж совсем станет немоготу, выйдем за стены вместе и ударим с двух сторон.

– Мы легко управимся, – убеждал я его. – Их только пять сотен, а теперь и того меньше.

– Если пять, то да, но я тебя расстрою.

– Их больше?

– Гораздо. Это пробный камешек, Кассий. В глубинах степей, вокруг Меотийского озера – многолюдные дикие племена. Там, был по делам мой старый приятель – делился Ресмаг. – Он выяснил, там белого коня в жертву принесли, и по его печени гадали. И скоро, очень скоро, Кассий, там созывают совет.

– Для чего? – насторожился я.

– К нам пойдут.

– Они уже решили или решат?

– Еще не решили, но обязательно решат. Может, уже решили, – пожал плечами Ресмаг. – Кто их знает? В любом случае, договорились они меж собой. Есть у них именитый муж, Сартаком зовется.

– Я что-то слышал о нем, – припомнил я.

– Он загодя разоспал переговорщиков по всем племенам, до хребта и за ним. Те склоняют наших соседей к набегу.

– Они готовят совместное выступление, – допустил я.

– К моим кровникам тоже наведались.

– Теперь понятно, зачем он притащился. Как же я сразу...

– Меня страшает, только пока ласково, – ухмыльнулся Ресмаг. – Либо я с ними против вас, либо все они против меня. В случае, если они одержат верх, я лишусь всего.

Слушая его, я обозревал погруженные во мрак предгорья. Человек ко всему привыкает, и я привык к ночной угрозе. Где-то там, под одним небом с нами, noctуют враждебные шайки, бродят опасные, озлобленные Римом люди. У них луки, серпы, заостренные, обожженные колья и щиты из плетеной лозы, обернутые бычьими шкурами. В темень мы отделены от них прочными стенами, а в светлое время мы можем разбить их в правильном сражении. Им приходится уклоняться от открытого боя, и отсиживаться в дремучих топях. Но положение, и их,

и наше, изменится, если сарматская конница не даст нам выходить днем, а ночью знающие места и дерзкие понтийские варвары перережут нам глотки. Стоит нам только высунуться для сношения между крепостями, и сразу сгинем. Для пополнения припасов мы сможем передвигаться только морем, да и это ограниченно. Три судна, две стоящие крепости и пять стоянок. Хотя, какие там пять. Они сразу все захватят все, кроме Себастополиса и Питиунта. Эх, знать бы наперед, куда они метят. Каким перевалом пойдут? Не взяв сходу апсилийской стены к Гюэносу, им не подступиться. С ходу ее взять у них, может, и получится, но только, если они пойдут напролом через дебри и котловины выше Себастополиса. Нет, и это им тяжко, тамошние жители побегут от них во все стороны, как муравьи, и так все узнается. Тогда они должны выйти из-за гор западнее, в виду если не Питиунта, то Трахеи наверняка.

Так что на апсилийскую стену им так просто не влезть. Юлиан может подтянуть к ней силы, да и наших там немало, если всех подряд вооружить и бросить в бой. Вдобавок ко всему сарматы оставляют за спиной меня, а уж я постараюсь не скучать. В такой чересполосице они воевать не захотят, потому как нам она выгодна. Диоскурия вне опасности. Обойти стену пешим шагом и с проводниками можно, но только без коней какой у них удар? Пешком они упрутся в круглые каменные башни в верховьях Коракса. Опять-таки, кругом овраги, узкие тропы, на которых можно сражаться только по нескольку человек в ряд. А сами обитатели того ущелья на редкость несковорчивы и угрюмы. Даже горстка высокогорных жителей задержит их надолго. От конницы там нет никакого проку, а пешие, если придут многие, то будут ждать в хвосте, биться будет все равно ряд из нескольких впереди идущих.

Скорее, их цель – нависнуть над побережьем и словоиться с окрестными варварами. Если так, аbazги, сани-

ги, апсилы, как решето, их пропустят, сарматы обогнут их поселения, не тронут, углубятся в Лазику, затем дальше в эллинскую Каппадокию, ну а после и собственно в римские пределы вторгнутся за добычей... Но тоже сомнительно. Они оставят запертые гарнизоны римлян, апсилов и абазгов в тылу. Сейчас такие времена, никто никому не верит. Отступать рано или поздно кочевникам все равно придется тем же путем, флота у них нет. Варварам обосноваться в Понте и Вифинии все равно не получится. А раз так, остаются Питиунт, Себастополис и Трахея. Все побережные крепости должны пасть, чтобы обезопасить захватчиков со спины. Какая-то из колонн треснет, а дальше весь дом обрушится под вражеским напором и грузом собственной неразберихи. Особо они с нами воевать не хотят, а потому попытаются склонить все окрестные племена к союзу, и потом, разрастаясь как пожар, сарматы перешагнут римские границы.

Они, как вода, пойдут туда, где порог пониже. Но не этой зимой. Пусть они и усилили брожение в Абазгии, но в горах уже бушуют снегопады. Так что им придется отложить вторжение до весны, или даже до лета, обрадовался я, в горах весной еще снег. Это как-то выпало у меня из головы. Представляю, как им не терпится.

– Я для них столько потрудился, а они меня ненавидят! И чем больше для кого сделаешь, тем больше он тебя ненавидит. Эх! Все смерти моей желаю, и желательно, позорной. – Ресмаг больше переживал за разрыв с со-племенниками, чем за аланов. Его не оставляла мысль о природе их взаимоотношений. Он вновь и вновь искал доказательства своей правоты. – Удивительно, не правда ли? Недавно еще один к ним перебежал, – оживился Ресмаг, – я его с рук кормил, как щенка...

– Может, с ними договориться?

– С кем? – воззрился он на меня и скорчил мину. – С кем договориться, Кассий? Они люди порченные, не

знают середины. Чернь если не боится, то устрашает. С ними не договоришься.

Обычаи и сам образ его мышления невидимыми путами сковывали Ресмага. Не зная их, невозможно понять его побуждения и объяснить его довольно странное, на взгляд со стороны, поведение. Любой другой правитель на его месте избавился бы от зачинщиков мятежа, и тем себя обезопасил. И Скепарну, и простолюдина Тинхада можно подстеречь в дороге, в гостях или на охоте, и так с ними покончить. Наконец, есть подкуп, кинжал или отрава, так нет же, Ресмаг дает им смущать то одну местность то другую, а потом высыпает на усмирение своих всадников, и кровь льется рекой.

— Только трус ударяет исподтишка, — убеждал меня Ресмаг. — Даже в войне есть правила. Во-первых, я буду осужден молвой за тайное убийство, да и потом, два главаря восстания лучше, чем один.

Вот об этом я как-то не подумал. Пока жив Скепарна, Тинхаду не объединить народ, а пока жив Тинхад, Скепарна со своей неуживчивостью и высокомерием лишь бледная тень справедливости. Они сами соперники, и недолюбливают друг друга. Если Ресмаг избавится от Скепарны, его сторонники, движимые местью, поднимутся и примкнут к Тинхаду. Это усилит его. Так дело не решить. А вот если все восставшие разочаруется в своих вождях, а они останутся живы и не дадут взрасти новым, тогда да, брожению конец.

— Давай, выспимся, — предложил Ресмаг, вставая, — время позднее... Кстати тебе не безопасно более ездить по дорогам, во всяком случае, в темное время. Оставайся у меня, отдохни, а в обратный путь я дам тебе провожатых.

Я принял его гостеприимство, тем более что заранее знал о нем. Я еще раз, на всякий случай, заверил Ресмага, что буду оборонять Питиунт до последней крайности и не вывезу гарнизон морем.

– Тебе легче, – оборвал он мои излияния. – Ты запрещешься в панцире, как черепаха, римлянин, и тебя за это никто не осудит. А вот мне так неЛЬЗЯ, – выдохнул Ресмаг. – Я предводитель. Я должен драться за каждую хижину. Иначе какой я вождь! Я не могу отлеживаться в своем логове, когда будут убивать моих соплеменников. Если я их хоть раз брошу в беде, позору не оберусь. Тогда мне уж лучше никогда не показываться людям на глаза.

Он сам вытянул свой жребий. Абазг должен разделить со своим племенем все. Все, что выпадет им на долю. Иначе ни его, ни его потомков не простят. У римлян власть держится на силе и деньгах, а уважение подданных не главное. У абазгов сперва честь, а остальное приложится.

Я заверил его, что пропретор нас не покинет в беде, и вышлет нам подкрепление.

– Поживем-увидим, – буркнул на это Ресмаг, и продолжил рассуждать о неприятеле: – У них преимущество в быстроте...

– Скорее во внезапности, – поправил я его.

– В любом случае, первый удар будет чувствительный. Надо скрытно собрать все силы и дать им сражение на неровной местности, перекрыв им пути для отхода.

– Это возможно.

– Лишь бы они недооценили наше собрание, Кассий. Сам понимаешь... Ты... Гм... Ты особо это не обсуждай ни с кем.

– Само собой.

– Кто выберет время и место, тот и выиграет... Ладно, – похлопал он меня по плечу, – ты отправляйся и выспись, Кассий. Отдохни. Тебе предстоят большие хлопоты. Я тебя проведу.

Покидая открытую площадку, Ресмаг залюбовался светилом.

– Какая-то она кровянистая, – вымолвил он, сузив глаза.

за, и оторвавшись от звездного неба обратился ко мне:

– Тебе так не кажется?

– Разве?

– А разве нет?

– Это к ненастью, – предположил я. – Град пойдет. Пускай им на голову льет как из ведра.

– Хех! – хмыкнул Ресмаг, и на его изможденном, изрезанном морщинами лице простила улыбка. – Нам бы снег не помешал. Хотя, при таком ясном небосводе...

– Это как сказать. И с чистым небом бывает дождь, – убеждал я царя. – Главное, откуда дует ветер.

– И то верно. Будем надеяться.

– За ночь могут набежать тучи.

Мой ночлег обустроили отдельно и с комфортом. Вместо твердой как железо древесины, просторное ложе с чистым, пухлым матрацем, белоснежным теплым покрывалом, а в изголовье узкая и длинная шелковая подушка, набитая пухом. На полу, под ложем и вокруг – толстый, ворсистый ковер, в центре комнаты столик с выгнутыми ножками. На нем кричащий красками глиняный кувшинчик с узкой горловиной, чарки к нему, плетеное блюдо сладких медовых лепешек и орехи, нанизанные на нитку и обмакнутые в застывшую кашу из виноградного сока. В кувшинчике свежий, сладковатый и только забродивший виноградный сок. Его я попробовал на вкус, но пить не стал. В моем желудке и так бродил тот же виноградный сок, только перебродивший. Если они смешаются, то опьянение усилится. В углу потрескивал сухими дровами очаг, а рядом, в железном корыте сложены короткие обрубки для огня.

Старые камни отлично сохраняют тепло, но все же я не сразу согрелся. Видать, незаметно для себя озяб. Уже отпустив слугу Ресмага, я закрыл дверь на засов, сбросил плащ, отстегнул пояс, присел на кровати, расшнуровал и снял сапоги. Думаю, потом разденусь, когда согреюсь. Заполз я под одеяло, завернулся в него, положил голову

на подушку, прикрыл на мгновение веки и провалился в сон...

Просыпаюсь оттого, что сквозь сон кто-то, как кошка, скребется. Не знаю, сколько я проспал, но очаг за это время выгорел, а свечи расплылись до половины.

Кто-то в дверь тихонько стучался. Сердце мое забилось чаще. Я как можнотише поднялся, также бесшумно и медленно вытащил меч из ножен, и на цыпочках, босыми ногами, подкрался к двери.

– Кассий, – зашипел знакомый голос за дверью, – это я.

– Сиурд?

– Помоги мне!

– Что стряслось? – Я встревожился не на шутку. Мои руки дрожали, пока я отодвигал засов.

– Ее увезут! – возвестил он с порога.

– Кого?

– Веналу.

– Кого? Кто такая Ве... Ах, это та, – облегченно вздохнул я. – И из-за этого ты ко мне ни свет ни заря вломился?! Хех! Клянусь Геркулесом, знал бы, не впустил!

Так я вовлекся в занятие настолько же опасное, насколько ребяческое и неблагодарное. Все ребяческие и неблагодарные занятия наиболее опасны. Одним словом, я ввязался не в свое дело. Я всегда сторонился такой дурости, как сватовство. Почему я согласился участвовать? Ну, во-первых, я не пропочь помочь хорошим людям, при условии, что их неприятности не станут моими, а во-вторых... если честно, и это весомее, но я в этом им не признаюсь, очень мне захотелось с ней увидеться, познакомиться и переговорить. Я расскажу по порядку, иначе все запутается.

Гозар оказался сердобольным парнем, помимо своей вспыльчивости. Он постеснялся отца, но поделился со своим молодым родичем Сиурдом. Абазгский наследник вознамерился жениться на пленице Афахара. Вот так, ни больше, ни меньше.

На первый взгляд мальчишеское сумасбродство, но это только на первый взгляд. Тут надо присмотреться повнимательнее и просчитать ходы. Ресмаг ни за что не даст ему отеческого благословения, это ясно как день. Сын его, как я понял, тот еще упрямец, и они сцепятся, как туры рогами, кто кого. Мальчик захочет доказать, что он мужчина, и испытает крепость не только своего характера, но и отцовского. Они в этом возрасте все мерзкие и упрямые, как мулы. Пока отец ему запрещает, он ни за что не бросит Веналу. В ответ Ресмаг не признает его брака, зато Гозар получит ту, которую желает, и вот здесь самое заковыристое, возможно, он этим помирит отца с кровниками. Что для них обоих неплохо.

Племена тут часто замиряются, обмениваясь младенцами. Гозар то ли умышленно, то ли из страсти, а может, это совпало, может сделать нечто подобное. Для абазга трудно убить отца или дядю твоего племянника или внука. В шаткие времена, когда каждое копье на счету, мир между частью мятежников и Ресмагом пойдет царю на пользу.

О чем Сиуард умолчал, я догадался сам.

Он, ненавязчиво так, пришел посоветоваться. Апсил не такой уж и прямолинейный, когда ему надо. Он каждый раз так скромно советуется, что я ему потом помогаю.

Я отговорил его от того, чтобы он тайком выкрад пленницу из дома, где остановился Афахар. Такое надо делать в открытую, иначе можно пострадать. Ругаясь на чем свет стоит, я взял у него одежды. Он с собой принес какие-то обноски, видать, хотел меня предупредить, и пойти на кражу пленницы.

Я позаимствовал его долгополую тунику и плащ из шерсти с капюшоном. Плащ я предварительно испачкал золой и продырявил в нескольких местах. Потом я обвязал свои сапоги кусками грязного холста и скрепил их бечевками. Приняв обличие начидающего бродяги, я

разжился палкой, покидая дворец. Она попалась мне на глаза как нельзя кстати. Кто-то прислонил ее к изгороди. Наверное, для скота, а может, для собачей забавы, она была какая-то вся погрызенная.

Теперь я калека, думал я, осторожно ступая вниз с холма, по заиндевевшей, мощеной дорожке. Я пару раз поскользнулся, а раз, потеряв равновесие, влетел со всего маху в колючие розы. Все пошло как надо. Я исцарапал лицо и локти и заляпал колени мокрой грязью. Еще один такой кувырок, и палка мне на самом деле пригодится.

Прежде чем спотыкаться, я, конечно же, разузнал, куда мне топать. Я шел, грязный как собака, на дым, струящийся над островерхой крышей. Высокая крыша вырисовывалась на хмуром рассветном небе багряной, зубчатой черепицей и резкими линиями. Ее трудно спутать с другими, более низкими кровлями. Само жилище принадлежит Амалу. Оно богато украшено, с портиком и колоннами, сложено из обожженного и побеленного кирпича. Внутри ни огонька. Резные ставни и двери нагло затворены. Похоже, хозяин и его постояльцы отсыпались после попойки, отделенные от сырости толстыми стенами, нагревшимися изнутри.

Я поплотнее запахнул плащ. Под ним был мой, с застежками, короткий и по телу.

Чужой плащ был длиннополый, и достаточно просторный, чтобы скрыть даже намек на мои доспехи. Я был потолще обычного, но зато и холодный ветер не пропускал внутрь. Все хорошо, если бы не намокшие колени и налившая на рукава грязь.

Разыскать дом, если он высится как маяк, несложно. В Тракее постройки целиком из кирпича и булыжника встречаются редко. Дерево, штукатурка, смешанная с глиной солома и каменная кладка часто соединяются в одном строении. Каждый строит тем, что имеется под рукой, и только дом ведающего царскими кладовыми сложен целиком из однообразного материала, и покрашен,

как нарядная кукла. Выступающие под крышей балки защищают стены от сырости. Они украшены резьбой и выкрашены многослойной краской цвета яичного желтка. Также обрамлены окна и двери на фасаде.

Многолетние и толстые виноградные лозы паутиной опутывают соседние с домом постройки. Лозы растут на участках перед домами, перекидываются с деревьев на балконы, возвращаются обратно и тянутся дальше щупальцами к соседям.

По этой причине, узкая и кривая дорожка меж домами, несмотря на взошедшее солнце, остается затененной во многих местах. Наученный опытом, я осторожно ступал по блестящим от инея камням, а по обе стороны надо мной нависали верхние выступающие балконы. Я едва разошелся в проходе с каким-то всадником, его конь протиснулся, но испачкал грязным хвостом мой и без того замызганный плащ. «Еще немного, и я запахну, как полагается, или подерусь с кем-либо, и он мне поставит синяк под глазом. Вот так люди и начинают бродяжничать», – пронеслось у меня в голове.

Проход к дверям островерхого дома был по краям установлен готовыми бочками из свежевыструганных досок, и в воздухе пахло струганным деревом и смолой.

Здесь, в абазгской вотчине, все друг друга знают, и любой праздношатающийся вызовет подозрения. Чтобы не показаться злоумышленником, я притворился восхищенным ротозеем. Косматому бондарю это польстило. Я наблюдал за тем, как он обстругивал уже готовый бочонок, стремясь придать ему более совершенные формы. Как люди встают в такую рань, уму непостижимо.

Я ему кивнул, он ответил мне кивком и улыбкой. «Только не заговори со мной!» – екнуло мое сердце. Я старался быть неузнанным, а человек говорящий с резким, не абазгским акцентом, наверняка вызовет в последующем пересуды. Я, как полудурок, раззявил рот и сказал «Эге!», и, раскачиваясь из стороны в сторону, как утка,

заковылял мимо него по улочке вниз. Там я остановился, почесался, отошел в сторону, повозился с веревками на холсте и опять зашаркал вверх, не удаляясь далеко от дома с островерхой крышей.

Как же еще потянуть время?! Какой я дурак, что устроил все это переодевание! Очень странно, в натопленном дворце мне это показалось разумным решением, а на холодном ветру видится иначе. Самое худшее, бондарь подавал мне какие-то знаки, а когда я ему не ответил, он начал на меня хмуриться. «Очень нелепо я выгляжу», – подумал я о себе.

Потом, думаю, пойду, отворю калитку, постучу в дверь, и совру им. А что совру? В том то и дело. Вдруг калитка между мной и бондарем со скрипом отворилась, и на улочку вышла девушка с пухлым, чеканным кувшинчиком в руке. Она пошла в мою сторону. Я подождал, пока Венала поравнялась со мной, а потом, притворно прихрамывая, увязался за ней.

– Красавица, подай бездомному на хлеб, – гнусавил я, протягивая к ней ладонь.

– Отцепись, прошу! – обронила она, даже не оборачиваясь.

– Ради богов, прояви участие! – не отставал я.

– У меня ничего нет.

– Госпожа...

– Ты меня с кем-то спутал... Иди, укради у кого.

– Я не краду.

– Лучше бы крал, чем попрошайничал. Вы тут все воры.

– Госпожа, я должен сообщить тебе нечто важное, но только для этого нам нужно уединиться, – шепнул я, поравнявшись с ней.

– Уединиться?! – она остановилась и окинула меня полубрезгливым, полужалостливым взглядом. – Иди, найди кого-нибудь и уединяйся с ней, сколько захочешь. А меня

оставь в покое. Ты меня с кем-то спутал. Я сама нищая...
хуже тебя.

– Да? А по тебе не скажешь.

– Одежды на мне, и те не мои. Мне бы кто помог.

– Вот и я об этом, Венала.

Вот тут она изменилась в лице, а ее красивые миндалевидные глаза удостоили меня вниманием.

– Ты знаешь меня? Откуда?

– У меня есть к тебе дело.

– Какое еще дело? – она прищурилась. – У меня с собой ничего нет. Предупреждаю, ты не сможешь меня обокрасть.

– Я нуждаюсь, но не настолько.

Она смотрела поочередно то на меня, то на вытянувшего шею бондаря. Этот человек сгорал от любопытства. Потом Венала искоса поглядела на закрытые ставнями окна и едва слышно вымолвила, отвернувшись к стене:

– Я отойду за угол. Ты чуть обожди, и после пойди за мной.

Я ей едва заметно кивнул, и постоял, пока она скрылась за поворотом. Послонялся я недолго, потом приветливо помахал бондарю рукой, и не спеша последовал за ней.

– Я тебя где-то видела. Ты...

– Я послан от царевича, – не дал я ей договорить. – Если на то будет твоя воля, Гозар соединится с тобою узами брака.

– Гозар? – ахнула Венала. – Он разделит брачное ложе со мной?!

– А что?

– Со мной? Ты знаешь, кто я?

– Ага.

– А то, что я обесчещена?

– Э... Теперь знаю... А чтобы ты поверила ему, он выслал тебе это. – Я протянул ей перстень с желтым янтарем и сказал: – Подарок от Гозара. да возьми же!

Ее тряслось, но она взяла кольцо, прикусив губу, задумавшись о чем-то, вертая перстень в руках, а потом примерила его на пальце. Это «кольцо Гозара» я месяцем ранее выиграл в кости. Хорошо, что я его не продал в Себастосе, у меня была такая возможность.

– Он ищет повод освободить меня?

– Он хочет взять тебя в жены. Это не одно и то же.

– Ты не абазг, – догадалась Венала.

– Верно, – подтвердил я.

– Как тебя зовут?

– Меня никак не зовут.

– Даже так?

– Ты меня не видела.

– Ах, так! Но у тебя есть имя?

– Есть.

– Ты осторожный.

– А еще я спешу обратно. Ты согласна?

Вместо внятного ответа она гримасничала.

– И?

– Хорошо, – решилась она. – Если отнимет меня у Афахара, я согласна. Вот, прими, ты хороший вестник, – сказала она, сняв со своей гипсовой шеи тоненькую цепочку.

– Я скажу, что потеряла.

Я бережно отстранил ее руку.

– Какая я дура! – Она коснулась кулаком своего лба. – Я совсем поглупела. Прости, римлянин.

– Я не римлянин.

– Как скажешь.

– Скажешь твердо, что положено, когда придет твой черед? Сможешь прилюдно ответить?

– Еще как смогу! А ты скорее возвращайся и передай, если Гозар хочет взять меня в налож... то есть в жены, то пусть немедленно...

– Прямо сейчас?

– Немедля! – повторила она. – Надо успеть до полуночи... пока он тут, – объяснила Венала, показывая паль-

цем на дом. – Он или сваты, или кто там, за него придут, пусть будут настойчивы. Им надо потребовать срочного ответа. Сегодня.

– К чему такая спешка?

– Жить хочу, – устало вздохнув, она подняла глаза к небу.

– Опасаешься за себя?

– Если не поторопишься, Афахар на словах «да» скажет или «подумаю», а меня увезет к себе. А там... Там он сотворит со мной, что пожелает.

– А людям что он скажет?

– А кто его спросит?! Какие еще люди?! – фыркнула она брезгливо. – Скажет «сбежала она», или еще что-нибудь придумает... Растолкуй ему, римлянин. Если Гозар не возьмет меня сразу и прилюдно, то никогда не выручит. За меня не беспокойся, я не подведу, отвечу, как надо, но потом меня от Афахара надо сразу оградить. Иначе он рассердится и меня не отдаст.

– Договорились!

Я уже собирался уйти, когда она обернула меня, коснувшись плеча.

– Мы еще не договорились.

– То есть как не договорились?! Мы же...

– Есть одно условие.

– Условие? – переспросил я. – Ты шутишь?! И какое?

– А ты думал, я собачонка?! Поманил и пошла за тобой, так что ли?!

– Ну, хорошо, выдвигай свое условие. Мне пора обратно. Хотя, дай угадаю! Ты хочешь остаться с Афахаром? Так? Или тебе милее его прихвостень коротышка?

– Фуф! Как ты такое подумал?! – воскликнула она с гадливостью. – Я хочу, чтобы он умер!

– Думаю, это пожелание вскорости исполнится. У него уже нос почернел, дурное кровообращение. Я кое-что в этом смысле, с таким носом он не долго протянет.

– Э, нет! – возразила она, помахивая указательным

пальчиком предо мной. – Он не должен умереть в своей постели.

– Ух, ты!

– Ах, знала бы я нужные травы!

– Э-э-э, милая...

– ...свела бы я их медленно в могилу... – мечтала Венала, и меня не слышала. – Не стала бы никого упрашивать. Но ничего не поделаешь – выдохнула она. – Передай так.

– Я столько не запомню.

– Если он...

– Он – это кто? Который?

– Гозар. Пусть он умертвит Афахара.

– Я-то не против, пускай он его умертвит, но...

– И его брата с козлиной бородкой... – зашептала она, оглядываясь по сторонам, – и коротышку... и...

– Хватит.

– Не хватит!

– Я не в том смысле.

– Пусть дома их обратятся в пепел.

– А ты слuchаем не сумасшедшая?

– Я? Да нет! – замотала она головкой.

– Нет? Просто, многие об этом не знают.

– Нет! – запротестовала она. – Нет! Ты меня слышишь?

Нет!

– Охотно тебе верю, но...

– Но?

– Ты их проклинаешь, это понятно, но как ты такое желаешь сотворить?

– А почему нет?! – дернула она плечиками. – Разве я не имею право? Или мой будущий супруг отомстит за меня?

– Он-то парень благородный, – бурчал я, почесывая темя.

– Тогда он жену в обиду не даст. Правильно?

– Нет.

– Он трус?

– Нет.

- Тогда что с ним не так?
- С ним-то все впорядок. Это с тобой что-то...
- Разве?
- Ты требуешь невозможного.
- Разве? – Венала обиженно надула губки.
- Согласись, ему придется убивать соплеменников тайно и без вины. Это нехорошо.
- Хорошо! Раз так, пускай обвинят их! – пожелала она.
- Пусть он им ответит, как полагается.
- Прости, что спрашиваю, я мало, что в этом смысле.
Как полагается это... Это как?
- Открыто и силой оружия.
- Хе-хе! – хохотнул я. – Открыто и силой оружия! – повторял я за ней и понимающие кивал. – Открыто... Силой... Ты сама себя слышишь?! Царевич лишает Афахара его законной добычи, ты добыча его копья, – напомнил я ей, указывая на нее пальцем. – Это еще полбеды, но тебе и этого мало.
- Очень подлые слова слетают с твоих уст! – процедила она сквозь зубы.
- Ты хочешь лишить его жизни, – настаивал я. – На то должна быть веская причина. За что?
- За все! – ее глаза полыхали бешеным огнем.
- Это не причина.
- Они сделали из меня порочную женщину, – она задыхалась от гнева. – Это не причина?! А мои родители?!
- А что родители? Они не одобрят замужества?
- Они мертвы!
- Хорошо! Хорошо! Успокойся! – я поднял руки, чтобы ее утихомирить. – Я тебя понял!
- Это справедливо?! – не унималась она. – Я тебя спрашиваю, это справедливо?! Отец мой, старик, в огороде копошился, он мухи за жизнь не обидел, мать за прялкой сгорбилась, а я брата больного выхаживала. Он еле ходил. Мы ни во что не встrevали, всего сторонились...

– Еле ходил? А отчего он еле ходил? – осведомился я. – Поранился?

– Ты не намекай! – негодовала Венала. – Ты скажи прямо!

– А ты не рассердишься? Точно? Тогда я скажу. Хорошо?

– Говори!

– Только ты не кричи! – попросил я ее, и тихо спросил: – Перед превосходящей силой все – мирные пахари, согласен, а кто-то на море разбойничал?! Я что ли?!

– Какое еще море?! – накинулась она на меня. – О чем ты?! Прекрати ухмыляться! Наша избушка стояла в горной котловине. От нас до пристани день конного пути.

– Вот это и странно! – развел я руками, и стал загибать пальцы. – Пристани нет, торговли нет, скота почти нет, пашни, как ковер, куцые, а из вашей лачуги извлекли серебряные кувшины, чеканные пояса, золотые кубки... А? Объяснишь откуда? Много разных блюд, шелковые ткани тюками, сукно, мечи в конце концов... Откуда все это взялось?! А? Река принесла? Клад нашли? Чудо? Подбросили это вам? Ну, подскажи, не молчи.

– Сплетни собираешь! – фыркнула она.

– Ты не укоряй, ты ответь.

– Люди еще и не такое придумают.

– А ты оправдайся! – предложил я.

– Царь с этим, как его там....

– Со Скепарной, – подсказал я.

– Кто-то с кем-то поругался, а моих родителей забили, как скотину. Ты это оправдаешь, римлянин?!

– Такое не оправдаешь, – согласился я – Это очень плохо, но это из-за войны! – нашелся я. – А из-за чего воина? Давай вместе подумаем. Вы хотите отнять у Ресмага власть.

– Я?

– Правильно? Правильно! Человек сопротивляется,

любой бы на его месте сопротивлялся. Вы хотите лишить его жизни.

– Ты знаешь, теперь да! Хотя до этого... Поверь, я говорю, как есть, что мне уже скрывать, – сказала она, приложив ладонь к груди. – До этого нам не было дела до того, кого называют Скепарной, нет, правда! Я о нем понаслышке знаю. О нем болтали разное, одни его хвалили, другие поносили на чем свет стоит, но большинству на это было наплевать.

– И тебе?

– Конечно. У каждого свои хлопоты – дрова заготовить, кур кормить, коров подоить... Зато теперь – да. Домов нет, хлопот тоже, и если бы мы смогли его отыскать, будь он неладен, то охотно возвели бы его на трон. А что?! Может, с ним мы избавимся от притеснений? А?

– Гм...

– А что ты кривишься?! Тебе-то какая разница?!.. Я не хочу тебя уязвить, римлянин, но ты очень странный, – язвила она, забавно морща носик. – Как твой господин тебя терпит. Кстати, а кто твой господин?

– Он далеко.

– Ты очень странный, – повторила она. – Я задаю один вопрос, а ты отвечаешь на другой. Твой господин дурак, что держит тебя на службе.

– Так оно и есть, – охотно признал я.

– Купите Скепарне колесницу с двойкой коней, и он будет ваш, – советовала она. – Будет он хороший и послушный. Разве с другими не так поступаете? А скажи, я не знаю твоего имени...

– Я Кассий

– Кассий, почему ты такой? – спросила она, буравя меня своими волшебными зелеными глазками.

– Какой?

– Ты огорчен? Не набрал трофеев, бедняжка! А? – жалела она меня, как ребенка. – Обделили, да? Потому такой сердитый?

– Я ухожу.

– Скажешь Гозару?

– И не подумаю, – отнекивался я. – Итак, твой ответ да или нет? Ты отказалась?

Умная женщина, она как вода, когда ее припрут к стене, найдет выход. Она никогда не признает свою неправоту, она лучше отвернется и неожиданно заплачет. Я не ожидал от гордячки подобное, и смягчился, заметив, как увлажнились ее глаза. Может, я бы не так растрогался, если бы Венала не хотела скрыть от меня свои слезы.

Я быстро пошел на попятную.

– Я все предам, – заверил я ее, – я на твоей стороне, и ты в этом скоро убедишься. Но ты и меня пойми, – оправдывался я, – ты же не дитя глупое! Я тебе от души... Только не реви! Понараснуй слезы льешь! Все худшее позади, – утешал я. – Предоставь это мне, я все устрою. Только ты себя не подведи. Перемени характер, будь хитрее.

– Я каждый день накрываю на стол, а там все краденое... – всхлипывала девушка. – А он... он гуляет вовсю, пока добыча не истощилась... я... я... – тряслась она от сдерживаемых рыданий. – Я объедки их подбираю, выкидываю... А я... я... я втихую пальцы себе ломаю, плачу, стоя в стороне... устала...

– Успокойся! – погладил я ее по плечу.

– Нет моих сил больше....

– Потерпи

– ...Каждый вечер дрожу всем телом, пока убийцы пирут!.. Никто так не страдает, как я... – причитала она вполголоса. – Накрываю им на стол, не смея без его разрешения, без разрешения вора, притронуться к тому, что мое! Из... Из моего отчего дома вынесено...

– Уф! Как тяжело с тобой!.. Это не самое страшное. Все это наживное, лишь бы ты была жива, здоровая... Ты меня слышишь? Очнись! Да не плачь ты! Ты лучше улучи благоприятное время и пожалуйся своему мужу, – сказал я, заглядывая ей в лицо. – Похоже, не мне тебя учить, как

это делается. У тебя все получится. Вот так-то лучше, – похвалил я ее. Девушка утерла ладошкой слезы, катившиеся по щекам, и молча закивала. – Вот умница.

Мимолетная встреча растревожила меня гораздо больше, чем я ожидал. После того, как мы расстались, я какое-то время постоял на месте, прислонившись к холодной стене, с раскрытым ртом, и думал. Потом спохватился, прислонил палку к стене, и двинулся обратно без нее, вдыхая сырой воздух полной грудью. Я даже не помню, как я прошел мимо бондаря,

Затылок нестерпимо болел, и мне стало все равно, что и кому он про меня расскажет. Пускай что хочет говорит! Незнакомка изменила мои мысли, следовательно, и жизнь мою направила по другому руслу.

Идя к ней, я считал себя хорошим человеком, а возвращаясь, я думал о себе гораздо хуже, хотя на самом деле я стал лучше. Это непросто понять, и в этом счастье глупцов. Когда человек собой недоволен, он желает стать лучше. Именно стать, а не казаться лучше. А тот, кто хочет казаться лучше, никогда не улучшится. Я насили с ней расстался. Моя бы воля, я бы с ней вообще не расстался.

«Какая красивая! А какая она умная! – восхищался я ею. – А какой я осел! – злился я на себя – Как я был с ней груб?! Хотел себя показать, привык иметь дело с шлюхами. Они притворяются, ты притворяешься, и вместе вы блевотина. А с ней этого не надо, она как-то так делает, что с тебя спадает фальшь. Боги милосердные, насколько же я привык к притворству?! – удивлялся я самому себе. – Если бы не она, я бы этого не заметил в себе... А она такая... Почему я согласился ее сватать для кого-то другого?! Почему не для себя?! Слепец! – укорял я себя. – Дальше своего носа не видишь! А куда ты торопишься?! Куда ты вечно спешишь?! – успел я подумать, прежде чем споткнуться о выступающий над мостовой камень. – Дурак! – ругал я себя, и на ходу отряхивал одежду от грязи. – Разбрасываюсь обещаниями. Кто тебя просил клясться?! Ну,

кто тебя просил?! Теперь я буду бесчестным человеком, если попытаюсь ее добиться, – скрежетал я зубами. – Вот бы она отказалась Гозару! Хоть бы отказалась, тогда я сам выкраду ее... Какая она мудрая! А какая милая! – я вспоминал, как она надувала губки, ее ямочки на щеках. – А как она забавно хмурит лицико, глаз не отвести... Даже когда язвит, премиленьяка. Пускай злиться, пока Венала бесится на Афахара, она ничего с собой не сотворит, это хорошо.

Удивительно, какая невеста пропадала в медвежьем углу. Хотя, почему пропадала? – противоречил я сам себе. – Наверное, у нее был жених. А может, это из-за нее ее семья подверглась разорению. А что, если ее не случайно, а намерено пленили. Она ведь тоже говорит, что они ни при чем. Значит... Девушка ухоженной и утонченной красоты, и острого ума, кстати. Такое сочетание редкость. Многих розовощеких пустышек перебрасывали поперек коня и увозили, но ни одна не могла внушить к себе таких чувств. Они наскучат спустя несколько дней, а Венала, как долго действующий яд, пленяет собой, чем дальше, тем больше.

Гозар, наверное, сейчас думает: «Достойна ли она меня?» Достойна, достойна, Гозар. А вот достоин ли ты ее? Я, к примеру, точно ей не ровня. Вот если изменюсь... думающая жена может изменить мужа... одно ее портит – ее одержимость мщением. Хотя, и это можно понять. В конце концов, это ее родители. Они бы все равно умерли, но зачем надо было их... Какая необходимость лишать их жизни, если они не представляют никакой опасности? Хотя, это она говорит, что ее отец и брат такие пушистые. Очень сильно в этом сомневаюсь... Уверен, ее родители были прекрасных кровей, раз воспитали такую дочь. Ослица никогда не родит породистую кобылу, а ольха желудями не плодоносит.

Ее стать и поступки свидетельствуют в пользу ее происхождения. Другая бы на ее месте приняла свое новое, униженное положение таким, какое оно есть. Но Венала

не смирилась, отторгала чуждую, рабскую долю. Кассий, сам погибай, но выручи ее, – наставлял я самого себя. – Если эта девчушка имеет на это храбрость, то и я ей не уступлю. Храбрость у нее другая, Не та, что нужна, чтобы всадить нож похитителю под дых, а другая, труднообъяснимая, не отчаянная и быстрая, а мученическая какая-то храбрость...»

Той зимой ничего более примечательного или запоминающегося, во всяком случае со мной не случилось. На всем Понте тоже мало что произошло. Боги даровали прибрежным жителям покой. Наслали они на сушу дожди и снежные бури, шторма подняли на море, и дали смертным возможность скоротать с собственными чадами у свечей холодные вечера. За период вынужденного покоя я поправился и стал поувереннее в себе. Когда человека не испытывают ежечасно, его сердце мерно дышит. Прогулки, горячие ванны, супы на завтрак, свитки книг, жаркое на обед, конные прогулки, охота в редкие погожие дни – все это пошло на пользу. Единственное, чем я себе навредил, это разгребал снег деревянной лопатой. Меня никто не просил, зря я этим занялся. От сверкающего снега у меня зарябило в глазах, а от тяжести лопаты схватила поясница. Вдобавок я подхватил простуду, и провался в тепле дней десять. Я лечился от озноба медом и подогретым козьим молоком, и когда меня перестало лихорадить, я снова почувствовал себя счастливчиком. Хорошее время, это когда отдыхаешь в надежной, уютной и просторной берлоге, до тебя нет никому дела, да и тебе нет никакого дела до других. Такое начинаешь ценить лишь после того, как намучишься.

Спокойно, сытно и удобно. До того спокойно, что даже пить не надо, а то бывает, пьешь, чтобы забыться. Но мы смертные так устроены, что нам неизменноется. Я предвкушал лето, и дождался. Теперь солнце сияет высоко в небе, море недвижное и ровное, как поляна, дороги

сухие, и люди, как муравьи, шастают туда-сюда. Светлые дни удлинились, но и тревоги наросли, как грибы от теплого дождя.

А ночи коротенькие, и я предусматриваю все, чтобы меня не закололи во сне. С мечом сплю, дверь запираю на засов, а через окошко им не пробраться. Только после всех этих предосторожностей я отхожу ко сну.

Августовская жара обычно спадает под утро, но той ночью похолодало раньше благодаря шумевшему дождю. Когда прохладнее, и думать легче, и дышать. Это как-то связано и с характерами людей. В жару люди излишне склонные, вспыльчивые, а в холод они молчаливые и мрачные. Не знаю, как другие, но у меня, когда нос забит от простуды, то я суетлив из-за частого биения сердца. Или становлюсь от этого боязливым, или, наоборот, излишне резким, но уж точно неспокойно на душе. Набегающие порывы гнули ветви деревьев, и листья шелестели от ветра, слуховое оконце сочилось водой, проникавшей сквозь ставни, по крыше барабанил крупный дождь, и только я смежал веки, меня будил трескучий гром. Я пару раз пробудился, и больше не мог уснуть. Я припоминал сначала одно, потом другое, потом что я сказал Флавию, потом что он мне ответил. Как же вся эта возня опостылела! Вот бы нагрянули сарматы, тогда пропретор не будет приглядываться ко мне. Я вздохнул, кряхтел, ворочался, выискивал удобную позу, почти засну, и вдруг опять что-то вспомню. Всегда, когда надо выспаться, не можешь уснуть. Надо было мне выпить чуть больше. Спал я мало, плохо и недолго.

Меня разбудил стук отпираемых ставен и мерзкие голоса в утренней тиши.

- Лупус! Лупус! – зовет кто-то сбоку от моего оконца.
- Чего тебе? – тот снизу отзывается.
- Куда ты? – вопит первый.
- А?

Придурки! Лупус ему какую-то чушь, а тот «возьму бараны ребрышки в мясной лавке!» А этот «А?» А тот «Что?» Оба оглохшие!

«Чтоб ты с окна вывалился! Чтоб вы подохли оба!!» – бурчал я, потирая глаза. – «Чтоб ты провалился!» – пожелал я отдельно Лупусу, откинув одеяло и присел на постели.

Есть люди, как белки, они резко вскакивают с ложа и бегут по своим делам. Я так не могу. Сначала я не могу уснуть, потом я не могу проснуться.

Мне нужно повздыхать, покряхтеть, покашлять, пожалеть самого себя и только после я совершаю следующий подвиг – встаю босыми, расслабленными ногами на холодный пол. Сколько хлопот с этим утром! Надо собрать свою волю в кулак. Зачем? А затем, чтобы почесаться, размять круговыми движениями затекшую шею, обуться, пойти во двор, умыться, осмотреть небосвод. Там я определяю, где тучи и откуда дует ветер. На восходе еще местами темнели облака, но в разрывах небо явно прояснялось. На обратном пути солнце припечет, я скину плащ, сверну его, а теперь поскаку в нем.

Приняв судьбоносное решение во что облачиться, я приступаю к исполнению. Я, постанывая, возвращаюсь, одеваюсь, закидывая себе в рот кусок подсохшей ячменной лепешки, жую, запиваю водой. А потом еще суeta и еще... Теперь, вдобавок к доспехам нацеплю, поножи, перепоявшись, вложу меч в ножны, накину на себя алый плащ, скреплю его бляшкой, одену матерчатую шапочку на нечесаную голову, на нее водружу шлем с гребнем, застегну ремешок. Что с этим ремешком, а? Нет, вроде все. Теперь я видная издали мишень для пращников. Однако им придется изловчиться, чтобы угодить мне в незащищенное место. Именно так думал один мой старый знакомый, стрела попала ему в подмышку, когда он замахнулся мечом, и больше мы не виделись. Но на скаку это непросто...

Надо думать не только о варвалах, но и о своих. Еще неизвестно, кто мне более враг. Если я буду осужден своими, то им придется быть со мной попочтительнее. Пускай запомнят меня таким, а не униженным, в изорванной тунике и с петлей на шее. Не бывать тому. Задумавшись об этом, я сжал рукоять меча. Кусок гладкого железа, а как успокаивает! Как много значит! Бывает, только острый нож берегает от бесчестья и смерти. Пока в моей ладони наточенный клинок, никто не сможет ко мне подступиться. А там... А там пусть хоть псы вскормят, я этого не почувствую. Мертвые срама не видят.

Когда есть выбор – прятать очи, укутавшись в домотканый плащ и войлочную шляпу, или ходить с прямой спиной, но напоказ врагам, надо выбирать последнее. Люди как курицы, покажешь им рану, и они начнут тебя туда клевать. Чем опасливее себя поведешь, тем большее искушение для жестоких людей на тебя напасть. Философия. Я кое-что в ней смыслю.

В столовой мать Лютеции месила тесто на большой окружной доске. Я выудил из кадки с сеном сочную, тонкокожую и большую, как репа, грушу, потер ее в ладонях, хотел укусить, но передумал, положил в сумку, и затопал дальше калигами, выходя на покрытое досками преддверие. Двор, затененный стенами и промозглый от сырости. И там меня ожидает конюх Кастро. Он тоже только проснулся, весь взъерошенный. Мы сговорились заранее. Его настоящее имя другое, иногда его зовут Руфином (рыжим), но для большинства он Кастро, из-за его ремесла. У Кастро ступни как у гуся, и в жаркую пору он шлепает по земле босым. Кастро скрупой, предпочитает лохмотья, а лучшую обувь и одежду приберегает для особых торжеств. Если похороны, свадьба или таинства какие, он преображается. Он посещает баню, бреет лицо, расчесывается, умывает волосы, надевает сандалии, носит препоясанный хитон, потом он напивается, поет не-

потребные песни, ни с кем не дерется, к шлюхам не идет, возвращается на конюшню и тихо засыпает, как кот, в соломе. Вот и сейчас в его волосах торчат соломинки, и он зевает. Я на него смотрю, ничего ему не говорю. Прикрыл рот рукой и поплелся к распахнутым дверям конюшни. Неужели он его еще не оседлал?

Кастор долго копошился, и вывел оттуда под уздцы оседланного Ачи. Мой конь, в предвкушении лихой утренней скачки, стучит копытом по росистой травке.

— Достал он меня, господин, — жаловался Кастор на сенатора Тариса Бальпа.

— Что ему не нравится?

— Оказывается, я не присмотрел за его крысой, — сказал обиженный Кастор, — я наших коней из стойл выгнал. Вон там, у коновязи, под дождем привязал, а для него устроил подстилки из соломы, еще кормушки яблоками резанными наполнил, а ему все мало.

— Да пусть хоть ложе делит со своей лошадью! — бросил я Кастору. — Тебе не все равно?!

— Да я так все устроил, что человеку там, спать можно. Тепло и сухо.

— Кастор! Кастор! — остановил я его. — Ты хоть коня его в жертву принеси, мне нет никакого дела. Ты передай Апию и Тифону — апсил их приведет к колодцу. Я поскаку вперед и проверю караул. Асканий стоит там, на развилке дорог, у рощи, — сказал я уже усевшись верхом. — А Апию скажи, я на него обижен

— Да? — спросил он, почесывая грязными ногтями шею.

— А разве не заметно! — развел я руками. — Его здесь нет. Не буду я никого дожидаться, — пообещал я Кастору, и дал ходу коню. — И пусть оставят лошадей Асканию, он за ними присмотрит, — крикнул я, обернувшись. — Всадникам вход в святилище воспрещен обычаем. Пусть не вздумают вступать туда верхом, варвары оскорбятся! Ты понял?

— Ага, — задергал он головой.

Плевать он хотел на то, что я ему говорю. Пока Ка-стор смотрел мне вслед и выуживал пятерней из своих кудряшек соломинки, мой конь зацокал по мостовой. На рынке сонливый пасынок Лисимаха принимал заказ, а его рабы разгружали крытую повозку. Сам Лисимах раньше собирал и засаливал сыр в бочках, а с недавних пор расширился и открыл мясную лавку. Окрестные коты и мухи от нее даже ночью не отходили. Раньше встреча с ним омрачала мой день. Я занимал у Никия монет, потом отдавал Лисимаху, потом занимал еще у кого, и не выплачивал всем троим вовремя. Я с юности считал медяки, и вечно попрошайничал, чтобы занять или перезанять монет, ибо не было дня, когда я не был обременен долгами. Я брал помалу и с многих, вот что меня спасало. Иногда меня подводили плотские страсти, но чаще я влезал в долги из-за безудержной тяги к красивым вещам, коням, скачкам и игре в кости. Я погряз в долгах, и если бы меня не вызволил покойный алан, я бы все равно жаждал, чтобы все перевернулось вверх дном. Иначе мне не освободиться от долгов.

В свое оправдание скажу, у каждого есть ахиллесова пятка, но не каждый умеет держаться с заимодавцами так, как я. Я с ними говорю запросто, шучу и намекаю, что вскорости все улучшится. Трудно держаться с достоинством, когда ты должен. Но я продержался и вроде смог уйти от них не ославленным. Пока, во всяком случае, дальше видно будет.

Лисимах торговался с глухим бородачом в длиннополом подпоясанном хитоне. Я его знаю, он читает по губам. Эллин сложил пальцы, будто показывал рога, и говорит: «Четыре!», тот ему в ответ мотает головой и показывает ладонь с выпрямленными пальцами, затем сгибает мизинец и безымянный. «Что, два? – восклицает Лисимах. – Я хотел пять!» Лисимах сначала показывает на себя, потом показывает пятерню, потом опять делает рога и произносит: «Четыре!» Глухой криво ухмыляется

и осуждающе мотает головой. У них свои дела, у меня свои.

Варварское капище лежит невдалеке от Питиунта, и мне нет нужды брать с собой лишние копья. В самом же святилище я, по обычаю абазгов, в полной безопасности, я за себя спокоен. По пути тоже может всякое случиться, но на моей стороне внезапность, быстрый конь и гладиус. Попробуй за мной погнаться, и я тебя ужалю острием.

Я выехал пораньше по известной причине – надо переговорить с жрецом с глазу на глаз, но и вызвать подозрения наместника мне не хотелось. Вечером, еще до того, как я пообщался с Флавием, я пригласил с собой обоих доносчиков сразу. Разве неуверенный в себе так поступит?! Флавий мыслит логикой, а я по логике так не должен поступать. Почему именно они сопровождают меня, это отдельный вопрос, и он тоже вне разумного объяснения, впрочем как и все, что касается трибуна.

В свое время, еще до своей ссылки, Апий избирался в сенат. Он получил пятнадцать голосов, то есть против него проголосовали даже те, кто ежедневно делил с ним хлеб. Другой бы сделал вывод, что к чему, но ему мешало самомнение. Апий не только не ударился от общественных дел, но напротив, стал выступать защитником в суде. Как-то раз он произнес похвалу кому-то обвиненному в клевете, как у него это получилось, я примерно догадываюсь, того сразу же осудили за убийство жены, а его теща плонула ему в лицо. Апия, само собой, тоже потом отблагодарили, и он пришел к единственному правильному, на его взгляд, выводу – раз его все ругают, ему все завидуют. Он избран судьбой, а ему ставят подножки.

Ему гадалка такое ляпнула, и он ей охотно поверил. Его родители, люди богатые, породили и откормили будущего трибуна, но совершенно не позаботились о его воспитании и обучении. Вымахал детина, уверенный, что способности ничего общего с результатом не имеют. Апия послушать, так главное – удача, перст судьбы, а он

повсюду: в полете птиц, в блеянии овцы, в ударах молнии.

Он не прочно получить прорицание, столь важное для тех, кто тешит свое тщеславие несбыточными надеждами. Ему уже ничем не поможешь, здесь не спрявятся даже самые опытные колдуны, но трибун возлагает на них большие надежды. После вечерних возлияний он донимал меня этим бредом.

— Я наслыян, они в своем храме про... одят... священные и осистительные обряды...

Трибун шепелявил и с трудом глотал слюни. Так ему и надо. Его веки, нос, губы припухли. Меня там не было, но, оказалось, во время трапезы над столом порхал шмель, он к Апию не подлетал, но Апий вскочил и стал его отгонять пустой тарелкой, демонстрируя приезжим отвагу. Шмель ему впился в верхнюю губу, трибун упал с табуретки, а потом быстро опух, как утопленник. Когда мы позже свиделись, он уже успел превратиться в человека-векоподобного хряка, я его не сразу узнал. Лицо, как лепешка, с дырами вместо глаз, но восседает за столом величественно, как раненая свинья, превозмогающая боль.

Он и прежде напрашивался в святилище абазгов, чтобы «получить правдивые прорицания», но я под разными предлогами откладывал поездку.

Ему нянька нужна. Он крупный, несмышленый ребенок, просто за уши тянуть нельзя, с кинжалом ходит. Он или посуду разбьет, или алтарь опрокинет, или высморкается, или насвистывать начнет. В общем, он сотворит такое, что ему вменяют в тяжкую провинность или, того хуже, в кощунство. Однажды я слупил и взял его с собой, и Апий нас осрамил, как мог. Мне за него перед Ресмагом до сих пор совестно. Ему пришлось делать немалые усилия, дабы взять себя в руки и не упрекнуть меня, прилюдно, что я нарушил запрет, привел в святилище осла. Какое-то время абазг смотрел то на меня, то на Апия. Ресмаг человек опытный, с нескольких слов уразумел, что

отчитывать Апия нет смысла. С таким же успехом можно обругать погоду или скотину. С той поры, как только мы вместе выезжали из Питиунта, я спешил отделаться от трибуна и скидывал его на попечение апсила. Последний каким-то чудом мог с ним ладить.

Но сегодня, раз уж ему представился такой случай, Апий не станет дожидаться меня, а припрется следом в святилище, я его знаю.

Стражники у горных ворот продрогли за ночь. Жаровню под навесом потушил прошедший ливень, а утренняя смена до сих пор не явилась. Один воин выжимал мокрый плащ, другой снимал намокшую обувь, а трое разжигали костер, чтобы хоть как-то обсушиться, и все ворчали.

Я похвалил их по сути, обозвал шлюхами тех, кто был обязан их сменить, и пообещал, не спешиваясь: «Я этим собакам Тартар устрою!».

Салюст, пеший лучник, пока его соратники распахивали скрипящие створки северных ворот, подошел ко мне и, придержав моего коня под уздцы, поведал, что эллины меж собой на рынке такой разговор ведут, будто из Питиунта семьи уводить собираются.

Тоже мне новость! Умные люди давно уже отсюда уплыли. Я ему мерно кивал, как дерево, колеблемое ветром. Это не означало, что я со всем сказанным соглашался, мой ум занимало совершенно иное. Это означало, что я раздражен, и киваю, чтобы он от меня отцепился.

«Какие еще купцы?! Что он бормочет, а? А, какой уродливый прыщ над переносицей!.. Да, плевать, что они говорят. Откуда они знают?! Что ты ко мне прицепился?! А?! Ты бы лучше свой прыщ выдавил! – думал я, охая, и похлопывая коня по холке. – Ну, найди кого-нибудь еще... Как тебе делать нечего? Я должен побыстрее удалиться от этих проныр, а ты меня задерживаешь. – Я ему вымученно улыбнулся, мягко отстранил его руку и натянул поводья. – Ах, знал бы ты, дружище, что за у меня хлопоты.

Мне надо выиграть время и разузнать о семье Нара, а ты заладил...»

— Разберемся, — обронил я копейщику.

Путь открыт, я гикнул, и Ачи, ускоряясь, как рысь, понес меня прочь от обветшальных ворот. Обильный дождь разрыхлил почву, Ачи, скакавший во всю прыть, разбрасывал грязь с копыт, а плащ за моей спиной надулся парусом. Прохлада укутала высыпающуюся впереди горную цепь белыми шапками, но на побережье небо прояснилось, и поутру опять сияет солнце и щебечут птицы. Когда ближние вершины засыпаны снежной крупой, а дальние накрыло ледяным покровом, надолго распогодится в предгорьях и у моря. Эта стародавняя примета никогда не подводит. Еще, если ранней весной очень жарко, жди бури, она снесет крыши, сараи, и курятники, потушит костры и разобьет о камни лодки. Наблюдения за погодой помогают здешним крестьянам распахать и возделать плодородные почвы на равнине. Абазги знают много тайн своей земли. Эти секреты им позволили выкорчевывать вездесущую ольху, огнем, топором и плугом отвоевать поля у сорняков.

Но на этом обустройство участка не оканчивается, земледельцы огораживают сады и огороды, кто чем может. В большинстве попадаются покосившиеся плетеные изгороди, но те, кто половчее, исхитрились выращивать колючие изгороди из особого кустарника. Эта растительная преграда щетинится шипами, как правильно поставленная черепаха копейщиков, где дальние поддерживают пиками ближних. Свиньям, коровам и даже прыгучим козам надо изодраться в кровь, чтобы протиснуться сквозь нее. Устройство такого щита на участке обходится меньшим трудом, но зато требует большего времени. Поэтому обычно ставят изгородь из прутьев, а рядом сажают колючку, и та со временем сменяет оборону, когда подгнивший плетень уж больше не может никого сдержать.

Я пустил коня шагом и окинул взором долину. Дорогой и в одиночестве думается лучше. Вдали, на пологом холму, крошечные фигурки, как муравьи, суетились среди еще низкорослых зеленых нив. Распахать поле острым, как лезвие, плугом – это детская забава в сравнении с прополкой рядов. На это настоящее проклятье часто обрекают пленников и подневольных должников. Тащится за волами, опервшись на плуг, тоже изнуряющий труд, он требует крепости мышц и веса тела, но он не идет ни в какое сравнение с тем, чтобы орудовать мотыгой, согнувшись в три погибели. Нельзя повредить хрупкие корни.

Принимаются за прополку рядов, обычно, ни свет, ни заря, и копаются до обжигающего полудня. Всему свое время, после всходов зерна, крестьяне окапывают заступом проросшие борозды, чтобы трава не заглушила молодую поросьль. По причине дождей и росистой земли, трава растет здесь в изобилии, и от нее иначе не избавиться. Но сорная трава может задушить насаждения, лишь вначале, когда они еще слишком уязвимы. Помогите, к примеру, ореху взрасти, и он сам покончит со всеми сорняками, укрыв своей кроной от них солнце. Сберечь полезное и хрупкое от сорняков, приумножить доброе, отогнать воронье – вот обязанности каждого здравомыслящего человека. Сожрать, глумиться и ухмыляться тем, что зло в силе, – вот радость двуногого шакала. Извечная борьба, вверх берут то те, то эти. Те, чьи черепа покоятся в земле вперемешку с черепками их разбитой и сожженной посуды, с легкостью могли бы избежать своей участи, если бы восприняли угрозы всерьез. Часто миролюбие их подводит, а еще чаще жены и матеря. Женщины ворчат: «Займись хозяйством, зачем тебе это надо?! Нас это не касается, пускай каждый о себе сам позаботится, а ты будешь хороший для всех». Подобное говорят и соседские жены своим мужьям, и они порознь становятся добычей. Шакалы голодные и воинственные, и они легко сбиваются в кучу. Пахари надолго так не могут, и

часто одно поселение безразлично наблюдает пожарище другого, и не приходит на выручку. Они выигрывают время и принимают неравный бой уже каждый у своего порога. Чтобы успешно противостоять чужому натиску, надоено единоначалие в обороне и заранее обдуманный план. Горцы, по причине их извечного личного соперничества, к этому мало приспособлены. Зато они умеют ненавидеть врага всей душой. Даже если враг даст на это повод, надо еще умеючи разжечь чашу ненависти. Вот, к примеру, абазгам боги для этого даровали народных сказителей. Одни из них бродячие певцы и воспеваюят сражения, другие старцы, которые много чего могут рассказать о древних героях. И те и другие делают привлекательной борьбу против зла.

Само их племя стойкое. Абазги противники всякого попрошайничества, нищенство у них не в чести. Даже хворый глава семейства желает прокормить свою семью как можно дольше, до тех пор, пока его ноги носят, и даже умерев, приносит пользу домочадцам. У них так запрещено, как только кто умрет, его родичи и соседи собираются во множестве, и каждый одаривает семью умершего. Помогают, кто чем может, и скотом, и плодами, и винами, знать платит монетами. Утешают они друг друга, и смерть у них в почете.

Придержав коня и прикрывшись ладонью от солнца, я еще разок оглянулся на далекие фигуруки.

Вон, совсем крошечные точки забегали. Детей, что ли, привели подсобить? Наверное, их родители сейчас копошаются, пыхтят, может, поют, чтобы себя приободрить, потом присядут на камни в тени, попьют родниковую воду из глиняных кувшинов, поболтают меж собой, и опять на каторгу. Интересно все-таки получается, они выпалывают траву, а их самих может скосить секира. Возможно, им не придется на плечах таскать полные пленки в амбары по осени. Ведают ли они об этом? Нет. Точно, эти ничего не знают. Иначе бы крестьяне себя по-

вели по-другому. Знай они, что ни сегодня, так завтра их распаханный холм вытопчут сарматские конники, они бы побросали мотыги и укрылись семьями в труднодоступных местах. Какой глава семьи станет дожидаться, пока в его хижину наведаются незваные гости с оскалистой ухмылкой и ремнями для связывания.

«Пойду и предупрежу их об опасности? – заколебался я. – Скажу им, пускай укроются в надежном убежище... А если сарматы не заявятся? Тогда меня поднимут на смех. Представляю, как меня ославят. «Хех, пугливый римлянин! И это их предводитель! Трясетесь, как заяц, от страха перед сарматами, хотя между ними цельный хребет!» Вот будет о чем похохотать по обе стороны гор».

– Нет уж! – представив и обидевшись на еще не сказанное, я развернул Ачи мордой к капищу и хлопнул его по крупу. – Беги и позабочься о семье Нара! – приказал я себе. – Исполни свой долг!

«Еще неизвестно, как все сложится, – размышлял я дорогой. – Возможно, сарматы, хвост коих я утерял из виду в Зихии, так и не одолеют перевал. А что? И такое может случиться. Между нами, помимо горной преграды, воинственные племена, рассеянные по ущельям. Они поставлены там самими богами, дабы затруднить выход к приморским равнинам. Гигантские горы, непролазные чащи и отвесные скалы обрамляют Абазгию дугой с суши. В нее не так легко проникнуть, как это кажется на плоской карте, нарисованной наместником. Здесь такое не впервые, цельное войско может раствориться в лесах, а потом их останки находит одиночка-охотник. У бедняги и шапки хорошей не было, а появляется дорогой, но заржавленный шлем, наплечники, наконечники для стрел или конская сбруя. Сарматам сейчас тоже несладко. По нужде от костра не отойдешь – или яма, или овраг, или хищные звери кругом рыскают. Последние, конечно же, не самая сильная помеха, но зато сама земля незнакомая, проводники могут подвести. Бывают лавины, есть и

горные водопады, и камнепады. Случись горный обвал, или река из берегов поднимется, и все – напрасно они покалечились, не видать им добычи- сами станут добычей стервятников.

Племена в этих горах, на границе империи, уже привыкли, и даже не знали иного- над ними поколениями висит меч междуусобиц и вторжений. Они почти этого не замечают, настолько их быт и сознание приспособлены к войне. Они справляют свадьбы и тризы в перерывах между битвами, собирают виноград и давят его ногами, надеются на лучшее, разводят праздничные костры, пьют, едят, пляшут, веселятся, навещают больных, потом отгоняют скот в защищенные горные котловины, а сами в набег. В обычное время здешние обитатели собираются по нескольку родственных семей и огораживаются частоколом. Спят они каждый в своем жилище, собак спускают с привязи, дверь запирают, щит под голову, а пику острую держат наготове. Кто-то скажет, это не жизнь, а они как львы, привыкшие к опасностям, не ведают благ мира. Как лоза цепляется за дерево, так и они цепляются за каждую возможность вырастить своих чад и посевы. Сколько труда и еще больше надежды. Они своею жизнью укоряют богов за их коварство и жестокосердие.

Сиуард как-то при мне возвестил некоторым странникам: «Отец наш небесный о вас позаботится». Я им говорю: «Врет он вам, его отец никакой не небесный, а самый настоящий земной, он двоюродный брат апсилийского патриция Юлиана, и доживает в горном Цибилиуме», а они на это смеются. Оказалось, заодно они.

Сиуарду полегче, он может безопасными тропами вернуться к себе в родительский дом. Дядька Сиуарду всегда предоставит ему укрытие от преследователей. Его мать, племянница Ресмага, умерла, но отец нашел ей замену, и мачеха Сиуарда нарожала старишке еще мальцов. Сиуард, я думаю, он это в отместку родителю, тоже подменил его на иудейского бога.

Если нас разгромят, Сиуард уйдет в Цибилиум, ведь заползет в берлогу, а мне как быть? Бросивший соратников легионер всеми презираем и обречен на казнь, оставшийся, не побежавший с поля боя – еда для шакалов. Вот разница между нами. Его родичи живы и рядом, а мои перемерли и далеко. Честно говоря, они и при жизни мне нешибко помогали, но все же... Ах, если их оживший бог и на этот раз обо мне позаботится, я принесу ему подношения и покорность!

Я для него алтарь устрою, и на нем будет клубиться облако благовонных смол, они богам приятны... Сиуард говорит, интересно, откуда он это берет, что эти побрякушки для Христа не имеют значения. Этот их бог также не одобряет блуда и кровопролития, в общем, он добродетельный, ведет скучную и размеренную жизнь. Как-то раз, желая поддеть одного из проповедника, я брякнул, что его бог покровительствует людям с овечьим духом. К моему удивлению, христианин ничуть не обиделся, а наоборот просиял.

«Верно! Ухватил! – потянулся он ко мне с оттопыренными пальцами, и даже всплакнул. – Ты, брат наш!»

Люди, проповедующие такую кротость и незлобивость, запросто могут в своей общине стать жертвами притеснений. Сиуард, все это прекрасно понимая, в легионе хоть и не скрывал своей набожности, однако же особо и не выпячивал ее. Чем степеннее человек, тем более ему старые порядки по душе, а вернее, по желудку. Не то чтобы им все нравится, но они послушно всему поддакивают, стоя как ослы в своих стойлах, лишь бы кормушка не оскудела. Их самолюбие не сильно страдает. Они его тешат тем, что к христианам, неравнодушным к чужому горю, относятся брезгливо, в то время как их покровительственно величают уважаемыми людьми. Эти седоглавые и осмотрительные мужи – золотые столпы, на коих держатся старые добрые традиции несправед-

ливости, мучений и издевательства над побежденными. Они и с Иисусом из Иудеи также поступили.

С самого начала эта история меня ошарашила. Ни в чем не повинного, мирного проповедника, добрейшей души человека всей толпой били, поносили, и распяли на кресте – такое могло случиться только в варварской Иудее. Темная, невежественная провинция, что и говорить. На милосердном Понте даже тех, кто заслуживает, чтобы их растерзали, не распинают, здесь вообще преступников не преследуют, все больше кузнецов... Мое настоящее знакомство с христианами, началось постепенно и с невинных расспросов на их следующем собрании.

– А вы уверены, что так оно и было? – усомнился я, выслушав их. – Вас же там не было!

Дюжина голов дружно закивали в ответ.

– Так и было! – воскликнул ауксиларий.

Еще один, на вид чистый разбойник, подтвердил их правоту таким тоном, будто это само собой разумеющееся и в этом грех усомниться.

– Жаль. Очень жаль... – обратился я к ним. – Я же говорю, так можно запросто проиграть, если прощать всех подряд. Плохо, что не нашлось никого из ваших, кто мог бы его предупредить.

– Он знал! Ему все известно было! – убеждали меня на перебой, и тут, самое странное, они стали заверять в его окончательной победе над врагами.

– Оу! Оу! Погодите-ка! – остановил я их. – Его распяли, но победил он?! Вы ничего не путаете?

– Он восстал из мертвых! – воскликнул восторженный и страдающий отдышикой калека.

– Ага! Ну, теперь понятно! – усмехнулся я. – Что ж вы раньше молчали?! Это же само собой! – дергал я плечами. – Такое часто случается... Надеюсь, хоть потом он им всем головы поотрывал. Нет?

– Он их простил.

Судя по его печальному вздоху, ауксиларий не во всем

одобряет собственного бога. Я тоже силился разгадать загадку, но не мог.

— Постойте! Подождите! — оборвал я гвалт. — Его злодеи умертили. Так? Так! А он их простил?.. Почему?.. Да не говорите все вместе!.. Какая разница, знали они или не знали, кто он! Почему он не отомстил и не утопил их в крови? Они ведь это заслужили!.. Какие там но! Они сами напросились!

— Тебе этого не понять! — вопили они.

— А тебе? — обернулся я к Сиуарду.

Он скрчил кислую гримасу и отмалчивался. Он мог склонить, но будучи римлянином по логике, а не азиатом, молчанием признался в своих сомнениях не только мне, но и собратьям по вере.

Видать, он долго терзался этим вопросом, потому как вернулся к нашему спору совсем не вовремя. Сиуард принял убеждать меня, что их бог показывает пример. Я не сразу понял, о ком он мне толкует.

— Он не хочет, чтобы люди притесняли друг друга, — заявил он мне, улучив минуту, очень неудачную,

— Кто?

— Бог.

— Который?.. Ах, да! И что?

— Все должны жить в мире и добре.

— То, что должны, это понятно, — соглашался я, отмахиваясь от гари, — но никто так не живет. Да, и если ты заметил, мы здесь немного заняты, — указал я ему острием меча на пылающие кровли.

Для поджога лучники припасли стрелы с тряпьем, пропитанным вязкой, горючей и на редкость вонючей смолой. Всадникисыпали круглые дома издали, не заходя за частокол. Пока мятежники носили ведра и обливали соломенные крыши, нам изнутри открыли ворота и воины хлынули внутрь. Наиболее расторопные, ясное дело, стали сразу же спасать, то есть, выносить драгоценные шелка, добрые одежду, мешки с мукою и кадки

масла, чеканные сосуды, тюки шерсти и льна, вина, мед. Все ценное, чем обладали отпавшие горцы, было захвачено, а частью их имущество пожрал огонь.

Сиуард снял шлем, утер окровавленные меч тряпьем, вложил его с лязгом в ножны, и с мрачным видом, не спешиваясь, созерцал пожар и грабеж. Он, похоже, взглянул на самого себя со стороны и прозрел, или, наоборот, запутался, как рыба, попавшаяся в сеть. Каждый думает на этот счет, как пожелает.

Наш строй вскоре двинулся в освояси, но Сиуард, обычно уверенный в себе, выглядел растерянным, его как будто подменили. Ауксиларий молчал, его лицо подергивалось, и, по всей видимости, он вел беседу с собственной душой. Даже заметив, что я, развернув коня, за ним наблюдаю, он не поднял головы, и зыркнул на меня исподлобья, будто я перед ним чем-то провинился.

Сиуард первым взобрался верхом на насыпь, схватился в прыжке со спины коня за заостренное кверху бревно, подтянулся и перемахнул через ряд кольев. Упав с высоты, он подвернул лодыжку, но, в общем удалой, апсил увлек своим примером остальных.

– Послушай, Сиуард, – Умышленно замешкавшись, я подождал пока его конь поравняется с моим, и стал подбирать слова: – Этот твой бог, он... Он не слишком подходит для воина... ты воин... ты знаешь мое к тебе отношение, – отговаривал я его. – Я тебе доверяю...

– Ты мой наставник и друг, Кассий, ты брат мой старший, – ответил он. – Но...

– Но что?

– Мы обыкновенные мясники и грабители!

– Во-первых, мы никого не убили, – запротестовал я. – Почти, – добавил я, заметив, как он на меня глянул. – Не казни себя попусту.

Поселяне, кем-то предупрежденные, возможно, именно божеством, я и такое допускаю, успели покинуть селение и попрятались в ближней чащбе. Наверное, они в

накинутых наспехочных рубахах, и прижимая детей, издали наблюдали за тем, как мы сорвали с петель и повалили ворота, обитые медными пластами, и выгоняли их ревущую скотину из горящих сараев.

Скарб они свой, конечно же, потеряли, но зато поедающий меч их не коснулся. Один обгорел на пожаре, другой щитом оглушен, несколько пленных, и только семеро убиты – разве это потери?! Сиуард неправ. Сам их атаковал, а теперь грызет свою душу.. Такое бывает только у христиан, душа разрывается между послушанием богу и каждой свершений. Одно другому противоречит.

– Их вина! – оправдывался я. – В их погребах всего вдоволь, но им все не сиделось на месте. Вот скажи, зачем они нашего гонца перехватили? Зачем? Чтобы что?.. Не знаешь? Будет им впредь урок! Нечего поднимать оружие на наших людей... А ты выкинь это ложную вину из головы, – советовал я. – Рассуждать о милосердии тебе, воину, не пристало. Это... Гм... – я так и не нашел ничего более убедительного.

Бранная слава и их смиренное учение вещи несовместимые. Хотя, возможно, со временем они его как-то приноровят к разбою. Ну, а пока Юпитер-громовержец или Марс-душегуб воителям куда как понятнее. Чтобы жечь, крушить и угонять в рабство, их Иисус совершенно не подходит, скорее даже наоборот, мешает. Зато как же подходят молитвы Рима! Они ведь в сущности и не молитвы вовсе, а ворожба и проклятья. Мы эти молитвы с молоком матери впитали, они наша плоть. Мы просто воспитаны на них, а потому воспринимаем их как должное, и редко вдумываемся в их смысл.

«Да принесет мне добро имя твое, Марс, и твой дух! Войди в мой разум и в мои мысли на все времена мое, и выполнни все желания моей души. Повторяй за мной, Кассий. Так надо», – натаскивал меня сызмальства мой старенький дед, держа на рогатине вареную печенку. В такие дни меня мальца облачали в чистую тунику и дозволяли

пробовать густое, как бычья кровь, вино. Я его закусывал кусочками жертвенного мяса, а потом украдкой вытирая липкие, жирные пальцы о белоснежную скатерть с душистыми хлебами. Очень вкусно, но все портила гарь от дымящейся на дровах туши. Чтобы хоть как-то отбить вонь, наверняка из-за этого, мне отвели почетную роль, я прыскал на шипящие, пылающие угли вино.

И много это мне помогло в моей последующей жизни? Да нисколечко! Эти наши боги жадные, они только требуют и ничего не дают взамен.

«Марс – владыка, Ты это я, а я это ты, – бубнил он неуклюжей статуэтке нашего домашнего бога. – То, что я приказываю, всегда должно происходить, ибо я владею твоим именем в моем сердце, и ни одна плоть, действующая против меня, мной не овладеет, ни один разум не сможет мне сопротивляться благодаря твоему имени, благодаря твоему изображению, которое я храню в доме своем, в котором заклинаю!»

Настоятель храма, лежавшего неподалеку, часто принимал в дар от деда и дорогие масла, и разделанные туши ягнят. В своем рвении дед не знал меры. Он отрезал храму лучший участок нашей земли, и всюду на нем алтари расставил. Не для людских глаз, а из верности приносил он жертвы, но все тщетно... Сезон тот выдался худой и засушливый. От пыли на коровах завелись мелкие клещи. Паразиты глубоко впивались внутрь их шкуры. От них их ребра четко просматривались на облезлых боках. Коровы не набирали ни веса, ни молока, а потом, чтобы окончательно нас разорить, зарядили дожди и заставили оливки осыпаться раньше срока. Дед увяз в долгах, и вынужденно распродал большую часть своих земель, вместе с цельным пригорком, покрытым высоченными сливыми. Он мог вернуть обратно свой сад, который насадил для бессмертных богов, однако не заикнулся об этом, и они его, конечно же, отблагодарили.

Его заколол вилами домашний раб, родич моей няньки. Впоследствии выяснилось, что никакой он ей не родич, если жену не считать таковой. На свою беду дед спутался со златокудрой галльской женщиной, доверял ей ключи от кладовых и лентами одаривал. Мне было лет десять, когда сам претор, на колеснице с позолоченными спицами и с возничим наведался к нам, окруженный устрашающего вида косматыми здоровяками, те бежали рядом с ним, как собаки. Один из них вывалил из мешка голову моей матери под ноги, для опознания. Глянув на нее, моя мать ахнула, завизжала и затопала бегом, будто ей под подол крыса забралась. Оказалось, стражники по ошибке поймали и обезглавили, как курицу, совершенно невинного человека – нашего соседа, гулявшего неподалеку. От бессильной ярости мать рыдала и царапала себе щеки, ее долго не могли привести в чувство, и обливали водой. Она и потом часто выла и плакала, так что детство у меня выдалось настолько тягостное. До того горестное, что последующие взрослые тревоги показались мне благом.

Отца своего я не помнил, он умер, когда я был младенцем, а после мне объяснили, что он мне и не отец вовсе.

Своего настоящего отца я тоже не знал, хотя таковой наверняка имелся. Все говорили намеками. Лишь тетка, сестра моей матери и старая дева, в минуты раздражения говорила, что я не сын своего отца. Сначала я ничего не понимал и терялся в догадках. Как такое возможно? Когда я стал старше и перестал ее слушаться, мать признавала меня ублюдком и сыном колбасника. Это мало что проясняло, в округе мясников было навалом. Я к каждому примеривался и никто из них мне не нравился.

Дед, был отомщен. Его убийца, козломордый дикарь, прятался в пустующем коровнике. Оказалось, он никуда не сбежал, а еду ему тайком носила моя нянька. Их схватили ночью, поднялся большой шум, и все бегали с фонариками. Явился претор со своими демонами, и их обоих

куда-то уволокли. Люди потом шептались по углам, что с ними сотворили что-то похлеще того, что они учудили до этого. Претору пришлось так оправдаться перед всеми за прошлую дурость, им учиненную.

Так мой детский мир перевернулся. Те взоры, что открылись мне на заре моей жизни, едва не помутили мой разум. Он, добряк, не заслуживал такой участи, и я его внука не заслуживал его найти. Меня послали его разбудить и позвать к трапезе, подхожу к нему и вижу – странно как-то все. Дед обычно дремал в тени, на своем летнем плетеном ложе, а тут все перевернуто, он ничком на траве, рядом вилы, и чем-то испачкался. До сих пор, вспоминая этот миг, содрогаюсь. Я его перевернул, и вижу его лицо с приоткрытым ртом, мертвенно бледный, подошвы босых ног грязные, туника забрызгана запекшейся кровью, и взгляд застывший.

Нет, это уже был не он. Это был кто-то похожий, но не он. Я помню его доброе морщинистое лицо, слезливые усталые глаза, чуть дрожащие, но сильные руки, шершавые ладони, которые ласкали меня по головке, но это уже не он. А как жаль! Он был достойный, столько буйных бед изведал, и что, скжалились над ним боги?! Ничуть. А разве мало он претерпел?! Дед, еще отроком и скитальцем явился на новую землю, ищаил на ней непрестанно, заставил всех с собой считаться, не прибегая ни к подлости, ни к силе, украл невесту как положено, не отдал ее братьям, потом собирал оливки, масло делал, поднял дом обширный и передал его дочерям в удел. А как он чтил своих умерших?! Его предки ему кошки не оставили, а он не пожадничал. Дед им лучшее приносил в жертву, и еду, и напитки, чтобы их души ни в чем не нуждались. Ну, все вроде сделал, нигде не опозорился, повсюду поспел, а потом решил старик слегка пердохнуть, на миг расслабился, и вот оно как все для него обернулось.

Повивальная бабка чадо от матери отделяет, перерезая пуповину, их соединяющую, но связь с прошлым так

не прервать. Я давно вдали от родных мест, и заботы у меня другие, но до сих пор во снах в детском своем доме живу. От пережитого я долго отходил. Мать часто рыдала, рвала на себе одежды, и царапала себя, будто дед только что умер. Я едва не надломился, стал робким и боязливым, плохо спал, мало ел, уступал в единоборствах окрестным мальчишкам, мой учитель, до этого хваливший меня, обзвывал меня глупцом, не обладающим памятью. От каждого окрика, от каждой придишки домашних у меня наворачивались слезы, по ночам от страшных снов я вскакивал, но молчал, чтобы меня не поругали. Дошел я до предела, и находил утешение лишь в чтении. Мой наставник имел кипы книг и я, уединившись, читал их по слогам. Хвала небесам, мне попался чьей-то вольный пересказ «Одиссеи». Эта книга – щит мой, с ней я начал сопротивляться объятьям преисподни, без сомнения, это была она.

Я приучал себя не страшиться тьмы тем, что по вечерам ходил в склеп деда и менял там воду. Игра такая. Я брал кувшин, наполнял его водой, это если спросят, куда я, а потом шагал на кладбище. Но не это самое трудное. Самое трудное – это возвращение, надо не побежать, и нельзя оборачиваться, я сам себе установил правила. Ночью мыши шуршат листьями, сверчки, совы порхают, или яблоко перезрелое упадет, и я вздрагиваю от каждого шороха.

Вот позади, что это? Чьи-то шаги? Может это дед поднялся? Он не причинит мне зла, успокаиваю я себя. Не ускоряй шаг, приказываю я непослушным ногам, а паника нарастает. Сердце выпрыгивает из груди, и я себя предаю, становясь легконогим как ветер. «Трус!» – ругаю я себя при свете факела и снова заставляю себя возвращаться в полной темноте. Вот Одиссей, он нисходил в Тартар, а я опять бегу, успокою душу и снова храбрюсь. Потом я взял с собой заостренный кухонный вертел, и

с ним мне удалось, потом еще раз удалось, и я опять стал улыбаться.

После того, как я приучил себя не страшиться духов тьмы, люди тоже от меня отцепились. Кому охота связываться с тем, кто улыбается и духом сильнее!

Мне вспомнилось о деде, потому как прошлой ночью он мне опять привиделся.

В таких случаях, как мой, положено молить богов отвести беду, связать глаза тем, кто ищет мою душу, но я так не буду. По мне так богов Рима вообще не существуют. Лучше бы их не было. Если они есть, то они не склонят свой слух к моим заклятьям. Отступников, путающихся с христианами, они от козней не спасают, а наоборот ввергают их в страдания.

И от христиан, и из всего пережитого я извлек некоторые уроки. Когда в душе покоя нет, кровь отравлена, отовсюду враги покушаются, и сны предрекают недоброе, я повторяю себе «метаной» – перемени ум. Так меня научили. Это на эллинском, а на нашем это «покайся».

Их проповедник учит «покайся» и «перемени ум», это не одно и то же. Одни уединяются, посыпают голову пеплом, рыдают и не меняют завшивленных одежд, а другие скапаются, наденут лучшее и пойдут исправлять ошибки. Я буду исправлять ошибки и с ними исправляться сам. Переменить мышление недостаточно. Надо изменять этим умом поступки. Иначе какой толк по-новому мыслить. Если нет, то это только лицемерное себялюбие.

Ночь выдалась почти бессонной, но я не чувствовал себя таким уж и разбитым, как ожидал. Яркая зелень, голубой небосвод, свежий воздух и конная прогулка лечат душу.

Мой путь лежит в стороне от торговой приморской дороги и малолюден. Ручаюсь, в этот ранний час по дороге вдоль берега и по обжитой, редколесной равнине передвигаются повозки, скачут вестовые, бредут кони с поклажей, а заросшая примятой травой дорога к колод-

цу пустынна. Она ведет через покрытые папоротником, открытые участки и цветистые медовые луга. Абазгский мед особого качества, его вырабатывают дикие пчелы, их ульи в дебрях, в пнях и в дуплах деревьев. Они оттуда как из гнезд вылетают и разбредаются на много стадий вокруг. Пчелы, выискивая подходящие цветы для них, жужжат повсюду, и даже в дождь порхают, лишь бы тепло им было.

Этот путь для абазгов и санигов общий. Они им пользуются в основном для отгона скота или грузными арбами свозят на пристань невероятно тяжелую древесину. Бревна эти особой и ценной породы, твердые как железо, и к тому же это дерево единственное из известных, чьей ствол из-за своей плотности тонет в воде. Лесорубы отгружаются в питиунтской гавани, и за свою ношу от скупщиков получают сполна. Однако же, чтобы цена не упала, чтобы другие не заработали и не усилились, не все получают дозволение вырубать леса. Это все прикрывается притворной заботой о природе. Дескать, если мы все дружно возьмемся за пилы и топоры, то что мы оставим своим детям в наследство. О детях, значит, пекутся! Такие сердобольные, а чего-то по их виду так не скажешь. Зато поют как соловьи, и глазки сверкают наигранным негодованием. Ну как тут не поверить! Не поверишь, оскорбятся. «Если и дальше так пойдет, то не останется этого красивого и так долго растущего дерева!» – часто сокрушается Амал, и головой осуждающе мотает. Жаль, у варваров нет сената и писаных законов, столько лицемеров в безвестности прозябает.

Название растения на абазгском мне не выговорить. Оно еще более труднопроизносимое, даже более, чем их остальные звуки, шипящие и свистящие. Это дерево с выпуклыми и мелкими зелеными листочками, а с изнанки они чуть отдают желтизной.

Так, одним Ресмаг позволяет, а другим запрет ставит и стыдит. То же самое и торговцы. Объявился один при-

шлый умник, он хотел скупать напрямую бревна у абазгов, минуя перекупщиков, но его быстро отучили. Загорелся у него склад от лампады. Хорошо хоть у моря стоял, иначе бы весь Питиунт спалил дотла.

Об этом мне напомнил груженый брусками воз, он выкатился из-за поворота лесной дороги мне навстречу. За ним скрипел следующий, он тащил на постромках увесистое, срубленное бревно, широкое в обхвате и очищенное топором от веток. Я приостановил бег коня, чтобы мы разминулись, иначе бы Ачи забрызгал грязью от копыт погонщиков.

Длиннорогие волы послушно тянули телеги, но человек с топориком за поясом и в широкополой шляпе, недовольный их неспешным шагом, подгонял их хлыстом и окриками.

Его спутник был в лучшем настроении. Смуглый, большеголовый и широколицый, в длинной тунике с дырами для рук, шел и тихонько насвистывал себе под нос песенку. Прижавшись к низкорослому кустарнику у обочины, я пропустил громоздкие, как тараны, возы. От недавнего дождя желто-глинистая тропа размякла, и колеса тяжелой повозки проседали в грязь.

Впереди идущий погонщик перестал бранить скот, но почему-то нарочно отвернулся, чтобы не здороваться. Угрюмый человек прошел мимо, будто я дерево. Его товарищ оказался куда дружелюбнее. Одной рукой он поддерживал перевернутую круглую шапку, в ней он нес пригоршню бордовых вишнен. Он ел их, на ходу сплевывал косточки, и усмехался себе в бороду по поводу нелюдимости друга. Мы закивали друг другу, когда сблизились, и он протянул в мою сторону шапку с вишненками. Я молча отказался, приложив ладонь к груди, еще раз ему кивнул, чуть привстав с коня, и разминулся с ними.

Вскоре аробычики осталась позади, и я опять пустил коня галопом сквозь дремучий лес. Деревья обвиты повсюду дикой ежевикой, плющом и вьющимися лозами.

Варвары специально не прорубают в этом лесу просветы, дабы чаща была для их святилища непролазной стеной.

Косогор за косогором, а впереди вздымаются еще более крутые холмы. Дальше массивные скалы, до половины поросшие лесом, а над ними высится двуглавая гора. Святилище абазгов затаилось в ложбине. К ней ведет лишь пешая тропка, и конникам туда путь воспрещен, но прежде вход в священный лес предваряет известный целебной водой источник. Он бьет пузырьками из-под скалы и чрезвычайно приятен на вкус.

Вскоре пришлось приостановить Ачи и пустить его шагом. Разгоряченный конь заартачился, и пришлось его пару раз осадить.

На лугу, в тени нависающей над источником огромной скалы, разлилась овечья отара, а передо мной на тропе козленок ревзился и прыгал рядом с козой. Похоже, стада погнали обратно на равнину с мест, поросших полезной травой. В Абазгии заведено на лето отгонять скот с болотных равнин в горы. Там спокойно. На отары не покушаются даже самые отъявленные разбойники. Пастухи скотину гонят и свою, и взятую на прокорм у других, а иногда у таких же разбойников, и даже худших. Есть независимые и воинственные равнинные роды, которые задевать не стоит. Есть и одиночки, которые отомстят за угон, посчитав его бесчеством, и их тоже не стоит недооценивать.

Овечки мирно пощипывали жиденькую, местами уже вытоптанную травку, и навевали дремоту, но меня это насторожило. Овечки не сами спустились, значит, их спустили пастухи. В чем тут подвох? И к чему такая спешка? Еще рано стада на равнину возвращать. Неужто снег в предгорьях выпал? А может, они аланов заметили? А если они кем-то предупреждены?

«Неспроста это все, – соображал я над загадкой – На побережье трава пожухла от зноя. Овцам на сочных летних пастбищах самое место, да и сами пастухи могут еще

с месяц приютиться в прохладных горах, а они взяли и спустились на горящую сковороду. Зачем?»

Я обошел верхом чуть тлевший костерок и валявшуюся на траве рядом с треногой козью шкуру. Босоногий мальчуган лет десяти, в изодранной, доходящей до колен рубахе, неторопливо и со знанием дела, развязывал осла. Еще двое взрослых пастухов, примерно одного вида, похоже, близнецы, освежевали тушку только что забитого козла. Для удобства они подвесили ее за веревку к ветви дикой, облепленной мхом груши. Завидев меня, они переглянулись, а мальчишка окинул меня восхищенным и завистливым взглядом. Доспехи, шлем с гребнем, ухоженный конь с уздой – он о таком мечтает. Я ему улыбнулся и закивал, я тоже был мальчиком...

За ними еще двое аbazгов поили водой лошадей, при этом они не пускали животных к выложенному камнями дну. Один стоял на нижней каменной ступеньке у самого кромки источника и подавал товарищу наполненное кожаное ведро. Тот выливал воду в выдолбленное из упавшего ствола корыто. Пока лошади втягивали в себя воду, юноши, не прерывая своего занятия, поглядывали на чужаков, расположившихся поодаль, под сенью раскидистой липы, растущей в тени лесистой скалы.

Нас отделяла неполная сотня шагов, и ни одного дозорного. Я подступил к ним вплотную, и меня никто не окликнул. Им головы рассекут, как повар крошил кочаны капусты. Воины устроились на травке; кто полулежал, ковыряя в носу, кто сидел на земле, обхватив колени руками, а свои копья и мечи, луки, стрелы с колчанами они разбросали повсюду как ненужный хлам, только щиты почему-то сложили вповалку у корней дерева. Римляне полукругом от старейшины и спиной ко мне. Их отвлекал рассказчик, сморщеный от старости как печеное яблоко. Его седая, холеная борода доходила до пояса. Он сидел на камне, и борода едва не касалась травы. У ног старейшины бурдюки с кислым молоком.

Этот напиток, в зной, перемешанный с водой, отлично утоляет жажду.

Поодаль от старика и лицом ко мне развалился какой-то сонный верзила с бычьей шеей. Этот увалень, подпиравший свой торс локтем, заметил меня первым. Он чуток изменился в лице, на миг приподнялся на локте, вытянул шею, но сразу расслабился и продолжил ковырять тростинкой в зубах. Недовольный какой-то, кривится, глаза устало закатывает. Не нравится ему, что стариk молвит. Зато длинноволосый подросток, тощий как палка, внимает старцу, приоткрыв рот. Отрок, опершийся на посох, хлопая ресницами, наблюдает то за старцем, то за птицей над их головами. Старейшина, указывая римлянам на парящего в небе коршуна, возглашал им что-то.

Интересно, как они разговаривают? Насколько мне известно, никто из караула, да и сам Асканий, не разумеют на местном. Броде неодолимое обстоятельство для общения, но нет, римляне с абазгами сошлись и поладили. Сочные, козлиные ребрышки и вино, одно насыщает, другое веселит, ну как тут не понять собеседника. Что тут непонятного?! Ешь, слушай и поддакивай. Неплохо Асканий свои дни проводит; мытые овощи, лепешки на постеленной на траве сероватой материи, большие,резаные куски жирного сыра в плетеных ивовыми прутьями тарелках, ласковый ветерок и задушевная беседа!

Этот тихий ключ на самом деле – бездонный колодец и мощный водоворот. Он втягивает в себя и дальних пьяниц, и близких, на много стадий окрест. Много ротозеев поспивались под раскидистой кроной старой липы. Днем они трапезничали, а ночью лесные крысы объедки за ними подбирали, потом этих крыс поедали лисицы и совы, и снова рассветало, и снова стукались чаши.

Римляне дружно кивали абазгу, и зевали друг другу. Полное единодушие, они с самым понимающим видом трясли головами, цокали языком, угадывая по мимике старца, что он имеет в виду. Постояльцы гостеприимных

вод ждали подкрепления. Скоро следующая тушка отправится частями в уже булькающий над костром чан.

Пехота в Питиунте довольствовалась сухим печенем, подслащенной медом водой и солониной, а всадники Аскания, где бы они ни были, обжирались от пуз. Коней они привязали к упавшей с одного столба поперечной балке, а сами всей турмой смаковали вино и внимали диковиной абазгской речи.

Неслышино, как кошка, ступающий по траве Ачи и стелящийся дым позволили мне обойти караульного. Тот еще не до конца проснулся, если вообще засыпал. Он то клевал носом, как курица, то просыпался, вздрогнув. Чтоб ты в костер рухнул! Зря я осторожничал, он бы и слона пропустил.

Штаны, заляпанные грязью, с голым торсом, калиги расшнурованы, меч без ножен и зазубренный на травке валяется. Костерок курился дымом в отдалении от других, а караульный, пребывая в одиночестве, насадил кусок мяса на пруток и жарил его, а вернее, уже обуглил над тлеющими углами. Аромат капающего на угли жира ударил мне в нос, а конь мой ему в загорелую спину дыхнул, настолько близко я от него прошел, но он даже не шелохнулся.

Нарочно я их не окликнул. Мне захотелось, неожиданно ворвавшись в их круг, поставить коня на дыбы. Я почти подкрался, еще шагов двадцать, и тут меня заметил Асканий. Центурион сидел на земле, скрестив поджатые ноги, и в обнимку с большим двуручным кубком. Шельмец потер рукой глаза, прищурился, потом прикрыл глаза от солнца, хотя он сидел в тени, потом обвел взглядом остальных и только после поднялся. Ему не верилось, он думал, я ему мерещусь. Декурион, поняв, что я за ним наблюдаю, повертел чашу в руке, презрительно скривился, будто ей удивился, вскочил, подошел и передал ее абазгскому старейшине. И тут внезапный рык. На меня обрушился здоровенный, как медвежонок, пастущий пес. Он

ощерился на меня клыкастой пастью, и закружил вокруг притоптывающего Ачи с хриплым простуженным лаем. Я чуть с коня не слетел, Ачи загорцевал, неожиданно, на месте. Морда лохматая, аж глаз не видно, и наполовину белая, а остальное туловище у пса пепельное. Вроде ухоженное четвероногое, но мое правило – их сторониться. А кто его знает? Вдруг он ошалел от жары. Укусит меня, и я как Асклепий...

– Хей! Хей! Отцепись! – завопил я на пса. Он примеривался цапнуть меня за стопу.

– Пошел! Пошел прочь! – прикрикнул отрок на пса.

– Он не тронет! – бросил мне еще по детский звонкий голос.

Юноша, потрясая посохом над головой, отогнал от меня лохматого стражи.

Матерый пес, послушный окрикам, виляя хвостом, за семенил к сидевшему старцу, улегся у его ног, и блаженно утих, когда хозяин ласково потрепал его за ухом.

– Приветствуешь тебя, Кассий! – отсалютовал Асканий и ринулся ко мне. – У нас раненый! – обрадовал он меня, поймав коня под уздцы.

– Пес, – напомнил я ему, спешиваясь.

– Он не кусачий.

Скажи это кто другой, я бы поверил, но Асканию доверять нельзя. Он как трость обоюдоострая. В нужный момент на него обопрешься, и он вонзится тебе в ладонь. Такой он человек, ему даже в мелочи нет веры.

– Ты какой-то бледный, – съязвил с невинными глазами Асканий.

– Ты тоже! – парировал я. – У тебя ноги заплетаются, тебе нехорошо?

– Мы отравились! – отозвался декурион.

Будучи опытным лжецом, он приучился врать, не отводя глаз и не моргая. Я тоже не прост.

– Неужели все разом?

– Да, – настаивал центурион.

Мы оба, в шлемах с конскими хвостами, стояли друг против друга, как бойцовые петухи. Я думал, ему неприятно врать, зная, что я ему не верю, но он стойкий во лжи. Ему было не по себе, но он выдержал паузу, слюну, отогнал от лица муху, почесал рукавом нос и еще сильнее расширил свои бесстыжие кровянистые глаза. Центурион делал над собой невероятные усилия, чтобы не шататься.

Если это было отравление, то оно никого не пощадило. Их всех подкосило, числом до двенадцати.

Асканий им скомандовал громовым голосом:

— А ну, строиться!

Но это их мало взбодрило. Изможденные ночным бедением караульные, спотыкаясь разбирали разбросанное по полянке оружие.

Кто вялой рукой ухватил чужой колчан, кто примерил чужой шлем, они оспаривали и передавали вещи друг другу. Жалкие мимы, вот кто они, со своими подмигиваниями! Один то ли для потехи, то ли он совсем скотина, поднял с земли чужую пику, ее у него отобрали, потом он принял выступающий корень дерева за древко своего копья, и тужился. Этот бородач, коротко остриженный и курносый, как ежик, силился оторвать корень от старой липы. Его товарищ, прикрыв рот рукой, прыснул от смеха, и показывал на него остальным. Это заметил прыщеватый воин в одной сандалии и разразился хохотом, под конец он, утирая выступившие на глаза слезы, споткнулся сзади о собаку. Ясное дело, та на него огрызнулась, он от нее отпрыгнул, упал и боднул старую липу. Это послужило сигналом ко всеобщему веселью.

Я тоже ухмылялся, правда, зло, пока они, бурча, строились. Встать в относительно ровную шеренгу у них почти получилось, а двое копейщиков даже сумели вытянуться в полный рост. Совсем некстати тот, кто хотел оторвать корень, вскинул руку в знак приветствия. Этот человек с

крошками в бороде вокруг рта так и застыл. Я не понял, он издевается или спятил.

Старейшина пошамкал ртом и последовал его примеру, с обеими чашами в руках. Он держался на ногах так, будто он не на твердой земле стоял, а в утлом челне в бушующем море. Старик расплескал вино. Я ему улыбнулся и он мне в ответ расплылся в улыбке, потом он опустил одну из чаш и обратился ко мне на каком-то несуществующем языке, который, по всей видимости, он считал мне понятным.

Переговорив с ним на абазгском, мне стало ясно, пожилой человек находится в таком состоянии, что и родную речь понимает с трудом.

Всему виной особая виноградная лоза, растущая как сорняк. Этот сорт за мелкость нарекли крысиным и его добавляют для цвета в сладкое вино. Однако, целиком питье из него отрава. Вино получается горькое и долгоиграющее.

Как я и говорил, Асканий смысленый и знает толк во всяком плутовстве, а потому сразу же удивляет и отвлекает внимание. Он, горестно поджав губы и мотая головой по сторонам, сообщил что в первую стражу к ним ворвался шакал и чуть не лишил достоинства караульного.

– В каком смысле? Он его обесчестил?

– Ну, как бы это... – замямлил Асканий.

– Над ним надругался шакал?! – ахнул я.

– Э... Мм... Потрин... Мм...

– Ух, ты! Сочувствую, – скривился я. – Как это произошло? Зверь к костру подкрался?

– Э... Не совсем... Э... Потрин... он по малой нужде отошел в кусты, – декурион указал мне рукой на дальний кустарник и вдруг умолк. Почесывая щетинистый подбородок, он к чему-то присматривался.

– Гм! – кашлянул я.

– А? – вздрогнул Асканий. – Наверное, он ему наступил на хвост.

– Нарочно?

– Не заметил, – поведал опечаленный декурион, – а шакал возьми и тяпни его...

– И?

– И невредимый ушел восьмой.

– И? И все?

– Совсем забыл! – спохватился Асканий и хлопнул себя ладонью по шлему. – Шакал выхватил меч у караульного из ножен и с ним в зубах убежал.

– Украл меч? – опешил я.

– Да, – вздохнул Асканий, – разоружил... Неслыханное дело!

– Неслыханное? – засомневался я – Разве? Что здесь необычного, Асканий? Необычно было бы, если бы он ему голову отгрыз. Или если бы твой воин шакалу нос отгрыз, или если бы вы все здесь взбесились и друг друга перегрызли! – заорал я. – Вот это было бы странно! А эти орешники, Асканий, – указал я ему на лес – они для зверей дом родной, и здесь повсюду объедки разбросаны. Вот они и рыщут.

– Это да, – признал Асканий, – но... Плохая примета.

– Плохая?

– Очень, – утверждая это, он покосился на старейшину. – Это не простой старик.

– Хех! Еще бы. С такой-то бородой.

– Он почетный.

– Это все меняет.

– Он старейшина.

– Ах, вот ты куда гнешь?! Это он вас надоумил, – кивнул я на абазга.

– Он посоветовал, – поправил меня декурион, – умилостивить богов.

– Умилостивить. – повторил я за ним. – Теперь это так называется?

– Клянусь! – Асканий приложил ладонь к сердцу и обиделся.

Он всем своим видом попрекал за недоверие.

— Говорит, обильные возлияния надо совершить, иначе...

— Иначе что?

— Иначе...

Пока он врал, его воины хранили утробное молчание. Они переминались с ноги на ногу и явно скучали. Все какие-то отрешенные, кроме того, кто учудил с корнем. Этот корчился в муках, наверное, животом мучился. Вот она, думаю, первая жертва Бахуса, бледный, напился до рвоты.

— Кто ты? — спрашивала я гrimасничающего копейщика, а он заклокотал что-то невразумительное, и опять вскинул руку в приветствии. — Кто он? — обернулся я на Аскания. — Что с ним? Почему он мычит?

— Это он, — вымолвил Аскания.

— Ах, это он!

— Потрин, — представил он его.

— Ага! Уже начинает беситься! И как скоро?! Когда, говоришь, его шакал искусал?

— Ночью.

— Этой?

— Да, — дыхнул он на меня вином.

— Потрин! — окликнула страдальца. — Ты еще слышишь? Превосходно. Нет, нет, опусти руку! Не надо сюда идти! Стой, где стоишь! Опусти... Хорошо, а теперь послушай меня. И вы все послушайте! — возгласил я остальным. — Вот, два барана лбами стукаются? Видите? Они опасные! — показал я на животных. — Видит небо, они гораздо опаснее вас! Случись сейчас что, они окажут сопротивление больше вашего. Даже горстка варваров перережут вас. Но... Но вы люди гибкие, я не о том тревожусь, — жестикулировал я. — Меня беспокоит другое. Эй, Потрин, я для кого говорю?! Ты меня слушаешь?.. Все, что от вас требуется, это не свалиться с лошади и достичь Питиунта, — указал я по направлению к крепости. — Но ни один из вас

не предупредит, не доскачет! Вы даже не успеете до коно-вязи доползти. Я говорю неправду? А? Я наговариваю? – я воздевал к ним руки, а они молча кряхтели. Я прекрасно вас понимаю, – рассуждал я, расхаживая перед строем. – Вы думаете, вина вдоволь и можно пренебречь дисциплиной. Ведь так? Так! Но знайте, – предупредил я их, потрясая перстом в небо, – вы пренебрегаете не дисциплиной, а... Чем, Асканий?

– Собственной шкурой, – сообразил декурион.

– А ты умница! – похвалил я его. – Напомни мне, как в таких случаях положено поступить.

– В каких?

– В таких!

– В таких случаях ... – забубнил Асканий.

– В таких случаях положено, – я повысил голос и обернулся к строю, – лишить предводителя всадников звания, вот этого вот человека! – указал я строю на Аскания. – Из-за вас, кстати! А вас самих следует бить плетьми, лишить довольства и изгнать из общего лагеря на три ночи, противнику на съедение при первом столкновении. Однако я не стану применять закон! – предупредил я начавшийся ропот, подняв руку. – Я уважаю вас, хотя вы и не уважаете меня.

Старейшина, сидевший на камне, вскинув бровь, внимательно меня слушал. Он то делал строгое лицо, то цокал языком и смотрел на воинов, то одобрительно мне кивал, поджав губы. Дескать, правильно ты их! Когда мы встретились взглядами, он зажмурил оба глаза и опять мне закивал.

Надеюсь, они не догадываются, что я их не наказываю по другим, более веским причинам. Их дюжина, а я один. Если я начну их наказывать, они на меня набросятся. Они пьяны и могут возмутиться. И как их казнить вдали от поддержки верных мне людей?! Да и есть ли у меня верные люди? Это большой вопрос. Это хорошо, что чужаки-абазги за нами наблюдают. А то бы они умертвили

меня и спрятали тело. Думаю, потом они скажут, что они меня не видели и, скорее всего, меня похитили. Они могут договориться, это старая и хорошо спевшаяся шайка, на их совести многое. Ветераны темных дел, настоящие злодеи, они могут даже нажиться на выкупе.

Добром эта вольница не окончится, и тут дело не в попойке с пастухами. Абазги не злоумышляют против тех, с кем разделили хлеб, это не в обычаях их племени. Тут центурион, сам того не ведая, избрал наилучший метод защиты вдали от крепостного вала. В случае налета, крестьяне с их крепкими дубинами и кровной враждой, принятой в их племени, будут ему наилучшим подспорьем. Беда в другом, этот пост больше предупредительный, чем охранный, потому и кони им приданы. То, что верно в случае стычки с мелким охотниччьим разъездом, не сгодится для большой конной массы. Когда из горных теснин вырвется тяжелая конница, они всех встречных сметут, как наводнение. Их дело бежать как зайцы, и бежать быстро, но они не смогут. Их всех, и пастухов, и воинов просто перетопчут копытами и побросают в колодцы, чтоб они там сгнили и воду отравили.

– Аид тебя побери, Асканий, что с тобой?! – Я отвел центуриона в сторону и заговорил с ним вполголоса. Это ему подсказало, что и на этот раз у него все сойдет с рук. От меня не укрылось, как он распрямил плечи. Похоже, он ожидал худшего. – Тебе что, жизнь опостылела? Нет, если в самом деле хочешь погибнуть, так ты скажи, не стесняйся. Обещаю тебе, это легко устроить. – Он отрицательно замотал головой. – Тогда чего ты добиваешься? Ты в одиночной страже в лесу, а как ты беспечен?! Опять хочешь угодить в позорный плен? – стыдил я его вполголоса. – Так я тебя разочарую, плена не будет, Асканий, они тебе голову отрежут и с собой возьмут. Ты зря улыбаешься! Это не страшилки. Ладно! – отмахнулся я от него. – Это потом... Будь мне другом, присмотри за конем.

– Да, да, конечно, – закивал он с готовностью.

– Я прогуляюсь к святынищу, – я кивнул на развилку, находившуюся в полете стрелы от нас. – Пойду к их про-рицателю. А ты подольше задержи трибуна и тех, кто с ним, они скоро заявятся. Не спрашивай, зачем, а просто сделай.

– Я их могу вообще не пустить, – предложил он мне.

– Нет, – ответил я, поразмыслив. – Ты их просто за-держи, но пусти.

– Сделаю, – задергал головой Асканий.

Тут меня за рукав тронул юноша, отогнавший пса. Во-преки моим ожиданиям, меня почтили не вином, а забро-дившим медом.

– Да не обойдут боги вас милостью и щедротами, слав-ные жители гор! – возгласил я на абазгском и воздел дву-ручный кубок к небу.

Абазги ответили одобрительным хором. Даже сон-ный верзила вынужденно, со вздохом, поднялся. У абаз-гов и поднимающий здравицу, и те, за кого пьют, в таких случаях встают.

На первый взгляд поступок погонщика простодуш-ный, но надо его правильно истолковать. Абазги своим хлебосольством не заискивают, они им связывают и обя-зывают. Сан военного вождя у них уважаем, но не внуша-ет им того почтения, на которое я могу рассчитывать у покоренного племени. Они себя таковым не считают. Они племя союзное. Своим спокойным и уверененным гостеприимством безоружный отрок давал понять: мы чтим свои традиции, и вам придется их чтить! Вдобавок к этому, он еще и выгораживал тех, с кем разделил хлеб, и умерял мой гнев к ним. Раз я сам испил из чаши, кого я за это потом смогу стыдить. Вот их послание. Так или иначе, то ли по подсказке старших, то ли сам юный абазг, не прибегая к словам, в полной мере выразил : «Мы хозя-ева, а вы тут гости! Не ругайтесь!»

Ему легко! Его быт незатейливый, простой. Напил-ся медовухи, и броди себе по холмам, не ведая зависти,

не опасаясь измены. Эти пастухи свободно кочуют по нагорью, пока я, всеми брошенный, пытаюсь удержать кусочек прибрежной земли. Питиунт надоел теснотой и однообразием. И ведь все дрожим, что нас сбросят в море. Хотя нет, Асканий бесстрашный осел – напивается вусмерть на самом дальнем kraю дороги, в одиночестве от всех постов. Хуже только Марцелию в Петраме, но с ним все ясно, он там не по своей воле, ибо проклят за какие-то страшные, неведомые нам прегрешения.

С годик этак назад, погожим весенним деньком, прогуливаясь я с ним к старому покосившемуся жертвенному, установленному на перевале. Его соорудили римляне, когда дошли туда. Это в пору Помпея Великого. На обратном пути Марцелий возьми да и споткнись о едва выступающий над землей пенек, и покатился кубарем в овраг. Тут-то у него все и вырвалось с досады.

– За что? – взывал он диким криком, не поднимаясь с колен. А до этого пристойно себя вел, разумно. – За что меня небеса так наказывают?!

– Успокойся, – помог я ему подняться. – Все наладится.

– Когда?! Когда я полуумным стану?!

– Все пройдет, – сказал я, помогая ему отряхнуть одежду.

– Все пройдет! – хохотнул он. – А я уже прошел, Кассий! Я уже минул!

– Ох, что тут поделаешь, Марцелий.

– У меня ни дома, ни жены, ни детей, ни счастья! –

схватил он меня за плечо и, глядя мне в глаза, прохрипел:

– Никогда я счастлив не был, Кассий! Даже вспомнить нечего! Год за годом, съязмальства – тревога, отчаяние, волчьи оскалы, а не лица, и труд, труд, труд, бессмысленный труд, и неудачи каждый день.

Он изливал мне душу, врать ему я не мог, я постарался перевести разговор на окружающие красоты. Огромные голые скаты гор были и вправду великолепны. Я его спрашивал о названиях вершин, а сам икоса поглядывал

на центуриона. Марцелий чуток успокоился, но кривил губы в горькой усмешке.

– За такие красоты не грех попотеть.

– Каждый день потеем, провоняли уже, – огрызнулся центурион. – Здесь, на хребте, даже летом погода капризна. Как девица, то ласковая, то гневная. Оденешься легко – пекло выпадет, пойдешь в сандалиях и без плаща – град настигнет. И каждый раз новая напасть, – он долго терпел, но начав стечать, как плакальщица, не мог остановиться. – Повсюду волки и медведи рыщут, троих уже задрали, а как их отвадить?! Им жрать нечего, а это их обитель! Кассий, ты когда-нибудь слышал, чтобы кони беспрерывно бесновались? Три дня и три ночи копытами били и ржали в стойле, не могли их обуздать.

– Хищников чуют?

– Зубы у них чешутся, начали гнить, а потом выпадать стали. А потом падеж пошел, – рассказывал с жаром центурион. – Проказа скотская. Тут к месту явился один странник, молодой совсем. Я, говорит, такой, я, говорит, сякой, могу найти нужные травы и лекарства. А нам, ясное дело,uberечь надо табун. Я к нему, как к врачевателю с почтением, ведь сам посуди, не каждому дано обладать такими знаниями.

– Еще бы, – согласился я.

– Ты их знаешь, они нос задирают, чувствуют себе цену. Но они все задумчивые, ходят сгорбленные, и в землю смотрят, видать, коренья ищут, а этот... Гм... Этот какой-то совсем зеленый, ходит прямо, с осанкой, но глазки бегают и вечно озирается. Мне это не понравилось, но я молчу, ничего не говорю. Думаю, ему нет нужды сгибать в поклоне спину, это ведь не добавит премудрости, думаю, лишь бы коней излечил, а он возьми и сам захворай. Хех! – хмыкнул раздосадованный Марцелий. – Поили мы его отварами, как младенца, потом дали ему мула и отпустили восвояси, а он вместо того,

чтобы спуститься, перевалил на вислоухом через хребет. Оказалось, беглый раб, а не знахарь.

– Раб?

– За ним позже пришли, когда он, спасаясь, уже к аланам подался. Сказали, он спутался с чьей-то женой, а та взъярилась и завопила, что он ее насильно обесчестил. Так он их оставил, что муж жене ухо отрезал и из дому прогнал... Не поверишь, Кассий, она потом тоже в ворота постучала.

– Она за ним пришла?

– Да.

– И что ты сделал?

– А что я мог?! – всплеснул он руками, и указал мне на горы. – Проводил ее за перевал, покрывало дал, чтобы укуталась. Может, она его сыщет, кто знает, – пожал он плечами. – Только такие и забредают. На охоте встретишь человека, пусти в него стрелу или беги от него, здесь только изгои шастают. Есть, правда, один пустынnyй человек, – вспомнил Марцелий, – он козлиную шкуру носит, и дурно пахнет, и в шалаше живет, и жена его очень страшная. Очень. Хуже него. Но он честный, и я с ним беседую. Больше к ним никто не ходит, и они ни к кому, и детей у них нет. Это из-за их детей, их выкрадали. Муж отомстил и они сбежали.

Жаль его. Силой характера и широтой мысли Марцелий наголову выше многих, а состарится и помрет на макушке хребта, это в лучшем случае.

Марцелий надежный смотритель крепости, его не сменят на кого попало. Честь, стойкость, умение ладить с людьми, благоразумие и чувство долга – вроде прекрасные качества, а в соединении они обрекли его на безвестное прозябанье. Таких, как Асканий, в Петрам отправлять нельзя, они и тут не справляются, хотя им доверена всего лишь караульная станция для смены лошадей. Так что никудышные кормятся неподалеку от моря, а настоящего человека командование загнало в холодные скалы.

Там, за обледенелыми, овеваемыми ветрами пиками гор страна аланов. Наверное, сейчас их предводитель разжигает воображение своих воинов предвкушениями грубых удовольствий, какие они получат, разграбив побережье. Разгуливает по ночам меж палатками от одного костра к другому и рисует картины будущего богатства и славы. Кого-то надо соблазнять богатством, а кого-то славой. Зрелым мужам по сердцу разговоры о достатке, юноши предпочитают славу, а людям среднего возраста подавай и того и другого понемногу. Здесь главное не напутать. Устроить засаду, выстроить в поле строй или камнеметы на высоте соорудить, снабдить воинов стрелами и питьевой водой – это все неплохо, но главное, это настроить их, как лиру, на хищный дух. Здесь надо знать их тайные струны и к ним взвывать. Я, к примеру, во время прошлой осады Питиунта абазгами не умолкал.

– Куда не посмотрю, все вокруг дышит отвагой! – заявляю я гоплитам, а они прячут улыбки.

Обернувшись, я понял, что в ораторском пылу указываю на плешь осунувшегося Тифона. Он был готов расплакаться. В тот раз, хвала богам, мы отделались смехом.

Размышляя, я шагал в святилище. Асканий исполнил мою просьбу. Он взял Ачи под уздцы, похлопал его по загривку и повел поить к источнику. Там абазги уступили очередь и отогнали своих коней от корыта. Ржание и окрики оглашали окрестность, а я углублялся в чащу, в преддверии которой находился. Я там не был, но говорят, раньше эта тропа у храма не прерывалась, а вела еще дальше и там заброшенные медные копи. Сейчас они в запустении, но еще не исчерпаны.

Тропа сузилась, превращаясь в полоску примятой травы, нисходящую в окутанную полумраком котловину. Внизу стелется легкий туман, и видимость меньше полета стрелы. Я на ходу удостоверился, что меч на поясе, свободно ходит в ножнах, и прибавил шагу – вдруг волк попадется.

Спускаясь, я озирался по сторонам, кругом заросли папоротника, а необытно толстые буки и ели настолько вздымаются ввысь, что их остроконечные верхушки теряются в тумане. Тенистый бор, наполненный ароматами хвои, тиши и треск сухих веток под ногами, я слышу собственное дыхание.

Рыжая белка пронеслась по ветке, как угорелая, спугнула ворона, и он с карканьем взмыл в туман.

В первый раз я вступил в пределы святилища с лучшими воинами, со знаменем легиона, с позолоченным орлом на шесте и значками когорт. Пышная процесия римлян случайно сошла с тропы, и мы продирались сквозь подлесок грабов и дубов. Кроме Сиуарда, меня в тот раз вызвался сопровождать трибун, тогда еще только прибывший в Абазгию. Похоронные обряды абазгов схожи с нашими. Все как полагается. Плакальщицы в черных балахонах ритмично воют. Мужчины слоняются без цели, и вяло болтают друг с другом. Не спят они ночью, не бодрствуют утром. Сплошное самоистязание. Однако, великие из их народа, это касается лишь мужчин, удостаиваются особой чести. Усопших подвешивают на высоких деревьях, а спустя год их останки предают земле, и устраивают по этому поводу поминальную тризну, где до смерти загоняют коня.

Апий, ражий детина с обветренным, почти кирпичным лицом и такого же цвета всклоченной шевелюрой, растерянно таращился на зашитые воловьи шкуры свертки.

– На самом деле? – он переспрашивал Сиуарда вновь и вновь. – Ты уверен?

Найдя словоохотливого собеседника, трибун пустился в разглагольствования, но при этом старался не повышать голоса. Сочтя выпавшую, безупречную латынь и тогу Сиуарда признаками принадлежности к римскому племени, Апий разговаривал с ним как со своим и сокрушался невежеству местных.

– Варвары!

– Что с них взять! – поддакивал Сиуард.

– Дикиари!

– И не говори, гибкие люди! – забавлялся апсил. – Нет, чтобы по-человечески поджечь труп на дровах, по благородному римскому обычаю...

– Вот именно.

– Ну, или принести пленников в жертву на могиле... или устроить поединки какие, до смерти...

– Дикие нравы!

Стражи трибуна, оба длинноволосые, мускулистые галлы, вторили своему господину, что бы он ни сказал. Один бормотал заклятия, сжимая в кулаке амулетную ленту и закатывая глазки, другой охал и ахал, будто до этого они с другом дудки строгали. Галлов, которые вместо скота пленников в жертву приносили на своей родине, ужасали чуждые похоронные обряды.

Вольноотпущенники-велиты (легковооруженные) ужасающе коверкали латынь, но чтобы господин их понимал, они делали вид, что расстроены. Осуждающие цокали и шептали друг другу: « Варвары. Варвары ». Они таким образом поддерживали между собой незамысловатую беседу. Трудно созерцать эту комедию.

– Или вы перестанете вертеть головами, как сороки, или я вам устрою прямо сейчас такие же похороны! – предложил я им на выбор. – Вон там! Подойдет? – наметил я верхушку дуба. – Не понимаете? Я вас повешу во-он там! – показал я им пальцем. – Издалека будет видно. Будете сухопутным маяком.

Мое обещание было встречено одобрительными смешками остальных, что мне тоже не особо понравилось. Абазги не те, кто прощает насмешки над праотцами, а именно так они расценят наше непонятное оживление. Жестом я остановил горстку римлян и попросил всех подойти поближе. Когда они меня обступили, я по-

казал я им пальцем ближайшую бычью шкуру и объяснил, что это воздушный обряд захоронения.

– В этом нет ничего веселого, – отдернул я молодого щитоносца. – Обычай этот стариинный и восходит к походу аргонавтов, – разъяснял я. – К Кастору и Поллуксу, между прочим, к нашим отеческим богам, – напомнил я остальным. – А, следовательно, не нам его осуждать. И самое главное, прежде чем зубоскальть, убедитесь, что за вами не наблюдают... Это касается всех, Апий!

Они выслушали молча и с серьезными лицами. Тут, на этом самом месте, это было. Вот тот пенек, заросший грибами, а там журчащий ручей перехлестывает через камешки и теряется в изгибах земли и зарослях папоротника. Я пересек ручей по бурей вывороченному с корнем стволу. Общими усилиями аbazги оттащили его и уложили поперек невысоких бережков.

С Апием с самого начала не заладилось. С ним и позже было много хлопот, но в тот день он раздражал как мурaveй, заползший под одежду. Мы достигли края большой лесной поляны, когда он с самым серьезным видом повел расспросы.

– Кассий, сказали, по берегам высокогорного озера есть племя людей с песьими головами, и эти их головы непрестанно лают. Это правда?

– Возможно, – отвечал я уклончиво.

– Не верю!

– А зря! – вмешался Сиуард. – Кассий, подтверди, я же был женат на одной из них.

А вот и поляна, на которой мы жертву принесли. Птицы щебечут, и просвет в тумане образовался. Помню, тогда над ней ярко светило солнце, плыли звуки свирели, и целое скопище варваров ожидало нас вокруг старого и дуплистого молельного дуба. Его ветви украшены развесанными подношениями: черепками овец, колчанами, уже ржавыми от сырости доспехами, раскрашенными

щитами, амулетами от сглаза, пестрыми лентами, а к корням прикалывали наконечники стрел.

Я издали узнал смуглолицего, осанистого Атэя. Не зная Ресмага, примешь его за царя. Страж царя блистал остроконечным шлемом и переливающейся на солнце кольчугой. Он муж крепкий, как железо, высок ростом, на голову выше окружающих. Меч на перевязи, распахнутый черный плащ, широк в плечах, узок в талии, коротко остриженная борода, волосы на голове редеющие, с кое-где пробивающейся сединой, он рано поседел, хоть и не стар. Абазг внушает невольное уважение, если не робость. Атей горделив, не просто физической силой, он ратной славой овеян. Воитель окружен дюжиной копейщиков в панцирях и в старомодных закрытых эллинских шлемах с нащечниками. У большинства круглые деревянные щиты, обшитые несколькими слоями толстой кожи. Щиты эти вне боя абазги опрыскивают водой и протирают жиром, чтобы кожа не растрескалась. От этого щиты тяжелее, но и надежнее защищают. Атей угрожающий воитель, но предвидением и хитростью, в отличие от своего господина, он не отличается.

Кстати, еще одно за ним примечаю, он никогда не называет Ресмага господином, не заискивает перед ним. При всем при этом он один из немногих, если не единственный, кто готов грудью заслонить царя от предательского кинжала. Он верен Ресмагу не как повелителю, а как отцу-кормильцу или старшему брату.

Но опять-таки, он кто угодно, но не подданный. Природу такой запутанной преданности трудно исследовать, но, я думаю, всему есть разумное объяснение. У каждой привязанности, у каждой личной преданности есть объяснение, просто надо откопать первопричину.

Сам Ресмаг тоже муж сильный. Он, будучи наследным владыкой, еще с отрочества привык к ратным трудам. При живом родителе это ему легче удавалось, ну а после недруги испытали его собственный характер на

прочность. Дело было так. Ресмаг, как и большинство его сверстников-абазгов, пристрастился к охоте, и злые люди измыслили хитроумный план, чтобы его выкрасть. Они вошли в сговор с его ловчим. Говорят, их подговорил тогдашний римский военачальник на Понте. Воспользовавшись тем, что загонщики Ресмага рассыпались цепью по лесу и производили там устрашающий шум, чтобы погнать на него кабана, лиходеи остались с ним неподалеку, дабы подавать ему метательные копья. Царевич оказался сообразительнее, чем они предполагали. Он заподозрил неладное в их перемигивании, и распознал их козни, но виду не подавал. Он смеялся с ними и шутил, и как бы между прочим попросил у ловчего длинное копье, и этим же переданным оружием он его и заколол. У них челюсти отвисли, а Ресмаг прибавил к списку Аида еще троих. Они стояли, как завороженные, и не сопротивлялись, не могли поверить такой быстрой перемене. Из нападавших никто не уцелел. Последнего врага, объятого ужасом, Ресмаг в одиночку преследовал аж до брода у Себастополиса, и там его настиг. Предатель взобрался на противоположенный высокий берег, к римлянам, с ножом в спине, но так и не дошел до укреплений, свалившись с коня. Сами городские дозорные, не ведая о плахах начальника, вышли царю навстречу и он, подозревая об их неосведомленности, представился им, передал через них привет римскому полководцу и с тем ускакал.

С тех пор много воды утекло, и даже река у Себастополиса сменила русло. Ресмаг остынул, стал гружен на подъем, и поклялся в верности Риму. Только его ровесники, а их немного осталось, могли узнать в нем всездиристого юношу. Знавшие его дотоле говорят, таким он был, а теперь он чинный, постаревший и жаждет покоя. Потому и пошел он под крыло Рима, так спокойнее, иначе кровники заключают одряхлевшего орла. Седовласый Ресмаг задумчиво поглаживает свою окладистую бороду, и поминутно кивает внимает рыжеволосому и пышущему

румянцем толстяку. У Ресмага ближних сановников не-много, но на тех, кого он приблизил, он не скучится. Все-го у них вдоволь, и ни в чем они не ведают нужды. Кто их еще так насытит? Они за него горой. Ясное дело, у того, кто чаще поддакивает, брюшко побольше, чем у осталь-ных. У всех так – и у римлян, и у варваров. Так было и так будет. Есть такой хитрый способ пропитания, и многие поставят тщеславие господина на службу собственному животу. Льстецы процветают, а когда их повелитель ос-лабнет, они от него первыми отрекутся, и снова будут об-ласканы новым господином за предательство.

Пересекая клочок высокой некошеной травы, обрам-ляющей поляну, я расспрашивал апсила.

– Кто этот рыжий, рядом с царем?

– Амал. Он казначей и ведает царским хозяйством.

– Казначей? – загремел за нашими спинами трибун. – Который? Вон тот, с бородой, как лопата?

– Тише ты! – шикнул я на него, обернувшись.

– Он обидчив и всегда интриги плетет, – предостерег меня Сиуард на абазгском. – Не откровенничай с ним.

– Ты варвар? – ахнул трибун.

– Почти, – бросил ему Сиуард. – Тот, коряжистый – царь Ресмаг, а казначей рядом, огнебородый.

Абазги пошли нам навстречу. Когда нас разделяло не-сколько шагов, и мы уже протягивали друг другу руки, между нами, откуда ни возьмись, встрял лохматый чер-ный козел с длинными витиеватыми рогами. Горбатый уродец рвался ко мне из-за всех сил, будто я ему соль при-нес. Он тащился ко мне наперекор воле юноши, отдерги-вающего его веревкой, привязанной за основание рогов.

– Согласись, Кассий, такого и прирезать не жалко, – пошутил Ресмаг, указывая рукой на козла. Он с нескрыва-емым отвращением рассмотрел жертвенное животное и повернулся к рыжему абазгу: – Где ты его нашел, Амал? А?

– От души приветствую, гостеприимный хозяин! – на-

клонился я вперед, и мы обменялись крепким рукопожатием.

— Рад тебе! — отозвался владетель, похлопав меня по плечу.

Царь изъяснялся на нашем с резким говором, но правильно. Я и сам к тому времени подучил их диалект. Чтобы польстить Ресмагу, я попытался общаться с ним на его родном шипящем наречии, но потерпел неудачу, судя по сдерживаемым усмешкам присутствующих. Теперь я уже довольно сносно изъясняюсь на абазгском, но тогда...

После приветствий и общих слов, я представил Ресмагу трибуна. Тот скучал, тихонько посвистывал, и непринужденно облокотился на пятнистый валун с почти плоской поверхностью. Поняв, что речь зашла о нем, Апий вытянулся и спесиво вздернул подбородок.

— Тяжелый у вас алтарь! — заявил он царю, постучав ладонью по шершавому камню.

— Это не алтарь, — возразил ему Ресмаг. — Это стол для разделки мяса. Мы не воздвигаем алтарей и не возжигаем огня.

— И правильно! — хохотнул Апий. — Тут полно засохших хвойных иголок!

Повисла неловкая тишина. Варвары его легкомыслия не оценили. Что касается царя, то он и бровью не повел на насмешливый тон гостя. Он рассматривал трибuna сочувственно, будто тот улитка маленькая или ежик подраненный. Другой бы понял, но наш трибун безголовый, он не из тех, кто уходит в себя, когда ему не отвечают, он и сам с собой горазд побеседовать.

Трибун еще что-то ляпнул, потом еще что-то, всего не упомнишь, потом соврал, что в юности на свирели играл, правда, двухтрубной, и под конец спохватился: «А возлияния у вас есть?»

— Возлияния есть, — не сутился Ресмаг. — Нет венков и жертвеннного ячменя. У нас это непринято.

– Он уроженец Рима, – вставил я извиняющимся тоном.

– Он задает вполне уместные вопросы, – царь дал мне понять, что мои оправдания излишни. – Хороший пэрень, мне такие нравятся, что думает то и говорит.

– Если ты желаешь поклоняться своим, отеческим богам, то у нас это не возбраняется, – разрешил он трибуну.
– Так что не стесняйся. Приведи свое жертвеннное животное в это неоскверненное место и призывай их себе на здоровье. Но помни, мой друг: не проси благ себе, боги сочтут это себялюбием. Молись за семью свою, за весь свой род, а если одинок, то за общину.

– И за царя, – дополнил абазга медоточивый казначей.

– Затем надо разрезать жертву на части и варить мясо в кotle прорицаний, – терпеливо разъяснял трибуну Ресмаг. – Потом мы подстелем свежие листья, лучше всего трилистник, – указал он на охапку, – и сложим на него куски. Все по порядку. Тут нельзя пользоваться посудой. Ничего лишнего, – предупредил Ресмаг, – таков обряд. Никакой суеты, никакой торопливости. И только после к нам подойдет маг с песнопениями и заклинаниями.

– Так почему бы нам не приступить? – предложил трибун.

– Мы ждем.

– Кого?

– Верховного жреца.

– А где он?

– А кто его знает?! – Ресмаг беспомощно развел руками. – Скоро узнаем... Если дождемся.

Апий раскрыл рот, и собирался поспорить, но владелец предупредил жестом его нетерпение.

– Без жреца совершать жертвоприношение никому не дозволено, – воздел он вверх указательный палец. – Даже мне.

– По нашему обычаяу, дорогие гости, – плавно вмешался в разговор Амал, – только после всех положенных це-

ремоний просящий может уйти в храм за прорицанием.

— А мясо? — любопытствовал Апий. — Его съедают?

— Съедают, — сообщил Амал. — Но никому не позволено уносить куски домой и поступать с ними, как ему вздумается.

Я показал Апию строгие глаза, он в целом угадал мою мысль, и отвернулся в сторону. Правда, ненадолго его хватило. Жрец как назло не являлся, а для трибуна молчать, как шелудивому псу не чесаться.

— Мог бы и поторопиться, — не стерпел Апий, сострив недовольную гримасу. — Разве жрецу не ведомо, что его ожидает царь?

— Ведомо, римлянин, — усмехнулся абазг, — но, похоже, у него есть дела поважнее.

Надо избавиться от него, не привлекая излишнего внимания. Лишь бы Ресмаг отвлекся, возьму его под руку и скажу ему: «Идем, я покажу тебе... а ты не знаешь...», а сам отшлю его с кем-либо обратно. Потом скажу Ресмагу, он что-то забыл, или препоручу Сиуарду, он с ним справится.

— Ну, да! — я поддакивал Ресмагу, думая о своем.

Если дать ему говорить, он меня с абазгами рассорит. В лучшем случае, они воспримут, что трибун над ними подтрунивает, и даже это лучшее далеко не лучшее. А худшее будет, если он заговорит о делах.

Кто много говорит, обязательно сболтнет лишнее, а Апий, как военачальник, во многое посвящен. Шкатулку со змеей мне подсунул наместник! Он посвятил в трибуны говорящего двуногого осла, и поручил ему за мной присматривать. Докажи потом Ресмагу, что нам стоит доверять.

Когда боги казнят человека, они дают в придачу к ослиной голове львиное сердце, чтобы наверняка покончить со смертным. Ну, а чтобы погубить целый легион, тут задача посложнее, они назначают осла трибуном, отправляют его к войску, и поручают ему уже обреченных.

О, боги! Какую тему он затронул. Сейчас он выболтает абазгу, что Флавий договорился с царем лазов Массалой против него, и так с нами покончит. Что делать, а? Что делать?

Давно я подметил, чтобы трагедия состоялась, надо совместить многие зловредные обстоятельства и соответствующих людей. Это как сложная в приготовлении отрава, тут отравителям надо соединить несколько ядовитых корешков, иначе смерть отсрочится. Или, скорее, это похоже на другое: чтобы расшибиться на колеснице, надо возницу нанять пьяного и неопытного, и чтобы у него еще колесо на ходу слетело. Если возница хоть что-то из себя представляет, или колесо сразу, при разгоне, слетит, беды не случится.

Скупая природа расщедрилась для Апия бычым здоровьем и железным, как котел, желудком, но в последний момент, спохватившись, пожадничала и снабдила его разумом перепелки. Он всегда с умным видом несет чушь, но одно дело, когда он скрыт от посторонних глаз, и совсем другое дело, когда дурак уполномочен представлять римский народ. А как он выставился напоказ! Интересно, кем он себя сейчас мнит? Ногу вперед поставил, левая ладонь на рукояти меча, грудь колесом выкатил, и как покровительственно этот рыжий баран в тоге держится с союзником принцепса! Он общается с потомком древней династии воинов так, будто он Сципион Африканский, а тот сельский бондарь. Удача! Царя отвлекли, и я уже волоку трибуна к молельному дереву.

– Идем, Апий. Я тебе сейчас такое покажу... А ты не знаешь... – Я цапнул его за локоть и, не дожидаясь его согласия, затолкал к остальным нашим. Римляне сбились в кучу чуть поодаль от жертвенного стола, и с нескрываемым любопытством поглядывали на пестро одетых хозяев. Те чувствовали себя вольготно, абазги по трое-четверо ходили по поляне взад-вперед, и переговаривались на своем.

Среди горстки варваров затесался веснушчатый музыкант. Тогда, когда я его впервые увидел, или он еще не успел разжиться на привольной царской службе, или сандалии ему мозоли натерли. Босоногий, в линялой тунике, с дырами вместо рукавов, в мешковатых и залатанных на колене холщовых штанах, с нечесанными волосами, как стог сена, на голове, он сидел на kortочках, подперев спиной ствол дерева и дул до красноты в длинную тростниковую свирель. У аbazгов так принято. Ни один обряд не обходится без музыки.

Пока мы переминались с ноги на ногу и услаждали свой слух мелодией, обособилась группка из нескольких именитых аbazгов и отошла от нас к краю поляны. К ним подошел царь и там остановился с ними побеседовать.

– Не торопи их, – наставлял я Апия, – мы никуда не спешим.

– Мы тут изжаримся, – пыхтел он, утирая пот со лба.
– Надо дождаться. Иначе клятва не действительна.
– А может, он нарочно задерживается?
– Тем более жди, – обронил я, не отрывая взгляда от беседовавших аbazгов.
– Хех! – расстроился трибун, и хлопнул себя по бедру.
– Чтобы я больше кому поверил?!

– О чем ты?
– Говорили, они все здесь спят на шелковых матрацах и на ложах из слоновой кости. А я, дурак, уши развесил.

Я-то на Апия смотрел, то искоса наблюдал за Ресмагом и его собеседниками. Сиурд царю что-то объясняет, но его речь не по душе Атею. Царский стреж брезгливо морщится, мотает головой, но не вмешивается. Вот уже возражает! Сиурд недоумевает, и ладони ему показывают.

– ...А еще говорили, – ныл Апий, – едят они тут с серебряных блюд. А невеста...

– Невеста? – обернулся я изумленно. – Какая еще невеста?

— Их невесты носят цепочки с бусинками из жемчуга, а матроны — кольца на перстах, с драгоценными камнями, а на кистях запястьях — золотые. Так их различают...

Жаль, Ресмаг отвернулся. Повернись ко мне, и тогда я пойму, как ты все воспринял.

По нашему уговору Сиуард сейчас, как бы между прочим, увершевает царя помириться с правителем Апсиллии, и, наверное, выслушивает упреки, по большей части справедливые. Юлиан-апсил Сиуарду дядя, а я чужак там и лишний. После присоединюсь, иначе придется взять в споре чью-то сторону. Родич Сиуарда старинный друг Рима, он принял царский венец из рук самого Великого Траяна, но при всем при этом деятельный старикишка больше на похвалы римлянам щедрый, а сам привык поступать своевольно. Юлиан открыто принимает в своем стольном граде беглецов из земель Ресмага и не выдаст их ему. В Цибилиуме мятежники из абазгов находят радушный прием, ночлег и поддержку. А все оттого, что их желания сходятся с планами самого Юлиана. Апсил желает ослабить Ресмага как соседа и возможного соперника, а злоумышляющие абазги хотят обрушить дом Ресмага. Эти чаяния разделяют половина соплеменников Ресмага, особенно горные. Поданными их можно называть с большой натяжкой. Они по сути и от него и от нас отпали. Они по горным проходам сообщаются с апсилами. Скепарна объединил и возглавил враждебные варварские роды из абазгов, горных брухов, побережных санигов и зихов. Абазги, как наиболее деятельные, их подстрекают. Они бросают клич и собираются охотники, потом варвары спускаются к морю западнее Питиунта, составляют флоты и опустошают римские храмы и рынки на юго-востоке, в Акампсисе и Лазике, и даже вплоть до самого Трапезунда и дальше на закат. Их гла-варь — болючая заноза.

Скепарна достаточно расшатал царский трон и готов его с корнем вырвать. Предводитель не регулярной, но в

нужное время расширяющейся ватаги пользуется открытой поддержкой аланов, а исподтишка ему способствует апсиллийский патриций. Юлиан обычно пренебрегает антиримскими вождями, но с этим он накрепко сдружился против Ресмага. Апсил не прочь прибрать себе родственное племя.

Мы, сторонники Рима, и я, и Ресмаг, и Юлиан-апсил, и Флавий за морем, продолжили бы эту старую, нудную, завистливую и вконец запутанную игру, если бы не одно но – дикие сарматы. Они придут и склонят чашу весов на сторону Скепарны. Он с ними заодно.

Трудно убедить человека держаться приятельских отношений со своим недоброжелателем, но союз между племенами, и между ними и Римом, сейчас нужен всем, как утопающему глоток воздуха. Сарматы и их родичи аланы, живущие за хребтом, с учетом их многолюдности и воинского духа могут запросто захватить все побережье Понта. Единственное противоядие – противопоставить им равную по силе армию из прибрежных народностей, входящих в римский лимес. С учетом их взаимного недоверия, проримских варваров можно собрать только вокруг наших знамен. Сумеет абазг возвыситься над давним соперничеством и мелкими обидами? Скоро выяснится. От этого зависит и его судьба, и судьба Юлиана, и, конечно же, жизни всех эллинов и итальянцев, рассеянных по кромке моря.

Причитания трибуна прервал раздавшийся возглас. Игравший на свирели перестал дудеть, встал на ноги, и указывал обступившим его слушателям куда-то перстом.

Поляну пересекал длиннобородый старец в просторных черных одеяниях, подпоясанный простой бечевкой и безоружный. Это Ардон, втыкает впереди себя увесистый посох и вышагивает к общему собранию. Его ни с кем не спутаешь. Седой, почти высохший, со сморщенным, как изюм, лицом, но при этом бодрый, он пользуется он у своего племени большим почетом. В его раз-

машистых, уверенных движениях, в суровом облике и впрямь что-то чародейское. Аж оторопь берет, когда он строго на тебя посмотрит. Что-то неуловимое в его резких чертах заставляет умолкать в его присутствии даже самых отъявленных насмешников. Ардон укоряет одним взглядом пронзительных глаз и усмиряет гордых. К сожалению, законы разума распространяются лишь на мыслящие существа, а на частично мыслящие они распространяются лишь отчасти.

– О, тащится! – хохотнул Апий, тыкая в его сторону пальцем. – Что-то не похож он на колдуна. О, споткнулся! Сглазили его. Вот деревенщина! А как на нем хитон сидит, а! Пугало огородное...

– Ах, чтоб тебя. – Я закатил глаза и глухо выругался. Он идола из себя выведет. – Сейчас начнутся клятвы, не болтай лишнего, – шепнул я ему, – а лучше вообще помолчи.

– Не понял?

– Как можно меньше говори.

– А?

– Это трудно?!

– Это не так-то просто! – сказал он, обиженно хлопая глазами. – А если царь со мной заговорит? Он ко мне расположен.

– Постарайся. – Чтобы сохранить хладнокровие, я вдыхал и выдыхал полной грудью. – Я понимаю, вы теперь закадычные друзья, но мы здесь для договора.

– Кассий, а этот колдун, он что, такой влиятельный? – спрашивает он.

– Ага, – говорю я.

– Он?

– Не тыкай в него пальцем! – зашипел я на трибуна.

– В это трудно поверить, судя по его наружности.

– Это так, Апий, не кривись! Если он проклянет тебя, никто к тебе не подойдет. Ты будешь хуже прокаженного, – устрашал я трибуна. – Сама земля против тебя взды-

бится. Да не допустят боги, чтобы ты в этом убедился!

Мы все умолкли, напустили на себя торжественность, и потянулись к старцу.

— Мир вам, и чужеземцам, и братьям! — провозгласил запыхавшийся от быстрой ходьбы Ардон, и воткнул изогнутый посох в землю. Жрец обвел присутствующих цепким взглядом и остановился на Ресмаге. — Сожалею, что заставил себя ждать, но я не мог иначе, — оправдывался Ардон, разводя руками. — Я шептал над хворым заклинание.

— Мы тебя прекрасно понимаем, Ардон! Ты служишь богам и духам, а не земным владыкам! — успокоил его царь, и, глянув на меня, добавил: — Мы совсем не сердимся.

Я поклонился жрецу, и мы приступили. Согласно обычаям наших народов, мы поклялись друг другу в нерушимой дружбе. Ресмаг умеет убеждать. Церемония его присяги Риму закончились словами: «Если кто из нас изменит своему слову, пусть его постигнет такая же участь, какой я предаю это бедное животное». Царь полоснул лохматого козла по горлу отточенным, как бритва, кинжалом, кровь захлестала из него фонтаном, пачкая нас, а у меня мурашки по спине забегали. После такого трудно усомнится в его искренности. Я слготнул образовавшийся в горле ком и дорезал голову козлу с витиеватыми рогами.

Надо почаще ополаскивать вином дружеские кубки, иначе их испачкает мошкова, подмешанная недругами. Давно среди абазгов слух ползет, что Рим упразднит царскую власть и приберет приморское владение себе. Непостижимо логике их племя. У них это рождает недовольство. Нет, я не спорю, их царь обладает удивительным талантом. Он умеет складно плести, что радеет о благе народа, и даже сам в это верит, когда говорит, но на деле он их гнетет. Частенько прикрываясь неведением, Ресмаг позволяет своим слугам открыто грабить и при-

теснять простой люд. И это бы еще ничего, Рим против этого ничего не имеет, но с недавних пор на нашего союзника пало подозрение в потворстве морским разбойникам. Навряд ли без его молчаливой поддержки стало возможным их столь стойкое и длительное сопротивление римскому оружию.

Не раз подмечено, и не я первый это заметил, мы идем сообща с его ратниками на гениохов, а их будто кто-то предупреждает, и на нашу долю приходятся тлеющие дымом костры в оставленных жилищах, а на обратном пути заранее подготовленные засады. Именно по причине охлаждения отношений с Римом, Флавий явился сюда повидаться с Ресмагом. Легат любит повторять эллинскую поговорку: «Не хватает львиной шкуры, подшей лисью», и действует, исходя из нее. Представляю, как они оба будут притворяться и лицемерить, чтобы развеять подозрения друг друга. Чтобы друг Рима не пошел дружить с врагами, нам приходится на многое закрывать глаза. Иначе римские когорты захлопнутся в Питиунте и Себастополисе, как в двух больших мышеловках. При давляющем численном превосходстве и воинственности понтийских варваров эта вражда не сулит нам доброго исхода.

Припоминая об всем этом, я шел по петляющей тропе, которая вывела меня из котловины и зазмеилась вверх на пригорок. Там, на скошенном от травы возвышении, кипище базгов. Оно в огромном гроте скалы, а вход, с портиком и колоннадой в преддверии, они сложили из необработанных булыжников, скрепленных раствором из яичного желтка.

Центурион Лукиан, он сильный сатир. Он козлоногий, и не взмокнет в знойный полдень, карабкаясь по круче, но я обычный смертный. Видать, я сырой, впитал в себя много влаги. Ее излишки выпариваются из меня крупными каплями, даже брови кустистые не спасают глаза от пота. Вознамерился я перевести дух, присел себе

на камень, тихонечко, в тенечке хилой, обросшей мхом яблони. Приятный ветерок колышет листики деревца, дышу, отомкнул скрепляющую застежку, скинул плащ, расстегнул ремешок шлема, снял и его, и шапочку-подшлемник, вытираю рукавом вспотевшее лицо, сижу, размышляю, и вдруг дощатые, с зазорами, крашеные синей краской ворота приоткрылись.

Девица какая-то из них выпорхнула и заторопилась вниз по тропе. Вижу, несет пустую плетенку, и ладная такая, аж глаз радует. Ух, ты! Волосы распущенные, ровные, переливаются, как вороново крыло, стола на ней скроена по телу, длинная и без складок, как змеиная кожа, стан ее стройный от шеи до пят скромно сокрыт, а, наоборот, простой наряд ей к лицу, выделяет ее телесную красу, особенно при ходьбе. Что-то шевельнулось у меняя груди, я поднимаюсь ей навстречу, и сердце молотом колотится. Чтобы обратить на себя ее внимание, кашляю.

Девушка замерла в нескольких шагах от меня, подняла от земли взор, и ее миндалевидные, зеленые глаза окружились от изумления.

– Ты?

– Ты? – вскрикнула она, и схватилась за сердце.

– Что ты тут делаешь?

– Бродяжничаю, как обычно! А ты?

– Как ты тут очутился? – Венала едва не задохнулась от неожиданности, ее пышная грудь часто вздымалась. – Ты меня перепугал до смерти!

– А как я тебе рад!

Другая бы на ее месте иссохла, а Венала расцвела пуще прежнего. Ясноокая, кожа сияет, лицико свежее, нежное. Пока я умилялся, горянка пришла в себя и озабочила меня черствой неблагодарностью. Я хотел ее обнять, соскучился, только слега дотронулся до ее плеча, по-дружески, а она, как кобыла необъезженная, зафыркала. Венала отшатнулась от меня, будто я ее каленым же-лезом прижег.

– Только тронь! – зашипела она, отцепив припрятанный в длинном рукаве ножик, тонкий, как шило.

– Что тытворишь? – опешил я.

– Я выковыряю тебе глаз! – пообещал Венала.

– Оу! Оу! Рехнулась?! А, смотри! – я отбросил намотанный на руку плащ, поднял руки ладонями к ней, и не шелохнулся. – Спрячь иголку, – показываю я ей на тоненькое поблескивающее острие, – поранишься! Со мной это ни к чему!

– Со мной тоже! – огрызнулась она. – Я тебя понимаю, римлянин, гораздо лучше, чем ты думаешь.

Ежиха колючая! Я ей помог, а она мне зрачок выколовть хочет, припрятала жало. Что за вспыльчивая и необузданная натура! Аж поддумянилась от сдерживаемого раздражения. Я молчу, она молчит, остывает змейка. Недотрогу из себя корчит, а у самой покровитель. Перстень с аметистом на безымянном пальце сверкает, на белой шее блеснула тончайшей работы золотая цепочка, заправленная под одежду. Держит себя холодно, в раздумье, любуется ногтями на своей ухоженной ручке. Да, вижу я, вижу! Хватит намекать! Я понял, ты больше не невольница бесправная. Я только за!

С ней шутки плохи, все замечает, все схватывает, будто движения моей души угадывает! Ее бровка взлетела над глазом, губки пухлые снова сжались в тонкую линию, я тоже посеръезнел, рот закрыл, дышу носом.

– Хорошо, – неожиданно и после недолгого раздумья Венала смягчилась.

– Что хорошего?

– Я на тебя зла не держу.

– Еще чего не хватало?! Не ожидал, не ожидал, милая.

– Я тебе не милая.

– А кому милая?

– А это не твое дело, – язвит она.

– Ну, допустим, – нехотя признал я. – А что ты тут делаешь?

– Живу, – ответила она. – Я прорицательница. Чего хмыкаешь? Не похожа?

– Ну, как тебе сказать...

– Ты, наверное, ожидал, я с клеймом на лбу хожу, или в оленьей шкуре. Не веришь? Ну, это твое дело, – равнодушно сказала она.

– А что стало после?

– С кем?

– С тобой, Венала. С кем же еще?

– Я не Венала.

– То есть как не...

– У меня новое имя.

– Ух, ты! Так можно, да?! Какая прелесть! И какое?

– Его нельзя произносить.

– Раз так, зови наставника, – бросил я ей.

– Торопишься?

– Изdevаешься?

– Нет, что ты! – ахнула притворщица. – Как ты мог подумать?! Наоборот, если желаешь, я удлиню твои дни, – предложила абазгка.

– Вот так запросто?

– Ну, да.

– Ну, не знаю, не знаю, – засомневался я, – ты можешь скрасить дни... при желании, но удлинить...

– И такое возможно, – расщедрилась Венала.

– Скрасить?

– Нет, – отрезала она. – Удлинить.

Повезло мне! Величайшие умы заживо сгнили в библиотеках в поисках древней магии, а эта пастушка вечность предлагает, как яичницу на сковороде

– Врачуешь? – спрашиваю.

– Лечу души.

– Покойников призываешь?

– Фу! Какая мерзость! – фыркнула она. – Я предвещаю.

– Гадалка?

– Прорицательница.

– Это одно и то же.

– Нет, не одно и то же! – заспорила Венала. – Гадалки попрошайничают на рынке, а я при храме. Я...

– Хорошо! Хорошо! – остановил я ее, раз она так настаивает. – Ты прорицательница. А как ты можешь... Э...

– Продлить жизнь? – подсказала она.

– Да.

– Я объясню, и ты легко поймешь. Самое ценное у человека время, – начала она.

– Спорно – вставил я.

– Боги его отмеряют...

– Тоже спорно.

– Прояви терпение. Чтобы боги снизошли до тебя, что надо делать?

– Заклятия.

– Тут заклятия не помогут. Тут нужны честные поступки.

– Это как получится, – не стал я кривить душой. – Я ищу жреца.

– Ардона?

– Он нужен, не потому что он Ардон или потому что он жрец, а потому что он... – я замялся, не зная как продолжить. – Он...

– Знаешь, Кассий, я тут многих повидала, расстроенных рассудком, но их хоть понять можно.

– И меня можно! Еще как можно! Просто ты кое-чего не знаешь, а не зная...

– Кассий, извини, что перебиваю. Могу я тебя спросить? – кратко осведомилась Венала. – Ты не обидишься?

– Спрашивай, – позволил я ей.

– Тебя по голове стукнули? – спросила она почти с искренним сочувствием в голосе.

– Кого? Меня? – недоумевал я. – А что, должны?

– Ты говоришь загадками.

– Я объясню.

– Не мешкай!

- Не язви! – предупредил я настрого.
- Ты пришел ко мне, вторгся в мой дом, – рассердилась она, – и учишь, как...
- Это не твой дом, – оборвал я ее, – тут храм богов. С каких это пор... гм... люди живут в...
- Ты хотел сказать другое!
- Нет, не хотел, – разубеждал я ее, – я плохо говорю на вашем...
- Хотел!
- Я ей заметил, что ее гадания ее совсем испортили. С ней и раньше трудно было...
- Ты нахал! – сказала она мне.
- Нет.
- Еще какой нахал!
- Из нас двоих ты дурачишь людей. А я, значит, нахал?! Ты ничего не путаешь?
- А ты не боишься провалиться сквозь землю за такие слова? – спрашивает она меня с неподдельным интересом. – Ты не боишься, что подземный мир развернется и тебя поглотит?! А?
- А кстати, чью волю ты возвещаешь? – отвлек я ее от ругани.
- Ее зовут Айтар.
- Она женщина?
- Богиня леса и охоты, – известила прорицательница.
- Есть заброшенный храм в Вавилонии, с воротами неописуемой красоты, – припоминал я. – Это посвящение некой Иштар...
- И?
- Вот, думаю, сказать или нет.
- Отчего так? – Венала смотрит на меня с хитринкой.
- Стесняюсь.
- Ты?! – рассмеялась она звонким смехом, закинув головку. – Ты стесняешься?!
- Там жрицы в назначенный день устраивали таинства...

Знавал я одного парфянинана. Не простой человек. Меня к нему в телохранители приставили. И не только меня одного, мы все за ним тенью ходили, а ему на месте не сиделось. Как-то раз плелись мы через жаркие, обжигающие пески, и парфянин нам поведал чудесную историю.

Он сам был сатрап парфянского владыки, средних лет и удалой; письмена крючками рисовал, бороду брил, а усы оставлял, меч носил кривой, с длинной рукоятью из слонового бивня и со вставкой из агата, и песни еще на своем дорогой горланил, короче, на все способный малый. Такой голову мечом снесет и ускачет, моргнуть не успеешь... Когда пошли мы вразнобой берегом полноводной, мутной реки, он к нам оборачивается, хлыстом из конского волоса на руины показывает и возглашает: «Тут Вавилон лежал. Слыхали о таком?»

Неслыханный и веселый разврат творился в этом граде. Там в стародавнюю пору храм отгрохали, а при нем жрицы жили, сплошь девки пригожие, с бровями, подведенными углем и с косами заплетенными. Они как весталки, но только распутные. Красавицы в назначенные дни облачались в пестрые, прозрачные шелка, белила щедро наносили на лицо, как известкой стены красили, потом волосы распускали и маслом умащали, а после зазывали гостей и блудили с незнакомцами. Они, дуры, плату если и брали, то весьма умеренную, сколько дадут, сами цену не назначали. Могли за медяк отиться, могли за бусы, но только не в долг. Изящные арки, лепнины, сады, изваяния, фонтаны, храмы с библиотеками, тонкие вина, веселье через край, чего только не было в их Вавилоне. И храм, и город, обнесенный стеной, процветали. Странноприимные дома обрушивались под тяжестью постояльцев. Они не вмешали в себя всех желающих. Странники толпами к ним и по реке и посуху волочились отовсюду. Но по прошествии времен и по необъяснимой

причине веселый обычай отменили. Трудно сказать, то ли отцы города благочинными стали, то ли зараза какая-то распространилась, допускаю, что и женщина, дурнушка и завистница, на трон взошла, но храм упраздили, а блудниц изгнали в безводную пустыню.

Там отверженные ведьмы, прежде чем передохнуть, вместо глины песком голову мыли, пеплом посыпали и выли на луну. Но и город за это поплатился, не сразу, но потихоньку пришел в уныние. Захирел Вавилон, обезлюдел, и под конец его захватили кочевники. Теперь персы с ними город оспаривают. А вернее, не город, а тенистое стойбище для табунов с пятью колодцами. Там тишина, пески, редкие кустарники да колючки. Купцы на верблюдах через эту пустошь вереницей идут, чтобы их поодиночке не отловили охотники за людьми. Раньше там кимбалы гремели, медные трубы, и столы от изобилия ломились, а теперь осел дохлый валялся, которого мухи облепили, да усыпальница чья-то, занесенная пылью, с письменами, нацарапанными на стенах.

Я ей пересказал как мне сказали, без злого умысла поделился, а она на меня опять злится.

– Причем тут Айтар?!

– Совсем ни при чем! – всплеснул я руками.

– Пожалеешь! – грозится ворожея, шейку свою горделиво вытянула, смотрит поверх меня и гласит: – Скот твой...

Я понял, к чему она клонит.

– Фиу! Фиу! – тихонько присвистнул я, но она не поняла намека.

– ...Стада твои... – возглашает она.

– Оу! Оу! Я не развозжу баранов! – машу я рукой. – Мне начхать, какая чума их пожрет! Твои проклятья, в моем случае, неуместны, – убеждал я ее. – А как тебе богиня предвещания подсказывает?

– Никак! – огрызается она. – Не гримасничай!

– У меня лицо такое, – оправдывался я.

Как всякая женщина, если она не пропаща ведьма, если с ней не спорить, а хвалить, отвлекать и не дразнить, милая Венала охотно сменила враждебный тон на дружелюбный, и кое-что прояснилось. Крестьяне позвали Ардона разрешить застарелую и мелочную тяжбу, и он с утра ушел их рассудить.

Оставшись одна, Венала вместо того, чтобы скучать, подметать и мыть полы, пошла нарвать особую траву. «Ее можно подсушить, поджечь в подвале, и пойдет сизый дым, будто скалы изнутри тлеют», – она просияла, и сразу стала казаться мне безобидным, озорным ребенком. Что касалось ее самой, то царский наследник сдержал слово и вызволил ее, но заметив, ее неохоту делить с ним ложе, Гозар не стал ее принуждать и отдал ее на попечение жрецу. Благородное воспитание не зря воспевают. Огражденная великодушием царевича от рабской доли и унижений, Венала как яблоня, которую перестал угнетать мох, пошла в рост и расцвела пышным цветом.

Душевные раны в безлюдной глухи хорошо рубцуются. Когда люди, как куры, раны не клюют, они заживают. Венала ночует в отдельной и чистой пристройке при храме, подливает масла в лампады, кормит гусей зерном, чтобы змеи не завелись, а еще обучается захарству. На счет общения с духами она прихватнула, к ним Ардон ее и близко не подпускает, но Венала не унывает. Надеется со временем и этим заняться.

«Она неподдельна в общении. Явление это редчайшее, и указывающее на внутреннее душевное здоровье. Сейчас умолкнет, и спрошу про жену Нара, – соображал я, слушая ее щебет. – Возможно, ей известно, или она что-то подозревает. А ей можно довериться? Нет, нельзя, – передумал я. – Она женщина, а в таком деле и мужам не всяким можно открыться. Венала не выдаст, но может не нарочно сболтнуть лишнее, и тогда я пропал. Не стану рисковать, – решил я. – Дождусь жреца».

- Христиане, – оборвал я ее, – слыхала о них?
- О них разное носят, – молвил Венала.
- Они полагают, их бог неподкупен.
- Серьезно? А может, они просто не хотят на него тратиться? – рассудила она, пожав плечиками. – Может, они не могут себе позволить благовонные курения и костры с приношениями? Только и всего.
- А что, если небеса равнодушны к подношениям?
- А если их надули?
- А если нас? – допустил я, и, заметив, как с ее лица слетела уверенность, прибавил: – Я тебя не отговариваю, но боги бесплотные, так?
- Разве?
- У них все есть, – всплеснул я руками. – Это они нам дают.
- Да, – признала она.
- Тогда зачем им подкрепляться от нас? А? Где тут смысл?
- Венала поджав губки, замолчала, зажмурилась и прикрыла рот ладошкой. А потом, то ли ласково, то ли лукаво, на меня смотрит своими лучистыми глазами, и ямочки играют на щеках, улыбку сдерживает.
- Что?
- Ты христианин? – молвил она мягко, и тут я понял.
- Нет, – мотая я головой.
- Ты христианин. Я не разболтаю, – подначивала она.
- Ну, созайся. Ты же христианин. Это ведь не стыдно.
- Э...
- Никому не говори.
- А кому я должен...
- Не говори Ардону, – сказала она, оглядевшись.
- Он рассердится?
- Расстроится.
- Да?...Он принуждает тебя прислуживать в храме?
- Напротив. Я помогаю в обрядах наперекор ему.
- Никогда бы не поверил.

- Я смиренна перед богами, – отозвалась она шутливо.
- Я помогаю людям, даже тем, кто этого не заслуживает.
- И мне поможешь?
- И тебе.
- А как?
- Я их прячу.
- Ах, прячешь! – оживился я.
- Понимаешь?
- Нет. Но ты продолжай, я постараюсь понять. Хотя...
кого ты прячешь?
- Ты не понял. – Венала затрясла головкой и залопотала со мной, как со слабоумным, заглядывая мне в глаза:
- Я людей утешаю.
- Утешаешь, – повторил я как эхо.
- От правды скрываю.
- Ты меня запутала.
- Люди из жестокости правдой ранят, – заметила она.
- А робкие люди ее пугаются, как дети молнии. Согласись, трудно ребенку открыть, какое будущее его поджидает. Если ты ему расскажешь, что его ждет, детская душа не вынесет. Ребенок в мире грез купается, а ты ему такое.
- Расплачется, согласен, – забурчал я. – Я бы и сам расплакался, если бы мне кто сказал, что... Но люди взрослые...
- Какие там взрослые! – воскликнула горянка. – В том то и дело, что не взрослые. Они только в рост идут, а сами не взрослеют. Вот, дядька мой, к примеру, на свое отражение не любит глядеть. Даже в ведро не смотрится.
- Почему? – полюбопытствовал я.
- Он одноглазый и морщинистый, – шепчет Венала и сопровождает объяснения выразительными плавными жестами. – Увидит он свое дикое отражение, и мерзко ему на душе. Только пытливые умом, стойкие духом, не силой, а духом, Кассий, копошатся в истинных устремлениях собственной души, – молвят она. Где она научилась так мысли излагать? С ума сойти! Признать пороки за со-

бой, а не за кем-то, себя не казнить, а и их исправить – не каждый такой груз выдюжит.

– То есть вы врете, – подытожил я.

– Ни в коем случае! – запротестовала Венала и приложила пальчик к губам в знак молчания. – Приукрашиваем.

– Это почти...

– Это разное, – перебила она меня и указала большим пальцем за спину, на ворота, с просунутыми в них свинцовыми кольцами. – Тут приют под сенью богов. Здесь мы уберегаем ранимые души, а потом потихоньку, с красочными, отвлекающими обрядами, приучаем их...

– К чему?

– Заглядывать внутрь самих себя. Это как в море входить постепенно, Кассий, – поясняла она ласково, – чтобы от холода судорогой не свело.

– А верховный жрец... Быть может он... Гм... – стараясь не сболтнуть лишнего, я чесал подбородок и подбирал выражения. – Мне известно...

– Что?

– он скрывает...

– Чушь! – фыркнула жрица. – Он верит по-настоящему! Вот ты с мечом разгуливаешь, а Ардон с заостренной палкой всю округу истоптал. Ходит он и по ночам, – притворно сутулилась Венала и щурилась на меня. – Совы летают, филины ухают, зло предвещают, волки стаями бродят. Любой зайкой станет! А сколько душегубов скитаются, – схватилась она за щечки, и зеленые глазки вспыхнули колдовским огоньком, – ужас! А сколько отверженных?! Никто на него не покушается, Кассий, ни зверь, ни человек. Неведомые нам силы его охраняют, – провозгласила Венала, потрясая пальчиком предо мной. – Он для них хоть и старик, но дитя небес.

И какая она после этого прорицательница?! Не ведает, что творится у нее под носом, а все туда же. О чем она талдычит? Это же по сути христианство! Они тоже мнят себя поголовно детьми божьими.

– Ты говоришь, Ардон верит по-настоящему? – она согласно закивала. – А ты? Ты сама?

– Я...

– Не очень, да?

– Боги нужны нам, – нашлась Венала, – ты не знаешь наверняка, существуют они или нет. И я не знаю.

– Никто не знает.

– Вот именно. Без них хуже.

– Не спорю, но...

– Лучше бы они были.

– Я тоже не против, но...

– Есть люди, а есть полулюди-полузвери, неполноценные, уродливые духом, но с человечьим телом и лицом, – молвил Венала, и пристально на меня глядит. – Они жестокие, как звери, и только богов опасаются. Если они просят, что небеса пусты, их никто не удержит. В них злые демоны живут, и помногу, – устрашала ворожея. – Если им боги запрет не поставят, они наружу вырвутся. Демоны в человечьем обличии убедят малодушных людей себе поклоняться. Людей, клонящихся ко злу, немало.

– Согласен.

– А робких еще больше.

– Их тьма, – признал я и это. – Какая между ними связь?

– Прямая, – отозвалась Венала. – Дерни за ниточку, поймешь. Они связаны... Боги – последнее препятствие, чтобы первые не одурачили последних. Если они сойдутся, то будут несокрушимы из-за их силы и числа. Бед понаделают. Без богов и их повелений мерзость, как яд, распространится повсюду и все воды отравит. Этот храм, –звестила она и снова показала мне пальчиком на строение, – уберегает слабых. Он щит для них. Теперь понимаешь?

– Ну, допустим. А почему бы не рассказать им все, как есть?

– Правда в чистом виде горькое питье, – поежилась Венала. Она будто попробовала эту правду на вкус. – Ее

надо подсластить красочной сказкой. Надо воображение их поддержать. Дескать, мы дети, а есть родители, кто за нами приглядывают, – сказала она ласково, будто с ребенком говорит. – Так на душе уютнее, спокойнее. Приходится поражать их воображение, – извиняюще развела она рукам. – Чтобы слушались. Они разумом дети малые, но сильные, – напомнила она, потрясая пальчиком. – Как их пересилишь?! Их вон сколько, а нас... Не расспрашивай об этом Ардона, – снова предупредила Венала, и снова оттопырила перед моим лицом указательный пальчик. – Смотри, я отрекусь. Я скажу, не говорила такого.

С возвышенности открывался чудесный вид на дубраву, и я заметил тени, мелькнувшие меж деревьев в котловине.

– Что там? – Венала встала рядом со мной на носочки, и тоже вытянула шею. – Кто там? – шепчет она, а я слушаю ее дыхание.

– Тифон, ты помесь козла и ослицы! – ухватил я громкое ругательство.

Тroe пеших выбрались из зарослей к подножью холма. Передний, как орел, горделиво подбородок задрал и топает на подъем, его нагоняет суетливый в сером плаще с капюшоном и холщовой сумкой через плечо, позади третий подпрыгивает на одной ноге. Трибун вопит, то ли проткнул подошву, наступил на острый камешек, то ли его скорпион ужалил. Он изрыгает проклятья на всю округу, вызывая к писарю. Тот прекрасно все слышит, но семенит за Сиурдом, не обирачиваясь на отстающего.

– Кто они?

– Они за тобой.

– Ты шутишь?! – побледнела она.

– Успокойся. Они за пророчеством.

Венала безмолвным взглядом будто вопрошала: «Ты мне все не испортишь?»

– Я тут побуду тут, – заверил я ее, – дождусь Ардона.

Она блеснула довольной, озорной улыбкой. Она им напророчит.

– Он буйный? – кивнула она на Апия, потирая ладони.

– В некотором смысле, – ответил я уклончиво.

– В каком? Бесноватый?

– Есть немного, – признал я. – Он тебя до смерти заговорит. Он это дело любит. Передний – апсил. Хромой не говорит по-вашему.

– А тот, другой, тоже толмач?

– Нет, римлянин.

– Постой-ка. Ты с ними? Да? А ты с досады выругался, как их увидел. Ведь выругался?

– Вырвалось, – буркнул я.

– Ой, темнишь! – сузились ее зеленые глазки.

– Я бы и сам от них с удовольствием избавился, – прогряхтел я. – Но хромого, его отсюда палкой не выгонишь.

– А зачем выгонять?! – захлопала она длинными ресницами. – Я его приму. Пойду, лампады зажгу и все подготовлю.

– Ступай, я задержу их, – я подмигнул ей в знак скрепления нашегоговора.

– Они подождут?

– Я потяну время.

– Я скоро – бросила она, оглянувшись, и заторопилась к храму.

– А где оракул? – раздался возглас за моей спиной.

– Она занята.

– Она? – пыхтящий трибун утирал рукавом туники пот со лба. – Разве нас не верховный жрец примет?

– Тут жрица поставлена. А ты чего разорался?

– Мы опозорены! – заявил Апий пересохшим от жажды голосом, и озабоченно раздувает щеки.

– Окончательно?

– Бесповоротно!

– О чем ты?

– У них нет жертвы! – вмешался Сиуард, отдирающий от края тоги налипшие круглые колючки.

– Апий, это правда?.. Нет, я не верю! – ахнул я. – Ты забыл про котел прорицаний?!

– С этим у них строго, – высказал ему зевающий Сиурд.

– Ничего я не забыл! – возгласил трибун и указал пальцем на Тифона. – Он забыл, дурья башка! – Тифон притих, и щека у него дергалась. – Я его десять раз спрашиваю: «Все взял?» – «Все взял!» – «Все взял?» – «Все взял!», пришли, он за свою тыкву хватается: «Забыл!» – последнее Апий пропищал тоненьким голоском, подражая писарю, и постукал костяшками пальцев по своему шлему – А я всю дорогу думаю, что мы забыли!

Тифон косился на него и хныкал о чем-то.

– А? – резко вскричал Апий, и приложил ладонь к уху. – Что? Ты еще огрызаешься? – накинулся он на писаря. – Сам забыл и еще огрызаешься?!

Тифон приуныл, как барабашек, копытца о травку чистит, и вдруг, ни с того ни с сего встрепенулся, как петух поутру. Он просиял, показал нам перстом знак, будто вспомнил что-то, порылся в переметной суме и извлек оттуда освежеванную козлину лопатку.

– Ха-ха! И где я раньше был?! – повеселевший Тифон хлопнул по ломтию мяса ладонью. Заметив, как мы недоуменно переглянулись, писарь поласкал кусок и засвидетельствовал: – Свежее!

– А может, к колодцу вернемся? – издевался над часто моргающим писарем Апий. – Я там видел пса, он мясо стащил. А, Тифон? Вырвем у него из пасти! А? Как тебе такой план?

Тифон не сразу сдался. Он выудил из своей необъятной сумы запечатанные пробкой малюсенькие меха.

– Вино? – спросил его Апий.

– Одно вино не поможет, – предупредил я их.

– Почему? – расстроился Тифон. – Ну почему?

– Внутренности нужны.

– Внутренности? – переспросил Апий.

– То, что внутри! – разъяснял Сиуард, и показал трибуну на себе. – Печень, сердце! Без жертвенной печени нельзя истолковать волю богов.

– А по лопатке жрец не сможет?

– Ты с объедками дерзаешь к богам обращаться?! – стыдил его ауксиларий. – Это оскорбительно!

Сиуард развил свою мысль, расхаживая кругами и размашисто жестикулируя.

Дескать, возможности жреца тоже небезграничны. Он всего-навсего человек. А не истолковав волю богов, прорицатель не может склонить их посредством мольбы и колдовства.

– А как, не ведая их воли, он измерит время? – засыпал его вопросами Сиуард. – Как он запишет твою судьбу? А, Апий? Как?

– Как?

– Это я спрашиваю. Как?

– Не сможет?

– Хех! – хмыкнул Сиуард и развел руками. – Если бы это было проще простого, мы бы все тут жрецами заделись. А как ему вызывать души умерших?!

– Без них никак, – вторил я апсилу.

– Ах, Тифон! Тифон! Лошак, двуногий! – трибун обзывал писаря рассеянно, устало и нараспев. – Как ты все испортил, чтоб ты сдох!

– Можно...

– Не можно! – жестом остановил Тифона ауксиларий.

– Можно! Ну почему не можно?! Можно, – упорствовал писарь. – Я смотаюсь к пастухам и притащу от них живого барашка. Мне это не в тягость.

– А что? – трибун спрашивал то меня, то Сиуарда с раскрытым ртом. – Что?

– Нужен твой скот, Апий – заключил на это Сиуард, – иначе мы узнаем судьбу пастухов.

– Но...

– Дай догадаюсь, Апий, – ткнул он пальцем в его медный нагрудник. – Ты хочешь... Ты его купишь! Угадал? – Вместе ответа трибун задергал головой. – А прорицатель тебя все это время дожидаться будет? Так?.. Нет! Не угадал. Больше ему делать нечего!

– Ей, – подсказал я Сиуарду, – ей больше делать нечего.

Сиуард, вместо ответа, прикрыл глаза от солнца, и уставился куда-то мимо, потом посмотрел на меня озадаченно, значит, узнал ее.

Любит она прихорашиваться, и это у нее отлично получается. Переоделась, нацепила белую столу с двумя матерчатыми поясами, на талии и под грудью, а мытые, блестящие волосы зачесала назад и увенчала пышным лавровым венком. Шагает величаво, как по хрупкому льду. Разыгрывает хозяйку в доме богов, Венала воздела руки к небу, и хотела уже провозгласить что-то торжественное, как на мгновение замерла, потом выдохнула устало, опустила руки, подошла к нам, и разочаровала всех скромностью: «Я не жрица. Мне вообще предсказывать нельзя».

Перемена легко объяснима, надо было только глянуть за спину. Подоспел долгожданный хозяин. Пожилой, но все еще крепкий скороход, уже взбирался к нам на холм.

– Что это с ней? – спрашивал сбитый с толку Апий.

– Она не жрица, – буркнул ему Сиуард.

– Как не жрица?! – опешил трибун. – А почему тогда она так церемонно двигалась? Кто она? Мы, вообще, правильно пришли, Сиуард?

– Не знаю...

– Как это не знаешь?

– Отстань от меня!

В своем простом, выцветшем домотканом хитоне и потрепанных, запыленных сандалиях он выглядел совсем по-домашнему. Другой бы на месте Ардона заимел привычку пышно наряжаться и расхаживать важно, а он вместо пояса бечевкой препоясан и мыслями далек от су-

еты. Пока мы обменивались приветствиями, маг строго глянул на горянку. Та требушила пальчиками сорванный от яблони листочек, и только он на нее посмотрел, сразу опустила глаза. Ардона не провести, она попалась. Видать, жрец не одобрял ее ребячества.

Когда я дал ему понять, что мне надо переговорить с ним с глазу на глаз, он пристально на меня взглянул, и сразу предложил остальным пройти в храм.

— Я к вам присоединюсь, — пообещал он Апию, и при мирительным тоном обратился к Венале: — Дитя мое, покажи им все.

Девушка жестом пригласила трибуна в храм.

— Нет, нет, нам не к спеху, — отпирался переминающийся с ноги на ногу трибун. — Мы подождем жреца... вместе пойдем.

— Он побудет тут, Апий, — говорю я трибуну, а сам смотрю на Сиуарда.

Сиуард меня понял, на миг замешкался, но дух решимости возобладал.

— Осмотримся, — ответил он за всех жрецу, шагнул за Веналой, и, проходя, мягко подтолкнул трибуна. — Идем, Апий.

По их вере он совершаet тягчайший грех. Я его знаю, он корит себя тем, что преступает порог капища. Трибун подправил застежку на ремне, и последовал за Сиуардом, замыкал шествие ступающий на цыпочках Тифон.

Слушая меня, жрец в задумчивости, рассматривал щербинки на своем деревянном посохе, но при упоминании Нара, вскинул голову и удивленно глянул на меня.

— Зачем ты их разыскиваешь? И почему ты пришел с этим ко мне?

— Говорят, они нашли приют у тебя.

— Много чего говорят, — отнекивался Ардон. — Я слухам не верю и тебе не советую. Сплетники люди никудышные. Они враги всякого труда и правды, и им вечно мерещится желаемое.

Я ему один вопрос задаю, а он на другой отвечает. Сам понимает, на меня посматривает, желает удостовериться, что я ему поверил. Заметно нервничает, честный человек, неловко ему, вот опять взгляд отвел, губы сжал, аж не видно, слону насилиу слготнул. Я нарочно молчу. Вот тебе раз! Совсем старик раскис, пальцами так посох сжал, что костяшки побелели, нахмурился, опять чушь забормотал. Он, оказывается, «неустанными трудами и заклятьями содержит священную рощу в чистоте». Причем тут это? Подразумевает, что у него нет времени заниматься укрывательством беглецов? Совсем не обязательно. Одно другому не помеха, по себе знаю. Колеблется, желает спросить, но не решается. Я ему как Нар меня наставлял говорю. От меня не укрылось – жрец невольно сжался. Тем не менее, или он прекрасно владел собой, или он удивился меньшее, чем я ожидал.

– Я знаю Нара сызмальства, и отца его знал, и деда, – говорит мне жрец. – Никто из них щепки чужой в дом не занес, а тут за него столько болтают! Скажи, он на самом деле повинен?

– Не знаю... Все нити ведут к нему...

– К нему, значит? – выпытывал строгий жрец. – Ты уверен? А ты, значит, римлянин, к этому делу непричастен? Ведь не причастен? А?

– Причастен, – выдохнул я.

– Вместе грабили?

– Я украл, – пробухтел я. мое признание пришлись ему по сердцу, его взгляд потеплел. – Отец, я захотел дышать полной грудью, надоело мучаться, отец, – оправдывался я. – Я много чего натерпелся...

– Не мне тебя осуждать, – взмахом руки остановил он меня. – Кто еще знает?

– А кто его знает?! – отозвался я, пожимая плечами.

– Могут и знать, – сказал старец, – если не слепцы... Я как прослышил про пропажу аланской казны и про твою новую колесницу со спицами, для себя эти новости уви-

зал, – соединил он морщинистые ладоши. – Что, не удержался? Да?

– Не удержался, – буркнул я, пряча взор.

– Стыдишься?

– Сейчас да, – процедил я.

– В молодости мы все немного ослы, и не такое случается, – ободрял меня жрец. – Ты еще молод и любишь покрасоваться. Не казни себя, это не худший порок.

– Обидно, – прокряхтел я и беспомощно развел руками, – как ребенка, побрякушки сгубили.

– Ты признался, и тебя это возвысило, даже в собственных глазах. Ты человек! – хвалил меня Ардон, потрясая перстом в мою сторону. – И далеко небезнадежный! Ты, наверное, обратил внимание на ручей, – кивнул он мне морщинистой головой в сторону низины. – Он делит надвое рощу.

– Ручей? – рассеянно переспросил я.

– Да, ручей, – возвестил он и многозначительно мне кивает.

Будто к чему-то клонит, и это как-то связано со мной. Оказалось, ручей вчера помутнел, вздыбился и залил всю округу. Но такое часто случается, при чем тут я? В низине солнышко припекает, а ущелья уж наполнились бурными потоками воды, с корнем выдирают на своем пути громадные деревья и несут их вместе с глиной в долину. Ночью ручей, который и собака перейдет вброд, не замочив зад, залил не только священную рощу, но и поля и огороды в низине. Со слов жреца, поток окрасился охрой, значит, дождь красильню подмыл.

– А есть красильни выше в горах? – заинтересовался я.

– Красильня, может, и есть, – произнес помрачневший Ардон. – Да только откуда в реке сломанные стрелы с опереньем.

– Откуда? – вздрогнул я. – Ручей кто-то захламил?

Жрец вынул посох из земли, подошел ко мне побли-

же и рогатой рукоятью посоха тихонечко дотронулся до моего плеча.

— Я намекал, как мог...

— Не может быть, — недоверчиво замотал я головой, а жрец на мои возражения прикрыл на миг оба глаза и закивал. — Сигнальные огни на вершинах... — во рту у меня пересохло. — Нас бы предупредили.

— Потуши пару огней, и прервешь всю нить. А вот мельочь всякая и сквозь сеть пройдет. Это предупреждение от богов.

Только сейчас я заметил, что все это время, разговаривая со мной, Ардон поглядывает на дальний холм. Кого он ждет? Ардон расхаживал до ворот и обратно, опираясь на посох, а я шагал рядом, потирая задергавшийся глаз.

Потом он остановился, снова воткнул посох в землю, оперся на него обоими руками и, поразмыслив, сказал:

— Я позабочусь о домочадцах Нара. А ты о себе позаботься. Если прогонишь сарматов, то о твоем проступке вскоре забудут, ну а если нет, то и горевать особо не о чем. Когда они выйдут, — кивнул он мне на капище, — я отшлю ее с тобой. Проведи бедняжку в Питиунт или отправь в Себастос, как пожелаешь. Только уведи куда подальше. Она и так настрадалась, — вздохнул жрец. — Скоро здесь будет чуток пострашнее, чем она ожидает.

Я дернулся к храму, но жрец крепкой, костлявой хваткой удержал меня за локоть.

— Не торопи их! — укоризненно покачал он головой и добавил с жалостью в голосе: — Дай им помечтать! Иногда это единственное благо, что выпадает на долю смертным. — Он немного помолчал, и после продолжил наставлять: — Ты как предводитель не должен выказывать суetu, Кассий. Помни достоинство своего сана.

— К Аиду достоинство! Надо поскорее укрыться за стенами.

– Укроешься, римлянин, потерпи, – чуть охрипший голос жреца звучал все также ровно. – И не бурчи про себя. Не гневи богов. Тебе дарован день, а может, и два. – Жрец пристально вгляделся в мое лицо. – Надеюсь, ты не устрашен известием?

– Еще как устрашен, – признался я, потирая висок, а старец расплылся в морщинистой улыбке.

– Что ж, ты правдив и незлобен, не боишься прослыть трусом. Боги таких любят, – рассуждал жрец. – Ясная голова на широких плечах сулит тебе большое будущее. Только и ты не зевай, сынок, – наставлял жрец. – Я свое пожил, да и ты не младенец. Поговорим, как мужчины. Сам понимаешь, удирать тебе особо некуда. Ты зажат морем и горами, – объяснял Ардон, слегка наклоняя увесистый посох по сторонам. – По безопасным горным тропам тебе войско в Апсилию уже не увести. К санигам пока путь не отрезан, но к тому времени, как ты соберешься и выступишь, его обязательно отрежут, – расстроил он меня. – Твои враги тоже не стоят на месте. На закат уходить не выход, кому ты там нужен?!. Так что пришло твоё время.

– В смысле умирать? – горько усмехнулся я.

– Нет, стать героем, – доверительно зашептал Ардон, и я склонил свой слух к его словам. – Ты думаешь, кто-либо стал бы геройствовать, если бы мог увернуться от опасности? Да никогда! Приходит назначенный богами день, и ты либо позорник, либо покойник, либо герой.

– Либо покойный герой, – урчал я.

– Да погоди ты сдаваться! Что ты все к могиле тянешься?! – пристыдил меня жрец. Он скорчил недовольную гримасу и придал голосу твердость: – Выживешь! Обычно осужденные на заклание беспечны. Они или излишне самоуверенны, либо тени своей пугаются. Они привержены крайностям. Они либо быки красноглазые, либо зайцы. Ты боишься, но взвешиваешь мерой опасность. Ты молодец! – похвалил он меня, распрямляя собствен-

ные плечи. – Ты расхрабрись! Да и потом, гадание по птицам... – обмолвился Ардон.

– Птица что?

– Гадание по птицам, – повторил Ардон. – Предвещание по клекоту и полету птиц.

Он что, с орлами разговаривает?

– Оно никогда не подводит, – продолжал жрец.

– Птицы, – сказал я и понял, что видел этот миг во сне.

– Они открыли что будет. Пока, Кассий, спрячься от врага. Ты уподобишься трусливой куропатке, и скроешься в камышах.

– А после львом обернусь?! – я не знал, плакать мне или смеяться. – Подкрадусь и наброшуся?!

– Трезво оцени свои силы, и силы противостоящие, – поучал жрец. – Победа за тем, кто менее подвержен порокам. Всегда так. Принимай решения и твердой рукой их исполняй. Удаляйся от гнева, лени и собственных страхов. И еще, Кассий, тебе надо видеть не только то, что есть, но и то, что будет. Ну, и самое главное, поверь в благополучный исход.

– Это в корне меняет дело, – сказал я рассеянно. – А не лучше прибегнуть к чарам, если таковые есть, и колдовством наслать смерть на наших врагов.

– Каких еще моих врагов?! – Ардон отстранился, чтобы получше меня рассмотреть. – Ваших врагов. Сарматы мне не враги.

– Это пока, – возразил я. – Останутся они на постой, и вы взвоете. Но не сразу. Сначала пиры да пляски, а после кто-то козла прирезал, дом поджег, над девицей насилие сотворил. Безделье, разнузданность и хмель творят непоправимое.

– Ты будешь скалой, Кассий! – предрек мне жрец, тыча в меня указующим перстом. – Они об тебя разобьются.

– Ага! Скалой! – закивал я, в душе посмеиваясь собственному жребию. – Отец, ты меня спутал с кем-то. Я нечастный Кассий Лентулл Марсалий, мои соратники нику-

дышиные воины, сплошь пьяницы и дряхлые ветераны, и их мало. Впрочем, если бы даже нас было много, это ничего бы не изменило, – поделился я. – Я их заранее не предупредил, чтобы они поодиночке отсюда не удрали. Жаль. Теперь им посуху не уйти, их ноги от страха не слушаются, а чтобы захватить корыто, сам знаешь, почтенный, нужна хоть какая-то отвага. Они и смекалкой обделены, как домашние волы, иначе бы поняли, почему я велел кораблям отойти в море и там якорь бросить.

– Ты сможешь! – усердствовал старик.

Я ему перечисляю, что это большая трата людей, а еще большая коней, оружия, повозок, хлеба, солонины. Во всем у нас недостаток, и некому подсобить. А он мне: «Брось! Не скули, как баба на сносях! Зачем тогда мечом препоясался?! Для подмоги у тебя достаточное войско».

– Недостаточное!

– Оно есть, – упрямствовал жрец.

– Знал бы ты их...

– Мужайся!

– Легко сказать... Тот рыжий, который там внутри, – кивнул я ему на храм, – он трибун. Он соправитель в войске. Ты понимаешь? Не понимаешь? С ним я буду стоять щит к щиту.

– А остальные?

– Не лучше. На полукровок и вовсе положиться нельзя.

– Не знаю, не знаю, – засомневался Ардон. – Хвала богам, наша несчастная земля еще родит достойных сынов.

– Да... достойных... Гм....

– А что ты кашляешь?! Что им остается?! – спросил он раздраженно. Жрец понял, недосказанное. – Царь ест и пьет с хищниками. На словах о народе печется, а на деле только собой занят. А они... эти бедняги за него должны...

– При чем тут Ресмаг и при чем тут мы?

— Вы эту пустышку нам навязываете! — прикрикнул на меня Ардон, и указал перстом в сторону. — Он обкрадывает простой люд! обыкновенный воришко! Предков своих прах он позорит! Свои дела он обустраивает поборами. Ему плевать, что было и что станет, — обличал царя жрец. — Ему народ безразличен. Ему земля нужна для продажи и копья соплеменников для охраны своих дворцов. Он развращен вашим серебром, с ваших рук кормится, и гнушается собственным племенем.

Так и обрушилась их Колхида. Убийство наследника Апсирта, умыкание его сестры Медеи, или все эти разворованные амулеты — это следствия. Первоначина — родная земля отторгла царственный дом Аэта, и ахейцы нашли союзников там, где не ждали.

Жрец развеял мои сомнения о природе своих взаимоотношений с царем. «Наши враги, не его», — он все этим все выразил.

Верховный жрец скрытый недруг царя, и его симпатии на стороне мятежников. Но он ошибается, если думает, что непролазная чаща его леса послужит грабителям сколько-либо серьезной помехой! Я дал ему это понять, и ему это не понравилось.

— По-твоему, люди бубнят молитвы древесине?! — в порыве обмолвился рассерженный жрец. — Да знаешь ли ты, что только благодаря богам, чей дух тут обитает, ты еще жив?!

— Еще жив? — я понял его не сразу, но понял, когда он запнулся. — Мы не одни?

— Не верти головой! — прощедил он сквозь зубы. — Справа, на дальнем холме...

Я скосил глазами, не поворачивая шеи, на скрытые плющом развалины. Никакого движения. Полуразрушенная сторожевая башня, отметил я про себя, шагов двести по прямой. Стрелы долетят, но навряд ли попадут, если мы резко метнемся.

— Не смотри туда, смотри на меня. Они там, поверь.

– Сколько?

– До десяти лучников.

Значит, мы им видны издали. Меня жаром обдало, и сердце забарабанило, выпрыгивая из груди. Я по привычке поправил бляху на ремне и подобрался.

– Успеем отбежать до ворот и запереться.

– Не шелохнись! – приказал Ардон. Поостыv, он говорил со мной негромко, но глядел все так же исподлобья. – Все обойдется. Они не посмеют напасть.

«Сарматы? – лихорадочно соображал я. – Нет, абазги. Иначе бы они уже напали. Десяток против четверых, если их не больше...»

– Парни выудили из воды стрелы и сразу смекнули. Я пообещал не выдавать их. Для них и реки, и горы – открытая книга, они поняли весточку, и вышли из леса.

– Ах, они тут скрывались?

– Благодаря святилищу мы спасаем невинных, – напомнил мне жрец.

– Я сожалею о своей резкости.

– И я о своей, – отозвался он, миролюбиво.

Как будто и не было стрелков, нас пасущих, жрец вернулся к тому, с чего начал.

– Тут, в этой роще, Кассий, мы клятвами мирим людей, благословляем, вразумляем сильных, утешаем слабых, уберегаем землю от мора, – беседовал со мной Ардон – Скажи, римлянин, если бы тут не обитали духи, возможно ли было такое? То-то и оно. В этой роще никогда не было лжи, в ней утверждалась истина. Хотя, чтобы спасти тебя, мне пришлось нарушить слово, я предупредил тебя, но... – я взмахом руки попытался его остановить, но Ардон ответил тем же жестом. – Я испачкал свою совесть, дабы не осквернить пролитием человеческой крови святилище. Это мне зачтется в подземном мире.

Скрип отворяющихся ворот заставил нас обернуться. Первой вышла из храма Венала, за ней остальные, шу-

рясь с непривычки и прикрывая глаза от слепящего солнечного света.

Жрец подозвал Веналу и шепотом сказал ей, что она должна покинуть святилище. Она погрустнела, а он благословлял ее своим примирительным убаюкивающим голосом.

Нет, он не передумает, он вздыхает и отрицательно мотает седой головой. Венала отошла от него расстроенная, пошла обратно, и вскоре вернулась с узелком вещей. Сиуард отобрал у нее ношу, Ардон, тяжело дыша, еще раз обратился ко всем, и к тем, кто его понимал, и к тем, кто мог только догадываться, о чем он ведет речь, с добрым напутствием. Старец нас более не задержал, мы наскоро с ним распрошались и двинулись восвояси. Он провожал Веналу с печальной улыбкой и смотрел на нее с умилением, как на свое дитя. Он как-то сразу осунулся, уменьшился ростом. Ардон помахал ей напоследок рукой, но девушка, не ведая истины, обиженно поджала губки и спрятала увлажнившиеся от обиды глаза.

Только жрец скрылся из виду, я откупорил зубами затычку на горлышке бурдюка с вином, сплюнул крышку наземь и приложился к горлышку. Пил я, дыша носом, долго и жадно, как скотина на водопое. Давясь вином, я умудрялся вышагивать по неровной тропе, и когда наконец смог перевести дыхание, почувствовал облегчение. Я не пьяница, но когда тело от страха дрожит, выпивка необходима.

Мои спутники, не убавившие шаг, ничего не замечали, и болтали между собой, пытаясь остротами произвести впечатление на приунывшую незнакомку. Лишь Сиуард что-то заподозрил, обернулся и вопросительно на меняглянул. Я отрицательно замотал головой, дескать, ничего, я так.

Как поступить? Если побежим, мятежники поймут, что мы предупреждены, и нам не дотянуться до караула. Вот бы они все удивились, зная, что сейчас за нами не-

зримые тени крадутся с натянутыми тетивами на луках. Тут им стало бы не до смеха, знай они, что в любой миг в них могут угодить камнем или копьем глазницу проткнуть. Рука моя перестала дрожать. Убедившись, что тяжелое черное вино разлилось приятным теплом по телу, я поправил бляху на ремне, проверил, как выходит меч из ножен, и хлопнул по плечу говорливого трибуна.

– На, глотни! – передал я Апию сосуд.

Такое его не надо просить дважды. Он уцепился за питье, крепкой хваткой, как краб клешнями, опрокинул меха донышком кверху, постоял немного, заливая в глотку вино, отрыгнул громко и вернул опустошенные меха хозяину. Тифон хотел было тоже приложитьсь, но заметив, что меха пусты, в сердцах выругался и зашвырнул пустой сосуд в овраг, поросший кустарником. Вот дурак! Может, там кто-то на корточках прячется, и он ему по голове попадет, и тот осерчает, выбежит на него из чащи с мечом. Голова моя дурела, я убыстрялся, ступая расслабленной стопой, и смел при мысли о собственной безопасности.

Трибун шел впереди и шатался так, будто его шатают, и при этом бубнил о чем-то Венале.

– Скажи ему, пусть умолкнет – Потеряв терпение, она остановилась и возвзвала ко мне на абазгском. – Я не могу его выносить.

– Как звучно! – оживился Апий. – Я не ухватил, о чем она?

– Тебя ждет успех, Апий! – возвестил я на всю рощу, и указал ему вперед. – Вот дорога твоей славы, Апий! Шагай, мы за тобой.

– Да ты везунчик! – поздравил его Сиуард.

Услышанное привело Апия в неописуемый восторг, хоть он и старался показать, себя не польщенным. Венала же наотрез отказалась с ним более общаться, и смотрела в сторону.

— Глаза бы мои его больше не видели, — обронила она на абазгском.

— Что? — завертелся вокруг нее трибун. — Ты зареклась говорить со мной?

— Оставь ее в покое, Апий — вступил за горянку Сиурд, — Она все сказала, ей нечего добавить.

Постепенно мы минули волшебный, полутемный лес, дубы и буки поредели, а ясное солнце рассеяло таинственность.

Веналу болтовня трибуна задевала больше, чем она хотела показать.

— Его невозможно терпеть. Он помрачился в рассудке, — умышленно поотстав, Венала пожаловалась мне вполголоса, так, чтобы это не привлекло внимания Сиурда.

— Он просто пьян.

— Я-то прощу его скудоумие, но простят ли боги ваше пьянство в священной роще?

— А они на это не способны? Я имею в виду прощение.

Гордячка ничего мне не ответила, хмыкнула, подобравла полы своей длинной столы и ускорила шаг.

От полуденной жары и вина караул Аскания разложился окончательно. Копейщики прослушали мои наставления, как шум реки. Их оружие все также разбросано, охранение не выставлено, и все они, не замечая никого вокруг, играют в кости. Кто-то присвистывал, кто-то охал, и все галдели, ставя на соперников, друг против друга. Их шумные ставки Асканий принимал со знанием дела, переспрашивал обступивших его, и деловито отмечал белым камушком на тонких плоских камнях, кто и сколько на кого поставил. Вощеная дощечка для него так и осталась загадкой. За отсутствием монет, воины делали ставки в долг, рассчитывая на будущие выплаты, или на гибель выигравшего, или на свою. Завидев нас, игроки чуток поутихли, и Асканий, посмеиваясь со свойственным только ему бесстыдством, указал на тех, кто кости

кидал, и беспомощно развел руками. Дескать, что с ними делать, пропащие люди!

– Я вас всех порадую! – воскликнул я еще на подходе к ним. – На нас объявлена охота. Приготовьте снаряжение, проверьте стрелы в колчанах, как луки натянуты, возьмите копья и щиты в руки, живее! Просыпайтесь! – похлопал я в ладоши. – Иначе застанут врасплох! Тому, кто зазевается, сегодня череп проломят!

Асканий замер, как спящая лошадь, у игроков челюсти отвисли, Сиурд дергал плечами и старался по моему лицу определить, какая муха меня укусила, трибун имел вид человека, свалившегося с дерева, Тифон окаменел от услышанного, а глаза Веналы расширились от любопытства, смешанного со страхом.

Пока они обменивались недоуменными взглядами и роптали, я действовал. Еще возможно свободно передвигаться и договариваться, но вскоре нам придется закрыть на засовы ворота, и молить богов о пощаде.

Трое всадников, наиболее расторопных с виду, и на лошадях порезвее поскакали к союзным племенам. Один гонец отправился к санигам, а два других, и порознь, к абазгам. В подтверждение полномочий и для нашей будущей связи, я снабдил всех троих условным словом и устным посланием царям.

– Апий! Сиурд! Асканий! Ты тоже, Тифон! – поманил я писаря. Когда они подошли поближе, я им поведал: – Враги с гор спустились, они поддержаны местными проводниками и смутьянами. Но они в большинстве люди пришлые, а пост у колодца недавний. Они торопятся и могут вообще пройти мимо нас. К вечеру только их основные ряды подосплют...

– Уходим? – выдавил из себя трибун надтреснутым голосом.

– Ты, наверное, обмолвился. Хотел сказать, нам надо выступать, – исправил я его и обратился к стоявшему рядом копейщику со щитом: – Как тебе?

– Меня?

– Неважно! – махнул я рукой. – Не стой, как истукан! Подведи трибуну его лошадь. Та, пятнистая! А вон та моя! – крикнул я ему вдогонку. – Ее тоже подай!

Легионеры ринулись к коновязи. Трибун был бледен и близок к обмороку, Асканий одеревенел от горя, а я превосходно и размеренно дышал. Когда редко пьешь, даже малый глоток способен вселить уверенность в своих силах.

– Нам их не одолеть, – заранее сдался Асканий. – Люди уставшие... мало нас.

– Знаю, брат! – хлопнул я его по плечу. – Пойдешь со мной. Нам ли их страшиться, ты, я, Тифон! – покачал я податливое плечо писаря. – Ух! Преградим им путь! – куражился я. – Нескольких ратоборцев вместе с тобой, Апий, вышлем им навстречу.

– Навстречу? – всполошился трибун.

– Подкрадись, не наступая на ветки, как можно меньше шума, так ты сможешь напасть неожиданно, – советовал я Апию. Он протрезвел. Клянусь Юпитером, если бы я продолжил, он бы прямо там обмочился от страха. – Тифона возьми с собой, – пояснил я ему стратегию, – забросаете их стрелами и вперед, колите копьями...

Когда им стало ясно, что я шучу, и мы вместе возвращаемся в Питиунт, их глаза снова засияли, они задвигались и задышали. Мы двинулись в путь, и они пританцовывали на спинах лошадей.

Венала меру опасности с пол слова поняла, и подчинилась безропотно. Не ожидал. Ее усадили в крытую холстом повозку. Ею правил необычный человек, притащившийся к пастухам для закупа шкур. Волосы его черные, мелко вьются на голове, черты лица правильные и обожженные от жара, как недопеченнная глина, борода курчавая, чуть с проседью и аккуратно подстриженная клинышком, хитон чистый, длинный, черный и просторный, а затылок у чужеземца плоский, точно мечом

срезанный. Кто-кто, а я не нуждался в объяснениях, чтобы признать в нем ассирийца. Приветливый купец, заулыбался и отвесил мне сидячий поклон. Я тоже чуть привстал на стременах и кивнул ему. Ассириец не обронил ни слова, с благодушным выражением лица скрестил ноги в сандалиях, удобно устроил их на перекладине, ухватился за поводья и откинулся на дощатую спинку.

Я повернул морду Ачи в хвост колонны. Надо убедиться, что никто не отстал. Венала сидела сзади в повозке, спиной к движению, и свесила ноги с края. Горянка молча обвевала себя тонкой широкой дощечкой, которую нашла внутри, и прислушивалась к тому, о чем говорят окружающие.

Я воздел руку к солнцу, помедлил немного, чтобы привлечь внимание.

«Вперед!» – скомандовал я и дал отмашку. Широкие колеса повозки едва скрипели. Обычно от них жуть по коже пробегает, а тут, не пожадничав, их смазали маслом.

Впереди Сиуард на кауром коне, следом пешие воины, за ними повозка, следом и по бокам, когда позволяет ширина дорога, трое слуг торговца вели под уздцы на выученных словах, перегруженных бурдюками, коврами, плетенками с копченым сыром и мясом. Одному ишаку привязали на круп с одного боку купленного ягненка, а с другого боку для равновесия подвесили громоздкий закопченный чан, едва не касавшийся земли.

Вперемежку с ними шли верхом Апий с Тифоном, а замыкали шествие пятеро всадников с длинными копьями и их предводитель.

Сам я то отставал к неторопливо плетущемуся хвосту, то, ускоряя шаг, доходил до середины марширующих. Чтобы хоть как-то убить дорожную скуку, я по большей части ехал рядом с Асканием, и мы переговаривались.

– Без нас их бы обчистили дочиста, – кивнул он вперед.

– Ты о купце?

– Да. Ассирийцу и его большеносому другу сильно повезло.

– Насколько большеносому?

– Хе-хе! Намного! Я и то Аполлон Бельведерский!

У меня мелькнула догадка. Я ускорил Ачи, и когда морда жеребца поравнялась с державшим вожжи, я сразу его признал.

Гамкаара с ними не было. Его новый компаньон, чуть полноватый, пышущий здоровьем и благополучием, немножко морщился, когда его тряслось по кочкам, а так он являл собою безмятежность. Он с большим достоинством сносил жару, утирая белоснежным платком выступавший бусинками на высокий лоб пот. Опасения за свой скарб и свою жизнь, казалось, его нимало не заботили. И он, и возничий увлеклись беседой, и не смотрели по сторонам. Мой слух уловил имя степенного торговца.

– ...Ой, Ашри, сведет меня в могилу это пекло, – ворчал Большой Нос, и харкнул под задние копыта лошади.

– Хех! – хмыкнул ассириец. – Разве это пекло?! Жара это когда солнце прям до костей прожигает. А у вас... – не договорив, Ашри отмахнулся.

– Зато у нас комары повсюду в хижинах роятся, не дают уснуть.

– Не хнычь, дружище! – бодрился Ашри. – Скоро жара спадет. Вот уж и листья рыжеют. Скоро похолодает.

– Нашел чему радоваться, – заскулил возничий. – Осенью тут еще хуже. Подуют сырье ветры. мы будем дрожать от холодной росы, как псы худющие. Истинно, человек самое жалкое из созданий, у зверей хоть шкура есть, и жир под ней согревает... И как небожители равнодушно взирают на наши мучения?!

– Ерунда, – не унывал Ашри. – Скоро наши дела пойдут на поправку, – он указал ему большим пальцем руки за собственную спину. – Там человек, который нам поможет.

– Который? – Большой Нос привстал на тумбе, обернулся и стал заглядывать назад через прорези в холсте.
– Который на пятнистой лошади? Он, какой-то дурень. Он одолжит нам денег?

– Не подглядывай, а то он подумает, что мы говорим о нем.

– Как дела? – воззвал я к своему знакомцу.

– Приветству! – вздрогнул от неожиданности Большой Нос, и чтобы не свалиться, оперся о плечо товарища.

Ашри понял, что я уловил им сказанное, и смущенно закряхтел, а я дал повозке выйти вперед. Я осматривал местность, временами придерживая резвого, несмотря на жару, Ачи.

Мы пересекали цветущий разнотравьем луг. Чуть в стороне, в полете стрелы, черные буйволы с серповидными рогами нежились в болотистых лужицах, поросших мягкой травой. Они возлежат в этой жиже, чтобы уберечься от докучливых мух и клещей. Отборная грязь образовалась в небольшом заросшем болотце, и в эту грязную ванну, они погрузили свои телеса. Один из них, настоящий исполин, загородил собою тропу. Черный, пучеглазый великан мотал рогатой мордой и хвостом, отгоняя мух. Колокольчик на нем при каждом его движении бренчал, он отмахивался непрестанно, хотя его раздутые бока надежно защищены залипшим и засохшим толстым слоем грязи. Хотя... Нет, это настоящий умница! И взгляд у него осмысленный. Рогатый верзила сперва нарочно испачкался, а теперь подсушивается на солнце.

Впереди идущие отогнали его с гиканьем, и он, сотрясаясь телесами, зазвенел колокольчиком, и сошел с тропы.

Вереницей мы ползли сквозь лишенный деревьев и открытый для обзора участок. Вдобавок к разноцветным плащам, накидкам и багровым щитам, наши нагрудники, шлемы, ножны, железные острия начищенных пик свер-

кали бликами на солнце. Мы заметны издали. У тех, кто поклялись отчистить от нас эту землю, сейчас, наверное, руки чешутся. Вижу, приземистое жилище ютится на краешке массивного букового леса. Шагах в двухстах низенькие стены, поросшие зеленым мхом, а покатая крыша увенчана наростами земли, и на ней цветы произрастают. Наползающая чаша медленно поедает убогое жилище. Я не сомневался, что домишко покинут его обитателями, но при ближайшем рассмотрении заметил, как за близким покосившимся плетнем кто-то прошмыгнул. Или собака большая, или человек ползком на коленях прошел... А вот еще. Так, собака или согбенный человек? Я придержал узду, и без предупреждения с лязгом обнажил меч. Менее всего я ожидал, что Тифон рухнет с коня от неожиданности. Трибунал, не выпуская узды, вцепился в гриву своей лошади, и она, забив копытом, взбрекнула и заржала. Едва не свалившийся Апий вертел головой во все стороны.

– Напали? – вскрикнул он.

– Нет, Апий! Нет!

Я быстро вложил меч в ножны и замахал руками, но было уже поздно. Первым запаниковал погонщик, он метнулся за спину груженного осла и опрокинул плохо закрепленные корзины. Все вокруг сразу и вместе заговорили. Копейщики остановились, как вкопанные, на них наскочила повозка, шедшая следом, и одному колесом отдавило пальцы стопы, он встал на четвереньки и завыл, как ряженый в праздник капитолийской волчицы. Подскакавший галопом Асканияй громовым голосом призывал воинов: «К оружию!», обнажил меч и поднял коня на дыбы. Отшатнувшись от него пеший копейщик полетел кубарем в придорожную яму, его ошалевшие товарищи изготовились метать копья. Все произошло быстрее, чем я рассказываю.

Я отмахнулся от высунувшейся из повозки Веналы, она тянула ко мне руки, и, по-видимому, тоже требовала объяснений.

— Остановись! — скомандовал я Асканию и Сиурду.

Последний не сразу меня услышал. Он носился из хвоста к голове колонны и обратно, старался переорать неразбериху, и еще более усиливал.

Моя неожиданная выходка перепугала не только карательный отряд римлян, но и две детские фигурки, вынырнувшие из-за плетня и припустившие подальше и от нас и от леса, в другую сторону.

А тут еще из темного дверного проема низенькой хижины выползла на свет какая-то сгорбленная фигурка и замахала нам белым платком. Наверное, старая бабка. Мы бы ее не заметили, и она глухая от старости, нас тоже, если бы не голосили на всю округу. Может, думает, ее детям или внукам что-либо угрожает? Кому нужен ее склеп?! Там, наверное, и разжиться особо нечем.

Я ей тоже помахал, дескать, зайди домой, старая дура, и это привлекло внимание полноватого пехотинца с крючковатым носом и жирной складкой на шее. Легионер, став на одно колено, подвязывал веревки на калигах. Старуха продолжала отмахиваться от меня, будто мух отгоняла. Воин поднял с земли щит и копье, и сам поднялся.

— Вот...

Короткий свист, шлепок, и здоровенный медный наконечник торчит у него из груди. Кровь у него с лица схлынула, глаза расширились, аж белки заблестели. Я его понял. Он в себя воздух набирал, и рот открыл, но даже стон из себя не смог выдавить. Бедняга выронил копье и щит, недоуменно взорвался на острие, пробившее легкие доспехи, и пальцами размазывал растекающуюся кровь. Прожужжала еще одна стрела. Мимо. Я пригнулся к шее коня, спешился, побежал к нему, но подхватить не успел. Несчастный захрипел, сложился в коленях, и тихо шмякнулся лицом наземь. Оперение стрелы у него из спины виднеется, но никто не замечает. Я его переворачиваю, а он задрыгал ногами и затих. Ослик помахива-

ет рядом хвостиком, груженный с одного боку плетеной клетушкой с квочкой, с другого бока корзина с копченymi сырами, люди переговариваются, смеются над попадавшими, Асканий успокаивает коня, лаская по загривку, ближайший ко мне голпит поправил поножи и отряхивает снятый плащ. Носильщик огрызается купцу, перетягивая ремни на поклаже.

Слепцы встретили нападение беспечно, как и полагается обреченным на заклание. Мой меч вылетел с лязгом из ножен.

– Поднять щиты! – бросил я клич. – Сомкнуться в линию! Туда! – вскричал я, направляя острие меча на хижину. – В ту сторону лицом!

На сей раз голплиты не замешкали, встали в шеренгу, копья ежом выставили и щитами загородились. Венала вслед за торговцем спрыгнула наземь и легла под повозку. Она на ходу училась, подражая дородному купцу, спряталась за широким ободом колеса и ноги поджала. Погонщики присели на корточки за спинами навьюченных животных, а ослоумный трибун объехал повозку и нашел укрытие в тени ее холщевого покрытия. Рехнулся человек! Он верхом, между ним и стрелами лишь тончайшая, просвечивающая преграда из ткани, а он себя в безопасности мнит. Единственный, кто не спрятался, это возничий. Большой Нос, отпустил вожжи, демонстративно высыморкался, взобрался ногами на сиденье повозки, вытянулся на носочках, прикрыл ладонью глаза от палящего солнца и наблюдал за лесом.

– Нет, – заявил он во всеуслышание, и отрицая замахал. – Это не из хижины. Стрелял оттуда! – показал он мне на деревья, выступающие мысом из чащи. – Он гнездо себе на дереве свил, иначе бы не достал.

– Ты его видишь?

– Нет.

– Присядь! – скомандовал я. – И вы все – в повозку! Убирайтесь прочь и побыстрее! Асканий! Кто-нибудь!

Ради богов, уложите убитого в повозку и глаза ему закройте.

Ауксиларий в отсутствии защитных доспехов и шлема раздобыл себе щит убитого. Под туникой легкая рубаха и штаны, сбоку на луке седла привязан длинный меч для конного боя, короткий кинжал на тонком поясе, и одна рука свободна. Даже находясь на римской службе, апсил отдавал предпочтение простому снаряжению своих предков, не стесняющему движений.

Мой нетерпеливый Ачи заржал, копытом бьет и гривой потрясает. Вижу, незнакомый мне коряжистый всадник с округлым щитом, изогнулся в седле, схватил его за уздечку и придержал твердой рукой. Загорелый, жилистая шея, и узловатые мускулы голых рук, это я о всаднике, он, видать, крепок, как дуб.

– Одиночка, – молвил он спокойным сиплым голосом.
– Он больше не стрельнет. Боится себя обнаружить. Изрубим его на куски! Делов-то, – сплюнул он наземь.

Кивком и взглядом я его похвалил, но тут же тихо предостерег: «Стой, где стоишь».

– Никто не сдвинется без приказа! – возгласил я по-громче. – Мы не бросимся в эту непролазную чащу. Они этого и добиваются, хотят заманить.

– Не отомстим? – спросил один из всадников.

– Если уступим гневу, оставшихся потеряем, – внес я ясность. Им воинский дух глаза застилает. – В этих дебрях не то, что лучника найти, подойти к нему трудно. Не будем зевать на этой опушке, а то он богатую жатву соберет.

– Все слышали?! – проорал на это центурион. – Исполнять приказ! Марш вперед!

– Отходите! – скомандовал я.

Мы разделились. Семеро воинов с повозкой покатались дальше, а я, хриплый силач с округлым щитом, Сиурд, Асканий и трое пеших копейщиков отошли еще шагов на тридцать и остались на месте. Пехотинцы, стоя

лицом к лесу, прикрылись большими прямоугольными щитами, оперли их краями о землю.

— Пора, — шепнул мне Асканий, одной рукой держа моего коня под уздцы, а другой отгоняя от себя докучливую муху. — Мы не можем тут оставаться.

— Кто что видит? — спросил я оставшихся. В ответ лишь храп коней, да копейщик рядом сопит. — Эй, как тебя? — позвал я его. — Ах да! Потрин, дружище, ты не хочешь прогуляться к плетню?

— Я? — переспросил он, зашамкав пересохшим ртом.

— Прикройтесь щитами, добежите туда и займите там оборону.

— Оборону?

— Ты плохо слышишь? Да, оборону, — подтвердил я. — Мы не можем так просто бежать от одного лучника. Отступим, но достойно.

Неужели это так трудно понять?! Надо дать им понять, что мы решительно настроены, иначе этот охотник уйдет к своим, бахвалясь, что в одиночку прогнал толпу римлян.

— Легко верхом давать такие поручения, — брюзжал уходящий Потрин.

— Потрин, постой, — не выдержал я, беру коня под уздцы и подвожу его к воину. — Возьми моего!

— Да ему все равно верхом не сесть! — хохотнул Асканий.

— Нет, я настаиваю, Потрин!

Под общие смешки я попытался схватить Потрина и подсадить его на Ачи, но он, вертлявый, вырвался и затопал прикрываясь щитом к ограде. С ним, отделившись от нас, побежали оставшиеся двое гоплитов.

— А мы? — спрашивает Сиуард.

— Мы стоим, — отвечаю я, уселся на коня и поласкал его по загривку.

— А зачем мы... гм... зачем мы стоим? Кого ждем? — осведомился недовольный Асканий.

– Прикрываем зад уходящих, – небрежно буркнул ему всадник с округлым щитом.

Его равнодушие к опасности мне все более нравилось. Тем временем, добежавшие до покосившейся ограды остановились и стали высовывать гребни шлемов из-за плетня, пытаясь рассмотреть, что происходит за ним. Я им знаком показываю пригнуться и затаиться, они меня поняли.

Стоим мы себе на солнцепеке, печемся как яблоки, а кругом мухи одинокие летают, да пчелы на медовом лугу роятся. Дремотная тишина, я слышу собственное дыхание. Темное пятно на вытоптанной, пожухлой траве, кровь убитого стрелой, и пустая нора, ведущая в хижину, напоминает – мы на просмотре. Мы не видим, зато нас видят. Я обернулся, отходившие в Питиунт уже скрылись из виду.

Ну давай же, покажись! Обнаружь себя, и мы тебя выковыряем, как занозу из раны! Нет, он хитер, как змей, затаился среди веток и высокой травы.

Я уже хотел отозвать пехотинцев, когда раздался резкий птичий клекот, и над нами, расправив крылья, закружил желтоватый сокол. Не дикий, потому как низко летел, и нас не боялся. То, что он охотничий, вскоре подтвердилось. Послышался свист, а вместе с ним из подлеска вырвалась на простор косматая лошадка с всадником. Он ее рысью пустил. Ого! Лошадь взбесилась, и заржала, будто ее змея ужалила, а теперь она едва передвигает копытами, ее пошатывает. Ах, вот оно что! Длинная стрела в крупе торчит. Убийца-лучник ранил ее. Нога тоже подбита? Видать, кровью истекает, но несет хозяина из последних сил. Гоплиты раньше заметили его сквозь щели в плетне и подняли на изготовку пики. Я подаю им знак рукой, чтобы они к земле пригнулись. Засевшие в засаде пропустили его, не открываясь, а он поскакал прямиком к нам. Всадник соскочил на ходу, со спины лошади, щит не уронил, бухнулся на колени и быстро поднялся. Ло-

шадь без седока недолго шла, ее ноги стали заплетаться, она грохнулась на пузо, перевернулась на бок и забрыкала. Мы обменялись недоуменными взглядами.

– Я ему помогу, – вызвался Сиуард.

– Я тебе помогу! – дотянулся я до него с седла, и ухватил его фыркающего коня за узду.

– У него лошадь пала, – выдал ауксиларий, порываясь навстречу

– И что теперь?! На руках его понесешь?! Стой, где стоишь! – запретил я ему, отпуская узду его коня. – Пускай сам подойдет.

– Он от смерти спасается

– А мы разве мешаем?! – воскликнул я и обернулся на остальных за подтверждением. – Пускай себе на здоровье спасется, кто против!

– Может, они хитрят? – вмешался сиплый голос.

– А? Как тебе такое? – спросил я Сиуарда. – Ты такое не предусматриваешь?

– Это не наше дело, – подтвердил ему Асканий.

Спешившийся беглец тем временем отбросил копье, выхватил на ходу короткий меч из ножен, втянул голову в плечи, прикрылся деревянным щитом и припустил пуще прежнего, но как-то боком, прикрываясь от невидимого нам убийцы. Бежит он по неровной местности и оглядывается, щит приподнял, стрелу в него получил, споткнулся, опять бухнулся на колени, опять бежит. Мы смотрим на него и друг на друга, стоим, не двигаемся. Асканий так часто задышал, будто он сам марафонец.

– Надо уходить! Уходить! Уф! – запаниковал он, проведя трясущейся пятерней по потному лицу. – Я же говорил! – добавил он, нервно требуша в руках узду.

– Фиу-фиу! – тихонько присвистнул расстроенный его поведением Сиуард.

– Фиу-фиу! – передразнил его скривленный от раздражения Асканий, и на меня зло ощерился. – Я же предупреждал! Я же... г... г... говорил...

Горстка всадников на гривастых, темно-рыжих конях вырвалась из леса на открытый простор. Кони великолепные, поджарые и злые, как волки, стремглав несутся, аж хвосты не подрезанные развеиваются.

А всадники одеты, обуты не по-нашему, седельные сумки на резвых конях, мечи на перевязи через плечи болтаются, а впереди скачущий двухлезвийным топором потрясает.

Дикиари охотятся на беглеца, окружают. Передний гикает, другой улюлюкает, а третий развязал на ходу аркан, притороченный к седлу, и машет петлей над головой.

Если бы вместо того, чтобы его запугивать, они бы пустили в ход стрелы или дротики, беглец был бы уже мертв, но они с ним баловались, хотели измором его взять и пленником своим сделать. Арканщик метнул петлю, но несчастный, петлявший, как загнанная псыми лисица, увернулся, и веревка прошла по воздуху. Они не собирались его так отпускать, а он, отчаянный, ощетинился на них, как кабан, загнанный в поле.

— Их трое... Еще четверо, — считал крепыш двигавшихся к нам, — итого семеро...

Семеро, думал я, разминая кисть руки вместе с мечом, они устали, и кони их утомились.

От быстроногого беглеца нас отделяли не более полсотни шагов, за ним чуть отставали трое всадников, а еще на полтораста шагов позади них и чуть правее четверо сарматов наискось срезали путь и с легкостью перехватнули через плетень. Их кони не уставшие! Проклятье! Они отдохнувшие и прыгучие, как кошки! С рычащим кличем «Марга!», это означает «Убивай!» на сарматском, они на скаку вскинули луки в нашу сторону, но опоздали в самом начале. Пехотинцы метнули пиками им в спины. Двое нападавших кубарем скатились с коней, а еще один, растерявшийся, поскакал вдоль плетня и напоролся на пыку гоплита. Его конь взвился на дыбы и рухнул, придавив

собой наездника. Тот, кто выжил, опрометью бросился вперед и возопил, предостерегая собратьев.

Он к ним присоединился, теперь их четверо. Асканий и еще один из наших всадников выпустили стрелы, но оба промахнулись, а беглец сшибся с подскакавшим к нему противником. Косматый бородач без шлема описал топором дугу над своею головой, замахнулся и ударил. Удар пришелся по краю выставленного щита. Круглый щит разлетелся в куски, но сам убегающий увернулся и полоснул мечом коня противника. Боги проверяли бегуна на крепость, бородач с топором поднял коня на дыбы и попытался затоптать сопротивляющегося передними копытами. Мы уже неслись на них, пригнувшись к шеям коней и выставив вперед копья и мечи. Бородач замешкался с артачливым конем, и беглец, воспользовавшись этим, отбежал подальше.

Краем глаза я заметил, как этот юркий человек, не мешкая, погнался за чужим, свободным конем. Он поймал его за узду и попытался запрыгнуть ему на спину.

Наши противники, как только мы на них пошли, убавили шаг. Они замешкались, осадили коней. Еще мгновение, и они повернули вспять и рысью поскакали на гоплитов. Сарматы решили по пути с ними расквитаться. Я сбросся с конем и вовремя, двое из них выпустили стрелы, обернувшись на ходу. Один из них две стрелы подряд пустил в нашего силача, и оба раза на скаку попал. Такое могут только они. Храбрец мертвой хваткой вцепился в гриву коня, а тот, почувяв неладное, заржал и уносил хозяина все дальше к лесу. «Стойте, мы вас выручим!» – зарорал я гоплитам.

Один дрогнул, показал спину и этим не замедлил воспользоваться вооруженный топором. Сармат нагнал отделившегося и снес ему полголовы своим тяжелым орудием. Потрин с другим легионером ощерились, как псы, и, размахивая мечами, стали бок о бок и спиной к плетню. Сарматы им пару стрел в щиты послали, но стороной

обошли и скрылись под тень буковой листвы. Мы подошли поближе и опять – «вжик! вжик!» – засвистели стрелы невидимого лучника. Мы опять к тропе бросились, и хвала богам, никого не потеряли.

Поле боя осталось ничейным, а итог неутешительным – двое погибших. Я говорю погибших, потому как искать того храбреца с округлым щитом, я даже не знаю его имени, бесполезно. Стрела в горле не лечится.

– Скачи к обозу! – скомандовал я Сиуарду. – Пускай бегут! Возьми ее.

– Кого?

– Ее!

– И? – ауксиларий насилил придержал своего коня на месте.

– Схвати ее в охапку, и в Питиунт стрелой! Остальных не жди, пускай сами отбиваются!

Ауксиларий отсалютовал, развернул коня и с гиком сорвался, взрывая копытами травку.

Мы заполучили двух коней, остальные отбежали. Мы не стали ловить их. Нам пришлось бежать, побросав трупы соратников. Они заслуживали лучшей доли и воинских почестей, но мы не могли обременять себя такой ношей.

– Живее! – поторапливал я отстающих.

Потрин раздобыл себе коня и делил его с выжившим товарищем. Тот бежал, держась за стремя, и только выдохнувшись, уселся позади на круп коня.

Началось изматывающее соревнование в скорости с передовым дозором сарматов. Кто-то скажет, их всего четверо, но и нас только пятеро. Они поначалу скрылись, но заметив отсутствие погони, остановили коней и еще пару стрел нам прислали, прилетевших по дуге. Только мы отошли, они пришли в себя, и как волки пошли за нами по пятам, но в безопасном отдалении. Мы пошли, они пошли. Мы замедлили шаг, они остановились. Нель-

зя противника искушать собственной трусостью, но и новой сшибки я не жаждал, как и они, наверное.

– Кто ты? – бросил я на скаку беглецу.

Непрошенный соратник увязался за нами. А куда ему деваться?! Кашлял как кот, подавившийся рыбьей костью. Он запыхался, кривился открытым ртом, измученный человек не мог говорить, и показал мне пальцем вверх, на сокола. Уже в виду серых стен и башен Питиунта он очухался, пронзительно засвистел, будто ему горя мало, и выставил в сторону опускающуюся усталую руку. Так он птицу свою подзывал.

Тяжелые, обитые медью ворота гостеприимно распахнуты, перед ними, вдоль аллеи с чахлыми яблонями, рассыпались легковооруженные воины с луками и стрелами и пращами наизготовку. Мы обуздали разгоряченных коней, и перешли на шаг. Сарматов след прости, будто их и вовсе не было. Центурион Лукиан, или как его за глаза прозвали за волосатость, Сатир, вывел велитов из укрепления, и мы проследовали сквозь их строй, под любопытствующие взгляды.

Наши кони, взмыленные, взбудораженные коротким боем, процокали по устланной булыжниками дороге, въехали под арку, и мое сердце перестало стучать, как барабан. Я соскочил с коня, похлопал его по потной шее, и передал узду первому встречному.

– На конюшню! Найди Кастро! – велел я ему, и подозвал незнакомца: – Эй, ты! Подойди!

Спасенный до того походил на сокола, сидевшего на его обернутом тряпьем запястье, будто в родстве с ним состоит. Тот же немигающий взгляд желтых глаз, нос тонкий, крутой и очертаниями схож с хищным кловом, и те же резкие наклоны подвижной шеи, как у сокола.

– Уарит, – представился он, тыкая в свою грудь пальцем. – Каблух.

– Так Уарит или Каблуху? Определись!

– Уарит... Каблух... – вымолвил он, и самому себе за- противоречил: – Нет, Каблух... Он...

Сокольничий так ужасающее коверкал латынь, что я невольно перешел на абазгский, и его лицо вытянулось от удивления

– Ты Каблух?

– Я Уарит.

– А этот... кто он?

– Каблух мой отец.

– Какое мне дело до твоего отца?! – огрызнулся я. – Я спрашиваю, кто ты?

– Я Уарит, – повторил он, приложив ладонь к груди. – Мое племя саниги.

– Кто подтвердит? Кто тебя знает?

– Я! – вызвалась Венала, стоявшая рядом. – Он соколов ловит и приручит. Он при мне Ресмагу сокола подарил.

Уарит заулыбался сомкнутым ртом, так, чтобы не было видно, что он наполовину беззубый.

– О, Уарит! – возвзвала к нему повеселевшая Венала. – А разве Спадаг разрешает тебе отлучаться для грабежа?

– Я? – обиделся Уарит и для убедительности приложил ладонь к груди, видать, это у него привычка. – Никакой наживы, клянусь! Мы хотелиупредить опасность.

Венала еще съязвить хотела, но я сделал ей знак обождать.

– Ты сказал «мы». Кто мы?

– Я и мои люди.

– Твои люди? – переспросил я. – У тебя есть свои люди?

– Мы люди царя Спадага.

– Ну это... когда как... – внесла сомнения Венала.

– Говори, – обратился я к Уариту. – Тебя напоят и наркмят, обещаю, но сначала скажи, что знаешь.

– Скепарна угрожал среди своих убить Спадага. Мы его выслеживали, но так чтобы никто этого не знал.

– Где? В горах?

– Нет, в его родовой вотчине. Нас известили, он должен туда заявиться. У него там встреча назначена.

– С кем?

– С кем не знаю, но он наметил кого-то из своих навестить.

– Кого?

– А кто его знает?! – дернул он плечами. – Может, этот человек скрывается у соседей. А те его выдают за своего домочадца.

– Или ее, – предположил я.

Уарит зацокал языком и лицом брезгливо скривился.

– Там сплошь старухи беззубые, ни одной молодки не осталось, всех попрятали. Но одно точно, – засвидетельствовал он, потрясая перед собой перстом, – Скепарна должен на новолунье наведываться туда, где остав их дома стоит.

– А какой он из себя, этот Скепарна? – любопытствовала Венала. – Говорят, он до того неприятен ликом, что дети плачут от него.

– Страшный? – спросил я его.

– Чушь! – поморщился Уарит. – Он розовощекий, довольно приятный на вид. Он не страшнее тебя или меня, – сказал он, показав на меня рукой. – Только волосы реже, он постарше и чуточку поплотнее.

– А кто его видел, другое говорят, – возразила Венала.

– По описанию, он кривоногий от постоянной скачки, а кожа лица у него загрубелая, как у ящерицы, будто комок земли с прорезями для глаз и рта.

– ...Он обещал одному человеку из тамошних, что придет, – продолжал Уарит, не обращая внимания на замечания Веналы. – Засаду ему устроили, коней припрятали в овраге, а сами вскарабкались, и засели в зарослях над тропой. Ночью спрятались и до заката сидим, не шелохнулись, словом не перемолвились, воду с собой принесли, тайком пьем... Места те обезлюдели. За день лишь трое прошли: отец с сыном дрова на повозке повезли, а

на исходе дня девушка с кувшином на плече прошла, задницающей виляя... Уже затекли суставы, думаем, встанем, разомнемся, и вдруг — шест с какой-то красной тряпичкой над холмом затрясся, за ним всадники появились. Стрелы изготовили, думаем, поближе подпустим. А они не кончаются. Идут и идут, как змея, голова мимо нас ушла, а хвоста не видно. Мы их пропустили. Сплошь конники, ни одного двуногого, шапки островерхие меховые, и лопочут меж собой на каком-то непонятном гортанном языке. Ох-хох-ох! — тихо вздохнул Уарит и озабоченно запарусил щеками. — Видать, он призвал аланов! А еще клялся, что желает мира. Вот так вот, — прокряхтел Уарит. — Одной рукой нас ласкал по головке, а другой нож точил. Натравил Скепарна чужаков на нас. Мы с ним одной природы и кровного родства, а он как... Так пес не поступает! — сокрушился Уарит. — Нет, чтобы честно враждовать...

— А что Спадаг?

— А что Спадаг?! — повторил он вопрос. — А что он, старик, сделает?! У него уж меч заржавел в ножнах.

— Сколько их, по-твоему?

— Этого не ведаю, — замотал головой озабоченный Уарит.

— Ну а все же?

— Много.

— Это не ответ.

— Не счастье. Как песка на берегу. — Уарит провел ладонью над землей, будто воображал их внизу. — Они поили коней у озера, а мы с горы наблюдали, весь берег они со-бою усеяли. Бок к боку стоят, не протолкнуться, и задние ждут передних.

— А после куда свернули?

— Одни туда, другие сюда, — всплеснул он руками. — Нет у них направления, растекаются, как вода. С ними проводники из наших. Я слышал и нашу речь, и даже, кажется, вашу, — указал он на меня.

- Даже так?
- Ах, если бы не проклятый потоп! – сожалел Уарит.
- Мы обошли их костры незаметно, по дну высохшего ручья. Там дно илистое, копыт не слышно, – рассказывал сокольничий, – но дождь пошел, пришлось по воде булыхаться, вышли. Они напали на след, и, – махнул он рукой, – увязались за нами, как псы.
- Когда они хребет одолели? – допытывался я.
- Вчера.
- Ты уверен?
- Хех! – хмыкнул он самоуверенно.
- В какое время вы столкнулись?
- Ближе к закату, – припоминал Уарит.
- Тогда откуда тебе ведомо, что... в смысле... Ты был в засаде в селении Скепарны, и с уверенность говоришь, они заявились вчера. А почему не позавчера? – рассуждал я вслух. – Ведь вчера, правильно?
- Ну да.
- Селение Скепарны...
- Аруха, – подсказал Уарит.
- Так и есть, Аруха, – прищелкнул я пальцами. – Разве она у перевала? От нее до перевала топать и топать... Погоди! – предупредил я его нетерпение жестом. Сокольничий понял, что сболтнул лишнее, но было уже поздно. – Давай вместе подумаем. Ты встречаешь аланов вчера вечером, приблизительно в ста стадиях от нас, от того места, где мы сейчас, – указал я ему обоими руками на землю и тыкнул в него пальцем. – И что ты делаешь? Ты не бежишь от них, а идешь к горному озеру, которое выше Арухи. Ты поднимаешься в горы! Но при этом ты знаешь, когда они прошли перевал! Ты ничего не упустил? Если это не так, они сейчас уже, может, Себастополиса достигли, – допустил я. – Либо ты точно знаешь, что только вчера они вошли в Абазгию. И тогда...
- Я это своими глазами видел, – перебил он меня.
- Как такое возможно?!

– Можно тебя, Кассий?

Венала едва коснулась моей руки своими прохладными пальчиками, и отвела в сторону от Уарита.

– Ну что ты в него, как клещ, вцепился?! – укоряет она меня тихо. – Он утаил добычу от своего царя. Они все так делают. Теперь он тайком перегоняет краденый скот с разоренных селений за перевал. Поспрашивай у своих, они все все знают, надо только тебе уши от воска отчистить... Но на этот раз вместо покупателей, он, – кивнула она на сокольничего, – нарвался на враждебных аланов! Боги не спят! Те ему хотели уши обкромсать, и он от них сбежал, поджав хвост. Если тебе что-то непонятно, римлянин, ты меня спрашивай. Я тебе честно отвечу.

– Я все слышу! – не походя к нам, возвысил свой голос Уарит.

– А при чем здесь ты? – искренне недоумевала Венала, и, обратившись ко мне, добавила, чтобы он слышал: – Дикий какой-то! Сумасшедший.

– Кому ваш скот вонючий нужен?! – загорячился Уарит. – Я у нищих не краду! Разве это скот?! Тьфу! Гниль копытная, а не скот! Я Скепарну, кровника своего, искал. А ты!.. Кто ты?

– Я Венала, – тихо, но с гордым вызовом отвечает она.

– А кто такая Венала?! Какая еще Венала?!

– Венала, – повторила она, покраснев.

– Откуда ты? Ты же не из дупла вышла?! – потерял терпение Уарит. – Скажи, кто твой отец? Кто мать? И каким ядом вместо молока она тебя вскормила, что ты смеешь над старшими издеваться?!

– Так, хватит! – разборонил я их, встав посредине.

Я сжал кисть ее руки и глазами показал, чтобы она от него отстала. Уарит тоже унялся, и я снова повторил ему вопрос. Сокольничий нехотя признался, что приукрасил, когда говорил об их числе. Он повстречался с пастухом, который встретил кочевников у озера, и пересказал с его слов.

— А вот это уже больше на правду похоже! — похвалил я его, похлопав по твердому, как камень, плечу. — Ты успокой душу, это твои дела, и я в них не лезу. Меня сейчас другое интересует. Как давно сарматы здесь?

— Я же говорю, вчера пришли, — проворчал он, обиженный недоверием.

Уариту пришлось сделать немалый крюк, чтобы не угодить в аркан. Всю ночь и утро сегодняшнего дня он провел верхом. Будучи за старшего, он выслал одного гонца своим, а сам с оставшимися увел погоню в сторону. Продираясь сквозь темный лес, они загнали лошадей и растеряли друг друга, и теперь он не знает, что с ними стало.

Расставаясь с ним, я пожал его крепкую мозолистую ладонь, и препоручил его и Веналу попечению Сиурда. Лучше, чем их собрат, о них никто не позаботится.

Пока я говорил с ними, центурион Лукиан стоял и слушал варварскую речь. Он не вмешивался, ковыряя тростинкой в зубах и сплевывая наземь. Лишь когда варвары отошли, он проявил любопытство.

— Кто они? — кивнул он им вслед.

— Мужчина сокольничий.

— Это я понял, — закивал центурион. — А она?

— Женщина, Лукиан.

— Женщина? — усмехнулся центурион, и зажмутив один глаз повторил: — Женщина. Хе-хе! Чья женщина, Кассий?

— Прекрати! И без тебя тошно, — отмахнулся я. — Зови префекта и центурионов, распределим обязанности. Да, еще, Лукиан, прежде распорядись, чтобы не мешкая разобрали все курятники и сараи рядом со стеной. Слишком много деревянных строений находятся в непосредственной близости друг к другу. Они нас будут закидывать через стену горящими стрелами, это небезопасно.

— Имей в виду, за эти курятники шум большой поднимут, — предупредил Лукиан.

– Скажи им – мера вынужденная. Потом новые сколотят. Зачем им эти рассадники блох?! – убеждал я его. – Конюхи не успевают купать коней, и скребками чешут, а они все равно кишат паразитами.

– Можно отвести для скота открытый загон рядом с баней, – предложил центурион. – Там изгородь невысокая, но все же каменная, и часовых поставим, будет общее место.

– На том и порешим! – согласился я.

«Сухое дерево из разобранных построек сложим в защищенных навесами местах. Потом при случае разожжем большие костры в пробоинах, если они местами стену порушат, – намечал я, про себя, шагая к наместнику. – Надо поберечь дрова. На чем будем кашу готовить? На чем мясо варить? Неизвестно, сколько они нас в кольце держать будут. Эх, не мешало бы и ров наполнить водой, да где такое счастье! Самый большой из колодцев обмелел от засухи. Дно наполовину завалили камнями, и только на пару локтей уровень источника поднялся... Центурионам поручу проверку постов и караулов на стene, у ворот, в казармах, а горожан соберем для другого. Пусть они вместе с воинами углубляют рвы и устраивают насыпи внутри крепости. Жаль, не поспеют. Это не сильно поможет при штурме но, все-таки надо их всех чем-то занять. Безделье бабка поражения. Оно порождает уныние, а само уныние порождает поражение. Все начинается с расслабленности и кончается полным параличом мышц. За ним последует остоубенение от горя. Только выдающиеся над толпой мужи могут совладать с волнением, не прибегая к вину. Таких единицы, кто одним усилием воли может заставить свое сердце биться ровнее. Обычные смертные, они как куры, не могут обуздать свои страхи перед завтрашним днем, им хочется забыться. Если они будут предоставлены размышлению, то руки опустят и захнычат. От этого только вред. Это, конечно же, не относится к неразумным. Юность, это

тоже своего рода разновидность глупости и потому тупицам и юношам намного легче, а тупым и пьяным юношам легче всего переносить душевное напряжение.

Но их тоже надо трудом занять, и желательно тяжким. Если тело устает, то сердце нет. Для тела усталость, вообще, полезна, особенно если после нее есть возможность поесть, умыться и выспаться. Иначе мрачные мысли разъедят неокрепший ум. В печали отдых – худшее, – убеждал я самого себя. – Трудно махать киркой и одновременно плакать. Либо одно, либо другое, но не вместе. Если человек подавлен, то и поступки у него вялые, а если действием разогреть кровь, то и дух начинает противоборствовать давлению обстоятельств. Надо на миг повести себя так, будто ты полон сил и отваги, а дальше бодрый дух крылья расправит».

Я так себя приучил. Два духа, дух отваги и уныния, не могут обитать в одном теле. Один вытесняет другого.

Если усилием заставить действовать тело, то следом изменится и душевный настрой. Невозможно по желанию быть храбрым, но духовной силой можно преодолеть телесный застой, а действие изменит настроение, и через какое-то время человек, будь он хоть трижды смертный, чувствует в себе прилив божественных сил. Такова природа человека. Но падшие духом об этом не подозревают. А ведь как просто. Устрашен – действуй! Опечален – действуй! Если делаешь путное – хорошо, если нет, все равно хорошо. Кровь по жилам быстрее бежит, а вместе с ней изменяются твои виды на собственное будущее. Новость не то, что это так, а то, что этому можно научить каждого. Настолько это разумно и просто. О! Кого я вижу?! Амадиус! Я на ходу испробую методу.

– Воздадуйся, префект, сарматы с нами! – весело приветствовал я его. – Я обещал, и держу слово, сам видишь!

Минотавр не нашелся с ответом, зыркнул на меня исподлобья и заиграл желваками на обозленном лице.

Наверное, по его замыслу, это должно было повергнуть меня в ужас, но я ему еще шире улыбнулся и подмигнул, уходя.

Флавия я застал в атриуме. Вижу со спины старик какой-то, убитый горем. Я его уже хотел спросить его: «А где Флавий?», но он профилем ко мне повернулся. Сидит себе в одиночестве, свесив ноги, на краю бассейна с дождевой водой, и мочит кончики пальцев, отрешенно, медленно, как во сне, выуживает с поверхности воды опавшие листки и бросает их к сандалиям. Меня не замечает, провел пятерней по глади, намочил ладонь, провел ею по лицу, потер мокрой рукой затылок. Ритуал, что ли? От него всякого можно ожидать, он бывший авгур.

Заслышав шаркающие по щербатым плиткам шаги, Флавий встрепенулся, закрыл рот и набрал в свои легкие воздуха.

– Приветствую, Кассий! – слегка привстал он при моем приближении.

– Добрый день, господин!

– Добрый день, Кассий, добрый день! – повторил Флавий улыбаясь. Только что был сникший и в скверном расположении духа, и сразу притворился уверенным в себе.

– Я поздравляю тебя! – воскликнул он, поднявшись с мраморной плиты.

– Э... Гм... – опешил я.

– Если в скоротечной войне главное внезапность, так они ее упустили, – взбодрился пропретор. – Кружили себе, чтобы нас запутать, да только сами запутались. Ни одна крепость на побережье еще не атакована, а мы предупреждены! Это же прекрасно! – Флавий потирал он ладони. – Так что пусть приходят, милости просим! – сказал он, и тут же предупредил мои возражения жестом. – Нет, я согласен. Пока еще рано праздновать, но согласись, это уже кое-что.

– Двое наших погибли, – сообщил я ему.

— Ты вчера очень верно подметил! — прищелкнул он пальцами, и закивал, слегка сглотнув слюну. — Я все утро об этом думал. Меч поедает то одного, то другого, — завздыхал философ. — Ты отправь вестников Ресмагу, и в Себастополис. Извести всех. Предупреди Юлиана, и обитателей ущелья Коракса, и санигов. Всех предупреди.

— Уже.

— Тогда пусть зажигают сигнальные огни вдоль берега и на холмах, — приказал Флавий.

Он перечислил то, что ведомо самому последнему из легионеров, кроме Апия. Я уже позабылся. В разные стороны скачут горевестники. Возможно, уже сейчас Спадаг-саниг и Ресмаг созывают верных воинов, точат мечи и вяжут стрелы пучками.

— А мы сами готовы? — прищурился наместник.

— Как никогда! — отчеканил я.

Я научен вратить, не глотая слюну и не моргая.

— Молодец! — провозгласил Флавий и сжал пальцы в кулак. — Действуй! Конечно, тебе надо проверить посты и укрепить караулы. Ты можешь взять для этого моих воинов, и вообще располагай всеми, кроме моего Нарбона — старика кормить надо! — хохотнул пропретор, но тут же посерезнел и сжал губы в тонкую линию. — Ступай, не смею тебя задерживать.

Если жив двуликий Янус, то я с ним знаком, думал я о Флавии. Ручаюсь, до моего прихода он проклинал себя, что притащился в Питиунт в эту пору. Но с какой легкостью он все спихнул на меня! Мастер! Мало кто знает свою истинную цену. Кто-то мнит себя самым умным, а его тем временем считают безмозглой скотиной, и только пропретор знает, как надо поступить, когда ты ничего не смыслишь в деле. Он горазд на это, препоручит все подчиненным, а потом присвоит их заслуги. Ну а если все обвалится, на то есть его толстенная книга в резном деревянном переплете и тростниковое перо. Флавий представит меня в докладе императору так, что мне во-

век не отмыться. Если Питиунт падет, то принцепс узнает о моем существовании. Но надо признать, бывают командующие и похуже Флавия. Те вообще конченые люди. Во все подряд вмешиваются, делают подножки, чихнуть без их ведома нельзя, а потом они выступают главными обвинителями в открытую, с надутыми венами на шее, и каким праведным гневом пышут, аж сам им в тот миг поверишь. Против таких лицедеев есть староримский прием, правда, им все реже и реже пользуются. Надо пойти с полководцем на врага, а потом дрогнуть и резко отступить. По сути это сдача его врагам, и они с него кожу сдерут. Раньше римляне не гнушались так поступать с непопулярными вождями, но вожди тоже не дураки, урок усвоили, и отправляют погибать тех, кого опасаются.

Дойдя пешком до казарм, я уже склонялся к выводу, что мне с военачальником все-таки повезло. Он мог оказаться еще худшим прохвостом.

О боги, целая толпа! Что там? Драка? Петушиные бои? Нет. Они опять устроили игру! Меньше всего я ожидал увидеть среди воинов Аскания. Уму непостижимо, вместо скорби по погибшим товарищам, вместо того, чтобы отдохнуть после марша, поесть, почистить оружие, помолиться, подумать о том, как они, возможно, вскоре встретятся с предками, они кидают кости на бочонок.

Азартные возгласы мешались с громкими проклятьями на каком-то диковинном непонятном языке, а сокол с кожаным мешочком на головке восседал на жердочке и на почетном месте.

Хозяин птицы состязался в удаче с ассирийцем. Они сидели на грубо сколоченных табуретах, и глядели друга на друга, не мигая. Кто кого пересмотрит! Рабы торговца дожидались своего хозяина в сторонке, под тенью. Они умные, сложили тюки и корзины к глухой стене казармы, а сами дугой уселись на корточки, загородив товар от ловких рук.

Среди них затесался ветеран бродячей наружности, костлявый как скелет, и на одну ногу разутый. Видать, сапожником заделался, прибивал молоточком гвозди в подметки старого башмака. Он был не прочь примкнуть к собранию игроков.

– А на что? – процедил он сквозь зубы, сплюнул гвоздик и тоненьkim голосом запищал: – На что?

Сиуард сгодился переводчиком для варваров.

– Зря место занимает! – снова подал голос подошедший к ним ветеран с молотком, башмаком и со впальми щеками.

– Принимаю, раз такое дело! – утихомирил воинов купец, и воздел к ним обе руки. – Не ругайте! Что я вам плохого сделал?!

Ашри размотал сверток из мешочной ткани и извлек из деревянных ножен старый, зазубренный клинок. Меч бронзовый и старый, покрывшийся зеленою патиной. Ассириец показал всем короткий меч и швырнулся с лязгом на бочонок.

– Подойдет против цыпленка? – бросил он санигу, и торжествующе огляделся по сторонам.

– Что?! Заржавленный нож против сокола?! – ахнул от вероломства сокольничий. Он возвзвал к присутствующим на своем языке, указывая на соперника: – Да он просто издевается!

– Еще и без ножен, – вмешался получивший ранение Потрин. – Это не его ножны.

– Скажи ему, это не нож, а древний шумерский меч из Каркемиша. Он принадлежал самому Гильгамешу, – исправил его торговец, дотронувшись до лезвия. Прежде чем продолжить, он терпеливо кивал, пока Сиуард переводил Уариту его слова. – Вот этим вот самым клинком он резал шеи великанам, – изрек он с расстановкой. – Голова падала в одну сторону, а туловище в другую.

Сброд, собранный под вороньим крылом Аскания, старика мало трогала. Один прямодушный крепко вы-

ругался, а остальные ворчали, что скаредный купец прятал хороший товар.

– А вдруг он соглядатай? – нашелся тонкоголосый ветеран и украдкой подмигнул товарищам.

Те охотно подхватили подозрение, но торговец на их уловку, рассмеялся во все горло так беззаботно, будто услышал что-то смешное. Он скрестил руки на могучей груди, и широко улыбался в ответ на хмурые взгляды.

– Я вас предупреждаю, римляне, – обвел их взглядом Ашри. – За мной незримо присматривают мои боги. Вам не разуть меня на чужбине, – добавил он со вздохом и устало закатил глаза кверху. – Если никто не решается, так и скажите!

Асканий подтолкнул сокольничего. Тот глянул на него снизу вверх, пробурчал что-то себе под нос, нехотя собрал кости, бросил их в кружку и подал ее сопернику.

Воцарилось молчание, только сапожник шмыгал носом, да в отдалении замычал бык. Ашри прикрыл горлышко ладонью, встряхнул кружку в толстых пальцах как следует и выбросил кости на бочонок.

Питиунт огласился неуместными в нашем положении радостными воплями. Купец продул пятый раз кряду, но сохранил свое непрошибаемое толстокожее спокойствие.

Я бережно отстранил башмачника, и тот пропустил меня поближе к бочке.

Сокольничий учтиво привстал, и Ашри, прокашлявшись, поднялся со скамейки. Я уставился на проигранный им меч, который его удачливый соперник вертел в руке.

Деревянная потрескавшаяся от сухости рукоять, тусклое лезвие, покрытое незнакомыми и кое-где стершимися выщербленными письменами. Меч и в самом деле казался древним, а купец не хвастуном, за коего его приняли воины.

— Откуда он у тебя? — спросил я Ашри, и одолжил у Уарита старый клинок.

— По наследству достался, — молвил купец. — Мою мать отец привел пленницей из богатого добром Керкемиша.

— Дай угадаю! — встремял апсил. — Ты сын Гильгамеша. Верно?

— Не верно, — купец осуждающее замотал головой. Он понимал, что центурион над ним подтрунивает.

— Нет? — сокольничий уловил, от чего отрекается купец, и делано удивился.

— Дед мой со стороны матери был известным ростовщиком, — игнорировал усмешки купец. — Он одолживал многим. Если не получал с них сполна, нанимал стражников, шел к должнику и вступал в наследство его имущества.

— Отнимал, значит, — проворчал Потрин.

— Эх, ростовщики — тигры зубастые! — простонал кто-то в сердцах за моей спиной.

— Так твой Гильгамеш задолжал ему? Так? — предположил находчивый Асканий.

— Нет, — терпеливо отвечал Ашри, с самым серьезным видом. Он указал всем перстом на небо, и возвестил: — Его потомок. Потомок девушки, спасенной им, задолжал отцу моей матери.

— Потомок бабки Гильгамеша задолжал отцу его матери, — медленно повторил за ним Сиуард и понимающе закивал во все стороны — С ума сойти! Тут главное не запутаться... И где же она с ним спуталась?

— Это длинная история.

— Ты не подумай, что я тебя прерываю, Ашри, — направил я торговца, — но у нас, знаешь ли...

— Я буду краток, — подхватил понятливый ассириец. — Гм...

Торговец важно расправил плечи, обвел взглядом окружающих, подождал, пока стихнет ропот, и убедившись, что все ему внимают, поведал.

Какая-то деревенская дурочка постучалась в дверь Гильгамешу, он в тот день чинил ткацкий станок, и сразу же вынул навой и пошел за ней. Он клюнул, как безмозглая рыба на приманку. Естественно, та разрыдалась и бросилась ему в объятия.

– О, Гильгамеш, помоги! Мою госпожу заточили в огромной и мрачной пещере. Над ней произрастает огромный дуб, подпирающий небеса. Она замурована там.

– В дупле или в пещере? – раздался язвительный голос башмачника.

– В пещере... Не путай меня неуместными вопросами!

– нестрого отчитал его Ашри и продолжил с чувством: – Там с нею сорок дев, юных и непорочных, одна краше другой. Красавицы томятся в жестокой неволе...

– Сорок лет, и все еще красавицы? – усомнился злоязыкий башмачник. – А зубы у них были?

– Пещера принадлежала трем братьям-великанам, – купец небрежно отмахнулся и от этого вопроса, и пояснял нам на пальцах: – У каждого по четыре руки и большие, плоские змеиные головы...

– Это все проясняет, – обратился ко всем башмачник.

– ...четыре руки у каждого и одно, общее для троих, туловище...

– Хе-хе! – хохотнул Асканий.

– И еще, дай небеса памяти... – припоминал купец. – О! Точно. Один глаз посередине лба, огромный, как плод.

– Какой именно? – не отставал от него писклявый ветеран.

– Что?

– Какой плод? Слива? Яблоко?

– Не буду врать, достоверно об этом ничего не известно, – величественный Ашри отрицательно замотал головой и тут же продолжил с подъемом, указывая оттопыренными пальцами на меч: – Вот этим вот самым оружием он поотрубал головы великканам. И освободил

прекрасных дев, которые вместе с Изидой томились в заточении у змея, и разрубил он дуплистое дерево, которое стояло на вершине, и сделал...

– Барабан, – оборвал его Сиуард.

– Что?

– Барабан, – повторил ауксиларий.

– Верно, барабан, – купец, удивленный его осведомленностью, посмотрел на Сиуарда с ненаигранным интересом. – Он покрыл его...

– Змеиной кожей, – досказал за него кивающий Сиуард, – и сделал из ветвей волшебного дуба...

– ...палки к нему, – сдулся купец. – А тебе откуда это ведомо?

– У нас до сих пор верзил кличут Гьиргьялашьем...

У греков Геракл, у нас Геркулес, на апислийском таким именем кличут верзил, а в Междуречье самый что ни на есть темнолицый от солнца Гильгамеш. Это ж скольким племенам и поколениям голову задурили! Предание, которое Сиуард слышал от заслуживающих доверия старцев, целиком они сами не упомнят, но будто бы этот Гильгамеш жил в Гергемиш... Нет мне этого не выговорить дважды кряду... Этот свирепый медведь ворвался в чай-то там шатер без спроса. Хозяина шатра звали то ли Апсид, из рода Аспидов, то ли Аспид, из рода Апсидов. Так или иначе, что-то связанное со змеями. Они вроде как недавно подрались, но их разняли. В тот раз он буйна не застал дома, тот тоже где-то вечно шатался. Как я припоминаю, этот человек, в свою очередь, отправился похитить сестру этого Гьиргалаша Азиду... Я могу что-то и напуттать, но как я понял, этот Гаргь... этот человек... он ходил с длинным ножом, пил и набрасывался на прохожих, и все от него шарахались, спасаясь от неминуемой смерти. А он их гонял, как молодая собака овец, до какой-нибудь широченной реки. Потом он ее переходил вплавь, разделенным, и хитон, чтобы не замочить над головой поднимал. Любил он преследования. На заре вставал потихоньку и

ковылял на своей лошадке много стадий, чтобы помолотить кулаками по чьим-то ребрам.

— Как видите, истинность моего рассказа доказана не только моим мечом, — похвалялся присутствующим Ашри.

— Его, — напомнил я ему, показав на сокольничего, — его мечом.

— Да, — рассмеялся Ашри. — Теперь уже его... Есть какие-то еще вопросы?

— Есть! — возгласил возникший из ниоткуда трибун. Он бесцеремонно растолкал тех, кто стоял впереди, и пробрался к купцу. — Чем ты подстригаешь бороду? Бритву хорошую имеешь? Вот погляди, Кассий, как он подбрив щеки, — Апий бесцеремонно дотронулся до живого человека, будто это кошка. — Даже корней не видно, и кожу, главное, не порезал.

Торговец ничуть не обиделся. Он, похоже, заждался, и теперь сразу вспыхнул, как высохшее дерево от молнии. Ашри окликнул рабов, и те забегали, как обученные собачки, заметались к сундукам и тюкам, и отовсюду извлекали ножницы, щипцы, пилы, шила, иглы, отрезы шелка и добротной ткани, коврики, подушки, браслеты.

Воины отхлынули от бочонка к ярмарке, растущей на глазах. Подойдя поближе, они пристально изучали все, чем устилалась вытоптанная башмаками и копытами пожухлая трава. Стали зазывать товарищей, и проходившие мимо зеваки увеличили толпу. То тут, то там завязались беседы:

— Ух, ты! Смотри...

— Не проводи по ней пальцами, она острая!.. Я же предупреждал! Поранился?

— Сколько стоит эта бритва!

— А узда? А стремя?

— И точило есть?

— На гончарный круг обменяешь?

— А вот зеркальце из гладкой меди. В нем ты увидишь

себя так же ясно, как в ведре воды! – нахваливал Асканию свой товар Ашри.

Пришло его унять, пока он не развернулся вовсю. Нельзя этого допустить, я должен навести в крепости хоть какой-нибудь порядок. Только толчеи не хватало

– Давай сворачивай свой рынок! – взъелся я на него. – И подыщи себе надежный ночлег.

– Но...

– Убирайся, да поторапливайся! – советовал я. – До-ждись лучших дней.

– А может, этот день для них лучший... и последний, – изрек Ашри и кивнул мне на любопытствующих, как дети, воинов. – Неужто несчастный человек даже на пороге смерти не смеет порадовать себя красивой бездешкой?! А, римлянин?.. Мы все боимся себя изнежить, а скоро могила...

– Ладно, – проникся я жалостью. – Только час, не больше!

Ашри о чем-то завздыхал, поглаживая клинообразную бородку, и с печалью взирал за людьми, рассматривающими его товар.

Себя я утешил маленькими бронзовыми ножницами и изящной черно-лаковой вазой для фруктов. Вазу подарю Юлии, а ножницы Венале, или наоборот. Порадую их.

Ашри наотрез отказался брать мою диоскурку. Диоскурка, это здешняя монета, и она ходит по побережью с незапамятных времен. Конечно, диоскурки маловесные и детские с виду, с фригийскими шапочками братьев диоскуров и с быками на обратной стороне, но это еще не повод ими пренебрегать. Они исполнены в серебре.

– Ты лучше позволь мне уйти, – улучил он миг для следующей просьбы.

– Уйти? – удивился я.

– Ты можешь сказать воротным стражам, чтобы они меня выпустили. Мне надо покинуть Питиунт и уйти в Себастополис, у меня там срочное дело.

– Не дури, отложи свое дело... Дорога для всех общая, и не в моей власти тебе запретить по ней перемещаться, но тебе не следует полагаться на своих тихоходных осликов и носильщиков.

– Не такие уж они и тихоходные, – возразил Ашри, и ухватил стоящего рядом осла за длинное ухо.

В подтверждение серьезности своих намерений, удалой купец украсил свою крупную голову круглой шапкой с отворотами.

– Послушай, достопочтенный, – увещевал я его. – На дорогах уже не то, к чему ты привык. Это тебе не мелкие шайки, от которых ты можешь отбиться с охраной или откупиться. Тут бедствие такое, как если бы тытонул в бушующем море. Хоть кричи, хоть плачь, хоть умоляй, помощь не будет, и никто тебя не выручит. Так что побудь добродорядочным горожанином, помолись своим богам и посиди себе тихонько за стенами. Пока! – добавил я, заметив, что он хочет спорить. – Возблагодари богов, приятель, что встретил нас.

Любого, кто сейчас в пути, и не знает, что они хозяева побережья, поджидают летучие отряды. Думаю, кое-кто сегодня увидит собственные кишки, так и не поняв, за что и кто его сразил.

– Ты видел, как оно сегодня обернулось. Но это еще детские игры. Поверь, я знаю больше твоего, – уговаривал я торговца. – Сворачивай свой рынок, и затаись до лучших времен. Уверен, ты найдешь себе пристанище по кошельку. Не теряй времени. Скоро в Питиунте козлятника незанятого не останется.

– Но...

– Ты чего сам в силки просишься?! Сам хочешь стать товаром? – зашипел я на него. – Хотя, о чём это я?! Каким товаром?! Тебя прирежут, как свинью, и сбросят в канаву, – предрек я купцу. – Гребец из тебя никудышный, да и в поле работать ты, наверняка, не приучен. Ведь так? Твое

безделье вынужденное. Надеюсь, у тебя хватит ума с ним смириться. Хватит?

Ашур прворчал что-то на своем и, воздев руку к служам, выкрикнул: «Эй, Нос! Собирайте пожитки, я ухожу!»

Возничий почему-то хромал и при ходьбе опирался на трость. Большой Нос заторопился по ряду. Видать, Большой Нос наемный приказчик, и помогает купцу присматривать за товаром и носильщиками.

— Мне говорили, он бывший раб, — сказал я о возничем.

— Освобожденный, — сказал тихо Ашри. Он не хотел, чтобы хромец нас рассыпал. — Теперь он временами мне помогает, а иногда сам свои дела ведет. Я подобрал его в Акампсисе.

Оказалось, Нос стащил с прилавка веревку, купец заподозрил неладное, пошел за ним и спросил, зачем она ему. Бедняга хотел повеситься, опасался за долги опять в кабалу попасть. Ассириец выкупил его долги, откормил досыта и научил вести счет товару. Добропорядочный торговец говорил о своих благодеяниях так же просто, как если бы рассуждал о достоинствах дойной коровы.

— Он научился взвешивать меры муки, но не сразу. Поначалу он ухаживал за двугорбым верблюдом, но тот издох. Тут у вас почва водянистая, им плохо.

Раб-подросток, взмокший от пота, пронес мимо нас на плече тюк шерсти.

— Мне пора, — прервал я купца, — скоро построение.

— Удачи!

— Нам обоим! — бросил я ассирийцу напоследок...

Смотр состоялся при заходящем солнце, но уже с загоревшимися факелами.

Пехота и всадники построились в шеренги на отчищенной от палаток рыночной площади. Там почва покрыта слоем щебетных плит, как черепаший панцирь, простор есть и грязи меньше. По бокам и позади ряды каменных лавок, а вход и выход один. Открытый, как

горловина кувшина. Пока обе когорты, громыхая оружием, сходились для построения, я еще раз перезнакомил Флавия с центурионами, декурионами и опционами.

– Кто ты? – оценивая командиров, Флавий остановил свой взор на ауксиларий.

– Предводитель вспомогательной конницы, – отчеканил апсил.

– Ах, это ты?! Похвально! – отозвался потеплевший взором Флавий. Он наклонился вперед и они обменялись рукопожатием. – Наслышен о тебе, – похлопал Флавий его по плечу. – Ты родом из Апсилии? А из какой ее части? Ах, Цибилиум! – источал простосердечие наместник. – Мы с твоим дядькой старинные приятели... Ах, он говорил? Да будут боги к тебе благосклонны! Хотя, о чем это я?! У вас ведь один бог... но это как тебе удобно, – поотечески отшутился наместник. – Я не против.

– Не отставай. Становись по правую руку, – пригласил его с собой Флавий. – Родич моего друга мой друг.

Я шел за ними и слышал их беседу урывками. Флавий спросил, как соплеменники Сиуарда отнеслись к его отступничеству.

– Что бы тебе обо мне не наплели, знай, я буду покровительствовать тебе во имя старой дружбы с Юлианом, – заверял шагающий наместник ауксилария. – Твой дядька мой собрат и друг Рима... Ты так и не ответил, а ведь у вас свои и строгие обычаи.

Я не рассыпал его ответа, но что-то в нем насторожило наместника. Дотоле невозмутимый Флавий резко остановился и внимал Сиуарду, как мне показалось, с удивлением. Флавий наконец-то понял, с кем имеет дело, и снова пожелал отшутиться, а Сиуард, наоборот, обознался и принял ласковое обхождение пропретора за неравнодушие.

– Почтенный Флавий, только ты можешь унять вражду на землях Абазгии, – наседал Сиуард, взывая к его бла-

городству. – Тебя царь выслушает. Судьба тех, кто попал в опалу, не завидна.

– Ты хочешь, чтобы царь смирился и унял свой гнев к его врагам и нашим? – посерезнел командующий.

– Хотя бы к семьям, – упрашивал Сиуард. – Наш обычай не позволяет мстить тем, кто не в состоянии ответить открыто и силой оружия. А пленников гоняют к морю и продают там как бессловесных овец. Враждовать ведь тоже уметь надо, тогда и противник нас зауважает.

– Э... Гм... гм...

Прокуратор вымученно улыбался. У мудрого змея много серебра, а еще у него есть подкупленные люди, по сути, его домашние рабы. С виду они самостоятельные. Пользуясь благообразной внешностью, рассудительностью и уважением в народе, всегда они измыслят способ отвлечь людей. Важное они высмеивают, или нарочно не замечают, а мелочь всякую обсуждают и превозносят. А тут ему приходится отвечать на прямой вопрос. Флавию потребовалось немного времени, чтобы прийти в себя, настолько он отвык от прямоты. Его вызволил Амадиус, и они, отойдя, о чем-то стали совещаться.

Флавий, послушав его напшептывания, задергал головой и обернулся к нам.

– Вы оба, – указал он пальцем поочередно на меня и Сиуарда. – Идемте со мной и стойте рядом. Остальные разойдитесь, каждый к своим отрядам, – отпустил он центурионов.

Стройные линии когорт имели хищный вид. В центре выстроились пешие, целый лес острых копий и тяжелые, загнутые, прямоугольные щиты с шипами в середине.

Кони всадников, в чешуйчатых доспехах, фыркали и били копытами по краям от пехоты. Турмы построились конными шеренгами по бокам сдвоенной когорты, каждая под своим значком и мордами коней к украшенному лентами шесту с орлом легиона. Золоченного, с распростертыми крыльями орла освещала манипула факелонос-

цев, в шлемах с гребнями из конского волоса, алых плащах и в сверкающих бликами ладных доспехах.

Все начальствующие мужи отошли от наместника. Даже нахал Амадиус сопел рядом со мной и только Тарис, как всегда, выпячивался, и встал на шаг от пропретора.

— А где твой цепной пес? — верчущий головой, и встретился глазами с ним. Наверное, догадка мелькнула у меня на лице. Гладиатор отвел взгляд, а я ощутил приступ гадливости. Будто ко мне змея подползает. Он стрелял! Это не абазги! Они бы убили меня при выходе из рощи! Зачем им сначала меня отпускать, потом догонять?! Какой же я дурак! Он охотится на меня, как на оленя, а я спиной к нему хожу и ничего не подозреваю. А он желает убедиться, что я слепец, и успокоить свою душу. Потому и зыркает на меня исподлобья. Вот что происходит!

Я не стал подавать виду, убрал ладонь с рукояти меча и стал поправлять застежку на плаще. Мне захотелось снова дотронуться до рукояти меча. Это как зуд. Нельзя. Я заставил себя улыбнуться, и едва заметно кивнул Лукиану. Тот по случаю смотра, помимо своего обычного молота с хищным клювом, нацепил на пояс и ножами с мечом.

Я даже не знаю, как его зовут. А он мой убийца, мясник со змеиным взглядом. Нельзя на него смотреть. Пусть эта мразь думает, что я беспечен. Тут он на меня точно не набросится.

Зачем ему моя смерть? Незачем. Значит, его подговорил сенатор. Тарис благочестивый и любит рассуждать о пороках. Дескать, обычаи попраны. А обычаи не попраны, их переинчили такие негодяи, как он. Изучая, но только для упрека, традиции, они копошатся и доискиваются до какого-нибудь нарушения у своих соперников. Выискивают, и всегда находят у тех, кто поднимает против них голову, нарушение морали. Одних выставлят рвачами, других сумасшедшими, уличат в непочтении к старшим, в кощунстве, третьих обвинят в предательстве, четвертых в разврате или еще в чем. И всегда найдут, за

что уцепиться, ибо безгрешных нет. Со мной не стали возиться, и решили задрать меня, как дичь, и свалить убийство на варваров. А вдруг Флавий сам в этом замешан? Может, Тарис ему предложил от меня избавиться без лишней огласки?

Освещенный огнями пропретор сначала молчал, обозревая толпу, потом поднял раскрытую ладонь, подождал, пока гул утихнет, как пловец перед прыжком, набрал в себя побольше воздуха и заговорил громко.

Не речь, а пустышка. Он, наверное, людей за ослов держит. Думает, они совсем дубы. По его логике, если воины хотят воспользоваться всем тем, чем он их прельщает, наоборот, самое время осторожничать и не подставлять себя под удар. Мертвым безразлична похвала и тем более щедрые выплаты. Если голова отделена от тела, рот уже не сможет есть и баxвалиться.

Хорошо стемнело. Он не видит моего лица.

Прямехонько напротив наместника стоит большеголовый карлик с изрытым осинами лицом, со впалой грудью, и с заржавленным умбоном щита. Это не выправка, это порча какая-то.

Рядом тоже кособокий, и все они люди Аскания. У кособокого как-то гладиус сломался, и он таскал на перевязи пустые ножны с рукоятью и огрызком меча. Он просто его не вытаскивал, и со стороны казалось, что он вооружен. Сутулы, взоры тяжелые, затуманенные, дряблые мускулы, изможденные, желтушные лица. Долгий день, слишком долгий. Воины Аскания клевали носами в строю. Ручаюсь, контуры выступающего плыли у них перед глазами и теряли четкость.

У кособокого заплыvший жиром глаз и рот вечно отвисший, как у рыбы. Видать, ему сопли дышать мешают, и он из-за них говорит, как чревовещатель, утробным голосом, будто изнутри него другой человек вещает. Как же его зовут?

– ...Надежный человек, только прибывший из земли санигов, – Флавий пошел в обход, – доносит, и его свидетельство правдиво. Неприятель разбил шатры в их земле. Этим утром сарматы....

– Чтоб тебя обезглавили! – буркнул я со злости. – Болван ты после этого!

Я стиснул зубы, и в душе ругал наместника: «Ну, какая необходимость?! Зачем ты это делаешь, старый болтливый осел?! Что он тебе плохого сделал?! Зачем его губишь?! Он неплохой человек, хоть и соглядатай, а ты вот так вот запросто разоблачил его перед всем строем».

Питиунт кишит варварами, и наверняка кто-нибудь при встрече узнает всадника прискакавшего в мое отсутствие на пятнистой лошади. Теперь, если даже мы отобьемся от сарматов, ему все равно не жить, и все благодаря Флавию. Пропретор решил прихвастинуть своей осведомленностью, и попутно загубил еще одну душу.

Лазутчик этот эллинского племени, он дружит со всеми и у всех свой. А еще он ловок в рыбной ловле. Ему сойдет и сеть, и удочка, а если и этого под рукой не окажется, он сломает палку, заострит ее ножом, станет посреди потока с нею и с трех ударов, на спор, заколет трех осетров. Так я с ним и повстречался. Мы быстро поладили, сели у костра, пожарили рыбу, и договорились. Эллин держал свое слово, и я свое. В Питиунте этот человек мало известен, а у своих он проживает на землях санигов. Они его приняли в племя. Женился он на их женщине, обустроил себе шалаш, а вскорости возвел новый дом, из каштановых досок, украшенный и на подпорках. Рыбаку такого не построить, это стало возможным на римское серебро, как и его виноградник. Эллин крайне осторожный, посещал меня под предлогом обмена сущеной рыбы на соль и воск.

Утром я разминулся с ним ненамного. Он прискакал без промедления, как только понял, что стряслось. Чужак со всклоченной бородой и на взмыленной лошади,

постучался рукоятью кинжала по обитым медью воротам и вызвал подозрения стражников.

Караульные его коня под уздцы взяли, а он на них злится и торопит. Пожелал меня увидеть. Они его спрашивают, зачем, а он им грубит в ответ. Его скрутили и доставили к префекту, и оказавшись лицом к лицу с Амадиусом, смекалистый парень сразу понял – если будет запираться и настаивать на разговоре со мной, ему переломают все кости. Амадиус известил пропретора, и они устроили ему допрос. Вернувшись, я переговорил с ним, и сразу отпустил его восвояси. Он должен был вернуться, пока его не хватились, но знал бы я, что учудит Флавий, я бы его при себе оставил.

– ...копий целый лес...

– А что твое племя, саниг? – расспрашиваю я его. – Спадаг не забыл, что он клиент Рима?

– На него нет никакой надежды, Кассий.

– Пора ему исполнить клятву.

– Плевал он на клятвы! Спадаг велел отогнать весь скот, и заперся за частоколом на своих холмах, повалил деревья в ущельях, и сказал соплеменникам: «Пускай не пристают к нам. Их вражда нас не касается. Разделайтесь с каждым, кто к нам сунется, не важно, с миром или воиной, римлянин он или алан. Пускай обходят нас, мы им не помощники, и мы им не противники».

Просто и разумно! Спадагу не откажешь в здравомыслии. Он присоединится к победителю.

Я успел все это припомнить, а пропретор тем временем гремел, как медный кувшин по камням. И откуда только у него силы берутся так орать. Наверняка старик так бодр оттого, что отсыпается до полудня.

– ...Сыны Рима! – ораторствовал Флавий, прогуливаясь в мягких сандалиях перед грубым, загорелым строем.
– Горстка безумных и жестоких варваров дерзнула преступить пределы империи. К вашей славе, они избрали для этого вверенный вам удел. Их не так уж и много, –

обнадеживал он слушателей, заглядывая им в глаза, – дикии, в отличие от вас, не обучены строю и дисциплине. Но они пошли на нас, и я уверен, они получат то, зачем явились. Вы спросите, зачем же они явились?

Никто его ни о чем не спрашивал, и все хотели отдохнуть.

– ...А я вам скажу, зачем... Я вам больше скажу... – загадил наместник. – Дикии ненавидят любое проявление порядка и твердые законы. В их сумрачных краях, окутанных вечными снегами, каждый беснуется, не зная своего места. Они скитаются по окраинам своей земли в поисках бреши, в которую могли бы хлынуть. И они будут двигаться до тех пор, пока Рим силой оружия не заставит их осесть на своей бесплодной и мерзлой земле. Их безумные вожди поймут, что тягаться с Римом, это все равно, что скалу колотить кулаками!

Тут Флавий заметил кособокого и смущился. Тот, с бельмом на глазу, и смотрит на наместника как баран, не мигает. Флавий некоторое время не мог думать ни о чем другом, и забыл, на чем остановился. Он не нарочно, но кому объяснишь, что командующий, говорит не от души, а заучил несколько выражений, которые повторяет к месту и не к месту.

– Гм... Так о чём это я...

Скучающие, отсутствующие лица воинов свидетельствовали – речь не произвела на них впечатления. Флавий бросил на меня тревожный взгляд.

– Почтенный наместник! – я поднял руку.

Прежде чем выйти вперед, я испросил позволения, и пропретор, поняв, о чём я, задергал седовласой головой и представил меня жестом когорте.

– Друзья, братья, разные люди под римскими значками! – воззвал я к соратникам. Я заговорил неторопливо, но сам не знаю почему, у меня появилась отышка, хотя я не бежал. – Мне нечего добавить. Я хочу только спросить вас. Выйдите из строя те, у кого есть пристанище в слу-

чае бегства, – возгласил я, обводя строй глазами. – Нет, если кто-то из вас может, как дельфин, уплыть отсюда, я его не осуждаю. Напротив, я полагаю, такой человек может позволить себе быть малодушным.

Один усмехнулся, другой прыснул от смеха, я тоже засмеялся. Отлично. Тревога начинает рассеиваться.

– Что ж, в таком случае я спокоен за нашу честь перед моим командующим. Если, конечно же, сами боги не унесут вас с поля боя, вы обречены на храбрость. В нашем положении любой исход, кроме победы, отрезан. Поэтому постараитесь одолеть врага. Не во имя Рима, для себя! Если же... Гм... Если же наше счастье станет колебаться, всякое случается, то я предпочту смерть воина смерти труса. А теперь попытайтесь уснуть, возможно, после небольших возлияний у вас это получится. Хотя, нет, постойте! Ответьте мне еще на такой вопрос. Потрин! – рыскал я по строю. – Потрин здесь?

– Здесь! – выкрикнул воин из третьего ряда и потряс копьем.

– Выди, дружище! – поманил я его, и указал остальным на вышедшего из строя. – Его утром укусил волк... или шакал... Кто тебя покусал, Потрин?

– Э... М...

– Не стесняйся, скажи, чтобы все слышали!

– Чуть крупнее собаки... – урчал Потрин.

– Чуть крупнее собаки! – повторил я во всеуслышание. Потрин задергал головой. – Его укусило что-то чуть крупнее собаки! Потрин, а что покрупнее собаки живет в лесу и воет на луну? Что это? Волк?

– Волк, – подтвердил кивающий легионер.

– Отец мудрости! – указал я обеими руками на Потрина.

То тут, то там послышались смешки и непристойные остроты. Этого я и добивался. Невозможно быть запуганным и смеяться одновременно.

Даже мрачноватый Салюст скривил рот в усмешке. Салюст метатель копья и непревзойденный кулачный боец. Он в свое время попал в еще худшую передрягу. Его ужалил скорпион, и он от этого едва не помер.

Эта нелепая история, еще более нелепая, чем с Потрином. Будучи вусмерть пьяным, Салюст шатался среди лавок, опрокинул горшки и повздорил с питунским богатеем Никием. Он с одного удара уложил того и выбил ему два передних зуба. Домочадцы купца и стражники валили его вповалку, а он от них отбивался, как бык от шавок. Салюст был без ножа, он его всегда оставлял, когда пить начинал, иначе бы им не поздоровилось. Часовые при оружии вчетвером окружили его, а он приметил палку на траве и к ней метнулся. Стража уронила щиты и попадала со смеху. Салюст силился отделить выступающие от земли корни от дерева, и едва не преуспел. Силач недолго так помучился, а потом вскрикнул, и уже по дороге в темницу лишился чувств. Его окатили холодной водой и заперли на пару дней, а когда отворили, увидели, что он превратился в чудище, припухшее, как утопленник. Салюст нес несусветный бред, колотил в дверь и орал, что погибает от жажды. Он пытал, как головешка, и его посчитали все еще буйным. Его пару раз окатили водой и вновь заперли. Лечения хватило, чтобы он выжил, однако с той поры Салюст изменился: говорил тихим голосом, стал сторониться забав и товарищей более обычного.

Несмотря на детский рост, он едва дотягивает до четырех локтей с ладоню, Салюст гибкий и опасен, как молния. Он метает свинцовые шарики далеко и с большой точностью, а еще он верткий, ловкий ратоборец и усмиритель коней. Салюст однажды усмирил гордого, черного, как тьма, полудикого коня. Схватил его за гриву, вспрыгнул ему на спину, продел ему в зубы веревку и пустил рысью по прибрежным камням. Одним богам ведомо, как конь не споткнулся. «Демон демона усмирил», – говорили насчет этого случая воины.

Скоро понадобиться его отчаянная решимость. Салюст не впадает в паралич в суматохе резни, он подвижен. Он колит, метает, толкает щитом и, главное, быстро соображает. Он создан богами для волчьей грызни, и только в ней чувствуют свое превосходство.

— А скажи, Салюст, — выделил я его из строя и обратился к нему. — Говорят, раньше ты был сельский житель.

— Волопасом был, — прощедил он сквозь зубы, и возвысил голос к товарищам: — И ничуть этого не стыжусь!

— И видят боги, не за что! — поддержал я его громко. — Раз ты селянин, тогда тебе ведомо, как волки крадут кур.

— Курица спит на ветке, а волк подкрадывается, — чеканил каждое слово Салюст. — Волк становится под деревом на задние лапы и начинает его трясти.

— Он может повалить дерево?

Вместо ответа Салюст отрицательно замотал головой. Я оставил его, и продолжил расхаживать перед строем.

— Наберитесь терпения. Я вам объясню, к чему я клоню. Вы спросите, зачем зверь трясет дерево, — ввернулся я ораторский прием Флавия. — Волк ее будит. Он не способен ни взобраться вверх, ни вырвать дерево с корнем. Волк рычит и скребется, и ждет, когда курица сама упадет. И она его не подводит. Курица падает. Она лишается рассудка от страха. Для того, чтобы выжить, ей надо лишь не терять присутствия духа и покрепче держаться на ветке, но она на это не способна. Она ведь курица. Сердце у нее птичье. Слишком быстро бьется... Мы в укрепленном лагере, у нас катапульты, пращи и огонь! — резко возгласил я и указал воинам вдаль. — А они пришли за добычей, так пусть сами ею станут! С нами Потрин, он голыми руками рвет клыкастые пасти волкам! С нами Салюст! Он, я подозреваю, сам наполовину волк, а кровь его яд скорпиона, и им не выкорчевать Питиунт! — единодушный ответный клич обеих когорт возопил к темным небесам, а я пытался переорать дикий ор. — А еще с нами острые мечи и выручка! Сарматам с нами не совладать, сколько бы их

ни было! Если только мы не куры! Мы куры или нет? Отвечайте громче, я вас плохо слышу! А? Не слышу ответа. Или, может быть, вы... Вы боитесь?

Раздался многоголосый рык и стук древками копий по щитам. Некоторые обнажили мечи и ударяли плашмя по щитам, кони заржали. От шума сотрясся воздух на много стадий от Питиунта. Думаю, даже у сарматов, притаившихся в лесах, кровь в жилах застыла. Пусть гадают, что у нас тут происходит.

Воины, переговариваясь, разбрелись по постам и казармам, кому как повезло, а командование сошлось на военный совет. Он состоялся во вновь возведенном и прочном сосновом срубе, еще не крашенном и источавшем запах сырой древесины.

Человек пятнадцать теснилось вокруг просторного стола с картой, ярко освещенной пламенем толстых восковых свечей. Устланный сосновыми досками пол местами ссохся, выгнулся и скрипел. Стоило мне сделать шаг или даже переставить вес с ноги на ногу, как скрипучие половицы давали знать об этом наместнику. Тот виссал на высоком, резном кресле, рядом сидел на табурете Ливий Домициан, а все остальные стояли.

По правую руку от Флавия, скрестив руки на груди, молчал начальник стражи Амадиус. Бок о бок с ним стоял юркий интриган Тарис, от его начищенного нагрудника и запястья бликами глаза слепило. Еще двое телохранителей-преторианцев встали у дверей, а их длинные скрещенные пики тенью нависли над картой.

Амадиус и Тарис не смотрели на меня и питиунтских центурионов, и тем выказывали нам свое превосходство.

Повисшая тишина нарушилась сопящим шумным дыханием воинов, их кряхтением, шуршанием плащей, да едва слышным звяканьем рукоятей мечей о доспехи. Ливий объяснял что-то склонившемуся Ампелаю вполголоса и водил указкой по карте. Лукиан даже не рассматривал карту, а следил за полетом мошкы вокруг факела,

укрепленного на стене. Остальные ожидали, когда Флавий перестанет шамкать ртом и обводить всех присутствующих строгим взглядом.

– Тут собрались те, кто знает правду и без меня, – нарушил он тягостное молчание. – Угроза нависла нешуточная. Не спешите возражать, – взмахом руки предупредил он меня. – Такое бывало прежде и с лучшими воителями... Ярость идет к нам отсюда и отсюда, – прокуратор поочередно тыкнул длинной тростью в карту. – С гор, на стыке брухов и санигов. И отсюда возможно тоже. Там тоже проход через скалы. По нашим подсчетам, сарматов не менее десяти тысяч только на одном направлении. Сплошь всадники. Переход их слегка потрепал, но уверяю вас, когда они обрушатся на нас, мы натерпимся. Так что готовьтесь к худшему.

– Друг мой, мы в надежном убежище, – успокаивающим голосом высказал свое мнение Ливий, и кивнул Флавию на меня. – Я согласен с Кассием. Если противоборствовать сарматам с головой, и никто не поддастся слабости, им не взломать наших ворот.

У Флавия аж лицо от морщин разгладилось. Он внимал каждому слову стратега. Обычно Ливий Домициан отмалчивается, но если уж высажется, так его стоит выслушать.

Я переглянулся с Ампелаем. Тот едва прикрыл глаз на бесстрастном лице, дескать, не стоит благодарности. Теперь ясно, кто похвалил меня Ливию.

– Они, конечно, лихие наездники, но это слабое утешение против башен и бойниц, – продолжал ободрять Ливий. – У них нет осадных орудий.

– А вдруг? – напомнил всем о себе трибун.

– Через горы с такой тяжестью никак, – отмел такую возможность стратег. – Чтобы на месте смастерить их, нужны плотники, пилы, топоры, корабельный лес, но, самое главное, умение и время. Тут колеса от арбы и заостренный ствол не подойдут. Тут ров, они его просто

не докатят до ворот. Так что, если не выйдем из укреплений, они не заберутся в наш курятник.

– А ты что думаешь? – спросил Флавий у Сиуарда. – Потому что стоит запереться в крепости?

– По здравом размышлении стоит. Но...

– А не по здравом?.. Не робей! Что думаешь?

– Те, кто открыто выразил нам сочувствие... Если мы их покинем, их ждут не плenение и гнет, их просто вырежут, – рассуждал ауксиларий. – Я уже не говорю о том позоре, который испытывают римляне и эллины, поселившиеся на здешних землях. Мы оставляем на растерзание не только абазгов и санигов, но и ветеранов, они тут повсюду рассеяны, – убеждал легата Сиуард. – Оставаясь в крепости, мы спасем себя, выйдя из врат – свою честь и доброе имя.

– Нет, нет, этого делать нельзя. На открытой равнине... – вмешался центурион Лукиан, но поднятая кверху рука наместника заставила его умолкнуть.

– Мы должны думать не только каждый о своей пользе, но и об общем благе, – осадил его Флавий.

Центурион засопел от бессильной досады. Его глаза налились кровью. Лукиан воспринял это как упрек в трусости.

– Твое мнение, старший центурион? – все так же хладнокровно опрашивал Флавий.

– А что я?! – пожал я плечами. – Я согласен с почтенным Ливием. И с Лукианом тоже согласен. Две когорты за укрепленными стенами еще куда ни шло, но в пустоши, против конной лавы...

– Говори прямо, Кассий. Потому что мы не выдержим удар кавалерии в открытом поле? – допрашивал прокуратор. – Так?

– Их катафракты порвут шеренгу в клочья, – вместо меня ответил Ампелай. – Даже если слух преувеличен дважды, сарматов по меньшей мере тысяч пять. При таком перевесе они смогут легко замкнуть нас в кольцо, и

будут забрасывать стрелами, сами при этом то наскакивая, то отходя прочь. Силой лишь одной пехоты мы не сможем опрокинуть их строй в лоб, если, конечно, не припрем их к болоту или скалам. Выйдя в открытое поле, мы наделаем бед, – заключил Ампелай.

– Две когорты, это, как ни крути, всего лишь тысяча с лишком, – поддержал я друга, прибедняясь. – Да и того у нас не наберется, когда за стены выйдем... Нет, я не отрицаю.... Есть еще гарнизоны и в Себастополисе, и в Нитике, и в Гионосе. Да только это все разрозненно. Все равно, что бить оттопыренными пальцами. У нас нет возможности собрать их в кулак.

Только мне показалось, что Флавий принял окончательное решение поостеречься, как вдруг Ливий изменил своему первоначальному мнению, и на него нашел совсем неуместный и пугающий нас всех приступ решительности.

– А он прав! – вымолвил стратег, тыкая пальцем в сторону аписла. – Нельзя позволить раскалывать нас, как орехи, поодиночке. Если мы сами свяжем себя крепкими оковами и запремся каждый в своих крепостях, то это повлечет варваров с неодолимой силой к перемирию с пришельцами.

– Отдельный мир? – встревожился пропретор.

– Именно так, – подтвердил Ливий. – А чтобы худшие опасения не сбылись, нам надо воспользоваться разумом. Вот смотрите. – Стратег поднялся, наклонился над картой и стал водить по ней указательным пальцем.

– Если разрушить свайный мост, вот здесь, между нами и Нитикой, то сарматы будут заключены между речным потоком, хребтом отсюда, здесь Питиунт и теснины поверх Нитики. И тут море по всей протяженности, а они не имеют для бегства даже плата.

– А с чего им бежать?! – вмешался Лукиан.

– Довольно! – настрого запретил ему Флавий. – Центурион, и ты, Амадиус, – предупредил он префекта, воз-

намерившегося что-то сказать, – прошу вас обоих помолчать! Я понял разногласия, и говорю со стратегом, – напомнил он всем. – По-староримскому обычаю, я должен выслушать, сначала вас, младших. Так заведено, чтобы вы не поддакивали предводителям, но это еще не означает, что решения принимаете вы... Насколько эти, обозначенные на карте реки, широки и стремительны? Их легко перейти вплавь? Кто знает?

Сиуард легонько задел меня локтем.

– Да... Хотя нет.

– Так широки или нет, Кассий? Ты уж определись!

– Здешние реки обманчивы, – поведал я Флавию. – С виду текут широким и низким потоком, собака вброд перейдет, а как вздуются от дождей, так их не перейти.

– Так сжигаем мост или нет? Ты можешь ответить? Здесь же есть мост? – Флавий коснулся острием указки нарисованных черточек.

– Мост-то есть... Во всяком случае, был, если его не унесло вчера течением. Но я бы не стал тревожиться за то, что он долго простоит. Сарматы сами хотят нас отрезать.

– Они этого не сделают, – отрезал стратег, – если не дураки. Варвары будут шастать по побережью, уверенные в нашей нерешительности, а вот мы, наоборот, должны все им порушить, затруднить их пути для передвижения конницы. Если все постройки нашими останутся, потом можно все отстроить, а если нет, так чего их щадить?!

– Надо крушить все подряд, не только этот мост, – вмешался я. – Все порушим! Их цель грабеж, а не завоевание.

– Продолжай, Кассий.

– Сарматы ударят либо по нам, либо по Нитике, – показал я на карте. – Выждут времена. Либо удалятся с награбленным в пределы побережных зихов, либо, если дела пойдут хорошо, переправятся налегке через реку, запрут Ресмага в его крепости, разведут вокруг костры, а сами

пойдут, как волны, дальше, разорять окрестности Себа-стополиса и Апсилию.

– В Апсилию? – переспросил Флавий и обернулся к Сиуарду. – Это ведь твои родные места. Как обустроена стена и где ее слабые места? Расскажи нам все о ней, а мы охотно тебя выслушаем.

– Вдоль всей стены караульные в башнях, – рассказывал Сиуард. – Башни частично бревенчатые, а частично каменные, а сама стена построена непрерывной цепью на высоких, лишенных растительности, холмах, и дальше на скалах. При угрозах к постоянным сторожевым отрядам присоединяются окрестные жители. Вооружение у них не ахти какое, но они неплохие лучники, и камни могут скидывать на наступающих.

– Насколько они хорошие лучники? – выпытывал у него Ливий.

– Отличные, – высказался я. – Они могут достать стрелами за сотню, и даже за две сотни шагов, с учетом той высоты, на которой стоят. Днем сарматы не подберутся к их укреплениям незаметно, а ночью вскарабкаться во тьме еще труднее.

– Значит, там для них нет никакой надежды, – с удовлетворением заключил Флавий.

– Не совсем так, – поспешил я возразить. – В горах, вот здесь, – склонившись над картой, я показал ему на краешек земли повыше абазгской Тракеи, – есть место, пригодное для атаки. Тут они могут пробить оборону.

– А что там? – прищурился на точку Флавий.

– Там стена была, но от сырости обвалилась, – извиняющимся голосом произнес апсил.

– Решатся ли? – пробурчал себе под нос Флавий.

– Еще как решатся, – закивал ему остроухий Лукиан.

– Если признают – допустил Ливий.

– Прознают, – утверждал упрямый Лукиан.

– Центурион говорит так, будто читает мысли предводителя сарматов, – выпустил яд Тарис. Он долго ждал

удобного момента. – Для них – победа или смерть. Другого нет.

– Как и для нас, – парировал Флавий. – Разве нет?

– Не совсем, – ответил наместнику Лукиан, и тот, не ожидавший возражений, пристально на него посмотрел. – Судьба, ставя сарматов перед необходимостью сражаться, предлагает им, в случае успеха, самые высокие награды, какие только можно себе представить. Мы даже в молитвах такое не просим, – упрекнул он Флавия. – Все, что поколениями собирали местные племена и Рим ценою стольких трудов, все, чем переполнены приморские города, все это перейдет к победителям... А мы?! – хмыкнул Лукиан, пожимая плечами. – Мы в случае победы пожрем свой скучный обед из чечевицы и свинины, если животы не будут распороты.

– Я понимаю, – поспешил согласился Флавий. Пропретор почувствовал себя неуютно, заерзал в кресле и обернулся к Тарису. – Другого им не дано. Имея перед собой щедрую добычу, сарматы будут дерзать.

Флавий изменил высокомерный тон по отношению к центуриону на примирительный. Ему хватило и намека. Старый лис знает, будь он хоть трижды легат, того, кто скоро заглянет в лицо смерти, опасно не уважить. Центурион может и напрямую напомнить об обещанных выплатах и увольнении ветеранов со службы, ему терять особо нечего. Лукиан смел и прям, от такого можно ожидать чего угодно. Подобные люди тем более опасны, чем они сами в опасности. С мгновение Флавий собирался мыслями, а потом, прервав молчание, удивил многих.

– Дети, мои, – заговорил он с нами ласково, отеческим тоном, – я понимаю. Вы долго мучаетесь, не получая достойного вознаграждения за свои ратные труды. Соглашусь с вами. Да. Все это верно, – закивал он самому себе. – Но и вы поймите. Здесь, в этой позабытой крепостце у моря, свершится судьба Рима на столетия. На сотню лет, на две. Я не шучу. Не в Риме или Равенне,

а именно здесь, на дальних подступах! – присовокупил Флавий и при этом тихонько стукнул костяшками пальцев по столу. – Если варвары вырвутся из своих степей и разгонятся, то, даже если потом мы их остановим, то они войдут во вкус и будут атаковать границы снова и снова. Тогда империя падет, ни меньше. Если же сарматы застрянут в кавказских теснинах, то их яд пойдет внутрь и их самих отравит. Они надолго погрызнут во внутренних распрях. В таком случае это даст нам передышку и укрепит Рим. Но горе нам, и потомкам нашим, если они почувствуют, что могут нас победить! Они сообща будут требовать все больше и больше. Раз перейдя на жизнь привольную и раздольную, получив богатую награду, они уже не остановятся на полпути. Так что это вам не какое-то захолустное ристалище, а самая что ни на есть битва за Понт, тот, каким мы его знаем, – завздыхал Флавий и потряс пальцем перед собой. – Послушайте меня все, и внимательно. Я обещаю вам, всем стоящим сейчас предо мной, эта война, для вас будет скоротечной, ужасной и последней. Она назначена вам самой судьбой как предел ваших страданий. И разве не милость судьбы указывает вам один единственный путь и к спасению, и к славе, отрезая для вас все остальные пути, дабы вы не могли ошибиться, не имея выбора?!

– Верно! Правильно! А как же иначе?! – голоса предводителей когорт зазвучали уверенней.

– Повремените, – молвил им Флавий, подняв руку, и вновь водворилось тишина. – Я уполномочен народом и сенатом Рима командовать этой провинцией, – заявил он торжественно. – Я принял эту должность по обрядам богов и древним, недвусмысленным законам. А кто их военачальник? – Флавий указал рукой в сторону трибуна, и все взоры обратились на Апия. – Еще недавно он был конокрадом, – произнес Флавий и, замечая расширенные от ужаса глаза трибуна, успокоил: – Я имею в виду предводителя сарматов. – Апий издал вздох облегчения, а про-

претор продолжил: – А теперь он, поддержаный варварским ненадежным союзом, желает заполучить чужое.

«Конокрад, – мысленно повторил я вслед за Флавием. – Легко обзваться врага за спиной, а ты попробуй, брось ему это в лицо, и он тебе глотку перережет. Да что ты знаешь о войне?! Ничего в сравнении с сарматским воителем. Там в предводители выбиваются в лютых схватках, безвестных поединках и скачках, а у нас, латинян, подкуп, отрава, удавка и сплетни. В открытом сражении таким, как Флавий, надо держаться подальше от «конокрадов», для этого есть Лукиан, Сиуард или я. Потом нас можно оболгать и лишить награды, можно наши общие усилия приписать кому-нибудь одному и своему. А нас самих отправить на еще какую войну, недостатка во врагах у Рима нет, нас все ненавидят».

«Немало цены» Флавий придавал тому обстоятельству, что среди нас нет таких, кто давно не знает друг друга. По его замыслу, это должно помешать плохо знакомым друг с другом варварам пробить копьями наши доспехи.

– ...Завтра на рассвете мы начнем битву! – пообещал Флавий, и половицы ходуном заходили. – Они думают, мы будем робко отсиживаться за стенами, но плохо они знают сынов Рима! – воодушевлял он нас. – Мы грозною ратью надвинемся на них. Мы потому уже должны обнаружить в бою большую решимость, чем враг, что бодрость и везение всегда в большей мере сопутствует отдохнувшим и атакующим, чем обороняющимся и изможденным длительным переходом через горный хребет.

Дальше Флавий, в отсутствии денег, наобещал всем земли на Апсаре, в Диоскурии, в Питиунте, Гюэнесе, повсюду, где кто пожелает. Я считал его серьезным человеком, а он сыпал обещаниями, как должник, старающийся поскорее избавиться от назойливых кредиторов. Значит, дело еще хуже, чем я предполагал.

– Послужите Риму, и я вас освобожу от повинности и вас самих, и детей ваших, – прельщал он собравшихся. – Если же кто вместо земли предпочтет серебро, я выдам ему вознаграждение полной мерой...

Он не жалел увещеваний, способных воодушевить людей перед лицом смерти, но судя по сумрачным лицам слушателей, они уже переболели проказой обещаний и больше она их не трогает. Тщеславие завладело лишь Асканием и трибуном. Последний уже трясся, предвкушая возможность взять ответное слово.

– Грядет к нам буря, – заявил трибун, улучив момент. – Но знай, славный легат, мы не посрамим трусостью твоё доверие, и прах наших предков, которые в земле под нами!

– Гм... Мы все еще в Абазгии, Апий, – съязвил Лукиан.

– Я знаю! – рявкнул он в ответ, и клятвенно пообещал наместнику: – Надо будет пасть на поле боя, падем!

– Было бы лучше, если бы сарматы пали, – предпочел Ливий.

– Что ж, очень хорошо! – хлопнув в ладоши, замирял нас Флавий. – Дружней за дело!

Пропретор поднялся с кресла, и остальные расслабились.

– На два слова, – попросил я Флавия, перебив его беседу с Ливием Домицианом.

– Я сейчас, – пообещал он стратегу, и отошел со мной в дальний от двери угол.

– Почтенный пропретор, мне кажется...

– Обожди! – перебил он меня и помахал рукой Ампелю, тот, перекидывая через голову ремень, на коем покоился его меч в ножнах, двинулся к двери, и напоследок кивнул пропретору. – Теперь говори.

– За стеной и с нашим оружием еще куда ни шло, но в открытом поле нам стоит поостеречься. Это нехорошая затея.

– Оставь легат, – отмахнулся он. – Иди, лучше выспись. А завтра раззадорь своих людей.

– Если отложить атаку, то уже к вечеру они начнут тухнуть.

– Вот именно, – произнес Флавий, склонившись ко мне, глядя поочередно то на меня, то на наблюдающих за нами. – От смелости каждого зависит общая судьба.

– Нет, я согласен. Решимость, это многое. Но есть еще...

– Не хнычь, Кассий, – пропретор недовольно поморщился. – И без тебя тошно. Пока твои воины тебя не подвели. Ты же сам говорил, что у тебя сплошь не прошедшая сражений молодежь. Для таких ожидание хуже всего.

– Но это же глупо....

– Ты это брось! – уже угрожающе зашипел на меня пропретор и, встав спиной к косым, любопытным взглядам, потребовал: – Улыбнись! Тебя этому не учили? Улыбнись мне уверенно.

– Что?

– Они на тебя смотрят, – наклонился он ко мне. – Улыбнись, и закивай мне, будто я развеял твои сомнения.

Я деланно расплылся в улыбке, пропретор по-отечески потрепал меня по голове, взял за локоть и, веселясь от души, повел обратно к сбитым с толку соратникам.

Уже удаляясь к себе, я потер усталые глаза и глянул в звездное небо. Что оно нам готовит? Я еще одну ночь отдохну в своей постели, а Сиуарда, беднягу, только что отослали в темень с кавалерийский разъездом. Его турма состоит почти целиком из местных варваров, и в этом их преимущество. Они используют наше оружие, но при своих одеяниях, и говорят на своем. В темноте они могут сойти за варварскую шайку. Флавий приказал ауксилиарию, не поднимая лишнего шума, пройтись вдоль береговой линии на закат до скалы с утесом, замыкающим берег. Возможно, за ней скрыты костры и палатки сармата-

тов, а мы их не видим. Надо разузнать о местоположении и численности вражеских отрядов, а потому всадникам придется рискнуть. Скала скрывает от нас обзор, и это единственное место, через которое они могут скрытно подобраться к Питунту.

— Надеюсь, тебе не надо объяснять, что если там горят костры, тебе не надо подходить близко.

Напутствуя Сиуарда у коновязи, я краем глаза заметил незнакомца. Мне показалось, он нарочно отстал от уже движущихся верхом товарищей. Этот человек усердно поправлял и подвязывал черпак на своем коне, и при этом косился на нас. Ручаюсь, он прислушивался к нашему разговору.

Я украдкой подал знак апсилу, и заговорил негромко, но так, чтобы тот ухватил сказанное.

— Скоро наши дела улучшатся. Не сегодня, так завтра подоспеет флот.

— Ты имеешь в виду Петрония? — деловито переспросил Сиуард, на ходу выдумавший несуществующего тетрарха.

— Конечно, а кого же еще?! Он не подведет, — пообещал я, и добавил потише, когда любопытный наконец-то уселся верхом и отъехал от нас: — Не нравится мне этот парень.

— Он никому не нравится. Я тоже за ним приглядываю.

Мы порешили, что на обратном пути Сиуард оставит его в одиночный караул за стенами. Так ему легче будет сбежать.

Если я прав, и любопытный парень перебежчик, цены бы ему не было. Он бы распространял слух о готовящейся высадке римлян, и это сковало бы их силы. Лишь бы ему хватило духу переметнуться, а так словит стрелу, не принеся никому пользы.

Повсюду со скрипом затворялись двери, ставни и ворота. Жара спала, и все отходили ко сну, кроме часовых,

собравшихся вокруг жаровни, и истошно лающей на проходящий мимо разъезд шавки с кривым хвостом.

Несколько лучников обступили в полутьме трибуна и охотно слушали его рассказы. По всей видимости, речь шла о грядущих выплатах.

– ...каждому! – потирая руки заключил Апий и, заметив меня, поспешил назначить в свидетели: – Ведь так, командир?

– Так! – обронил я мимоходом.

– Куда ты, Кассий? – окликнул он меня.

– На башню. Подышу свежим воздухом.

Я там обычно во тьме бормотал молитвы небу, и с высоты обозревал погруженные во мрак и дремоту предгорья. Ни единого огонька, но они там noctуют. На исходе лета им нет особой нужды разжигать огни, а в преддверии большой поживы они потерпят. Жестокие враги склонились в дебрях, и ждут, когда рог созвовет их в общий набег. Им можно питаться и заготовленным впрок копченым мясом и плодами, которых вдоволь в дремучих лесах.

Пробурчав, что положено, в небеса, я отошел и присел на сложенные для катапульты булыги.

– На Диоскурию не пойдут, размышлял я. Обойти ее им тоже навряд ли удастся, в таком случае они выйдут к башням жителей ущелья Коракса и истокам Коракса. Этот Коракс и в устье не подарок – течение свирепое, сшибающее с ног, и непредсказуемое. Его не перейти, не зная брода. А может, их цель вторгнуться в пределы Лазики, а затем в саму Каппадокию еще более углубившись в римские земли? Они сначала нападут на нас, чтобы захватить наши корабли и стоянки. Сарматы уверены, что им удастся склонить все окрестные народы к союзу с ними, и тогда они станут перебрасывать через море свои шайки. Понтийские варвары неплохие моряки, и малопомалу они настроят им для вторжения необходимый флот. Им даже не придется ввязываться в серьезные бои.

Они гораздо смысленнее покойного Митридата. Он против нас собрал единую армию понтийских народов, но сухопутную и против римского строя, а они сделают это против беззащитных храмов и богатых торжищ. Каждый захочет в этом поучаствовать, будет, чем поживиться, успевай только захватывать корабли и перебрасывать при тихом море головорезов на другой берег.

Разобраться в планах противники – это уже полдела, подбадривал я себя по пути в свою комнату. Я собирался отоспаться перед тяжелыми днями, но все мои планы обрушились.

В предрассветную стражу меня разбудили грохот и крики. Чьи-то увесистые кулаки барабанили во все двери сразу. Я протер глаза и вскочил с ложа. За дверью суматоха, возгласы, гулкий топот башмаков по каменном полу коридора, позвякивание оружия. Для резни слишком тихо, а для мелочи слишком буйно. Я быстро оделся, перекинул меч с перевязью через плечо и отворил дверь.

– Что происходит? – спрашиваю я встревоженного караульного.

– Нитика горит! – бросил он, обернувшись, на ходу, и побежал будить остальных.

Я на случай, если встречусь с наймитом Тариса, вытащил меч и тоже побежался по слaboосвещенным переходам. Когда я взбежал по ступенькам на смотровую площадку, там, плотнее запахиваясь в плащ и ежась от утренней прохлады, уже стоял Лукиан, а с ним трое караульных. Все четверо ахали, вытянув шеи и встав на носочки, высматривали что-то вдали.

Спросонья я потер глаза, сдерживая зевоту, прикрыл рот ладонью и уставиля туда, куда они указывали друг другу пальцами. Едва заметный алый отсвет издали можно было спутать с только забрезжившим рассветом, но это не рассвет. Рассвет не занимается на закате. Это пылали кровли – солома и дерево.

– Почему сразу не доложил? – набросился на часового Лукиан.

– Во вторую стражу, как светлячок то загорался, то тух, – урчал часовой в оправдание и испуганно дергал плечами.

Другие кривились и переглядывались меж собой исподлобья. Оказалось, они полночи с открытыми ртами на все глазели, желая удостовериться, что это не просто большой костер, и все-таки им пришлось поверить собственным глазам. С внутреннего двора доносился шум, лязг оружия и окрики пробуждающегося гарнизона.

Когорты просыпались, разбирали оружие и строились. Небо над лесистыми горами продолжало светлеть. Оно уже озарило ласковым багровым светом обветшалую крепость, все еще ярко освещенную факелами, когда Лукиан слегка толкнул мое плечо и молча показал на скакавшего во весь опор к запертым воротам всадника.

Когда всадник приблизился до одного полета стрелы от башни, я разглядел его получше. Поверх рубахи безрукавка из выделанных барабаных шкур, с дырами для рук, в руке копье, круглый, обмотанный бычьей шкурой щит перекинут ремнем через плечо и болтается на спине.

– Э! Э! Э! – по нарастающей возвысил голос один из караульных.

В мгновение ока расторопный лучник вытащил из колчана стрелу, приладил ее к ясеневому луку и нацелился на скачущего по ту сторону стены. Лучник уже был готов разжать пальцы, как Лукиан в последний миг отвел его руку вбок, и стрела, не причинив никому вреда, вонзилась в землю под стеной.

– Свой! – сказал он лучнику, и приказал с башни громовым голосом: – Открыть ворота!

Ответом ему была возня и ругань стражников у ворот, а потому проворный лучник, ничуть не обидевшись на грубость центуриона, подбежал к краю башни и, свесившись вниз, окликнул часовых. Те ему что-то ответили, и

он им выкрикнул: «Вы что, тупицы, оглохли?! Впустите его!»

Послышалась суета, лязг отворяемых засовов и скрежет петель. Конь абазга, поржав, остановился перед воротами, и как только створка достаточно приоткрылась, протиснулся внутрь. Тяжелые обитые медью ворота с грохотом закрылись за ним.

– Сарматы напали на Нитику! – возгласил охрипшим голосом всадник.

– И что теперь, вонить надо?! – окликнул я его, подойдя к краю башни и свесившись слегка вниз. – Поднимайся, потолкуем, – позвал я вестника.

– А знак тревоги подали? – спросил Лукиан, обернувшись к караульным.

– Ни в коем случае! – воспротивился я. – Пусть думают, что застали нас врасплох. Трубами знак не подавать! И кто-нибудь проведите его к нам.

Старший караульный, которого ругал Лукиан, поизмывал со стены факел и заторопился навстречу абазгу. Башня – самое защищенное место. Ее сложили, добротно, из массивных плит песчаника, и в нее ведет узкий проход с низкими сводчатым потолком и неудобным подъемом по темной лестнице с высокими ступеньками. Так устроено умышленно, чтобы нападающие теснились и задирали ноги, а занимающие проход, нависая над ними, могли препятствовать подъему врагов по очереди и в одиночку. Помимо этой предосторожности, кроме сменного караула и в присутствии центуриона никому не дозволяется отворять железную калитку, ведущую в цитадель. К ней приставлены часовые, и только по приказу они пропустят поднимающегося.

До нас донеслось приглушенное каменными плитами звяканье металла, похоже, кто-то на лестнице уронил оружие. Вскоре послышался топот подбитых гвоздями башмаков, и пред нами представили двое – легионер в тоге и кожаных доспехах, со все еще горящим факелом, и мо-

лодой абазг. Варвар увенчан оружием, в руках гладко обтесанное, длинное копье с широким листовидным острием и щит, за матерчатым поясом, на одной стороне, кривой нож без ножен, скорее, для разделки мяса, чем режущее оружие, на другой увесистый боевой топорик, но, несмотря на тяжесть и скачку, быстроногий горец запыхался менее караульного

– Постой... Ты...

– Я Хис.

Я его вспомнил. Тот самый воин, который этой ночью подслушивал мой разговор с Сиурдом.

Ауксиларий совладал с дыханием и сообщил, что сарматы приставили лестницы и штурмуют Нитику. Лукиан нервничал и тер щетинистый подбородок. Он мог его понимать, даже не зная местного наречия.

– Они овладели Нитикой? – спросил меня центурион.

– Нет, – бросил я, отвлекшись от говорящего вестника.

– Разве? – усомнился центурион. – Обычно жгут после грабежа. А так ведь какой смысл?! Очень странно.

– Очень, – согласился я с ним.

К нам присоединился только проснувшийся и размашистый в движениях наместник. Его, как хвост падающей звезды, сопровождали огненные плащи его охраны, Тарис и его телохранитель, при виде которого меня жаром обдало. Молодой сенатор на ходу поправлял взъерошенные волосы, и при этом успевал жаловаться.

– ...Их Апий Юний совсем осел.

– Что?

– Растикал меня. Я очнулся, еще совсем темно, меня кто-то факелом слепит... хотел садануть его кинжалом. У меня чуть сердце не лопнуло. Хорошо, его красную рожу распознал...

– Хватит! не тараторь! – рявкнул раздраженный наместник. Он перевел строгий взгляд на меня и спросил:

Что стряслось, Кассий? Почему я узнаю все последним?!

Они уже сожгли Нитику?

— Вот, выясняем, — указал я ему на абазга.

Мы отсалютовали пропретору, а тот, вместо приветствия, спросил меня, кивая на абазга: «Он говорит на нашем?»

— Да, — отчеканил абазг.

— Да? — одновременно ахнули я и Лукиан.

— Отлично, пусть говорит, — обратился ко мне Флавий.

Пока абазг рассказывал, Флавий поочередно смотрел то на меня, то на пожарище вдали, то на абазга, и снова на меня, потом на Лукиана. Он хотел по нашим лицам прочитать, что мы думаем. Абазг очутился вместе с сарматами у стен Нитики, и те, по ошибке приняв его за своего, позволили уйти.

— А где тебя всю ночь носило? — накинулся на Хиса Тарис. — Не мог появиться пораньше и доложить, как следует?

— Гм... Гм... — деланно кашлянул Лукиан и, почесывая нос, предложил Тарису: — Я могу сбросить его вниз, если пожелаешь.

— Умолкни, Тарис! — процедил сквозь зубы Флавий, и приказал абазгу: — Говори!

— Мы рассыпались по одному и по двое, и поскакали по отдельности, каждый куда взбредет. Сиуард сказал, так мы скорее наткнемся на сарматов.

— И что, наткнулись?

— Я уж не знаю, кто на кого наткнулся, — пожимал плечами Хис.

Хис тихонько выбрался из чащи на лесную тропку, коня пустил шагом, неторопливо, а сам слушал, шел без факела, темень кромешная. Когда он услышал фырканье коней, было уже поздно, он им прямо в спину уперся. Сарматы, как тени, молча шли, но еще медленнее. И еще, Хис их не услышал, потому как они оружие и даже копыта коней окутали тряпьем. Абазг попытался отстать, но

они и позади оказались. Хвала богам, ночь безлунная, он шапку из волчьей шкуры с хвостом на глаза надвинул и с ними пошел. Кочевники двигались тоже без огней и приняли аbazга за своего.

– С ума сойти! – ахнул пропретор, выслушав рассказ аbazга. – И ты участвовал в приступе?

– Самую малость, – Хис беспомощно развел руками. – Собаки наших разбудили. Как полетели камни и стрелы, я сразу ускакал прочь.

– И тебя никто не остановил?

– Один сумасшедший, в меня, как клещ, вцепился, – припомнил Хис. – Он с меня шапку сорвал, и завопил на своем.

– Что хотел?

– Не знаю. Я его коня в круп копьем кольнул, а сам ускакал. Но он, настырный, за мной увязался. Орет мне что-то вдогонку на своем, ругает, а я в лес. Там его лошадь ногой угодила куда-то во тьме и он с нее слетел. Он ко мне с проклятьями, пешим, бросился, но я его и...

– Вот и ладно! Одним меньшее! – отмахнулся пропретор и приказал Тарису: – Выступай с Кассием и первой когортой. Ударь им в спину.

– То есть... – я хотел его спросить, но кое-как проглотил ком, образовавшийся в горле.

– Я поручаю воинов Тарису. Он, в конце концов, сенатор, – обмолвился Флавий извиняющимся тоном. – А ты помогай ему.

Моего злейшего врага ставят мне предводителем!
Ударь им в спину! Да он мне в спину ударит!

«А как он ловко нас сставил?!» – думал я, и тут мне на глаза попался гладиатор Тариса. Я сделал над собой невероятное усилие, чтобы не наброситься прилюдно на убийцу. При свете дня он равнодушно смотрел куда-то поверх наших голов. Губы почти невидимые, плотно скоженные, и глаза, в которые невозможно заглянуть, так глубоко они спрятаны и прищурены в глазницах. Крысюк

жестокий. Такой человек не может отличаться добротой. Не может добрый человек ютится в облике с хитрыми, мелкими, невыразительными чертами лица и злыми, клюющими глазками. Не глаза, а щелки, откуда он подглядывает.

Я сдержался. Я не смогу рассказать все, как есть, придется потерпеть эту жестокую мразь. А что еще остается?

– Пойду, умоюсь... – поежился от утренней сырости наместник. – И ты, Кассий, пойди, подкрепись перед дорогой. Пойдем, Тарис, – позвал он за собой сенатора.

Спускаюсь вниз, и слышу, впереди кто-то тихонько хихикает.

Я не мог посмотреть, кто надсмеивается, так узок и извилист проход. Еще один голос, он принадлежал Тарису, вступил за меня, погромче, но так, чтобы обо мне сложилось еще худшее мнение.

Лукиан, шедший за мной, пребывал в мрачном расположении духа, зато встретивший нас во дворе трибун притоптывал, как конь гарцующий.

– Выступаем? Наконец-то! – потирал он ладони. Он успел переговорить с Флавием. – Я устал ждать. Нам стоит торопиться!

– Куда торопиться? – переспросил я его рассеянно.

– Мы прославимся! – радовался Апий. – Мы, а не эти разряженные козлы.

Даже разгоряченный трибун не забывал говорить о козлах вполголоса, так чтоб они его не услышали. Не такой уж и слабоумный

Алый плащ удаляющегося военачальника как раз скрылся за поворотом уложки, когда появился отставший вольноотпущенник Тариса. Он приподнял полы своего плаща, чтобы не запачкаться, и заторопился быстрым шагом мимо нас. Я нарочно подставил ему подножку, он бухнулся на колени, но руку успел подставить.

– Ой, прости, дорогой!

Я постарался, чтобы мои извинения мало вязались с презрительным выражением лица и недвижной позой. Он это понял. Лукиан нагнулся, и бережно поддерживая споткнувшегося, помог ему подняться. Как только тот встал на ноги, сразу отдернул руку центуриона. Мой неудавшийся убийца в бешенстве зыркнул на меня, отряхнул с ладони прилипшую грязь, фыркнул, и ничего не сказав, зашагал прочь.

– Никогда себе этого не прощу! – бросил я ему вдогонку.

Гладиатор обернулся, зло ощерился, набрал слюну и харкнул развязано в сторону. Я сделал шаг в его сторону, но и он, видать не робкий, не ускорил шаг. Пускай поズлится.

– Что это с тобой? – спросил Лукиан, провожая гладиатора презрительным взглядом.

– Он подлец!

– Это само собой – обернулся на меня центурион, и повторил вопрос – Что с тобой?

Не дождавшись ответа, Центурион горько усмехнулся, прикрыл один глаз, тихонечко стукнул меня кулаком по плечу, и протянул мне руку.

– Крепись, Кассий!

Я ответил ему крепким рукопожатием.

– Я надеюсь на тебя, друг, – постарался я придать голосу твердость.

– В гости к Элизиум?

– Туда и обратно.

– Странные вы речи ведете, – вмешался озадаченный трибун.

Лукиан, разминая на ходу шею, захромал к своей когорте.

– Нас приносят в жертву, Апий. Только и всего.

– В жертву? – вымолвил трибун. С его лица склынула кровь.

– Не каждый палач поступает так жестоко с жертвой, – заметил я, направляясь к конюшне. Побледневший трибун следовал за мной. – Нас выгонят против врага, превосходящего нас числом раз в десять.

– Но ведь....

– Это еще полбеды, Апий. У нас почти сплошь пешие, а мы должны, мы просто обязаны нанести всадникам поражение в поле. Заметь, в поле!

– Но Флавий...

– Он взойдет на корабль и помашет нам ручкой, – предрек я. – А еще нами начальствует Тарис.

– Тарис?

– Великолепный замысел, обхочочешься! Но на все милость богов, Апий! – остановившись, я потряс его за плечо. – Ты особо не расстраивайся. Так или иначе, нас к этому давно вели. Рано или поздно это бы случилось. Кто-то должен принять удар! Но ты не падай духом, нас похоронят с почестями, если отыщут, конечно.

– Но наместник сказал...

– И еще многое скажет, – подхватил я. – О нем тоже не тревожься. Он получит больше денег и войск, укрепит свое влияние в провинции и на императора, от коего все это и получит. Со временем, возможно... Я опять-таки повторюсь, Апий, возможно, он сможет заходить к императору почаше Антиноя – допустил я. – Может, он даже воспретит Антиною заходить. Кто знает!

Я помолчал, шагая мимо казармы первой когорты. Там строились обреченные на гибель. Ком от обиды на пропретора не проходил. Он нарочно поставил Тариса выше. Я понимаю, он сенатор, но это ведь моя земля и мои соратники.

– Ага, все уже проснулись! Проверьте оружие! – бодрился среди них Лукиан. – Эй! Эй! – хлопнул он в ладони, обращаясь к горстке воинов. – Пусть повара накрывают столы.

– Уже! – отозвался легионер, поправлявший застежку на шлеме.

– Отлично! – зарычал Лукиан.

Едва поспевающий за мной Апий неодобрительно охал, видать, совсем иначе все себе представлял. Лучше бы его поставили во главе воинов.

Последние сомнения развеял вернувшийся Сиурд. Нитика, лежащая невдалеке и замыкающая теснины у моря, пала.

Когорта пехоты, поддержанная двумя турмами, да небольшой вспомогательный отряд из личной стражи легата – вот и все, что мы выскоцели из Питиунта. Около ста всадников и четыре с половиной сотни копейщиков против десятитысячной конной рати.

Две галеры и сотню воинов Флавий выслал морем, дабы преградить варварам путь к отступлению. По необъяснимой причине он полагал, что они отступят. Бесполезно его отговаривать. Во-первых, он не прислушается, а во-вторых, хоть какое-то подспорье. Может, корабли отвлекут на себя часть сил, пока мы, громыхая железом, шагаем к Нитике, или, как ее по-старому величают эллины, Триглиту. Триглит или Нитика, как кому нравится, это крошечное торговое поселение, расположенное на закате от небольшой питиунтской равнины.

Путь вдоль моря имеет свои преимущества. Он легок и достаточно широк, нам не приходится продираться сквозь колючки и кустарники, и к нам невозможно подобраться незаметно. Со стороны моря мы и вовсе ограждены от конной атаки. Обычно при тихих волнах прибрежные воды кишат рыбаками плоскодонками, но теперь ни единой.

Мало кто вне оборонительных стен селится у моря, опасаясь наводнений, пиратов и болотной лихорадки, но обычно простой люд охотно ловит рыбу сетями и на

лодках, особенно по утрам. Похоже, ночное зарево многие узрели, и эта новость обезлюдила берег.

Впереди, в двух полетах стрелы от основных сил, двигался летучий отряд ауксилариев во главе с Сиуардом. Смелые люди эти варвары. Дисциплиной они, правда, хромают, но когда хуже некуда, смелость важнее.

Амадиус восседает на великолепном гнедом жеребце и размеренно раскачивается при верховой езде, как кипарис на ветру. Угрюмый префект внушителен, как раскрашенный идол. Гордая посадка головы, грудь колесом, широк в плечах, петушиный гребень на шлеме, лицо одутловатое, надменное, будто вытесанное из камня, глаза полузакрыты, губы при нем толстые, недовольно изогнуты краями вниз. Префект любит выпить и погорланиТЬ на собеседников, поучая о нравах. Ему это, как правило, удается, потому что он жилистый двуногий баран, которого переорать не каждый сможет.

Бок о бок с трибуном, и отстав на круп коня от предводителя похода, шествует его тень. Я примечаю за охранителем Тариса волчьи повадки. Он, как зверь, не может есть, когда на него смотрят. Я думаю, если проследить за ним, то выяснится, что он украдкой по ночам тихонько скунит на луну. Его хозяин приобрел для него в Себастополисе пятнистую буро-белую лошадку. Тарис, из скupости, взял полудиковую, еще не до конца объезженную лошадь местной породы, и она всю дорогу пыталась цапнуть его охранителя за ногу. Лошадь полудикая, а наездник – совершенно. Гладиатор один раз отдернул ее уздой, потом другой, потом сжал от злости зубы и отлупил ее нещадно ладонью наотмашь по морде. Лошадь заржала, заартачилась, закусив удила, взвилась на дыбы, но фракиец жестоковыйную смирил железной рукой. В целом он с нейправлялся, но и пальцы от узды разжать не мог. Это его стесняло.

Я в душе злорадствовал. Обритого наголо всадника измучила щекочущая муха. Он вертел головой, отмахивал-

ся от нее, а та садилась ему на темя, как на падаль, путешествовала по потному лбу к носу, он фыркал, кривился, тер ноздри плечом, муха взлетала, кружила и опять на него садилась. Вдруг он ее поймал резким броском руки, и на какой-то миг мне показалось, что он ее сейчас слопает, но нет, не съел, обошлось. Странно.

Дорогой охранитель Тариса молчал и временами пускал щеками и закатывал глаза вверху. Он лопался от едва сдерживаемого раздражения.

Я шел рядом, и он знал, что я знаю. Я на него посматриваю, а он изнутри тлеет от раздражения.

Трибун перед выходом залил свой страх вином и теперь запросто общался с закипающим от злобы фракийцем, то есть разговаривал сам с собой.

– А ведь никогда не скажешь, что зимой здесь снег лежал. А? Ведь так? Гм... Гм... А ты хорошо переносишь жару, даже не потеешь.

– Их этому обучают, Апий, – вмешался я.

– Тебя зовут... Забыл, как тебя зовут. Как его зовут?.. Как тебя зовут?.. Ты дал обет молчания?

– А как тебя зовут? – поддержал я Апия.

– Фрикс, – нехотя обронил фракиец.

Трибун пристал к фракийцу, как колючка к шерсти, хуже мухи. По тому, как бывший гладиатор дышал расширенными ноздрями, можно было догадаться, что его терпение на исходе, но Апий не терял надежды завязать разговор с попутчиком.

– Он тут на ухо, да к тому же фракиец, – бросил ему поехавший вровень с нами Тарис.

– А я думаю, что с ним что-то не так!

– Все с ним так, Апий. Он выполняет... Гм... Некоторые мои поручения.

– Поручения?

– Особые поручения, – загадочным голосом молвил Тарис.

Тарис сначала сказал, а потом как-то сжался, и старался на меня не смотреть. Это подтверждает – проклятый Фрикс ищет, тайно, как лишить меня души. «Ну ничего, волчья морда, ты у меня попляшешь!» – думал я, разглядывая врага. Этим я им дал понять, что мне все известно. Сенатор Апию намекнул – фракиец его убийца на короткой привязи, но тот, дуболом, и впрямую сказанное через раз понимает. Видать, по замыслу Тариса это должно впечатлить трибуна и заставит Апия относиться к нему с благоговением, раз такой бойцовый пес с его ладошки кормится.

Тарис неловко задергался, разыгрывает интерес, смотрит по сторонам, дескать, для него здесь все в диковинку. Все-таки и звери хищные нервничают, когда изобличены.

Легат, который на меня их травит, сама невинность. Он сейчас, наверное, отобедал в прохладе и возлежит на ложе. Не такой уж он и прозорливый, раз его угораздило посетить позабытый край именно в ту пору, когда сарматы надвинулись на побережье. Флавий подготовил Питиунт как добычу, а теперь ему самому придется расхлебывать похлебку, которую он заварил для нас. Он понесет за это ответственность. Никто не скажет, Кассий Марсалий сдал Питиунт, меня попросту мало кто знает, скажут, сенатор Тарис Бальп, а самое главное, легат и пропретор Флавий Арриан опозорились. У них есть завистники, они за меня отомстят.

Потихоньку дорога скривилась от моря, и мы стали взбираться на высокий холм. Вот будет дело, если за гребнем холма нам откроется конная рать степняков. Придется драться. Отойти нельзя, позади пеший строй и мы его смешаем. Представляю, какая пойдет свалка: жаркая, полная криков, ржания коней, ругательств, воплей и ярости. В постоянном движении переживания переносится легче, а усталость берет верх над осторожностью.

Эта разновидность смелости проистекает от измождения и безысходности.

Брухи и аланы пропустили сарматов через свои перевалы. Иначе как бы они оказались здесь, думал я. А если пропустили, значит, они с ними заодно. Никто не слыхал о каких бы то ни было значимых стычках сарматов с горцами, значит, они заключили союз. Это собрание варваров может отбросить римлян по ту сторону апсилийской стены. Для нас будет большая удача, если мы хоть там задержимся. Флавий считает, что я преувеличиваю опасность, и это лишь разбойничий набег, а не большое вторжение, но в случае успеха сарматы и аланы запросто могут остаться и поселиться на новой для них плодоносной земле.

Вереница всадников наконец-то одолела вершину, покрытую папоротником, я дал коню отдохнуть, и внимательно огляделся по сторонам. Прекрасный обзор открылся с высоты. Над несколькими соломенными крышами, затерянными в зелени начинающегося ущелья, курились безмятежные дымки. При них возделанные, засеянные клочки земли, под таким уклоном, что зерна, вероятно, разбрасывают рогаткой. Из ущелья проистекает извилистая горная река, с широким окаймлением мелких камней на всем ее протяжении. Позади пешая центурия растянулась длинной змеей, голова еще только взбиралась по петляющей тропе на холм. А совсем далеко, еще ниже, у морского берега лежали крохотные черепичные крыши и стены Питиунта, манящие покоем.

Я посторонился от тропы, стараясь не загораживать проход, приподнялся на стременах, прикрыл глаза от солнца и взгляделся в морской простор. Далеко в море, за грязно-желтой после недавнего шторма прибрежной водой едва различимое белое пятнышко. Это квадратный парус. Должен быть еще второй, но я его не вижу.

Тарис тоже развернул своего резвого коня мордой к морю, прищурился и, вытягивая шею, осматривал дале-

кий горизонт.

– Отлично задумано! – завязал он со мной разговор. – Ты так не считаешь, Кассий?

– А кто меня спрашивает?! – прибеднялся я. – Я все-го лишь старший центурион и мало за что отвечаю. Мне сказали, топай, я топаю.

– А ты против? – выпытывал Тарис. – Ты считаешь, наш господин не прав?

Наш господин! Сейчас по его замыслу я должен возразить. Его излюбленный прием для вражды. Он так уже не раз мне навредил. Заговорит, поспорит, а потом передаст мои необдуманные слова тому, кого они касаются, и настроит его против меня.

– Мы ударим по ним с суши, а люди с кораблей высадятся у них за спиной, – продолжает он меня дразнить.

– А они будут стоять и смотреть на нас, – не выдержал я.

– Ты чего-то опасаешься?

– Я обязан опасаться, Тарис. Поэтому и вверенных мне людей до сих пор не растерял.

– Не трусь, Кассий!

– Хорошо, не буду.

– Если варвары еще не убрались, то они пожалеют об этом.

Он быстро все схватывал и запоминал, и объяснял мне в полдень то, что слышал от меня на рассвете.

– Они сожгли поселение, значит, грабеж окончен.

– Ты открыл мне глаза.

– Это уже не имеет значения, – отмахнулся Тарис, – наше дело – возмездие.

– Да?

– Я не шучу! Сколько бы их ни было, без кораблей, посуху им не уйти. Разве нет?

Он не настолько наивен, чтобы унести в мир грез и фантазий. Тарис мастер потрепать чужую душу. Он этим питается. Завел речь о том, что просил Флавия по-

ставить меня предводителем. Так и хочет, чтобы у меня сорвалось с языка какое-нибудь оскорбление в адрес Флавия. Змея, а не соратник. Теперь раззадоривает меня, чтобы я, как бык, необдуманно побежал на кочевников, и они меня разбили. А если я сдержусь, выполню его приказ, но вместе с тем не пострадаю, он представит меня трусом.

— Мы сражаемся правильным строем, а они гурьбой, — рассуждал Тарис — Не сомневайся, мы покрошим их войско. Они как овцы разбегутся. Нет?

— Так и будет! — бросил подъехавший Сиуард. Апсил обернулся ко мне, сделал страшные глаза и сжал зубы.

— А скажи, Сиуард, если я верно назвал твое имя. — Тарис дернул узду коня в сторону гор, и указал апсилу рукой вдаль. — Что эта за твердыня?

— Где?

— Да прямо вон! Да вон же!

— Там где двуглавая гора?

— Это силуэт башни? Или это кряж из скалы выпирает?

— Нет, это башня. Сторожевая. Ее держал раньше Скепарна. Там мост навесной.

— Это Петрам?

— Нет.

— Разве?

— Нет. Петрам в другую сторону. — Сиуард показал ему на восход. — Вон, меж теми снежными шапками. На стыке границ с алантами. Его отсюда не видно.

— Сказали, там есть гарнизон.

— Был, — буркнул я.

— А может, и есть, — допустил Сиуард, потирая покрасневшие от недосыпа глаза.

— Так был или есть?

— Время покажет, — сказал я и окликнул проходившего верхом мимо Аскания. — Ты куда?

— Сменю его, — кивнул он на апсила. — Поскачу вперед, разузнаю, как там.

– Ты пойдешь с ним? – спрашивает меня Тарис.

– Я?

– Со мной? – переспрашивает сенатора Асканий.

– Кассий изволил поохотиться на сарматов, – возвестил он шутливо Асканию, и тот тихонько присвистнул.

– Ведь так? – переспросил меня Тарис с лучезарной улыбкой, помедлил немного и показал бровями на Сиуарда.

– Своих людей можешь прихватить с собой, возможно, они тебе понадобятся.

Ага! Как быстро он свыкся! Наедине сочувствовал, а теперь дал всем понять кто тут предводитель. Сиуард встретил его распоряжение с кривой усмешкой. Он, вообще, может развернуться и уйти к себе в Апсилию. А мне как быть?!

– Прошу вас, не стесняйтесь, дорогие! – Тарис плавным взмахом руки пропускал нас вперед.

Сенатор еще раз скривился в дерганной улыбке. Видать, переживал, не перегнулся ли палку. Я направил своего коня дальше вперед. Его охранитель Фрикс, стоявший от нас чуть побоку, даже бровью не повел. Асканий подвел коня к нему вплотную и бесцеремонно постучал в его круглый щит, как в дверь.

– Ты оглох, милый?! Просыпайся!

Фракиец зарделся как рак и бешено завращал зрачками, ноздри его расширились. Ручаюсь, будь они одни, гладиатор бы загнал ему лезвие в кадык. Я даже хотел, чтобы он дернулся, но ему хватило ума.

– Фрикс! – одним именем и как собаку утихомирил его Тарис.

Гладиатор опустил очи.

– Он останется со мной – повелел сенатор.

Асканий отсалютовал военачальнику, обошел моего коня и последовал первым. Беседуя с Сиуардом, я осторожно направил коня вниз, за гребень холма, на который мы взобрались.

– Не спеши, Кассий, надо переговорить, – Сиуард дер-

жался побоку, отстав на морду коня. – Что между вами стряслось?

– Помыкать мною удумал, – урчал я.

– Будь хитрее.

– Ты лучшие скажи, ты знаешь их настроения, а базги и саниги выступят против кочевников? – спросил я его, не оборачиваясь

– Выступят, – обнадежил меня Сиурд. – Если на стороне сарматов выступит Ресмаг, то против сарматов многие выступят. – Ему пришлось объехать разросшуюся колючку, и только поравнявшись со мной, он пояснил вполголоса: – Многие желают, чтобы он спелся с аланами, тогда можно избавиться и от него и от них одним махом и пр римской поддержке.

– А потом от нас? Так?

– Потом.

– Не сейчас?

– Чуть позже, – усмехнулся Сиурд.

Он немного помолчал, стал серьезным, утер вспотевшее лицо рукой, огляделся по сторонам и заговорил на своем родном языке.

– Нет, я понимаю, ты не можешь вот так вот взять и...

– О, боги! Я этого не вынесу! – взмолился я. – Уймись, прошу, ради богов! Он, – показал я ему большим пальцем за спину, – погубить меня хочет, а там сарматы! – показывала я ему вперед. – А ты опять свое талдычиши!

Зной и ухабистая местность сделали марш пыткой. Пепши, как тараканы, ползали, карабкаясь вверх, и сползали с холмов. Оглянувшись, я заметил – какой-то легионер зацепился ногой за бугорок земли и полетел кубарем вниз, по пути изрыгая проклятия. Он сбил нескольких впереди идущих, и те, подымаясь с ног, громко выругались. Они меж собой чуть погрызлись, потом потерли разбитые суставы, пожали друг другу руки и заковыляли вместе дальше.

Проводники вели римлян в обход, по горной круче. Нам приходилось избегать троп в виду поселений, чтобы никто не предупредил врагов о нашем приближении. К полудню мы пошли узким проходом. Голые, высоченные скалы, до которых и птица не долетит, вздымались над нами отвесной неодолимой стеной. Только низкорослый кустарник цеплялся корнями в камни и пучками рос у их основания. Когда мы вступили в затененный скальный проход, сразу повеяло холодком. Мы немного освежились и утолили жажду. Попили, подставляя ладони под водопад, стекающий по мокрой скале. Ручеек терялся в дыре у подножья горы. Куда эта нора ведет, одному Плутону ведомо. Может, к нему и ведет.

Омывший лицо и ступни Асканий осуждающее мне замотал головой и возвел глаза к небу. Я его понял без слов. Мы рисковали, мы просто напрашивались, чтобы на нас сверху сбросили камни. Я рассчитывал, что такой глупости сарматы от нас не ожидают, и оказался прав. Мы благополучно миновали проход и вступили в лесистое ущелье, с холмами поменьше. Громадные буки тянулись вверх и простирали над нами мощные кроны, а в нескольких шагах от тропы подлесок, переплетенный дикой лозой и лианами, достигал роста человека.

Лишь однажды растения расступились, давая нам возможность окинуть взглядом проход, совсем недавно прорубленный секирами в густом кустарнике. Мы миновали и этот проход, выставив на нем охранение. Стена из зарослей слепила нас, но и противнику, тем более конному, прорваться сквозь чащу и напасть на нас с фланга было невозможно.

Мы плелись сквозь молчаливый лес, по тропе, устланной толстым слоем прошлогодних перегнивших листьев, позвякивая железом.

Мы не спешивались и не расчищали дорогу от упавших стволов, подгнивших деревьев, а просто их обходили. Так мы прошли еще стадий десять изнуряющего

марша, и вышли к бурному потоку. Он рассекал холмы надвое.

Чтобы найти мелкий брод, нам пришлось пройти еще выше, вверх по течению.

Там, побродив, мы наконец нашли подходящее месечко и перешли реку сначала конные, потом пешие пошли за нами. Лежащее против реки селение стало первым, где простили явственные следы недавно прокатившегося погрома. Тихая жизнь окончилась внезапно. С головешек, которые еще совсем недавно были плетнем и бревнами, курился дымок. Брошенные собаки рыскали повсюду в поисках еды, а омерзительно щетинистая свинья тыкала мордой в землю рядом с обугленным трупом. Несчастный скрючился за низеньким забором, сложенным из пластов серых плоских камней. Эти камни хрупкие и легко ломаются, если отбивать их по краям. Таким же камнем был обнесен и низенький загон для скота. Посреди двора, скошенного от травы, росла наливающаяся плодами пышная шелковица. На краю груши, облепленные мхом, и к ним лоза цеплялась со спелыми гроздьями. Несчастное хозяйство урано, и лопается от изобилия, а урожай уже некому собирать.

Оставив за спиной пепелище, мы вышли из гряды холмов к намеченному пригорку, с него вел спуск в приморскую долину.

Обход окончен. Мы устроили привал в ложбине, укрытые от глаз горой и лесом. Оживление, обычно присущее такому скопищу людей, не наблюдалось. Каждый из нас был погружен в свои мысли, и все понимали, надо разузнать, что нас ждет на последнем отрезке. Последний шаг, и мы станем заметны, ускоряясь скатимся с горы и со всего маху ворвемся в Нитику. Разводить костры для готовки мы не стали, пожевали холодные лепешки и запили их теплой водой из бурдюков.

Быстроногие лазутчики убежали к морю по лесу, в обход, сторонясь горной тропы. Пока мы переводили дух,

явился юный Гозар на белоснежном коне и с горсткой всадников. Какой-то абазг, еще издали, нам кричал и ма-хал тряпкой, вдетой на копье. Он опасался поймать пу-щенную по ошибке стрелу.

Оказалось, мы разминулись с сарматами, они двину-лись к Питиунту прибрежной дорогой, а мы пошли тем путем, которым они пришли накануне. Со слов Гозара, сарматы в короткое время преодолели отпор и ворвались в Нитику. Подбадривая себя боевым кличем и сея ужас, они истребили всех, способных мочиться к сте-не. Поселение разграблено и сожжено дотла. Варвары действовали молниеносно и со знанием дела. Оставляя Нитику, они порушили и подожгли частокол из заострен-ных кольев, чтоб никто из бежавших не смог вернуться, заделать проемы и чувствовать себя в безопасности.

По моей команде, римляне, бурча и охая, поднялись. Пехота снова загромыхала снаряжением и двинулась с закатных от Нитики холмов. Воины шли вниз, превозмо-гая усталость и натирая мозоли.

По пути нам повстречалась горстка ошарашенных, перепуганных беглецов, человек двадцать. Две или три семьи. Они гнали впереди себя двух мычащих дойных коров. Им посчастливилось не угодить под копыта сар-матских коней, и теперь они поспешали прочь, подаль-ше от собственных домов. Не дожидаясь, когда они под-вергнутся нападению, они перевязали одеяла в узлы, по-бросали в них что под руку попалось и бросились к лес-ной чаще. В этом труднодоступном месте они переждали ночь вместе со своими заплаканными детьми и тремя немощными старухами.

Беглецы расступились, пропуская нас. Они не смели спрашивать, куда и зачем мы держим путь, стояли по сто-ронам тропы бледные и понурые. Еще немного, и благая бессонница сделает их безразличными даже к собствен-ной судьбе, ну а пока они вымаливают глазами сочувствие к себе. Жалкая доля. Они шептались между собой, не сме-

ли говорить вслух. Лишь один, видать, глава семейства, седовласый и пышущий здоровым румянцем, раздавал из корзины хлебцы проходящим воинам.

– Да укрепят вас боги! – благословлял он дребезжащим голосом каждого, кому вручал хлеб, и, узнав царевича, увязался за ним. – Да хранят тебя бессмертные боги! – напутствовал он абазга, воздев к нему руку с хлебом. – Отомсти за нас, господин!

Гозар зарделся, придержал коня, смиренно склонился, молча принял хлеб, приложил его к своей груди и закивал беглецу. Опечаленный Гозар не стал есть, а чуть отъехав, передал лепешку кому-то из своих.

Мы ускорили шаг, заметив скопление высланных вперед разведчиков. Неглубокую канаву, вырытую вдоль дороги, сарматы захламили трупами. Перед тем, как наташить убитых и повалить их друг на друга, римлян казнили страшным способом. У одного из полуголого тела, он был лишь в набедренной повязке, торчало оставленное в спине древко копья, другому режущий удар пришелся по животу и из него повылезали кишкы. Вокруг закоченевших тел роились мухи, и запах пованивал гнильцой. Трое или четверо, твердые сердцем люди, прикрывая носы ладонями, растаскивали трупы, чтобы предать их земле.

Одного смуглолицего копейщика стошило от смрада, и он, бросив стопу убитого, отошел в сторону. Побоку от меня кто-то блевал со своего коня. Я обернулся, за моей спиной Асканий вырывал внутренности, а я насилиу слготнул подступивший к горлу ком и, стараясь не дышать, пустил коня мимо.

Гозар последовал со мной, бубнил себе что-то под нос, и осуждающе мотал головой. Отвращение к избиению безоружных исказило его лицо.

– Они ужаса добиваются, – сказал я ему, когда смог свободно дышать.

– Тупые палачи!

– Не скажи. расчет не глупый.

Гозар презирает насилие, его так воспитали, но он судит о других по себе. Редко у кого такие наставники были, как у него. Большинство сызмальства запугано, и увиденное должно устрашить их. Бессознательный ужас должен сковать сопротивление и обездвижить. Им будет легче задавить нас, если организованный, разумный отпор сменится на всеобщий бессознательный ужас, преувеличивающийся молвой.

Это показное насилие. Сарматы преднамеренно уложили останки вдоль дороги, чтобы мы на них наткнулись. Их немое послание – так будет с каждым, кто встанет нам поперек.

Только смеркалось, когда мы расхаживали по преданной заклятию Нитике. Тоскливая тишина, хруст битой посуды под ногами, вьющийся над нами коршун, а на земле разлагавшиеся вздувшиеся туши коров и овец, облепленные роем мух.

Повсюду валялись окровавленные мертвецы, как уснувшие, в разных позах, и то тут, то там торчат из земли оперением стрежни стрел. Никто не уцелел. Горные ворота сломаны. Одна воротина изрублена в щепки и едва болтается, а другая, скрепленная железом и гвоздями, частью обугленная и сорванная с петель валяется под ногами у входа. За воротами стайка ворон клюет зернышки, просыпанные из разбитого пифоса. Цоканье конских копыт, голоса и лязг оружия спугнули ворон, и они с карканьем отлетели от своей трапезы.

Невообразимый погром на гончарном двору. Видать, тут творилась жуткая паника. Хаос повсюду. Кругом горки битой глиняной посуды, ящики, корзины, фрукты, и все это валяется вперемешку с грязными трупами, обагренными запекшейся кровью, и в самых нелепых позах. Повсюду тела едва прикрытых одеждой поселенцев и стражников, а вот убитых пришельцев я не обнаружил. Такое невозможно. Они должны были понести потери. Со слов одного омерзительно пахнущего выжившего,

он прятался до нашего прихода в отхожей яме, выяснилось, сарматы подобрали своих покойников и предали их огню где-то вне стен. Это их задержало поутру, а нам позволило с ними разминуться. Погибшие, те самые, которых побросали вповалку, наверное, копали ямы для праха убитых сарматских всадников, а потом, чтоб они не выдали этого места, их отвели подальше к дороге и там перебили.

Несколько бедняг из Нитики рванули в воду и отплыли на деревяшках от берега, их отнесло течением, но не всех.

— Я, Семпроний Саллюстий, — представился нам молодой человек в набедренной повязке. С его кудрей капала вода, и сам он дрожал. — Я...

— И что с того?! — огрызнулся Лукиан. — Ты позорище! Никому нет до тебя дела! Прикройся чем-нибудь! Садись и помолчи, иначе предстанешь перед судом за трусость.

— Я сборщик податей, — залепетал юноша. — При мне даже ножа не было...

— Нет, я его точно утоплю! — пообещал мне раздраженный Лукиан.

— Он может, — предупредил я юношу.

Оскорбленный сборщик податей косился на нас исподлобья, но больше не пытался оправдаться.

Римляне разбрелись, как муравьи, в надежде найти уцелевших, и шарили с зажженными факелами по безмолвным закоулкам. Воины заходили с разных сторон в обугленный и большой двухъярусный каменный храм с обвалившейся крышей. Они натыкались в лабиринтах друг на друга, и, поругиваясь, шли дальше по трескающейся под ногами черепице.

Целой центурии не удалось оказать значимого сопротивления.

Абазгский наследник, разъезжавший на холеном коне, разыскал меня и растолковал почему.

— Идем, Кассий! — позвал он меня за собой. — Я покажу, откуда они прорвались.

Через сотню шагов мы свернули за угол какой-то постройки с колоннами.

— Стена!

— Что с ней?

— Ее нет.

Мы не уперлись в стену, вместо нее зияла брешь, и нам открылся вид на пустошь, поросшую выгоревшим дотла сорняком. На месте стены поваленные, почерневшие от копоти булыжники, частью все еще скрепленные раствором, и какие-то обугленные бревна. Среди зловонного тлеющего мусора на kortochках сидел Лукиан и ковырял острием меча в какой-то дырке, прикрывая при этом дыхание рукавом.

— Тыфу! — сплюнул он в сторону и, кряхтя, поднялся.

— Торгари не хотели воздвигать лишних стен и пристроили винные склады к крепостной стене, — морщась от гари, Гозар указал мне мечом на брешь. — Вот здесь.

— Аид их не зря прибрал! — рявкнул Лукиан. Он очистил тряпицей меч и вложил его в ножны. — Глупцы это заслужили.

— То есть, по-вашему...

— Похоже на то.

— Кто-то поджег склад изнутри, — допустил центурион. Абазг, соглашаясь с ним закивал. — Скупцы бросились заливать пожар водой. — Лукиан подошел к деревянной кадке и, поддев ее башмаком, подбросил кверху. — Это начало их конца. Они потушили пожар, который бушевал между ними и смертью. Сарматы потирали руки, — продолжал центурион, расхаживая по настилу из горелых черепков, — им даже не пришлось разжигать огней, и так все хорошо видно. Загорелся огонь — готовься, угас — пора ввалиться в проход.

Они качнули стену бревнами, и она обвалилась внутрь. Уставшие жители уже расходились. Вот тут-то они и на-

бросились. Люди после пожара усталые, голодные, охрипшие от криков. Я прикрыл глаза на миг, представляя произошедшее.

– А для отвлечения стражи, другой отряд насел на дальние врата, – пояснил центурион, указывая в сторону, откуда мы зашли. – Они топорами колотят, галдеж подняли и все туда побежали, а эти отсюда хлынули.

– И мы можем попасть в эту же сеть, – поделился я предположением.

Они неплохо придумали забаву с огнем, и она только началась. Их замысел хитроумный. Нитика прекратила сверкать огнями – нет жителей. Огни загорелись, значит, это не робкие поселенцы вернулись и шарят под покровом ночи, собирая пожитки, они столько факелов не зажгут. Значит, это римский отряд. Да кто же еще?! Нам же любопытно все рассмотреть.

Лукиан, слушая меня, помрачнел и выругался.

– Пока мы здесь бродим, они во мраке за нами пристально наблюдают.

– Занимай проход.

– Эй, мальчик! – позвал центурион декана.

Он всегда к своим обращался так, полуслухом – полуязвительно. Декан болтал с горсткой копейщиков у колодца, шагах в сорока от нас.

– Да, центурион! – отозвался он и зашагал к нам.

– Веди сюда своих. Устроим тут пост.

– А если оставить факелы, или даже привязать их к коням, а самим потихоньку убраться отсюда? – предложил абазг вполголоса.

– Зачем?

– Они наверняка уже заметили нас.

– Так я и говорю, введем их в заблуждение.

– Для чего? – недоумевал центурион, дергая плечами.

– Они нас видят, мы слепые. – Гозар поправил плащ, раздутий набежавшим ветерком. – Поменяемся местами.

— А что, Лукиан? Подбросим им пустышку? — высказал я центуриону. — Они уверены, мы в западне, а мы тем временем...

— Так мы на них наткнемся в лесу, — недовольно кривился центурион. Ему подвели коня, он взял его под уздцы и ласкал по загривку.

— Мы в любом случае столкнемся, — настаивал Гозар, — разве не за этим притопали?

— Хорошо! — согласился я. — Пойду, разыщу Тариса.

Своенравный сенатор неожиданно легко уступил моей просьбе и тем расстроил подошедших воинов.

Они толком не отдохнули, едва подкрепились после марша, и снова обозленные, полуголодные покидали Нитику, ворча под нос ругательства. Старшие из когорты шипели на младших, заставляя соблюдать тишину. Мы выступили, и опять пошли в черноте безлунной ночи. Чуть потоптанная обувью, колесами повозок и копытами животных тропа едва отличалась от окружающей травянистой земли. Всадники шли вереницей, за нами пехота чуть отстала. Вдруг уловил я ухом откуда-то побоку конский храп. Не сзади, и не спереди, а поодаль. Сначала я решил, мне послышалось, но нет.

Их темные фигуры слились с мраком, и только от света далекого пламени выхватил из темноты несколько копий, неосторожно поднятых и удаляющихся от нас. Я еще подумал, куда наши отклонились, мы же так растеряли друг друга.

Мы встретились настолько неожиданно, что я, Тарис, Асканий, Апий и еще человек двадцать всадников размнулись с варварами. Сарматы передвигались вне тропы, по некошеной поляне, и двигались бесшумно, как призраки. Я сразу вспомнил слова абазга: «Они обернули копыта лошадей тряпьем, и распределили оружие так, чтобы оно не лязгало, а седла и доспехи у них из сырой пятной кожи — легче услышать поступь кошки».

Мои глаза уже привыкли к темноте, я различил двоих на расстоянии брошенного рукой камня. Они спиной ко мне. Их манили огни Нитики, и они не замечали боковым зрением шедших рядом римлян. Видать, в полной темноте они приняли конников за своих, да я и сам не мог разобрать, кто где. Похоже, не я один их заметил. Асканий ухватил меня за плечо, но я жестом велел ему молчать. Ехавший рядом Тарис обернулся, и я зашипел ему «Атакуем!»

– Кого? – завертелся сенатор.

Вместо ответа я показал ему пальцем, и тут же тихо скомандовал остальным:

– Приготовьтесь! Развернитесь, но только тихонько!

Я опоздал. Раздался лязг железа и чей-то леденящий душу вопль в ночи. Кони, и наши, и вражеские, разом заряли, где-то позади послышался треск ударов о щиты, отовсюду крики, грохот оружия, топот лошадиных копыт. Сразу последовало метание копий и дротиков. Сарматы столкнулись с пешим строем. Какая глупость, и обоюдная! Чья-то стрела, может, и наша, просвистела и высекла искру из умбона щита ближнего со мной всадника, но нас было уже не остановить. Тарис, к моему удивлению, не растерялся и бросил клич: «Барра!» Мы надвинулись на них всей массой, и закипела резня. Наши кони спотыкались в темноте, кого-то из забежавших вперед гоплитов мой конь сшиб на скаку и он возопил мне вслед отборной бранью, еще кого-то рядом со мной сармат рубанул секирой наотмашь, и она застремляла у него в ключице. Он вскрикнул от ужаса и боли, и рухнул под копыта коней вместе с застрявшим вражеским оружием в теле. Римляне сильно стесняли друг друга, но сарматам пришлось гораздо хуже. Наша конница был у них сбоку и позади, и теперь, развернувшись, ударила им в спину.

Трудно сказать, сколько их было, но те, кто не полегли, сразу отхлынули. Спасаясь, они направили коней галопом вдоль идущей дугой тропы, и на всем ее протяжении

несли потери от стрел и копий. Много лошадей без всадников и с ржаньем проносились по полю. Когда сарматы наконец нащупали в темени пустое пространство и ушли влево, то уперлись в заросший камышом болотистый ручей с глубокими обрывистыми берегами. Передние попадали в пруд, а задние завалили их конями и телами, не давая подняться. Брыкающиеся лошади вставали и падали, увеличивая смятение и делая небольшую преграду непроходимой. Гоплиты теснили и сбрасывали сарматов в ручей. Тем, кто отважился обернуться и оказать сопротивление, мешали бегущие на всем скаку соратники. Орующие увеличивали смятение. Многие из пришлых пали от дружеских стрел, и еще больше покалечились, задавленные ржущими, взбешенными конями. Горстка смельчаков, закружили перед ручьем, один в островерхом шлеме и поблескивающих на фоне чьего-то факела кольчужных доспехах, прорвался сквозь толпу убегающих и поскакал прямиком ко мне. Он увлек своим примером за собою нескольких своих соратников. Я направил коня на того, кто был в длинном шлеме, и через несколько лошадиных прыжков он очутился на расстоянии вытянутой руки. Я сделал ложный замах и сразу пригнулся, его удар прошелся по воздуху, зато мой меч полоснул его краем лезвия по ноге, вдетой в стремя, и он взвыл от боли. Мой враг пролетел мимо, осадил коня, повернулся ко мне, и очень зря. Подбежавший гоплит вспорол копьем брюхо его коня. Животное взмыло и повалилось наземь, а самого сармата, успевшего высвободить ноги из стремени, обступили круговой стеной щитоносцы. В том же кругу очутился еще один его соплеменник, но у них не было надежды вырваться. Второй сармат отбросил меч и воздел обе руки, моля о пощаде, но его все равно утыкали копьями и подняли в воздух. Ближние сарматы это узрели. Их вопли, проклятья, крики ужаса и гнева слились воедино. Они, спешиваясь, пытались соорудить строй и обороныться. Нашлись и те, кто пошли на прорыв, направив

коней на нас. Тех было до тридцати, и они прорывали строй пехоты шагах в пятидесяти от меня. Совсем рядом раздался чей-то душераздирающий крик.

— Асканий! — вскричал я, и сблизился с ним.

Его зрачки расширились от боли и ужаса, глаза белели в ночи. В боку Аскания торчала рукоять ножа, а из нее хлестала кровь, которую он старался удержать ладонью.

Крайний из прорывавшихся, метнувший в него нож, уже безлошадный, отчаялся, откололся от своих, и злобно оскалившись, я даже это заметил, шел в мою сторону.

Нас разделяло шагов пять, когда диковатый воин взмахнул мечом, срезал стержень оперенной стрелы, воткнувшись в его щит, и, зарычав что-то на своем, перешел на бег.

Я поднял коня на дыбы, но он не добежал, его перехватил один из гоплитов. Легионер толкнул его в незащищенную спину умбоном щита, сармат с трудом сохранил равновесие, подпрыгивая на одной ноге, римлянин пнул его ногой в бок, и уже вдогонку полоснул его мечом сзади. Еще один прорвавшийся сармат обронил и щит и меч, схватился за шею, из которой хлестала кровь, а гоплит воткнул острие клинка ему подмышку, в неприкрытое кольчугой место, и еще раз, и еще, пока тот не рухнул на колени. Только гоплит его добил, как взвыл сам. Ему в глазницу воткнулась пика, запущенная на скаку сарматским всадником на черном, чернее ночи, коне.

Я не промедлил и ринулся на него, прикрываясь щитом. Со звоном по окованному ободку моего щита чиркнула чья-то стрела и царапнула краешком мне щеку.

Еще пару прыжков Ачи, и мы сшиблись. Я вытянул вперед руку со щитом. Он был без шлема и доспехов, я оглушил его ударом краешка щита в переносицу, он удержался на коне, но размахался руками. Я сделал выпад, вогнал в его плоть меч, и почувствовал, как острое отточенное лезвие скользнуло мимо кости. Мне показалось, я даже различил, как хрустнул его позвоночник.

Он замычал, как дикий тур, сквозь зубы, обмяк на шее коня и тихонько сполз с седла. Забыв обо всем, я наблюдал, как он дотронулся руками земли, запутался ногой в стремени, а взбешенный конь пронес его туловище по ухабам и скрылся в гуще поединков.

Тут кто-то в суматохе резни рубанул моего коня по морде, и он грохнулся боком наземь. Я только в последний миг успел высвободить ногу из стремени, но все же повредил ногу, выронил меч, и, похоже, сломал себе пару ребер упав на что-то твердое. Валяясь на сырой земле, я почувствовал нестерпимую боль, и не мог вздохнуть. Мне стало трудно дышать, и хвала богам, мне кто-то помог подняться. Мой верный Ачи промучился. Он брыкался, лежа, и из его обрубленной пасти хлестала фонтаном теплая кровь, которую я ощущил капельками на своем лице.

– Центурион! Центурион! – орал мне копейщик, который помог мне встать. – Что делать?

– Истреблять ублюдков! – прощедил я ему сквозь зубы.

Я, стиснув зубы, нагнулся, кое-как нашел поблескивавший меч, поднял его, и с еще большим трудом расправился. Превозмогая боль в боку, я захромал к пехоте.

– Стройся! – орал я на ходу, но меня мало кто слышал.

– Метайте в них копья! – вопил я истощенно.

– Пусть все умрут! – зарычал появившийся из-за моей спины Лукиан.

С ним было двадцать или тридцать отдохнувших воинов. Они пробежали мимо меня, и с грохотом, щит к щиту, навалились на пришельцев.

Пешие сарматы не выдержали натиска и поддались. Один из них, огроменный, как медведь, оттолкнул лапой тяжелый щит Лукиана, но центурион тут же обрубил ему руку по локоть. Лукиан сошелся с еще одним, и его заколол. Они выставили щиты и еще раз сшиблись с римлянами. Их строй качнулся и распался. Лукиан и его ветераны прорубались сквозь ряды сарматов, толкали передних, заставляли их валиться спинами на товарищей, кололи и

рубили, сея повсюду, где прошли, смерть. Лукиан запугал их мощью и яростью. Беспощадный и быстрый натиск их сломил.

Я оглянулся по сторонам. Слева, сея повсюду перед собой панику, махал длинным клинком направо и налево Гозар, а вместе с ним еще какой-то всадник.

Абазг, как одержимый, прорубился сквозь толпу сарматов, и закрутил конем уже за спинами у переднего сарматского строя.

За мою спиной пехотинцы уже построились в фланги, в несколько рядов глубиной, подняли щиты, прикрывая друг друга, ощетинились копьями и перешли на быстрый шаг.

Участь противника была предрешена. То тут, то там еще раздавались их боевые кличи, но в целом ими овладело отчаяние. Они еще огрызались, но их очаговая, разрозненная храбрость уже не могла изменить ход боя. Мы их зажали, нас становилось еще больше, а их все меньше. Мы били их с выгодных позиций, почти со всех сторон, и закидывали пиками и стрелами толпу стесненных на краю обрыва. Битва перешла в избиение, и продолжилась до рассвета. От их сильных коней сарматам достался только вред. Лошади, которым в круп вонзились пики, брыкались и лягали друг друга и упавших всадников. Слишком скученно они стояли.

Лишь маленькими кучками, и то только поначалу, им удалось вырваться. Некоторые уползали в траве, но она не высока, и их в большинстве настигли. Когда золоченый солнечный диск забрезжил над лесистыми холмами, и небо потихоньку посветлело, римляне уже похвялялись, бродили по полю с окровавленными мечами, добивали судорожно дергающихся врагов и подбирали трофеи.

Многие поздравляли друг друга, таскали и перевязывали раненых, а я хромал по полю. Тут демоны смерти настигли людей и устроили пир для падальщиков. Вижу,

падшую темно-рыжую лошадь, утыканную стрелами, уже клюют вороны. Рядом наездник узкоголовый с жиценькой бородкой застыл невидящим взглядом в небо, рукоять своего меча стиснула, а на бедре зияющая рана. Из него вытекла и ссохлась лужица крови.

Истоптанную, взрытую копытами землю покрыли торчащие пики и стрелы, не попавшие в цель. То тут, то там римлянин ничком или сармат скрюченный, и муhi жужжат.

Еще один мертвец, как пепел серый, с пробитым сердцем, в небо смотрит. На плече перевязь с пухлым колчаном, а руки пустые. Видать, обронил лук в суматохе боя. Рядом еще один кочевник с перебитой голенью и спутанной бородой. В его круглом щите три стрелы вкривую торчат, а одна в живот впилась, но он ее, видать, сломал, без кончика, с оперением

Трупы людей и коней перемешаны и навалены грудами. Длинноволосых неостриженных кочевников полегло поболее чем римлян и союзников. На них обычные или крашеные меховые накидки, плотные широкие штаны, остроносые войлочные сапоги. Доспехи не у всех, но почти у всех превосходные седла и длинные копья.

Устав бродить, и чуть успокоившись, я пошел отмыться в лужице ручья. Потом отрезал и оторвал от собственной тоги сухую тряпицу, уселся на чьей-то брошенный, выпуклый щит и охая вытирал мокрый меч, превозмогая подступающую тошноту. Простой кусок железа, а сколько от него зависит! И жизнь, и честь, а подведет позорный плен и подохнешь, как пес от пыток, в унижении. Или уши отрежут, или... Даже думать не хочу, мороз по коже пробегает.

Соленый пот щиплет рану на щеке. С нее все еще сочится и мажется кровь. Но это ерунда, дышать трудно. Каждое движение, каждый глубокий вздох отдает резью в боку.

Вижу, хромает ко мне по невысокой траве Лукиан, измотанный, измазанный грязью и перепачканный кровью. В опущенной руке длинный окровавленный меч, и ноги едва передвигает от усталости, но шею держит прямо, фыркает широкими ноздрями, и взгляд суров. Камень.

– Ты ранен, Кассий?

– Обошлось, – заскрежетал я зубами, и пощупал ушибленные ребра. – А ты?

– Ни царапины! – рассмеялся Лукиан, поцеловал амулет, висевший у него на веревочке на шее, и сплюнул в сторону. – Есть пленник.

– Отлично.

– Он хочет поговорить с предводителем римлян.

– Отведи его к Тарису.

– Идем, – позвал он меня кивком головы, – лучше поборься ты.

– Зачем? – поинтересовался я. – Что ему надо?

– Молчит.

– Мне сейчас не до разговоров... Кто такой?

– Темнит. С виду в летах, но не дряхлый. Похоже, не простой человек.

– Далеко топать?

– Шагов двести отсюда. Он связанный... Дойдешь?

– Идем, – крякнул я и, постанывая, встал на ноги. – Ох-хо-хох! – застонал я и кое-как распрямился.

Мы оба едва волочили ноги, и побрали через поле усеянное трупами римлян вперемежку с варварами. Как камьши на болоте, на равнине торчали впившиеся в землю копья и стрелы. Мой взгляд приковал сидячий мертвец с зияющей на шее раной, и кривым мечом на коленях. Я прикрыл ладонью рот, стараясь не дышать. К трупу уже подбиралась прыжками ворона.

Кто-то рядом придушенно вскрикнул. Гоплит в окровавленных одеяниях, сам раненый, воткнул копье в еще живого врага, и тот забился в конвульсиях. Гоплит наси-

лу вынул копье из тела, нагнулся, подобрал брошенный заостренный кол и отбросил его от умирающего. Меня закружило, я едва устоял. Еще подальше сверкнул меч и послышался короткий сдавленный крик.

– Где Апий? – хватился я трибуна. – Его нигде нет.

– Апий... – Лукиан обернулся, потер перепачканное лицо рукой и зашамкал ртом. – Апий...

– Оу! Оу! – я схватился за голову, меня еще сильнее качнуло.

– Ему отрезали голову, – возвестил Лукиан.

– Ты видел?

– Я видел голову.

– Это точно он?

– Ага.

Я схватился за сердце. Оно колотилось часто, как у птенца. Мой друг. Я винил себя, и сразу вспомнил все свои колкости к нему. Ну зачем?! Как я мог?!

– А Тифон?

– Не знаю.

– Его кто-нибудь видел? – встревожился я.

– Не знаю.

– Кто еще?

– Многие... Авл...

– Тоже?! – ахнул я. – Не может быть?! Какой славный парень!

– Потрин...

– Несчастный!

– Асканий...

– Я знаю.

– Еще человек восемьдесят, не меньше, – доложил центурион, – раненых за сотню. Надо поскорее отсюда убираться.

– Тогда куда мы премся? – заныл я, остановившись. – На кой пес нам сдался твой пленник?!

– Поговори с ним, – настаивал Лукиан. – Он непростой человек. На нашем говорит.

– Даже так?

– Для торга нам не помешает заложник.

В нескольких шагах от костра скучал, иначе не скажешь, круглолицый, длинноногий и атлетически сложенный человек в войлочном подшлемнике, из-под которого выбивались седые волосы. Ноги босые, со связанными запястьями, но взирает на голлитов высокомерно, как на животных. Лицо обветренное и морщинистое, как древесная кора, а глаза полуприкрыты. Пленник стеснен путами, но не жалуется, и брезгливо кривит губы.

Он повернул к нам голову, его выцветшие, светлые глаза слегка расширились, а левая бровь подскочила вверх.

Его как быка сопящего связали. Трепыхаться ему нет смысла. Для пущей надежности, его и еще одного сармата сцепили меж собой путами потуже и усадили у костерка спина к спине. Его сотоварищ по несчастью, помоложе, с широким приплюснутым носом, толстыми губами и сальными, касающимися плеч, волосами. Тот пострадал гораздо больше. Его сникшее лицо покрыто серой коркой из грязи и запекшейся крови, нога в короткой штанине неглубоко рассечена от колена до стопы и кровоточит. Раненый покосился на нас, как лошадь, не поднимая головы и одним, почти заплывшим от удара глазом.

Рубаха на молодом разорвана в клочья, висит лохмотьями, оголяя белесый мускулистый торс. А его голова и руки до локтей загорели настолько, будто он из черной глины.

Совсем у костерка голлит на корточках сидит и точит камнем меч, другой храпит, подложив себе под голову мешок с сорванной травой, для мягкости. Поначалу я его за шкуру расстеленную принял, так он укутал тело в просторный плащ, сшитый из бараньих шкур. У горцев он без рукавов. Они в него заворачиваются на привале как в одеяло.

Еще один копейщик пыхтел, раскрасневшись от напряжения, и втискивал свои опухшие ступни в изящные

сыромятные сапоги, отобранные у пленника. Их декан, по старшинству, получил кольчугу тяжеленную, переливающуюся и мерцающую, как чешуя змеи, и, подавляя зевоту, любовался треугольным, широким кинжалом с аметистом в перекрестьи рукояти.

Воины поднялись нам навстречу и вскинули руки в вялом приветствии. Декан прежде стиснул кулак, в знак приветствия прижал его к груди, и одновременно тихонько пнул ногой храпящего. Тот заворчал как пес. Я ему глазами показал, дескать, не буди, но тот уже раскрыл плащ, потер спросонья глаза и, постанывая, поднялся.

Сам бывший хозяин сапог и добротного клинка бодрствовал, но как-то безучастно к собственной судьбе.

– Я старший центурион. Ты хотел меня видеть?

– Ты старший? – подал он простуженный, хриплый голос.

– Ты хотел поговорить? – Он молча закивал. – Кто ты?

– Наедине.

– Что так?

– Стесняюсь, – съехидничал связанный враг.

– Он наследный правитель Абазгии, – показал я на пошедшего к нам пешего Гозара. – А это мой друг и центурион, – представил я Лукиана. – Говори при них.

– Я бы вам руки пожал, да только... сами видите, – улыбнулся он, обводя присутствующих взглядом.

– Кто ты?

– Какая разница! – прокряхтел пленник. Он поднатужился, и, превозмогая ломоту в затекших суставах, попытался хоть как-то сменить позу.

– Как тебя называть?

– Как хочешь, – изволил пленник.

Я переглянулся с деканом, тот скривил рожу и захрапел губами, как конь. Дескать, намучился я с ним. Лукиан прав. Он не простой нахал, судя по его самообладанию. Он далеко не робок.

– Послушай... Ты... Ты это брось! – зашипел центурион.

он, заглядывая пленнику в глаза, и грозя перепачканным кровью мечом. – А не то рубану тебя по шее!

– Я свое пожил, – ответил тот.

– Мы люди владыки Адриана, и не стерпим...

– Принцепса, – исправил его невозмутимый пленник. Он поучал как ни в чем ни бывало, даже морщины на его лбу разгладились. – Первого из граждан и императора.

– Адриан владыка римлян, – вмешался Гозар.

– Император не владыка, – возразил ему пленник. Он расслаблен, будто у очага греется, но смотрит за всеми зорко. – Император, это почетное звание военачальника.

– Фиу! Фиу! – тихонько присвистнул Лукиан и обвел нас взглядом.

Декан хохотнул. От удивления его тонкие, белесые брови домиком вверх пошли.

– Ты разбираешься в званиях? – центурион опустил меч острием в траву. – Кто ты?

– Ты спятил? – спросил я связанного.

– Сердишься?

– Нет. Если ты спятил, то нет.

– Не сердись, – предложил мне пленник миролюбиво, без тени злости или страха за свою участь, – Император далеко, за морями, а мы тут.

– У него длинные щупальца. Знаешь, что такое щупальца? Отлично. Принцепс желает, чтобы ты и твои наглые сородичи побыстрее убрались к себе.

– А куда мы должны убраться, он не сказал?

– Мы проведем вас обратно за хребет или в землю. Кто как пожелает.

– Лучше в землю, – предпочел пленник.

– Ты не последний человек. Я это понял по-твоему нахальству, но необязательно это выпячивать.

– Ах, по нахальству! – с легким сердцем подхватил он, понимающе закивал, поджав губы.

– Веди себя как полагается, – отдернул его Лукиан.

Пленник вместо ответа смерил центуриона брезгливым взглядом, дескать, ты кто такой?!

– А что с ним церемониться?! – раззадорился Лукиан.
– Рубану я его по голове, и пошли!

– Ты просто отвечай и не язви, когда тебя спрашивают, – вмешался я.

– Я постараюсь, – пообещал он.

– Ты сумасшедший?

– Было бы неплохо...

– Не дразни, меня! Не ухмыляйся! – я уже начал терять терпение. – Надеюсь, ты понимаешь, где находишься.

– Да, это неприятный случай, – криво усмехался пленник.

Невероятно! Он брезгливо морщил нос, будто речь шла о каше, а не о его голове. Гозар, дотронувшись до моего плеча, попросил повременить и стал расспрашивать врага.

– Это наследник абазгов, – представил я сызнова Гозара.

– Наследник Ресмага, – поправил меня пленник.

– Я сызмальства наслышан об одном человеке. Его единоутробная сестра была моей кормилицей, – только Гозар повел такую речь, и пленник изменился в лице. – Этот человек провел детство подле моего отца, и как названный его брат...

– Зачем мне это слышать?

– Ты скажи!

– Сказать что? – пленник не отвел взгляда, но часто заморгал и затаил дыхание.

– Скажи! – выждав паузу, наседал на него Гозар. – Я тебя знаю.

Прежде чем заговорить, пленник прикрыл глаза и слотнул слону.

– Я Скепарна, – буркнул он, не глядя на нас.

– Кто?

– Кто он?

- Скепарна, – повторил пленник погромче.
- Тот самый?
- Ты у них старший?
- Не заставляйте меня ждать! – бросил мне связанный.
- Убейте как мужчину!
- Не торопи события, – предостерег я Скепарну.
- Сам понимаешь, все равно к этому выйдет.
- Всему свое время, дорогой. Ты лучше скажи, зачем хотел меня видеть.
- Откупиться хотел, – нехотя обронил Скепарна.
- Неужели ты думал, что я...
- Ничего я не думал, – отрицал он с брезгливой гримасой. Дескать, как ты мог так подумать. – Я не за себя...
- А за кого? За него? – кивнул я на его любопытно косящегося товарища по несчастью.
- Да, – вымолвил Скепарна, но как-то отрешенно.

Он глядел в курящийся костерок невидящим взором, потом шумно засопел и заморгал собственным, горестным мыслям.

– Зачем ты вернулся? – упрекнул его Гозар. – Мало ты в крови покупался?!

Скепарна вскинул на царевича голову так удивленно, будто только что его увидел, но оправдываться передумал и лишь горько хмыкнул.

- Ты призвал сарматов? – допытывался я.
- Они бы и сами пришли.
- Но ты не против.
- Я только за.
- Объясни.
- С удовольствием! – откликнулся Скепарна. – А как вас еще прогнать?! Вас надо переселить!
- Не нравится он мне, – заурчал Лукиан.
- Правители идут против соседей и даже собственных племен, чтоб вам понравиться, – сказал на это Скепарна, – и все это прикрывают пышными словесами о долгге.

Братьев стравливают друг с другом, и те из боязни прослыть трусами, друг друга крошат...

Центурион повеселел, будто забавное что-то услышал, и бровями указал Гозару на пленника. Дескать, слушай.

— Вот так вы и поступаете, — нимало не смущаясь Скепарна. — Стравливайте нас. Мы уже друг на друга смотреть не можем.... Вы можете лишить меня жизни, но это уже ничего не изменит.

— А что изменит? — спрашиваю я.

— Уйдите! Сройте укрепления! — говорит он с отышкой и обводит нас взглядом. — Дайте пожить. Хоть остаток дней дайте мирно дожить...

— А кто тебе не дает?! — протянул к нему раскрытые ладони Гозар. Он присел на корточки и придвигнулся к пленнику. — Ты сам мечом живешь! Не хитри!

— Я не хитрю! — огрызнулся Скепарна.

— Ты свою волю за волю народа выдаешь, — обличал его Гозар. — Остаток дней... — передразнил он Скепарну, и к нам обратился, скорчив гримасу отвращения: — Старик, а кровью не гнушается!

— Что движет тобою? — спрашиваю я. — Месть?

— Справедливость!

— Месть! — настаивает Гозар.

— И месть тоже

— За что?! Тебе лично что плохого сделал мой отец?

— Тебе по порядку рассказать?

— Давай первое.

— Давай последнее, — рявкнул заносчивый пленник. — Моя единокровную дочь похитил! — его глаза заполыхали огнем. — Единственное мое чадо...

— Дочь?

— Какая еще дочь?

— Обожди, Лукиан, — отстранил я центуриона, и встал перед сидевшим пленником на одно колено.

— Мира жаждешь? Мы распустим войско, а вы нас прирежете?! — вопрошал его раззадорившийся Гозар. Он

меня не послушал. – Ты что, людей совсем за ослов держишь?!

– Обожди, – я положил руку на плечо пылкого Гозара, и он тоже склонился к пленнику. – Это мы тебя захватили, а не ты нас!.. У меня к тебе встречное предложение.

– Какое?

– Отвяжи! – приказал я, поднявшись, декану.

– Зачем? – насторожился Гозар.

– Не горячись! – вторил ему центурион.

– Развязывай! – скомандовал я декану. – Я знаю, что я делаю.

– И руки развязать? – спросил пыхтящий декан.

– Ни в коем случае. Просто отвяжи их друг от друга.

Декан, слышавший все, что пленник нам наговорил, проникся к нему уважением. Это было заметно по тому, как он помог Скепарне подняться.

– Идем! – потащил я недоумевающего Скепарну в сторону, подталкивая за локоть.

Мы отошли за маленькую рощицу с кустарником, пока не потерялись из виду остальных. Кряхтевший пленник не упирался и хромал вместе со мной, пока я не остановился.

– Хотел выкупить dochь?

– Да.

– У кого?

– Не знаю.

– Как не знаю?! Ты же сказал, ее похитили.

– Похитили, – подтвердил он.

– Откуда?

– Мои дела не заладились, – завздыхал Скепарна, – я спрятал ее от людей подальше, у ее кормилицы...

– Сейчас она где? – оборвал я его нетерпеливо.

– Ох, если бы я знал! – вымолвил Скепарна и тоскливым взглядом заблуждал по холмам. – Она затерялась. Говорят, какой-то подлец бросил ее живую поперек коня и увез, вот что я знаю. Потом...

- Что потом? – подгонял я его.
- Ко мне явился человек, он скользкий, как уж, нет ему веры... он обещал устроить встречу...
- Обещал привести ее к тебе?
- В условленное место.
- Куда? Хорошо, не отвечай, – махнул я торопливо рукой. – Где она сейчас?
- Хех! – хмыкнул он, обиженный моими переспросами, и замотал головой. – Не знаю, жива ли вообще.
- Красивая?
- Что?
- Какая она?
- Вся в мать, – произнес он чуть дрогнувшим голосом, и ссупутился, как старик. Мне стало его жалко. – Мир ее праху... Только глаза мои.
- Зеленые?
- Нет, как орех... Постой! – расширил он свои выцветшие глаза. Он заподозрил что-то. – У моей дочери зеленые. Тебе это откуда известно?
- А волосы ровные?
- Ровные.
- Черные?
- Как мрак.
- Она жива? – заволновался Скепарна. – Ты знаешь, где она?
- Опиши ее.
- Не играй со мной!
- Как ее зовут?
- Эя.
- Это ее настоящее имя?
- Что значит настоящее?!
- С ума сойти! – потер я лицо рукой. – Как она выглядит?.. Не смотри на меня так... Тот парень, с которым ты только что грызся, отприск Ресмага, ее освободил.
- Гозар?
- Она жива и свободна.

– Это правда? – всполошился Скепарна – О, благая весть!.. Что с ней? Где она? С кем?

– В Питиунте, на попечении моей кухарки. Но если со мной что-то случится...

– Ей будет плохо?

– Очень. Какая она? Говори и побыстрее. Я знаю ответ, но хочу удостовериться.

– Сам скажи.

– Она выдумщица и умеет притворяться. Так?.. Ростом чуть пониже меня, до моего носа достает. Где-то так, – отмерил я ладонью. – Глаза зеленые, белолицая, я бы даже сказал, бледная.

– Еще.

– Смешливая, чуть курносая...

– Еще

– Грудастая.

– Хватит! – посурковел Скепарна.

– Ты сам просил, – пожал я плечами. – Венала с точностью подходит под описание.

– Какая еще Венала?

– Она себе такое имя придумала. Так это она?

– Похоже, – нехотя выдавил из себя абазг.

Молчим, стоим, как лошади, вздыхаем, друг другу в глаза не глядим. Кому он только не присягал – Ресмагу, императору, парфянскому владыке, потом с аланами союз заключил и на нас набросился, потом на Ресмага напал. Скепарна многое повидал, такие не закостеневают в догмах. Он ни перед кем не благоговеет, и разуверился во всех. Значит, гибкий. С ним можно договориться.

– Это ничем нам не поможет, – огорчил я его.

– Нам? – встрепенулся он.

– Нам, – повторил я. – Тебе, мне, ей.

– Тебя что-то связывает с моей дочерью? – опять насторожился Скепарна.

– Ничего такого! – поднял я обе руки. – Успокойся! Видно, сами боги нас свели. Если я отдам тебя воинам,

тебе выколют глаза и кишки выпотрошат, но какой в этом смысл?!

– Никакого! – поморщился абазг.

– А давай перестанем друг друга пугать и поговорим как взрослые люди, – предложил я ему простодушно, будто мы старые друзья.

– Почему нет?! – живо откликнулся абазгский патриций.

– Открою я тебе свое сердце, отец... Я могу тебя так называть? – спросил я его участливо.

– Э... Гм...

– Ты ведь постарше.

– Можешь, – позволил он, сделав над собой усилие.

– Я не зверь.

– Хорошо!

– Я не жажду бранной славы. Мне не нравится, когда людей, как быков, в жертву приносят.

– А кому это нравится?!

– Есть кому.

– Фуф! – фыркнул абазг.

– Порченые люди! – согласился я.

– Еще какие!

– Тогда давай убережем и себя, и других от бессмысленной бойни, – упрашивал я его. – Всего можно избежать.

– У меня связаны руки, – заметил он многозначительно.

– Это легко исправить, – отозвался я участливо, но не сдвинулся с места. – Помоги мне, помогут тебе.

– Ты здраво рассуждаешь, – похвалил Скепарна. – Я помогу. Я сдержу слово, – решил он, но тут же обмолвился: – Но только, если договоримся.

– Помирись с нами и с Ресмагом. Я не говорю, побратайся! Просто поживем под одним небом.

– Между мной и им много чего...

– Аид его приберет! – пообещал я за Ресмага. – Зачем тебе пачкаться?! Потерпи немного. Его свои сживут со свету. Никто, кроме его нахлебников, за него не вступится. Он останется без нашей поддержки наедине со своим народом и при плохом урожае, а ты как никогда популярен в народе, – уговаривал я. – Укрепись на закате, и он к тебе не сунется.

– Питиунт? – деловито осведомился Скепарна.

– А на это я согласия дать не могу. Это полная чушь. Сам понимаешь. Я же где-то должен иметь лагерь, – оправдывался я, и, видя, как пленник понимающе захмыкал, спросил: – Ну что?

Скепарна заколебался в нерешительности. Он отмалчивался и, покусывая нижнюю губу, смотрел в сторону. Видать, обдумывал, как дальше взяться за торг.

– Порви с аланами.

– Как я могу?! – задергал он плечами и озабоченно на-
дул щеки. – Я щит к щиту с ними сражался, я их не брошу.

– А разве я о таком просил?! Они сами тебя бросят... при определенных обстоятельствах. Или пойдешь с ними до конца?

– Я просто обязан, – отнекивался он, – я...

– Это твое дело, – взмахом руки прервал я его, – я в него не лезу, но...

Мы оба умолкли, прислушиваясь к далеким нестройным крикам. Следом раздался треск и ржание коней. Шагах в трехстах от нас начиналась рощица, переходящая в такой же лесистый холм, и где-то там кипел бой. Сразу заревел боевой рог и возвестил о нападении на лагерь. Гоплиты, стоявшие на краю у рощицы, бросились на под-
могу товарищам. Скепарна чуть не выругался вслух с досады, но вовремя стиснул зубы. Он гордый, не хотел показывать досаду.

Я вытащил тонкий кинжал для разделки мяса, Скепарна скривил лицо, слегка сглотнул слюну и заметно напрягся.

– Сейчас тебя не хватятся! Беги! – сказал я, и схватил

его за локоть. – Ползи по руслу ручья к лесу. – Я почувствовал, как он ослабил руку, и встал у него за спиной.

– Что ты своим скажешь? – он чуть не свернул шею, пока я перерезал веревки, впившиеся ему в кожу. – Ты отпустил врага. – Скепарна высвободился от пут и потирал затекшие запястья. – Тебе это припомнят.

– А разве тебя отбили не сарматы? – ахнул я. Абазг на это рассмеялся скрытым, утробным смехом. – Бери своих и уматывай подальше к горам над Себастополисом, – посоветовал я. – Там схоронитесь в лесах. Мы туда не сунемся. Скажи своим союзникам, что там повоюешь. Сойдет?

– Сойдет, – бросил Скепарна, огляделвшись по сторонам.

– Падай в ручей и ползи, как змея.

– И ты поторопись, пока тебя не хватились. Ты всем рискуешь, – предупредил абазг. – За такое тебя голову отрубят.

– Если узнают, – подмигнул я и хлопнул его по плечу.

– Встретимся в лучшие времена, – бросил мне обернувшийся Скепарна.

Если ни он, ни я не проболтаемся о нашем уговоре, все обойдется. Никто не поверит. Это же нелепость, убеждал я самого себя. Если кто такое скажет, его поднимут на смех. Абазг спрыгнул в пересохший ручей, пригнулся, пошлепал босыми ногами по мокрому руслу и скрылся за изгибом, поросшим высоким камышом. Я видел как тряслись стебли камыши, и по ним определял как движется Скепарна.

Я же отошел в сторону, и встал на кочку, чтобы рассмотреть что творится. Кочевники на своих косматых лошадях кололи пиками и теснили обезумевших от страха мородеров. Числом до сорока, их гнали и били в спины, как дичь. Шагах в ста вынырнул из-за кустов их пеший лучник. Он приложил стрелу к луку, натянул тетиву и выпустил стрелу. Но только вместо одной стрелы в небо поднялся целый рой. Враги обстреливали римлян из-за пригорка,

чтобы себя не обнаружить. Небо запестрело стрелами. Они выпустили стрелы по дуге. Сначала ввысь, а потом смертоносные, железные наконечники потянули стрелы вниз. Несколько наиболее расторопных гоплитов подняли над головой щиты и их, как градом, осыпало. То тут, то там кто-то ваился наземь. Одного упавшего, я это видел, аж пригвоздило к земле.

Бараны! Из-за них мы все тут поляжем! И мы и они. Потому что они бараны! Нет, чтобы разжиться лодками, переправиться через море и погостить в Трапезунде или Ризе. Всего-то дня два тихой погоды, и они перемахнут через водную преграду, так нет же!

Их даже перехватить особо некому, лишь бы раздобыли все, что держится на плаву! Какие же вы бараны! Могли бы всех желающих поучаствовать с собой прихватить. Прямыми ходом, с награбленным добром вернулись бы к себе. Какой смысл подвергать себя ненужной, дармовой опасности?!

Принято считать, что чем больше думаешь, тем вернее решение, но это не так. Иногда лучше плохое решение вовремя, чем бесконечное, тягучее колебание. Раз приняв решение, надо совершить поступок, а не колебаться.

Я вознамерился отдалить от своей области смертобойство. А что тут постыдного?! Надеюсь, Скепарна не дурак, я дал ему понять, что девушку прирежут, если что. Конечно, я не собираюсь этого делать, но зачем это говорить ему вслух. Пусть думает, что я мясник, иначе будет много крови.

На меня бежала горстка отступающих римлян с большими щитами. Их доспехи из кожаных полос с железными заклепками позякивали в такт их бега, а сами они были близки к полной панике.

– Центурион! Центурион! – взывали перепуганные гоплиты. – Что нам делать?!

– Нас окружают! – вопит рябой копейщик с искаженным от страха лицом, и копьем в сторону тычет.

– Их много! – хрипит другой, мускулистый, с отращенными кудрями и смуглолицый, как египтянин. – Всех режут!

– Нужно убежать в Нитику, – говорит рябой.

– Стройтесь! – бросил я им, и выкрикнул во всеуслышание: – Пусть каждый сделает свое! Они не так страшны, как вам кажется!

– Стройся! – поддержал меня подбежавший опцион. Он передал мне щит, и, обернувшись, поклялся своим. – Кто побежит, клянусь Марсом, догоню и сам прирежу!

В одном полете стрелы от нас завязалась пешая резня. Я выхватил глазом, как в суматохе курчавый и атлетического сложения варвар толкнул щитом легионера и широким взмахом длинного меча рассек ему голову. Стоявший рядом римлянин бросил в него копье, но проворный варвар отбил щитом копье и пошел на обидчика, поигрывая в руке мечом. Римлян попятился, но тот ему в живот всадил клинок и, вынув протер об одежды еще дергающегося и стоявшего легионера. Быстро он с двумя расправился.

– Бежим на них! – скомандовал я.

Строй двинулся обратно, обрастав все новыми подбравшими воинами, и мы перешли на быстрый шаг.

С нами сближалась горстка отчаянных головорезов. Мы бросили в атакующих копья и схватились за мечи, а они попытались пробить брешь в стене сомкнутых щитов. Они заколотили по ним нещадно. Выпад, еще один, мы прикрываемся щитами и колем в прорези. Раздалось несколько душераздирающих воплей, и это их остудило. Варвары частью поддались назад, а частью и вовсе отхлынули.

– Второй ряд, щиты над головой! Первый ряд, на колено! – прокричал я.

Едва успели, и по щитам забарабанил град из камней.

– Задние!

– Да, центурион! – отчеканил где-то побоку декан.

– Сейчас, у кого остались копья или кто подобрал, метьтайте в них! – воззвал я к воинам. – Крушите их!

Новые броски уложили еще нескольких варваров, но они и не думали разбегаться, стояли против нас и, неистово рыча, колотили по щитам мечами.

Курчавый, одолевший двух римлян, был все еще невредим. Он в длинном до колен хитоне, мешковатых штанах, а на ногах у него и кругом икр обувь из козьей шкуры. Опасный и юркий враг. Побоку вопит очень схожий с ним, но постарше. Видать, братья. Еще какой-то в лисьей шапке с хвостом к ним примкнул, и длинным копьем потрясает.

– Двигаемся!

– Встаем и вперед! – поддержал меня зычный декан.

Передо мной отбежали все, кроме троих, которых я наметил, но эти не дрогнули. Курчавый, будто смерть призывает, опустил круглый щит, шагнул мне навстречу, показал своим на меня острием меча, и призвал на абазгском: «Разите это собачье отродье!» Видать, меня опознали по поперечному гребню на шлеме. Мы молчали, берегли дыхание, и каждый знал, что делать. Нас отделяло шагов десять. Я подбежал к нему, со мною горстка гоплитов, и мы сшиблись, как дикие звери. Впятером или всемером мы на них троих накинулись. Первый выпад решил участь варвара в лисьей шапке, и мы его сделали вместе с деканом. Абазг, который мне орал, отскочил от выпада легионера и рубанул его по кисти, державшей гладиус. Нечеловеческий звериный вопль боли и хлещущая кровь заставили нас промешкать, и курчавый воткнул клинок в глазницу другому и вытащил лезвие. Тот сразу рухнул. Мои соратники попятались, и я сам сделал пару шагов назад. Римляне опешили от такой ярости, и его брат дотянулся длинным мечом в незащищенный живот третьего гоплита. Тот был в одной лишь военной тунике.

Не добежав до рощи, к нам уже возвращались ранее сбежавшие от нас варвары. Мы еще разче поддались назад. Нас уже окружали и с другого фланга. Смяв наше правое крыло, варвары, и всадники, и безлошадные, преследовали и рубили бегущих гоплитов. Пеший лучник с круто изогнутым луком, на бегу выкрикивающий угрозы, остановился, встал на одно колено, приладил стрелу к луку и отпустил тетиву. Стрела прожужжала перед моим носом, и за плечом чавкнула в чью-то плоть, послышался вскрик. Еще один всадник, в пестром развевающемся плаще со сверкающим на солнце клинком, догонял убегающего и безоружного велита в просторных, легких одеяниях. Среди нападавших были большей частью пешие без доспехов и в лохмотьях, настоящий сброд с топорами и даже заостренными на огне кольями. Один, пояс голый и с серпом, добил упавшего раненого, и надвинулся на меня.

Я отбил его неосмотрительный выпад отяжелевшим от стрел мечом и кольнул его клинком в голую грудь. Он даже не ахнул, и посмотрел на меня расширенными и удивленными голубыми глазами. Потом я еще от одного увернулся, отклонив щит, и вдогонку полоснул его по бедру. Я еще немного попятился назад. Я задыхался и устал, но вертел головой, как сорока. Краем глаза я ухватил, как декан сцепился с курчавым абазом. Абазг отбросил разбитый в щепы щит, и они оба почти одновременно всадили друг в друга мечи. Абазг проткнул нагрудник декана, но и декан успел садануть его в вбок коротким гладиусом. Рядом со мной, на земле, корчился последний римлянин. Сильной рукой пущенная пика пробила его кольчугу, вошла ему в живот, а ко мне галопом несся его убийца, потрясая сверкающим кривым мечом. Я взял меч в ту же руку с щитом, вытащил насилиу впившуюся в землю пику, занес ногу вперед, оттянул плечо и, собрав последние силы, резко метнул ее. Я попал в голову коня, но и этого

хватило, конь кубарем полетел вперед и раздавил седока крупом.

Я озирался по сторонам и лихорадочно соображал, куда бежать.

Каким-то чудом меня еще не прикончили. Курчавый варвар с сапогами из козлиной шкуры добивал кого-то отвлекшего его. Римляне и варвары рубились насмерть уже позади. Шагах в тридцати, за моею спиной творилась невообразимое. Сражавшиеся настолько близко стеснились, что в кучке не могли замахнуться как следует и брыкались ногами, как дикие кони. Свои мешали своим, а у меня от усталости опускались руки. Они будто свинцом налились, легкие работали как кузнечные меха, и все равно не могли охладить пылающее тело.

Отступай, пока тебя не хватились, приказал я себе.

Я утер рукавом льющийся градом на брови пот, вскинул меч острием перед собой, прикрылся щитом, от тяжести которого уже мышцы задеревенели, и попытался оббежать свалку. Там был просвет, но и вертеться на бегу приходилось, чтобы меня не настигли. Я кожей почувствовал дуновение воздуха, когда стрела продырявила край моей туники. Он оказался плохим стрелком, и сам казалось был парализован страхом. Шагах в десяти от меня прилаживал к луку новую стрелу пеший, светловолосый варвар. Я замахнулся на него мечом и этого хватило. Он пропустил от меня во всю прыть.

Я почти пробился к своим, опустил щит, повернулся лицом к врагам, чтобы осмотреться, и вдруг кто-то сзади истошно заорет: «Кассий!» Я едва повернул шею, как получил ужасающий удар по затылку. Ослепительная вспышка. Моя голова треснула, как перезрелая дыня, и с носа хлынула кровь. В глазах потемнело сразу, я зашатался. Щит я уронил, но рукоять меча стиснул что есть силы. Очень больно, но я даже не вскрикнул.

«Это все?» – запаниковал я. Меня ослепили. «Камень или меч? – успел я подумать, прежде чем мои ноги под-

косились. – Лишь бы камень... Не падай... не падай... не встанешь... не падай..»

Уже проваливаясь в забытье, я почувствовал, как кто-то шипастыми калигами отдавил мои пальцы с гладиусом и они хрустнули. Это последнее, что помню. Я перестал слышать...

– Где я? – пролепетал я, облизнув пересохшие губы, и боясь шелохнуться.

– Хвала небесам! – облегченно вздохнул склонившийся надо мной Сиуард. Он прикоснулся к моему лба холодными пальцами, и сообщил кому-то: – Он очнулся. – Потом снова обратился ко мне: – Твою голову кое-как извлекли из покореженного шлема.

– Вокруг твоей туши устроили целое побоище, – раздался грубоватый и насмешливый голос.

– Тебя хотели предать земле, – поведал воспрявший духом Сиуард.

– Я тебя спас! – вторил ему грубиян.

– Амадиус нашупал у тебя пульс...

Я смежил тяжелые веки.

– Его не добили, посчитав мертвым, – заявил еще кто-то, и еще кто-то хохотнул у моего изголовья: – Он бессмертный...

Я снова провалился во мрак, но теперь помедленнее, будто тонул. Теперь меня убаюкивали бурчащие голоса, и уже поменьше звенело в ушах.

Меня сначала на щите, потом на носилках, сделанных из скрещенных пик под доской, дотащили до Нитики.

Поредевшая когорта отступила, почти в беспорядке, к сожженной Нитике.

Большинство поддались панике, и лишь обезглавленная центурия Лукиана прикрыла их задницы. Они и абазги, менее тридцати всего, не рассыпались, сохранили строй и остудили пыл улюлюкающих преследователей. Малочисленного, но слаженного сопротивления хвати-

ло, чтобы трусы спаслись от позора и смерти. Нападавшие не менее измотались, и также понесли страшные потери. Все поле от леса до Нитики было усеяно трупами. Запах тлена и пир дляочных крыс. Варвары, со слов Сиурда, понесли большие потери, и с наступлением темноты собирали своих, да и то только тех, кто был подальше от римлян. Римляне тоже опасались попасться в лапы, и вообще не подбирали погибших.

Выжившие римляне завалили проходы и заперлись в Нитике к тому времени, как я очнулся. Я не мог пошевелиться и лежал, таращась в низкий обугленный потолок.

«кто я после содеянного? Миротворец? Глупец? предатель? – терзался я тем, что натворил. Я был слаб, и время от времени впадал в забытье. Это ослабляло душевые муки. – Скоро пойму. Надо дать время Скепарне на переговоры со своими», – утешался я, смежив веки, и вдруг, сквозь толщу сна, я вспомнил то, о чем нельзя забывать.

– Сиурд! – простонал я, спохватившись, и попытался приподняться. – Сиурд! – еще раз позвал я ауксилария.

– Не разговаривай, тебе нельзя, – склонился надо мной ауксиларий. – Что с тобой?

Я, шамкая ртом, сделал ему знак наклониться поближе и ухватился ослабевшими пальцами за складку его прочной военной туники.

– Меня зарезать хотят, – задышал я ему в ухо. Он зажжал и замотал отрицательно головой. – Это не бред... Не подведи...

– Кто? – шепнул он, прежде огляделвшись.

– Этот... как его... Тарис и его....

– Фракиец?

– Не спрашивай ни о чем, – урчал я, разжав пальцы, – просто побудь рядом... Ничего никому... не...

– Отдыхай.

Он пробудил меня, дотронувшись до моего плеча. Я пристально на него глянул, и на этот раз он, соглашаясь, зажмурил глаза.

Сквозь накатывающуюся дремоту я слышал чьи-то приглушенные голоса. Один, судя по тону, проявлял нетерпение, не понимая, какого рожна мы отдыхаем среди руин, зная, что за нами придут, а другой убаюкивающе ворчал.

Мы были легкой, подраненной добычей, но враг почему-то так и не заявил за нашими душами. Лазутчики вернулись и донесли Сиуарду, что конные массы врагов разделились. Абазги, дескать, отделились от общего лагеря варваров. Опять засыпая, я думал: Скепарна пропускает нас обратно в Питиунт, если только осажденные выйдут нам навстречу. Похоже, первый шаг сделан – Скепарна сдержал слово.

Я очнулся средь бела дня оттого, что меня подбрасывало на кочках, а колеса крытой повозки скрипели так, что мороз по коже пробегал. Мы возвращались в Питиунт. Всю обратную дорогу я думал, что скажу Флавию. Несомненно, ему донесут о моих необъяснимых перешептываниях с вождем абазгов, но тут я могу сказать, что его отбили. Тем более, все кто были со мной, истреблены. Многие, и простые, и именитые, сгинули в скоротечном бою. Среди погибших два центуриона. Погиб Лукиан, и вместе с ним абазгский наследник во цвете лет сложил голову на поле брани. Когда я бился с варварами, их уже не было в живых.

Пока я беседовал со Скепарной, их накрыло первым же роем стрел. Враги пустили их из-за пригорка высокой дугой, и лишь потом набросились на римлян, стоявших на отшибе, в открытую.

От выдвинувшейся когорт осталась едва треть, и те наполовину покалеченные. Но горше доли Ресмага нет доли. Хоронить такого прекрасного сына во цвете лет! Страшно вообразить его безутешное горе. Достойный и храбрейший юноша разбил отцу сердце. Такой сын – мечта любого родителя.

К сожалению, Тарис, проныра, выжил, и подозрительно косился на мою повозку. Я иногда выхватывал его лицо в прорезях ткани. Он ни о чем не расспрашивал, шептался обо мне с каким-то обритым на лысо молодцем из своих, и кивал подбородком в мою сторону. Его собеседник морщил лоб, переводя взгляд с него на повозку и обратно.

Я уже мог привставать, и нащупал на затылке громадную шишку. В моей побитой голове потихоньку укладывалось произошедшее. Я был как вор, которого застали на месте преступления, и в любой момент могли обшарить. А уж из меня вытрясли бы многое. Сначала я совершил кражу, потом подлог, а потом, чтобы все это скрыть, довершил дело изменой.

«Это даже неплохо, что меня по голове стукнули, – думал я. – Я ослаб, и напряжение не выйдет наружу. Иначе бы это изобличило меня. Все к лучшему».

Я не побежал с поля боя, меня никто не обвинит в трусости.

По пути я кожей чувствовал, как нарастало и змеилось недоверие ко мне. Преторианцы шушукались, многозначительно переглядывались, причем Амадиус то и дело деланно покашливал, будто у него в горле першит. Он не болен кровохарканьем, и это что-то значит. И он, и сенатор старались не встречаться со мной взглядом, когда я вышел из повозки подышать.

Хорошо, что я отупел от боли и усталости. Очень хорошо. Они и их воины могут наброситься на меня и заколоть, а я сижу как ни в чем не бывало, ко всему безразличный. Голова тяжелая, ее трудно держать, и шею сковало

Сиуард проделал весь путь, чуть отстав от меня, но рядом.

– А где этот... как его? – спросил я его на привале, потирая свой покалеченный затылок.

– Телохранитель Тариса?

– Ага.

— Сбежал. Я не хотел тебя злить, ты и так натерпелся, говорят, это он в тебя свинцовым шаром метнул.

— Подлец! — заскрежетал я зубами, и сразу у меня в голове что-то треснуло.

— Он хотел еще тебя прирезать, но на него абазги накинулись, а еще один наш показывал на него пальцем и орал. Пришлось ему ото всех сбежать. Надеюсь, его в лесу прикончили.

Усевшись рядом с погонщиком пестрых волов, я преодолел последние стадии. Я наслаждался утихшей головной болью, свежим воздухом, и любовался окрестностями. Тут ни смрада, ни вони, ни воронья. Питиунт, в отличие от обездоленной Нитики, гостеприимно манил черепичными крышами и дымками готовящихся ужинов.

Повозка едва подскакивала на неровной дороге, воины громыхали снаряжением, а встречные кивали нам, кланялись, и смотрели на нас с надеждой. Никаких признаков радости не было, но нас зауважали. Это было заметно, и мы это заслужили. Когда моя повозка докатилась до конюшни, сердце мое засаднило. Я затосковал о моем Ачи. Прекрасный, дружелюбный и надежный конь. Он заслуживал смерти во сне, от старости, на мягкой соломе, а несчастное животное принесено в жертву на поле боя. Ох, бедный Ачи!

— Где пропретор? — спросил я, сойдя наземь.

— У себя затворился. Где же ему еще быть, — проворчал Кастор, ласкавший смиренного вола по холке. — Он как шлемы их островерхие увидел, сам не свой стал, — добавил конюший, распрягая волов, тащивших повозку. — Они кругами скачут, по щитам мечами бряцают, и возглашают на своем. Но близко не подступали, а то бы их со стен стрелами осыпали, место пристрелянное. За отмеченные камни не заходили.

— Так что Флавий?..

— По стенам бегал, как собака на цепи, на них лаял, — сплетничал конюший, — все перепугались до жути! — шу-

шукался со мной Кастор. – Флавий охрип, ладони сложил и орет им.

– Ух, ты!

– Он, оказывается, по-ихнему выучился.

– Даже так?

– Знает такое выражение. Теперь мы все его знаем. Он им с десяток раз это проорал. Могу повторить.

– Не надо! – предупредил я его взмахом руки, а другой придерживал пальцами отяжелевшую голову за висок, и, покряхтев, направился на отчет к наместнику.

Плелусь я себе тихий и опустошенный, гляжу под ноги, и внезапно быстрая, как молния, тень, птицей пронеслась надо мною. Я даже оглянулся не успел, как что-то увесистое, громыхнуло позади, раздался страшный треск, ржание и рев напуганных животных.

Каменное ядро врезалось в кровлю конюшни и с легкостью проломило ее. Ее запустили из огромной пращи то ли устрашая сарматских лазутчиков, то ли себя подбадривая, то ли упражняясь для осады, то ли все по чуть-чуть. Пращники пристреливались на местности, разжали канаты и выпустили в небо увесистый камень, но вместо того чтобы перелететь через стену, булыга взмыла ввысь, а потом на излете бухнулась в конюшню. Видать, отклонилась в сторону. Из кровли вырвало несколько надломленных досок, и они попадали вниз на животных вместе с тяжелым камнем. Пара волов и кони в стойлах взбесились.

Рабочий и мирный вол, которого Кастор только что ласкал как щенка, высадил рогами дверь, проломил мощной грудью ограждение из горизонтальных, подгнивших кольев, как тростинки, и оглашая округу мычанием, побежал по тесной улочке, опрокинув корзину на меня. За ним ржал и брыкался черный гривастый конь. Я успел вжаться в нишу в стене, и животные пронеслись мимо. Только я облегченно вздохнул, и вижу, мимо ошарашен-

ный Кастор пробежал, в руке у него свернутый в кольцо хлыст.

Где-то у ворот раздались боевые кличи и рев буцины загласил. Часовые все неправильно истолковали, и я обмер. Думал, мы проглядели сарматов и они ворвались внутрь. «Все-таки придется умирать!» – досадовал я, обнажая меч, и захромал по кривой улочке в сторону конюшни. Внезапно на острие лезвия едва не напоролась ошалелая, крепкая старуха, с корзиной высушенного белья на плечах. Она округлила налитые кровью глаза и задышала, как тонущая.

– Сарматы? – спрашивала я.

– Сарматы!!! – вскрикнула она искаженным, почти беззубым ртом, уронила мне под ноги корзину, и стала вырывать из седой головы пряди длинных волос

– Оу! Оу! – опешил я. – Ты не поняла, это вопрос! Вопрос! Куда ты?! – кричал я ей вдогонку. – Стой, старая ведьма!

Старая ведьма скрылась за поворотом узкой улочки. Еще какая-то грудастая женщина пробежала мимо, причитая и на ходу размахивая руками: «Сарматы! Сарматы!»

Пока я, разинув рот, провожал их взглядом, раздался железный лязг и еще один грохот затяжного падения. Тарис сверху кубарем скатился с лестницы, поднялся, поскользнулся на жирных камнях калигами, потерял равновесие и влетел головой в приоткрытую дверь, уже напротив. Ступеньки вели в темный погреб, и сенатор загрохотал вниз, круша кухонную утварь.

Я толкнул острием меча прикрывшуюся за ним дверцу и окликнул: «Живой?»

Сначала тишина, потом послышались стоны и шорохи. Из тьмы кто-то заскулил. Тарис поднимался из подземелья, ворча, как пес, попутно спотыкаясь, и снова кувыркаясь. Изрыгая проклятия, он на четвереньках дополз до порога, я вложил меч в ножны и протянул ему

руку. Покореженный сенатор поднялся с моей помощью на ноги и, потирая поясницу, охал, как роженица.

– Я тебя прощаю, Тарис! – сказал я спокойно. Он растерялся. – Я знаю, ты хотел меня убить...

– Я? С чего ты взял?! Я наоборот... – забормотал побледневший Тарис. – Наоборот...

– Оставь! – сказал я устало. – Я знаю, ты знаешь! Оставь! – заметив его неосознанное движение руки к рукояти меча, я резким тоном предупредил: – Только дотронься!

– Но...

– Что но? – Скорее вина, чем его малодушие заставили его опустить глаза. – Ты не желаешь мне смерти? Или желаешь?.. Оу! Оу! Это еще что?!

Топот башмаков, и снова толпа на нас несется. Мы отшатнулись и прижались к стене, плечом к плечу, иначе бы нас сбили с ног. Людской поток нес носилки, на которых окровавленный оборвый с несуразно большим носом возлежал как триумфатор. Изувеченный на миг приподнялся на локте и возвзвал к носильщикам: «Олухи! Ослиное отродье!»

Сотоварищ ассирийца угодил на рога разъяненному и стиснутому улочкой волу. Его положили на носилки, подняли, хотели понести, но поддавшись пущенной панике, уронили с плеч и разбежались. Падение, как ни странно, привело его в чувство, и Большой Нос им орал, порываясь встать и уйти самостоятельно. Какой-то лopoухий и лысый, посчитав его слова горячечным бредом, отвесил ему оплеуху и уложил обратно на носилки.. Еще несколько ротозеев получили в давке рваные раны, ушибы и вывиши. В неразберихе и толкотне кто-то ухватил меня за локоть.

– Заклинаю тебя небом, распространяй панику! – попросил Сиурд. – Так надо, Кассий! – стиснул он мой локоть и зашипел мне в ухо: – Я вызволю Нара. Крикну

страже, что нас атаковали, и уведу их оттуда, а ты отвлеки, скольких сможешь.

— А дверь?

— Высадим! — заверил он, отпустив мою руку. — Естьтопоры. Со мной шурин Нара.

— Удачи! — шепнул я ему, и тут же призвал выбегавших их атриума копейщиков: — За мной! К бою!

— Кассий! — позвал меня высунувшийся из окна Флавий. Наместник, серый, как мешок, то протягивал ко мне руки, то разводил ими.

— Сарматы! — проорал я ему, чтоб меня услышали остальные, и увлек за собой горстку растерянных гоплитов. — Вы, за мной! Вы, к воротам! — размашисто жестикулировал я мечом. — Остальные на стены!..

Я ощутил прилив сил. В душе я парил, как орел, расправивший крылья. Флавий Арриан, наместник императора и именитый полководец, стоял в окне беспомощный, а надменный и жестокий Тарис пристыжен собственной совестью, а еще жив.

Душой я чувствовал себя превосходно и легко. Когда вершишь правое дело, небо проведет тебя между Сциллой и Харибдой, не сомневайся!

Обрастил воинами, я достиг башни, и с нее заметил, как Большой Нос, окруженный почитателями, круша палатки торговцев, возносился к лечебнице на холме в другой стороне.

Когда все стихло, прямо на рыночной площади воины перерезали горло рассерженному волу, разожгли костер и разделяли мясо. Они использовали песочную загрубелую шкуру животного как подстилку. Среди них я выхватил взглядом знакомую сутулую спину и плешь. Гляжу, и собственным глазам не верю. Он, пыхтя, нанизал на заостренную палку мясо и стал обжаривать кусок на открытом огне. Двое мясников еще только свежевали тушу, исходившую паром, но остальные, не дожидаясь, отрезали и разбирали куски.

– Тифон? – окликнул я человека, сидевшего на корточках.

– Кассий! – просиял подскочивший Тифон. Он бросился мне навстречу. – Как я рад, центурион! Ты жив!

– А ты? – тряс я его за плечи. – Сказали, ты погиб.

– Почти, – смеялся Потрин, его глаз увлажнились. Ему было себя жаль, и меня, по-видимому. Он протянул мне вдетое на пруток мясо. Кусок сырой говядины еще продолжал мелко пульсировать. – Угощайся, центурион, свежее.

– И даже слишком, – мягко отвел я его руку. – Я рад за тебя, приятель.

Мы отошли под навес, и первые капли теплого летнего дождя забарабанили по черепичной крыше. Смеркалось.

– Ты любимец богов, Кассий! – приветствовал меня повеселевший Флавий.

Я засмущался и опустил голову в поклоне. Мы обменялись крепким рукопожатием. Значит, Тарис еще не успел меня оболгать. Тарис Бальп, похоже, пришел в себя. В присутствии своего покровителя сенатор напустил на себя свое обычное высокомерие, скрестил руки на груди, полуприкрытыми глазами меня бесцеремонно рассматривал. Дескать, я этого так не оставлю. Если пропреторский прихвостень ожидает подавить меня своей значимостью, так ничего кроме простодушной улыбки он из меня не выжмет.

Десяток масляных светилен, подвешенных на цепочках, с потолочных балок освещали комнату, как в праздник.

– У них хватило наглости явиться под самые стены! – восклицал наместник. Он пригляделся ко мне и заметил участливо: – Ты исходил.

– Поправлюсь! – отшутился я, и даже мой легкий смешок отозвался резью в боку и звоном в ухе.

Домашний раб пропретора Нарбон, высохший человек с пышной седеющей шевелюрой и темным, как ночь, лицом встал на цыпочки, бесшумно закрыл маленькое оконце со вставленным тусклым стеклом. Его заливал припавший еще сильнее дождь. Нарбон также плавно допорхал до двери и закрыл ее за собой так, что даже петли не скрипнули. Он бесшумный, как тень. Наверное, их этому обучают.

— Тарис не только мой помощник, — указал наместник бровями на Тариса, — но и стратег, которого я к тебе приставил, чтоб он помог тебе советом.

Я закивал.

— Трудно помочь тому, кто таит правду, — заметил Флавию Тарис.

Я притворился недоумевающим, а в дверь постучали кольцом на затворе.

— Войдите! — разрешил наместник, подождал и раздраженно прикрикнул: — Вас что, за руку завести?!

Вошел Амадиус вместе с двумя рослыми преторианцами, все в латных доспехах, при мечах, но без щитов. Я насторожился, но виду не показываю, что меня это тревожит.

— Присаживайся, Амадиус.

Флавий уселся напротив меня, Амадиус развалился тушей на скамье у стены, а Тарис, преторианцы и я остались стоять.

— Тарис и Амадиус, — Флавий указал поочередно на обоих, — свидетельствуют, что ты договаривался о чем-то с вражеским предводителем с глазу на глаз. А потом отпустил его, вернув ему оружие. Так это?

— Нет, — отверг я.

— Нет?

— Оружия я не вернул.

— Ах, вот как!

— Теперь он скажет, что это был его соглядатай, — обронил Тарис.

— Это наш... Это был твой соглядатай? — спросил Флавий.

— Нет, конечно, — пожал я плечами и усмехнулся, будто услышал что-то смешное. — Нам попался самый что ни на есть именитый вождь, человек далеко не последний среди варваров.

— И ты его отпустил, — повторил Флавий спокойно, тыча в меня пальцем.

«Быстро же ты ко мне переменился!» — думаю я, а вслух говорю:

— Он предложил обмен.

— Обмен, — повторил за мной пропретор и замолчал. Сначала глядит на меня пронзительно, а потом обратился к начальнику своей стражи: — Ты видел тех, кого мы получили взамен?

Вместо ответа Амадиус шумно надул щеки и закатил глаза. Тарис осуждающе зашокал языком и замотал головой в знак осуждения. Убийца и подлец сильно опечален соприкосновением с таким бесконечно порочным человеком, как я. «Как так можно!» — говорил Тарис каждым своим жестом. Они сообща уличали меня, и вели себя так, будто моя измена уже неоспорима.

Они умели мастерски обмениваться недоумевающими, опечаленными взглядами, намекая тем самым Флавию не только на мое предательство, но еще и на слабоумие. Одним богам ведомо, как Тарис исхитрялся окружать глаза и одновременно презрительно кривить губы, как будто он видит перед собой жабу.

— Я взял с него слово и обязал самыми страшными клятвами, что он не поднимет против нас оружие, — вынужденно признал я.

— Ушам своим не верю! — вознегодовал Тарис. — Кто тебе дал такое право?

— Я думал...

— Он думал! — хохотнул с места префект, и посмотрел на Флавия.

– Я объясню, если меня не будут обрывать неуместными и грубыми замечаниями, – воззвал я к прокуратору.

– Говори! – Флавий одним взмахом руки заставил их умолкнуть.

По мере того, как я рассказывал о том, что мятежный Скепарна требует, их лица удивленно вытягивались, и они недоверчиво переглядывались.

Когда я им объявил, что он свою часть уже выполнил, Тарис едва не задохнулся от сдерживаемого негодования, а Флавий, нахмурившись, заерзal к кресле, выискивая удобную позу.

– Какая нужда заставила тебя принять такое решение, и так скоро? – разводил Тарис руками. – Не посоветовавшись ни с кем из нас, впопыхах... Ты мог привести его в Питиунт в цепях, и здесь твой командующий разрешил бы вопрос. – Для подхалима Тарис неглуп. – Можно было...

– Не можно! – неожиданно рявкнул на него Флавий. – Разве ты не слышал?! Они грозились казнить заложников, да и Кассий, – указал он Тарису на меня, – не смог бы прорваться обратно в крепость. Кстати, вместе с тобою, – показал он на него пальцем.

– Зря я не внял твоему совету, – завздыхал после недолгой паузы Флавий. – Разделившись, мы сыграли в опасную игру. Вынужден признать, я принял неверное решение.

– Мы приняли, – сказал я, и тем разделил ответственность. – Мы нанесли им ответный удар и вдобавок не проиграли.

– Значит, ты советуешь сдержать слово, сидеть себе тихо за стенами, а после произвести обмен? – спросил меня военачальник, на этот раз без тени недоброжелательства, но все так же озабоченно.

– Это хороший торг... Да и потом, нам любая оттяжка времени на руку.

– А тебе не приходило в голову, что нас дурачат? – снова вмешался Тарис, но Флавий отмахнулся на это рукой. – Конечно дурачат, – вынес он свое суждение. – Перемирие в том и заключается, кто кого облапошит и кто за это время укрепится.

Флавий криво хмыкнул, и задумавшись о чем-то своем, слегка замотал головой, будто удивляясь.

– Позови Нарбона! – велел он преторианцу. – И принеси нам фиников и белого вина! – бросил он ему вдогонку.

Терпкое вино, сочные, мясистые финики, я мало говорил и во всем поддакивал Флавию. Теперь я прекрасно понял – этот странный старик давно меня раскусил и просто проявил ко мне милосердие. Ну и что, что он сам порочен. Зато он философ и к чужим порокам терпим. Видать, философия делает свое. Это хорошо, что он ко мне хорошо относится. Я старался быть серьезным, чтобы у него не сложилось впечатление, что я обрадован. Я даже любезничал с Тарисом. Несомненно, он сможет натравить на меня пропретора, и сможет разжечь чашу гнева, но не сегодня вечером и не в Питиунте. Сенатор тоже источал радущие, а я ему кивал, совершенно его не слушая, мечтал поскорее от них уйти.

С зажженным факелом в руке я разыскал обмазанную глиной и крытую соломой лачугу, постучал в хлипкую, криво сколоченную дверь.

Свет лампады забрезжил сквозь щели дощатой двери, и вскоре она открылась. Венала по моему молчанию и взгляду все поняла, закрыла на мгновение глаза, прикрыла ладошкой рот, будто у нее зубы болят. Горянка сгорала от стыда и прятала взор.

Оказалось, она умеет слушать, не споря. При этом Эя или Венала, я уже запутался, стояла так близко ко мне, и так вздымалась ее пышная грудь от вздохов, спрятанной под туникой, что я с трудом собрался с мыслями.

— Тебе нельзя ни с кем делиться услышанным! — На мое предупреждение она кротко кивнула. — И не вздумай покидать Питиунт. Оставайся тут, я тебя выведу к отцу. Не пытайся выбраться сама. Ты поняла? — Венала скромничала, не поднимая взора. — Есть у тебя жених?

— Что? — мой вопрос заставил ее вздрогнуть и заглянуть мне в глаза.

— Станешь моей женой?

— Женой? — недоумевала она. — Ты меня толком не знаешь!

— Это не ответ.

— Ты меня не знаешь, — твердила она.

— Как и ты меня! — пожал я плечами. — Хотя нет, я знаю твое новое имя.

— Это старое, — сказала она, пряча улыбку. — Мы едва знаем друг друга.

— Надо этим воспользоваться. Сама посуди, не зная недостатки друг друга, мы скорее поладим... Чем меньше мы знаем друг о друге, тем лучше. Разве нет?

Молчит. Хороший признак. Ни согласия, ни отказа. Хотя мы говорили во тьме крохотной комнатушки, освещенной единственной лампадой, горянка нарочито заинтересовалась ногтями. Видать, у нее привычка уходить от прямого ответа, рассматривая пальцы.

— К чему такая спешка?

— Хочу успеть.

— Успеешь, — обнадежила она. — Ты же пока, вроде, кровью не харкаешь. Утешься, Кассий. Найдешь себе другую — покраше, получше.

— Не уживусь я с другой.

— Уживешься, — бурчит она все тише. — Мы слишком разные.

— Нам необязательно страдать. Ты одна, я один... Конечно, ты можешь гадать, стоит, не стоит, но в нашем случае...

— Что в нашем случае?

– Правильный ответ можно узнать, только состарившись вместе.

– Не всегда, не всегда, – завздыхала Венала, мотая головой.

– Лучше быть вместе, чем порознь.

– Благодарю за прямоту, Кассий, – молвят она. – И я с тобой буду откровенна. Хотя мне надлежит в землю потупиться и язык проглотить, но я так не буду. И ты, кстати, со мной тоже должен себя вести так, будто за нами подглядывают.

– Обычно так?

– Да, наши девушки грустью душу изводят, но я уже тебе достаточно наврала, и буду говорить правду.

– Успокоила.

– Наши нравы строгие и однообразные, ваши – разнуданные.

– Вольготные, – поправил я ее. – Детишек воспитаем в середине. Нет, ты не подумай, что я настаиваю.

– А разве нет? – ахнула лукавая.

– Да, но...

– Нет! Нет! – она коснулась моей руки. – Я о тебе плохо не думаю. Просто, я о нравах римских наслышана.

– Как и я о ваших.

– Ты мне чужак.

– Это пока, – парировал я.

– Сама не знаю, зачем я тебе открываюсь...

– Я чужак, – напомнил я ей.

– Наверное, – сникнув, она уставилась в темноту невидящим взглядом. – Я хочу пожить спокойно.

– Я тоже долго не спал... Почему бы нам не отдыхать вместе? Но для этого нам желательно не мямлить, а поскорее договориться.

– Помоги моему несчастному старому отцу.

– А вот это уже другой разговор! – повеселел я. – Так, мы увидимся?

– Поможешь?

– А я, по-твоему, что делаю?! И в ущерб себе, заметь...

Флавий пробыл в Питиунте еще дней пять после того, как простыл след последнего из кочевников. Он даже поохотился, правда, не отходя далеко от укрепления и с загонщиками в лице целой когорты. Тарис на меня крысился, но так и уплыл восвояси, не сумев выдвинуть против меня стоящего обвинения. Наверное, он собирался с ним выступить в Никомедии или в Вифинии. «Там безопаснее», – наверняка думает он, а я точно знаю: молния дважды в одно и то же место не бьет. В будущем самое безопасное место на Понте – это наше болото с комарами, лихорадкой и скачками в честь сбора урожая. У аbazгов непринято с женами посещать такие празднества, но я возьму ее с собой, чтобы с отцом увиделась. Я не знаю, что нам готовит судьба. Никто не знает. Но я не дрогну перед лицом любой напасти, я буду трястись и ныть, но не упаду духом. Я подкреплю себя надеждой, а если и ее не станет, я буду черпать вдохновение, вспоминая веселые, удачливые деньки...

Все те, о ком шла речь, еще какое-то время пожили, кому как небеса отмерили. Что касается Кассия, то дальнейшая его судьба неизвестна. Он сгинул во тьме веков, не оставив следа. Когда-нибудь, возможно, найдут его могильник замшелый, и он скелетом в лохмотьях снова пропустит сквозь туман небытия. При жизни он защищал всех до кого дотягивалась его рука, и мы уверены, что он прошел свой долгий путь несломленный ни врагами, ни собственной подлостью и трусостью. Вместе с ним сгинули многие и растворились в зеленых горах. Возможно, потомки Кассия и Веналы живут рядом с нами, и давно позабыли кто они и откуда. Кто знает?! Одно лишь доподлинно известно – Флавий Арриан стал проконсулом и возвысился еще более, а те безвестные, что сдержали сарматов на Понте, их след простыл.

Они так и остались безвестными, кроме тех, кого по-
чтил упомянуть философ Ариан.

Еще однажды некий Сукесиан, тоже небезызвестный
римлянин, блеснул сталью и отогнал герулов-германцев
от врат Питиунта, спустя двести тридцать лет. Но это
рассказ о другом человеке. После его отзыва готы на ла-
дьях приплывают и овладевают Питиунтом, а чуть позже
они и до Рима доходят. Все, как и предрекал просвещен-
ный Флавий. Но это уже другая история...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие. *O. Бгажба*.....**3**

Рецензия. *Г. Сангулия*.....**7**

Гостеприимное море. *Роман*.....**11**

АСТАМУР ВЛАДИМИРОВИЧ КАКАЛИА

ГОСТЕПРИИМНОЕ МОРЕ

Исторический роман

Редактор *Б. Нафмана*

Корректор *С. Аргун*

Компьютерная верстка *Л. Малхасян*

Формат 84x108/32.

Усл. печ. л. 32.

Заказ №